

— ВЛХ. БОГУМИЛ —

МАГИЯ МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ • ВЛХ. БОГУМИЛ

• МАГИЯ, • МЕРТВОЙ. ГОЛОВЫ •

Влх. Богумил

МАГИЯ МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ

Издательство «ВЕЛИГОР»
Москва 2011

УДК 1/14
ББК 87.3
Б 28

Влх. Богумил

Б 28 Магия мертвой головы. М. ООО «Издательство Велигор» – 632 с.,
2011 г.

Перед вами в некотором роде магическое эссе или, если угодно, волховская книга. По идее, она должна приоткрыть завесу тайны над заявленным предметом, послужить источником знаний для ищущего. Эту задачу книга, на мой взгляд, вполне выполняет. Исследование, обучающее автора и читателя — такова задумка. Но быть источником и учить — это не всегда одно и то же. Надеюсь, найдутся и те, кто смогут извлечь из данной работы и эту вторую пользу.

ООО "Издательство Велигор"
г. Москва, м. Партизанская, Окружной проезд, д. 12,
подъезд 1, домофон 20.

тел: (499) 166-98-30, 8(985) 784-08-16
E-mail: veligor97@gmail.com

Интернет-магазин - WWW.VELIGOR.RU

Подписано в печать 01.11.2010 г. Формат 60х90/16.
Усл. печ. 39,5 п.л. Бумага офсетная. Тираж 600 экз. Заказ № 1077.

Отпечатано с электронного файла издательства
в ОАО «Областная типография «Печатный двор»
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

ISBN 978-5-91742-060-8

- © ООО «Издательство Велигор», 2011
- © ООО «Издательство Велигор» - оформление книги, 2011
- © Влх. Богумил (Гасанов Б.А.) - полные права, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	8
Часть I	
Мифы мертвой головы (Теория).....	14
1. Исходник.....	15
2. Символика (1).....	37
3. Символика (2).....	84
4. Мифы мертвой головы (1): Небесный хоровод.....	100
5. Мифы мертвой головы (2): Разнотравье.....	112
6. Мифы мертвой головы (3): Мертвящий взгляд.....	131
7. Святыня (1): Почитаемая голова.....	168
8. Святыня (2): Вещая голова.....	248
9. Святыня (3): Даритель.....	288
Часть II	
Магия мертвой головы (Практика)	313
1. Чужое лицо.....	314
2. Обережная магия.....	345
3. Строительная магия.....	367
4. Военная магия (1).....	403
5. Военная магия (2).....	478
6. Волшебная чаша.....	507
7. Волшба (1).....	544
8. Волшба (2).....	572
Экскурс I. Череп в руках Бога.....	594
Экскурс II. Отголоски космогонического мифа.....	608
Экскурс III. Кефалофоры.....	615
Экскурс IV. Ритуал «Чод».....	623
Использованная литература.....	626

Автор выражает крайнюю признательность своим друзьям и знакомым, по мере своих сил пособившим в этом исследовании — кто советом, кто материалом, кто спором: влх. Велеславу («Родолюбие», Москва), Светлояру (А. Сельницын, Москва), Озару Ворону (Л. Прозоров, Самара), Игволоду (Антон Платов, «Дом Ясеня», Москва), Константину Рахно (Полтава, Украина), Svjatoslavu (Jiří Mačuda, Зноймо, Чехия), Йонасу Тринкунасу (Jonas Trinkūnas, Вильнюс, Литва), Иггельду (Д. Гаврилов, КЯТ, Москва), Зайцу (А. Саблин, Москва). Отдельная и многая благодарность — Раките (В. Бондаренко, Рязань), за самоотверженную правку этой книги.

Влх. Богумил

ОБ АВТОРЕ

Волхв Богумил, 1974 г.р. Уроженец г. Обнинска Калужской обл. В поисках личной Правы отверг для себя «мировые религии», как скопление обмана и предрассудков, предавшись изучению зороастризма и бурятского шаманизма (с 1991). Пришел в родноверие в 1993 г., проведя с группой единомышленников обряд поминовения предков «Осенние Деды». Годом позже обрел своего духовного учителя в лице нижегородского волхва Р. (Рыбин А.Н.), Один из основателей Обнинской Родноверческой Общины «ТРИГЛАВ» (1993) и ССО СРВ (1997). С 2000 г. — в Содружестве Общин Славянской Родной Веры «Велесов Круг».

Автор книг:

Мир Славянских Богов. (совместно с *В. Казаковым*). Калуга, 1997.

Славления родных Богов. Обнинск, 2003.

«Велесова книга»: Боги предки. Обнинск, 2004 (переиздание совместно с *влх. Велеславом*. М.: ИОИ, 2006).

Скоморошье слово. Современная родноверческая потеха. Обнинск, 2004.

Малый Велесов сонник. Обнинск, 2005 (переиздание совместно с *влх. Велеславом*. М.: ИОИ, 2005).

Тропа Трояна. Обнинск, 2005.

Основы современного колядования. Обнинск, 2005.

Фольклор «Приобнинского Края» (В записях 2000 — 2002 гг.). Обнинск, 2006.

Книга оберегов. Обнинск, 2006 (переиздание: М.: Велигор, 2009).

Побрежушки. Книга Первая (в 2 частях). Обнинск, 2006.

Побрежушки. Книга Вторая. Обнинск, 2007.

Книга волховских толкований. (совместно с *влх. Велеславом*). Обнинск, 2007.

Велесова ворожба. Обнинск, 2007 (переиздание: М.: Велигор, 2009).

Каменные святыни Древних Богов. Обнинск, 2008.

Книга проклятий. Обнинск, 2008.

Навье посвящение. Обнинск, 2008.

Велеслав и все, все, все... Обнинск, 2009.

Волшба Нави. Темные искусства славян. М.: Велигор, 2009.

Магические книги Руси. М.: Велигор, 2010.

Кровавые жертвоприношения у славян: Разоблачение мифа. М.: Велигор (в печати).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пару слов в начале сказать надо, этого не избежать. Перед вами в некотором роде магическое эссе, или, если угодно, волховская книга. По идее, она должна приоткрыть завесу тайны над заявленным предметом, послужить источником знаний для ищущего. Эту задачу книга, на мой взгляд, вполне выполняет. Исследование, обучающее автора и читателя — такова задумка. Но быть источником и учить — это не всегда одно и то же. Надеюсь, найдутся и те, кто смогут извлечь из данной работы и эту вторую пользу.

Тема книги, быть может, покажется несколько необычной, пугающе необычной. И в самом деле — мертвая голова! Такое название вполне может напугать иного читателя. Есть от чего напугаться. Мертвая голова... На ум приходит какой-нибудь тевтонский орден, череп и кости, «не влезай — убьет», тотен копф, пиратский флаг и прочие неприятности. Однако погодите паниковать и троекратно сплевывать.

Да, мертвая голова — это череп. Но не только. Ее вариантов оказывается великое множество. Это и просто отделенная от тела человеческая голова, не обязательно голая кость. И не обязательно человеческая — голова может быть и животного, и птицы, и пресмыкающегося. Кажется, даже голова растения... А как вам имитация мертвой головы, натуралистичная или весьма экстравагантная — гипсовый бюст, деревянная или кожаная маска, изготовленное из тряпья чучело-набивка или выпеченная из теста «копия»? Это может быть и не предмет вовсе, а его изображение, в максимально реалистичном виде или небрежно схематичное. Все это остается одним и тем же магическим артефактом — средоточием силы. Мертвой головой. Мы еще обсудим этот момент подробнее. Максимально подробно, я бы сказал. Сейчас же, пусть и преждевременно, скажу главное. **Не взирайте на разницу в ее воплощениях, постарайтесь узреть стоящее за ней нечто.** Тот образ, что заставлял человечество на всем продолжении его существования вновь и вновь прибегать к нему, к его магии. К темной магии? Не думаю. Волшба мертвой головы куда более многогранна, чем односторонние изыски в том или ином направлении. Уж в этом — поверьте.

Выводы, которые по ходу книги будут сделаны, я предлагаю рассматривать исключительно как авторский взгляд на вещи, взгляд,

ни в коей мере не претендующий на полноту понимания — ведь должно что-то остаться и на долю читателя. Магия, она лишь тогда на самом деле становится ею, когда теория переходит в практику. Банальность, разумеется. Но это именно так. Мне приходилось при написании данной работы обращаться к собственному опыту, и, опираясь на него, я сам для себя делал выводы об истинности или ошибочности тех или иных идей, связанных с магией мертвой головы. Однако же эти выводы в более широкой перспективе нужно считать лишь предварительными, всего лишь примерными толкованиями. Пусть каждый сам сделает свои истинные выводы, дело автора — указать направление поиска.

Тема книги довольно сложна, и в первую очередь из-за предрассудков, которыми мы привыкли окутывать человеческие останки вообще. Посудите сами, каков парадокс! Стоит живому человеку, еще недавно нами любимому, близкому, умереть, и он превращается в неодушевленный предмет, внушающий нам некую боязнь, если не сказать неприятие, отторжение. При взгляде на усопшего в нас словно оживает древний ужас, побуждающий держаться подальше от источника потенциального вреда, мы не в силах подолгу смотреть на него, касаться его. Точнее, это возможно, но только если человек находится в возбужденном или подавленном состоянии, которое возникает в случае сильного горя из-за утраты. Или же придется совершать над собой волевое усилие. Аффект в этом плане снижает уровень отторжения. Не вполне понимая, что происходит, можно преодолеть инстинкт, который велит нам избегать мертвеца. Почему избегать? Скорее всего, из-за боязни смерти, той незримой высшей силы, что отнимает жизнь у любого человека, невзирая на ранги. Мы чураемся флюидов неживого, исходящих от тела покойного, это в нас подсознательное, мы словно боимся заразиться бациллами смерти.

Ну а сознательно мы окружаем подобные вещи предрассудками, зачастую еще и возводя их в статус закона. В старицу не было ничего необычного в том, что части тела мертвеца активно использовались, если можно так сказать, в повседневном быту. Для этого их, разумеется, надо было раздобыть, отделить от тела покойника. Глаз мертвеца носили, чтобы стать невидимым. Под подушку подкладывали зуб умершего — от бессонницы и от запоя. Как оберег от зубной боли носили при себе зуб покойника (Белоруссия). Палец казненного преступника, как считалось, приносит счастье. Его

помещали в конюшни для пользы лошадей, корчмари держали такую безделушку в бочке со спиртом — чтобы дело процветало и было много покупателей. Желавший стать колдуном должен был отрезать палец от левой ноги умершей женщины, бывшей замужем. Рука мертвеца защищала от пули; воры использовали ее (знаменитая «рука славы») для того, чтобы усыпить обитателей дома, «обводя» ею дом¹. Разумеется, всё это были дела отчасти предосудительные, но такого плана, что все о том знают, вслух не одобряют, а при случае и сами не откажутся... Даже в средние века части человеческих тел добывали тайком, а сейчас подобные вещи и вовсе считаются подсудными, попадая под статью 244 УК РФ («надругательство над телами умерших...»). Так меняется мораль, так суеверная и иррациональная боязнь становится нормой жизни, уголовным законом. С другой стороны, в школах на уроках анатомии считается вполне уместным демонстрировать человеческий скелет, никто не думает, что в этом есть что-то ненормальное или непристойное. Обычное дело, подумаешь, останки. А вот в том же средневековье подобная вещица была частью обстановки жилища чернокожника, и за ее обладание вполне можно было угодить на костер... Тоже УК, местный...

Впрочем, мы отвлеклись. Итак, мертвое — табу, узаконенное табу. Череп же... А вот череп держать дома, как оказывается, вполне возможно. Это будет разве что свидетельствовать лишь о некоторой вашей экстравагантности, да еще, быть может, вызывать неприятие домашних. Добывать его — противозаконно; продавать, покупать, хранить, демонстрировать — нет. Еще один парадокс. Отделенной от тела голове всегда, во все века человеческой истории оказывалось немалое внимание, это мы увидим в дальнейшем. Безразличие к предмету нашего разговора могло появиться лишь тогда, когда таких голов было слишком много, — например, в пору военных безумств. Ну да что говорить, это и понятно: тогда не до мертвых голов, живые бы сохранить... В любое другое время мертвой голове воздают почести, делают ее символом, наделяют смыслами, силами, окружают мифами, отображают в искусстве, воспевают в поэзии, вводят в магическую атрибутику. Одним словом применяют, применяют и применяют. И рад бы сказать, что дело здесь в обычной практичности

¹ «Вор, желающий чтобы сверхъестественная сила помогла ему, отрубает у мертвого руку и всегда берет ее с собою, когда идет на свой промысел ночью» (Харламов. С. 16).

древнего человека, у которого в хозяйстве ничего не пропадало, но наоборот, находило себе какое-либо применение. Однако же это было бы едва лишь поверхностной причиной. Подлинная причина в чем-то другом. Ведь, с одной стороны, мы имеем боязнь и неприятие мертвого, чуждое этому символу смерти; с другой — его активнейшее использование. Никому неохота держать дома на столе полуобглоданный коровий череп. Однако же носить на шее серебряный кулон в виде буйволиного черепа при этом можно, можно надеть футболку с изображением человеческих черепов, можно пройти по Петербургу и подивиться огромному количеству рогатых мертвых голов на фронтонах вполне себе уважаемых домов (орнамент называется «букраний»). Это не настоящие черепа? Разумеется. Но идея их использования восходит как раз к настоящим мертвым головам. К тому же, это сейчас они не настоящие, а ведь еще не столь давно дома и хлева наши же деды и прадеды украшали такими головами как оберегом. То есть — и не принимаем, и принимаем одновременно. Хоть и отталкивает, но притягивает. Загадка? И отгадка, увы, не кроется в ответах наподобие «запретный плод сладок», «противоположности притягиваются» и т.д.

Я полагаю, что дело здесь в совершенной уникальности и таинственности черепа. Природа изваяла единственную в своем роде кость, совершенно не такую, как прочие. Очень сложную² и вычурную в исполнении. Глупо было бы свести этот ответ к эстетике. Эстетика всегда вторична по отношению к рациональному подходу. Искусство вырастает из магии, кулинарные или строительные изыски — из обычной готовки и возведения простейших шалашей. Поэтому нужно поискать ответ еще глубже, в том архаичном илистом болоте, что залегает на дне души любого из нас. Череп притягивает взор. Отталкивает и притягивает. Не заставляет любоваться, дивиться странности костных дуг и изгибов, выискивать что-то необычное, но просто смотреть, словно в поисках некоего ответа на незаданный вопрос, порой — подумать о вечном, о беге времени и бренности сущего. Ведь вот эта кость, если мы говорим о голове человека,

² Анатомически череп представляет собой целую мозаику из 15 частей (лицевой отдел: верхняя челюсть, небная кость, нижняя носовая раковина, сошник, носовая кость, слезная кость, скуловая кость, нижняя челюсть (подвижное соединение), подъязычная кость; мозговой отдел: лобная кость, клиновидная кость, затылочная кость, теменная кость, решетчатая кость, височная кость), плюс нижняя челюсть и 32 зуба.

некогда была хранилищем знаний, это была голова, думающая, мыслящая, принимающая, быть может, важнейшие решения для судеб мира, мечтавшая, любившая, творившая... Не знаю даже, стоит ли так о голой и пустой кости, о сухой черепушке, лежащей за витринным стеклом в музее... О том таинственном символе, который прослеживается во всех обозримых веках. О предмете, который, будучи всего лишь прихотью эволюции, стал неотъемлемой частью культуры в тех или иных своих воплощениях. О погремушке матушки природы, которая оказалась вдруг еще и сильнейшим магическим атрибутом. Эта вещь — мыслила! Вот что значимо. Она была хранилищем тайн. И ею осталась?

Стало ли яснее от такого ответа? Если да, то дальнейшее уточнение должно лишь усилить эффект понимания. А коли нет, то пусть эти слова еще более запутают не понявшего.

Тайна? Парадоксальная суть мертвой головы состоит в том, что она не таит в себе никаких тайн как артефакт, здесь все на ладони. Голо снаружи, пусто внутри. Она дает ответ напрямки, недаром ведь чаще всего она — лишенная покровов кость. Голая, сухая, непротиворечивая. Ей нечего скрывать, и незачем, она уже отбыла свое. Что ж, посмотрим в пустые глазницы, и дадим им взглянуть в наши глаза?..

To be or not to be? — that is the question.
Лучший из принцев Датских...

ЧАСТЬ I

**МИФЫ МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ
(ТЕОРИЯ)**

Глава I

ИСХОДНИК

*И плыл в Карибском море под его командой бриг
под чёрным гробовым флагом с адамовой головой.*
(М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Мы уже несколько раз сказали «мертвая голова». Но правомочно ли использовать такой термин, когда речь идет о славянской традиции? Быть может, перед нами перевод немецкого Totenkopf или латинского sarut mortuum, каковые названия имеют более широкое хождение в мировой культуре? Характерно ли такое название для русского обычая? В.И. Даль в своем словаре давал такую формулировку: «*Адамова голова, мертвая голова, т. е. человеческий череп*». Впрочем, можно сказать, что это ученый подход, а было ли такое в народе? Что ж, можно сыскать и народный пример. В Каргополье известен порог «Мертвая Голова» — «*Народу тонуло много*» (Березович, С. 74). Так что было в ходу, было.

Что именно под этим сочетанием слов подразумевается? Несмотря на кажущуюся очевидность ответа, этому вопросу необходимо уделить время, и немалое. По умолчанию в разговоре мы в первую очередь подразумеваем человеческую голову; головы животных и прочие — вторичны и вводятся в текст с определенными оговорками.

Можно говорить о двух типах мертвой головы: 1) собственно голова, отделенная (отрубленная) от тела; 2) череп.

Голова, отделенная от тела, безусловно, мертва. Но это если говорить о реальной голове. А как насчет изображения? Тело далеко не всегда помещается в имеющемся объеме (например, монеты или медали), или не должно изображаться по замыслу ваятеля, ну или, наконец, дается настолько намеком, что можно с ним не считаться, полагая, что его и вовсе нет. Ведь это тоже, получается, мертвая голова, раз тела не наблюдаемо. Я уже молчу о таких бесспорно мертвых головах, как погребальные лицевые урны и посмертные гипсовые или восковые маски, что снимают с известных при жизни покойников. Данное соображение будет тем более уместно, если иметь в виду, что изображения на монетах, античные бюсты, картины — это лики умерших уже людей (к нашему времени — это

совершенно точно). Вывод может показаться необоснованным, натянутым. Что ж, я предупреждал, что авторский взгляд небесспорен. Для меня же сказанное подтверждает собственная практика. Надеюсь, проведенное исследование убедит в чем-то таком и читающего сию книгу...

Далее. Отрубленная голова недолго сможет пробыть именно головой, со всеми причитающимися частями, если ее не хранить нарочито. Погода, хищные птицы и паразиты сделают свое дело, лишив ее как содержимого, так и внешних покровов. Останется только голый череп, которому уже не страшны такие воздействия. Голова без тела обнаружит свою истинную суть — кость, подобно тому как в спелом плоде его твердой основой является косточка. Так что мы можем со всей уверенностью утверждать: именно череп первичен, именно он есть то главное, что лежит в фундаменте исследуемой нами магии. Череп — мертвая голова, ибо мертвое уже и быть не может, все процессы, даже истребителей плоти, здесь остановлены. Любопытно, но факт — существует все же не так много изображений отрубленной головы, безоговорочное преимущество у черепа. Мало кому из людей искусства пришло в голову (простите за каламбур) увековечить отделенную от тела голову, вот-вот начинающуюся разлагаться. Исключения — головы, имеющие мифические корни. Голова Иоанна, голова Горгоны, демона Рактевиры, головой которого размахивает Кали... Впрочем, это даже не исключения, а совершенно иные случаи, в силу мифичности события включенные в религиозный изобразительный канон. Голова Иоанна чудотворна, она не подвержена гниению, согласно логике своего мифа. Голова Горгоны и вовсе живет после отделения ее от тела. Демон в руке Кали показан для утверждения Ее триумфа.

А вот эстетике самого обычного человеческого черепа воздали должное многие и многие мастера кисти, резца и мастерка. Интерес, как ни крути, именно в том, что скрывает отрубленная голова. Schädel, skull, sganium, череп. Он подобен жемчужине в грубой раковине, и сколь бы ни показалось противоестественным такое сравнение, оно до известной меры традиционно. Ср. пример из словаря В.И. Даля, относящийся к раковине моллюска: «*Чрепие, в них же роятся бисеры (жемчуг)*».

Доминанту черепа мы видим и в таком важном источнике наших сведений, как отечественный фольклор. В былинах новгородский богатырь Василий Буслаев едет в святые горы, где натывается на

мертвую богатырскую голову, с которой у него завязывается небольшой разговор, предрекий его будущее:

Увидел же Василька — лежит голова человеческа...

*Нашел Василей только сухую кость,
Суху голову, кось человеческу.*

(Былины 2, № 243, 244)

*Ф полгоры лёжыт голова да богатырская,
Ф толцину голова да как пивной котёл.*

(Григорьев, № 378)

Так и видится огромная голова в шишаке, наподобие той, что повстречал пушкинский Руслан. Однако же другие тексты, более ранней фиксации, содержат немаловажное уточнение:

*Будет Василей в полугоре,
Тут лежит **пуста голова**,
Пуста голова — человекья кость.*

*Где лежит **пуста голова**,
Там Василья схоронили.*

(КД, С. 93, 97)

*Как приходит молодой Василий сын Буславьевич,
Лежит—то тут уж как ведь на чистом поли
Пустая голова чловическая.*

(НБ, № 5)

Пустой может быть только черепная коробка, но никак не просто отрубленная голова. Обращает внимание также характерное именование ее — «сухая кость» (Былины 2, № 244), «кость сухоялова» (НБ, № 7). Или просто «кость»:

*Увидел Васильюшка Буславьевич
Лежащую кость богатырскую...*

(НБ, № 20)

В русской песне оскорбленная девица грозит своему неверному возлюбленному жуткой расправой:

*Из рук, из ног кроватушку смоцу,
Из буйной галавы чашу вытачу,
Из ясных твоих очей чару вызалачу.*

(Киреевский, С. 28)

Опять же, выточить что-либо можно исключительно из черепной кости, но никак не из отделенной от тела головы.

Традиционный сказочный сюжет — герой перемещается на Тот Свет, где обнаруживает жилище своего демонического противника (Яги, Кощея, Змея, Кривого Ерахты). Оно выглядит нарочито угрожающим, загодя предупреждая тех, кто осмелится тревожить покой хозяина, об ожидающий неосторожного участи: *«Дом Кощея обнесен тыном, на каждой тынинке по человечесьей голове»* (Вологод, № 11), *«Коло тої хижки побачив настромлені на кілках людські голови. Порахував: дев'яносто дев'ять!»*³ (КОС, С. 122), *«напоследок пришли к тому королевству, вокруг которого стояли тычинки, как бы все королевство обнесено было палисадом, и на каждой тычинке воткнуто было по богатырской головушке»* (Погудка, № 29), *«Кругом этого царства, где живет невеста, частокол обнесен, кругом всего государства ейного. И на каждом колышке по царской головушке»* (Пудож, № 3). Везде, вроде бы, речь идет именно о головах. Но долго ли на открытом воздухе провисели бы эти головы, сохраняя свой первоначальный облик? Очевидно, что не очень. Герой видит черепа, а не головы. Это можно подтвердить и другими примерами: *«Дом этот огорожен частоколом, плетнем, и на каждом колу человеческий череп висит»* (Арзамас 1, № 211). Лучше всего данная деталь оформления «инфернального дворца» читается в сказке про Василису Премудрую, которую многие поколения отечественных ученых трактуют как крайне архаичный текст. И это единственный пример вообще, когда мертвые украшения изгороди жилища демона вообще хоть как-то используются. *«Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы: забор вокруг избы из человечесьих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами /.../. Но темнота продолжалась*

³ Или даже *«999 голів»*, каждая из которых торчит на *«залізному стовпі»*, вокруг дворца Яги (Воля, С. 48)

недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. /.../ Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей /.../. Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. «Верно, дома, — думает себе, — уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа: «Не бросай меня, неси к мачехе!» Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. /.../ Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! /.../ Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца» (Аф, № 104). Искомое слово повторено множество раз, так что сомнений не остается: не головы, но черепа.

Стоит отметить и то, что в народе голову запросто называют черепом, отмечая важность прежде всего остова. В сказке-небылице мужичок рассказывает, как ему довелось утолить жажду при отсутствии тары: «Захотелось мне напиться; влез я в озеро по самую глотку, а почерпнуть воды нечем; вот я снял с головы череп да тем и напился», «Вздумалось тогда мне напиться; пришел я к морю, снял череп, зачерпнул воды и напился» (Аф, № 422, 427); «зыхател напитокца; и с сваей гылавы сняў чиряпок, напился, палажил чиряпок на гылаву» (Добровольский, С. 468). Это же значение у слова «череп» фиксируют и словари: «Лысый, голый череп — о лысой голове» (Ожегов), «По черепу (ударить, хватить; вульг.) — по голове, по затылку. Хватъ его по черепу» (Ушаков); по фене черепушка — «голова»⁴.

А теперь — главное.

Сказав об изображениях мертвой/отрубленной головы и изображениях, которые можно так трактовать, мы вплотную подступились к основе основ магии мертвой головы — к закону подобия. Их не так-то и много, этих законов, всего двенадцать. Закон подобия гениален и прост: «**Что на что похоже, то тем и является**» (или замысловатей: «Подобное подобно подобному»). Не в прямом,

⁴ <http://a-zona.narod.ru/4.html>

разумеется, смысле, а исключительно в переносном. Одно неким образом может заменить/подменить собой другое, и только-то.

Закон подобия имеет сотни, если не тысячи, проявлений, с некоторыми из них мы постоянно встречаемся в повседневном быту. Если человек внешне похож на быка, мы предполагаем его, так скажем, некоторую ограниченную умственную деятельность (а физиогномика это и вовсе трактует совершенно однозначно⁵). Пешеходный переход мы именуем «зеброй». Песня утверждает, что «черная роза — эмблема печали» (да-да, символизм тоже имеет свои корни в этом законе). Идя на экзамен за положительной отметкой, иной студизус до сих пор кладет под пятку пятак (пять рублей)⁶. Про куклы Вуду я уж и не говорю⁷. Все примеры различны, но в основе их лежит замена, так или иначе обусловленная подобием. Закон подобия универсален, но и свои пределы он тоже имеет: глобус — хоть и модель земного шара, но воздействие на него не приведет в

⁵ Пару примеров из ходивших на Руси трактатов такого рода: *«Аще очи прямиа, как быковы, — сей не может людей слушати. Аще ли очи подобны очам скотинным, аки мокнут, да мало в них двизания, сей есть глуп и дурнаго прирожения и грубай»* (Собрание нужнейших статей на всяку потребу, и как о чем, и тыя в всей какое по ряду стоят. Публикация Е.Б. Смилянской // Отреченное чтение в России XVII-XVIII веков. — М.: Индрик, 2002, С. 346); *«Глаза весьма большия, будто воловьи — значат проста, нескорога рассуждения, худой памяти и многостлива»* (Хиромантия (публикация памятника XVIII века из фондов Объединения «Государственный Исторический Музей»). — М.: СП «Вся Москва», 1990, глава 5).

⁶ *«Счастливыи пятакоч под (левуу) пятку (можно положить) — к счастью (на удачу)»* (Белецкая Е.М. Приметы в студенческой среде // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12. М., 2009, С. 210).

⁷ Этот способ использовался и в славянской черной магии. Вот так описан ритуал изготовления глиняного подобия человека в магической рукописи севернорусского колдуна: *«зделать у воды человека в его имя з глины (глины, — Б. М.), нести в сокровенно место ... да стреляти тридевятью стрел(ы) в брюхо»* (Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. — М.: Индрик, 1994. с. 124). Текст былички рассказывает о смерти парня, который перед смертью успел указать, где, как он думает, зарыта на него порча: *«Они /.../ столб-то выкопали, там кукла. К этой кукле — его была рубашка, который умер-то — воротник был пришитый и брюки каки были — ошкур пришитый, и волосы его были»* (Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Сост. В.П. Зиновьев. — Новосибирск: Наука, 1987, № 138).

ужасающим последствием в одном из государств Северной Америки. А вот заменить голову капустой — нет проблемы, тем паче и этимология имени последнего тому не препятствует.

Для чего этот закон нужен в магии? В магический ритуал намеренно вводятся усложняющие детали, представляющие собой, так сказать, «защиту (первой степени) от дурака».

Средневековые европейские надгробья.

Наивный искатель могущества, прочитав текст, где говорится: «Возьми унцию желчи льва и изобрази ею на золотой пластине пантакль Соломона в час соединения Юпитера и Марса в созвездии Весов...», попробует выполнить это буквально. Будет искать эту самую желчь, выяснит, чему равна унция, разорится на пластину, станет долго и отчаянно ждать упомянутого соединения, которое, может, и бывает лишь раз в году... Чего-то он не доглядит, что-то где-то упустит, и в результате получится один пшик. Из-за невыполнимого условия или несоблюдения всех предписанных нюансов титаническая работа пойдет насмарку. Таков удел глупости и невнимательности. Закон подобия позволяет магу, мыслящему рационально и творчески, обойти эти препятствия, подобрав дешевые и практичные замены всему тому, что надлежит учесть для обряда. Эта же идея питает и алхимические трактаты, которые за горами

словесного мусора (весьма поэтического при этом, что есть, то есть) прячут описания вполне конкретных химических веществ и реакций.

Кстати, раз уж затронули этот вопрос, позволю себе маленькое дополнение — так сказать, дам добрый совет. Не нужно кропотливо сводить многотомную таблицу соответствий всего на свете. На всю жизнь всё одно не напасешься. Учебники магии ими изукрашены, как дурак на масленице разноцветными ленточками. Все это опять же защита от. А на деле всего-то нужно немного подумать, взглянуть на вопрос с разных сторон, да и смекнуть, в чем тут соль. Уловить то, что позволяет провести подобие. Золото — желтый металл, значит, и латунь вполне подойдет. Изумруд? А кусок бутылочного стекла зеленого цвета не хотите? Подобие наблюдается? Вот и ладно!

Но вернемся к теме. Именно поэтому, основываясь на законе подобия, к отрубленным головам и относимы не только такие вещи, что с головами связаны, — маски (обрядовые, магические, воинские), изображения на монетах, бюсты, — но и никак к ним не относящиеся: горшки, тыквы, растения. Они не просто могут заменить и заменяют настоящую мертвую голову, но более того — привносят в магию мертвой головы свои нюансы, связанные с возможностью использования только такого, и никакого другого, заменителя этой самой мертвой головы. Все подобия между собой совершенно не схожи, но на выходе они дают один и тот же результат — заменяют собой то, на что похожи, чем их называют, с чем их сравнивают, какой символикой наделяют⁸. В предисловии уже был дан совет,

⁸ Но. Подобия мертвой головы имеют свое магическое применение (а иначе с чего нам вообще о них говорить), и многие, по сути, развились в этом направлении так, что можно их считать уже чем-то отдельным, самостоятельным разделом в низшей магии, опирающимся не на образ мертвой головы, а на сам предмет как таковой, на его вещную сущность. К примеру, на монете есть изображение отделенной от тела головы, но этот факт никак не связан с применением монеты для привлечения богатства: в Калужской губ. невесте *«кладут под пятку серебряные или медные монеты для того, чтобы невеста не знала нужды и бедности замужем»* (ФКГ, С. 148). То же и с посудой: *«В первый день говенья на седьмой ветке ветлы вешали кринку с молоком, каждую неделю спускали ее на один сучок, когда говенье кончилось, кринку разбивали»* (Новые поступления, № 297). Или растительными головами: *«Не чисть мене до живого, то збавлю тебе од усього злого» — забабон, з котрого часник треба носити у кишені укуні з грішми»* (Бандурка, С. 270). Одним словом, различить, какой из магических

раскрывающий тайную тайных магии мертвой головы: несмотря на разницу в «воплощениях» мертвой головы, все они суть одно; нужно обязательно суметь уловить то, что их единит, узреть стоящее за образами нечто, то, что делает их мертвыми головами, даже если это просто неумелый детский рисунок мелом на асфальте.

Подобие же, по которому разнообразные предметы вытягиваются законом до уровня магических артефактов, равных мертвой голове, выглядит проще простого. Все они в известной мере округлы и не живы (это же касается и растений, т.к. их применяют либо просто сорвав=умертив, либо высушив). Т.е. при некотором желании вполне могут сойти за череп.

Давайте рассмотрим это предметно.

1. Травы

К примеру, «Адамовой головой» «чаще называются травы, имеющие какие-нибудь шарообразные элементы (соцветия, плоды и т.п.) либо использующиеся в народной медицине в качестве средства «от головы»: «высока, тоненька, две-три головки беленьки у ней, адамова голова от больной головы помогает, вон, гляди, по угору шарики голубые, колючие» (Родионова, С. 38). Лечение головы — позднейшая мотивация, точно так же по причине распространения конкретного образа отрубленной головы (у которой, разумеется, уже ничего не болит) и Иоанна Предтечу стали считать целителем от головной боли (Юдин, С. 75). Этот же момент отмечает и А.В. Часовникова: синеголовник — «Корень у этого растения ничем не примечательный — толстый, вальковый, одревесневший. Зато соцветие может быть нам интересно. На жестком и сухом стебле с колючими листьями располагается округлая головка соцветия с шиловидными колючками. Цветочки столь мелки и невзрачны, что и незаметны в соцветии. Сама же цветочная головка производит впечатление словно неживой — сухой и мертвой. /.../ У мордовника тоже головчатое соцветие на словно бы высохшем стебле; хот оно и покрыто мелкими беловатым цветочками, все равно производит впечатление сухой, неживой — «мертвой головки». Для визуального образа тех адамовых голов, где в ее качестве мыслится цветок, определяющим является шарообразность, головчатость соцветия

образов — мертвой головы или чего-либо еще — был задействован в подобных случаях, удастся далеко не всегда.

или особое строение цветка» (Часовникова, С. 98)⁹. Еще более живописно изложена тема подобия у этого же автора дальше: *«В этом отношении самым удивительным представляется адамова голова — венерин башмачок, ибо в облике растения можно увидеть характерный образ Адамовой головы. Из всех видов венерина башмачка, народная мысль называет адамовой головой только башмачок настоящий и башмачок пятнистый. /.../ На фоне крестнакрест расположенных темно-бурых и слегка скрученных листочков околоцветника выделяется желтая и гладкая, словно кость, вздутая губа /.../ в конфигурации цветка можно усмотреть и Адамову голову в ее традиционном понимании»* (Часовникова, С. 101).

Название растения «Адамова голова», сколь бы замысловатым ни было его происхождение (здесь отразилась и символика, и миф), вне всякого сомнения обозначает именно ее — мертвую голову, череп. Тело не имеет значения. А вот трава «чертова головка» (гравилат речной, *Geum rivale*) так однозначно трактоваться не может. Ее название, скорее всего, связано с тем, что вершина или соцветия растения напоминают упомянутую голову (рогатую?), т.е. тело в принципе не изображается и не отмечается «в комплекте», однако и не откинуто совершенно. Но. Если этот определяющий признак в виде соцветия или верха сорвать (уже наверняка отделив его от «тела»), то мы получим искомую мертвую голову. Ряд можно продолжить, не придираясь особо к частностям оформления названий «отделенноголовых» растений: «львиный зев» (льнянка обыкновенная, *Linaria vulgaris*), «змееголовник» (*Dracosephalum*), «ежева морда» (синяк обыкновенный, *Echium vulgare*), «черноголовник» (кровохлебка лекарственная, *Sanguisorba officinalis*), «Иванова голова» (мордовник

⁹ При этом совершенно необъяснима присутствующая в том же тексте попытка исследовательницы искать причину названия растения в его корне: *«можно предположить, что особо означенными и поименованными «адамовой головой» (адамовой бородой)» в большинстве этих растений преимущественно являлись корни»* (Часовникова, С. 91). Ибо чуть дальше исследовательница проговаривается, что из всех отечественных «Адамовых голов» мандрагора в этом плане соответствует разве что окопник, у которого только и наличествует *«толстый, мясистый корень (есть что положить на алтарь)»* (Часовникова, С. 98), а дальше и вовсе выясняется, что растения с мандрагоро-человекообразными корнями на Руси хоть были известны, но ни одно из них с тематикой «Адамовой (мертвой) головы» не связывались. Так что мнение не состоялось.

шароголовый, *Echinops Spharocephalus*), «Иван головастый» (чищец болотный, *Stachys palustris*), «Иван безголовый» (вероника лекарственная, *Veronica officinalis*) и т.д. «Зверинные головы» растений разбирать не будем, их роль в магии мертвой головы хоть и равна человеческим, но мифология и символизм разработаны слабее, в этом они вторичны по отношению к *cranium hominum*. А по прочим растениям... Черная голова — как параллель, поясняющая магическую составляющую, мертвая почерневшая голова. Иванова голова, Иван головастый — миф о голове Иоанна Крестителя. Иван безголовый — тот же миф в симбиозе с легендой о Меркурии Смоленском. Так что, хоть и травы, но в то же время это и магические мертвые головы, головы без тел, согласно лежащим в основе именования мифам. Об этом поговорим в главе «Разнотравье» (Ч. I, гл. 5).

Пикассо. «Череп, чернильница и молоток» (1908)

Традиция называть растения «по подобию» продолжается от древности по настоящее время, чего не избежали, разумеется, и «отрезанноголовые» растения. Ботаник Салисбери, описывая в 1806 г. растение *Euryale ferox* Salisb, сравнил его с головой Медузы Горгоны и дал ему имя из мифологии (Эвриала), с прибавлением видового эпитета *ferox*, что значит устрашающая. Для растения *Digitostigma caput-medusae* Velazco et Nevarez эпитет «*caput-medusae*» («голова Медузы» [горгоны]) был выбран по причине сходства надземной части растения, особенно экземпляров с многочисленными бугорками, опять же с головой Медузы.

2. Садово-огородные культуры

В сфере земледелия магия подобия мертвой головы всего лучше отразилась в запретах, связанных с днями Иоанна Крестителя, лишившегося во время оно своей буйной головы. *«На Ивана Постного ничего круглого есть нельзя. Ни яблоков, ни свеколки, лук, только перо, а головки ни-ни. Картоху и ту нельзя — круглая она, как голова человечья, как голова Крестителя. В этот день ничего круглого не едят»* (Добровольская, С. 69); *«Галавосік (29 жніўня). Капусту з град не рэжучь, бульбы не ядуць, наогул нічога круглага не ўжываюць: інакш будуць на цэле болькі (верада)»* (Земляробчы, С. 370); *«29 августа. /.../ Считается грехом есть картофель с красной корой, а некоторые говорят, что всё шарообразное грех есть»*¹⁰; если в этот день резать *«ножом головку капусты, или разрезать арбуз, то на ножге появятся капли крови»*¹¹. Нельзя есть круглого, «головообразного», «цефаломорфного», потому как это день почитания мертвой головы, а нарушители запрета рискуют навлечь на свою голову неприятности и болезни («верада»): *«Иванов день, капусту рубить нельзя до 11 сентября. Иван Предтеча ему голову отрубил. Все, что «голову» имеет, есть нельзя до 11-го», «Капусту не рубили до этого дня, это считалось, что голову снесешь (себе, — Б.М.)»* (Куединские праздники, С. 76).

Собственно, миф трансформировался дальше, обосновав прямую связь отрубленной головы «святого» с круглыми овощами: Иван-секи голова (11 сентября) — *«По народным представлениям, этот святой отвечал за произрастание «круглых» овощей, имеющих «голову», в первую очередь капусты, а также лука и репы»* (Куединские праздники, С. 76).

С капустой всё еще интересней. Ее отождествление с человеческой головой максимально полное, начиная с происхождения названия от латинского *caput* — «голова» (*capitium* — «кочан капусты») и заканчивая такими современными названиями сортов белокочанной капусты, как «Сахарная голова» и «Каменная голова». Сажали ее в день «Головатого Ивана», и, чтобы она выросла большой, применяли несложную магию, опять же обращаясь к закону подобия:

¹⁰ Чернышев В. Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда // СОРЯС. Т. 70. — СПб., 1902, С. 135.

¹¹ Иванов П.И. Жизнь и поверья кркстьян Купянского уезда, Харьковской губернии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. XVII. — Харьков, 1907, С. 174.

перед посадкой капустных семян женщины должны были взяться обеими руками за голову¹² (Брест.), или обвязать голову полотенцем (Курск.) (Колосова, С. 65); «На Йвана Головатого (29 августа), держучи першу росадну в руке, примовляють: «Дай же, Боже, час добрый, щоб мо капусточка приймалась и в головки складалась!» Голову себе обыймаючи и б'ютьчися у полы: «Щоб моя капусточка була из кореня коренистая, а из листу головоыстая!». /.../ Посадивши вже росаду, покрывши еи горшок, на горшок поклавши каменця, а на поверх белу хустку: «Щоб була туга як каменець, голова та як горщик, а бела як платок» (Ефименко МЗ, № 150), «Каб лепи капуста расла, трэба перед пачаткам высаджавання яе на граду паставиць чугун ці гарничок і хустку на яго завязаць не вельмі туга, а калі скончыш пасадку капусты, трэба на чугуне хустку туга–туга завязаць, каб качаны былі вялікія» (Прыкметы, С. 212); капусту посадишь, «потом смоляну кринку (из под дегтя) накинеш, тогда уж капуста вырастет» (ТКУ, С. 15). Последние примеры тем любопытны, что утварь, как мы увидим далее, также уподоблялась голове и могла служить магической заменой черепа. В загадках голова может загадываться через образ капусты: «Стаіць качан — не качан, ельнік — не ельнік, ні з'есць, ні ссеч, ні прайсціся» (Загадки, № 848). И наоборот: капуста — «Шароватый, кудреватый, на макушке плешь, на здоровье съешь», «Выросла плешь, возьми да съешь» (Загадки, № 2458, 2459). Это же сравнение наблюдаем в пословицах и в лексике, от ранних примеров до недавней современности. В словаре В. Даля: статья «голова» — «Кабы на Тарасовой голове да капуста росла, так был бы огород, а не плешь»; статья «качан» — «головы, ровно кочни! (о толпе)». Колдун дает своим духам–помощникам занятие, которое отвлекло бы их более–менее надолго: «Ён капусту им даў. Яны капусту ўсю ссекли — и голову яму отсекли: им [чертям] работы надо» (Ивлева 1, С. 147). А к польской пословице со głowa, to gozum дается такое пояснение: «Сия пословица происходит от следующего анекдота в Польше: один немец, купив мешок кочанной капусты и шедши под гору, вздумал облегчить себя, развязал мешок, отчего и

¹² Есть вариант, когда для получения желаемых размеров капустных качанов женщина должна была сесть на грядку, заголив пятую точку. Но развивать здесь тему параллелизма «голова» / «задница», думаю, смысла нет, в силу его широкой известности. Ср. пословицы «Голова не жопа, завяжи и лежи» (ЛАА), «Голова — кість, а зад, вибачте, м'ясо: в голову цілують, а в зад б'ють» (Номис, № 1288).

кочни раскатились во все стороны. При этом один сказал: что голова, то разум — и сие слово обратилось в пословицу»¹³. Каждая из разбежавшихся голов поступила по своему собственному разумению, что стало нарицательным выражением, обозначающим не возможность прийти к единому мнению, если решение принимает множество людей. Завершить подборку примеров о капусте можно фрагментом стихотворения о советском паспорте, В. Маяковского:

*И не повернув головы кочан
и чувств никаких не изведав,
берут, не моргнув, паспорта датчан
и разных прочих шведов...*

Луковые и чесночные корни принято называть «головками» (а у чесночной головы есть еще и «зубчики»), что должно сразу насторожить острое ухо ищущего. Не оно ли? Оно самое, закон подобия во всей его красе. Продемонстрировать отождествление с реальной (отделенной) головой довольно легко. Хорошо известна античная легенда о Громовержце и хитром царе. «Бог разгневался на Нуму и приказал ему произвести очищение «головами». «Луковичными?» — быстро спросил Нума. «Нет, человеческими...» — начал Юпитер. Желая избежать исполнения такого жестокого приказания, царь переспросил его: «Волосами?» — «Нет, живыми», — ответил Юпитер. «Маленькими рыбками?» — переспросил Нума, — вопрос, который научила его задать Эгерия. Бог смягчился и вознесся на небо» (Плутарх (Нума Помпилий), С. 143). Аналогичный способ подмены описан русскими быличками о добыче клада. Мужик спрашивает у духа-кладохрана, за какую плату он готов отдать котел золота — «За голову», отвечает тот; «А за головку не віддашь?» — «Виддам»; хитрец, «узяв головку часнику», отдал ее нечистику (Опришки, № 549)¹⁴. В восточнославянских загадках и лук и чеснок

¹³ Снегирев И. Русские в своих пословицах. Кн. I. — М., 1831, С. 124.

¹⁴ В отдельных вариантах этих текстов обыгрывается звуковое подобие слов, что относится больше к потехе, чем к магии. «Жулик приходит в лес. Мужик там колья рубил, жулика увидел, на дерево залез, а тот его не заметил. Жулик клад принес. Закапывать стал: «На сто человеческих голов! Кто уьет, тот достанет». А мужик с дерева отвечает: «На сто осиновых колов!». Спорили, спорили, жулик на своем стоит, а мужик на своем. Потом

описываются через образ головы: лук — «Тын Тынович, сын Иванович, сквозь земли прошел, в мошне голову принес» (Садовников, № 743), чеснок — «Зелені ног, косиці вирости вгору з землиці, а зубате головище корнем—усом у землю свище», «Що то за голова, що лиш зуби і борода»¹⁵. Связь лука и головы обнаруживается на уровне бытующего у болгар запрета сжигать луковую шелуху, что могло бы привести к головной боли (СД 3, С. 140). Лук сажали так же, как и капусту, с применением закона подобия: «Лук садзілі з прьтолля і прыкладвалі яго к галаве, каб рос такі, як галава», «Цыбулю перед посадкой надо приложить к голове, тогда луковицы будут огромные» (Прыкметы, С. 213).

На Украине аналогично поступали с маком: «Мужчина, или женщина, сея мак, должны предварительно почесать рукою свою голову, приговаривая: «Щоб головки в моём макове були таки велики, як моя голова, и щоб маку було так багацько, как богацько на голове волося!»» (Ефименко МЗ, № 147). Мак имеет ярко выраженную голову, образ которой используется загадками о нем: «Виліз хлопчик із землі, виніс гроші в голові»¹⁶, «Дрен Дренович, Иван Иванович сквозь землю прошел на голове огонь пронес» (Садовников, № 816а).

Закон подобия удобен тем, что позволяет пойти по пути наименьших затрат средств и времени, подставляя для ритуала вместо человеческой головы (в отдельных случаях своей или врага) ее символический заменитель. Таковую квазиголову достать много легче¹⁷, нежели настоящий череп, да и обращаться, к примеру, с растительной головой значительно сподручнее, чем с реальной сухой костью. Отрезанная/мертвая/сухая «голова» растения (лука, чеснока, мака...) удовлетворяет почти всем признакам настоящей мертвой головы, а прибавьте сюда еще и компактность такого атрибута. К этому методу прибегаю и я сам, когда в ходе написания данной книги нуждался в постоянном напоминании о характере предмета своего исследования, а также для поиска необходимого вдохновения. Черепа под рукой

жулик говорит: «Черт с тобой, будь по-твоему», — и ушел. А мужик с дерева слез, сто колов выкопал и клад достал» (Кудединские, С. 49).

¹⁵ Загадки. — К.: Дніпро, 1987, С. 35 (№ 108, 110).

¹⁶ Народні загадки. — К., 2003, № 250.

¹⁷ Ср. замечание Л. Ивлевой, сказанное по поводу изготовления другого вида мертвой головы — святочной маски: «При этом использовались подручные, легко доступные и большей частью недолговечные материалы» (Ивлева 1994, С. 176).

сразу не оказалось, зато на время его вполне заменила головка чеснока, повешенная на стене перед глазами.

Мы еще не рассмотрели более громоздкое подобие мертвой головы, растущее на огороде, — такое, что и в кармане не спрячешь, и за так не раздобудешь. Речь о тыкве. Хорошо известно о замене головы (и даже черепа) тыквой в хэллоуинской обрядности. В Швейцарии 16 ноября *«вечером носили долбленные тыквы, внутри которых были вставлены зажженные свечи. На стенках тыкв делали прорезы в виде черепа и астральных знаков, светившиеся в темноте»* (КОЕ ЛО, С. 162). То же практиковалось и в славянской традиции: *«Пугали прохожих — у тыквы вырезали глаза, нос, рот, а внутрь ставили горящую свечу»*¹⁸. Впрочем, это тема для отдельного разговора.

Примеры заменяемости головы и тыквы на этом не исчерпываются. Тыква изображала голову у «коня», которого мастерили для праздничной потехи: *«Серым конем ра(я)дилися. Один [изображал коня]. Шоб хвост быў ў коня, то брали вытертый лён на мялку. Голову робили з длинного гарбуза. И зубы вырезали, и вочы [в тыкве=голове]»* (Ивлева 1, С. 91). В современном жаргоне глагол «избить, ударить» может передаваться выражением *«настучать по тыкве»* («как дам по тыкве», «получить по тыкве...») — разумеется, речь идет о голове (в той же связи упоминается и другой округлый овощ — репа). Загадки о тыкве отмечают наличие этой самой головы: *«Лез Мартын через тын, сам пролез, а голову на тыну оставил», «Ножки тоненьки, кишки жиденьки, а кила, что голова»* (Митрофанова, № 2415, 2417). И наоборот тоже верно, ср. болгарскую загадку о голове: *«Тыква с семью дырками»* (СФ, С. 166). На полном серьезе современные последователи традиций народной медицины пишут (то ли и впрямь повторяя старинный рецепт, но скорее сочиняя на ходу, влекомые неумолимым законом подобия): *«Если у вас поднялась температура, болит или кружится голова, то разрежьте поперек крупноплодную тыкву и хвостовую ее часть наденьте на*

¹⁸ Пухова Т.Ф. Традиции ряжения в Воронежской области (по записям фольклорных экспедиций 1990-2004 годов) // Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Выпуск III. Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области / Сост. Пухова Т.Ф., Христова Г.П. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005.

голову, тогда через некоторое время вы почувствуете облегчение и понижение температуры»¹⁹.

Фрукты, разумеется, не избежали уподобления. Среди редких символов головы, используемых народной поэзией — яблоко:

*В мене личко, як яблучко,
Тепер як калина.
В мене личко, як яблучко,
А сама я, як года.*

(Бандурка, С. 274)

3. Утварь

Собственно, речь о котлах, горшках, крынках да кувшинах. Прочие кухонные принадлежности до необходимого уровня скорее не дотягивают.

Глиняная емкость в народной традиции наделена рядом антропоморфных черт, что видно уже из уподобления в тексте загадки горшка библейскому первочеловеку²⁰. Больше всего отождествление утвари и головы отразилось в лексике. Так, мы знаем, что у глиняной посуды есть горло, носик, ручка... и черепки. Но пустотелый сосуд и сам подобен голове, выступая ее параллелью. «*«Ліпше старій горнець (горшок, — Б.М.), як новий череп» — Оправдувала себе молода дівчина, яка рішилась віддатися за старого багача»* (Приповідки, С. 78). До сих пор в ходу выражения «голова как пустой горшок»²¹, «голова гудит, как котел», «утром голова как котел тяжелая / пустая / чугунный», «голова не варит». Варить можно только в емкости, и тут уже мысли или мозги уподобляются вареву: «у меня в голове (словно) каша/кисель», «у тебя каша/кисель вместо мозгов»; «каша — 3. перен. Путаница, беспорядок (в мыслях; разг. фам.). У

¹⁹ <http://natural-medicine.ru/2008/09/10/tykva-kabachki-i-tykvennye-semechki.html>

²⁰ «*Не родился, а взят от земли, как Адам; принял крещение огненное, на одоление вод, питал голодных, надселя, трудясь; под руками баушки-повитухи снова свет увидел; жил на покое до другой смерти, и кости его выкинули на распутье»* (Садовников, № 334 ж).

²¹ Для сравнения, в мордовском-мокша языке слово *кавозь* обозначает и «горшок» и «череп, черепная коробка; голова, башка» (например, *шавя кавозь!* «пустая башка»).

него к. в голове» (словарь Ушакова); «Каша в голове у кого. Ирон. О глуповатом, необразованном человеке. «Што в них головы навиты, а в голове каша»» (СПП, С. 44). В русском арго: «Чан, —а. м. 1. (или Чанка, —и, ж). Голова, башка. 2. пренебр. О сильном, но глупом человеке. Чан варит — голова соображает. Чан течет — плохо с головой»²². Голова может «закипеть» («аж пар / дым валит», да так, что «крышку срывает»), мысли при этом «кипят, бурлят, бродят (как закваска в посудине)». Пословицы подтверждают правило: «Без ума голова — пивной котел», «Голова — что чан, а ума ни на капустный кочан» (Даль), «Голова с пивной котел, а мозгу с ложечку» (РПП, С. 65). Тема продолжается и в былинах:

*Ты ой ешь, Владимир стольно-киевской!
Буди нет у ты нынь пивна котла,
Да вот-те Тугаринова буйна голова.*

(Былины 1, № 115)

Причем голова былинного неприятеля в проводимом сравнении словно расценивается именно в таком качестве, хотя и задолго до кровавой развязки: «А и был же Тугарин Змеевич не урост человекь: голова-то с пивной котел, глаза-то со пивные ковши, туловище-то со круту гору...» (Сахаров, № 6), «Приехал сын Лукопёр, косая сажень в плечах, голова как пивной котел, промежу глаз калёна стрела» (Соколовы, № 114).

О тождестве посуды и головы загадки свидетельствуют едва ли не самым наилучшим образом. Человек: «*Стоят вилы, на вилах — короб, на коробе — махалы, на махалах — грабли, над граблями — горшок...*», «*Стоят вилы, на вилах — бурак, на бураке — горшок...*» (Садовников, № 1722 з, 1722 о); голова: «*Горшочек умен, семь дырочек в нем*» (Митрофанова, № 1378), «*Гаричочак вумён, сем дырачак у ём*», «*Гаричок разумны, хоць сем дзірак мае*» (Загадки, № 839, 840). Подчеркнута текстами разумность горшка — это как раз варящиеся в голове мысли.

То же отождествление имеем и в обрядности. Горшок служит головой святочному «быку» или «медведю», которых изображают парни: «*Человек в вывороченной шубе идет задом, на руках и ногах, а на заду горшок и рога, вроде как бычья голова*» (Ивлева 1, С. 368). Не

²² http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_15731

осталась в стороне и мелкая бытовая магия: «Когда жительница Боснии в первый раз ставит на огонь новый горшок, она чертит на нем углем крест в трех местах, приговаривая: «Болье да прсне мајсторова глава (лончарева), него мој лонац!» (Пусть лучше лопнет голова мастера, чем мой горшок)» (СД 1, С. 527)²³. В общем, как говорится — и так далее. Приводя примеры, мы волей-неволей затронули интереснейшие пласты магии мертвой головы, о которых будем говорить в соответствующих главах. За параллелями, подтверждающими высказываемые там мысли, следует обращаться сюда.

«Сто голов лапотных». Русский лубок. Конец XIX в.

4. Прочее

Обувь = мертвая голова? Невозможно, но факт. В магии такое случается. Лапти, к примеру, имеют головы, они *головасты* (ср. «Черепаны — мужичьи сапоги, или чеботья»). Это сбрасывает, когда

²³ Ср. также украинскую поговорку: «Нехай горшки б'юця — на гончарову голову» (Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О.В. Марковича і других / Спор. М. Номис. — СПб., 1864, С. 61).

хозяин клада делает магическое заклятие над зарываемым в землю сокровищем: *«Когда закапывают клад, то его заклиняют на несколько голов»* (Чубинский I, С. 97). Если он забыл уточнить, чьи именно голов, то пропал его клад — можно принести на место захоронки сто произвольно каких голов, хоть чесночных, хоть лапотных, и дело сделано. А если доведется услышать или прочитать это заклинание с уточнением, чьи все ж таки головы подразумеваются, всегда можно попытаться скорректировать текст в свою пользу: *«И говорили, что в этой землянке лежит клад. /.../ И закопана там была записка: «Надо убить людей 100 голов, тогда и получишь золото». А один сметливый мужик возьми да и наруби 100 колов, так и достал он этот клад»* (Поволжье, № 1199).

Нельзя пройти мимо такого броского примера: *«Череп слизней, раковина всякого рода, особ. плоская, устричная. /.../ Черепие ср. церк. ракушки, раковины. Черепие, в них же рождаются бисеры (жемчуг)»* (Даль, словарь). И достать легко, и использовать приятно.

Заменяет голову и истрепанный, облысевший веник — голик. Чтобы уберечься от желания повеситься, жители Водлозерья затягивают в веревочной петле веник со словами: *«Сатана, сатана, вот тебе голова»* (Логинов, С. 114). Когда на праздничных забавах рядятся в «коня», то среди предметов, могущих изобразить голову, значится в том числе и веник: *«там голова — веник»* (По заветам старины, С. 14). Стоит обратить внимание на употребление в одном контексте веника и черепа, что говорит об их символической заменяемости. Идучи на обряд опахивания села от морового поветрия, участницы захватывают с собой *«пучки лучины /.../ банные веники без листьев, череп животного (у мордвы — медвежьей голову), живого петуха»* (Зеленин ВЭ, С. 96). Для избавления от бессонницы у ребенка *«подвешивали к матице старый веник, перебрасывали его через крышу дома»* (СД I, С. 169).

Мертвая голова может быть не просто муляжом, коли так нужно, но и просто исполнена на плоскости — в металле, рисунке, картине. И тут вопрос: а когда изображенная голова — становится мертвой головой? Если следовать очевидной логике, то уже в тот момент, когда в ходе изображения она была отсечена от тела, в силу художественного замысла или необходимости. Тела нет, мы его не видим, оставлено лишь главное, довлеющее. Более того, ведь изображаемый — отдельно, изображение его — так же отдельно. Человек, пусть это будет ромейский правитель, еще быть может жив и

царствует (хотя, если вспомнить историю, порой не шибко долго, но не суть), однако же, какое к нему имеет отношение мертвое, навеки застывшее изображение? Изображение, которое переживет свой прототип, переживет на тысячелетия, потому как не живо, а мертво. С другой стороны, как ни крути, но голова без тела, безусловно, необязательно является именно мертвой головой, и даже скорее наоборот. Изображая на монетном аверсе какого-нибудь Митридата или Оттона, резчик, разумеется, имел в виду живого современного ему правителя. Но добавим толику метафизики. Правитель умер, и изображение его головы становится еще более мертвой головой, мертвой головой в квадрате. Ведь это изображение мертвой головы мертвеца. Проходят годы и века, исчезают целые династии, империи гибнут, имена великих царей канули в Лету, остается только золотая или серебряная бляшка с изображенной на ней неизвестно чьей головой. Ничто не мешает мистика воспринимать ее именно так — как мертвую, как нечто навсегда отделенное от тулова. Воспринимать и использовать, уповая на волшебную помощь если не самого мертвеца, чей портрет он носит, то его мертвой головы. Кто именно изображен — важность невеликая. Им занимаемые должности, дела, слава, изображенные регалии — всё это уже в прошлом и для магии определяющего значения не имеет. Другое дело, если бы это была настоящая голова, скажем, Нерона, Атиллы, Гоголя, Цезаре Борджиа, известного австрийского художника... Но нет. А просто изображения ее — это так, просто абстрактная мертвая голова.

Впрочем, исключения возможны. Если знать и воспринимать изображение как отделенную голову, допустим, Божества, да еще и привлекать в обряд силу именно Его, то это совсем другое дело. Здесь значение будет иметь всё, с этим Божеством связанное, соотносимое по подобию. Кстати, это вообще любопытный феномен в магии мертвой головы. Много ли можно назвать мертвых/умерших Богов? Не якобы ныне забытых и потому умерших, а именно таких, что, согласно мифологии собственных почитателей,² так или иначе поддались смерти? Бальдр, Яма, Осирис, Аттис, Один... То, что они потом возрождаются, что символизируют собой извечное коловращение сезонов года и прочая, прочая, значения не имеет. Для человека смерть очевиднее всего, очевиднее возрождения. Ну а для миста — тем более.

Лампсак, статеры, около 394 – 350 до н.э. Головы Гермеса и Актеона.

Смерть Божества подразумевает наличие его мертвого тела, что и обыгрывалось мистериями. Отсюда рукой подать до мертвой головы, ведь таковой уместно считать изображение головы умершего Божества. Аттиса, к примеру, или того же эвгерметического бога Христа. Впрочем, Осирис был растерзан на части, так что его голова и впрямь была отдельно от тела: *«Сердце его хранилось в Атрибии, позвоночник — в Бусирисе, шейная часть — в Летополе, а голова — в Мемфисе. Число божественных членов тела Осириса, как это часто бывает в таких случаях, чудесным образом умножилось. Голова его, к примеру, оказалась одновременно в Абидосе и в Мемфисе, а ног бога хватило бы на нескольких простых смертных. Впрочем, в этом отношении Осирис не шел ни в какое сравнение со святым Денисом, от которого сохранилось семь равно подлинных его голов»* (Фрэнгер, С. 383). Как видим, сюда же легко включаются и отрезанные головы позднейших «полубогов» новой религии — христианских «святых». Хотя насчет Дениса Дж. Фрэнгер промахнулся, 13-главый Джованни Баптиста, пожалуй, поматерей будет...

СИМВОЛИКА (1)

*Трамвай накрыл Берлиоза, и под решетку Патриаршей аллеи
выбросило на бульжный откос круглый темный предмет.*

*Скатившись с этого откоса,
он запрыгал по бульжникам Бронной.
Это была отрезанная голова Берлиоза.*

(Булгаков М. Мастер и Маргарита. Глава 3)

Символ смерти

Мертвая голова, безусловно, самый красноречивый символ смерти за всю историю человечества. Куда уж тут яснее — умер человек, вот одна голая кость от него и осталась. Стоит ли говорить об этом еще, раз уж все всем понятно. Пиратский флаг явно не обещает ничего хорошего купцам, его увидавшим в море. Военные помечают знаком черепа со скрещенными костями склады боеприпасов и минные поля заграждений; гражданские службы — высоковольтные провода и трансформаторные будки (знаменитое в СССР «Не влезай, убьет!»); химики и медики — емкости с отравляющими веществами.

Sweet is revenge

ВОР В ЗАКОНЕ ДЕРЖИ ЗОНУ В СТРАХЕ
И ПОВИНОВЕНИИ! „НЕ БУДЬ ОВЦОЙ!“

На могильных крестах и камнях красуется адамова голова — и так ясно, почему, отнюдь не из-за креста и византийского бога на нем. В художественной литературе главному злодею непременно приписывается зловещая тяга к символике мертвой головы, которой украшены набалдашник его трости, серебряный портсигар, запонки... Инстинкт самосохранения останавливает детей идти туда, где лежат черепа, а женщин — брать черепа в руки. Страшно и неприятно трогать чужую смерть... Татуировки уголовниц используют череп как символ чего-то сгнившего, умершего, окончательно пропавшего: **череп**, обвитый змеей и увенчанный короной, в руках сердце — «любовь погубила свекровь», «посадила в тюрьму свекровь»; **отделенная от тела женская голова**, чаша, шприц, **череп**, паутина — татуировка наркоманок, женщин совсем **пропавших**. У мужчин мертвая голова в наколке — обещание смерти, мести, боя насмерть с органами: **голова медузы Горгоны**, меч, горящий факел — «за зло отомщу». В сложной комбинации значение прежнее — смерть, уход, завершение. Татуировка лагерного авторитета: обнаженная женщина с горящим факелом в руке, тюремная решетка, змея, крест, **человеческий череп**, топор, деньги — «Ничто не вечно в этом мире» (тату может сопровождаться текстом о бренности мирского существования); татуировка вора в законе: **череп**, пробитый кинжалом, роза, змея, обвивающая кинжал — «Наша жизнь — борьба». Тату с черепом и насмешкой в адрес НКВД также несложно понять — ведь это организация, сеющая смерть.

Череп на могильных камнях

Виды татуировок

В книжных миниатюрах, в магических эмблемах, в религиозной скульптуре (хотя бы в тех же крестах²⁴) череп означает именно смерть. Намекает на нее, на возможность такого исхода, обыгрывает тему жизни и смерти, смерти и воскрешения... В русских играх есть одна под названием «Череп», которая также эксплуатирует идею смерти (проигравший символически умирает — покидает игру): «Кладут доску через колоду; двое становятся по концам и раскачиваются иногда так высоко, что подсакивают; во время прыжка надо опять попасть на доску», «Когда один подброшенный упадет, то говорится, что он разбил полчереп, если и о второй раз, то — «весь череп», тогда он выключается из игры»²⁵.

Как бы то ни было, развить тему стоит, ибо такое значение черепа — всего лишь одно (пусть даже и самое яркое) из целой подборки разного вида примеров негативного восприятия (и применения) мертвой головы.

В приемах черной магии череп используется как предмет, могущий причинить одним лишь своим наличием максимальный вред хозяйству неприятеля, принести болезнь или смерть ему самому, его домашним. К примеру, для порчи скота в чужом хлеву закапывали конскую голову (Гура, С. 165).

Магические эмблемы, обыгрывающие символику смерти

²⁴ С XI-го века под нижней косою перекладиной восьмиконечного креста появляется символическое изображение головы Адама.

²⁵ Мудрость народная. Вып. I. Младенчество. Детство. — М., 1991, С. 408.

Такой артефакт уже сам по себе — предмет из обихода смерти, отмеченный ее воздействием, а уж если он отрицательно заряжен соответствующими черными заговорами и подброшен врагу в самую худую пору суток, то сработает он как настоящая вирусная бомба... Как действие черной магии можно трактовать использование Василисой черепа, полученного от Яги: *«Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло»* (Аф, № 104). По закону подобия человеческий череп в том же значении может заменить тыква. Парень, который по простоте душевной упустил из рук все магические предметы, дарованные ему волшебным помощником, самым последним из них получает от него чудо-тыкву, объяснив, как ее задействовать: *«Юноша бросил к ногам царя тыкву и крикнул: «Эй, выходи из тыквы!» Выскочили из тыквы люди с палками и принялись бить царя и придворных»* (Нижегородские сказки, С. 176).

В определенном смысле именно через контакт с черепом гибнет в известной истории князь Олег: *«И приеха Олег на место, идеже бяху лежаще кости его (коня — Б.М.) и лоб²⁶ гол... и воступи ногою на лоб; и выникнучи змея, и уклюну и в ногу, и с того разболевся умьре»*.

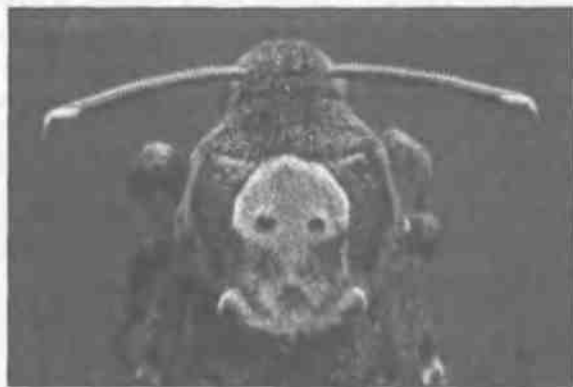
По ходу замечу, что это же самое качество мертвой головы — приносить смерть или болезни, — в народе умудрялись использовать и во благо. *«Если человек поклянется на черепе (человека, — Б.М.) и нарушит клятву, он тут же умрет (Ирландия)»* (ЭС, С. 476).

В снотолкованиях отделенная от тела голова или череп предвещают разного рода несчастья сновидцу: голова отрубленная — убыток; *«бачити свою голову відрубаною — означає смерть батьків»*

²⁶ «Слова «лоб», «лбина» в церковном обиходе являлись равнозначными понятиями «голова», «череп» (Часовникова, С. 112); «Лобанчик, французский золотой, на котором изображена голова» (Даль); «лобное место» — место, где «лобанят» (убивают), отрубают голову, первоначально же это — библейский холм Голгофа, под которым был зарыт череп Адама. «Лобное место, возвышенность, холм, курган, сопка; место казни, видное со всех сторон; в этом знач. переведено в Евангелии *salvavit, темя*. Лобное место, в Москве, каменная подвысь против Спасских ворот: никогда не было местом казни, а царским и патриаршим, при беседе с народом, при народных торжествах и молебствиях; с него же читались указы, приговоры; казни происходили близ, на площади Китай-города. Спорили мыши за лобное место, где будут коту казнить» (Даль).

(Дмитренко, С. 58). Чешский сонник начала XX в. (Snář Anny Novákové ze Lhoty) приводит такие трактовки: череп увидеть — смерть; голова подпрыгивающая или которая ухмыляться — радость с убытка, вреда ближнего. В индийском соннике XII в. сон о черепе толкуется как скорая смерть: *«Кто вырывает и поедает кожу, позвонки, череп, зубы, сухожилия, ногти, внутренности, тот, без сомнения, устремляется к обители Ямы»* (Джагаддева. 2. 128). Согласно греческому соннику Артемидора Далдианского, *«видеть себя обезглавленным — /.../ это к несчастью для тех, у кого есть родители и дети: ведь голова как причина жизни подобна родителям /.../. Кроме того, некоторые после такого сна теряли жену, друга /.../ а домовладелец терял свой дом»* (Онейрокритика. I. 35).

Приметы могут обыгрывать в этом же негативном ключе такое подобие мертвой головы, как пятнышки на спине бражника *Acherontia atropos*. Полякам *«страх внушает бабочка мертвая голова, так как ее появление в доме предвещает скорую смерть кого-либо из родственников»* (Гура, С. 488).

Бражник «Мертвая голова»

Непосредственно через закон подобия, магически отождествляющий тыкву и голову/череп, объясняется негативная символика тыквы в сватовстве. На Украине, если жених не нравился девушке, то от нее сватам в знак отказа выносили тыкву. Это называется *«получить гарбуза»* (укр. «винести гарбуза», «пов'ісити гарбуз», «подарити гарбуза», «підсунути/почепити гарбуз», «дістати гарбуза», «покуштувати (взяти) гарбуза», «гарбуз кому покотився», «давати

гарбуза», «піднести печеного гарбуза», «гарбуз поставити»). Обычай известен много шире: ворон. «подкатить гарбуз», «поднести гарбуз», «получить гарбуз», острогож. «подкатить арбуз», брян. «дать гарбуз», кубан. «дать гарбуза», «спекти гарбуз», «получить гарбуза», болг. «дадоха ми тиква в ръка», поль. *arbuza dostać, nawarzyć arbuza, zjeść arbuza* (Березович, С. 258). В широком смысле эти фразеологизмы обозначают отказ вообще. При этом, укр. «гарбуз» — «тыква, которую выставляют на свадебный стол в знак нечестности молодой» (Березович, С. 258). Подкрепляет представление о негативной символике тыквы и христианская легенда о прп. Макарии и бесе, известная народу из лубочной картинки. Египтянин встречает беса, всего увешанного тыквами, и удивленно вопрошает: «Камо идиши, демоне?». Выясняется, что тот идет к людям (в легенде — к монахам), дабы исцелять их (в легенде — кормить). Макарий просит уточнить, чем именно, и слышит подробное перечисление содержимого тыкв: «у очей /.../ зависть, у ушей преслушание, у уст злоглаголение, на сердце злопомнение, на руках грабление, на нупе блудодеяни(е), на коленях Богу не поклонение...»²⁷. Одним словом, полный набор мелких грехов, которые перейдут на человека, отведавшего из бесовских тыкв-сосудов.

Утверждение о задействованном законе подобия доказывается примерами, где для демонстрации своей недоброежелательности, в насмешку, использовали настоящий череп. В Калужской губ. тому, кто не принимал участия на встрече солнца под Петров день, поют хулительную песню, «стучат в окно и привешивают на крыльцо лошадиную голову» (ФКГ 1, С. 71). «Отстающему при жатве могли втыкать в полосу палку с пучком соломы, реже — с черепом лошади, старым, дырявым горшком»²⁸. Во Франции на 1 мая парни оставляли у девушек под окнами своеобразные знаки внимания, давая понять, как к ним относятся; так, например, «чтобы унизить и выразить пренебрежение, к двери прикрепляли череп лошади, на подоконник клали кости» (КОЕ В, С. 45).

Мертвая голова служит и опознавательным знаком представителей Иного мира — как низшего, так и высшего уровня. Она маркирует их жилища, служит им в качестве предмета

²⁷ Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. — СПб, 1900, № 255.

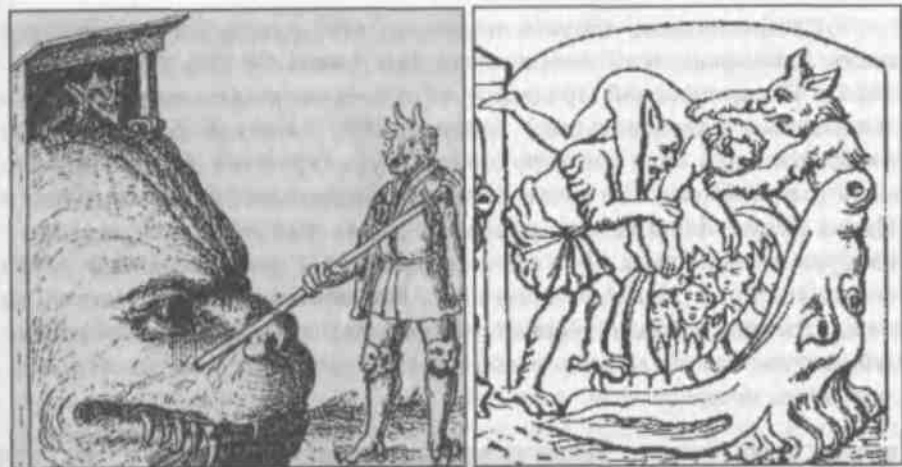
²⁸ Морозов И.А. О ритуально-обрядовой основе старинных мужских развлечений // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Сб. научных трудов. Вып. 5. — М.: ГРЦРФ, 1994, С. 106.

повседневного обихода или для волшебства, является атрибутом, по которому их легко опознать, и даже заменяет им собственное лицо.

Как уже говорилось, черепами огорожено пространство, где обитает нечисть — сказочная ведьма или потусторонний противник главного героя. Герой попадает в Иной мир, *«Пішов до кошари, а там високий пліт, і на кожному колі — людська голова. — Ади-и-и, якась нечиста сила! — сказав собі Петро, і волосся на голові хлопця встало щіткою»* (КБ, С. 137). В сербской сказке картина дополняется сюрреалистической деталью: *«Вывела его старуха во двор, а двор-то кольями огорожен, и на каждом — человечья голова. Лишь один кол был без головы и не переставая кричал: «Дай голову, старуха!»* (Караджич, С. 381). Откуда на Том Свете столько мертвых голов? Ответ, возможно, кроется в свидетельстве, приводимом Вяч. Ивановым: *«schol. Apoll. Rhod. 1, 578: entoma de ta sphagia kyrios ta tois nekrois enagizomena dia to en tei gei auton apotemnesthai tas kephalas. Итак, умершие в подземном царстве обезглавливаются»* (Иванов, С. 131). Любопытно сравнить с описанием подобных жилищ обычай украшать масленичные городки весьма непотребными деталями. Иногда на их ворота насаживали *«всякую падаль (дохлых собак, кошек, кур и пр.), (которую) обливая водой, примораживали»*²⁹. Тут нужно напомнить, что взятие снежного городка символизирует разрушение зимнего времени и приход весны, так что подобное жилище полагается рассматривать как терем Богини Зимы и Смерти, изгоняемой на масленице.

Собственно, как широко распахнутая пасть, голова дракона/змея, просто отделенная от тела голова или голова без тела, если угодно (едва ли не голова Бога загробного мира, пожирающего всякую душу умершего, попадающую к нему), в ряде случаев изображается вход в Ад. Это отразилось в народных картинках и книжных миниатюрах.

²⁹ Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века. — Новосибирск, 2004, С. 136.

*Вход в Ад. Театральная декорация. Цюрих. 1539 г.
Демоны уносят грешников. Манускрипт из Милана, XIV в*

*Вход в Ад, как пасть чудовища, пожирающего грешников.
Миниатюра средневекового манускрипта*

Средневековые теологи полагали, что вход в Ад лежит через пасть Левиафана, что изобразил на своей картине Эль Греко (1540–1614). В европейской традиции та же идея нашла воплощение в театральных (карнавальных) декорациях — врата в Преисподнюю изображались в виде пасти чудовища, куда герой мог бы пролезть по ходу пьесы. Отголоски этого представления можно видеть в повести Ивана Нечуя–Левицкого «Кайдашева сім'я», где описывается икона с изображением Пекла: *«У притворі на стіні висів здоровий образ страшного суду. Кайдаш глянув на його скоса; на образі внизу була намальована в пеклі здорова коняча голова з білими гострими зубами; та голова засміялась до його. Полум'я в її роті загойдалось, мов свічка од вітру».*

Лубочная картина. Притча о человеке, не ходившем в церковь

Отчасти о чудовищной голове как входе в Иномирье говорят и рассказы о колдовском посвящении. Инициация обычно заключалась в том, что неофит должен временно умереть, пережить опыт пребывания на Том Свете, а потом возродиться с новыми способностями. Это достигалось путем пролезания через пасть вызванного учителем духа в виде животного (чаще всего — рептилии): *«Чтобы научиться портить людей, они должны были ночью прийти в баню. Там выпрыгнет жаба. Каждый должен влезть к ней в пасть, перевернуться там и выйти обратно»*³⁰. Женщину, пожелавшую приобщиться к колдовским знаниям, позвали в баню. *«Видит: на лавке сидит громадная лягушка, больше человеческого*

³⁰ Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья. — СПб.: Тропа Троянова, 2007, № 900.

роста, глаза горят. /.../ Бабы приказали вновь пришедшей раздеться донага, и колдунья велела ей лезть в пасть лягушки. Как только сказала она это, лягушка прыгнула с лавки и разинула пасть, а пасть стала такая большая, что поезжай туда хоть на тройке. Влезла туда баба и вылезла через задний проход; так она сделала по приказанью колдуньи три раза. /.../ Колдунья её спрашивает: «Всё ли ты видела, всё ли теперь знаешь?» Та сразу же всё поняла и стала с тех пор колдовать» (Никитина, С. 186). Но в отдельных историях вместо животного фигурирует только голова. Колдун Иван Сухин из с. Михалкин Майдан так рассказывал о своём посвящении. Колдунья Серeda позвала его ночью в баню. «Там он увидел массу «шутов» (так народ называет здесь чертей). Вылезла голова, вроде лягушки, а пасть более ведра. «Шуты» его туда втиснули. Он чуть не задохся. Потом голова его изрыгнула, и её стало рвать. «Шуты» заставили его есть эту рвоту. Он съел. С тех пор «шуты стали за ним ходить», т.е. сделались его помощниками» (Никитина, С. 186). Таким образом, голова оказывается входом в потусторонний мир.

О том, что вход в Ад представлялся головой, а еще точнее — огромной прожорливой пастью, свидетельствует русская фразеология. Словарь В. Даля: «Ад. /.../ вят. хайло, пасть, зев, горло, глотка. Что ад—эт разинул, что орешь»; Словарь русских народных говоров (Вып. 1. 1965. С. 203–204): «Ад. 1. Пасть, горло, глотка, рот. Ад—от заболел. Ад—от заткну. Что ад—от разинул, что орешь. Я тебе заткну ад—от! Заткни свой ад. 2. О громком голосе, о крикуне. Обзывание крикуна. Экой ад широкой! 3. О ненасытном человеке, обжоре. Так адом жрать—то и кинулся. Такого ада я и не видывала. Экой ведь ад некрытой. Ад — все забрал, все съел. Ад, перестынь! Опился, ад живоглотной! Што вас, адов, не кормят. Ах, он ад бездённый, все слопал!» Такой пастью сказки наделяют ведьму-змеиху, умеющую оборачиваться животными и природными явлениями. Она преследует героя, погубившего ее мужа и сыновей — многоглавых змеев: «Паспешаецъ за імі трэцяя змея і пусціла сваю пасць ад землі да неба» (Аф, № 134), «стаіць тая баба, рот разінуўшы — адна зяпа на зямлі, а другая пад неба» (БНТ 1, № 3), «Заходит облачина и развеивает пасть от самого неба до земли» (Смирнов, № 183), «на дороге стоит свинья, роскинула харю от земли до небеси, не обойти и не объехать ей» (Сок, № 37). Вот только ведьма ли это? Никто более в сказках такой пастью не наделяется, она фигурирует только в этом сюжете («Иван Коровий сын»). Уж не

редкий ли перед нами образчик прежнего мифа, где герою довелось конфликтовать с самой Богиней Смерти?.. Не Ее ли космических размеров пасть поглощает души умерших?..

По представлениям поляков, ведьмы на Купалу летают на шабаш верхом на лошадиных черепах (Виноградова, С. 245); «*Рассказывали, что чаровницы летают на Лысую гору верхом на /.../ лошадином черепе*» (СД 1, С. 300). Можно провести параллель. Ведьмы, как известно, обычно летают на метлах; так вот, у нашей Яги в качестве веника используется отрубленная голова: героиня сказки «*взошла в избу — лежит мохнатая башка*». Когда Яга начинает спрашивать, что она видела по дороге, то упоминание мертвой головы приходится на финальную часть их диалога: «*Видела: в избе мохнатую башку*». — «*Это мой веник, это мой кудрявый*», — сказала Яга-Ягинишна и рассердилась, сказала: «*Хам-хам, съем тебя*». Так и съела дочь» (Смирн, № 151). Мертвые головы для нечисти служат также и едой. Подобное угощение описано в белорусском заговоре «Ад пуду»: «*Лёт-пералёт цераз сем палей пераляцеў, на восьмым полі сеў. Там скамейкі засціланыя, кубачкі наліваныя, там ляжыць з чорнай куры галава, там вам піці і есці*» (Замовы, № 1035). В Воеводине демониц-вештиц «прикармливали», бросая им головы от зарезанной накануне курицы (Агапкина, С. 384). В сказке о великане Лихо рассказывается, как демон «откармливал» пойманного человека: «*Подало ему Лихо чловецьцю голову и потчует, а само Лихо слепое. Взял гость голову да под лавку. «Что, скушал?» — спрашивает Лихо. «Скушал». — «А где ты, головка-мотовка?» — «Под лавкою». Жаром и холодом обдало гостя. «Скушай, голубчик, ты сам вкусней для меня будешь». Он взял голову и спрятал за пазуху. А Лихо: «Где ты, головка-мотовка?» — «Подле желудка». — «Значит, съел, — подумало Лихо. — Ну, теперь твоя очередь»*» (Аф 2, С. 699–700); черт-людоед «*Приніс пессю голову, сказав (плененной девушке, — Б.М.), аби зварила її, а язика з'їла. /.../ Дівчина /.../ вирізала язика і кинула кішці, а потім її вбила і прив'язала до пояса. Повиртається чортисько і нараз: «Язичку, де ти?» — «Я тут, у череві — почулося у відповідь»*» (Финницкий, С. 159–160). Ср. также поступок дурака, часто ведущего себя намерено асоциально, являя таким образом свою демоническую природу. Когда богач пытается выжить из своего дома работника (=Балду), то задает ему замысловатые поручения, среди которых такое: «*аби нам такого м'яса заварив, що ще ніхто не їв і*

Исти не буде». Тот убил пса и «подае їм собачу голову». Богач терпит выходку, но ругается на него: «Ворожее темний!» (КП, С. 143).

От ведьм и демонов можно перекинуть мост к грозным и темным Божествам. В первую очередь отрубленная голова или череп — едва ли не обязательный атрибут в иконографии Богов и Богинь Смерти.

Таким мы видим Шиву: *«Поклонение держащему в руке череп, любителю (погребального) костра и пепла, Пугающему, страшному, блюдущему страшные обеты»* (Махабхарата. Шантипарва (книга XII. 286. 25). Здесь черепа — не только указание на смертное поле, в котором властвует Шива, и на его победы, это еще и символические знаки его отрешенности от мира (которой должно следовать поклонникам Шивы), и даже указание на его многую мудрость.

Кали. Гурӯ Драг-по Килая, манифестация Будды Амитабхи в гневной форме. Голова украшена короной из пяти черепов, символизирующих пять Мудростей Будды, а вокруг шеи гирлянда из человеческих голов

Такова и супруга Шивы — Кали, Богиня смерти: *«Тогда на пути [Шумбхи] стала Кали. // Пронзающая врагов трезубцем и поражающая ударами посоха с черепом на конце»* (Деви Махатмья.

8. 32): «Из ее лба, [из места] над искривленными бровями, // Вышла Кали с разинутой пастью, державшая меч и петлю, // **Носящая посох с черепом на конце, украшенная гирляндой из человеческих черепов**, // *Облаченная в шкуру тигра, внушающая ужас из-за своей истощенной плоти*» (Девы Махатмья. 7. 6–7)³¹; «О имеющая грозный клыкастый лик, **украшенная гирляндой черепов**, // о Чамунда, размалывающая бритые головы, о Нарайяни, приветствия Тебе!» (Девы Махатмья. 11. 21). Это военные трофеи, но в первую очередь — символы ее гибельности. От оружия Кали разрушается не только жизнь, но и человеческое «я»...

Точь-в-точь как Кали выглядит порожденная умершим телом демона Вритры ужасная Брахмавадхью (Смерть брахманов):

*Преужасная, жестокая, мир устрашающая Смерть браминов,
Пугающая, уродливая чёрно-жёлтая, с выступающими клыками.
Страшиноглазая, с растрепанными космами, о, Бхарата,
Увенчанная черепами, как ведьма, тур-Бхарата,
Кровожадная, одетая в лохмотья рогожи...*

(Махабхарата. Шантипарва. 283. 12–14)

Попирающим мертвую голову животного изображался Аполлон: «*Напротив храма Зевса Олимпийского находятся статуя Геры и святилище Аполлона, в нем статуя бога из меди; она изображает бога нагим; на ногах у него надеты только сандалии, и одной ногой он наступил на череп быка*» (Павсаний. Описание Эллады. VII. XX. 2). С тем же атрибутом предстают перед своими почитателями также Афина (с головой Медузы) и буддийские Божества, у которых она присутствует в виде ритуальной чаши (капала), а также украшает их оружие, головные уборы, пояса и шеи (гирлянды из голов и черепов). Можно припомнить и средневековые изображения Дьявола, где он показан трехликим и с отдельными головами, располагающимися в паху, на коленях и груди.

Средневековые хронисты упоминают о головах животных и людей, которые лежат у подножия или держат в руках изваяния

³¹ Вариант перевода: «А из Ее высокого лба с нахмуренными в гневе бровями вдруг вышла Кали — страшиноликая, несущая меч и аркан, // Держащая дивный венчанный черепом посох, украшенная гирляндой черепов, облаченная в шкуру тигра, повергающая в трепет видом (Своей истощенной плоти).

славянских Богов (что можно наблюдать и на прильвицких идолах). Так, в «Истории разных славянских народов» архимандрита Иоанна Раича о некоем «Сильном Боге» сказано: «У ног его лежали человеческая и львиная головы»³². Поревит изображался четырехглавым и с пятой головой в руках (такая вот разновидность кефалофора–главеносца), а Радегаст держал в руках бычью голову, которую позднейшие иллюстраторы сначала поместили на нечто вроде декоративного нагрудного щитка или герба, а потом и вовсе на боевой щит. Изваяния Богов из ретринских находок, отношение к которым в плане подлинности далеко не однозначное, подтверждают как раз раннюю версию описания Радегаста. Помимо этого, среди прильвицкой коллекции, зарисованной Я. Потоцким, имеются изображения Божеств, имеющих помимо своей головы еще одну на груди (одно из них, многоглавое, можно соотнести с Поревитом хронистов) или в руках (вариант: это щит с ликом головы). А на гравюре из книги Шлэйзинга «Религия москвитов», показывающей внутреннее убранство языческого храма, Бог «Stribi» или «Strebi» (Стрибог) и вовсе изображен как отделенная от тела демонического вида голова с ослиными ушами, возлежащая на алтарном возвышении.

³² Цит. по: Бычков А.А. Энциклопедия славянских Богов. Мифы древних славян. — М.: Вече, 2001, С. 267.

Прорисовка находок из Прильвицкой коллекции из книги Я. Потоцкого 1796 г

Средневековые изображения Радегаста

«Боги московтов». Стрибог крайний справа

Что примечательно, если не считать сказки, то о мертвой голове как атрибуте Темных Богов сказано довольно скудно. В середине X в. Ал-Мас'уди сделал описание святилища славянского Божества, которого уместно отождествить с Чернобогом: «здание было построено одним из их царей на черной горе. /.../ в нем они имели большого идола в образе человека (вар.: в образе Сатурна), представленного в виде старика палкой в руке, которою он двигает кости мертвецов из могил»³³. Среди изображенных у его подножия костей, надо полагать, были и человеческие черепа. Вряд ли бы араб стал о животных говорить «мертвецы», а без черепов он не сумел бы опознать среди костей человеческие. Любопытно данное описание сравнить с романтическим и фантастическим наброском языческого святилища все того же Чернобога, вышедшим из под пера М. Чулкова: «Истукан Чернобогов стоял посередине храма между четырёх покрытых столпов на престоле, сделанном из металла; под правую ногу лежала у него на боку корона, подле неё мёртвая человеческая голова и волшебные таблицы; по левую военные оружия и пламенные адские бичи; перед престолом лежали две фурии и смотрели на Чернобога, показываясь внимающими его повеления и встающими для исполнения его приказов, чтоб мучить беззаконников»; «в переднем углу стояла софа, покрытая белым покрывалом, перед нею стол с чёрною паволокою, на котором стоял домашний кумир Чернобогов, перед которым лежал череп головы человеческой и несколько мучительных адских орудий, и горела истомленно одна только свеча» (М. Чулков. Пересмешник).

Разумеется, у автора не было какого-то неизвестного нам источника, и он прибегнул к собственной фантазии. Но насколько характерен ход мысли!

Как атрибут череп обнаруживают у славянского Ярилы и прусского Патолса. Но это, как показало небольшое расследование, абсолютно неверно в первом случае и весьма сомнительно во втором³⁴.

³³ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, С. 139. Справедливости ради замечу, что приведенный фрагмент из Ал-Мас'уди современными изданиями источников по истории Древней Руси почему-то не отмечается, словно его и не было...

³⁴ В свое время мне довелось восхититься, как хитро поступил Б.А. Успенский в своих «Филологических разысканиях в области славянских древностей» (М., 1982). Когда автору доводилось развить какой-то аспект

Флици. Гравюра 1714 г.

исследуемого вопроса столь широко, что это уведило в сторону от основной темы и сильно мешало целостному восприятию повествования, он все подобные врезки обозначил как экскурсии и привел их в конце книги. Посему добро пожаловать в Экскурсе I.

Мертвая голова — не только атрибут, но и лик Смерти. Именно так Ее представляют едва ли не во всем мире. Достаточно взглянуть на русский лубок, изображающий встречу Аники-воина и Смерти. Европейские источники описывают некоего славянского Бога Флинца или Флинса (Flyns), более всего похоже на потустороннее Божество: «Славяне поистине отступили от клятвы и восстановили старого бога, звавшегося Флинц, который стоял на кремне, был изображен в виде мертвеца в длинном плаще и имел в руке палку с горящим факелом, и на левом плече — вздыбившегося льва, который будет воскрешать мертвых...» (Конрад Бото. Саксонская хроника. 1116 г.). Тот же текст пересказывает А.С. Кайсаров: «Флинц, как говорят, был бог лаузицких славян. Он означал у них образ смерти, а изображали его различно. Иногда представляли его остовом, с левого плеча висела у него мантия, а в правой руке держал он длинный шест, на конце которого находился факел»³⁵.

Иногда потусторонняя сила представляла в виде одной лишь головы без тела (как и упомянутый выше Stribi). В русских и украинских сказках героиня порой вместо ожидаемого демонического существа (Яги, лешего, Морозко) обнаруживает в уединенном доме в лесу «кобылячью голову», которая хочет ее умертвить, а сестру героини и умерщвляет (Аф, № 99; Кольберг, № 3)³⁶. Любопытно сравнить с описанием встречи упомянутого Аники со Смертью, приведенным в строках духовного стиха, где также фигурирует именно лошадиная голова:

*Ему встретилось диво-дивное,
Да диво-дивное, чудо-чудное.
И катится сенная зверина
Тута зверина лошадина,
Голова лашад(ина),
Глаза до пояса...³⁷*

³⁵ Кайсаров А. Славянская и российская мифология // Мифы древних славян. — Саратов, 1993, С. 66.

³⁶ В редких случаях упоминается также и человеческий череп: «А человеческая голова была в лесу да и отвечает...» (Худяков, № 13).

³⁷ Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых: 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга. В 2-х тт. Т. 1. — Москва: Наука, 2007, № 55.

Аника и Смерть. Русский лубок

Скорее всего, трансформацией этой кобыльей головы как демона, возникшей на стыке с рассказами о колдовской инициации, является следующая история о смерти костромского колдуна: «в момент смерти колдуна Семы отворилось окно его избы, огромный жеребец огненного цвета просунул голову в окно и вытянул свой язык на подоконник. Колдун вскрикнул и умер, окно захлопнулось и видение исчезло. Рассказчики уверяли, что это самый главный дьявол-сатана, в образе коня, приходил за душой колдуна» (Никитина, С. 187). Голова дает в ходе инициации силу колдуну (для чего нужно пролезть ей в пасть), она же ее и забирает, чтобы тот умер не мучаясь. Весьма характерно, что в истории фигурирует именно голова и то, что она открывает пасть. Тут всё один к одному.

Лошадиный череп как символ смерти и нечистой силы получил развитие в календарной обрядности, связанной с уничтожением или изгнанием из мира людей злых духов, объединенных под именем «ведьм». «В с. Симоновичи хорошо сохранился мотив сжигания ведьмы: конский череп, называемый «видьма», укрепляли на высоком шесте над костром, называемым «купаило», и сбивали в огонь, где он

и сгорал; после чего молодежь веселилась, пела и плясала у костра»³⁸; «Отыскивали лошадиную или коровью голову, убирали ее цветами и венками и вешали на ближайший сук над костром. Когда костер разгорался, бросали в нее камнями, палками, комьями земли, старясь сбить в огонь; надо было, чтобы голова сгорела дотла... это, видимо, местный обычай, появившийся как один из оберегов скота, которых так много было прикреплено к Иванову дню» (Соколова, С. 258); «В ночь на Ивана Купала молодые парни кладут приготовленную лошадиную голову на тычку в полторы сажени длиною, вбивают тычку в землю, кладут вокруг ее голье с дерева и зажигают»; «кидали в эту голову, швыряли кто чем, бивали ее, называли эту голову ведьмой, это сама ведьма и ведьму надо сбить»; «як ны зобьють, то будэ відьма цілий рик лякаты»; «Беруть такую стровину, на какой багато голья, закопають ў землю, начепляють кошели, постолы — и запалять. На деревину чепляють постолы, можно и хвосты коньские чеплять, и черепки — коньские головы, як найдуть, старые колёса, што негодяшче — почепляють»; «В купальскую ночь надевают на палку голову (=череп) коровы или лошади, поджигают ее и бегут с нею по деревне к купальскому костру с криком: «Змея бежить!» или «На двурка вэдьма бежить!»³⁹; в купальские костры ставили шест, а на него лошадиный или волчий череп, голову петуха, заколотого накануне (Агапкина, С. 678–679).

Сюда же нужно отнести и немецкий купальский обычай: «в Мейсене и Тюрингии бросали конскую голову в пламя Ивановского костра» (Потебня, С. 499); «В старину славяне и немцы бросали в Ивановский костер лошадиную голову, чтобы отогнать от священного огня злых ведьм» (Афанасьев 1, С. 635). С последним примером неясно, эта трактовка — местная вариация «изгнания ведьм» или предположение самого А. Афанасьева? Использовали в подобных обрядах и очевидный заменитель черепа. В западной Моравии «палили чародейниц» в ночь на 1 мая, для чего привязывали на жердь горшок, наполненный дегтем, поджигали его и бегали с ним по холмам» (СД 2, С. 40). В Болгарии на обрядовые костры сверху на жердь прикрепляли голову петуха (СД 2, С. 624). В источнике, к

³⁸ Толстая С. М. Материалы к описанию полесского купальского обряда // Славянский и балканский фольклор. М., 1978, С. 133.

³⁹ Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Мотив «уничтожения–проводов нечистой силы» в восточнославянском купальском обряде. // Исследования в области балто-славянской культуры. Погребальный обряд. М.: Наука, 1990, С. 110.

сожалению, не указано, какие именно костры, но вероятно, речь идет о кострах одного из главных солярных праздников, когда огонь играл едва ли не главную роль — о Купале или Масленице. Петушиная голова появляется в обряде не случайно. Духи с птичьей (куриной) головой известны, начиная с позднеантичного Абраксаса и закапчивая собственно славянскими демонами — ведьмами-вещицами, летающими в облике сорок, и кикиморами, на орнитоморфный облик которых указывает их именование, происходящее от того же корня, что и слова «кикать» — *кричать* (о птицах), «кикарика» — звукоподражание, обозначающее *крик петуха* (Власова, С. 176). Так что обряд сожжения петушиной головы имел, судя по всему, тот же самый смысл, что и белорусский обряд с конской головой — уничтожение духов-ведьм (чему посвящена часть купальских песен).

Как говорит вёльва из Старшей Эдды: *Vitud ér enn — eða hvat?* — Довольно ль вам этого? Ибо куда уж яснее...

Ну а теперь докажем обратное: что череп — это вполне себе позитивный символ, в частности — символ жизни.

Символ жизни

В уже приводившемся примере из сонника Артемидора есть примечательное пояснение: *«видеть себя обезглавленным — /.../ это к несчастью для тех, у кого есть родители и дети: ведь голова как причина жизни подобна родителям»* (Онейрокритика. I. 35). Запомним это. А вообще, мертвая голова сонниками оценивается в том числе и как положительное сновидение: *«Держать свою голову в руках к добру бездетному и холостому или ждущему возвращения отлучившегося. Если кто при этом приводит голову в лучший вид, то ему удастся уладить свои неприятности и справиться с разными житейскими трудностями»* (Онейрокритика. I. 38); в чешском соннике Анны Новаковой: голова отрубленная — хороший совет; голову свою на посоху иметь — поддержка. Украинский сонник гласит: *«рубити голову кому-небудь — придбання чогось (получение чего, — Б.М.)»* (Дмитренко, С. 58).

У нескольких восточнославянских сказок о чудесном рождении весьма интересное начало. Обычно у царевны рождается сын (а также у кухарки и коровы или собаки), после того как она отведала золотую рыбу, нарочно изловленную для нее. Как вы уже догадались, иногда вместо рыбы ловят отделенную от тела голову. В сборнике сказок А. Афанасьева к тексту № 137 дается вариант: *«Жил-был царь, у него*

была дочь. Раз как-то поехал он на охоту за красным зверем и перелетными птицами. Подъезжает к одному озеру, глядь — **плавает в озере золотая голова**. Говорит царь: «Кто поймает мне эту голову, того щедро буду жаловать». Бросились охотники в воду, плавали, плавали — никто не поймал золотую голову, а поймал ее самый последний псарь. Царь обрадовался, привез золотую голову, никому про нее не сказал и поставил в своей комнате. Через несколько времени собрался он опять на охоту, отдает ключи своей дочери: «Везде ходи, только в мою спальню не заглядывай!» Вот царевна пошла со своей нянькою по дворцу гулять, не утерпела и зашла в отцовскую комнату; увидела тут золотую голову: «Что за диво! Посмотри-ка, нянька!» С того самого часу и царевна и нянька обе сделались беременны. Воротился король, видит, что дочь тяжела, и стал ее допрашивать: «Говори, с кем живешь?» — «Знать не знаю, ведать не ведаю, от чего это приключилось. Зашли мы с нянькою в твою комнату, увидели там золотую голову, и с того часу обе сделались беременны». — «Хорошо, — говорит царь, — если вы обе в один день, в один час разрешитесь — правда твоя; а если да в разные часы, тотчас твою голову срублю». Пришло время рожать, и царевна и нянька в один день, в один час, в одну минуту родили себе по сыну и нарекли их одним именем: Иван-царевич да Иван нянькин сын»⁴⁰.

Контакт с золотой головой происходит через взгляд на нее. В варианте Н. Ончукова взгляда оказывается достаточно мимолетного,

⁴⁰ Вероятно, эта самая голова, но более завуалировано, описана и в сказке № 136 того же сборника. Во всяком случае, реалии опознаваемы: море, золото, отделенная от тела голова. Королевская дочь летает на море и зовет там: «Дедушка, дедушка, **золотая головушка, серебряная бородушка!** Поговорим-ка с тобою». Дедушка высунулся из синя моря»; когда герою дается поручение узнать, откуда происходят показанные ему три золотых волоска, его выручает волшебный помощник, повторивший трюк королевны: «Только дедушка высунул из воды свою голову, Буря-богатырь схватил и сорвал ему голову, ударился оземь, оборотился орлом и прилетел во дворец скорей королевны. Вызывает Ивана-царевича в сени: «На тебе, Иван-царевич, эту голову; подойдет к тебе королевна, покажет три волоса: узнай-де, Иван-царевич, с какого корешка эта травка? Ты и покажь ей голову». Что любопытно, дедушка потери не заметил. Когда королевна спрашивает его: «Никак твоя голова там (предъявленная герою. — Б.М.) была?», он недоумевает «Знать, как была ты в последний раз да хотела мне словечко молвить, в те поры, видно, мне и сорвали голову».

расстояние — совершенно не преграда. Купец посадил девиц (дочь свою и дочь стряпухи, появившихся от золотой рыбки) в темницу. Одна из них, когда выросла, вызывает землетрясение: «*Потреслась мать сыра земля, раздвоилась белокаменна стена, видят — мимо ихной темницы катицца мужицкая голова. Опять сошлась их темница и оне обе обеременили и принесли по сыну*» (Ончук Неизд, С. 94). Еще более любопытен вариант, где вместо самой головы задействован оказался пепел от нее. Поп возвращается домой и видит нечто странное: «*И едзиць ён па дароги, и гариць цалавецкая галава на дароги, и уся згарела, только попил ядин астаеццы. Ён было праехав, патам и уздумав: «Ще ж я праехав? Видзь цалвецкая галава гариць, дай я вазьму, у карман евтат папялок улажу, связу дамов и пагрябу». Ну, узял ён у карман яго и усыпав, сев на лошады апяць и паехав дамов. Ну, прыяжджаиць к двару, и сувстрикаиць яго доцка, з лошады знимаць яго; у яго забалела галава, видна з ветру, и яна спаць яго палажила на пярину. Ну, патам яна уздумала ета: «Ах, бацюшка ж мой нябось гастинца привёз!» Яна и цап у карман; евтат жи папялок абаратився ларцыкам. Ну, ета яна выхвацила етат ларцык и кажиць: «Ну, ларцык! Харашо; а ня знаю, как яго атлажиць». Ну, вот яна выхвацила и лизнула яго и забяреминила» (Аф, № 143).*

Похожий вариант, гораздо лучше, чем первые два, мотивирующий сюжет, записан в Сербии: «*Говорят, будто какой-то царь во время охоты наехал на мертвую человечью голову, переехал ее на своем коне, а голова ему и говорит: «Что топчешь меня, ведь я и отомстить сумею». Как услышал это царь, слез с коня, поднял голову и отвез ее домой; дома он ее сжег, а когда угли остыли, стер их в порошок, завернул в бумагу и в сундук спрятал. Прошло время, уехал как-то царь, а его дочь /.../ взяла ключи, открыла сундук и давай в нем копать. Нашла она тот самый сверточек, видит — порошок какой-то, а какой — не знает, тогда она палец языком смочила, в порошок палец макнула и чуть лизнула — узнать, что это такое. /.../ и с той минуты забеременела» (Караджич, С. 432). Выросший чудо-ребенок мстит своему деду, отнимая у него царство.*

Неважно, золотая ли это голова, катится ли она мимо по своим делам или попадает в дом в виде пепла, результат всегда один и тот же: у женщин чудесным образом появляются дети. Так она влияет — дает жизнь. В соннике Артемидора Далдианского голова названа причиной жизни и уподоблена родителям. Золотая голова из озера,

плавающая там подобно вешей голове Орфея, тоже оказывается родителем.

Закапывание мертвой головы (и других частей тела) в землю может сделать ее плодородной. По рассказу Снорри Стурлусона, после того как в возрасте 40 лет умер норвежский король Гальфдан Черный, к месту его погребения в Хрингарики «приехали знатные люди из Раумарики, Вестфольда и Хейдмёрка и просили, чтобы им дали похоронить тело в своем фюльке. Они считали, что это обеспечило бы им урожайные годы. Помирились на том, что тело было разделено на четыре части, и голову погребли в кургане у Камня в Хрингарики, а другие части каждый увез к себе, и они были погребены в курганах, которые все называются курганами Хальвдана» (Круг Земной. Сага о Хальвдане Черном. IX).

Надгробный рунический камень. Шотландия, XVII в.

Это напоминает миф об Осирисе, чье тело было растерзано на куски: «Сердце его хранилось в Атрибии, позвоночник — в Бусирисе, шейная часть — в Летополе, а голова — в Мемфисе. Число божественных членов тела Осириса, как это часто бывает в таких случаях, чудесным образом умножилось. Голова его, к примеру, оказалась одновременно в Абидосе и в Мемфисе» (Фрэзер, С. 383). Греческая традиция также знает обычай погребать отдельно голову известной персоны, неясно только, считалось ли это действием, как-либо влияющим на местность. «Еврисфей, по рассказам, выступил в поход с помощью афинян на Марафон против Иолая и сыновей

Геракла и пал в битве; тело его было погребено в Гаргетте, а голова была отрублена Иолаем и отдельно похоронена около источника Макарии у проезжей дороги. И это место называется «Головой Еврисфея»» (Страбон. География. VIII, 6, 19). С одной стороны, царь этот был человеком, откровенно говоря, так себе, но с другой — это был царь...

Позволю себе одну крамольную мысль касательно мертвой головы как символа жизненного, а не мертвенного. Известно, что средневековые теологи, искатели философского камня, «настоящие дипломированные маги» (чародеи, некроманты и астрологи) и прочие любители тайного знания держали на своих рабочих столах человеческие черепа⁴¹, вроде как знак принадлежности к одному кругу *знающих людей*, как профессиональный атрибут⁴². И это несмотря на знаменитую буллу Бонифация VIII de sepuluris, изданную в 1300 г., которая за рассекание трупов и вываривание человеческих костей грозила отлучением от церкви. Кто-то наверняка держал череп для солидности, для создания нужного впечатления у посторонних, для красоты, в конце концов. Потому что мода была такая. Но кто-то ведь эту моду создал. Тот, кто за подобным знаком, постоянно находящимся перед глазами, признавал некий вполне определенный смысл. Первое, что приходит в голову — перед нами обыкновенный «ванитас», напоминание о быстротечности жизни и неизбежности смерти, символ, который нередко усиливали вполне ясно читаемым образом песочных часов⁴³.

⁴¹ Виктор Гюго, «Собор Парижской богородицы»: *«Мрачная, едва освещенная конура... Помимо большого кресла и соразмерного ему стола здесь были циркули, перегонные аппараты, подвешенные к потолку скелеты животных, глобус, катающийся по каменному полу, конские черепа, всевозможные склянки с трепавшимися в них золотистыми лепестками, человеческие черепа, помещенные на листы тонкого пергамента, испещренные рисунками и письменами».*

⁴² Так, в 1371 г. в Суасварке был арестован колдун, при котором нашли «голову мертвеца». Дело кончилось миром, но артефакт был сожжен... за счет владельца (Китредж, С. 195).

⁴³ Символ получил развитие в живописи эпохи барокко, где мертвая голова была композиционным центром аллегорического натюрморта. Рядом с ним изображалось нечто противоположное по смыслу, жизнеутверждающее: цветы, золото. В отечественной народной живописи эта идея тоже отобразилась. Вот описание лубочного листа «Притча о житии человеческом и о состарении»: *«в середине картины сидит полунагой человек, за столом,*

Младенец и смерть. Рельеф надгробия и магическая эмблема

Мастеру, занятому поисками едва ли не эликсира бессмертия, такой стимулятор на столе определенно нужен, дабы подталкивать в нужном направлении, не давая отвлекаться на суетное и тщетное. Резонно допустить и еще один момент: мертвая голова, знающая (потенциально) всю правду жизни, выдавшая виды и лишенная необходимости лгать — это разве не лучший собеседник для мудреца, которому необходимо выговорится, поделиться с условным собеседником своими творческими планами и гениальными мыслями?! Череп выслушает всё что угодно и не сбежит по своим якобы неотложным делам, опасаясь, что «профессор сошел с ума». Не буду развивать мысль, что монологи гениев, произносимые перед виртуальным слушателем, бывает, перерождаются в диалог, когда гений начинает сам с собой спорить от лица этого собеседника. Любопытно другое: в легендах нередко говорится о черепах, неожиданно обретших дар речи, известно и о магических приемах (о чем мы подробнее поговорим далее), заставляющих мертвые головы начать пророчить и отвечать на вопросы.

на котором адамова голова, песочные часы, чернильница, цветы в вазе и горящая свеча; над человеком треугольник со словом «бог»; сзади его «смерть»; она собирается приколоть его стрелой... Под ногами сидящего человека «гроб»...»; а лубочная картинка «Адамова голова перевитая змеею» «представляла череп, весь перевитый из глазницы в глазницу и носовую впадину змеею; вверху песочные часы» (Часовникова, С. 99).

Алхимики и «нигроманты» как раз и числились по магической части, так не прибегали ли и они к знаниям, которыми могла поделиться мертвая голова? Крамольная мысль в том и заключается, что череп на столе, в таком разе, мог «рождать» в голове мага перспективные задумки, наталкивать его на новую мысль, неважно как — в ходе диалога с несуществующим другом или при ворожбе над черепом, ожидая от него подсказки «да» или «нет». Такой вот своеобразный генератор идей⁴⁴. Но главное — рождающий нечто новое и живое.

Караваджо. Святой Иероним. 1607

Теперь обратимся к известному русскому духовному стиху, где описывается сотворение мира — к «Голубиной книге». Отделенная от тела голова фигурирует там аж дважды. Один раз явно, а другой — опосредовано, и уточняется этот момент только через параллели. Впрочем, и отделенность головы тоже приходится реконструировать. На вопрос о происхождении тех или иных ключевых составляющих белого света в «Голубиной книге» даются ответы, описывающие весьма архаичную модель мироздания. В частности, в ответ на вопрос о происхождении варн-сословий сказано:

⁴⁴ Ср. на фене череп — «умный».

*От того у нас в земле цари пошли:
От святой главы от Адамовой;
От того зачались князья-бояры:
От святых мощей от Адамовых;
От того крестьяны православные:
От свята колена от Адамова.*

(ГК, С. 36).

Вроде о расчленении не говорится, голова перечисляется как бы в «наборе», но, тем не менее, это оно самое, то, что мы ищем. С одной стороны, прекрасно известно, что череп Адама лежит отдельно от остального туловища. Так его изображают у подножия христианского креста⁴⁵ (собственно, голова захоронена сама по себе, под Голгофой, пресловутым «лобным местом»⁴⁶), так о нем говорят заговоры: «*Стоит на берегу океяна золотая церква, захожу я в эту церкву —*

45

*А глава главам мати — глава Адамова.
Потому что когда жиды христа
Распинали на лобном месте,
То крест поставили на святой главе Адамовой.*

(ГК, С. 37)

*стали крест крепить-твердиту...
крест не становится,
плошма к земле ложится...
речет им сам исус христос...
— подите, жиды, в ад,
принесите из ада Адамову главу,
крест крепите-твердите,
на соборную божью церковь становите!*

(Часовникова, С. 111)

⁴⁶ Или Голгофа вырастает над мертвой головой. В русском тексте «О главе Адамове» рассказывается, как Соломон, найдя в пещере голову Адама («Глава де Адама стояше в корени, никто же не видаша ея»), повелевает подданным повторять за ним. После чего, совершив поклон перед ней («поклоняютися, яко твари Божия первой»), положил на нее камень («побиваю тя, яко преступника Божия»). Далее «и весь народ верже камения и сотвориша Лифостратон, евреи же нарекоша Голгофа» (Памятники старинной русской литературы издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А.Н. Пыпиным. — СПб., 1862, С. 8).

лежит *Адамова голова* на престоле, ничего у нее не болит» (Пыщуганье, С. 131). И в обоих упомянутых случаях череп выступает отнюдь не символом смерти. В первом — он пристегивается к идее искупления грехов и райской жизни (насколько это так — сейчас не суть важно), во втором — используется для исцеления страждущего (здесь уместно припомнить и то, что из черепов «святых» болящие пьют воду, чая выздоровления). Одним словом, череп все же сам по себе. Без тела.

Питер Клаец. Vanitas. 1630.

Также в «Голубиной книге» говорится о том, что из отдельных частей тела Бога появились такие важные части мироздания, как светила:

*А и белой свет — от лица Божья,
Солнце праведно — от очей Его,
Светел Месяц — от темечка,
Темная ночь — от затылочка,
Заря утренняя и вечерняя — от бровей Божьих,
Часты звезды — от кудрей Божьих!*

(ГК, С. 46; КД, № 70)

*Сонца красныя от лица божьива...
Млад-светел месяц от грудей божьих...*

(Киреевский 2, № 5)

Здесь нет искомой нами головы, хотя есть лицо... Разумеется, текст позднейшей записи, каковым является стих о «Голубиной книге», не отображает древний миф в полной мере. Неизбежны были искажения и переосмысления, связанные с веками бытования архаичного текста в иноконфессиональной среде. Чего стоит такое переосмысление творения мира из частей тела:

*У нас мир–народ от Адама,
Кости крепкие от камня,
Телеса наши от сырой земли,
Кровь–руда наша от черна моря.*⁴⁷

Все стало с точностью до наоборот! Части тела происходят от природных составляющих, хотя в этом нет никакой логики. Носители традиционного знания переосмыслили стих на новый лад, относительно удачно сумев приспособить его к новым реалиям. Но превосходно известны и дохристианские версии мифа, сохранившие его первоначальный вид. Общее происхождение народов индоевропейской языковой группы позволяет в общих чертах реконструировать, на основе сравнения вариантов, и славянский космогонический миф. Нас в этих текстах, разумеется, прежде всего интересует голова, отсеченная от тела. Дело в том, что наиболее архаичные записи мифа говорят именно о расчленении ПервоБога.

Ведический текст повествует, как Боги заклали и разделали тело гиганта Пуруши:

*Когда Пурушу расчленили,
На сколько частей разделили его?
Что его рот, что руки,
Что бедра, что ноги называются?*

*Его рот стал брахманом,
(Его) руки сделались раджанья,
(То,) что бедра его, — это вайшья,
Из ног родился шудра.*

⁴⁷ Стих о книге голубиной // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. II. — М., 1859, С. 66.

Луна из (его) духа рождена,
 Из глаза солнце родилось.
 Из уст — Индра и Агни.
 Из дыхания родился ветер.
 Из пупа возникло воздушное пространство,
 Из головы развилось небо,
 Из ног — земля, стороны света — из уха.
 Так они устроили миры.

(Риг Веда. X. 90. 11–14)

Имир и Пуруша

Стих 12 по своему содержанию почти идентичен приведенной цитате из «Голубиной книги», где описаны отечественные варны: цари, бояре, крестьяне. Отголосок этого мифа, вероятно, отразился в другом тексте Риг Веды, где голове Божества приписывается исключительное значение:

*Взглядом Вайшванары измерены
 Вершины неба, знаком бессмертного.*

Это на его голове (покоятся) все существа.

Словно ветви, выросли семь потоков (огня).

(Риг Веда. VI. 7. 6.)

Тантрический вариант то ли перевел на женское Божество, главное в их культуре, сам миф о сотворении—рождении мира, то ли проводит с ним сравнение, как со своего рода классическим образцом:

*И они узрели высочайший образ Великой Богини,
Чьей головой были небеса, а очами — Луна и Солнце.*

*Ушами — стороны света, речью — Веда, жизненное дыхание — ветром,
Вселенная была ее сердцем, земля — сидалищем,*

...

*Океаны были животом, а горы — костями Великой Владычицы,
Реки — венами, а деревья — волосами (на теле).*

(Девигита, II. 23–24, 31)

Столь же архаичен, что и миф о Пуруше, миф эддический, хотя и был он записан довольно поздно. Север, как известно, «консервирует» архаичные жанры (достаточно вспомнить наши былины), к тому же свою роль, несомненно, сыграло трепетное отношение к священным текстам, изучаемым устно — выбрасывать из них хоть слово, равно как и прибавлять лишнее, считалось недопустимым. Старшая Эдда дважды упоминает миф, как трое братьев, Один, Вили и Ве, умертвили турса Имира, первое живое существо в мире:

*Имира плоть
стала землей,
кровь его — морем,
кости — горами,
череп стал небом,
а волосы — лесом.*

(Речи Гримнира. 40)

Вафтруднир [сказал:]

*Имира плоть
стала землей,
стали кости горами,*

*небом стал череп
холодного турса,
а кровь его морем.*

(Речи Вафтруднира. 21)

Младшая Эдда детализирует процесс выделки неба: *«Взяли они и череп его и сделали небосвод. И укрепили его над землей, загнув кверху ее четыре угла, а под каждый угол посадили по карлику. Их прозывают так: Восточный, Западный, Северный и Южный»* (Младшая Эдда. Видение Гюльви).

В греческой культуре этот миф сохранили орфики. У них ВсеБогом и ВсеРодителем оказывается Зевс. О расчленении речь, разумеется, не идет. Просто Зевс оказывается всем, где мы живем и что вокруг себя видим. Собственно говоря, мы живем в Нем, едва ли не на Нем.

Зевс — основание Земли и звездообильного Неба.

<Зевс — дыхание всех, Зевс — пыл огня неустанна.

В Зевсе — корень морей, Зевс — также Солнце с Луною. >

Зевс — владыка и царь, Зевс — всех прародитель единый.

...

Очи — Солнце с Луной, противугрядущую Солнцу.

Царский же ум неложный его — в нетленном эфире...

(ФРГФ, С. 54–55)

Здесь голова Божества уже не упоминается, но зато упоминается ум... Одним словом, параллель мифу вполне наблюдается. Однако в другом орфическом гимне, словно взявшем за основу миф о рождении Афины из головы Зевса⁴⁸, Громовержец рождает окружающий мир посредством своей головы:

С помощью, царь наш, твоей головы на свет появились

Мать Богиня земля и гор вознесенные кручи.

Море и прочее все, что под небом широким воздвиглось.

(Орфические гимны. Гимн Зевсу. XV. 3–5)⁴⁹

⁴⁸ И снова голова дает рождение.

⁴⁹ Античные гимны. — М.: Издательство Московского университета, 1988. Вариант перевода: *«О царь, из твоей головы явилось это, богиня Земля и море, и все, что заключает в себе небо».*

Ср. также, как Платон в диалоге «Тимей» говорит о связи головы и мира: *«Итак, Боги, подражая очертаниям Вселенной, со всех сторон округлой, включили оба божественных круговращения в сферовидное тело, то самое, которое мы ныне именуем головой и которое являет собою божественнейшую нашу часть, властвующую над остальными частями».*

Сухой остаток будет очевиден — отрубленная голова Первобога может «порождать»⁵⁰. Она не падет мертвым грузом, но служит тем, из чего делают небосвод. Собственно, становится им. То есть к символам смерти в данном случае совершенно не относится. А вот к символам жизни — более чем. Это едва ли не первый на белом свете символ жизни. При этом она же — и первый символ смерти, ибо первым существом, познавшим смерть, как раз и явился расчлененный ПервоБог.

Зевс порождает Афину. Краснофигурная керамика

Если продолжать тему мифа дальше, то обнаружатся интересные детали. Из мертвой головы («лба») Божества делают небо. Небо—свод,

⁵⁰ Далее см.: Экскурс II.

и у черепа тоже имеется свод (*formix cranii*) — куполообразная часть, которой прикрыт мозг. Небо — крыша мира, и это не только поэтическая метафора⁵¹: народные представления о его устройстве изображают небеса именно так — как крышу, подпертую колоннами: «старинный апокриф /.../ говорит, что Бог создал «небо хрустально на столпах железных» (Афанасьев I, С. 122). Так вот, крыша дома в народе явно отождествлялась не просто с головой⁵², а с головой мертвой, черепом, а значит, дело тут явно не только в возвышающемся расположении крыши: ««лобьяк, лбище, залобник» — названия фронтонов из бревен у великорусов; «чело» у белорусов; «череповой» («подгнетный» — верхний венец из более толстых бревен, чем остальные)» (Байбурин, С. 89), «Череп избы, арх. потолок или крыша; самый конь, из опрокинутого желоба; поперечная переводина над потолком, для связи, надчерепок» (Даль, словарь).

Череп, лоб. Любопытно, не правда ли? Изба, по большому счету — это весь мир в миниатюре, микрокосм. Порожденный из частей тела ПервоБога мир находит в избе свое полное соответствие, недаром отдельные элементы дома носят весьма характерные названия, соответствующие частям тела: окна (=очи), стены-боковины (=бока)⁵³, матица (=матка)⁵⁴, «уши» — выемки в стропилах (ср. «проушины»), «усы» — затесанные концы верхнего бревна сруба (Байбурин, С. 89)⁵⁵. И. Белкин усмотрел в форме деревянных церквей русского Севера, при взгляде на них с фронтона, известное соответствие «трипольскому» Пуруше (!). При этом головой оказывается купол, а декоративные детали напоминают «пятипалую руку с ярко выраженными ногтями. /.../ Предположительно обозначает руку,

⁵¹ Она видна, в частности, в величальных песнях, где светила изображаются живущими в одном доме (Афанасьев I, С. 115).

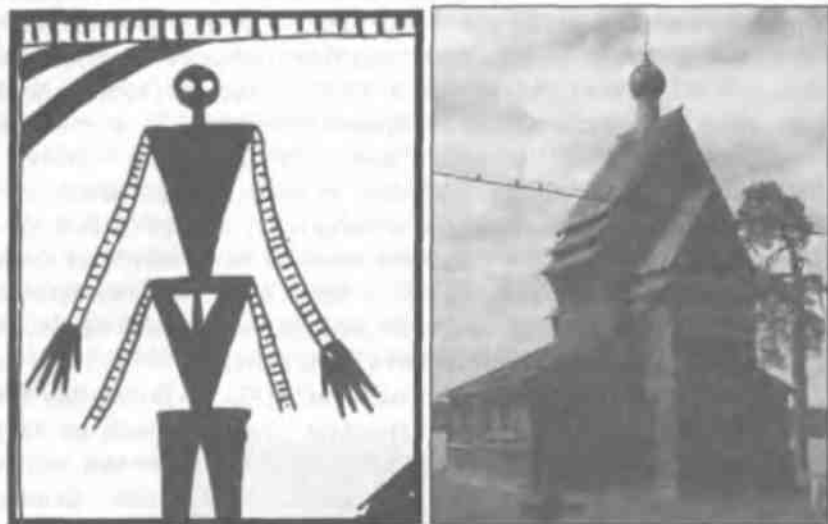
⁵² Ср. также арголичное *чердак* — «голова»; в сказке дурак отрубил старику голову, «пришел домой да на голубничю и бросил» (Вятск, № 25), где *голубничя* — «подволока, чердак».

⁵³ Известная старообрядческая пословица отождествляет бревенчатые стены постройки с реберными костями человека: «Бог/церковь/вера не в бревнах, а в ребрах» (В. Даль). Ср. также загадку об избе: «Стоит бычище, проклеваны бочища» (Садовников, № 17).

⁵⁴ Опять вспоминается тантрическая Богиня как родительница мира...

⁵⁵ А также: «Лоб, лицо, окно (око), усы, устье (уста), чело, ноги, зад — далеко не полный перечень терминов, общих для описания человека и жилища» (Байбурин, С. 61).

которой Бог, чьим олицетворением является храм, поддерживает крышу-небо»⁵⁶.

*Изображение титана Пуруши (Петрены; трипольская культура).
Церковь, с. Юксовичи (Ленинградская обл.).*

Также исследователями подмечена следующая любопытная деталь: «В крестьянской избе венцов всегда нечет, от 19 до 21», при этом известно, что Пурушу расчленили на 21 часть (Байбурин, С. 79).

В целом картина вырисовывается довольно ясная. Мертвая голова — символ амбивалентный, в котором спокойно уживаются прямо противоположные значения. Легко выделить главное — во всех рассмотренных случаях отделенная от тела голова: всегда нечто исключительное, выделяющееся, бросающееся в глаза, возвышающееся над общим уровнем. Одним словом — нечто главенствующее, главное. Лучшее всего это было видно на примере создания небесного свода из черепа ПервоБога. Небо поднято надо всем, светила движутся по нему или на нем закреплены, так что главенство тут неоспоримо, оно действительно выше всего и в антропоморфном сравнении соответствует голове. Слова «голова» и «главный»

⁵⁶ Белкин И. Закон Большого в Малом // Мифы и магия индоевропейцев. Альманах. Вып. 6. — М.: Менеджер, 1998, С. 36.

однокоренные, «главный» — это тот, кто во главе, в начале, кому положен наибольший почет, и у кого наибольшая же ответственность. Татуировка «череп» в среде преступников обозначала принадлежность к авторитетам, то есть опять же к главным людям их круга, к главарям. Голова, пусть даже и череп — это и есть нечто главное. Не просто важное — как в случае «наша главная цель/задача», «самым главным для нас является», а именно в том смысле, что находится, грубо говоря, наверху и всем заправляет. Ведь не зря мы говорим «возглавить/возглавлять дело/движение/страну», «быть главой фирмы/семьи/рода». Так что сама по себе голова, в силу своего не только расположения на теле, но и «руководящей роли», является символом главного, самого важного, сути вещей, истинной цели. Если продолжить, то голова, отсеченная от тела, — это знак истины, лишенной всего того, что мешает ее достижению и пониманию: ложных идей, ошибок на пути, бытовых забот и прочего, уводящего в сторону. Голова же, лишенная кожно-волосяного покрова, голая кость, череп — символ чистой истины, сокровенной и незамутненной посторонними примесями, подлинного смысла, обычно сокрытого оболочками необязательных мудрствований. Как ядро ореха без скорлупы, как рудяная жила без породы, как дух без телесного вместилища. Мертвая голова — символ предельно ясного понимания, прямого контакта с сутью, без каких-либо посредников, непосредственного проникновения в самую глубину. Это связь, когда есть лишь ты — и истина в твоих руках, простая, очевидная, всеобъемлющая. Сухая кость не дает ошибиться в себе, она лишь то, что ты видишь. Какие еще могут быть сомнения, какие тайны? Ответ — вот он, на ладони. Прими главную истину, прочувствуй соль, или оставь и занимайся своими человеческими делами и не мути хрусталь вод. Но хватит патетики.

Итак, **главенство головы — вот главное**, несмотря на зубодробительную тавтологию. Примерами с небом это значение отрубленной головы не исчерпывается. Успех, обещанный сном про отрубленную голову, — это ведь тоже разновидность главенства. У кого из воинов собрано больше всего срубленных голов противника, тот и главный, тому вся слава. У кого из сенаторов дома выставлено больше голов-бюстов-масок предков, того род более древний, а значит, и почета ему положено больше прочих. Византийский историк Иоанн Киннам, описывая императорский трон, говорит и о

несомненным главенстве головы вообще: «Таким-то светом облито было это кресло. А верхняя его часть, возвышающаяся над головой, столько превосходила блеском другие, сколько голова превосходнее соседственных с ней членов» (Краткое обозрения царствования Иоанна и Маниула Комнинов. V. 3).

В волшебных сказках главенство в государстве получает мальчик, который съел голову чудесной птицы: «Митя пришел из школы и заглянул в печку и увидел эту утку, то взял, лёхо-то и печенку и головку съел, а утки не пошевелил», и вскорости «Митя настал на царство» (Вятск, № 85); «под правым крылом подписано у этой птички: кто головку съест, так будет царем, а кто серцо вынёт из нее и съес, тот будёт князём» (Перм, № 3); «Поднял крылышко, а там написано: «Кто съест мою голову, тот станет царем, кто съест мое правое крылышко, тот будет плевать серебром»» (Нижегородские, С. 38).

Отделенная голова как явный символ главенства, непременно фигурирует в случае дележа туши животного, доставаясь наиболее уважаемому члену сообщества. К примеру, на свадьбе так делят курицу: «в Глухоском уезде Черниговской губернии. /.../ Курица ставится на стол, и шафер, получив всеобщее благословение на «дележку телочкиного мяса», отрезает курью башку и протягивает ее матери новобрачной со словами: «**Ты у нас голова, тебе и голова**». Затем он отрезает у курицы заднюю часть и передает ее отцу: «Ты, батько, всё больше вокруг хвостовой части крутишься, тебе и вымя!» Распределив остальное, шафер с криком: «А вот и ворона вылетела!», разбивает чугунок, в котором была принесена курица, об косяк входной двери» (Лашенко, С. 194–195); «Потім, взявши зарізану, іноді зварену, а іноді й сиру курку, обклавши гіллястою калиною і червоними нитками /.../, іде дружко з молодим і з усім весільним почтом до тестя /.../ і ставлять курку з хлібом на стіл. /.../ Потім дружко розриває курку і дає тестю пару пирогів і курячу голову, теці — задню частину курки і стільки ж пирогів, а іншим гостям по куснику пирога і по иматку курки» (Весілля, С. 74). В полевых праздниках также можно обнаружить это правило: «В ю.-вост. Сербии кровь зарезанного петуха должна была протечь на пшеницу, с которой начинали затем сев озимых; петуха съедали молотильщики, а его голову получал главный пахарь. /.../ Празднество по случаю окончания молотбы с приготовлением кур или каши известно и вост. славянам» (СД 3, С. 289).

Вероятно, во времена весьма отдаленные голову забитого на охоте животного получал вождь племени. Отсюда и пошло-поехало... От вождя к царю. Сатирические сказки этот момент шуточно обыгрывают, ибо в результате подобного уважения и дележа по справедливости все мясо достается хитрому «делильщику», а наиболее несъедобная часть — голова — главе государства или семьи. *«Большаков отрезывает голову гуся и подвигает императору, и говорит: «Вот ты, царь, глава — кушай голову». А царице отрезывает огнива⁵⁷: «Ты — помощница царю, тебе огнива кушать». А сынам отрезают по лапке: «Вы, сынки — скороходы, в школе учитесь, чтобы вам поскорее было ходить». А дочерям отрезают крылышки: «Вы до восемнадцати-двадцати лет будете у отца, а потом замуж выйдете в другие государства, так вам чтобы полегче было улетать». А остатки гуся подвигает к себе: «Я — моряк-сирота, так мне вся середка»» (УС, С. 215); мужик делит птицу: *«Він одрізав із гусака голову і подає панові: «Ви у домі голова, і вам — голову»» (ДБ, С. 24); «Взял мужик нож. Отрезал голову. «Ты царь — всему голова, вот тебе за это голову»» (Нижегородские, С. 122).**

Выводы все уже озвучены, факт — обнаружен и обнародован. А теперь вернемся немного назад. К «Голубиной книге» и мифу о рождении мира.

Духовный стих — произведение более чем позднее, но миф, служащий ему основой, предельно архаичен, что доказываются параллелями. Свое тело на создание мира отдает первое живое существо — Имир, Пуруша. Это, по сути, первое и единственное его деяние, хотя и деянием произошедшее назвать трудно, ибо тут поработали чужие руки. Если следующее поколение за ним — Боги, то и он — Божество, в силу примата которого можно и нужно назвать ПервоБогом. Основное его отличие от Богов — полная неактивность, словно он явился только для того, чтобы дать «материал», из которого будет создан окружающий мир. Его гибель уникальна не только этим. Мы — живем на его теле, и окружающий нас мир жив, из чего можно прийти к выводу, что ПервоБог не умер, как умирают все прочие, включая Богов. Он не исчез. Ибо — вот он, вокруг нас. Он точно не умер, ибо его волосы растут, кровь бежит, а плоть изменяется.

«Голубиная книга» разделила единый образ: высшая сфера бытия создана (является) из частей тела Божества, сфера нижнего

⁵⁷ «Огниво — локоть птичьего крыла» (Даль).

мира — из плоти Адама. Перед нами продукт двоеверия, когда языческое начало, так до конца и не вытесненное пришедшей религией, стало уживаться с ней в одних рамках, порой — под новой вывеской. Библейская концепция, конечно же, не содержала и не содержит представлений о рождении мира из тела Бога, у семитов творение мира мыслилось произошедшим совсем иначе. Так что эта часть стиха — языческая, пусть даже ПервоБог здесь стал безликим и безымянным, слившись с «Богом Авраама и Исаака». Но вот Адам... Адам здесь точно пришелец, однако такой, который с легкостью вписался в сохранившийся миф. И не только здесь. По библейским представлениям Адам — первочеловек, и уже одним этим (добавим сюда долголетие и гигантский рост⁵⁸) именно он мог претендовать на замещение языческого ПервоБога, причем вряд ли это замещение происходило полностью насильно. Народ всегда склонен сам проводить параллели между известным и неизвестным, отождествляя то, что в «каноническом виде» никак связано быть не может. В конце концов, это ведь не богословы написали, и не попы с амвона надоумили, что Адам породил сословность.

Адам заменил ПервоБога не в одном лишь стихе-мифе — это произошло везде, где космогонический миф так или иначе отразился. И теперь уже Адам начинает восприниматься как основа основ, как первопредок мира, как первопричина всякого рождения⁵⁹, к нему возводится исток мира, с ним как с эталоном главенства производятся сравнения и отождествления.

⁵⁸ «Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет» (Бытие, 5:5). В хадисах говорится, что рост Адама был 60 локтей, т.е. около 30 м. Ср. в отечественной фразеологии: «Адамовы лета, годы, много лет, более человеческого века. Адамовы лета с начала света» (Даль); «Адам-Адамом», «Адамина», «Адамице» — о человеке огромного роста» (СРНГ, Вып. 1. (А). — М., 1965. С. 205).

⁵⁹ Отсюда и связь с рождением у растений, сближаемых не только с головой Адама, но и с ним самим: адамова голова (мордовник шароголовый) «обладает самыми разнообразными и универсальными свойствами: «/.../ давай эту траву беременной женщине — и она легко родит и т. п.» (Попов, С. 381-382); «Адамская ручка. Лекарственное растение ночная фиалка. Шибко хотела она детишек. Насоветовали ей пить адамску ручку» (Родионова, С. 127).

Тело Первобога лежит в основании мира, потому не мудрено, что главная часть сего тулова есть середина мира, самая сакральная его часть. Это читается из отечественного сокровенного текста — вновь из «Голубиной книги», тем паче что и библейская концепция полагала голову Адама лежащей в священном центре мира — в матери всех городов Иерусалиме, на мировой горе (точнее, в основании ее) — Голгофе (она же Сион для других текстов), где свершилось главное событие христианства.

*У дуба Маврийскаго,
У чуднаго креста Леванитова,
У святой главы Адамовой.*

(Часовникова, С. 114)

Выпадение «Голубиной книги» происходит не абы где, но в сакральном центре мира:

*на той горе Сионския,
У той главы святы Адамовы.*

(ГК, С. 44),

*Ай на той горы на Фагорския
Ко цюдну кресту животворящему,
Ко Латырю белу каменю,
Ко святой главы ко Адамовой
Выпадала книга Голубиная.*

(Часовникова, С. 122)

В заговорах Адам назван «всемирным дедом» (Майков, № 216); «Как у дедушки нашего Адама» (Книголюбов, С. 370), «от прадеда нашего (!) Адама» (Отреченное, С. 264). Ср. также письменную традицию: «с Адама земленнои начал, со Еввы семена земленные», «отныне и до веки от отца Адама, от матери его» (Юдин, С. 70). А далее имя Адам становится именем нарицательным, обозначая человека вообще: «Адам, вообще, человек во плоти, грешник; | падкий на соблазн. И ты адам, и я адам; все мы адамы. /.../ праотец» (Даль).

В величальных песнях хозяин дома обычно сравнивается с месяцем:

*Светел месяц — то хозяин во дому,
Красно солнышко — то хозяйюшка его...*

(ОП, № 7)

Но может и с Адамом:

*Как хозяин в дому, да как Адам в раю;
Как хозяйюшка в дому, да как оладейка в меду...⁶⁰*

Заговоры от зубной боли обращаются за помощью к Месяцу, часто именуя его Адамом, или же ориентируются на мертвое тело Адама (иногда даже на его мертвую голову⁶¹). Причем, упоминающееся в текстах хождение в мир мертвых — прямая отсылка к идее первопредка. Ср.:

— *«Месяц, месяц, где ты был? — На том свете. — Каких людей видел? — Мертвых»* (Савушкина, № 83).

— *«Мисяце Адаме! Був ты на тим свити? — Був. — Бачыв мертвых людей? — Бачыв. — Шо в их зубы болять? — Не болять. — Так шоб и в раба... не болилы, не щимилы...»* (Часовникова, С. 135); *«Первый княжич месяц на небе Адавьевич, другой — червяк у дубе, третий — медведь у логове...», «Ты, месяцю, Адаме, молодик: Питай ты мертвых и живых: у мертвого зубы не болять?..»* (Ефименко МЗ, № 10, 17).

Может рисоваться и другая комбинация, когда они отдельные — светило и Адам, как раз выступающий в роли мертвеца: *«Месяц молодой, ходатель земной, не был ли у Адама в доме, не видал ли Адама в гробе? Не болят ли у него зубы, не мозжат ли у него кости?»* (РЗЗ, № 1409). А в одном из заговорных текстов Месяц отвечает на заданный вопрос совсем интересно: *«Мисяц ты, мисяц, золотые твои*

⁶⁰ Куликовский Г.И. Беседные складчины и ссыпчины Обонежья // Этнографическое обозрение, Кн. 1, 1889. С. 109–110.

⁶¹ Тут кроется еще один любопытный аспект мертвой головы. Она как главная часть может выступать заменителем целого. В тех же заговорах от зубной боли совершенно равнозначно упоминаются что голова мертвеца, что мертвое тело. С одной стороны: *«выйду в чисто поле. Там — две дороги, там — две росстани, там лежит гусарска мертвая голова. Спрошу я у гусарской мертвой головы: «Не болят ли у тебя зубы? Не щипит ли у тебя кости?»* (РЗЗ, № 1438). С другой стороны: *«в чистом поле есть камень-алатырь. На том камени лежит мертвяц. Приду я к мертвяцу, спрошу у мертвяца: «Не болят ли у тебя зубы, не ноют ли лаки?»* (РЗК, № 194).

рога, везде ты летаешь, круг свету летаешь, чего ты выдаешь? — Да, много я летаю, много выдаю. Стоит на берегу океяна золотая церква, захожу я в эту церкву — лежит Адамова голова на престоле, ничего у нее не болит» (Пыщуганье, С. 131)⁶².

Богова птица — аист — приносит детей. По сути, служит связующим звеном в цикле мифологического описания рождения. И что же мы видим? Оказывается, есть в народе «*этологический сюжет об аисте по имени Иван (варианты: Василь, Роман, Максим, Микита, Яким и Петро, Адам, Симеон, Степан)*»⁶³.

С известной долей осторожности можно полагать, что потерянное имя ПервоБога было Род (о чем подробно у Б.А. Рыбакова). Родитель всего. Слово «родитель» уже не раз встречалось в этой главе — именно через него объясняется сон об усеченной голове. Всё один к одному, снова и снова... Род, родитель, праотец, пращур, предок... Умерший и вечно живущий — вокруг нас и в нас самих, ибо мы — микрокосм и его подобие, а над нами шатром раскинулся его хрустальный череп. Отсюда, из такого восприятия ПервоБога, и символические значения его головы — «головы адамовой» — как подательницы жизни и предвестницы смерти. И одно, и совершенно другое...

Слово сказано. Закономерность мы установили. Теперь ориентироваться с примерами и источниками сведений о магии мертвой головы будет куда легче, сколь известно, какая глубина образов скрывается за именем Адама, на первый взгляд не имеющего ни малейшего отношения к святоотечественному преданию.

⁶² Впрочем, парадоксальность потустороннего мира позволяет мертвую «адамову голову» носить самому Адаму: *«Идет Адам и Дева. Несут мертвую голову. Как у этой мертвой головы ничево не болит и не тоснет и не скомнет, так у рабы или раба Божьего не скомни и не боли и не тосни ничево во веки веков»* (Каспина, С. 7).

⁶³ Белова О.В. Имя в славянских легендах и поверьях (по материалам Архива полесских экспедиций // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тезисы международной научной конференции. Часть 2. — М., 2001. С. 143.

Глава 3

СИМВОЛИКА (2)

Пьер увидел на перстне адамову голову, знак масонства.
(Толстой Л.Н. Война и мир)

Коротко коснемся других аспектов символики мертвой головы, о которых подробнее будет разобрано в последующих главах книги.

Мертвая голова может выступать подателем жизненных благ. На этом, судя по обвинительному заключению, якобы основывалось поклонение тамплиерами голове загадочного Бафомета. Довольно витиевато припрятано это значение символа в белорусской сказке. Герой едет по своим делам, *«а два ваўкі на дарозе не раздзяляць галаву конскую. І гавораць: «Купец Мікіта! Раздзялі ты нам гэту галаву! Будзем табе ў вялікай прыгодзе!»* (БНК, С. 365). Герой помогает им разрешить дилемму и получает пару благодарных помощников, которые выручают его в трудную минуту. Таким образом, череп становится если не способом, то причиной потенциальных благ.

Примечательно в образе мертвой головы то, что она очень часто связана с какой-то тайной, с сокровенным знанием, которую еще нужно найти и осознать. Смерть, культ предков, магический фонарь из тыквы, зарытый в землю оберег жилища... Все это как раз из области тайного, того, на чем лежит некоторое табу. Смерть — тайна для живых, мир предков — загадочен, тыква-светильник освещает дорогу отнюдь не для нас, ну а если что-то прячут или зарывают — значит, это знать всем и не положено, ибо тайна, закрытая тема.

Совершенно не случайно тайные общества масонского типа принимают мертвую голову в качестве одного из своих основных символов. Это не только отпугивает непосвященных (завуалировано напоминая о смерти, которая, *быть может*, ждет любопытного) и служит сигналом для своих, это еще и просто откровенное указание на закрытость организации, замкнутость в себе, элитарность, таинственность. Неважно даже, образовалось ли такое общество вокруг реального священного артефакта — мертвой головы кого-то из древних и великих, имеют ли ее в своей божнице члены ложи, совершают ли таинственные, переполненные исключительно

символическим смыслом ритуалы вокруг настоящей мертвой головы. Важно просто сделать необходимую метку, символ, обозначающий: «осторожно», «закррито», «тайное знание». Внутри тайного общества мертвая голова может восприниматься подчеркнута сакрально или же наоборот, довольно реалистично, это никак не мешает избранным ощущать себя именно такими — избранныками, носителями и хранителями тайны, даже если вся тайна выдумана ими самими, с мертвой головой никак не связана и вообще яйца выеденного не стоит — обычно это власть, политика и деньги. Мистика и магия там совершенно необязательны, но порой есть.

Тайна же в том, что никто не знает, что ты — в ложе, хотя о том красноречиво говорит перстень с черепом у тебя на руке. Ощущение причастности к тайне — пусть и не к тайному знанию в прямом смысле — в том, что только ты знаешь своих, а они знают тебя, прочие же не догадываются о вашем сговоре. Любопытно, что в наше время масонские организации усиленно отрицают наличие в своем ассортименте символа мертвой головы, подчищая по возможности общедоступную информацию. Делают они это предельно аккуратно. В действии, как всегда, первое правило клуба: «никогда не говори о клубе»...

*Инициация в масонском храме.
Неофита кладут на ковер с изображением символов смерти —
гроба и skull&bones.*

*Ложа «Череп и кости» через года.
Меняется мода, традиции не меняются...*

Масонские кофры с изображением черепа и гроба, на который укладывают неофита.

Современный масонский перстень. Масонская подвеска.

Тяга к камерности известна детям, это обыкновение соблюдалось в диких племенах (охотничьи союзы), но с тем же успехом обычай объединяться малыми группками «своих» сохранился и в средневековом городе (ремесленные цеха, ватаги комедиантов...), это присуще и современным цивилизованным взрослым людям (клубы джентльменов, поэтические кружки для избранных ценителей...). Тайна манит. Череп о ней сигнализирует АРШИИНЫМИ буквами. Именно поэтому он и повешен над «входом» в такое общество, а для напоминания о закрытом характере организации изображениями мертвых голов щедро пересыпано все окружающее: фасады и внутреннее убранство цеховых помещений, священные схемы и книги, фартуки и ковры, перстни и запонки... Как тут не назваться громко и зловеще?! К примеру, ложа «Череп и кости»... Тем паче, если при принятии в ложу неопиту приходится временно и символически умереть...

В таком тайном действии, как алхимия, черепу, разумеется, нашлось место. Повествование о магическом «нечто», основанное на передаче знания через сокровенные символы, заставит сдаться любого неподготовленного и незаинтересованного. В самом деле, догадаться о значении символа мертвой головы в алхимии трудно, если вообще возможно.

Первая стадия алхимической Работы («черная фаза», она же *nigredo*, букв. «почернение», речь идет о прокаливании) изображается в образе ворона, рвущего когтями череп. Смерть причиняет смерти смерть. Примерно так. Череп на надгробии возле женского тела (Евы) — символ *mortificatio* (умерщвления) женственного аспекта *prima materia* (первичного вещества). Ну а сам по себе череп — символ

оставшегося после Работы продукта распада, шлака, бесполезного для дела. Окончательно умершая материя.

В религиозной сфере голова вообще как символ смерти неотделима от культа предков. Идет это от той еще поры, когда головы родителей или основателей рода хранили дома в красном углу, совершая перед ними моления. Впоследствии символ претерпевает множество вещных трансформаций — чаша из черепа, сосуд-оссуарий, маска, бюст... Умерший глава рода умудрялся оставаться главным — *голова* его *возвышалась* над всеми домочадцами и *главенствовала* в религиозной сфере (обрядях). Она была объектом вознесения просьб и источником благ, грозным, но добрым домашним божеством, пенатом. Символ смерти — для *своих* оказывался символом защиты и помощи свыше.

В частных случаях, на острых гранях религиозного откровения мертвая голова приобретала совсем иные смыслы. Она оставалась знаменем гибели, символом смерти. Но. Как это преподносилось! Общественные культы всегда порождают внутри себя движения, подразумевающие кулуарность, избранничество своих участников. Эти тайные культы, предшественники упомянутых уже тайных организаций масонского типа, пропагандировали не массовое, а сугубое обращение к Божеству через совершение множества таинств, которые, в зависимости от направленности движения путем аскезы или экстаза, могли быть малы или велики, внутри или вовне, незаметны или демонстративны. В тантрических культах отсеченная от тела голова в руках Шивы или Кали трактуется как преодоление чувства самости, уничтожение ложного «Я», которое мешает множеством своих привязанностей на пути к совершенству духа. Мистику, уединившемуся в пещере (первый этап разрыва связей с миром), далее необходимо бороться с собой, со своими чувствами и желаниями, которые подобно упрямым волам тащат его обратно в люди, не дают сосредоточиться на чем-либо еще, кроме суетных мыслей ни о чем и удовольствий типа еды, сна, любовной тяги. Тысячи раз слышанный миф о Кали, поотрубавшей головы своим врагам, должен укрепить мысли миста (неважно, аскетический ли его путь, или путь разрушительного экстаза), ибо трактуется это событие как раз метафорически — победа над чувственными неконтролируемыми силами. Враг находится внутри. Подвиги Богини напоминают о методах деяния на пути к цели и поддерживают в начинании.

Чиннамаста, стоящая на телах Камы и Рати

Еще более очевидно объясняют эту мысль — необходимость отсечения привязанностей, завязанных на эго — красочные изображения Чиннамасты, одной из Богинь «группы» Даша Махавидья (Десять проявлений). О ней надо сказать особо. Собственно, само Ее имя уже объясняет, в чем суть иконографии Богини. *Чинна* означает «отсекать», а *маста* (*мастака*) — «голова». Чиннамасту изображают стоящей на телах совокупляющихся Камы (Бога желаний) и Рати (Его супруги), или на теле Шивы (т.е. Она — Кали, от которой Ее отличает совсем уж немного, вроде головы не на месте и цвета кожи; в «Нарада-панчаратре» Чиннамастой становится Парвати). В одной Ее руке — меч, которым Она отрубила себе голову, а в другой — осеченная голова или блюдо с ней. Из шеи бьют три струи крови, две из них изливаются в уста стоящих по бокам от Нее спутницы — Дакини и Варнины, каждая из которых держит в руках чашу, сделанную из черепа (или отрубленную голову) и меч, и, как и Чиннамаста, обнажена, увита змеями и украшена гирляндами из мертвых голов. Третья струя крови направлена в уста мертвой головы Богини. Чиннамаста танцует «тандаву» — танец Шивы, танец разрушения. С учетом того, на чьих телах и в какой конкретно момент совершается тандава, можно понять, что именно Богиней разрушается. Поверьте, индийские миниатюры с изображением тантрических Богов не менее аллегоричны и значимы, чем алхимические гравюры этапов Великой Работы или масонские многопредметные эмблемы. Каждый символ имеет свое строго определенное место и вполне однозначно понимаемое значение. Согласно мифам, обезглавливание Богини самой себя произошло так. Во время дальней прогулки Ее спутницы проголодались и стали просить накормить их, говоря, что они вот-вот умрут от голода. *«Услышав эти истинные речи, милосердная Богиня улыбнулась и отсекла свою голову ногтями. Как только она сделала это, голова ее упала на ее левую ладонь. Три потока крови брызнули из горла; левый и правый попали в рот ее спутниц, стоявших по бокам; а центральный — в ее рот. После совершения этого все были довольны и позже вернулись домой. (Благодаря этому поступку) Парвати стала известна, как Чиннамаста»* (Кинсли, С. 187).

Итак, Чиннамаста отсекла голову самой себе — в религиозном экстазе, выполняя умное делание, совершая первую фазу Малой

Работы, следуя велениям наставлений о духовном самосовершенствовании.

Чиннамаста

Выбирайте какое угодно из объяснений, ибо подойдет любое. Тут важна цель: остановить движение (лучше сказать, мельтешение) мыслей, пресечь *бесполезную* умственную активность. Для особо ретивых повторю — это только образ. Отсечение, разумеется, не является ни реальностью, ни самоцелью. Поскольку наша голова является центром всей деятельности разума, именно изображение ее усекновения наилучшим образом поясняет необходимый *первичный* этап — остановку метания рассудка, то, о чем сказано в «Йога-сутре» Патанджали и ее комментатором Вьясой: «*при прекращении всякого функционирования [сознания возникает] бессознательное сосредоточение, [то есть йога собственно бессознательного]. Желая дать ее определение, [Патанджали] избрал следующую [формулировку]*

сутры: *Йога есть прекращение деятельности сознания*» (Йога-сутра. I. 1–2)⁶⁴.

Если Кали побеждает врага как внешние помехи на пути к истине, то образ Чиннамасты для мистика важен еще более. Ведь Она сама — добровольно — отсекает себе голову, побеждает препятствия внутренние, что основаны на собственной, если так можно выразиться, антропоцикличности человека. Добровольно, вот что важно. Ищущий сам должен дойти до этого. Не через принуждение, не из-под палки, а влекомый верным пониманием деяния. Действие визуализируется, требования эгонастроенного организма прекращают восприниматься — ведь их нет. Мистик отсек их мечом своей воли вместе с головой ложного «Я». Чиннамаста пренебрегла собственными желаниями ради других, и Ее самообезглавливание в мифе четко противопоставлено низменным инстинктам бывших при Ней спутниц, возжелавших немедленно и любой ценой насытить свои утробы (дополнительно Она противопоставлена и повергнутым к Ее ногам любовникам).

Дэвид Кинсли приводит довольно примечательную подборку легенд, в которых описано добровольное приношение своих голов поклонниками Темной Богини (в разных Ее образах). *«Тамильский текст XI в. Калингаттупарани содержит жуткое описание храма Кали в Южной Индии. «Подобно реву океанских волн раздавались по всей местности крики героев, предлагающих свои головы взамен на получение милостей». Другой отрывок из этого текста: «Описывается процесс подношения головы. Приносящий жертву отрезает свою голову у основания шеи и кладет ее в руки Кали, пока тело остается стоять, приветствуя Богиню». В частности, в Паллава скульптуре, но также и в других видах скульптуры эта тема широко распространена, хотя нельзя быть уверенным, что скульптура изображает именно ритуальное самоубийство путем самообезглавливания. В Брихаткатхаманджари Кшемендры мойщик и его деверь отрубают себе головы в порыве преданности богине Гаури. Надпись, датированная 991 г. н.э. из области Каннады, гласит о верноподданном по имени Катеха, который предложил свою голову богине Гундадаббе, чтобы сдержать клятву, связанную с рождением царского сына. В тамильском эпосе Шилаппадихарам богиня Айяи,*

⁶⁴ Классическая йога («Йога-сутра» Птанджали и «Вьяса-бхашья»). — М., 1992, С. 86–87.

которой поклоняются охотники, принимает кровавые жертвоприношения и кровь, струящуюся из отрубленных голов преданных ей.

Одна история, связанная с храмом Джваламукхи в Химачал-Прадеше, также говорит о приношении головы. Один почитатель богини Джваламукхи по имени Дхьяну хотел посетить храм, но император Акбар запретил ему, сказав, что богиня лишена силы. Император разрешил Дхьяну отправиться в путь, если он оставит ему своего коня и разрешит императору убить его. Если богиня сможет оживить коня, сказал Акбар, он оставит Дхьяну в живых. Дхьяну принял этот вызов. Акбар убил коня, как и обещал, а тело запер в комнате. В храме Джваламукхи Дхьяну совершил обряд поклонения богине, но она не появилась и не ответила на его мольбы показать свою силу императору. В отчаянии Дхьяну решил предложить свою голову богине. Взяв меч, он собирался отрезать себе голову, когда богиня появилась и исполнила его желание оживить коня.

В некоторых версиях этой истории Дхьяну действительно отрубает себе голову, которую затем восстанавливает богиня. Обычно эта версия изображается на картинках: Дхьяну стоит на коленях перед богиней, предлагая ей свою голову на блюде. Сразу у входа в храм богини Ваджрешвари-дэви в Кангре можно увидеть скульптурное изображение головы, считающейся головой Дхьяну. На большом панно в глубине храма также отображено это событие: Дхьяну стоит на коленях перед богиней, держа в руках свою отрубленную голову. Как мне сказали, практика отрезания языка до сих пор существует в храме Джваламукхи. Подобно тому, как богиня восстановила голову Дхьяну, так же предполагается, что она восстановит язык своего почитателя в знак признания его или ее преданности.

История, похожая на историю Дхьяу, связана с Майхар-дэви храмом возле Аллахабада в Уттар-Прадеш. Однажды жил один борец, который желал превзойти всех в своем призвании. Долгое время он добивался расположения богини, но она не являлась ему. В отчаянии и полной решимости он отсек свою голову в качестве последнего акта поклонения ей. Богиня появилась и, довольная его преданной искренностью, восстановила голову» (Кинсли, С. 192–194).

Этими легендами, собственно, подводится мифологическое основание (первопричина) под практику «Чод», включающую в себя

виртуальное самообезглавливание и саморасчленение мистика, приносящего части своего тела в дар (на пир) гневным Божествам⁶⁵. К слову сказать, добровольное усечение головы героями индийских мифов внутренне связано с легендой о гибели «св.» Меркурия Смоленского, добровольно отдавшего себя под меч по велению своей Богини-покровительницы, для ее вящего триумфа.

Дионис и менады, одетые в шкуры пантер. Аттическая чернофигурная амфора работы художника Амазиса, ок. 540–530 гг. до н.э.

Нечто подобно-противоположное (да простят меня читатели за такой оборот) можно наблюдать и в культе Диониса. Вот как описывает Еврипид гибель Пенфея от рук собственной матери:

«Высоко на верхушке сидел Пенфей — и с этой высоты он полетел вниз и грохнулся оземь. Раздался раздирающий крик — он понял близость беды. Мать первая, точно жрица, начала кровавое дело и бросилась на него. Он сорвал митру с головы, чтобы она, несчастная Агава, узнала его и не совершила убийства; он коснулся рукой ее щеки и сказал: «Мать моя, ведь я сын твой, Пенфей, которого ты родила в доме Эхиона; сжалься надо мною, мать моя,

⁶⁵ Немного о том: Экскурс IV.

за мои грехи не убивай твоего сына!» Но она, испуская пену изо рта и вращая своими блуждающими глазами, одержимая Вакхом, не была в своем уме, и его мольбы были напрасны; схватив своими руками его левую руку, она уперлась ногой в грудь несчастного и вырвала ему руку с плечом — не своей силой, нет, сам бог проник своей мощью ее руки. То же сделала с другой стороны Ино, разрывая тело своей жертвы; к ней присоединились Автоноя и вся толпа вакханок. Дикая гул стоял над долиной; слышались и стоны царя, пока он дышал, и ликования вакханок; одна уносила руку, другая ногу вместе с сандалией; они сдирали мясо с ребер, обнажая кости, и разносили обгаженными руками тело Пенфея.

Теперь части разорванного тела лежат в различных местах, одни — под мрачными скалами, другие — в густой листве леса, и не легко собрать их; бедную же его голову сама мать, своими руками сорвавшая ее, наткнула на острие тирса и, вообразив, что это голова горного льва, несет ее прямо через Киферон, оставив сестер в хороводах менад. Она приближается к воротам нашего города, гордясь своей несчастной добычей, взывая к Вакху, своему товарищу по охоте, своему помощнику в совершенном деле, ниспославшему ей славную победу... ему, над победным трофеем которого она немало слез прольет!» (Еврипид. Вакханки. 5 действие. Первая сцена. Речь раба).

Что увидит здесь неискушенный в аллегориях слушатель, пусть даже был бы он трижды любителем древнегреческой поэзии? Обычное сыноубийство? И тогда это действие по описанному тем же Еврипидом принципу: Deus quos vult perdere dementat prius (др.-рус. «Бог, егда хочет показнити человека, отнимает у него ум»). Или изощренную форму Божественной кары, ибо «Пути Господни неисповедимы»? Ну, на худой конец, желание драматурга закрутить сюжет потуже (хотя это и миф). Не более того. Но ищущему указаний в сокрытых символах — а тот же вакхант их ищет — здесь важно иное. Миф недвусмысленно намекает на то, что именно мистику нужно суметь, ступив на путь священного безумства: преодолеть свою природу, победить свой разум, свою рассудительность. Мать убивает сына ради Бога, по воле Бога. Это образ тела, или, скорее, твердого духа, который порождает телесные чувства. Мать и сын, тело и чувства. Что-то должно быть принесено в жертву. Вступив на путь экстатического вознесения к таинствам, необходимо оставить в стороне ложные чувства. И чувства истощно взывают: «Мать моя,

ведь я сын твой /.../ сжался надо мною». Не хочет чувственное в нас, да и не может само по себе, оставить душу мистика. Это часть нашей природы, тот самый череп, которым алхимики обозначают первичную материю. Но — надо. Таково условие. В неистовом экстазе (как в доктрине) истинная радость или истинная любовь — это не смех по пустякам, не веселье от удовольствия, не тяга к другому человеку и уж тем паче не соитие с ним. Это бесконечный свет и ощущение блаженства от сопричастности божественному. Впрочем, передашь ли то словами... И узришь ли то за символами вакханок с окровавленными по локоть руками... Главное понять: экстатический путь (путь, безусловно, на грани саморазрушения, а посему крайне опасный) — это тоже метод отречений. Пренебрежение рассудком, который символизирует отрываема голова, для того чтобы впустить в себя, как в пустой сосуд, открытый как минимум — ведь крышка сорвана! — священных таинств неистового Божества, Его меда поэзии...

Колесо Фортуны. Русская гравюра Петровского времени

Теперь — мелкой россыпью. Череп — знак мудрости, правдивого ответа, полноты и даже предела знания. И он же — напоминание о неотвратимом, то самое *memento*, которое сейчас лишь изредка попадает на глаза на старинных надгробиях. Адамова голова, если продолжать аналогию от фундамента, — это еще и начало, сколь то ни противоречиво. Даже порой — начало начал, ведь не случайно же говорят: *ab ovo*. Мертвая голова в основании чего-либо — это и, собственно, основа (*prima materia*), и указание на превратность судьбы, ведь весы могут качнуться в любую сторону...

Носить на себе изображение мертвой головы — демонстрировать свою самость. А именно: свое бесстрашие, свою отвагу, свою смертоносность для неприятеля (кем бы он ни был, пусть даже чувства); свои близкие (скорее вассальные, но у некоторых с явной претензией на запанибратские) отношения со Смертью. Кроме того, это, в принципе, оберег от смерти и прочих неприятностей поменьше. Но если голова настоящая — речь может и должна идти не только о вышеупомянутом. Никуда не деться от того факта, что у головы был владелец, и главная часть его останков не предана погребению, а находится у вас в руках.

Гробница в северном пределе Вавельского собора. Краков

Если это трофей в руках воина (примеры даны в Ч. II, гл. 3), относительно свежий, то здесь присутствует аспект покорения чужой души, овладения всеми умениями, что содержит в себе данная голова. Когда владелец умрет, душа умерщвленного не будет держаться за материальную частицу себя, а либо по причине порабощения последует за своим хозяином в нездешние чертоги, либо освободится от зависимости. Но вот если за дело взялся колдун... Он-то как

раз может придержать душу при черепе на достаточно долгий срок, чтобы успеть передать мертвую голову по наследству несколько раз. И тогда уж воля — такому духу-помощнику можно отдавать приказы и, как минимум, ожидать от черепа предвидения событий будущих. Даже если у вас в руках не целый череп, а только его половинка, да и та в виде чаши, все одно предсказания получить можно. Наливаете воду, делаете жребии и пускаете их на поверхность. А там уж варианты: чей потонет, чей поплывет; куда пристанет — к загаданному ли краю, к краю по сторонам света (что наделены в традиции вполне однозначной символикой). Можно лить в череп-чашу воск, можно долго смотреть в хрусталь вод, можно даже настлать поверх невеликий мост-символ и в видении перейти по нему *за край*...

Про оберег уже говорилось? Ну так вот. Мертвая голова не столько отводит недоброе, сколько принимает его на себя, в свою пустоту. Да, она пуста, гола, у мертвой кости попросту нечему болеть, она не может умереть еще раз. Потому-то мистик и должен иметь при себе такое прекрасное напоминание о своей задаче (ну и о смерти, как же без нее), оперируя законом подобия «как х — так у». Иначе говоря, переносить все мешающее, — неважно, вражеская ли то порча или заботы о дне насущном, болезнь или раздражительность, — на покоящуюся под шуйцей мертвую голову. Она пожрет отброшенное вами, уместит это в своей бездонной пустоте. Сравнение живого с мертвым должно быть всегда не в пользу живого, но для его блага. Мертвая голова изначально обладает теми качествами покоя/равновесия/неприступности, которые нужно в некий момент придать голове живой, самому мисту, собственно, нам с вами. Если пойти дальше, сугубо теоретически расширяя область взаимодействия, то мисту впору представить мертвую голову на своих плечах, заменить свое рацию и акцию на ее статис. Отождествить себя с сухой звонкой костью, у которой ничего нет. Нет привязанностей, нет страха и боли, нет слабостей, нет ничего человеческого. А что, хорошая возможность отрешиться от мешающего обряду мирского, не прибегая ни к каким другим техникам! Важно лишь не увлечься, не зайти дальше необходимого. Медитация медитацией, но и брэнном остовете, ее организующем, совсем забывать не следует. Воспримите это за предупреждение. Для иных, я бы сказал, это и вовсе знак «стоп». Не потеряйте живую голову в погоне за мертвой...

МИФЫ МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ (1): НЕБЕСНЫЙ ХОРОВОД

*И, проникая в жизнь чужую,
Вдруг с отвращеньем узнаю
Отрубленную, неживую,
Ночную голову мою.*

(В. Ходасевич. «Берлинское»)

Астральных мифов существует величайшее множество. Немудрено, что среди них нашел отражение и такой значимый символ, как мертвая голова. Ее поместили на небо не только в качестве созвездия, не только как планету, но даже восприняли в качестве таковой главные светила небосвода.

Индия

В индийской астрологической традиции мертвой головой демона Раху считается узловая точка, в которой Луна пересекает эклиптику в своем движении с Юга на Север. Иногда ее считают чем-то вроде планеты, негативно влияющей на гороскоп. Раху изображают в виде отделенной от тела бранящейся головы, которая едет на тигре или на влекомой тигром колеснице.

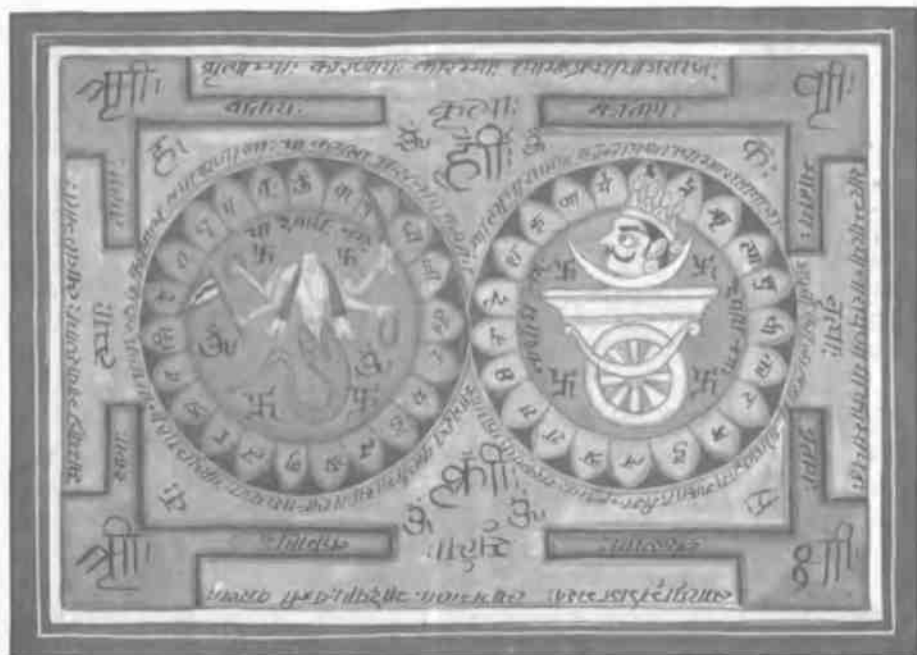

Традиционные изображения Раху в виде бюста

Более поздняя иконография показывает Раху в виде торса с руками, а порой даже и с ногами. Это обусловлено рационализаторскими соображениями скульпторов и художников, исходивших из того, что просто голова не смогла бы противостоять на небе двум своим главным противникам — Солнцу и Луне.

Миф о том, как голова Раху была помещена на небо, является частью эпической истории о пахтании океана. Боги, ослабев в битве с демонами-асурами, решили раздобыть напиток силы и бессмертия амриту, который можно было получить, взбив мутовкой молочный океан.

«Покуда Боги размышляли и всесторонне обсуждали свой замысел, Верховный Господь Нараяна сказал Господу Брахме: «Полубоги и демоны должны соединить свои силы в пахтании океана, ибо только таким путем можно добыть нектар бессмертия. Взбивайте же океан, о боги, и вы непременно добудете все целительные травы и всевозможные дорогие камни, а в конце концов и нектар бессмертия» (Махабхарата. Книга I. Ади-Парва).

Янтра, изображающая Раху и Кету

Заклучив перемирие с демонами, Боги привлекли к мероприятию и их, на что демоны согласились с условием, что тоже получат свою часть чудо-напитка. Амрита была извлечена, начался дележ, но демон Раху заприметил, что Вишну раздает демонам не ее, а совсем другой напиток, нужной силы не имеющий.

Тогда он принял обличье одного из полубогов и получил порцию настоящей амриты. Сурья (Солнце) и Чандра (Луна) обнаружили обман и призвали Вишну. Тот немедленно умертвил демона, отсекая ему голову, но напиток бессмертия уже сделал свое дело. Обе части демона остались живы — подброшенная в небеса голова начала кричать о справедливости и требовать помощи, а туловище пало на землю и стало кататься во все стороны, руша леса и горы.

«Но в то время как полубоги пили нектар, который они так стремились получить, к нему жадно присосался данава Раху, принявший обличие полубога. Когда нектар достиг горла данавы, солнце и луна, желая помочь полубогам, подняли тревогу. И в тот самый миг, когда Раху проглотил нектар, благословенный Господь,

метнув Свой вращающийся диск, начисто срезал его украшенную голову. Большая голова данавы, отсеченная диском, упала на содрогаящуюся землю, словно гранитная горная вершина. С этого времени меж головой Раху, — она стала небесной планетой, — и солнцем и луной существует непримиримая вражда. И поныне во время лунных и солнечных затмений Раху пытается заглотить своих давних врагов» (Махабхарата. Книга I. Ади-Парва).

Вишну в образе дeвы Мохини обезглавливает демона Раху

Также считали отдельной от тела головой и Солнце, о чем несколько глухо упоминает Риг Веда: «На небо поместил ты свою голову, завоевывающую солнечный свет» (Риг Веда. X. 8. 6. К Агни).

*Раху пожирает Солнце.
Тибетские миниатюры*

Греция

В античной традиции самая значимая мертвая голова принадлежала Горгоне. Ее-то греки и поместили на небо среди прочих созвездий.

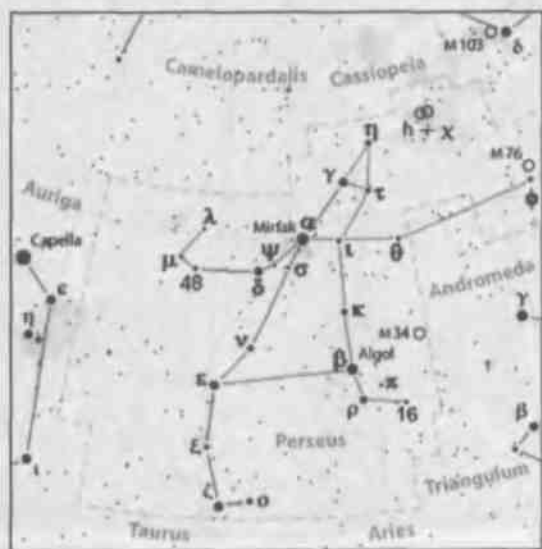
У Эратосфена в «Катастеризмах» (22) читаем: «Захватив Горгон спящими, он отрубил голову Медузе, которую Афина поместила себе на грудь, а Персею дала место среди созвездий, где его можно видеть вместе с головой Горгоны. Он содержит звезды: на голове одну; на обоих плечах по одной яркой; на конце правой руки одну яркую; на локте одну; на конце левой руки, в которой, как принято считать, он держит голову Горгоны, — одну; на правом бедре одну яркую; на колене одну; на голени одну; вокруг волос Горгоны три; а голова его и серп по причине отсутствия звезд не видны, хотя кое-кто и считает их различимыми в виде туманного образования»⁶⁶. На картах звездного неба так они в паре и изображаются: Персей держит в руке голову Медузы. Ее глаз — переменная звезда Алголь (бета Персея). Забавно, но на восточных картах голову Медузы изображают мужской, а Персей в тюрбане и с кинжалом держит ее за оселедец...

Как пишет Климент Алекс в «Стоматах» (V. 49), по мнению Эпигена Орфей называл «ликот Горгоны» Луну, «из-за видимого на ней лица» (ФРГФ, С. 43).

⁶⁶ Небо, наука, поэзия. — М., 1992, С. 74.

Персей на зодиакальных картах

Созвездие Персей. Без прикрас

Славяне

У славян подобные представления о светилах были также известны. Кое-что дошло почти в первоизданном виде, другое же вполне можно реконструировать по отдельным упоминаниям.

О Солнце сохранились вполне определенные сведения, хотя и прошедшие сквозь призму христианского восприятия: «Солнце — голова Иоанна Предтечи, катающаяся по небу на блюде. Когда повернется отрубленной стороной, бывает затмение» (НаБ, № 211). Аналогично сказывают и о Луне: «Луна — Каин, проклятый Господом за убийство брата своего, держит голову Авеля. Луна и есть голова Авеля. Авель, праведник светлый, виден нам, а Каин — темный, не виден» (НаБ, № 212); «Согласно прикарпатской легенде, луна — это отрубленная голова человека, упавшая в котел с молоком; братья-овчары поссорились на полонине, и один отрубил другому голову. Бог, увидев, что погибла «чистая душа», превратил голову в луну и поместил на небо, чтобы ночью «веселилась и паслась рыба»» (НаБ, С. 125).

Русский лубочный календарь. Солнце и месяц изображены в виде голов.

Отголосками представлений о Луне как мертвой голове являются легенды, поясняющие, откуда на ночном светиле взялись пятна. У македонцев считалось, что эти пятна — голова недавно умершего старика; у сербов — голова пса, голова пегого коня Кралевица Марко⁶⁷. К слову, в 1206 г. в Европе наблюдали интересное явление: «28 февраля в десятом часу произошло солнечное затмение. Очень многие свидетельствовали, что при этом на солнце была видна человеческая голова» (Кельнская королевская хроника. Третье продолжение). Также усеченными головами представлялись нашим пращурам некоторые из комет.

*Кометы, наблюдавшиеся в Смоленске.
(Из рукописи XVII в., хранящейся в Публичной библиотеке
им. М.Е. Салтыкова-Щедрина).*

⁶⁷ Гуря А.В. Лунные пятна: способы конструирования мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. — М., 2006, С. 468.

Заговорные тексты от зубной боли нередко наделяют Месяц личным именем Адам (Адавлевич (Юдин, С. 70)), что также отсылает к представлению ночного светила мертвой головой, так как череп традиционно именуется «адамова голова», а сам библейский Адам явно коррелирует с ПервоБогом. В любом случае Месяц как ночное светило, Солнце мертвых, действительно уместно сравнивать или отождествлять с мертвой головой. Косвенно связь Луны и мертвой головы подтверждают такими заговорами от зубной боли, где упоминаются библейские же Каин с Авелем: *«Каин, Каин, Каин, вяли спрасить брата сваяго Авиля, ни балят ли у яго зубы? — Нет»* (Добровольский, С. 197), *«Месяц Каин, где твой брат Авель? — Твой брат умре, и у (имярека) зубы уйми»* (Ветухов, С. 258). Тексты определенно связаны с преданием о том, что Луна — это голова убитого братом Авеля: Каин из этой легенды упоминается в заговоре на месте Месяца или даже им называется, а покойный Авель фигурирует вместо мертвецов обычного заговора.

Можно предполагать, что представление о Солнце и Луне как мертвых головах, принадлежавших высшим (обожествленным, божественным или полубожественным) существам, находится в определенной связи с мифом о рождении мира. В нем уже есть предпосылки для появления такой идеи. Голова ПервоБога становится небесным сводом, а Его глаза — ходящими по небосводу Солнцем и Луной. Подобный пра-текст известен не только индоевропейцам, но и много шире.

Ведическая традиция повествует о гиганте Пуруше, из чьего тела был создан белый свет.

*Огонь — [его] голова, глаза — луна и солнце, страны света — уши,
речь — раскрытые веды,
Ветер — дыхание, сердце — весь [мир], из его ног — земля, ибо он
Атман всех существ.*

(Мундака-упанишада. II. 1. 4)

*Луна из (его) духа рождена,
Из глаза солнце родилось.
Из уст — Индра и Агни.
Из дыхания родился ветер.*

(Риг Веда. X. 90. 13. Пуруша)

Своеобразный вариант, но уже чисто женского культа (шактизм), содержится в «Девя-гите»:

*И они узрели высочайший образ Великой Богини,
Чьей головой были небеса, а очами — Луна и Солнце.*

*Ушами — стороны света, речью — Веды, жизненное дыхание — ветром.
Вселенная была ее сердцем, земля — сидалищем,
(Девя-гита, II. 23–24, 31)*

Орфическая версия:

*Зевс — основанье Земли и звездообильного Неба.
<Зевс—дыхание всех, Зевс — пыл огня неустанна.
В Зевсе — корень морей, Зевс — также Солнце с Луною. >
Зевс — владыка и царь, Зевс — всех прародитель единый.*

...

*Очи — Солнце с Луной, противугрядующую Солнцу.
Царский же ум неложный его — в нетленном эфире...
(ФРГФ, С. 54–55)*

Египет, папирус о Пта: «*Сиа — его сердце, Хиу — его уста. Ка [дух] его — все существующее, находящееся во рту его. /.../ Душа его — Шу [воздух], сердце его Тефнут [влага]. /.../ Правый глаз его — день [солнце], левый — ночь [луна]*»⁶⁸.

То же говорит и тибетская священная книга религии Бон «Сто тысяч змей» о Богине Клумо. «*Из ее головы возникло небо, из правого глаза — луна, из левого — солнце*»⁶⁹. В отечественном духовном стихе «Голубинная книга», где расписаны ответы на важнейшие вопросы по устройству мироздания, говорится:

*А- и белой свет — от лица Божья,¹
Солнце праведно — от очей Его,
Светел Месяц — от темечка,
Темная ночь — от затылочка,*

⁶⁸ Франк-Каменецкий И.Г. Памятники египетской религии. Ч. II. — М., 1918, С. 55.

⁶⁹ Евсюков В.В. Мифы о вселенной. — Новосибирск, 1988, С. 88.

*Заря утренняя и вечерняя — от бровей Божьих,
Часты звезды — от кудрей Божьих!*

(ГК, С. 46; КД, № 70)

Все просто. Глаза мертвой головы = светила на небе. Начало положено. Ну а шарообразная форма только подталкивает к приравниванию светил к отделенным от тела головам. В вариантах «Голубиной книги» можем обнаружить следы этого перехода. Солнцем становятся уже не очи, а лицо ВсеБога:

*Солнце красное от лица Божьего...
Млад-светел месяц от груди его,
Звезды частые от риз Божьих...⁷⁰*

*Сонца красныя от лица божьива...
Млад-светел месяц от груди божьих...*

(Киреевский 2, № 5)

По свидетельству П. Чубинского, на Украине Солнце «называют лицом Божиим» (Чубинский 1, С. 5). С учетом приведенных примеров, где светила воспринимаются головой (лицом), не случайно, как думается, в мифе о гибели Раху фигурируют оба светила — Солнце (Сурья) и Луна (Сома), впоследствии имеющие столкновения с мертвой головой демона, из-за чего случаются затмения. Это звенья одной цепи, образы, сводимые воедино на основании общего знаменателя. Стоит, кстати, вспомнить, что и в славянской легенде затмения связываются с мотивом отсеченной головы — когда светило-голова «*повернется отрубленной стороной, бывает затмение*» (НаБ, № 211).

На представление о солнце как отрубленной голове могла повлиять традиция изображать его, в народной ли гравюре или в книжной миниатюре, в виде полнощекой полноценной головы. То же касается и Месяца. Но вот вопрос. Повлиять — или все же поддерживать эти представления на поверхности народного сознания? Что тут от чего еще происходит? Стоит взглянуть на настенный лубок-святцы или зодиак-календарь, а там по углам прячутся или

⁷⁰ Оксенов А.В. Народная поэзия. Былины, песни, сказки, пословицы, духовные стихи, повести. СПб., 1908. С. 304–311.

прямо из середики взирают на тебя светила с глазами и прочими чертами лица, а вот рук-ног нет. Ну и думай чего хочешь. Или нет! Не думай, а вспоминай, соображай, что там деды с прадедами говорили: *Солнце — это голова, что катается по небу на золотом блюде...* Тем паче что и в сказках явно что-то такое о золоте да голове говорилось, так не о Солнце ль речь была? *«Жил-был царь, у него была дочь. Раз как-то поехал он на охоту за красным зверем и перелетными птицами. Подъезжает к одному озеру, глядь — плавают в озере золотая голова. Говорит царь: «Кто поймает мне эту голову, того щедро буду жаловать» Бросились охотники в воду, плавали, плавали — никто не поймал золотую голову, а поймал ее самый последний псарь»* (Аф, вариант 2 к № 137).

Иллюстрации средневековых астрологических текстов

МИФЫ МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ (2): РАЗНОТРАВЬЕ

*Веселый день горит... Но сад и пуст и глух.
Давно покончил он с соблазнами и пиром, —
И маки сохлые, как головы старух,
Осенены с небес сияющим потиром.*
(И. Анненский, 1910)

Адамова голова

Можно не сомневаться, что прилагательное «адамова» применительно к растению «Адамова голова»⁷¹ служит указанием на мертвую голову библейского первопредка Адама, завуалированного славянского ВсеБога. Так заставляет думать в первую очередь то, что череп традиционно именуется «адамовой головой». Кроме того, трава «Адамова голова» может носить название «Адамова борода», т.е. обозначать отдельную часть опять же головы, а в одном из травников содержится характерное деталью описание травы: «*А корень у ней белъ, яко бы волосья*» (Самолечение, № 41). Однако корень растения — самая важная в магии часть — отнюдь не похож на голову: «*А корень ея как есть человек*» (Отреченное, С. 446)⁷². Тут на ум скорее приходит мандрагора (тем паче она также известна под этим именем). Тексты травников не только никак не мотивируют происхождение названия растения «Адамова голова», но и вообще не выделяют в нем такой части, как голова. И это, в определенном смысле, загадка. Ведь название дается по какой-то характерной части растения, позволяющей его довольно четко выделять среди прочих. Это и должна быть, в нашем случае, некая «голова». Происхождение растений нередко мифологизируется, и этот миф находит отражение в фитониме. Что уместно ожидать и от «Адамовой головы», коль уж она наделена в народе столь символически нагруженным именем. И тем

⁷¹ Варианты: адамова глава, адамлева глава, адамля глава, адамова голова, ацарошка глава, глава адамлева, глава адамова, одамова глава (Ипполитова, С. 448).

⁷² Впрочем, это если переписчик травника ничего не напутал, переключившись, например, на траву «царь Сим».

не менее, нет ни мифа, ни описания той части растения, которая должна казаться головой.

Посудите сами: «*Есть трава на сем свете именованная адамова голова, растет в локоть, а растет кусты(ка)ми при болотех, кусты(ка)ми раменных, цвет рудожелт кувшинцами, а лист на ней походил по 19*» (Отреченное, С. 425), «*Трава Адамова—глава. Растет кустиками, волотей по десяти и больше по ней, листка по три и по пяти, и по шести, и по девяти, и по десяти, и по двенадцати вместе, а вышиною въ пядень и въ локоть; цветъ на ней белъ, или рудожелтъ, багръ или синь; а какъ отцвететъ, кувшинцы — всякимъ видомъ и цветомъ*» (Самолечение, № 41), «*Есть трава Адамова Голова, растет собою в локоть кустиками при болотех раменских, цвет на ней рудожелт, кувшинцами, а листов на ней по девяти и по двенадцати*» (Ипполитова, С. 399), «*Есть трава Адамова глава, растет возле сильных раменских болот, а растет кустиками по 8, по 6, по 9 и по 2, в листе ростом в пядь, цвет багров, кругленький, а расцветает вельми хорошо — кувшинцы всяким видом*» (Часовникова, С. 97), «*Адамова голова. Растет кустом около болот, вышиной в 1/2 аришина. Цвет этой травы синий, багровый и темно-желтый; листья в ладонь и шершавые*»⁷³. Вот, собственно, и всё описание. Растет кустиками, растет на болотах, высота побольше 30 см, листьев от 3 до 19, листья размером с ладонь, шершавые, цветок круглый, чаще всего оранжевый (рудожелт), напоминает кувшинки. К примеру, так выглядит растение «Крестовник болотный» («Адам трава»): «*Травянистое растение с красноватым стеблем, шершаво-опушенными листьями и голубыми или фиолетовыми цветками, собранными в метелки. Растет в болотистых местах*» (Коновалова, С. 17).

На Руси «Адамовой головой» называли не одну-единственную траву, исследователи насчитывают побольше десятка их. Вот, навскидку, далеко не полный список этих растений (Даль; Колосова, С. 29, 64; Часовникова, С. 90; Коновалова, С. 18; СРНГ, С. 205; Родионова 1, С. 124–127):

1. Клевер средний, *Trifolium medium*.
2. Чистец болотный, *Stachys palustris*.

⁷³ Терещенко А. Быт русского народа. Ч. V. — М.: Русская книга, 1999, С. 270.

Мордовник шароголовый

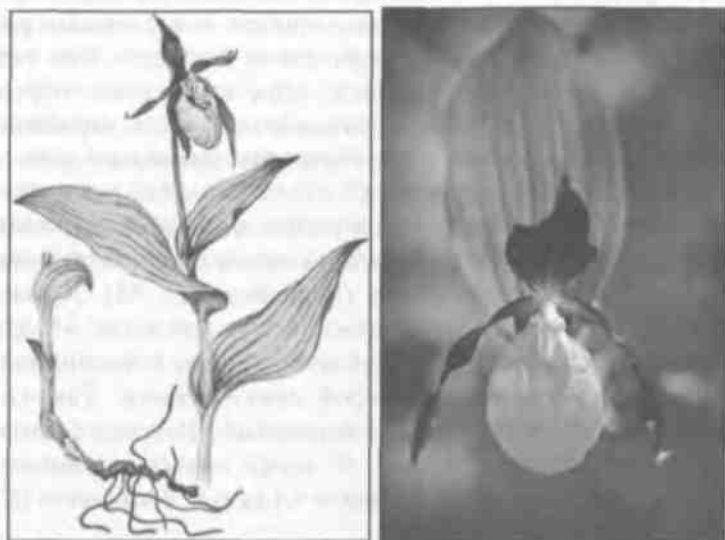
3. Синеголовик полевой, *Eryngium campestre*.
4. Венерин башмачок, *Sypripedium calceolus*.
5. Окопник лекарственный, *Symphytum officinale*.
6. Скополия, *Scopolia*.
7. Ландыш, *Convallaria majalis*⁷⁴.
8. Стрелолист, *Sagittaria sagittifolia*.
9. Сыть, *Cyperus*⁷⁵.
10. Мордовник, *Echinops* (в частности, мордовник русский, *Echinops ritro* L. и мордовник шароголовый, *Echinops sphaerocephalus*).
11. Мандрагора, *Mandragora offic.*, *Atropa Mandragora*.
12. Колокольчик сборный или скученный, *Campanula glomerata*.
13. Василек шероховатый, *Centaurea scabiosa*; Василек сибирский *Centaurea sibirica*; *Centaurea nigrescens*.
14. Лабазник вязолистный (таволга), *Filipendula ulmaria*.

Сюда же можно прибавить растения:

⁷⁴ «Семерица не семерица, а у нас адамофка йесь» (Архангельский областной словарь. Вып. 1. (А–Бережок). — М., 1980, С. 63).

⁷⁵ «ситовик, *Cyperus*, коего корневище адамова голова» (Даль).

1. «Адамская ручка» — Ночная фиалка, *Hesperis matronalis*,
Platanthera bifolia, *Mattiola bicornis*.

Венерин башмачок

2. «Адамово ребро» – Валериана, *Valeriana officinalis*; Горичник, *Peucedanum officinalis*.

3. «Адамова борода» – Ваточник, *Asclepias*; Спаржа обыкновенная, *Asparagus officinalis*; Черный осот, *Centaurea scabiosa*.

4. «Адамовы слезы» – Горох посевной; Венерин башмачок, *Surgipedium calceolus*.

5. «Адам трава» – Крестовник болотный, *Senecio paluster*; Венерин башмачок, *Surgipedium calceolus*.

6. «Адамов корень» – Мытник болотный, *Pedicularis palustris*.

7. «Желтая Адамова голова» – Вид ландыша, *Convallaria polygonatum*.

8. «Адамова свеча» – Коровяк обыкновенный, *Verbascum thapsus*; Лучинник (вид плауна), *Lycopodium clavatum*.

Нетрудно заметить, что в качестве «головы», «корня», «травы» Адама зачастую фигурируют одни и те же растения. Это заставляет думать, что прилагательное «Адамов» безотносительно того, что

упоминается в фитониме далее, можно в целом относить к мертвой голове Адама вообще. Хотя и с известной долей осторожности.

Если присмотреться к описанию реальных растений, искомую «голову» все же обнаружить можно, причем она у разных растений далеко не всегда окажется на одном и том же месте. Эта тема уже поднималась в самом начале книги. *«Для визуального образа тех адамовых голов, где в ее качестве мыслится цветок, определяющим является шарообразность, головчатость соцветия или особое строение цветка»* (Часовникова, С. 98), *«Адамовой головой» «чаще называются травы, имеющие какие-нибудь шарообразные элементы (соцветия, плоды и т.п.) либо использующиеся в народной медицине в качестве средства «от головы»»* (Родионова, С. 38). Лучше всего правильность этой трактовки характеризует растение «Мордовник шароголовый» (*Echinops sphaerocephalus*), причем известно оно также и как «Иванова голова», о которой скажем далее. Так что двух мнений тут быть не может. А уж покатолюбый «Венерин башмачок» и вовсе выглядит череп черепом... К слову сказать, совершенно не случайно в народе и помидор называли *«Адамич, Адамычек»* (СРНГ I, С. 205, 206).

Там же, в начале книги, упоминалась и точка зрения, *«что особо означенными и поименованными «адамовой головой» («адамовой бородой») в большинстве этих растений преимущественно являлись корни»* (Часовникова, С. 91). Исследовательница не смогла толком подтвердить выдвигаемую ей догадку, в связи с чем априори с ней пришлось не согласиться. Тем не менее, действительно, у определенных растений именно корень и должен оказаться той самой «головой». Так, растение «Адамов корень» (Мытник болотный) имеет весьма мясистые корни, используемые в народной медицине: *«Клубешки-те пекчи можно, как печенки, в золе, сердце укрепляют, у ёво корён-от с кулак будёт»* (Коновалова, С. 18).

Травники выделяют «Адамову голову» из прочих трав, приписывая ей немалую значимость среди растительного мира. В посвященных ей статьях трава именуется не только «царем», но и «святой»: *«Та трава именуется святая, всем травам царь»*, *«И та трава во всех травах царь свят»* (Ипполитова, С. 187, 204). Адам, царь, святость. Это максимум, который можно извлечь из описаний, но именно на нем следует основывать реконструкцию мифа о растении «Адамова голова». Все три части данного максимума, по данным отечественного фольклора, связаны с мертвой головой:

Адам. Мертвая голова именуется «адамовой головой», по сути же, голова первопредка Адама стала первой мертвой головой в мире.

Царь. Согласно «Голубиной книге», царская власть или царский род берут свое начало от головы Адама: *«От того у нас в земле цари пошли: // От святой главы от Адамовой»*⁷⁶.

Святость. В той же «Голубиной книге» ее появление описывается следующим образом: *«Ко святой главы ко Адамовой // Выпадала книга Голубиная»* (Часовникова, С. 122). Ср. также воинский заговор: *«И со мною, рабом божшим, святая глава Адамова праотца, буди со мною, рабом божшим»* (РЗРИ, С. 522).

⁷⁶ Оксенов А.В. Народная поэзия. Былины, песни, сказки, пословицы, духовные стихи, повести. СПб., 1908. С. 304–311.

*Мандрагора (мужская). Миниатюра из русской рукописи
«Благопрохладного вертограда», 1534*

Так что, по меньшей мере, эпитеты травы в текстах травников объяснимы связью с образом мертвой головы, послужившим ее названием. И вроде бы всё на поверхности, всё очевидно. Исследователи согласны с таким подходом, сообщая, что «Народное название растения напоминает о стоящем за ним мотиве головы Адама» (Колосова 1, С. 267). Но где же миф? Ведь простое отождествление растения, напоминающего голову, с одной из священных/значимых голов-символов — это лишь первый уровень восприятия. Дальше мифологическое видение мира (ну, или, если угодно, способности магически внимать образам) должно было

неизбежно присовокупить к этому еще и легенду, поясняющую, откуда подобное сходство возникло, как, собственно, появилось растение с таким внешним видом. Все понятно с растением плакун — Богородица лила горькие слезы о судьбе своего непутевого сына, и там, где они капали, занялась эта обережная трава⁷⁷, ясно, откуда взялась трава «Иван-да-марья» — это превратившиеся в растение брат и сестра, совершившие инцест⁷⁸. Нечто подобное непременно должно было отнесено и к «Адамовой голове». Наши предки не бросались налево и направо столь значащими (в данное время) именами!

Перебирая известные варианты легенд о происхождении растений, в качестве наиболее уместной и логичной параллели был выбран сюжет с произрастанием нового вида растений из останков или на могиле персонажа предания. Так появились, согласно преданиям (известным в позднем, разумеется, оформлении), картофель⁷⁹,

⁷⁷ Стих «Голубинная книга»:

*Плакала божья мать на своём на сыну на возлюбленном,
Пала слеза на сыру землю,
От тех от слез от причиствинных
Зарыждаласи плакун-трава, что плакущая —
Патаму плакун-трава — травам мать.*

(Киреевский 2, № 5)

Вариант:

*Мать Божья плакала Богородица,
А Плакун-травой утиралася,
Потому Плакун-трава всем травам матери.*

(КД, №. 70)

⁷⁸ Березович Е.Л. Иван да Марья: к интерпретации образов севернорусского дожинального обряда.

⁷⁹ Легенда о двух братьях, старший из которых «Ездил, ездил и приехал к Елени (Эллины). Тут он стал учиться волхвованию и сделался волхвом. Брат меньшой прослышал об этом и поехал к Елени. Приехал туда и спрашивает: — «где мой брат?» Ему на это и говорят: брат твой был волхвом, а теперь уж он умер. — «Сведите меня на его могилу». Пришли на могилу и глядят — на ней растет невиданное дотоле стеблие. Что это за стеблие? — думают все, а узнать никак не узнают. Взяли лопату, стали рыть и видят — стеблие растет из ребра человеческого, корни пустило во все стороны, а на этих корнях растет картофель. Они взяли да и сварили его, чтобы испробовать, скусен ли он. Поели и глядят — впрямь он скусен. С тех пор и пошли по миру картофель садить да есть» (Легенда о происхождении картофеля / Сообщ.

табак⁸⁰, а также лук с чесноком⁸¹. Можно предполагать, что старый миф о происхождении травы «Адамова голова» выглядел столь же просто — она выросла на том месте, где лежала или была захоронена отделенная от тела голова Адама (точнее, ПервоБога, сокрытого за его образом). И пусть по другим мифам голова ПервоБога стала небом, но никогда и нигде миф не фиксируется в единственно возможном варианте — всегда есть десятки разночтений, подающих порой предание совсем в ином виде. Останки грешника и останки святого, что ни говори, — две крайности. В одном случае грешник, почитай, черту кум и сам черт, в другом — умерший божественному сопричастен, а то и сам — Бог. Но как раз крайностям — то нередко случается быть оформленными в мифе по одному шаблону, более того — симметрично, как являются симметричными друг другу позитив с негативом. Таковы, например, поздние легенды «о малом творении», поясняющие появление тех или иных видов животных и растений. В них практически равными сотворцами участвуют Бог и Черт. Всё, что может создать Бог, немедленно копируется Четом, но на свой лад: «Бог сотворил овцу, она пошла. Дьявол сделал козу, но оживил ее Бог» (НаБ, № 378), «Бог створиў чаловека из глины, а чорт створиў воўка»⁸². Точно так же Черт создает противоположное и в остальном — болота, горы, овраги, ос, змей, колючие растения...

А. Сперанский // Русская старина, 1895. Т. 84. № 11, С. 204–205). По другому варианту, картофель вырастает на могиле девицы, которая «по диаволовому действию совокупила со псом», за что и была убита родителем (Адрианова-Перетц В.П. Старообрядческая литература XVIII века // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. 1947, С. 91)

⁸⁰ После того как Иуда повесился и, упав на землю, сопрев, «то на ним *viric titin*, бо дотиў ни було *titinu*. Тот *titin*, що *viric* на лиці, то звет си «круглан», тот що *viric* на череві, звет си «марготка», лютійший, а найлютіший *titin* «колоздра» *viric* на гу...и» (Гнатюк В. Галицько-руські народні легенди. Т. 2 // Етнографічний збірник. — Львів, 1902. Т. 13, № 415).

⁸¹ «Табак, хрин, цибуля та часнык, це все выросло з тила якого-сь великого гришныка, не то царя Ирода, не то з Иуды. Так табак пишов з толуба, цибуля з очей, часнык з зубей, а хрин — ось с цього (фалла)» (Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ. И.И. Манжурую. — Сб. Харьк. ист.-филол. о-ва. Т. II, вып. 2, С. 144).

⁸² Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. II. — СПб., 1893, С. 344.

В пользу нашей реконструкции мифа могут косвенно свидетельствовать следующие соображения.

1. Согласно народным представлениям, растение мандрагора, одно из названий которой — «Адамова голова», отнюдь не случайно похоже своим корневищем на человеческое тело, так как она вырастает на том месте, куда из тела повешенного истекает его семя — *«Растет только на могилах и местах казни»* (Часовникова, С. 93). Кстати, наподобие мандрагоры представлялся и уже упомянутый «чертов картофель»: калужские старожилы *«предполагают, что картофель имеет голову, руки и ноги: но что по вынутии его из земли у него остается одно только туловище, прочие же части не видны для православных. Сверх того утверждают, что в этом растении есть кровь»* (ФКГ, С. 238).

2. Известен магический обычай прорастивать через отрубленную голову змеи головки лука или чеснока: *«У южных славян и на Карпатах считалось, что для амулета нужно брать чеснок, проросший через закопанную в землю голову змеи, убитой при ее первом появлении в новом году»* (СД 1, С. 106). Причем змея явно принадлежит к тому же негативному ряду, что и грешники, колдун, блудницы и черт. Парадигма у магического ритуала и реконструируемого мифа одинакова — голова произрастает из головы, растение завязывается на мертвых останках, при этом приобретает магические свойства. Ими, как известно, сполна наделена и «Адамова голова»: *«Которой человек порчен, дай ему пить, изблует вскоре; или у жены не родятца дети, дай ей пить, велми добро; а похочет человек диявола увидеть или еретика, корень той травы освяти водою, положи на престол и держи до четьредесять дней, проидут те дни, носи у сердца, воздушных и водяных увидишь; или кто хочет мелницу или церковь или полату (ставить), держи при себе, земля с чем местом кажитца равно; или кто сечен и ранен, прилошь к раны, заживет в три дня»* (Ипполитова, С. 399).

3. Отдельные растения произрастают от разных частей тела умершего грешника — табак из туловища, лук из глаз, чеснок из зубов. Народная фитонимия знает помимо «Адамовой головы (бороды)» и другие растения, связанные с отдельными частями тела первопредка Адама. Их мы уже описывали: «Адамская ручка», «Адамово ребро», «Адамова борода». В свете нашей реконструкции мифа позволительно считать, что они выросли из упоминаемых в их названии частей тела Адама. «Адамова свеча», равно как и хрен в

варианте с телом грешника, могла вырасти из причинного места героя легенды. Не должно смущать и то, что из тела грешника вырастают одни лишь культурные растения, в то время как с Адамом связываются растения дикие. Тем не менее, среди них замечена как минимум одна из огородных культур: горох посевной носит в народе название «Адамовы слезы» (Родионова 1, С. 127).

4. И, наконец, а настолько ли противопоставлены предания о грешнике, послужившем инкубатором для новых растений, и первоначально Адаму? Нас не должно вводить в заблуждение упоминание о святости его головы. Ведь согласно библейскому сказанию, с которым мы вынуждены в данном случае считаться, ибо оно существенно повлияло на появление, или точнее, на модифицирование такого рода легенд, Адам как раз и был первым грешником на земле. Об этом постоянно напоминают духовные стихи. В «Плаче Адама» так зовет себя сам герой стиха:

*Адам вопиаше к Богу со слезами:
— Увы мне, грешному, увы незаконному!*

Да и по словарю В. И. Даля: «Адам, вообще, человек во плоти, грешник; | падкий на соблазн. И ты адам, и я адам; все мы адамы».

В целом картина мифа выглядит достаточно непротиворечивой, корректировать ее можно скорее в сторону насыщения деталями, но это уже никак не входит в нашу задачу. Нужно было разобраться с происхождением данного растения, и это, после проведенного небольшого исследования, надо полагать, более-менее удалось.

Иванова голова

Растений, в названии которых так или иначе обыгрывается голова Ивана (или ее отсутствие), несколько меньше, чем тех, что носят имя «Адамова голова» — порядка десятка (с учетом вариантов). Любопытно отметить, что в ряде случаев разные фитонимы эти придаются одной и той же траве, т.е. растения настолько глубоко и очевидно соотнесены с символом мертвой головы, что детали названия (принадлежность головы) уже не так важны. Разумеется, все дело в магии подобия: «*Иван головастый в мокром месте растет, у его цветок, как бы голова*» (Коновалова, С. 94–95).

Клевер средний. Звербой обыкновенный

Список трав примерно таков (Колосова, С. 29, 64; Колосова 1, С. 265, 267):

«Иванова голова»:

1. Колокольчик персиколистный, *Campanula persicifolia*.
2. Мордовник шароголовый (поль. *Ivanowa holowa*), *Echinops sphaerocephalus*.
3. Звербой обыкновенный, *Hypericum perforatum*.
4. Клевер средний, *Trifolium medium*.
5. Венерин башмачок, *Surgipedium calceolus*.
6. Аронник пятнистый (поль. «*Św. Jana głowa*»), *Arum maculatum*.

«Иван головастый»:

7. Чистец болотный, *Stachys palustris*.
8. Лабазник вязолистный (Иван головастый,⁸³ Иван-голова⁸³), *Filipendula ulmaria*.⁸⁴

⁸³ «А иван головастый! Это иван чай. Иван головастый белым (цветет)», «Раньше на покосе грели, а потом этого ивана-голову, смородины листиков, и так напьешься» (Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 2: Л-Т. — Томск: ТГПУ, 2006, С. 19).

⁸⁴ Возможно, сюда же нужно добавить и Кипрей узколистный (*Eriophium angustifolium*), известный в народе как «Иван-чай». Дело в том, что так

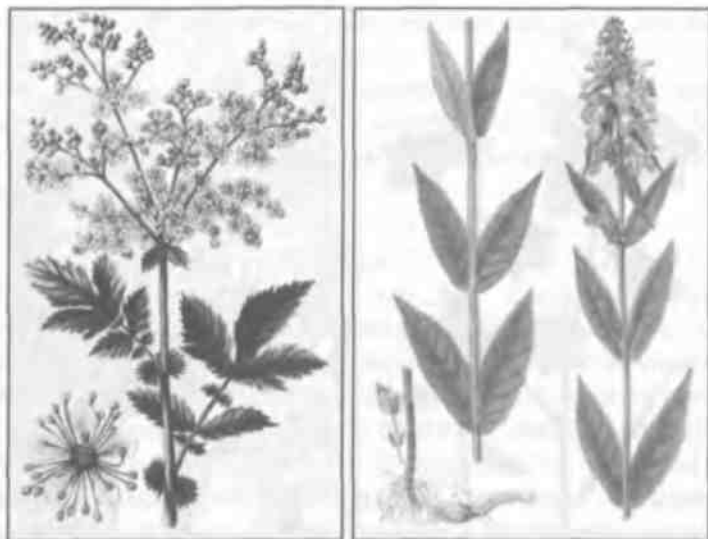
«Иван безголовый»:

9. Венерин башмачок, *Cypripedium calceolus*.

Все приведенные названия связаны с образом отрубленной головы Иоанна Предтечи. Это вытекает как из сохранившихся преданий о происхождении растений с таким именем, так и из отдельных зацепок, которые названия дают в руки исследователя.

Относительно растения «Иван безголовый» было записано такое сказание. *«Девка отрубила некоему Ивану голову. Иван пошел на жалобу к Богородице, неся свою голову на копье. Богородица превратила Ивана в синенький цветок вероники /.../. В таком положении, как шел к Богородице, Иван замер и был обращен в цветок; цветок этот в народе называется «Иван Безголовый»* (Добровольский, С. 379). Скорее всего, данное предание является полностью несамостоятельным, так как оно собрано из разных фрагментов. Девка, отрубившая голову Ивану, — это библейская Иродиада. Несение головы к Богородице перенесено из сказания о Меркурии Смоленском (см. Ч. I. гл. 7). Там также значимое место занимает образ Богородицы, и есть мотив несения своей головы на копье: *«Самому голову сняли. Индача ион едит на лошади, а буйну голову нясет на капи, чем сражаўся»* (Добровольский, С. 379, № 19). Наконец, превращение героя легенды в цветок — довольно распространенный сюжет: так появляются растения «Василек», «Иван-да-Марья»...

называют и Лабазник. Да и использование имени Иван весьма примечательно.

Лабазник вязолистный. Чистец болотный.

Зверобой, помимо названия «Иванова голова» (а также рус. трава св. Ивана, Иванова трава, бел. св. Ивана зельле, старочешск. svateho Jana korenje, Sv. Jana bylina, поль. swietego Jana korzenie), может называться и «Иванова кровь» (кровавник, крововик, семибратная кровь, укр. кривця, кравник, божа кривця, Хрїстова кровця, кров Ис. Христа, кров св. Ивана, молодецка кровь, бел. заячча-кроў, сямёнова кроў, крываўнік, кривавец, красная травица, чешск. krevnicek, krvavnik, луж. konjasa krej)⁸⁵, что должно объяснять красноватые пятнышки, которыми усеяны его листья. Ирод приказал принести для показа отрубленную голову Иоанна, и «пока палач нес на блюде голову пророка во дворец, на землю упало несколько капель крови, и на том месте выросла трава, впитавшая кровь Иоанна. Это трава зверобоя. Листья и лепестки венчика зверобоя содержат ярко-красный пигмент, похожий на кровь»⁸⁶.

⁸⁵ Так же и в Англии, где зверобой называют «травой св. Иоанна»: «Клевер, вербена, трава святого Иоанна и укроп // Ведьмам воли не дают» (Киттредж, С. 159).

⁸⁶ Кузнецова М.А., Резникова А.С. Сказания о лекарственных растениях. М.: Высшая школа, 1992, С. 86.

Колокольчик персиколистный. Аронник пятнистый.

Согласно магии подобия, зверобоем пользуются при лечении различных кровотечений: «В Закарпатье зверобой четырехгранный *Hypericum quadrangulum* L. под названием кроуник тили при кровоизлияниях и кровавом поносе»⁸⁷.

Предание фиксирует прецедент, а фитоним в сжатой форме его отражает. Для носителя традиционного мировоззрения не должно было представлять особых сложностей вывести обратно, исходя из фитонима, развернутую легенду. Достаточно припомнить значения ключевых символов или связанные с ними главнейшие предания — отрубленная голова, имена Адам или Иван... Имена эти, конечно, недавнего привнесения, изначально же предание, как неоднократно говорилось, отсылало к событиям из мира Древних Богов, в частности, к мифу о рождении мира из частей тела ПервоБога. Служит имя растения также и предпосылкой для магического использования: раз у него есть «голова» — значит, может помочь «от головы». Собственно, для этого и нужно знать имена растений, для чего же еще? Наши пращуры в таких вопросах были практичны — всякое знание и всякая

⁸⁷ Колосова В.Б. Цвет как признак, формирующий символический образ растений // Признаковое пространство культуры. — М., 2002, С. 260.

вещь должны приносить пользу тому, кто ими владеет и кто знает, как эту пользу извлечь.

Есть и еще ряд растений, имеющих головы или с мертвыми головами связываемые, легенды о которых знать нужно. Подробно расписывать их не будем. Для понимания довольно будет и короткого пересказа.

Мак

Существует представление, что мак произошел *«из крови убитых героев, поэтому, в частности, маки растут на поле битвы»*⁸⁸. Что ж, кровь так кровь, красный цвет маковых полей наверняка напоминал о полях сражений, залитых морями крови. Для нас же важно, что когда лепестки облетали, обнаруживалась часто применяемая в магии коробочка с семенами — мертвая голова растения. Украинское присловье приводит нужное нам отождествление: *«Голова, як маковка, а в неї розуму, як наклано»* (Номис, № 5707). Особо примечательно использование мака для наведения сна, а ведь, как известно, *«Сон смерти брат»* (Даль)...

Бобы

Среди предписаний для правильной жизни, оставленных Пифагором, есть такие, что ставят в тупик своей некоторой неясностью. Среди них Ямвлих Халкидский (245/280 – 325/330) за

⁸⁸ Судник Т.М., Цивьян Т.В. Мак в растительном коде основного мифа // Балто-славянские исследования 1980. — М.: Наука, 1981.

номером 37 приводит следующее: «Воздерживайся от бобов» (ФРГФ, С. 491). Авл Гелий (Аттические ночи. IV. 11. 1) подтверждает принадлежность этого высказывания Пифагору: «Распространилось и укоренилось старинное ложное мнение, будто философ Пифагор не употреблял в пищу животных, а также воздерживался от бобов, которые греки называют κβασιος. Основываясь на этом мнении, поэт Каллимах писал: «Руки подальше держи от бобов — несваримого яства! // Так повелел Пифагор — так утверждаю и я» (ФРГФ, С. 143–144).

Пояснение, которое сам Ямвлих дает этому запрету в сочинении «О жизни Пифагора» (XXIV), ничего не поясняет: «Он также предписывал не касаться бобов по многим божественным и природным причинам, а также причинам, касающимся души». Диоген Лаэртский (вероятно конец II – начало III в. н.э.) приписывает Аристотелю куда менее замысловатые толкования запрета: «В сочинении «О пифагорейцах» Аристотель говорит, что [Пифагор] предписывал «воздерживаться от бобов» — то ли потому, что они похожи на срамные члены, то ли потому, что на врата Аида (ведь это единственное растение без сочленений), то ли потому, что они пагубны, то ли потому, что похожи на Вселенную, то ли потому, что имеют олигархический смысл (ведь ими проводят жеребьевку)». О последнем варианте знал и Ямвлих: «К бобам пифагорейцы якобы относятся враждебно, так как они главные в жеребьевке и в избрании на должность по жребию» (Ямвлих. О жизни Пифагора. XXXV).

А ведь запрет был столь существенен в жизни пифагорейцев, что они предпочитали погибнуть, но не нарушать его. Более того, погибнуть, но не объяснять, в чем его суть. Когда воины Эвримена загнали преследуемых ими пифагорейцев на бобовое поле, те были вынуждены прекратить бегство: «И беглецы уже были близки к спасению (ведь воины Эвримена с тяжелым оружием отстали, преследуя их), если бы не очутились на каком-то поле, засеянном бобами, которые как раз цвели. Не желая нарушить заповедь, предписывающую не касаться бобов, они остановились и были вынуждены обороняться от преследователей камнями, палками и чем попало до тех пор, пока они не отбили их, убив одних и ранив многих других. Но все же воины убили их всех, никого не взяли в плен живым, и за эти бобы они с радостью встретили смерть соответственно заповедям школы» (Ямвлих. О жизни Пифагора.

XXXI). Дионисий попросил у пифагорейской пары, оставшей в пути от своих погибших собратьев: «Объясните мне хотя бы одну вещь, и вы выйдете на свободу с подобающей охраной». Когда Миллий спросил, что хочет знать Дионисий, тот сказал: «То, почему твои товарищи предпочли умереть, чем наступить на бобы». На что Миллий тотчас ответил: «Они претерпели смерть, чтобы не наступить на бобы, я же предпочту скорее наступить на бобы, чем сказать тебе, почему они это сделали» (Ямвлих. О жизни Пифагора. XXXI).

Ближе всех к истине, скорее всего, был Порфирий (232/233 – 304/306), приведший такое толкование: «Бобов он запрещал касаться, все равно как человеческого мяса. Причину этого, говорят, объяснял он так: когда нарушилось всеобщее начало и зарождение, то многое в земле вместе сливалось, сгущалось и перегнивало, а потом из этого вновь происходило зарождение и разделение — зарождались животные, проросли растения, и тут — то из одного и того же перегноя возникли люди и проросли бобы. А несомненные доказательства этому он приводил такие: если боб разжевать и жвачку выставить ненадолго на солнечный зной, а потом подойти поближе, то можно почувствовать запах человеческой крови; если же в самое время цветения бобов взять цветок, уже потемневший, положить в глиняный сосуд, закрыть крышкой и закопать в землю на девяносто дней, а потом откопать и открыть, то вместо боба в нем окажется детская голова или женская матка» (Порфирий. Жизнь Пифагора, 44).

Вот и первые признаки мертвой головы, хотя, чтобы ее обнаружить, любопытствующему, согласно Порфирию, необходимо было прибегнуть к длительному опыту. А вот и второй признак, более похожий на исследуемый в нашей книге вопрос. Иоанн Лидиец (VI в. н.э.) приводит стихотворную фразу Гераклида Понтийского (387 до н.э. – 312 до н.э.), где сообщается пифагорейское кредо относительно бобов: «Есть бобы — не меньшее преступление, чем есть головы собственных родителей»⁸⁹ (Иоанн Лидиец. О месяцах. IV. 42). Это первое упоминание данного оборота, в дальнейшем он появляется не раз. Но то, что так говорил Пифагор, косвенно известно и по более

⁸⁹ Оригинал:

Ἴσων τοι κραινοῦσ τε φαγεῖν κεφαλασ τε τοκῆων.
Διογενῆσ δε εν τρισκαίδεκατῃ ἀλιστῶν ταῦτα φησιν.

ранним данным. К примеру, над этим его высказыванием потешается Лукиан Самосатский (около 120 — 180 гг. н.э.) в комическом диалоге «Меннип и Эак», описывающем прием Пифагора на Том Свете:

«Меннип. Здравствуй, Евфорб, или Аполлон, или кто хочешь.

Пифагор. Здравствуй и ты, Меннип.

Меннип. Что это? У тебя бедро больше не золотое.

Пифагор. Нет. А покажи-ка, нет ли у тебя в мешке чего-нибудь поесть.

Меннип. Бобы, дорогой мой; тебе этого есть нельзя.

Пифагор. Давай! У мертвых учение другое; я здесь убедился, что бобы и головы предков совсем не одно и то же».

Собственно, легенду о происхождении бобов уже озвучил Порфирий. Как она увязывается с темой голов, в целом ясно. Бобы и первые люди зародились из одной и той же массы, внешне же бобы, походя на головы, напоминают об этом далеком родстве, что и мотивирует запрет — нельзя заниматься каннибализмом.

Желуди

Раз уж упомянули бобы, можно тогда уж сказать и о желудях. Это не миф, а скорее уж эвфемизм, поэтическая вольность, даже скорее красивость. «Головы сраженных в бою воинов иногда назывались «желуди Махи»» (Ирландия, С. 252). Маха — кельтская Богиня войны и разрушений. Она же — Афина, с щитом-горгонеионом, Кали, в ожерельях из черепов, Мара, в хоромах, огороженных частоколом мертвых голов...

МИФЫ МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ (3): УМЕРЩВЛЯЮЩАЯ ВЗГЛЯДОМ

*Отрубленная голова на столике лежит,
Как люттик небывалый.
(Бодлер. Мученица)*

Горгона

История встречи Персея и Медузы Горгоны, трагически закончившаяся для последней, хорошо известна. Горгона лишилась головы, мировая культура пополнилась одним из весьма значимых символов. Но в первую очередь разумеется, приобрела таким образом обережная магия — человек, заполучив в свое распоряжение голову демона, стал успешно с ее помощью обороняться от демонов же.

Однако совсем умолчать об этом мифе невозможно. Стоит обратиться к античным источникам, дабы не только полнее представить себе акт обретения героем мертвой головы, но и выявить те мельчайшие детали, которые явление — собственно, голову Медузы, — и складывают, в частности, как предпосылки. Заодно освежим в памяти случаи применения головы—оригинала на деле.

Итак, Горгона Медуза. Именно так, а не наоборот, следовало бы по правилам упоминать ее, ибо «горгона» — это вид демонических существ, к которому Медуза относится; Медуза же (Медуса, Μέδουσα) — имя собственное, которое можно перевести примерно как «стражник, защитница, повелительница». Из трех сестер—горгон Медуза была единственной уязвимой, чем и воспользовался Персей:

*Граий прекрасноранитных от Форкия Кето родила.
Прямо седыми они родились. ¹*

/.../

*Также Горгон родила, что за славным живут Океаном
Рядом с жилищем певиц Гесперид, близ конечных пределов
Ночи: Сфенно, Евриалу, знакомую с горем Медузу.
Смертной Медуза была. Но бессмертны, бесстаростны были
Обе другие.*

(Гесиод. Теогония. 270–271, 275–279)

Персей, убивающий Медузу. Рельеф на сицилийских храмах. VI в. до н.э.

Персей добывает голову Медузы. Ростись керамики.

Способностью убивать взглядом Медуза обладала изначально, о чем всех прочих красноречивей повествует Марк Анней Лукан (39 — 65 гг.), подробно описав также и змееволосы девы:

...из горла тогда шипящие змеи

*Выползли, жалом своим трепеща с пронзительным свистом,
И по спине у нее разметались, как женские косы,
Плечи хлестали они ликованием полной Медузы.
Встали над хмурым челом, поднявшись дыбом, гадюки,
Яд изливался из них, когда волосы дева чесала.
Только на них, не на всю роковую Медузу возможно
Без наказания смотреть: кто пред взором иль пастью Медузы
Время имел трепетать? И разве чувствовал гибель
Тот, кто в лицо ей глядел? Отняв колебанья у смерти,
Страх обгоняет она: при виде нее, задыхаясь,
Вмиг погибают тела и души в костях коченеют.*

/.../

*Но и отец трепетал, второй повелитель на море,
Форк, — пред Медузою, и Кето — ее мать, и Горгоны —
Сестры ее: Медуза могла и морю, и небу
Оцепененьем грозить и покрыть всю землю камнями;
Птицы при виде нее с небес тяжело упали;
Зверь застывал на скале; племена, эфиопов соседи,
При обработке полей цепенели, как мрамор холодный.
Вынести вида ее не могли животные, даже
Змеи Горгоны самой от лица заползали на спину.*

(Лукан. Фарсалия. IX. 629–641, 645–653)

Именно поэтому Персею понадобился зеркальный щит, преподнесенный ему Афиной:

...скалы,

*Скрытые, смело пройдя с их страшным лесом трескучим,
К дому Горгон подступил; как видел везде на равнине
И на дорогах — людей и животных подобья, тех самых,
Что обратились в кремь, едва увидали Медузу;
Как он, однако, в щите, что на левой руке, отраженным
Медью впервые узрел ужасающий образ Медузы;
Тяжким как пользуясь сном, и ее и гадюк охватившим,
Голову с шеи сорвал...*

(Овидий. Метаморфозы. IV. 777–785)

Это недоброе качество сохраняет и отделенная от тела голова Горгоны, что несколько раз удалось использовать ее убийце. Для начала он извел Кето (Кита), чудовище, которому собирались скормить Андромеду. При помощи дочери погубил мать... Ну а потом пошло легче. На полпути домой Персей встретил Атланта:

*Ею (головою горгоны, — Б.М.) титан Атлас,
у столбов Геркулеса стоявший,
Был превращен в утес...*

(Лукач. Фарсалии. IX. 654–655)

*«Если моей дорожишь ты столь мало приятню,
Дар мой прими!» — говорит; и, видом ужасное, слева
Сам отвернувшись, к нему лицо протянул он Медузы.
С гору быв ростом, горой стал Атлант; волоса с бороною
Преобразились в леса, в хребты — его плечи и руки;
Что было раньше главою, то стало вершиною горной;
Сделался камнем костяк. Во всех частях увеличась,
Вырос в громадину он, — положили так боги, — и вместе
С бездной созвездий своих на нем упокоилось небо...*

(Овидий. Метаморфозы. IV. 653–661)

Дома же и вовсе был наведен жесткий и скорый порядок: «Когда Финей, который был братом Кефея, составил против Персея заговор (Финей первым был обручен с Андромедой), Персей, узнав об этом, вынул голову Горгоны и всех заговорщиков тотчас же превратил в камень. Прибыв на остров Сериф, Персей застал мать вместе с Диктисом припавшей к алтарям богов в поисках убежища от преследований Полидекта. Тогда он вошел в царские покои, где Полидект принимал своих друзей, и показал им, отвернувшись, голову Горгоны; и все они окаменели точно в таком же положении, в котором были, когда взглянули на Горгону» (Аполлодор. II. 4. 3); «А он отрубил ей голову, явился на Сериф и, показав голову Полидекту, превратил его в камень» (Палефат. О невероятном. XXXI). О том же и у Пиндара:

... Персей
Повершил третью из сестер,
Чтобы роком настичь приморский Сериф и народ Серифа.
/.../

На погибель обернул он Полидекту пир его,
И тесное рабство, и насильное ложе матери...

(Пиндар. Пифийские оды. XII (Горгона))

Леонард Брамер. 1660. Частная коллекция.

Но всего лучше, в подробностях, в которых словно слышится превращение плоти в мрамор, описал эту расправу Овидий:

Но, как увидел, что пасть должна перед множеством доблесть, —
«Помощи, — молвил Персей, — раз вами к тому понужден я,
Буду искать у врага! Отверните же лица скорее,
Если меж вами есть друг!» — и главу он приподнял Горгоны.
«Нет, других поищи, кто твоим чудесам бы поверил!» —
Тескел сказал и готов был рукой роковое оружие
Бросить, но так и застыл изваяньем из мрамора. Амик,
Тотчас стоявший за ним, на полную доблестным духом
Грудь Линкида с мечом устремился, но в этом движенье
Окоченела рука, ни вперед, ни назад не движима.
Тотчас Нилей, что солгал, семиречным будто бы Нилом

Он порожден, на щите обозначивший семь его устий, —
Часть из них серебром, другую же золотом, — молвил:
«Вот полюбуюсь, Персей, на источники нашего рода!
К манам немым унесешь утешенье немалое в смерти,
Пав от такого, как я!» Но часть последняя речи
Вдруг прервалась, и мнится, что рот, вполовину открытый,
Хочет еще говорить, но слова не находят дороги.
«От малодушия вы, а совсем не от мощи Горгоны
Остолбенели! — бранит их Эрике. — Накинемся вместе,
Наземь повергнем юнца с его чародейным оружием!»
Кинуться был он готов; но землю задержаны стопы, —
Вооруженный стоит из камня недвижимого образ.
Кару те все понесли по заслугам. Но воин Персея
Был там один, Аконтей; пока за Персея сражался,
Лик он Горгоны узрел и в камень тотчас обратился.
Астиагей же его, за живого сочтя, ударяет
Длинным мечом. Засвистел его меч пронзительным свистом,
Астиагей изумлен, — но принял он ту же природу,
Мраморным став, и лицо выраженье хранит изумленья.
Долгое дело — мужей имена из простого народа
Перечислять. Их двести всего после боя осталось, —
Остолбев, все двести стоят: увидали Горгону!
Тут лишь Финей пожалел наконец о несправедной битве, —
Только что ж делать ему? Он лишь образы разные видит,
Он и своих узнает и, по имени каждого клича,
Помощи просит; не веря себе, касается ближних.
Тел, — но мрамор они; отвернулся и так, умоляя,
В стороны руки простер, изъявляя покорность, и молвил:
«Ты побеждаешь, Персей: отврати это чудище, в камень
Все обращающий лик Медузы, какой бы он ни был.
О, отврати, я молю! Не злоба, не царствовать жажда
К брани подвигли меня: за супругу я поднял оружие.
Право заслугами ты приобрел, а я — ожиданьем.
Не уступил, — и мне жаль. Из всего, о храбрейший, мою лишь
Душу ты мне уступи, да будет твоим остальное!»
И говорившему так, и того, к кому сам обращался,
Видеть не смевшему, — «Что, — говорит, — о Финей боязливый,
Дать, тебе ныне могу, — и дар то не малый для труса! —
Дам, ты страх свой откинь. Не обижу тебя я железом.

Медуза Бернини. Образец прекрасного

Медуза. Образец ужасного. Медальон изнутри коринфского килика

*Наоборот, на века, как памятник некий, оставлю.
 Будешь всегда на виду ты в доме у нашего тестя,
 Чтобы супругу мою утешал нареченного образ!»
 Молвил такие слова, он главу повернул Форкиниды
 К месту, куда был Финей лицом обращен трепетающим.
 И, между тем как глаза повернуть пытался он, шея
 Окоченела его, и в камень слеза затвердела.
 Но умоляющий лик и уста боязливые в камне
 Видны досель, о пощаде мольба и покорности знаки.
 Вот победитель Персей с супругою в отчие стены
 Входит. Защитник семьи, неповинности дедовой мститель,
 Вот он на Прета напал: затем, что, оружием выгнав
 Брата, Прет захватил твердыню Акризия силой.
 Но ни оружием своим, ни присвоенной подло твердыней
 Грозных не мог одолеть он очей змееносного чуда.
 Все же тебя, Полидект, небольшого правитель Серифа,
 Юноши доблесть, в дедах очевидная стольких, ни беды
 Все же смягчить не могли. Ненавидишь упорно Персея,
 Непримирымый, и нет неправому гневу предела.
 Хочешь и славы лишить, утверждаешь ты, будто измыслил
 Он, что Медузу убил. «Я дам тебе знак непреложный.
 Поберегите глаза!» — воскликнул Персей, и Медузы
 Ликом царево лицо превращает он в камень бескровный.*

(Овидий. *Метаморфозы*. V. 177–249)

Вероятно, именно этим свойством взгляда головы Медузы обусловлен страх Одиссея во время его общения с обитателями мира мертвых:

*Бледный объял меня ужас, что вышлет
 Голову вдруг на меня чудовища, страшной Горгоны,
 Славная Персефонея, богиня из недр преисподней.*

(Гомер. *Одиссея*. XI. 633–635)

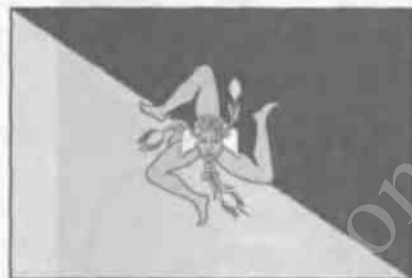
Осталось добавить совсем уж немного. Хотя Медузу и описывали чудовищем: «*Страшен, Горгона, твой лик!*» (Лукан. *Фарсалия*. IX. 679), Пиндар (V в. до н.э.) был иного мнения, возможно, отталкиваясь от сложившихся в архитектуре новых канонів изображения апотропейных символов: «*Ибо взял он (Персей, — Б.М.)*

голову Медузы с прекрасными щеками» (Пифийские оды. XII). О том же говорит и Павсаний: «Персей, пораженный ее красотой, которую она сохранила, будучи даже мертвой, отрубил ей голову и привез ее для показа эллинам» (Павсаний. Описание Эллады. II. XXI, 6).

Гесиод привносит в миф описание транспортировки головы чудовища: «Всю же спину его исполнили глава занимала // Грозной Горгоны» (Гесиод. Щит Геракла. 223–224). Хотя на древнегреческой керамике видно, что голова может спокойно помещаться и в наплечной сумке, ненамного превосходя размерами голову самого Персея. Кстати, обратите внимание, с какой заботливостью Персей обращается с доставшимся ему артефактом:

*И чтобы жесткий песок не тер головы змееносой,
Вниз настиляет листья и в воде произросшие тростья
И возлагает на них главу Форкиниды Медузы.*

(Овидий. Метаморфозы. IV. 740–742)

*Современный флаг Сицилии. Учрежден в 2000 г.
И более аутентичный вариант того же флага.
Обратите внимание на направление ног трискеллона.*

Насытившись мстью, герой удалил голову горгоны из нашего мира: «Персей сделал Диктиса царем острова Серифа, а сандалии, сумку и шапку отдал Гермесу, голову же Горгоны — Афине. Гермес вернул полученные от Персея предметы нимфам, Афина же поместила голову Горгоны посередине своего щита» (Аполлодор. II. 4. 3). В дальнейшем Афина не раз демонстрирует новое украшение своего доспеха (сама же идея вызвала живой отклик в воинской среде (Ч. II, гл. 4)): «и вот перед ней явилась Афина, на одеянии которой была голова Медузы Горгоны» (Павсаний. Описание Эллады. IX. XXXIV. 1); «гиганты с их низом змеиным // Горами стали: Горгоны

глава на груди у Паллады // Этот закончила бой» (Лукач. Фарсалия. IX. 656–658),

*Ныне, чтоб ужасом тем устрашать врагов оробевших,
Ею же созданных змей на груди своей носит богиня.*

(Овидий. Метаморфозы. IV. 802–803),

*Видишь: там, в высоте, заняла твердыни Паллада,
Села, эгидой блестя, головой Горгоны пугая.*

(Вергилий. Энеида. II. 615–616)

Эгида на плече и на щите Афины Паллады

Согласно Павсанию, её голова лежит в земляном холме около площади Аргоса (Павсаний. Описание Эллады II 21, 5). Сицилийцы же считают, что горгоны жили на их острове, там же погибла и наиболее знаменитая из них. В связи с этим флаг данного региона (введен в 1282 г.) украшен совмещенной с треногой–трискелионом изрядно стилизованной головой Медузы — она милovidна, а вместо змей — колосья. Все это, впрочем, вполне в русле местной традиции, да и произошла эта замена, судя по предшествующим разработкам, довольно рано.

*Прототипы сиракузского флага:
маскарон из Сиракуз и древнегреческая монета*

Современные сицилийские сувениры

Вариации на тему

Попутно нужно упомянуть, что «изображения головы Горгоны Медузы в античном искусстве нередки, в частности, их много на перстнях-печатях. Отметим, что на позднеантичных геммах изображение Горгоны Медузы могло носить характер оберега от болезней, т. е. исполнять ту же функцию, что и позднейшая змеевидная композиция. Так, на гемме II–III вв. н.э. с изображением Персея, несущего голову Медузы, имеется надпись: «Беги, подагра, тебя преследует Персей»; «следует особенно подчеркнуть наличие изображений головы Медузы (как одной, так и в сопровождении других персонажей) на ряде так называемых гностических гемм. Эти резные камни, служившие талисманами, отражают греко-восточные (преимущественно греко-египетские, в ряде случаев с примесью иудейского и раннехристианского элементов) синкретические культы»⁹⁰.

Ну и, пока не отошли от темы, хотелось бы отметить поверье, согласно которому головы змей вполне могут жить отдельно от туловища: «хорватам Самобора известен *skočec*, живая отрубленная голова змеи. Он бросается на человека и преследует его, а потому считается одной из самых опасных змей. В Боснии и Герцеговине верят, что отрубленная голова змеи прирастает к пню и называется *kusac*» (Гура, С. 300). Кажется, некая связь с Горгоной прослеживается...

Византийские магические перстни

⁹⁰ Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевки. — М.: Наука, 1991.

*Византийский амулет с ликом Медузы и надписью:
ΑΡΗΓΩ ΡΩΡΩΜΑΝΔΑΡΗ — Я защищаю Роромандра*

Балор

Образ, подобный Горгоне, известен и кельтской традиции. Речь пойдет о Балоре, предводителе демонов-фоморов, и его ужасном глазе. Память о нем до сих пор жива в Ирландии — выражение «глаз Балора», бытующее в местном фольклоре, соответствует фразе «дьявольский глаз», распространенной в других культурах.

Легенда о нем изложена в тексте «Битвы при Маг Туиред»: *«Тогда сошлись в битве Луг и Балор с Губительным Глазом. Дурной глаз был у Балора и открывался только на поле брани, когда четверо воинов поднимали веко проходившей сквозь него гладкой палкой. Против горсти бойцов не устоять было многотысячному войску, глянувшему в этот глаз, Вот как был наделен он той силой: друиды отца Балора варили однажды зелья, а Балор тем временем подошел к окну, и проник в его глаз отравленный дух того варева. И сошелся Луг с Балором в схватке.*

— Поднимите мне веко, о воины, — молвил Балор, — дабы поглядел я на болтуна, что ко мне обратился.

Когда же подняли веко Балора, метнул Луг камень из своей пращи и вышиб глаз через голову наружу, так что воинство самого Балора узрело его (глаз). Пал этот глаз на фоморов и трижды девять из них легли рядом...» (Ирландия, С. 45).

Веки, поднимаемые при помощи приспособления... Знакомый образ, не так ли? Впрочем, о том дальше. Как именно гибнут войска, сага не уточняет, но это и неважно — довольно и того, что взгляд Балора сеет смерть. Это же губительное свойство, точно так же, как и

в случае с Горгоной, сохраняет и его отрубленная голова. В комментариях к цитированному тексту сказано: «В нашей версии саги о дальнейшей судьбе Балора ничего не говорится и, очевидно, подразумевается, что поединок на этом окончен. Существует более развернутое его описание (O'Cuiv B. *Cath Muighe Tuireadh*. Dublin, 1945), согласно которому Луг преследует Балора до территории современного графства Корк и здесь отказывает ему в просьбе о пощаде. Тогда Балор просит, чтобы Луг водрузил его отсеченную голову на свою, дабы счастье и доблесть Балора перешли к нему. Начинается схватка, и Луг побеждает, но затем помещает голову на стоячий камень, который тотчас распадается на куски. Интересные варианты сюжета дает и фольклор, где, по ряду собранных в XIX в. версий, Балор узнает в Луге своего внука и также просит водрузить свою голову на голову Луга, тот помещает ее на камень, и тогда вытекший из головы яд разрушает камень, а на месте его разливается озеро» (Ирландия, С. 252).

То, что сам Балор рассказывает о волшебных свойствах своей головы, могущей передать счастье и доблесть воздевшего ее, быть может, отнюдь не попытка хитрой мести своему убийце. Вполне допустимо, что это отголоски представлений об амбивалентной символике мертвой головы не только как знака и манифестации смерти и зла, но также и наоборот — как подательницы жизни, богатства, плодородия, счастья. Может статься, что голова Балора и голова Брана, поскольку оба эти Божества связываются с потусторонним миром, являются злой и доброй сторонами одного и того же образа, разделенного надвое, так, что каждая из его граней обросла собственной мифологией. С нашей точки зрения, такой вариант вполне возможен.

А теперь славянские вариации Горгоны. Записанная в Воронежском крае сказка начинается словами: «В одном царстве появился колдун, да такой, что кто на него ни посмотрит, сразу же в каменный столб превращается». Герой отрубил колдуну голову и кинул ее в мешок. По пути домой ему приходится вступать в поединок со змеем, которого он умерщвляет довольно непринужденно: «голову из мешка вытаскивает, на змея направил и сразу змея в столб превратил». Дома ему не верят, что глазливого демона удалось победить. Делать нечего, вновь приходится демонстрировать свое новое оружие: «Тогда вытаскивает он в знак доказательства

голову из мешка, наводит ее на сенат. И превратил тех людей в столбы» (Воронеж, № 34). Совпадения с мифом о Персее весьма существенные: один и тот же способ умерщвления окружающих, отрубленная голова демона, Кит = змей, друзья царя Полидекта = сенат. О заимствовании говорить не приходится, и дело здесь не столько в географии. Просто пол у демонов разный. Горгона как-никак женщина, а в нашей сказке действует колдун. Мужская ипостась демона, умерщвляющего взглядом, как мы сейчас сможем убедиться, вполне традиционна для нашего фольклора.

В украинской сказке про царя Гороха присутствует сюжет обезглавливания, но мотив использования мертвой головы никак не развит, так как замысел рассказчика в ином — показать саму ситуацию и ее разрешение. *«Царь Горох хоч і мав палац, але в ньому не жив, а під палацом у льохах перебував, бо мав погані очі. Як подивиться на людину — людина вмирає, як на будинок — розіб'є очима будинок. Виводили його надвір із зав'язаними очима. Але одного разу царь захотів подивитися на світ і сказав, аби очі йому не зав'язували. Але він на світ так і не подивився. Як виходив з льохи, люди з сокирами поставили по боках і відрубали цареві голову»* (Золота вежа, С. 185). И это отнюдь не единичные примеры. Из той же Украины мы имеем немало описаний существа с мертвящим взглядом, начиная со «святого» Касьяна и заканчивая гоголевским Виєм.

Впрочем, начнем не с Касьяна, а с персонажа куда более архаичного.

Шелудивый Буняка

Сказка о нем (из собрания Садока Баронча: *Wajki, fraszki, podania, przysłowia i piśni na Rusi*. 1886) начинается с трудной задачи, которую взбалмошная царевна поручает разрешить всем соискателям ее руки — угадать, что за монстр живет у нее в банке? За неудачу, разумеется, смерть. *«Наконец появился шолудивый Буняка, дивное создание, которого глаза имели такие веки, что двое человек поднимали их вилами, если он хотел что-нибудь видеть, и тогда он все и всюду видел на сто миль»* (Кузьмичевский, С. 691–692). Одного взгляда его оказывается довольно, чтобы догадаться, что это за диковинка — обычная вошь, пусть и раскормленная до размеров кабана. О худом воздействии взгляда Буняка в сказке речи не идет, но косвенное указание на такую возможность читается дальше, когда царевна пытается бежать от демонического жениха, прибегнув к

помощи польского королевича. *«Перепуганная царица хотела с царевичем и его войском уходить далее, но Буняк так окружил их чарами, что они не могли двинуться с места, видя перед собою горы, далеко высшая, чем прежде»* (Кузьмичевский, С. 692). Может быть, они «слегка» закаменели, раз уж не могли двигаться? Сказка ничего больше не сообщает, но история Буняки на этом не заканчивается. У него, как у любого уважающего себя демона, случилась в жизни и финальная стычка.

Священник Герасевич (1837) сообщал: *«У самого Буняка была отсечена голова, которая катясь уходила с места битвы и едва догнана была на поле, что за местечком Тисменицею; по этому поводу это место названо было Погоней. Вот только это я слышал из уст здешняго простонародия»* (Кузьмичевский, С. 679). В 1887 г. Ф. Окуневский посетил упомянутое место «Погоня»⁹¹ в Галиции, где записал развернутое описание чудесного бегства⁹² мертвой головы демона, именуемого здесь Солодвий Бунно: *«пид Завидовым стяв му князь Роман Галицкий голову. Голова упала у один бик, а тулуб у другой. Тодди стала голова котити ся. Брови у той голови були таки довги, що очи скриз них дивитися не могли. Та як раз пидняла железними вилами ти брови на стятий голови, и голова подивилася из Могилок на Городище, то циле те мисто запа(ли)ло ся. Тогди ще Тисьменици (миста) не було и аж вибудовали, як городище запа(ли)ло ся. Голова котила ся усе дальше та дальше. Козаки гнали за нею. В Товмачи товмачили ей 70-ма зиками, з видти мисто Товмач, – та не могли ей розтовмачити. Голова докотила ся аж не далеко до нацого села теперешнего; тут пасла баба товар та пряла куделю. Голова*

⁹¹ Название места невольно заставляет припомнить герб Великого княжества Литовского, где изображен всадник с мечом наголо. В народе, а также порой и вполне официально, его называют «Пагоня» (название зафиксировано с конца XVI в.). Вот и вопрос: а за кем это всадник так увлеченно гонится? Уж не за нашей ли мертвой головой?

⁹² Способность к самостоятельному передвижению мертвой головы отмечена также в одной белорусской сказке: *«І стаіць бел шацёр, і ў гэтым шатры ляжыць Слон Іванавіч Адрубленая галава і дзяржыць пад сабой меч-самасеч і кап'ё даўгамернае. І тады ўблiзь падходзіць Таратурак Суччы сын к Слану Іванавічу, і коціца буйная галава Слана Іванавіча к Таратурку і просіць нізкім накланам і сэрцам накорным»* (ЧС I, № 9). Имя у него вполне демоническое — Слон, а сторожит чудесное оружие он так же, как и богатырь из сказке о Еруслане.

каже до баби: «сховай мене!» Баба сила на голову, а тим часом козаки перелетили. Лишився лишень один, якийсь п'яничка, за полком позаду, та зигнав бабу з мисця, а голова покотила с яз пид бабы. Догонив козак голову аж у лиси, та ту ея на мак розсик. Поховали потим козак ея у могилу, де стояв давнище монастир, бо инакше була би лыха багато по свету творила. Тай тому то и назвали наше село Погонев, бо тут голову дигнали» (КС, С. 302). Перед нами целый этимологический миф, объясняющий происхождение названий нескольких населенных пунктов⁹³. Помимо повторенного здесь описания длинных бровей, скрывающих глаза демона, интересны примеры губительности его взгляда. В одном случае от этого сгорает целый город⁹⁴. В другом говорится, что если бы бег головы не

⁹³ Известны также еще места под названием «Буняково замчище» и «Буняково займище» (Драгоманов М. Малорусские народные предания и рассказы, — Киев, 1876, С. 224, 226). Все это несколько напоминает, как разделяются с демонической противницей в сказках, когда ее привязывают к коню и пускают его в чисто поле: «где кусточки — там ее кишочки; где кочки — там ее почки; а где лужки — там ее требушки» (ФКГ 2, С. 81).

⁹⁴ В оригинале написано «запало ся», что можно понять, как «провалилось». Мы восстанавливаем как «запало ся» вслед за Е.Е. Левкиевской (Левкиевская, С. 91). Ею же данный момент сравнивается с отрывком из неуставленной летописи, на которую ссылается Т. Жебровский, о половецком хане Буняке, уничтожившим город силой своего взгляда, а также с сообщением Начальной летописи под 6604 (1096 г.) о приходе хана Боняка к Киеву: «Приде второе Боняк безбожный, шелудивый оттай хыциник к Киеву влезану и мало в град не въехаши половци, и **закжгоша** болонье около града...» (Левкиевская, С. 91). Однако версия с провалищем столь же возможна. В сказке о шелудивом Буняке проклятые им люди проваливаются под землю (Кузьмичевский, С. 693); а в ирландском предании о голове Балора на том месте, где она разрушила своим ядом камень, разлилось озеро (Ирландия, С. 252), что обычно случается, согласно уже славянским легендам, на том месте, где вследствие небесной кары под землю уходят города, деревни, церкви.

В словаре «Славянская мифология» то же самое лубенское поверье пересказывается более общо, без уточнения, как именно случается напасть: «В поверьях Подолии известен Солодовий Бунио, взглядом уничтоживший целый город» (СМ, С. 90).

остановили, она бы еще «лиха много по свету натворила». Распространенность сюжета подтверждается народной песней⁹⁵:

*Эй, беруться до него
Князь Роман, бояры.
А щож буде з него?
Где тиде в прегоны?
От втикает голова,
За ним бежит череда.
Голова Буняка...*

(Кузьмичевский, С. 681)

«Пагона». Герб ВКЛ.

С титульного листа Литовского статута, 1588

Так что вновь перед нами мертвая голова, способная творить недобрые чудеса. Одна и та же голова. Одного и того же демонического существа.

Кстати, еще пара слов о гибели через сожжение. Таким же смертельным взглядом обладает и мертвая голова из сказки про

⁹⁵ Справедливости ради отметим, что автор статьи считал этот текст подделкой: «*Что до песенки, то нам прежде всего кажется весьма подозрительной ее народность*» (Кузьмичевский, С. 682).

Василису, которую послали к Яге на смерть. Завершилась она весьма печально для тех, кто это затеял.

«Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала: «Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали».

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. «Верно, дома, — думает себе, — уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа: «Не бросай меня, неси к мачехе!»

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей — тот погасал, как только входили с ним в горницу. «Авось твой огонь будет держаться!» — сказала мачеха. Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят: к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло» (Аф, № 104). Вроде и противоречие есть: одно дело — голова демона, существующая в единственном экземпляре, а другое — один из множества черепов, произвольно снятый Ягой со своего забора. Но ведь это миф, и кто знает, чью именно голову она дала Василисе? Ведь пляшет же Кали на мертвом теле самого Шивы... Напомню также описание чуда, случившегося во время обряда поклонения масонами мертвой голове тамплиера Якова Моле: «череп, лежавший на гранитной колонне, внезапно ярко осветился, словно бы внутри его вспыхнула электрическая лампа. Все огни в зале были тотчас потушены. Свет из черепа исходил сильный, напряженный, распространявшийся по всему помещению. Он с минуты на минуту усиливался, и через несколько времени из глазных впадин хлынули два могучие снопа пламени... это был настоящий живой огонь; он вырывался из черепа с громким свистом и воем, подобно пламени, вырывающемуся из трубы раскаленной печи»⁹⁶.

⁹⁶ Орлов М. История сношений человека с дьяволом. — СПб., 1904.

Вероятно, отголоски предания о голове демона Буняка отразились в чешской сказке о богатыре и его неблагодарной сестре, которая оживляет сраженного им противника: *«Вот пошла она по воду во двор, к колодезю, а отрубленная голова крикнула ей из сада: «Дай мне воды!» /.../ плеснула через забор на эту голову. Голова в тот же миг перескочила через ограду, подкатилась к телу, и разбойничий вожак ожил»* (ЧНС, С. 100). Как ни крути, но вожак был явно не так прост, раз его голова могла говорить отдельно от тела, да и сам он потом ожил от глотка воды, словно... Кощей.

Имя Буняка–Бунио порой возводят к половецкому хану Буняке, но слабость этой версии очевидна, ибо образ глазливого демона много древней данного исторического персонажа. Скорее уж наоборот: на кочевого владыку наша летописная традиция, основываясь на созвучии имен и отрицательном характере деятельности хана (попросту — инородца, которым так и так приписывали все самое худшее), перенесла отдельные фольклорно–мифологические черты демона. Вероятно, имя демона восходит к и.–е. корню *bhudhn–«глубина, подземелье». Ср., к примеру, имена таких мифологических существ, как индоевропейский «Змей Глубин» (др.–инд. Ахи Будхинья / *Ahi budhnyu*, др.–ир. Ажи–Дахака / *Aji dahaka*), греческий Пифон/Питон (Πυθων), серб. Бадњак, Бадняк. Можно упомянуть и, мягко говоря, необычный внешний вид Буняка: *«он, кроме лица, рук и ног и смрадных внутренностей не имел на себе ни мяса, ни тела живущих людей, а только кожу и кости, как видим на трупах или на картинах представляющих смерть»* (Кузьмичевский, С. 266). Что заставляет вспомнить еще одного демона — Кощея. О самом Кошее сведений о смертельном взгляде не известно, но таковым обладает персонаж, чье имя, да и сам образ, весьма с Кошеем схожи.

Касьян

В Вологодской губ. о нем рассказывали следующую легенду: *«Св. Касьян сначала был светлым ангелом, почему Бог не имел нужды таить от него свои планы и намерения. Но затем святой этот соблазнился на обещания и уловки нечистой силы и, перейдя на сторону дьявола, шепнул ему, что Бог намерен свергнуть всю сатанинскую силу с неба в преисподнюю. Но потом Касьяна стала мучить совесть, он раскаялся в своем предательстве и пожалел о прежнем житье на небе и о своей близости к Богу. Тогда Господь внял мольбам грешника и сжалился над ним, но из осторожности*

все-таки не приблизил его к себе, а приставил к нему ангела-хранителя, которому и приказал заковать Касьяна в цепи и бить его по три года тяжелым молотом в лоб, а на четвертый отпускать на волю» (Максимов, С. 288); «Лубенское поверье рассказывает следующее: Касьян сидит на стуле неподвижно, с опущенными ресницами, которые у него столь длинны, что достигают до колен; из-за этих ресниц он не видит божьего свету. Только 29 февраля, в високосный год, по утрам он поднимает ресницы и оглядывает мир; на что он тогда глянет, то погибает. Поэтому не советуют выходить в этот день утром из хаты на огород» (Мендельсон, С. 1).

Ср. также описание облика Касьяна: Касьян «з довгими, до самої землі, віками на очах, а тому він нічого не бачить»⁹⁷; «Кас'ян схожий на людину, увесь в шерсті, вії (ресниці) довгі, аж до землі, і весь чорний. Кас'янові через вії погано бачити, і нечиста сила підімає йому вії гуртом»; «В народних приповідках і легендах Київщини та Лівобережжя цей святий виглядає понурим і злим чоловіком» (Воропай, С. 226); «Изображений св. Касьяна мне не приходилось видеть, но одна крестьянка Тверской губ., сообщившая мне несколько пословиц, относящихся к этому святому, рассказывала, что в доме помещика, у которого рассказчица служила, была в комнате для прислуги икона св. Касьяна, где он был изображен «такой страшный, с большими глазами и длинным носом, точно арменин» (Мендельсон, С. 3). Необычные глаза «святого», которому в святцах нашелся для празднования лишь один день раз в четыре года, рассказчица последнего примера выделила, разумеется, не случайно. Русские пословицы объясняют, почему: «Касьян на скот взглянет — скот валится; на дерево — дерево сохнет. Зинул Касьян на крестьян. Касьян на что ни взглянет — все вянет. Касьян на народ — народу тяжело; Касьян на траву — трава сохнет; Касьян на скот — скотдохнет» (Даль 2, С. 341). Более того, в Саранском у. Пензенской губ. Касьяна даже не признавали ни святым, ни русским, а само имя держали за позорное (Максимов, С. 288). Оно стало нарицательным, обозначая угрюмых людей (о таких говорили — «Касьяном смотрит»), а также тех, кто может сглазить: «Касьян косоглазый, от него, братцы, хороните все, как от Касьяна — живо сглазит, да так, что потом ни

⁹⁷ Назаревский А. Вий в повести Гоголя и Касьян в народных поверьях о 29 февраля. // Вопросы русской литературы. Сборник. Вып. 2 (11). — Львов: Изд-во Львовского университета, 1969, С. 44.

попы не отчитают, ни бабки не отшепчут» (Максимов, С. 289)⁹⁸. Посвященный же ему день едва ли не самый худший: «В «Сборнике материалов для ознакомления с Пермской губернией», вып. V), статья Н.Л. Скалозубова о народном календаре сообщает поверье, что Касьяна черти бьют молотом, а 29 февраля дают взглянуть на свет; на что он взглянет, то повянет (с. Богородское)» (Мендельсон, С. 2); «День св. Касьяна почитается особенно страшным: если он в этот день на кого взглянет, тот, говорят, сгинет» (Бондаренко, С. 120).

Да что же это за «святой» такой, от взгляда которого гибнет все живое, которого народ не только наделил такими нелестными эпитетами, как «завистливый», «злопамятный», «недоброжелатель», «немилостивый», «скупой» (Даль 2, С. 341), «корыстник», «остудный», но даже и за святого признавать отказался, который, ко всему прочему еще и удерживаем чертями «на стуле неподвижно», в цепях, там, где не видно белого света, и в течении практически всего времени (кроме посвященной ему даты) его избивают молотом?! Ответ может быть только один... Поставьте в текст предание другое имя, и всё сразу встанет на свои места.

Вот, для сравнения, практически тот же текст, но персонаж выведен совершенно другой. «В Германии верят, что сатана сидит окованный в аду и будет сидеть в этих узах до Страшного суда, а тогда сбросит цепи и вместе с антихристом выступит на пагубу человечества. В случае какого-либо несчастья говорят: «*der teufel ist los*», «*der teufel ist freigelassen*», «*Loki er or bundit*». Албанская сказка упоминает о черте, который прикован на цепь к огромной скале; целый год грызет он тяжелую цепь, так что накануне Светлого праздника она еле держится; но поутру является воскресший христос, налагает на него новую цепь и чрез то самое отдаляет кончину мира. Почти то же рассказывается и в нашем народе: в день своего воскресения христос посадил сатану в подземелье под скалою, заковал его в двенадцать железных цепей и запер двенадцатью железными дверями и двенадцатью железными замками. Сатана, в продолжение года, грызет двери, замки и цепи, но всякий раз, как только остается ему перегрызть последнее звено цепи, раздается радостный клик: «христос воскрес!» — и в то же мгновение двери,

⁹⁸ Здесь заметная игра слов «косой» и «Касьян», а в народе такие сближения не считались за случайности. Это опять возвращает нас к теме тяжелого, смертельного взгляда демона.

замки и цепи становятся по-прежнему целыми и крепкими. Будет, однако, время, когда он успеет разорвать цепи — и тогда наступит конец мира» (Афанасьев 1, С. 757). В «Перебранке Локи» (Старшая Эдда) говорится о том, как наказали Боги неугомонного трикстера, пресытившись его злобными проделками:

Фрейр [сказал:]
«Волк должен лежать
в устье реки
до кончины богов;
если ты не замолкнешь —
тотчас же будешь
закован, злодей!»

...

[Скади сказала:]
«Локи, ты весел,
но будешь недолго
резвиться на воле,
ибо к скале тебя
сына кишками
боги привяжут».

[Локи сказал:]
«Если к скале меня
сына кишками
боги привяжут —
знай, что я первым
был и последним
в час гибели Тьяци».

...

После этого Локи, в образе лосося, спрятался в водопаде фьорда Франангр. Там асы поймали его. Он был связан кишками сына своего Нарви, а сын его Нарви превратился в волка. Скади взяла ядовитую змею и повесила ее над лицом Локи. Из змеи капал яд. Сигюн, жена Локи, сидела там и подставляла чашу под капающий яд. А когда чаша наполнялась, она ее выносила, и в это время яд из змеи

капал на Локи. Тогда он корчился так сильно, что вся земля дрожала. Теперь это называется землетрясением» (Перебранка Локи, 41, 49–50).

Эту картину видит и вельва, дополняя ее сведениями о том, что в конце времен Локи освободится от пут и будет править кораблем мертвецов, ведя их на битву с Богами:

*Сплел тогда Вали
страшные узы,
крепкие узы
связал из кишок.
Пленника видела
под Хвералундом,
обликом схожего
с Локи зловецѣм...*

...

*С востока в ладье
Муспелля люди
плывут по волнам,
а Локи правит;
едут с Волком
сыны великанов,
в ладье с ними брат
Бюлейста едет.*

(Прорицание вельвы. 34–34, 51)

*Локи пытается скрыться от гнева Асов, миниатюра.
Скованный Локи, рельеф.*

«Наказание Локи». Иллюстрация Луи Уара, 1900

Так что сидит в подземелье отнюдь не Кассиан Римлянин (Касьян православных святцев), а Темный Бог, Владыка Пекла и покровитель зла. Ранее говорилось о сходстве образов Касьяна и Кощея. В таком виде — на цепях и в подземелье — мы застаем как раз Кощея. Волшебница-жена оставляет «на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает: *«Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не моги заглядывать!»* Он не вытерпел, как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Просит Кощей у Ивана-царевича: *«Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло!»* Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил: *«Мне одним ведром не залить жажды; дай еще!»* Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро — взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал. *«Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный. — Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих!»* (Аф, № 159).

Судя по всему, Кощей пребывает здесь многие года, если не века (он же — Бессмертный), освобождаясь наивным героем совсем ненадолго — ровно до своей гибели. Сказка про него вполне укладывается в русло мифа о Божестве Смерти, насильно удерживаемом в потустороннем мире, откуда он сможет вырваться лишь перед самым концом света, дабы начать Рагнарек — повоевать со Светлыми Богами, извести часть Их и погибнуть самому...

Как древний темный Бог прокрался во вроде бы светлый христианский пантеон, лучше нам, наверное, и не знать. Позже благочестивые верующие, пытаясь разрешить нехорошую двусмысленность положения одного из своих небесных патронов, сочинили историю, объясняющую, откуда все эти недобрые качества у Касьяна появились. Во второй редакции «Слова о святом патриархе Феостирикте» рассказывается, что Кассиана *«во младенчестве украдоша его демони и не отдаша его отцу, но отнесоша во своя жилища и востита(ша) его. И водяше его с собою на всякие бесовские дела и деюще пакости великому Василию, когда божественную литургию писаше»* (Мендельсон, С. 5). Одним словом, виновато плохое окружение. Другое дело, что история, поясняя становление столь скверного характера своего героя, в итоге ситуацию

двусмысленности никак не разъясняет. Касьян не покаялся, не преодолел свою скверность, в том ему не пособил христианский Бог, в которого Касьян верил, и даже вскарабкавшись в христианский пантеон, наш «святой» ничуть не переменялся, а лишь стал вредить с еще большим размахом. Так что можно смело утверждать, перед нами очередная эксплуатация христианской мифологией древнего языческого предания, перекроенная на новый лад и приспособленная для своих уже нужд. Можно согласиться с мнением А. Звездина: *«Имеет смысл говорить об эволюции образа Касьяна. Касьян — живой организм, прошедший этапы формирования на базе славянского двоеверья оппозиционных — христианского и языческого — значений, завершившийся этапом профанации сакрального смысла. С начала XIX до середины XX века образ Касьяна, как и ряд сходных мифологических персонажей, переживает процесс профанации и теряет языческую сакральную семантику»* (Звездин, С. 143). Завершающей стадией этого приспособления является предание об Иуде, на которого христиане привычно взваливают все недоброе: *«Представление о смертоносном взгляде, глазах, скрытых огромными веками, отражено в зап.-укр. рукописи 16 в., описывающей последние дни жизни Иуды: веки его столь разрослись, что лишили его зрения»* (СМ, С. 90). Текст рукописи, собственно, вот: *«Июда же предатель... бяше зрящих его велик, неч(е)стию указ, егда еще жив бяше в мире сем, имже путем колесницы прихождаху. Июда же тужде с великою нуждею едва протясняше ся главного ради оттока, вежди же очию его толико израстоца ся, кож ему ни весма свет возможи видети.очи же ему яко ни враческому зелзалу явити ся, велию бо зело глубину имяху от виешиго възора* (Миней добавляет здесь: *«погляд же его всеко неудобьствия и зла исполнен»*). *тлина ж его уды, рекше срамна иста, всякого бо студа и безобразия исполнь... по всему телеси яве теци гною и червию китети в досаду нужьную по многих же муках и м(у)ч(е)них в своем ему селе сконча ся...»⁹⁹*

Вий

«— Приведите Вия! ступайте за Виєм! — раздались слова мертвеца.

⁹⁹ Франко І. Вий, Шолудивий Буняка і Юда Іскаріотський. // Україна, журнал. Том І. Январь. — Киев, 1907, С. 124, 1 пагинация, С. 50.

И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчьё завыванье, и скоро раздались тяжёлые шаги, звучавшие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землею ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно отступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное. Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома.

— Подымите мне веки: не вижу! — сказал подземным голосом Вий — и все сонмище кинулось подымать ему веки.

«Не гляди!» — шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел он и глянул.

— Вот он! — закричал Вий и уставил на него железный палец. И все, сколько ни было, кинулось на философа. Бездыханный грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха» (Н.В. Гоголь. Вий).

Мы вновь вернулись к сомкнутым очам, которые взирают на свет только в исключительных случаях, да и то при сторонней помощи.

О Вие давно идут пустые споры, и кое-кто даже готов прямо объявить его образ гоголевской мистификацией (см. название статьи Е.Е. Левкиевской). Но при этом ничто на нее не указывает, а сами разоблачители находят массу подтверждений народных истоков этой истории. Начиная от самого сюжета, когда парню или служивому приходится три ночи сторожить гроб с девицей-упырем, и закачивая такими деталями, как железные части тела у разных демонических персонажей: у банника железные руки, у русалок железные груди (Левкиевская, С. 88). Имя персонажа тоже разгадывается легко и в русле традиционного сюжета, ибо обусловлено характерной деталью его облика: укр. *вія* «ресница» (ср. описание Касьяна: «*вії довгі, аж до землі*»). Сопровождающий Вия волчий вой находит любопытную переключку с сообщением летописи о хане Боняке: «*и востав Боняк отъха от рати, и поча выти волчьески и отвъся ему волк, и почаша мнози волцы выти*» (Левкиевская, С. 89). Более уместным, на мой взгляд, кажется мнение А. Звездина: «*Вия можем считать литературной фиксацией древнего образа Касьяна и ряда его компонентов, потерянных уже в XIX веке*», «*В ходе исследования мы пришли к выводу, что образ Вия восходит к фольклорному прототипу, которым*

является Касьян украинских народных верований. В основных чертах образ Вия совпадает с образом Касьяна, однако полностью сопоставить их семантические матрицы невозможно из-за того, что образ Вия — фрагментарный, эпизодический, автор умалчивает о его происхождении и местопребывании» (Звездин, С.143, 145). Не стоит, разве что, забывать об образе, таящимся за обоими этими персонажами.

У Гоголя Вий описан пускай и чудовищем, но далеко не таким монстром, как выглядит тот же Буняка–Бунио, с его убивающим все живое взглядом. Хома хотя и гибнет, но от страха, а не от «лучей смерти». Собственно, здесь губительный взгляд демона и не требуется, умертвить Хому в состоянии и сама панночка, ей бы только узнать, где тот прячется. Вий в данном случае оказывается обладателем всевидящего зора, для чего его и приглашают. В аутентичных украинских быличках с этой задачей справляется приглашенная киевская ведьма, из всех ведьм старшая. *«Они на привалочку коло стовпа сидять»*, сообщает она честному собранию (Милорадович, С. 46). Особое зрение имеется также у шелудивого Буняка из воынской легенды: он единственный среди всех женихов кто смог признать в страшном звере, демонстрируемом невестой, обычную вошь, раскормленную до небывалых размеров (Кузьмичевский, С. 692). Но при этом, как мы помним, Солодивий Бунио взглядом убивает. Так что перед нами явления одного порядка. Все вертится вокруг зрения, очей, прикрытых небывало густыми и длинными бровями. Ими обладают исключительно демонические персонажи. Точнее, одно и то же потустороннее существо. К примеру:

— муж ведьмы и отец Змеев, погубленных героем: *«А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу — старому старику: «На тебе, — говорит, — нашего погубителя!» Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать: «Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы чёрные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?» Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами; старик взглянул: «Ай да молодец Ванюша! Дак это ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?» — «Твоя воля, что хочешь, то и делай; я на все готов»» (Аф, № 137).*

— лев-зверь, изначально настроенный к герою положительно: *«Сел Василий-царевич на коня и поехал за тридцать земель, в*

тридцатое государство; долго ли, коротко ли, приезжает он в царство львиное. Говорит царь-лев: «Эй, мои детки семеры! Берите вилы железные, подставляйте под мои очи старые, дайте мне посмотреть на доброго молодца!» Посмотрел, узнал его и обрадовался: «Добро жаловать, Василий-царевич! За твою услугу великую гости у меня, сколько надобно»» (Аф, № 233).

— Идол Идолович, к которому Алеша Попович с Добрыней Никитичем приехали «в гости»: *«Он и говорит: «Принесите-ко те мне семеры вилы: здынете мои брови: я погляжу на них»» (Вятск, № 100).*

Точных соответствий Горгоне, Балору и прочим демонам со смертоносным взглядом или косматыми бровями-ресницами в индийской мифологии не наблюдается. Однако там есть образы довольно близкие если не по форме, то по духу, при этом существенно раздвигающий границы мифологемы «мертвая голова Божества Смерти».

Кали

Повествовать о Темной Матери можно долго и с интересом, но остановимся мы всего лишь на двух Ее аспектах, связанных с головами, отделенными от тел. Эти головы представляют собой довольно неоднозначный символ, тем паче многовековое самостоятельное, и главное, не прервавшееся до настоящего времени развитие этого образа привело к появлению весьма оригинальной местной трактовки его.

Кали (санскр. काली, Kālī, «чёрная») — Богиня смерти, чумы и разрушения. Одно из самых известных изображений Ее — Кали многорукая и обнаженная (или украшенная шкурой пантеры), танцующая на теле лежащего (мертвого) Шивы; на поясе у Нее — повязка из отрубленных рук, на шее — гирлянда из голов демонов-асуров.

В верхней левой руке Кали держит меч (нередко окровавленный) или секиру, которой Она убивает демонов, в нижней левой руке — отрубленную голову царя демонов Рактевиры (Рактабиджи)¹⁰⁰. Ожерелье Кали можно сравнить с поэтическим оборотом, по сути указывающим на атрибутику Махи, кельтской Богини войны и разрушений: *«Головы сраженных в бою воинов иногда назывались «желуди Махи»»* (Ирландия, С. 252). В обоих случаях мертвые головы представляют собой некое множество, воспринимаемое несколько иначе, чем просто головы.

Для одной Богини они заменяют цветочную гирлянду и браслеты, для другой — выступают в качестве желудей. Такая растительная подоплека у мертвых голов заставляет вспомнить о том, что это не только символы смерти, но и жизни, прироста, плодородия.

В первом приближении указанные атрибуты естественны и совершенно не нуждаются в истолковании: Богиня смерти эту смерть и сеет среди своих врагов, победив в битве тысячу демонов и украсив себя устрашающими трофеями, главным из которых является голова Рактевиры.

¹⁰⁰ Имена его означают: «Кровавая точка», «Кровавая каста».

Однако мистики, полагая здесь не только явное, но и тайное, пошли дальше, изыскав у атрибутов символические значения духовного характера. И вот уже меч — орудие, разрушающее двойственность и сомнения на пути тантрика; пояс из рук — действия человека и их последствия (обозначает, что Кали разрушает карму своих последователей); ожерелье из отрубленных голов символизирует: 1) череду человеческих перевоплощений, 2) мудрость, ибо 50 голов — это 50 букв священного санскрита (квинтэссенция знаний), 3) бесчисленное множество проявленных вселенных, которые Она в качестве шакти Шивы творит и уничтожает, 4) человеческие пороки, от которых Кали избавляет. Отдельно удерживаемая голова — 1) знак того, что никому не избежать смерти, и что в жизни всё временно, 2) разумное начало, 3) символ освобождения через отсечение эго: сознание (*пуруша*) — в данном случае отрубленная голова — покинуло тело (*пракрити*) и более не ограничено им.

Безусловно, все это крайне важно ведать идущим Ее путями. Но, если вернуться от философии тантры к мифу, то можно увидеть, что и этот аспект не менее интересен, тем паче что миф — первичен и единственен для большинства людей. Мертвая голова демона — неперменный атрибут Кали, не только обязательный для культовых изображений, но и постоянно упоминаемый в посвященных Ей гимнах и текстах визуализирования.

«О темноликая Мать Сарасвати, Ты осыпаешь всеми благами того, кто предается Тебе, вытянув левую ногу вперед, Ты сердце Шивы с лотосной улыбкой на устах, и у Тебя трое очей, которые напоминают широко распустившиеся лепестки прекрасного лотоса, о Богиня, о Мать миров, несущая в своих руках отсеченную голову, разящий меч и цветок лотоса, позволь мне найти прибежище у Твоих Божественных стоп» (Тараштакам, 1).

«Вид Ее ужасен. В медитации Ее следует представлять с растрепанными волосами, с гирляндой свежесрубленных человеческих голов. У Нее четыре руки. В верхней левой она держит меч, только что окропленный кровью отсеченной головы, которую она держит в нижней левой руке» (Дхьяна мантра Дакшина Кали; Кинсли, С. 92).

«Она подобна горе из сурьмы, и живет на местах кремации. У нее три глаза, волосы растрепаны, и смотреть на Ее истощенное тело страшно. В левой руке Она держит кувшин, наполненный

алкогольным напитком, смешанным с мясом, а в правой — *свежеотрубленную голову*» (Дхьяна мантра Шмашана–кали; Кинсли, С. 93).

Голова эта не абы какого асуры, но асуры великого. Брахма наделил Рактевиру/Рактабиджу необычным даром:

*Всякий раз, когда капля крови падала наземь из его тела,
Тогда с земли поднимался ему подобный асур...*

*Из него, раненного молнией, вытекло много крови,
И тогда [из капель этой крови] восстали воины,
подобные ему обликом и равные по силе.*

*Сколь много капель крови упало [на землю] из его тела,
Столь много мужей родилось, наделенных его доблестью,
силой и мощью.*

(Маркандея–пурана, Деви Махатмья, VIII. 41, 43–44)

Чтобы убить асуру, Кали пришлось пронзить его трезубцем и выпить всю вытекающую из демона кровь, почему Ее порой изображают высунувшей язык, а на отдельных картинах можно видеть, что тело Кали измазано кровью; нередко одна из рук Богини держит чашу прямо под отрубленной головой Рактевиры, дабы ни одна капля его крови не попала на землю. Впрочем, для мистика льющаяся из отрубленной головы кровь — символ покидающих его собственную голову ненужных мыслей.

Кали здесь выступает в роли Персея, хотя Она, разумеется, скорее Афина. Обе — воительницы, обе с трофеем в виде головы монстра (не забудем и про ожерелье с браслетами из голов асуров). С Персеем, пусть это сравнение ни единого разу не уместно, Ее роднит не только деяние, но и поза — именно так, воздевши руку, Аргосец применял голову Горгоны. Рактевира не обладал возможностями Горгоны. Но. Давайте просто сравним два текста. Они всё пояснят — почему это вполне отождествляемые персонажи.

*Теми асурами, появившимися на свет из крови асура [Рактабиджи],
весь мир целиком*

Стал наполнен, и боги стали чрезвычайно испуганы.

(Маркандея–пурана, Деви Махатмья, VIII. 52)

*«Медуза могла и морю, и небу
Оцепенением грозить и покрыть всю землю камнями»
(Лукан, Фарсалия. IX. 647–648)*

И еще одно. На отдельных классических изображениях Кали можно видеть, что голова в Ее руках вполне себе живая, как жива после смерти и голова Горгоны.

*Кали после победы над Рактабиджей. Миниатюра XVIII в.
Асура глядит в оба как ни в чем ни бывало*

Не стоит обращать внимание на разночтения, на несоответствия мифов друг другу, на неточности. Так было всегда, человеческая природа такова, что ей требуются уточнения, а они в итоге дают вариации. Нужно за декорациями увидеть общее. Ничто не мешает демону с одними сказочными/мифическими героями враждовать, а с другими приятельствовать или даже вступать в родственные отношения, а то и вовсе состоять в них изначально. А где-то в этих легендах нет и слова о мертвой голове, да демон и не гибнет, всего лишь надолго показавшись в поле зрения сказителя. Но это никоим образом не отменяет сюжета, где голова все же о себе заявляет, демонстрируя скопленную в ней темную мощь. Все рассмотренные варианты, на наш взгляд, восходят к единому мифу о мертвой голове

Бога Смерти, отделив которую от тулова, Светлые Боги обезопасили белый свет от скорого изничтожения. Даже миф о Медузе имеет то же значение. Не говоря уж о Темной Матери...

СВЯТЫНЯ (1): ПОЧИТАЕМАЯ ГОЛОВА

*Так плыли: голова и лира,
Вниз, в отступающую даль.
И лира уверяла: мира!
А губы повторяли: жаль!*
(М. Цветаева)

I

Здесь мы поговорим о переходе мифа в реальность культовой практики. Миф либо задним числом поясняет причину возникновения местного поклонения мертвой голове, либо же вызывает эту традицию к жизни, служит поводом для нее. Первично, разумеется, второе, но в жизни случается всякое — поздние религии склонны к мистификациям, так что бывает и «вторичный миф». А иногда древний миф так хитро приспособливается к реалиям современной жизни, дробится на местах, причудливо (и порой сознательно) изменяется, что его и не узнать — к примеру, вместо одной святой головы благочестивым верующим предлагается поклониться целому десятку голов одного и того же «святого»¹⁰¹. Разумеется, все эти головы «истинные», а кое-кто даже склонен говорить о явленном таким образом чуде. В дальнейшем у «святого» появляются тезки-клоны, чьи жития,

¹⁰¹ В книге Л. Лаланда «Курьезы традиций» (1847 г.) говорится, что в монастырях Западной Европы хранится 20 туловищ и 26 голов святого Юлиана, 9 — апостола Луки, 18 голов и 12 рук святого Филиппа, 13 рук святого Себастьяна, 5 туловищ, 6 голов, 17 рук и ног святого Андрея, 15 рук Иоанна Златоуста, 30 туловищ святого Григория, 2 туловища, 8 голов, 6 рук и ног святой Анны, 30 туловищ святого Панкратья и т. д. Даже от Иоанна Крестителя, обезглавленный труп которого был сожжен при Юлиане Философе в 378 г. (*«разорили могилу Иоанна Крестителя. Разбили кости и, собрав вновь, сожгли, а святые останки, перемешанные с пеплом, рассеяли по земле»* (Руфин Аквилейский. Церковная история. II. 28)), осталось 12 голов, 7 челюстей, 4 плеча, 9 рук, 11 пальцев, которые показывают в разных храмах.

включая истории с их мертвыми головами, списаны с жития предшественника.

Но это всё частности. Истоки этой мифологической индустрии легко проследить. Основа, как это часто бывает, — в античности.

Орфей

Дионисийский оргиастический культ был не чужд, мягко говоря, ритуальным убийствам, совершавшимся жрицами-менадами едва ли не спонтанно, и в любом случае — в состоянии религиозного исступления¹⁰². Это не жертва в честь Диониса, нет. Скорее тех, кто погиб при этом, можно назвать жертвами обрядовой неистовости¹⁰³.

¹⁰² Хочу по ходу заметить, что нечто менадическое можно видеть и в отечественных ритуалах опахивания села группой обнаженных женщин. Особенно в форсмажорных, но явно чаемых ситуациях, при этом случающихся. *«Если же вдовы и девушки во время процессии замечали, что за ними наблюдает кто-либо посторонний, то так же тихо и чинно, без шума, всем кружком нападали на него, наносили побои и, затем, оставив жертву своего насилия на месте, продолжали шествие в прежнем порядке»* (Бондаренко, С. 116), *«Если попадется навстречу какое-нибудь животное (например, кошка или собака), то его тотчас убивают — в полном убеждении, что это Смерть...»* (Афанасьев I, С. 568), *«Все, что попутно обратит на себя общее внимание, вроде, напр., выскочившей из подворотни собаки, спрыгнувшей с подоконника кошки — все принимается за несомненного оборотня, в которого перевернулась эта самая злодейка, «скотья смерть», черная чума, огневая горячка. С гамом и ревом бросается вся, сопровождающая соху, свита на этих собак и кошек и бьет их насмерть. Разбуженные мужики выглянут осторожно из окошка да и спрячутся за косяк, чтобы не заметили бабы: потому что последние не задумаются напасть на встречного мужчину, признавая в нем необязанного оборотня»* (Максимов, С. 218).

¹⁰³ Готов, в некотором смысле, отнести к таковым и крымскую находку, трактуемую иными как жертвоприношение: *«Не случайным в этой связи представляется захоронение ритуально отчлененной головы ребенка, совершенное на окраинной прибрежной части поселения Бакланья скала, расположенного напротив двух крупных виноделен. Череп находился на краю ямы (ботроса?) и был перекрыт золистыми напластованиями с большим количеством костей крупного рогатого скота (быков?). Важно отметить, что голова отрублена топором или мечом и принадлежала мальчику 10-12 лет. Объяснение обряда можно найти в многочисленных сюжетах мифов, связанных с почитанием божеств хтонического круга и прежде всего Диониса»* (Винокуров Н.И. Феномен человеческих жертвоприношений в

*Танцующая менада с леопардом и тирсом, волосы сзади связаны змеей.
Греческий килик, ок. 490 г. до н.э.*

Отрываемая при этом голова — своеобразный трофей, знак триумфально завершившегося умерщвления¹⁰⁴. Его демонстрируют, им гордятся. Едва ли не типичным примером этого можно считать историю гибели Пенфея. Он оскорбил Диониса, и тот обставил его смерть предельно трагично — обидчик гибнет от рук собственной матери, менады Агавы, принявшей его за зверя:

*Вот на него устремились неистовые вакханки!
Руки к нему простерли, в прах его повалили,
Первая ноги прижала, друга схватила десницу
Мощно и вырвала напрочь из плечевого сустава,
Автоноя же шуйцу сломала, мать стопою
Отпрыска грудь попра, пронзив безжалостно тут же*

античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // Боспорский феномен, 2002 (4). Погребальные памятники и святилища. Часть 1). В любом случае связь с виноделием примечательна. Но не оберег ли посадок перед нами? Ведь где винодельни, там и виноградники неподалеку.

¹⁰⁴ Это, разумеется, так, если мы оставляем в стороне символическую трактовку. Ведь в идеале первичен все-таки миф.

*Тирсом изострым, от выи главу она отделила!
Гордая сим убийством, с кровавой добычею в дланях,
В радости яробезумной пред Кадмом ею хвалилась,
Думала, что одолела льва свирепого в схватке,*

...

*«Слуги мои, поспешите! И над воротами дома
Кадмова главу эту в знак победы прибейте!
Ибо Ино сестрица добычи такой не имела!»*

...

Молвила так, воздымая трофей именитый.

(Нонн. Деяния Диониса. XLVI. 209–218, 231–233, 238)

Одним из тех, кто пострадал от рук менад, оказался и легендарный Орфей. По версии Платона, причиной смерти его была кара Богов, разгневанных на то, что кифаред не отважился умереть ради любви, но умудрился выскользнуть из Аида живым: «За это Они наложили на него наказание и устроили так, чтобы он принял смерть от рук женщины» (ФРГФ, С. 39). В передаче Р. Грейвса произошло это следующим образом: «Вначале менады подождали, пока их мужья войдут в храм Аполлона, жрецом которого был Орфей, а затем, захватив оружие мужчин, оставленное у дверей храма, ворвались внутрь, перебили своих мужей и разорвали Орфея надвое. Голову его они швырнули в реку Гебр. В конце концов все еще поющую голову Орфея прибило к острову Лесбос». Как видим, убийство было массовым, Орфей оказался лишь одним из многих, выделившись лишь необычной посмертной историей своей головы. Кара пала на него за то, что он не почитал Диониса, более прочих Богов славя Аполлона. Но, с другой стороны, тот же Дионис наказал убивших его менад тем, что превратил их в деревья.

Предоставим слово Овидию:

*Прах был разбросан певца. Ты голову принял и лиру,
Гебр! И – о чудо! – меж тем как несутся реки серединой,
Чем-то печальным звучит, словно жалуясь, лира; печально
Шепчет бездушный язык; и печально берега отвечают.
Вот, до моря домчав, их река оставляет родная,
И достаются они метимнейского Лесбоса берегу.
На чужедальнем песке змея на уста нападает
Дикая и на власы, что струятся соленою влагой.*

*Но появляется Феб и, готовую ранить укусом
Остановив, ей пасть превращает раскрытую в твердый
Камень. Как было оно, затвердело зияние зева.
Тень же Орфея сошла под землю.*

(Овидий. Метаморфозы, XI. 50–61)

Чудеса уже начинают свершаться, но нас сейчас интересует не это, не способность головы петь или что-то там «шептать бездушным языком». А возникшее в итоге поклонение мертвой голове певца. *«Не будет, пожалуйста, неуместным рассказать тебе еще одно лесбосское предание о том, что случилось в старину. Когда фракиянки растерзали Орфея, то, говорят, голова певца, брошенная вместе с лирой в Эбр, была вынесена потоком в Черный залив. Плыла эта голова, лежа на лире, и пела некий плач по Орфею, так гласит предание, и лира сама вторила ей, когда ветры, налетая, трогали струны; и с этой песнью были они принесены волнами к Лесбосу. Тамошние жители подняли приплывшее, голову схоронили как раз на том месте, где ныне стоит у них храм Вакха, а лиру положили в святилище Аполлона, в дар богу, и долго ее там сберегали»* (Лукиан. Неучу, который покупал много книг. 11).

*Менады, закидывающие Орфея камнями
Фрагмент краснофигурной вазы. Музей Таранто*

Г. Моро. Орфей. 1865 г. Париж, Лувр

Другой вариант гибели певца. Аттическая краснофигурная амфора, около 470–450 до н.э. Париж, Лувр

Вроде голову схоронили, казалось бы — а где же поклонение? Ну, уже одно то, что над нею со временем оказался возведен храм, говорит по меньшей мере о том, что место погребения головы в народе не забывалось. А вот, собственно, и другая версия — без немедленного погребения, а, наоборот, с описанием возникшего местного культа: *«Затем Аполлоний отправился на Лесбос, посетив по пути святилище Орфея. Говорят, что именно там некогда услаждался Орфей прорицанием, покуда не воспрепятствовал тому Аполлон. В ту пору не ходили люди за оракулом ни в Гринеи, ни в Кларос, ни к треножнику Аполлонову, но пророчествовал один Орфей, чья голова лишь недавно объявилась из Фракии. Тогда-то предстал пред вещим певцом бог и молвил: «Перестань вязаться в мои дела, ибо довольно терпел и песни твои!»»* (Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. IV. 14).

Пересказ Р. Грейвса позволяет лучше отследить суть сообщения: *«Что касается головы Орфея, то после того, как на нее напал завистливый лемносский змей, которого Аполлон тут же превратил в камень, голову погребли в пещере недалеко от Антиссы, в которой почитали Диониса. В пещере голова пророчествовала и день и ночь до тех пор, пока Аполлон, обнаружив, что никто не приходит к его оракулам в Дельфах, Гринеи и Кларе, пришел и, встав над головой,*

закричал: «Перестань вмешиваться в мои дела, ибо довольно я терпел тебя и твои песни!» После этого голова замолчала». Так что было и поклонение, не зря же Аполлон взревновал к пророческой голове — в его святилищах стало безлюдно, все потянулись на поклон к новой и такой полезной диковинке. Кроме того, в словарной статье об Орфее, со ссылкой на *Orph. Vit. frg.* 115, 118–119, сообщается, что «На Лесбосе голова Орфея пророчествовала и творила чудеса»¹⁰⁵.

Одним словом, ничто не ново под Луной, все уже было когда-то. Мироточения¹⁰⁶, исцеления, пророчества... Это как раз то, что принято относить к области чудесного, то, зачем народ и сейчас ходит к мертвым головам, — что в России, что на Западе. Как мы увидим далее, европейскую традицию задала именно античная версия мифа о почитаемой голове. Были и другие, но они так и остались на периферии, разве что разнообразив местный культ какой-нибудь экзотичной деталью. В частности, к таким святым почитаемым головам следует отнести как минимум голову кельтского Брана, послужившую магическим фундаментом для лондонского Тауэра. Но именно в силу этого ее мы подробнее рассмотрим в третьей части нашего исследования. Здесь же разве что остается упомянуть ирландское культовое место — холм Тары, древней столицы Ирландии, где хоронили головы королей и героев. Когда Лугайд, сын Ку Роя, одолел Кухулина, он отрубил ему голову: «Потом ушли оттуда воины, унося с собой голову Кухулина и его руку. Пришли они в Тару и там погребли голову и руку, завалив щит Кухулина землей доверху.

Так сказал Кенд Файланд, сын Айллиля:

...Конец пришел его пути —
великого героя — на холме Тары,
проставлена его голова
к затылку Кайрпре Ниа Фера.
Воистину, голова Экдаха
лежит в Сид Нента за Усциу
проставлена голова Кайрпре —

¹⁰⁵ Мифы народов мира. Энциклопедия. Том 2. — М.: Советская Энциклопедия, 1982, С.263.

¹⁰⁶ «в эти дни с находившейся в Либетрах деревянной статуи Орфея (она была сделана из кипарисового дерева) обильно капал пот. Все боялись этого знаменья» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания: Александр. 14).

*прекрасный король —
к затылку Эгдаха в Тебта».*

(Похищение, С. 341)

Ирландцам известна и совершенно в орфическом духе легенда о голове певца Донн-бо, погибшего в битве при Алмайне (центральное событие одноименной саги). В ночь перед сражением с войском лейнстерцев ирландский король Фергал, сын Маэл Дуйна, просит Донн-бо повеселить их музыкой, но тот отказался, сделав, впрочем, обещание: *«На губах моих не будет сегодня ни одного слова, — ответил Донн-бо. — /.../ И все же, где бы ты ни был завтра вечером, я позабавлю тебя».* На следующий день под мечами противника пали оба... Один воин со стороны победителей, по имени Баттгалах, отозвался на зов лейнстерского предводителя Мурхада идти искать знатный трофей этой битвы — голову Фергала. И вот, пробираясь по полю битвы, он услышал чудесную музыку и прекрасную песню, доносившиеся из зарослей тростника. Это пела и играла мертвая голова поэта, выполняя свое обещание.

«Подошел к голове Баттгалах.

— Не приближайся ко мне, — сказала ему голова.

— Что? Что это такое? — спросил Баттгалах.

— Я Донн-бо, — ответила голова, — что обещал играть нынче вечером своему господину, Фергалу, но уж никак не Мурхаду. Оставь же меня!

— А где сам Фергал? — спросил воин.

— Вот его тело, что блестит под тобой, — ответила голова.

— Скажи, кого ж мне забрать с собой, — спросил воин, — ты мне нравишься больше?

— Ты возьмешь меня, — сказала голова, — если только возьмет меня христос, сын божий. Если ты забереешь меня, поднеси меня снова к моему телу.

— Хорошо, отнесу я тебя, — сказал воин.

Взял он тогда с собой голову и отправился с ней к дому, а когда пришел туда, то увидел веселящихся лейнстерцев.

— Принесли ты что-нибудь с поля сражения? — спросил его Мурхад.

— Я принес голову Донн-бо, — ответил воин.

— Поставь ее на тот камень, — сказал Мурхад.

Узнали ту голову все воины и сказали разом:

— Несчастье выпало тебе, о Донн-бо, что приключилось с тобой такое, ведь небывало в Ирландии поэта искусней и прекрасней тебя!

— Хорошо же, — сказал тогда воин, что принес голову Донн-бо, — поиграй теперь для нас во имя сына божьего. Повесели нас сегодня как еще недавно веселил ты своего господина!

Тогда повернулась голова Донн-бо лицом к стене, дабы не видеть света, и запела круинсах¹⁰⁷ так высоко, что поистине не слышал еще никто на всем свете лучшей песни. Так печальна и тосклива была она, что загрустили воины и принялись рыдать. Покуда были они в тоске и печали, приблизился к голове воин, что принес ее в дом, и поднес голову к телу.

— Воистину, ты поступил хорошо, — сказала голова, — а теперь приставь ее к телу!

Так и сделал воин, и тотчас приросла голова к шее. И случилось это, дабы исполнилось поручительство Колумкилле, что вернется Донн-бо на север домой к матери и расскажет ей вместе со всеми другими о битве и смерти Фергала» (Предания, С. 196).

К слову, как примерно происходило поклонение святым головам, можно узнать из той же саги «Битва при Алмайне». Когда лейнстерцы начинают опасаться, что на них разгневается Катал, король южной части Ирландии, за то, что победа при Алмайне была добыта без его участия, то в качестве дара решают послать ему голову Фергала. «Потом обмыл Катал голову, причесал и уложил на ней волосы и покрыл ее бархатным покрывалом. Семь быков, семь свиней и семь баранов приготовили и поставили перед головой Фергала. Тогда на глазах всех мунстерцев покраснела голова и открылись ее глаза Господу, дабы отблагодарить за оказанное ей почтение и честь. После этого раздал Катал еду беднякам близлежащих церквей у Ат Крос Молага и Тулах Мин Молага. Потом отправился он с благородными мунстерцами предать земле голову Фергала» (Предания, С. 197).

¹⁰⁷ Неизвестная сейчас песня или песни.

Иоанн Предтеча

Этот образ богато оброс легендами, на какое-то время став одним из весьма значимых символов мировой культуры, уступая в ряду себе подобных разве что обычному изображению черепа и Горгоне. Но он, увы многим, абсолютно несамостоятелен. То, что голову еврею Иоанну отрубили, никакого интереса само по себе не представляет, так как это рядовое событие для того времени, а также для данного региона. Примерами подтвердить данное утверждение нет смысла — посмотрите записи обращения современных ближневосточных террористов с заложниками... Другое дело, что в иудаизме нет и не было никакого собственного мифа, где бы фигурировала почитаемая мертвая голова. По какой-то причине семиты его так и не породили. Но смогли позаимствовать в рамках создания еще одной иудейской секты. Вяч. Иванов говорит об этом весьма осторожно, опасаясь совсем уж смелых выводов, за которые русского интеллигента прочие интеллигенты, пусть даже и коллеги, пребывая под игом собственных религиозных предпочтений, подвергнут немедленному остракизму¹⁰⁸. Так бывало, и не раз. Инакомыслие порой простительно, но никогда не прощают тому, кто с научным подходом обращается к священной корове, эээ... в смысле, к «священному писанию». Собственно, вот его слова: *«Сказание об усечении главы Иоанна Крестителя является, как видим, отголоском женских оргиастических культов средиземного побережья»* (Иванов, С. 133).

Пусть будет отголоском, мэтру виднее. Сакральность и чудесные способности приписываются голове Иоанна много позже, когда христианское предание окончательно наслаивается на языческий миф о священной голове Орфея. Регион-то и в самом деле один, зона контакта очевидна, а то, что более примитивные племена усваивают отдельные вещи из культуры более цивилизованных соседей — хорошо известный факт. И голова иудейского пророка в итоге оказывается духовным преемником античной реликвии, как бы то ни коробило современных верующих. По сути, древний символ просто вырядился в новые одежды.

Итак, нет совершенно никаких причин сомневаться, что голову Иоанну действительно могли отрубить — это просто обычная казнь,

¹⁰⁸ Не потому ли и книга (1923 г.) была выпущена в далеком и во многом провинциальном Баку?

трагедию устраивать не из-за чего. Возможно также, что произошло это так, как повествует Библия, хотя основания для сомнения есть — а именно неистовый танец, после которого и была принесена голова.

Лукас Кранах Старший. Саломея. Ок. 1530 г.

*Джованни Беллини. Голова Иоанна Крестителя. 1464–1468 гг.
И одна из мумифицированных голов Иоанна (Амиен, Франция).*

О том и говорил Вяч. Иванов, когда упомянул женские оргиастические культы — Саломея тут ничем не отличается от пляшущей в дионисову честь безумицы-менады¹⁰⁹, а Иоанн наследует участь Орфея, лиру которого заменяет отныне большое столовое блюдо. Пустынный возроптал на кровосмешение в семье царя его племени, виновница кровосмешения подстроила такую ситуацию, что смерть обличителя стала неизбежной.

Вот то немногое, что дает письменный миф: «дочь Иродиады вошла, плясала и угодила Ироду и возлежащим с ним; царь сказал девице: проси у меня, чего хочешь, и дам тебе; и клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства. Она вышла и спросила у матери своей: чего просить? Та отвечала: головы Иоанна Крестителя. И она тотчас пошла с поспешностью к царю и просила, говоря: хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя. Царь опечалился, но ради клятвы и возлежащих с ним не захотел отказать ей. И тотчас, послав оруженосца, царь повелел принести голову его. Он пошел, отсек ему голову в темнице, и принес голову его на блюде, и отдал ее девице, а девица отдала ее матери своей» (Мк. 6, 22–28).

Еще короче о том у Матфея: «Во время же празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила

¹⁰⁹ Ср. в русском заговоре от лихорадки: «Ирадыва ты дочь, пугубила Придтечу Ивана чириз свою пляску» (Ветухов, С. 168).

Ироду, посему он с клятвою обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по научению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя. И опечалился царь, но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей, и послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей» (Мф. 14, 6–11).

Пир Ирода, фреска в монастыре св. Иоанна, XII в.

Дальнейшее молчанье. Но это согласно их главной книге. А в скрипториях тем временем началась волна безудержного сочинительства. Поздние сказания, пренебрегая тем, что в христианском каноническом тексте нет ни слова о дальнейшей «истории головы», равно как нет и предпосылок для продолжения темы, в назидание потомкам выдают на-гора нравоучительный сюжет. Прочитирую типичный образчик: *«По преданию, уста мертвой главы проповедника покаяния еще раз открылись и произнесли: «Ирод, не должно тебе иметь жену Филиппа, брата твоего». Саломея взяла блюдо с главой святого Иоанна и отнесла своей матери. Неистовая Иродиада исколола язык пророка иглой и закопала его святую голову в нечистом месте. Но благочестивая Иоанна, жена домоправителя Иродова Хузы, погребла святую голову Иоанна Крестителя в глиняном сосуде на горе Елеонской, где у Ирода был собственный*

участок земли (обретение честной главы празднуется 24 февраля). /.../ Суд Божий совершился над Иродом, Иродиадой и Саломеей еще при их земной жизни. Саломея, переходя зимой реку Сикорис, провалилась под лед. Лед сдавил ее так, что она висела телом в воде, а голова ее находилась надо льдом. Подобно тому, как она некогда плясала ногами по земле, теперь она, словно пляшущая, производила беспомощные движения в ледяной воде. Так она висела до тех пор, пока острый лед не перерезал ее шеи. Труп ее не был найден, а голову принесли Ироду с Иродиадой, как некогда принесли им голову святого Иоанна Предтечи»¹¹⁰. Кстати говоря, можно полагать, что и такая неканоническая деталь, как искалывание языка пророка иглами, тоже обязана своим появлением заимствованию из греческих мифов. Ср., как поступает жена покойного Геракла с головой его вечного обидчика: «Самого же Эврисфея, умчавшегося на колеснице и проезжавшего уже мимо Скиронидских скал, настиг и убил Гилл, сын Геракла. Срубив ему голову, Гилл принес ее Алкмене, и та **выколола у нее глаза ткацким челноком**» (Аполлодор. Мифологическая библиотека. II. 8. 1). Но этой детали с иглами нет, к примеру, в русском списке «Обретения главы пророка и крестителя христового Иоанна Предтечи» (XV в.), где описаны чудесные знамения, которыми голова дает о себе знать, когда ее находит в горшке некий Иннокентий.

Андреа Соларио. Голова Иоанна Крестителя. 1507 г. Лувр.

¹¹⁰ <http://days.pravoslavie.ru/Life/life4542.htm>

Что любопытно, в позднейших духовных стихах соблюдена основная версия, чудо упомянуто только одно и конкретно с мертвой головой оно не связано. Соломея выпрашивает награду за танец:

*Дивиця у радисті: «Даждь мні Івана Предтечу,
Щоб уткнути главу пророчу»...*

Ирод сему усумньвсь, що клявсь сильно;

Казав узяти пророка обезглавити тіло,

Спекулятор видтяв голову и ніс из темниці,

Честную голову даде плясовиці;

Плсовиця подала матери-лжциці.

Тоді кривью наповниоись блюда и скляниці...

(Чубинский 1, С. 173)

Легенда о голове Иоанна в средневековой Европе стала довольно популярной, послужив не столько стимулом для городской живописи (мотиву воздали должное едва ли не все классики кисти), но и для сельского мифотворчества.

Многие магические растения, в силу определенных причин издревле связывавшиеся с образом мертвой головы, стали теперь называться по имени героя библейского мифа. О чем уже говорилось в главе «Разнотравье».

Симулякры голов Иоанна, выставляемые на поклонение

Редкая икона с мертвой головой

То, что перед нами — культовая голова, понятно и так. Окончательно данный культ, как храмовый, складывается в конце IV в.: «392 г. Голова Иоанна Крестителя была перенесена в Константинополь императором Феодосием. Некогда её хотел перенести туда император Валент, но повозку, на которой собирались везти святую голову, так и не смогли сдвинуть с места»

(Сигиберт из Жамблу. Хроника. Часть 1); «*Феодосий, доставив из деревни Кослы в Константинополь голову блаженного Иоанна Крестителя, поместил [ее] в семи милях от города в базилике, которую с большими расходами воздвиг в его [Иоанна] честь*» (Хроника Проспера Аквитанского. Ч. 2. 1194). Она находится в храме на почетном месте, возле нее молятся, испрашивая всяческих себе благ, прикладываются больными местами... Впрочем, почему — «она»? Они! Спрос порождает предложение¹¹¹, поэтому не удивляет ни один из курьезов, порожденных этим культом. Ни то, что «истинных голов» Иоанна в Европе разные исследователи насчитывают от 9-ти до 13-ти¹¹². Ни то, что в качестве объектов поклонения стали использоваться деревянные изображения этой головы — гибрид наглядного пособия религиозного толка, храмового украшения и своеобразного идола-иконы, которые христианство официально вроде как отрицало. Одним словом, святых голов было, есть и будет ровно столько, сколько нужно. Православная церковь, не имея возможности использовать скульптурные изображения, голову и сцену ее усекновения воспроизвела на привычных объектах своего

¹¹¹ Впоследствии за головами «святых» среди христианских пастырей начинается настоящая охота, обусловленная не позывами набожности, а безудержной алчностью, ибо это превосходное средство наживы. «Суассонский аноним» описывает отбытие епископа суассонского Нивелона за помощью на запад после битвы 1205 г., окончившейся разгромом франков: «*прибыв в свой диоцез, Нивелон привёз: Голову Иоанна Предтечи; Голову апостола Фомы; Венец с головы блаженного Блеза и одно из его рёбер; Два больших распятия, сделанных из Креста Господня; Посох Моисея; Часть хлыста, коими бичевали Господа, и много других реликвий. В монастырь святой Марии: Голову апостола Фаддея; Одно распятие, сделанное из Креста Господнего. Аббатству святого Иоанна: Голову святого мученика Иакова. В цистерцианский монастырь в Лонгпонт: Голову святого Дионисия Ареопага; Одно распятие, сделанное из Креста Господнего.*»

¹¹² Одно из ранних свидетельств этой неразберихи с головами приводится у армянского писателя Лехаца, в начале XVII в. посетившего Рим: «*По левую сторону была другая, большая и древняя церковь, которую построил Константин. Сказали, что там находится голова святого Крестителя, другие же говорят, что [она] на Мальте, а армяне говорят, что в Гандзасаре*» (Симеон Лехаца. Путевые заметки. 8). А в болгарском Созополе уже в 2010 г., как утверждают местные археологи, удалось обнаружить очередную голову Иоанна. Местные власти выражают робкую надежду, что скоро их город станет вторым Иерусалимом...

культа — иконах. И то, что головы Иоанна хранятся в храмах, построенных на имя их обезглавленного носителя, — это еще одна прямая и очевидная параллель с Орфеем.

Бафомет

13 октября 1307 г. по всей территории Франции прокатились массовые аресты рыцарей, принадлежавших к ордену тамплиеров. Богатство и независимость сослужили им плохую службу в глазах двух нумерованных воронов — Филиппа IV и Климента V. Обвинения, выдвинутые против тамплиеров, были большей частью абсурдны и высосаны из пальца. Но одно из таких абсурдных на первый взгляд обвинений до сих пор вызывает интерес исследователей, пытающихся его объяснить рационально.

«Вот пункты, по которым будет произведено расследование против братьев рыцарского ордена Храма и пр.

...

46. *Что сами братья в каждой провинции имели идолов, а именно головы, некоторые с тремя лицами, а другие с одной, а в некоторых случаях **человеческий череп**.*

47. *Что они поклонялись этому идолу, или этим идолам, в особенности на своих общих капитулах и собраниях.*

48. *Что они поклонялись ему как своему Богу.*

49. *...Как своему спасителю.*

50. *Что некоторые из них поступали так.*

51. *Что большинство поступало так.*

52. *Что они говорили, что эта голова может спасти их.*

53. *Что она приносит богатство.*

54. *Что она доставила ордену все его имущество.*

55. *Что она делает землю плодородной.*

56. *Что она заставляет деревья цвести.*

57. *Что они обвязывают голову указанного идола веревками или прикладывают их к ней, и этими веревками подпоясывают свои рубахи или кожаные одежды.*

58. *Что при их принятии указанные веревки или другие такой же длины давались каждому из братьев.*

59. *Что они делали это в поклонение своему идолу.*

60. *Что было предписано им подпоясываться этими веревками, как было указано выше, и носить их постоянно.*

61. *Что братьев ордена обыкновенно принимали таким образом.*

62. *Что они делали это в поклонение.*

63. *Что они делали это повсюду.*

64. *Что тех, кто отказывался делать все вышеупомянутое при принятии или исполнять впоследствии, убивали или заключали в темницу»¹¹³.*

В описании допрашиваемых свидетелей эта голова выглядела по-разному. Согласно брату Ренье де Ларшану, она была с бородой. По мнению Гильома д'Эрбле, духовника короля, *«она деревянная, снаружи посеребренная и позолоченная... Мне кажется, у нее есть борода или нечто вроде бороды», «У нее было два лица ужасного вида. Ее борода была серебряной».* По словам брата Гуго де Бюра, *«она была не из дерева, а, может быть, из серебра или же из золота либо из меди. Она напоминала человеческую голову, с лицом и длинной бородой».* Брат Бартеlemi Буше говорил, что *«она напоминала голову тамплиера, в колтаке, с длинной белой бородой»*, а Гуго де Пейро выдал и вовсе странное: *«у этой головы было четыре ноги, две спереди и две сзади».* Несомненно, церковники выясняли подробности внешнего вида головы и материала, из которого ее изготовили, что можно видеть из ответа брата Бартеlemi Роше от 19 апреля 1311 года: *«Я был принят в большой часовне парижского Тампля. После посвящения меня ввели в маленькую часовню. Я остался наедине с сановником, который показал мне голову рядом с дарохранильницей. Он велел мне в случае опасности взывать к этой голове. Голова была покрыта куском тонкого белого полотна. Не знаю, была ли она из слоновой кости, металла или дерева. Я видел ее только один раз»¹¹⁴.*

Одно из описаний дал служитель ордена Рауль де Жизи. *«Эту голову я видел во время семи капитулов... Ее приносят, и все prostираются на земле, снимают клобуки и поклоняются ей... Ее лицо ужасно, мне казалось, что это лицо беса. Всякий раз, когда я бросал на нее взгляд, меня охватывал такой ужас, что я едва мог на нее смотреть, все мои члены дрожали».* Однако же, как утверждал в

¹¹³ История рыцарей-тамплиеров, церкви Темпла и Темпла, написанная Ч. Дж. Аддисоном, эсквайром из Внутреннего Темпла. — СПб.: Алетея, 2004, С. 384.

¹¹⁴ Маркаль Ж. Жизор и загадка тамплиеров. Пер. с фр. А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова — СПб.: Евразия, 2008.

суде де Жизи, в душе он никогда ей не поклонялся. Вот только правда ли это? Дело в том, что точно так же обелял себя и Гуго де Пейро, второй человек в ордене Храма: *«Эту человеческую голову я видел, держал и осызал в Монпелье, во время капитула, и поклонялся ей, как все прочие присутствовавшие братья, однако устами и притворно, а не сердцем»*. Ср. также утверждение Гильома д'Эрбле: *«Что касается головы, я видел ее на двух капитулах, которые проводил брат Гуго де Пейро, досмотрщик Франции. Я видел, что братья ее почитали, но никогда не сердцем»*. Звучит как клише. Попытка оправдаться под пытками...

О том, откуда эта голова у тамплиеров взялась, рассказывали... сказки. По иному эти «версии» назвать нельзя. Что любопытно, самую занятную из них поведал не тамплиер, хотя и лицо, к их тайнам близкое — итальянский нотариус Антонио Сиччи ди Верчелли, четыре десятка лет занимавшийся делами ордена на его заморских территориях. *«Я несколько раз слышал рассказ о том, что произошло в городе Сидон. Некий дворянин из этого города полюбил некую знатную женщину родом из Армении; при жизни он никогда не познал ее, но когда она умерла, он тайно изнасиловал ее в могиле, ночью после того же дня, когда ее похоронили. По совершении этого действия он услышал голос, сказавший ему: «Вернись, когда придет срок рожать, ибо ты обнаружишь голову, плод твоих трудов». По истечении этого времени рыцарь вернулся на могилу и между ног погребенной женщины нашел человеческую голову. Снова раздался голос и сказал ему: «Крепко береги эту голову, ибо от нее ты получишь все блага»*». По мнению Сиччи это и была та самая голова. Рассказ, несомненно, порадовал инквизицию, так как хорошо вписывался в их обвинительный акт, выставлявший тамплиеров скопищем нечестивцев, способных на любые преступления против закона, морали и Бога. Однако перед нами даже не легенда тамплиеров, а, скорее всего, местное топонимическое предание, которое перепуганный нотариус просто припел в ходе своего допроса, проассоциировав тему мертвой головы из предания с задаваемыми ему вопросами о тайном культе рыцарей.

За такую возможность говорит вариант этой истории с нечестивым рыцарем и мертвой дамой, рассказанный рыцарем-тамплиером из Лиможа Гуго де Фор. На Кипре после падения Акра он слышал от Жана де Тани, рыцаря-мирянина, что некий благородный человек полюбил молодую даму из замка Маракля в графстве

Триполи и, поскольку не мог обладать ею при жизни, услышав, что она умерла, отправился на кладбище, велел откопать ее тело и совокупился с нею. После этого он отрезал голову женщины себе на память, и тогда некий голос громко провозгласил: он должен бережно хранить эту голову, ибо всякий, кто ее увидит, будет тут же уничтожен. Герой нашей истории послушно закутал голову в покрывало и спрятал в ларец до времени. В дальнейшем оружию нашлось применение. Поскольку он ненавидел греков, то открывал эту голову, лишь приближаясь к греческим городам и крепостям, и *«все они сразу же бывали повержены во прах»*. Через какое-то время он направился в Константинополь, чтобы разрушить и его, однако ключ от ларца, где находилась голова, у него тайком стащила его же старая нянька, которая всего лишь из любопытства хотела посмотреть, что же это там такое. Она открыла ларец, обнаружила голову, и в тот же миг на судно, где они находились, обрушился ужасный шторм и оно затонуло. Спасшиеся с того корабля матросы и рассказали эту историю. *«И они говорили, что со времени этого кораблекрушения в тамошних местах исчезла вся рыба»*. При этом Гуго не слышал, чтобы указанная голова попала к тамплиерам, и ничего не знал о версии легенды, рассказанной Антонио Сиччи.

Подобную легенду слышал и еще один свидетель, Гийом Апрель из диоцеза Клермон. По его словам, прежде в заморских странах часто рассказывали о том, как давно, еще до создания орденов тамплиеров и госпитальеров, близ местечка Саталия на поверхности моря в водовороте возникала вдруг *«некая голова, после чего лодки, попавшие в этот водоворот, исчезали бесследно»*.

Ничего не напоминает? Разумеется, Горгона. Но вряд ли наши рыцари стали счастливыми обладателями такого артефакта. В противном случае мы все знали бы об их небывалых победах. Вспомним разрушение греческих городов из приведенной выше легенды. Но нет, это только фольклорный текст, случайно присовокупленный к тамплиерам, лишь один из отголосков античного мифа о голове Горгоны. К тому же еще и сознательно укороченный Сиччи.

Эту самую историю рассказывали в ту пору на Средиземном море довольно часто. Б. Малколм приводит несколько примеров ее: *«Роджер Гоуденский, описывая возвращение Филиппа II Французского из Палестины в 1191 г., вспоминает эту сказку, проплывая мимо «островов Ис»*. Ее герой — рыцарь, и в результате совершенного им

акта некрофилии на свет появляется мертворожденный сынок, а потом некий голос велит ему отрезать ребенку голову и использовать для уничтожения врагов, которые погибнут, стоит им только на эту голову взглянуть. Через несколько лет вполне благополучной жизни жена героя обнаруживает голову и, пока его нет дома, выбрасывает ее в залив Саталия, и с тех пор, если голова поворачивается лицом вверх, там случается страшный шторм.

Гервазий Тилберийский, произведение которого датировано 1210 г., также определяет залив Саталия как местонахождение ужасной головы, которая, как он полагает, принадлежала некогда Медузе Горгоне (чью голову Персей, как известно, выбросил в море). Однако, по его словам, в этих местах рассказывают о рыцаре, полюбившем королеву и совокупившемся с нею лишь после ее смерти. В результате этого соития родилась чудовищная голова, обладавшая, разумеется, губительной силой — если смотреть прямо на нее. Через какое-то время, плывя по морю на корабле, рыцарь заснул, а его любовница, давно сгоравшая от любопытства по поводу запретного сундучка, который он всегда носил с собой, стащила ключ, отперла сундучок и, естественно, упала замертво. Проснувшись, рыцарь обнаружил, что его возлюбленная мертва, а сундучок открыт, так что пришлось и ему самому посмотреть на голову, в результате чего погиб и он, и его корабль. А потом целых семь лет, если страшная голова поворачивалась лицом вверх, в этих местах случались сильные бури и водовороты, что создавало огромную опасность для моряков»¹¹⁵.

Здесь всё уже знакомо: и рыцарь, и страшная голова, и водовороты, и даже украденный ключ. Так что версия о тамплиере-некрофиле оказывается пустышкой, пусть даже в ней и промелькнула тень мертвой головы Горгоны.

Высказывались также любопытные версии, что на деле тамплиеры были хранителями плащаницы Христа, держа ее сложенной вчетверо так, что верующим на показ выставлялось лишь изображение лица их спасителя. Слабые места такого предположения: трудно спутать нарисованное на плоскости да к тому еще довольно нечеткое и блеклое изображение с явно объемной головой, которую описывают свидетели. Лицо на полотне и голова на подносе это

¹¹⁵ Малколм Б. Процесс тамплиеров // <http://www.fb2book.com/?kniga=1777&strn=1&cht=1>

одинаковые вещи лишь в магическом ракурсе, в бытовом восприятии же их отождествить невозможно.

*«Плат св. Вероники». Ханс Мемлинг (1483).
Пробраз: менада с головой Орфея?*

Так что приходится доверять свидетелям, которые говорят именно о голове. Тамплиер-сервит Стефан из Труа описал, как, будучи в Париже на капитуле, он видел эту таинственную святыню: *«Священник в сопровождении братьев со свечами внес его; то была человеческая голова без серебра или золота, очень бледная и бесцветная, с бородой, как у тамплиеров»*. И хотя тот же Б. Малколм настаивает, что это и есть описание плащаницы, характерная особенность которой — бледное исполнение, это не может быть аргументом, так как мертвой голове и надлежит быть бледной, обескровленной, даже если это мумифицированные останки. А уж придать бледные черты деревянной копии и вовсе не составляет труда.

Одна из версий предполагает, что в распоряжении у тамплиеров находился некий арабский идол. Хотя какие идолы могут быть у мусульман? Впрочем, логика подобный обличений куда как проста: раз рыцари воевали в аравийских землях, значит, они могли изменить

(имели время) и изменили христу, приняв мусульманство. В пользу этого допущения не приводится, по сути, ничего. Некие «свидетели» утверждали, что рыцари при поклонении голове выкрикивали «алла!». Но, скорее всего, это ошибка. По показаниям аббата Ланьи, на капитулах священник пел псалом 65 с припевом «Села!» — его и могли принять за призвание Аллаха. Тем не менее, версия с Аллахом прижилась, она просматривается, скажем, в подделке под названием «Секретный устав тамплиеров» (она же «Устав Ронселенуса» и «Крещение огнем»). Текст был опубликован в 1877 г. в Гамбурге Теодором Менцендорфом, который будто бы открыл его в архивах Великой масонской ложи Гамбурга. Далее приводится целая легенда, присущая всем фальшивкам подобного рода, призванная объяснить, каким образом текст сохранился через века, но дошел не на языке оригинала (якобы перевод с латыни), и почему оригинала нет.

Оказывается, сей документ в 1780 г. был выкраден из секретных ватиканских архивов будущим лютеранским епископом Фридрихом Мюнтером. Прежде чем оригинал таинственным образом сгинул, с него была сделана копия, точнее, конспект на французском, им-то и пользуются как отдельные исследователи, так и современные масоны, из кабинетов которых и появилась на свет эта безыскусная мазня. Текст датирован 1240 г. и в качестве заглавия содержит надпись: *«Здесь начинается книга крещения Огнем и тайные статуты, написанные магистром Ронселеном»*¹¹⁶.

Нас интересует статья 17, где описано не только завуалированное поклонение голове и использование ее в ритуале посвящения неофита, но и таинственный возглас:

«Голова Бафомета вынимается из футляра, и принимающий говорит: «Народ, который шел во тьме, увидел яркий свет, и свет светил для тех, кто сокрыт был в тени смерти. Ибо трое свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и сии трое есть единое. И трое свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь, и сии трое в одном (1-е письмо Иоанна).

Все братья восклицают: Ида Аллах, то есть «Великолепие Бога», и целуют изображение и прикасаются шнуром к нему.

Принимающий берет неофита за руку и говорит: «Отныне Сын Божий прославлен в Нем. Вот новый друг Бога, который говорит с

¹¹⁶ Дезери Ален. Орден тамплиеров и масонское тамплиерское рыцарство. — М.: Евразия, 2008.

Богом, когда захочет. С Богом, которого вы должны благодарить, ибо он привел вас туда, куда вы хотели идти, и исполнил ваше желание. Пусть Божественный Свет сохранится в наших сердцах и душах. Аминь».

Завершается церемония пением гимна из Книги Мудрости, что знаменует завершение капитула».

С другой стороны, становится любопытно, а откуда взялось и что означает загадочное имя головы — Бафомет (Baphomet)? Как утверждают, его впервые упомянул в 1195 г. трубадур Гаваудан. Это же имя позже всплыло и на процессе тамплиеров, когда под пытками рыцари признались среди прочего еще и в поклонении демонической голове. Раз признались, значит, их спрашивали о том, значит, и имя могли знать заранее, а тамплиеры отвечали лишь положительно, как и полагалось во время таких допросов. «Поклонялись ли вы нечестивому идолу Бафомету?» — «Да, монсеньор, мы поклонялись нечестивому идолу Бафомету». Только так, слово в слово. Будешь пытаться что-либо объяснить, пытка начинается съезнова.

На сегодня самой аргументированной *кажется* такая «мусульманская» версия, согласно которой «Бафомет» это искаженное «Магомет». На следствии по делу тамплиеров брат Жан де Неритон утверждал, что слышал от капеллана слова: *Istud caput vester Deus est, et vester Mahumet*, то есть «*Вот ваш Бог и ваш Магомет*». Как вариант этой версии — мнение историка М. Мельвиля, согласно которому название идола появилось вследствие показаний сержанта-тамплиера из Монпеза, который повинился в поклонении «магометанскому изображению». Сержант говорил на провансальском языке и в итоге был не понят французами-судьями, для слуха которых прозвучало нечто вроде «бафометова обличия». Возможно, что в этом языке подобное искажение было нормальным явлением. Об этом может говорить в частности пример поэмы трубадура Оливьера Таплиера, который писал в 1265 году, т.е. задолго до начала «дела тамплиеров»: «*(Турки) знают, что каждый день они нас унижат, ибо Бог спит, что некогда бодрствовал, и Бафомет открыто проявляет свою силу, позволяя блистать султану Египта*». Версию о мусульманском-искаженном значении имени можно подкрепить русскими параллелями. В ПВЛ приводится легендарный рассказ о выборе князем Владимиром веры. Среди прочих гонцов, старавшихся расписать киевскому владыке прелести именно их религии, называются магометане, но под несколько необычным именем: «*В лето 6494 (986)*

Приидоша Болгаре веры Бохъмичи гл(аголя)ще: яко ты князь еси м(у)дръ и смыслень, и не веси закона, да веруи въ законъ наш, и поклонися Бохъмиту. Реч(е) Володимир: кака естъ вера ваша? Они же реша веруемъ Б(о)гу, а Бохъмить ны оучить, гл(агол)я, обрезати оуды таинья, а свиини не ести, а вина не питии, и по см(е)рти съ женами похоть творити блудную. Дастъ Бохъмить комуждо по семидесять женъ красенъ. И избереть едину красну, и всехъ красоту възложит на едину, и та будетъ ему жена» (Ипатьевская летопись). Этимология видится таковой: бохъмет — бохмет — бахмет — махмет — магомет. Аллаха летописец не знает, полагая, что магометане поклоняются этому самому Бохъмиту. Переключка с версией об исламской составляющей имени «Бафомет» налицо¹¹⁷.

Но есть еще одна гипотеза¹¹⁸, которой я готов отдать предпочтение. Священная голова тамплиеров, согласно ей, — это голова Иоанна Предтечи, отрезанная по приказу Ирода. Повоевав досыта в заморских Палестинах, рыцари наконец устремились домой, увозя с собой среди прочих реликвий христианского культа и голову чтимого ими святого, которую где-то умудрились раздобыть. Диковинное «Бафомет» в таком случае — это или искаженное латинское слово *baptisma* «крещение»¹¹⁹, или прозвище Иоанна

¹¹⁷ Исламская нота вылилась в несколько версий помельче, одна другой хлеще. Вкратце можно упомянуть и их. 1) искаженное арабское слово абуфихамат (или буфихамат), что можно перевести как «отец понимания»; 2) суфийский термин раль-эль-фахмат, «голова знания»; 3) от арабского слова *bahommetid* в смысле «мечеть»; 4) от арабского слова «бахумид» (в словарях не встречено), означающего «теленоч», что вызывает ассоциации с «золотым тельцом» библии. Есть и метастазы: в X в. жил суфий Хусейн ибн Мансур Аль-Халлай, вызвавший недовольство исламских ортодоксов, в результате чего он был брошен в тюрьму и через 10 лет четвертован; однако же мать халифа сохранила голову Халлая, которую она называла *Hiram Abiff*, или Бафомет...

¹¹⁸ Граничащие с бредом версии, наподобие следующей, разбираться не будут. Умному достаточно. «Если написать слово Бафомет на иврите и читать его наоборот, то выйдет греческое слово «София» — мудрость. Вполне возможно, что слово «Бафомет» у тамплиеров означало мудрость, и говоря под пытками, что поклонялись Бафомету, возможно тамплиеры имели ввиду поклонение «Мудрости», «Знанию»».

¹¹⁹ Утверждается также, что слово Бафомет получено из двух греческих слов *Varh* и *Metis*, что будто бы означает «Крещение Мудрости» или даже из греч. *barhe metra*, со значением последнего слова «Мать» или «Госпожа».

Предтечи — Креститель (Baptista): Такой вариант мне кажется логичней хотя бы потому, что истинно верующий в Христа орден куда скорее бы приобрел в свое распоряжение столь значимую в их представлении реликвию, какую собой представляла голова Иоанна, нежели предался бы в «язычество», поклоняясь неизвестному идолу. Разумеется, голова не обязательно была «та самая». За нее доверчивым рыцарям местные торговцы могли всучить любую мумифицированную голову, более-менее благопристойно и достаточно таинственно выглядевшую в глазах белого европейца. Точно так же современные сарацины продают втрюдорога подделки под старину наивным туристам из Европы. Ничего не меняется в этом мире. Добавим ко всему сказанному и то, что священная голова хоть и была одна, однако в каждом командорстве также имелось по такой голове¹²⁰, перед которой происходило поклонение. Головы Иоанна, как уже говорилось, были «размножены» на местах путем изготовления резных копий. Недаром церковники выспрашивали, а тамплиеры отвечали, из чего была сделана голова, и отвечали разное.

¹²⁰ Как утверждают, в 1307 г. королевские слуги обнаружили в парижском храме (?) тамплиеров серебряную раку в форме головы, в которой находился женский череп. На раке была табличка «Сарит LVIII» — «Голова 58» (Бейджент М., Ли Р. Храм и ложа. От тамплиеров до масонов).

*Баварский реликварий с частицей мощей Анастасии Узорешительницы.
Бюст-реликварий из створчатого алтаря первой трети XIV в.*

Если данное мнение о голове Иоанна верно, то это значит, что развитие образа мертвой головы Орфея одним лишь Иоанном не завершилось. Спустя века после «вогосударствления» христианства и в преломлении своего преемника — головы Иоанна — она всплывает как реликвия тамплиеров, голова «демона Бафомета».

Это не единственная разумная версия. Есть еще одна, причем первую она не исключает. Когда папская следственная комиссия подала запрос хранителю изъятого у тамплиеров имущества, есть ли среди оногo какая-либо рукотворная голова, тот «принес голову, большую, красивую, из позолоченного серебра, которая имела женское лицо и содержала кости черепа, помещенные в складки сшитого куса белого полотна, а также другую ткань, красноватого оттенка, покрывавшую полотно... (и) заявил, что в доме ордена Храма более ничего не найдено». Свидетели не опознали в представленной женской голове ту, которую видели во время орденских церемоний, что и не мудрено. Это был обычный реликварий в форме бюста женщины, используемый в ортодоксальных культах святых

жен или мучениц. А ведь были и аналогичные реликварии в виде голов мужчин.

Если взглянуть на реликварий в виде головы Барбароссы, то вполне можно поверить, что нечто наподобие такого и демонстрировали магистры ордена посвящаемым неопитам. Объяснимо и поклонение такой голове, и вера в ее силу, и даже то, что по описания она была изготовлена из металла и/или дерева — ведь это в первую очередь ларец. Да и загадочные «ножки» находят свое объяснение...

Других голов церковники не обнаружили, что, конечно, странно. А то ли они искали? И было ли что искать? Ведь в первую очередь именно святыню и должны спасать и прятать в минуты опасности почитатели ее. Не золото и документы, а тот фундамент, на котором всё держалось, то, что доставило, согласно обвинителям, «ордену все его имуществ». Не будем забывать и то, что хранилась святыня та явно не на виду у всех и в открытом месте. Пусть церковники использовали эффект неожиданности, но отчего же доверенным лицам несколько позже не перепрятать голову Бафомета из одного тайника в другой? Не вижу возражений против такого вероятия.

*Реликварий в виде головы Фридриха Барбароссы.
1150–1171. Каттенберг, Дворцовая церковь. Помните слова Гуго де Пейро:
«у этой головы было четыре ноги, две спереди и две сзади»?*

Но и на этом, с нашей точки зрения, развитие образа священной мертвой головы Орфея не остановилось. Она вновь появляется в поле зрения, теперь уже как атрибут масонского посвящения. Прямой преемственности между орденом тамплиеров, по идее окончательно исчезнувшим в XIV в. со смертью последних своих рыцарей, и масонами, первые ложи которых возникают в XVII в. в Англии, не наблюдается. Тем не менее, версия об орденском происхождении масонства существует (ее отстаивают и сами масоны, если на то пошло¹²¹). Опять же, косвенные детали говорят о многом.

Во-первых, в обоих случаях наблюдается чисто внешнее сходство: таинственная и богатая организация, обладающая определенными рычагами давления на власть; закрытость от стороннего наблюдателя. Масоны охотно используют понятия «рыцарь», «гроссмейстер», «орден» и «храм», среди масонских символов — обнаженный меч, обозначающий карающий закон. А чего стоит девиз, вышитый на черной ленте (крепеж для кинжала), носимой масоном: «Победи или умри!» Это же чистое рыцарство.

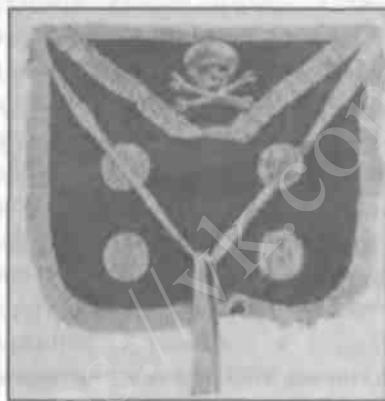
¹²¹ Легенда о масонском градусе Рыцаря Кадош: *«Гонение на них продолжилось на соборе в Вене 1 октября 1311 г., когда их Орден был запрещен, их собственность конфискована и оставлена в распоряжении папы, который в 1312 году передал часть его рыцарям Святого Иоанна Иерусалимского. Те, кто избежал преследований и укрылся на острове Родос, были вынуждены маскироваться, не теряя при этом полностью надежду на восстановление Ордена. Они поклялись бороться с рыцарями святого Иоанна Иерусалимского, которые удерживают по сей день значительную часть собственности Тамплиеров. Эта борьба по сей день является частью обязательств Великих Избранных Рыцарей Тамплиеров или рыцарей Кадош или Черно-Белого Орла, как они теперь стали называться»* («Манускрипт Фрэнена», нач. XIX в.).

Знак русских масонов. Нач. XIX в.

Знак организации «Черная рука» (при масонской ложе «Молодая Босния»).

Во-вторых, изрядное уважение, оказываемое символике мертвой головы (при этом они ее умудрялись терять в мозаике других своих знаков¹²²).

Масонские запоны

¹²² Истолкование символики ковра масонов-иоаннитов: «По черному полю вышиты серебряные слезы, гроб убиенного мастера с возложенною на него акацией и надписью М.В.Н.; череп и скрещенные берцовые кости, наугольник, циркуль и молоток, а также палица и маситаб. Смысл всего ковра — была печаль по исчезновении истины из среды людей» (Булгаков А.И. Современное франкмасонство (Опыт характеристики) // Труды КДА, № 12, 1903).

У масонов ее много, от атрибутики до включения в название ложи. Известно, что А.С. Пушкин, князь П.А. Вяземский, К.Н. Батюшков, А.И. Тургенев являлись членами тайной масонской ложи «Мёртвая голова», открытой в Москве в 1809–1810 годах и имевшей отделение в Петербурге. Все члены ложи носили массивный перстень с изображением черепа, как знак, подтверждающий их принадлежность к «Мёртвой голове». В повести А.С. Пушкина «Барышня–крестьянка» молодой барин Алексей Берестов *«носил чёрное кольцо с изображением мёртвой головы»*. Скрещенные кости под черепом, изображаемые на масонских предметах культа, объясняются либо как символы смерти и бренности существования («помни о смерти»), либо как жест презрения к смерти и печали об исчезновении истины, либо как знак могилы Хирама, легендарного каменщика времен царя Соломона, к которому масоны возводят свою традицию. В последнем случае, замечу, перво–масон Хирам явно дублирует перво–человека Адама, чей череп также прочно вошел в символику своей религии, как основа основ. А отсюда уже и до Рода, мир породившего, рукой подать. Что поделаешь, архетип...

В–третьих, нельзя пройти мимо и такого весьма знакового связующего звена между тамплиерами и масонами. Как утверждают, в храме современного масонского ордена люцеферриан–палладистов хранится необычная святыня — череп Якова Моле. Да–да, того самого последнего гротсмейстера ордена тамплиеров, что с костра проклял виновных в его гибели. Палладисты утверждают, что череп Моле остался целым и невредимым. Подкупленный палач, когда гротсмейстер задохнулся в дыму, убавил огонь и сжег только его тело. Голова осталась цела, обгорели лишь волосы и борода. Со временем ее переправили в Шотландию, где голова и хранилась до 1801 года. В этот год некий Исаак Лонг переселился в Америку и основал в Чарльстоуне масонскую ложу. Теперь голова Моле (она же «огненный череп»¹²³) используется для обрядов посвящения. Преемственность

¹²³ И вот почему: *«В описываемый день неподалеку от гранитного пьедестала с черепом было поставлено кресло, и на нем уселся д-р Макей; это очень важное лицо у палладистов; они считают, что в него преемственно перешла душа последнего гротсмейстера храмовников... Старик как бы совсем умер и оставался мертвым около часа, а потом благополучно воскрес. Как только старый Макей погрузился в свой мертвый сон, череп, лежавший на гранитной колонне, внезапно ярко осветился, словно*

получилась, так или иначе. Дополняет картину преемственности от Якова Моле описание посвящения в градус Рыцарь Кадош: *«После клятвы и различных церемоний одевали испытуемого в ритуальные одежды, вручали ему отличительное украшение Кадоша, красный эмалированный восьмиугольный крест с перламутровым или жемчужным овалом в центре. На одной стороне овала виднелось черное изображение мертвой головы, пронзенной кинжалом, в напоминание рыцарям о данной им клятве не отступать перед ужасами смерти. Буквы I. M., изображенные на другой стороне овала, означали Жака Молэ, последнего гроссмейстера Ордена Храмовников. /.../ «Вечная слава мученику за добродетель» — восклицали братья по окончании обряда, приветствуя вновь принятого рыцаря черного и белого орла»*¹²⁴.

Ну и, наконец, за связь с тамплиерами говорит сама масонская обрядность, являющаяся, по сути, ничем иным, как вариацией культа мертвой головы. В России она выглядела так. *«В назначенный день и час поручитель, завязав профану глаза, вез его в помещение ложи, где все приглашенные каменщики уже находились в сборе. По приезде он тотчас отводил его в так называемую «черную храмину»... Черная храмина, или храмина размышления, была не велика, без окон; дверей, через которые был введен испытуемый и в которые вышел поручитель, не было видно: так искусно были они замаскированы. /.../ В одном углу — черный стол и два стула. На столе — берцовые человеческие кости и череп, из которого в глазные впадины выбивалось синеватое пламя горевшего спирта. Тут же — библия и песочные часы. В противоположном углу — человеческий скелет с надписью над ним: «ты сам таков будешь». В двух других углах по*

бы внутри его вспыхнула электрическая лампа. Все огни в зале были тотчас потушены. Свет из черепа исходил сильный, напряженный, распространявшийся по всему помещению. Он с минуты на минуту усиливался, и через несколько времени из глазных впадин хлынули два могучие снопа пламени... это был настоящий живой огонь; он вырывался из черепа с громким свистом и воем, подобно пламени, вырывающемуся из трубы раскаленной печи» (Орлов М. История сношений человека с дьяволом. — СПб., 1904).

¹²⁴ Соколовская Т. Обрядность вольных каменщиков. // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. II. — М., 1915.

гробу; в одном гробу — искусно подделанный мертвец с признаками тления, в другом углу — гроб пустой»¹²⁵.

Посвящение в мастера ложи

Только через четверть часа в комнату для размышлений за кандидатом приходит обрядоначальник ложи, который излагает кандидату символику «храмины», цели масонского ордена и проводит его непосредственно в ложу. Судя по доступным иллюстрациям, при посвящении в высшие градусы возлежащая на алтаре мертвая голова по-прежнему используется, указывая неофиту на масонские истины. Пораженная кинжалом голова (Хирама?) упоминалась уже в описании посвящения в градус Рыцарь Кадош.

Сам ритуал посвящения ничего необычного не представляет — совершенно типичный обряд, обозначающий новое рождение неофита через его символическую смерть и воскресение. В русских сказках про Оха и его ученика, а также в быличках про то, как мужик колдуном

¹²⁵ Соколовская Т. Обрядность вольных каменщиков. // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. II. М., 1915.

захотел стать, описываются вполне подобные ситуации ¹²⁶. Помощники Оха собирают огромный костёр, зажигают его, потом колдун неопита–ученика «схватил, двоеряд согнул и в эту клетку и бросил, в огонь. И железным посохом искры собирает. Вот все дрова сгорели, и один остался пепел. Старик пепел стал собирать, одну горсть собрал и правой рукой хлопнул, и пепел пыхнул, и парень скопил на ноги» ¹²⁷. Женщину, пожелавшую приобщиться к колдовским знаниям, позвали в баню. «Видит: на лавке сидит громадная лягушка, больше человеческого роста, глаза горят. /.../ Бабы приказали вновь пришедшей раздеться донага, и колдунья велела ей лезть в пасть лягушки. Как только сказала она это, лягушка прыгнула с лавки и разинула пасть, а пасть стала такая большая, что поезжай туда хоть на тройке. Влезла туда баба и вылезла через задний проход; так она сделала по приказанью колдуньи три раза. /.../ Колдунья её спрашивает: «Всё ли ты видела, всё ли теперь знаешь?» Та сразу же всё поняла и стала с тех пор колдовать». ¹²⁸ Но в масонском исполнении инициация в большей степени сведена к символам, и сама смерть неопита обыгрывается далеко не во всех ложах, порой о ней напоминает только мертвая голова.

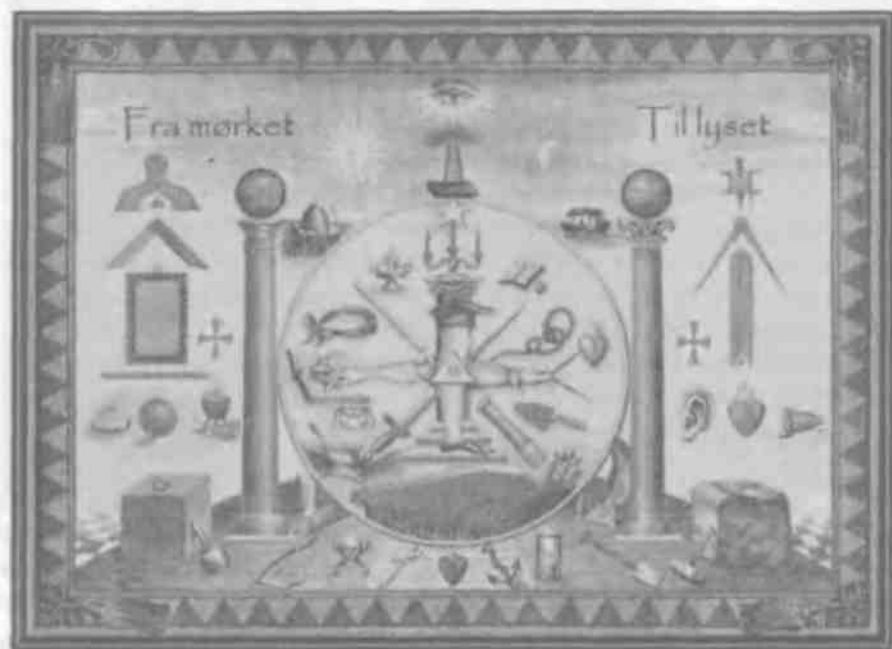
Тем не менее, во многих ложах неопиту доводится полежать в гробу, причем тут уже и символическая смерть служит символом: «Посвящение «мастера» есть символическое воспроизведение событий, передаваемых в легенде о Хираме, строителе храма Соломонова. По идее посвящаемый в мастера должен занять в гробу место убитого лежащего в гробу мастера (Хирама), который не хотел сообщить подмастерьям священное слово мастера. Для этого подмастерье, ищущий степени мастера, после спроса, и осмотра, и клятвы хранить молчание кладется с церемониями в гроб, в котором до того времени лежал его ближайший предшественник. Все собрание и место собрания имеет мрачный вид: все присутствующие одеты в черное платье с лазоревыми поясами, испещренными масонскими знаками солнца, луны и семи звезд. Лежащий в гробу новичок подмастерье изображает скрытого в земле убитого Хирама,

¹²⁶ Подробнее см.: влх. Богумил. Волшеб Нави. Темные искусства славян. — М.: Велигор, 2009, С. 12-48.

¹²⁷ Карнаухова И.В. Сказки и предания Северного края. — СПб.: Тропа Троянова, 2006, № 165.

¹²⁸ Никитина Н.А. К вопросу о русских колдунах // Русское колдовство, ведовство, знахарство. — СПб.: Литера, 1994, С. 186.

унесшего с собою в могилу священное слово мастера, с помощью которого он творил чудеса строительного искусства»¹²⁹. Далее вкратце разыгрывается горе по поводу гибели Хирама, мистерия поисков тела, обретение его, произнесение слова мастера и, наконец, звучит клятва посвящаемого.

Масонский ковер.

Попробуйте среди множества символов найти мертвую голову

Образ Хирама Авия (Аббифа) или же Адонирама весьма интересен. По библейскому преданию — это был искусный строитель, которого царь Соломон привез из Тира для постройки огромного храма. Масонское же предание, полагающее его первым масоном, продолжило миф описанием гибели Хирама. Трое его учеников-подмастеров (их в ходе инициации изображают три скелета, поддерживающие светильники), желая получить столь же высокую плату, что и мастер (попросту — получить следующую степень),

¹²⁹ Булгаков А.И. Современное франкмасонство (Опыт характеристики) // Труды КДА, № 12, 1903.

начали требовать от Хирама, чтобы тот сказал им заповедное слово мастера. Получив отказ, недовольные начали избивать его, нанося удары молотком, киркой и циркулем. Тело убитого мастера они похоронили, но Соломон сумел найти его, так как акация, которой подмастерья отметили могилу, неожиданно зацвела¹³⁰. Всё это неофит переживает в ходе обряда посвящения, постигая значения масонской символики. Вместе с каждым мастером к жизни возрождается и Хирам...

Символ ложи «Череп и кости». Масонское «напоминание»

Для нас же важно в первую очередь то, что мертвая голова и кости под нею для масонов были связаны с их первосвященником-основоположником — Хирамом: *«На протяжении семнадцатого и восемнадцатого веков череп и скрещенные под ним кости служили обозначением могилы Хирама»*¹³¹. Масоны довольно скрытны, чего никто, в том числе и они сами, не отрицают. Все построено на сокрытии, на тайне, на том, что можно и чего нельзя непосвященным. Лично я совершенно не убежден, что только указанным ограничиваются действия с черепом. Нам говорят лишь о том, что он скромно лежит на столе и выполняет чисто мнемоническую функцию,

¹³⁰ Она символически фигурирует в обряде как золотая ветвь, лежащая возле жертвенника на искусственном земляном холме.

¹³¹ Бейджент М., Ли Р. Храм и дожа. От тамплиеров до масонов. — М.: Эксмо, 2003.

работает символом. Но так ли это, не держат ли нас за профанов? Ведь если масоны являются наследниками тамплиеров, то отчего так скромно у них применяется мертвая голова? Где обряды вокруг нее, где поклонение ей *«как своему Богу»*, что прозвучало пунктом № 48 в обвинительном акте тамплиеров? Тамплиеры водили за нос обвинителей и судей, масоны привычно дурят окружающих, обеляя себя максимально возможно. То, что благодаря раскольникам и журналистам стало известно публике, масоны вынужденно не отрицают, но сколького они и не говорят?! Думаю, ритуалы с черепом относятся как раз к этой категории скрываемого. До нас доходят лишь слухи. Так, про американское тайное общество «Череп и кости» (Skull & Bones), созданное в 1832–1833 гг. секретарем Йельского университета Уильямом Расселом, рассказывают, что у них хранится выкраденный в 1918 г. череп вождя племени апачей Джеронимо, а также череп Че Гевары, которые используются для неких ритуалов. Но проверить это возможности нет ни у кого...

Следующий пример за аргумент считать сложно. Однако ни к чему иному, как к обрядам посвящения в тайное общество, он относиться не может. Другое дело, что взят этот текст из детской игровой практики. Впрочем, даже такой источник нельзя недооценивать. Известно, что, отмирая, обряды взрослых сначала переходят в ведение подростков, а потом и вовсе оседают в предельно упрощенном, выхолощенном виде в детской игровой культуре. Это их последнее прибежище. Так случилось с колядованием, с мистерией-похоронами Костромы...

Итак, в детской городской среде появляется забава с элементами инициации — «Комната страха». В ней «свои» («мучители», «хозяйева комнаты») через довольно сложную череду испытаний проводят «несведущих» («жертв», «экскурсантов»). Путь лежит по мнимому пространству, созданному стараниями мучителей, они называют его «лабиринт», «пещера», «подземелье», «царство покойников» и т.п. Неофиту завязывают глаза и вталкивают в обустроенную комнату, по которой его ведет вожак, описывающий замогильным голосом то, что сейчас с неофитом произойдет или что тому нужно сделать. Жертва ползет по узкому тоннелю (на самом деле ей пригибают спину и голову подушкой, идет по груде костей (по разбросанной обуви), льду (простыня, которую дергают), через водопад (брызгают водой), спасается от стаи птиц (газеты), змей (ремни)... По пути его истязают: бьют подушками, сажат между стульев, капают на руку воск,

вынуждают идти задом наперед... Вокруг постоянно что-то шуршит, шипит, подвывает. В конце пути — «гробница», подле которой неопита заставляют осязать части тела «предков» (предшественников, трупа, фараона, скелета). Ему приходится трогать «ребра прадеда» (пластмассовые трубки), «волосы прабабки» (веник), кожу (мокрый полиэтиленовый пакет), «глаза» (виноград), «кишки» (вареные макароны), «мозг» (теплая манная каша). Обо всем перенесенном неопит, а теперь уже посвященный, обязуется молчать, в чем клянется, положила руку на «древнюю реликвию» — мертвую голову: *«Там нужно что-то такое полукруглое, но можно и мяч. Главное, чтоб за череп сошло. А сверху это нужно смазать сметаной»* (Мухлынин, С. 107). После этого неопиту развязывают глаза и он видит истинную природу пугавших его вещей, получая право участвовать в игре.

Клянется. Весьма примечательный момент. Игру несложно сравнить с обвинением тамплиеров: *«они обвязывают голову указанного идола веревками или прикладывают их к ней, и этими веревками подпоясывают свои рубахи или кожаные одежды. /.../ при их принятии (в орден, — Б.М.) указанные веревки или другие такой же длины давались каждому из братьев. /.../ братьев ордена обыкновенно принимали таким образом. /.../ тех, кто отказывался делать все вышеупомянутое при принятии или исполнять впоследствии, убивали или заключали в темницу»*. Несомненно, страху должен был натерпеться и неопит-масон, посвящаемый в мастера, лежа в темной комнате в гробу, в окружении черепов и скелетов. Все это — не просто явления одного порядка, но звенья одной цепи. Голова Орфея, послужив пророческой святыней, проэволюционировала до обыкновенного мяча в детской забаве-страшилке. Пусть так, но она сохранилась. Закон подобия соблюден, чего же еще? Именно священная голова была одним из самых запутанных моментов в обвинении тамплиеров, и она же является одной из наиболее скрываемых тайн современного масонства. И это понятно, если верно утверждение, *«Что она приносит богатство. Что она доставила ордену все его имущество»*. Масонов «бедными братьями» назвать и язык-то не поворачивается.

В калейдоскопе сменяющихся религий и догм сущность символа осталась почти прежней, менялось лишь внешнее — материальное воплощение: голова вещего певца, череп святого, плат с изображением головы исуса, деревянные подобия головы, мяч. А так

она как была, так и продолжила быть объектом поклонения: некогда широких масс в общедоступном храме, а позже — немногих избранных, взявших на себя обязанности по ее сохранению в веках.

II

Но не один лишь Орфей задал Европе моду на мертвую голову. Была еще одна линия (а также линия Брана — тыквенной головы, но о том не здесь и не сейчас). Вновь вернемся во времена античности.

Дионис

Бог вина и веселья, Бог мистерий и праздников. Дионис, Вахх, Бахус, Либер. Мог ли Бог умереть? Вполне, причем речь отнюдь не об умирающем и ежегодно воскресающем Божестве типа Аттиса, Адониса, Осириса.

Бронзовая голова Диониса

О том глухо упоминает Августин: *«Тогда же воевал в Индии и Либер—отец, который в своем войске имел многих женищин, называвшихся вакханками, знаменитых не столько мужеством, сколько неистовством. Некоторые пишут, что этот Либер был побежден и заключен в оковы, а некоторые — что он был убит в сражении Персеем, и не умалчивают при этом о месте его погребения; тем не менее, в честь его, как бы в честь бога, нечис-*

тými демонами учрежден был культ, или лучше — святотатство вакханалий, неистовая мерзость которых, спустя уже много лет после, так устыдила сенат, что он запретил совершать их в Риме» (Августин. О граде Божием, XVIII. 13). И не просто убил, но лишил его головы, которая упала в Лернейское озеро: «*Schol. Victor, ad. II. XIV, 320 — (Perseus) Dionyson aneilen eis ten Lernaian limnen embalon*» (Иванов, С. 132).

С этим мифом, довольно редким, надо признать, перекликается, словно продолжая его, следующее предание. «Здесь я передал следующее сказание с Лесбоса. У рыбаков из Мефимны сети вытащили из моря изображение головы, сделанное из оливкового дерева. Черты лица этой головы носили на себе нечто божественное, но иноземное, необычное для греческих божеств. Тогда мефимнейцы обратились к Пифии с вопросом, кому из богов или героев принадлежит это изображение. Она же ответила им, чтобы они чтили его как Диониса Фаллена. Поэтому мефимнейцы оставили это деревянное изображение, добытое ими из моря, у себя и чтут его жертвами и молитвами, а медную его копию отослали в Дельфы» (Павсаний. Описание Эллады. X 19, 2).

О нем же упоминается и в «Приготовление к евангелию» Евсевия, текст которого мне достать не удалось, посему цитирую не по оригиналу: «Оракул у Евсевия, *praer. ev., V, 36: Будет в Метимне живущим даров благодатных прибиток, // Если главу Диониса почтят, именуя Фалленом*» (Иванов, С. 132). Далее Евсевий размышляет на эту тему, пытаясь быть саркастичным, но в итоге лишний раз детализируя данное предание: «Эта колода попала в ячейки рыбацкой сети и была выужена жителями города Мефимна, которые вылавливали ее своими сетями дважды, а может быть и трижды, или чаще, в одном и том же месте, и затем выпускали в Ливийское море, а не выбрасывали ее на землю: если бы они сделали так, она бы не застряла так быстро в сетях, нет, — ей-Дионис! Но коль скоро верхушка колоды напоминала голову (Аполлон! что за странная выдумка!), можно спросить, что она делала в море? Почему, что еще? Безусловно, за исключением того, что она находилась там, ожидая пока несколько безумцев (почему я не скажу, боги тоже) должны встретиться с ней, поверить в то, что она сброшена не Зевсом, но Посейдоном, и затем отнести ее в свой город, как если бы она была какой-нибудь удачной находкой (хотя в реальности она была неудачной, и не находкой, а обгорелым

поленом)»¹³². По его словам, головы как таковой не было, и приплывшая диковинка была всего лишь причудой природы. Попытка рационально объяснить чужие — богомерзкие, разумеется — чудеса. Пусть так, возникшему почитанию это не помешало. Да и кто всерьез рассчитывал на настоящую голову Божества?!

Нельзя утверждать, что эти истории — про гибель Диониса и о приплывшей колоде-голове — связаны друг с другом напрямую. В случае предания с о. Лесбос остается неясным, откуда взялось изображение головы. При том нельзя не заметить, что сюжет аргивского мифа схож с историей о гибели Медузы — убийца в обоих случаях Персей. Перекликается этот миф и с преданием о голове Орфея — обе они плывут по воде, оказываются на берегу одного и того же острова («И достаются они метимнейского Лесбоса брегу» Овидий. Метаморфозы, XI. 55), где им отныне воздается почитание. Впору говорить о разных редакциях одного мифа. Очень важно в плане почитания мертвой головы то, что перед нами едва ли не впервые оказывается в роли таковой модель головы, сделанная из оливкового (масличного) дерева. Христианскую версию, как предвзятую, всё же в расчет принимать не стоит, хотя в английском переводе того же оракула из Евсевия говорится именно о том же:

*Far better will Methymna's dwellers fare,
If Dionysus' wooden head they honour.*

Возможно, перед нами погрешность перевода поэтического фрагмента, но если читать дальнейший прозаический текст, вероятность порчи которого переводом всё же несказанно мала, то становится ясно, что почитаемые головы делали также и из других материалов: «Ведь города приносят жертвы и устраивают праздники не только в честь деревянных голов Диониса, но также и в честь голов из камня, и бронзы, и золота; не только в честь деревянных голов, но и настоящих голов Диониса, но и множества других богов Гесиода». Настоящих голов, все-таки... Так что перед нами предтеча всех последующих копий — от деревянных голов Иоанна, возлежащих на деревянном же блюде, до головы Бафомета, также изготовленной то ли из древесины (Гильом д'Эрбле: «она

¹³² Автор перевода с английского двух приводимых здесь фрагментов — Анастасия Ломакина, которой хочу высказать свою признательность.

деревянная, снаружи посеребренная и позолоченная...»), то ли из драгоценных металлов (или это, быть может, лишь рака или реликвиарий?). Традиция — вот что стоит за этим поставленным на поток производством. А не только одна лишь страсть к наживе, присущая церковникам, а также желание народа иметь чудо/святыню на местах.

Новая религия, освоившись на месте, освоила и культурное достояние своих предшественников. Почитание мертвых голов христианство более чем устраивало, так как легко вписалось в на глазах возникающий культ поклонения останкам «святых» — мощам. Голова Диониса не могла быть подменена головой божества пришельцев с востока, ибо это противоречило их концепции телесного вознесения исуca. Тем не менее, кем заменить нашлось. Впрочем, даже и не знаю, можно ли говорить в данном случае о замене. Похоже, обошлось даже без нее, был лишь немного скорректирован миф и статус.

Дионисий

В «Страстях св. Дионисия, Рустика и Елевферия» (*Passio SS. Dionysii Rustici et Eleutherii*, ок. 600 г.) рассказывается предание о Дионисии, мифическом первом епископе Лютетии, будущего Парижа. Вместе с пресвитером Рустиком и диаконом Елевферием он отправился по поручению епископа Климента проповедовать новую религию в Галлию, где в конце концов вся троица была схвачена и казнена на горе Монмартр (фр. Montmartre — Mont des Martyrs — гора мучеников). После чего тело Дионисия, или, как его называют французы — Дени (Saint Denis), взяло свою отрубленную голову и, распевая псалмы, дошло до церкви (точнее, до места, купленного под строительство базилики). *«Там, отдав главу одной благочестивой женщине по имени Катутла, из римской знати, оно пало на землю, указывая тем самым место, где должны быть погребены святые останки»* («Деяния святых»). По пути, как говорят, обезглавленный епископ омыл свою многострадальную головушку в ручье, некогда стекавшем с Монмарта в районе нынешней улицы Жирардон. Было это в III в., а уже в V в. над его могилой выстроили церковь, а еще позднее целый монастырь — аббатство Сен-Дени.

Любопытно, что в ранних источниках о таком чуде чудном, как хождение со своей отрубленной головой, совершенно не упоминается. Не столь даже любопытно, сколь странно.

*Епископа Сен Дени легко узнать по голове не на месте.
Портал Натр Дам де Пари*

Ведь любой благочестивый автор должен был бы использовать этот случай как лишний повод прославить свою веру и силу своего Божества. В житии Женевьевы (ок. 420/423 – ок. 500/512 гг.) содержится самое первое упоминание Дионисия: *«Возлюбила она великой и почтительной любовью деревню Католиценскую, в которой пострадал и был захоронен святой Дионисий. Сей епископ мученически закончил жизнь свою на шестой миле от Парижа; на пост же свой благословлен он был епископом Климентом, учеником святого*

Петра¹³³, и им же, как говорят, был назначен в эти места»¹³⁴. У историка Григория Турского (538/539 – 593/594 гг.), а это второе упоминание Дионисия, о нем сказано столь же бегло, без подробностей про голову: «При императоре Деции гонения на христиан усилились и погибло такое множество верующих, что число их определить невозможно. /.../ Итак, в Галлию были посланы: в Тур — епископ Катриан, в Арль — епископ Трофим, в Нарбонн — епископ Павел, в Тулузу — епископ Сатурнин, в Париж — епископ Дионисий, в Клермон — епископ Стремоний, в Лимож — епископ Марциал. Из них блаженный Дионисий, епископ парижский, претерпев множество пыток во имя Христово, кончил земную жизнь от меча» (История франков, I. 30). Да, казнь была, но и всё. Никаких упоминаний о чудесах с ношением головы, а ведь этот историк не упускал ни малейшей возможности упомянуть о чуде, каким бы невероятным оно ни было¹³⁵. Такое впечатление, что миф складывался, с одной стороны, поздно, с другой — далеко не все о нем знали.

История про голову появляется в том самом сочинении «Страсти Дионисия», вышедшем из-под пера Хильдуина, аббата монастыря Сен-Дени (814–840). Там он слил воедино сразу трех персонажей: Дионисия Ареопагита, ученика апостола Павла, жившего в первом столетии, Псевдо-Дионисия, автора «*Corpus areopagiticum*», жившего, скорее всего, в шестом веке и епископа Дионисия, пытавшегося крестить Галлию (III век)¹³⁶. Католическая церковь почитает Дионисия 9 октября. Ареопагита — 3 октября. В церкви разгорелся нешуточный

¹³³ Кстати, крестившись в Херсонесе, князь Владимир переносит в Киев голову этого самого Климента, положив ее в Десятинной церкви, и где с той поры ей воздавали поклонение. Такие вот пересечения в посмертных судьбах...

¹³⁴ Житие святой Женевьевы // Альфа и Омега, 1996, № 4 (11), §13.

¹³⁵ Мартин Турский (336-397) у него прославился «множеством других чудес, в довершение своей славы воскресил троих умерших». О Иларии «можно прочесть, что воскрешал он мертвых» (I. 39). У могилы Иллидия «совершались такие чудеса, что невозможно все их описать и запомнить» (I. 45).

¹³⁶ По поводу развития легенды о св. Дионисии см.: Crosby S. McK. The Royal Abbey of St-Denis: From Its Beginnings to the Death of Suger, 475-1151. (ed. and completed by Blum Pamela Z), New Haven, 1987. (Crosby S. McK. ...1987), pp.4-5,453-456 nn.5-17, 18-25., а также: Loenertz R.J. "La légend parisienne de S.Denys l'Areopagite, sa genèse et son premier témoin", *Analecta Bollandiana* 1951, 69, pp.217-237.

спор о правомочности такого объединения явно разновременных персонажей. Дело кончилось миром, вполне по-католически. В XIII веке папа Иннокентий III, смущенный тем, что помимо французского Дионисия есть еще и Ареопагит, похороненный в Греции, посылает в аббатство Сен-Дени греческие останки, чтобы вопрос отпал сам собой, и монастырь стал хранителем всех Дионисиев разом. Кстати, ясно и то, откуда автор «Деяния святых» взял имя женщины, которой Дионисий вручил свою мертвую голову — Катутла. Из жития Женевьевы, где сообщалось о том, что Дионисий похоронен в деревне Католиценской.

Уточню на всякий случай, что про плодovitого Псевдо-Дионисия данных не то что про его мертвую голову, но и вообще никаких нет. А про Ареопагита, погибшего, как утверждают, в 96 г., в годы правления Домициана, сведения крайне скудны. Упоминания, не более того, ни о каких чудесах и речи не идет. «Деяния апостолов» называют его среди учеников Петра: *«Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними»* (Деян., 17. 34). Впрочем, отсутствие здесь сведений о смерти и посмертных чудесах Дионисия вполне объяснимы, так как «Деяния» были написаны, вероятно, между 60 и 85 гг. I в. Но церковный историк Евсевий Кесарийский, живший ок. 263–340 гг., эту историю мог бы знать. Но нет, не знает ничего нового, он лишь пересказывает «Деяния», приписывая их авторство Луке: *«Лука сообщил также в Деяниях, что член Ареопага, Дионисий именем, который первым уверовал после речи Павла к афинянам в Ареопаге, был первым епископом Афинской Церкви»*, *«Затем он рассказывает, что Дионисий Ареопагит, по словам Деяний обращенный к вере апостолом Павлом, был первым епископом Афин»* (Евсевий Кесарийский. Церковная история, III. 4. 10; IV. 23. 3). Добавить ему, как видим, попросту нечего.

Ареопагит и Дионисий Пражский к настоящему времени настолько слились друг с другом, пусть их и разделяет 200 лет, что про первого пишут и рассказывают всё то же самое, что и про второго — проповедовал в Галлии вместе с Рустиком и Елевферием, был схвачен и казнен, после смерти взял свою голову и нес ее примерно 6 км до того места, где теперь Аббатство. Со временем легенда несколько деформируется. В начале XVII в. армянский писатель Симеон Лехаци совершил путешествие по святым местам, заглянув по пути и в Рим, там он посетил базилику Сан Паоло фуори ле Муро: «У

наружной двери находился алтарь св. Дионисия, мы поклонились там. А во время обезглавления Дионисия совершилось великое чудо, ибо, когда ему отсекали голову, он, взяв ее в руки, целый час ходил вокруг, а затем положил голову и испустил дух» (Симеон Лехади. Путевые заметки. 8).

Св. Дионисий. Позднеготическая скульптура

Пристальный научный взгляд не оставил от легенды и камня на камне. «Историческая критика показывает ее не только не народное, но и сравнительно позднее образование. Сравнение текстов показывает, что еще во времена Григория Турского и даже в старейшем житии Дионисия, писанном в VII в., нет этой легенды и нет помещения мучения на Монмартре. Эта гора еще во времена Фредегория (VII в.) называется только Mons Mercore. Мало того, останавливаясь на именах святых легенды, находим, что двое из них Dionysus (Διονυσος) и Eleutherius (Ελευθερος) — суть имена-эпитеты Вакха (Eleutherius соответствует латинскому liber — освободитель от забот); Rusteus, по всей вероятности, тоже эпитет Вакха соответственно его деревенским праздникам, которые по-гречески называются как αγροικος, и имени Диониса Αγροικος. Таким образом,

следует думать, что поклонение католическим святым возникло постепенно на месте загородного, подле Лютеции Паризиев, храма или алтаря классического Бога — пример, которому подобных можно указать сотни. В данном случае интересно особенно то обстоятельство, что из трех имен Бога, которому первоначально было посвящено место (вероятно надписью: *Dionysio Rustico Eleutherio*), сделано было три лица, да еще с тремя чинами католической иерархии. Для этих лиц книжники искали хронологических рамок и начали ставить их в разные эпохи известных или предполагаемых религиозных преследований II и III вв., но при том так, что и до сих пор невозможно разобраться в противоречиях /.../. Спустя еще несколько времени, когда культ новых святых возник в разных местах Парижа и окрестностей и среди всех их возвысилось знаменитое аббатство *S. Denys* и церковь на холме *Mercure*, явилась идея связать их между собою; имя холма *Mons Mercurii*, *Monmarcre* было изменено в *Monmarte*, *Mons Martyrum* и сюда поставлено было место мучения святого и его товарищей, а затем обе святые местности были связаны повестью о чудесном переходе головы Дионисия с одной горы на другую» (Кузьмичевский, С. 686–687). Приводящаяся тут же сноска прекрасно толкует, как возник миф о переносе головы, столь несходный с преданием о приплывшей голове Диониса. «Самое образование легенды о несении головы объясняется позднейшим принятием в буквальном смысле первоначального символического изображения мучеников с головами в руках» (там же). Даже неискушенный читатель мог бы сообразить, что наличие двух героев с чудесными отрубленными головами и обладающих одним и тем же именем — это явно не случайное совпадение...

Итог прост. Основываясь на отголосках мифа о мертвой почитаемой голове Диониса и обустроившись на месте одного из святилищ Бога, местные христиане постепенно выработали собственное предание, придумав «святого» Дионисия и снабдив его сообразной легендой, увязывавшей наследие прошлого с новыми культовыми предпочтениями. Ареопагит, именем которого подписывался Псевдо-Дионисий, скорее всего, реально существовал. Но епископ Дени — всего лишь выдумка, призванная дать новую жизнь поклонению Либеру.

Других католических «святых» отчасти списали под копируку либо с епископа Пражского, либо все с того же Диониса. Под 305 г. упоминают гибель «св.» Домниона: «*Но блаженный Домнион,*

спасаясь от гнева тирана, поспешил бежать в Рим. И когда он шел Клавдиевой дорогой, то близ одного города, называвшегося Юлия Хризополис, на него напали гнавшиеся по его следу императорские стражники, окружили его и, обнажив мечи, отрубили ему голову. Но мученик, как рассказывают, силой Божьей поднял свою голову с земли собственными руками и твердой поступью перешел там через реку, именуемую Ситирион, и в том месте он в течение некоторого времени покоился в могиле» (Фома Сплитский. Церковная история. III). Известна также «Повесть об Урее и Викторе и 64 других мучениках из Фиванского легиона в Золотурке, которых головы были отрублены на мосту и брошены в р. Ару и которые взяли свои головы в руки и пронесли их над водою до места, где теперь собор, там стояли на молитве час и потом легли. Ранее перед тем, когда весь легион был избит у города, что теперь S. Maurice на Роне, голова св. Маврикия приплыла отдельно от тела по воде до Виенны во Франции» (Кузьмичевский, С. 686). Фрагменты античного мифа по-прежнему легко опознаются: брошенные в воду или приплывшие по воде мертвые головы. Едва ли не подобная легенда нашла отражение на масонском гербе:

Попутно отметим, что изображения кефалофора («главеносца») Дионисия породили целый стиль в искусстве, развивший и обыгрывающий эту тему¹³⁷.

¹³⁷ Экскурсе III.

Меркурий Смоленский

Восточная церковь русского разлива не осталась в стороне от чуда с головой. Это было бы просто невозможно. Образ Дионисия, известный местным попам в переводе, постоянное упоминание «честных главы» Иоанна Предтечи, а равно и многочисленных других почитаемых мертвых голов «святых»¹³⁸, сделали свое дело — в недрах отечественного христианства был порожден соответствующий миф о воине Меркурии, прозванном Смоленским (почитается 24 ноября). Сам Меркурий вполне мог существовать¹³⁹, но легенда о нем «содержит в себе несколько грубейших исторических несообразностей, каковы, например, смешение имени Татар с Печенегами, сказка о смерти Батыя, встреча обезглавленного Меркурия с девицею, шедшею по воду. Все эти несообразности обязаны своим происхождением устным, народным преданиям» (Буслаев, С. 157).

Попутно замечу, что мне так и не удалось за все время исследования найти хотя бы одну-единственную икону, где Меркурий был бы, подобно скульптурному Дионисию, изображен со своей мертвой головой в руках. Тем не менее такие изображения есть, в исследованиях упоминается «иконография Чуда Меркурия Смоленского (святой изображен держащим свою голову)» (НБ, С. 212).

Ф. Буслаев различает три редакции предания о Меркурии: народную, каноническую и литературную. К первой он отнес пересказ предания Шевыревым в «Русской народной словесности»: «Меркурий, смоленский витязь и чудотворец; он родом был римлянин, но православного исповедания; богоматерь от иконы своей позвала его на подвиг против татар. На Долгом Мосту, перед Смоленском, сражался он с ними; сначала он поразил какого-то исполина

¹³⁸ «Хождение» Стефана Новгородца: «...мы пошли в монастырь святой богородицы... Тут лежит голова Иоанна Златоуста, и мы поклонились и приложились к ней. И оттуда пошли в монастырь Панохрандов, здесь — голова святого Василия. ...Тут близи монастырь Сергия и Вакха, и мы приложились к головам их...», а потом паломники направились на поклон к головам Козьмы и Дамиана, голове святого Пантелеймона и т.д. (Часовникова, С. 134). Имя «святого» Вакха прозрачно намекает на исходник — миф о Дионисе.

¹³⁹ Впрочем, и это маловероятно. Скорее всего, отечественный персонаж частично срисован с византийского канона, где почитался служивший в армии императора Деция воин Меркурий, скиф по происхождению. Частично же с Дионисия, утратившего голову.

татарского, а потом и целое полчище врагов. /.../ Но по совершению победы, суд божий, т. е. смерть постигла и Меркурия. Он, утомленный, преклонил сном голову, и сын исполина, им убитого, ему отсек ее. Меркурий взял голову и принес ее в город. Исповедав событие перед изумленным народом, он возлег в Смоленске, и особенным явлением приказал, чтобы оружие его было повешено над его гробом» (Буслаев, С. 156). Еще более народным, если можно так выразиться, является белорусский пересказ легенды, где больше героической (богатырской) сказки, чем благочестивого предания о святом: «Меркурий быў кажмяяка; раз ион мяў сорак кож, як асирчаў, рвануў кожи — и ўсе пупалам. Як пришла Лютва, сеў на лошадь и давай яе пубивать. Самаму голува сняли. Индача ион едит на лошади, а буйну голува нясет на капи, чем сражаўся. Падъизжаить к малахаўским варотам. Нясет багатырка сорак ушатыў вады и гаворить: «Ах, Авракий, патиряў ты буйну голува!» Мяркурий тут самлеў — упала на землю буйная голува» (Добровольский, С. 379, № 19). Здесь Меркурий уже не выходец из земли латынской, а свой богатырь, собственно это сказочный Кирилл Кожемяка. Удивительная подробность — несение собственной отрубленной головы на острие копья — попала в народное предание из других фольклорных текстов и потому в данном случае прямого отношения к мифу не имеет. Именно так везут свой кровавый трофей знаменитые наши богатыри, издавна похваляясь своей победой. Алеша Попович

*Да и сек у Тугарина буйну голову /.../
Да Тугаринову голову да на копьё садил,
Да повёз-то ей в стольней Киёв-град,
А-й князю Владимиру в подароцьки.*

(Былины 4, № 109)

Литературная редакция выделяется своим слогом и напыщенностью: «Святой же Меркурий подклонил свою голову, по суду Божию: по содеявшейся от него победе, пришел один лютый Варварин, или сын того исполина, и убил святого Меркурия мечем своим, и тут блаженный кончину приял о Господе. /.../ Когда же отсекали голову святому Меркурию, тогда он сам свою отсеченную голову своими руками принял и к городу принес перед всеми. И провещал святою своею головою, поведавая о победе и заступлении Господи Богородицы. И все граждане стеклись на это чудо, и

слышали о дивном заступлении Богородицы; честное же тело преславного Меркурия с великою честью, с псалмами и песнями взяли и положили в церкви пречистой богородицы, пред левым крылосом, на одной стороне от Красных врат» (Буслаев, С. 191).

Меркурий Смоленский. Фреска.

Кардинал Милослав Влк молится перед черепом св. Вацлава.

Каноническая редакция (первая половина XVI в.) носит смешанный характер — народный и литературный. Сохраняется всё тот же выпенренный характер истории, но в тексте слишком очевидна сказка (один герой выходит против многих полчищ, конь—невидимка). «И пошел богомудрый Меркурий во святую церковь, и увидел там пречистую богородицу /.../. И пал он к ногам ея с великим умилением и ужасом. Божия мать возставила его от земли и сказала ему: «Чадо Меркурие, избранниче мой! Посылаю тебя! Иди скоро, сотвори отмищение крови христианской; ступай, победи злочестиваго царя Батыя и все войско его! Потом придет к тебе человек, прекрасный лицом: отдай ему в руки все оружие свое, и он отсечет тебе голову; ты же возьми ее в руку свою и ступай в свой город; там примешь кончину, и положено будет твое тело в моей церкви!». Меркурий побивает татар, устрашает Батыея. «Тогда предстал Меркурию прекрасный воин. Меркурий поклонился ему и отдал все свое оружие; потом преклонил голову и был усечен. И так, блаженный, взяв голову

свою в одну руку, а другою ведя коня своего под устцы, пришел в свой голод, безглавен. Люди же, смотря на него, удивлялись божию устроению. И так дошел он до Мологинских ворот. Некоторая девица, вышедши по воду, увидела, как святой идет без головы, и начала его нелепо бранить. Он же в тех воротах лег и честно предал душу свою Господу, а конь его стал невидим» (Буслаев, С. 174).

Литературная версия, что вполне оправданно, чудо, само по себе никакой религиозной подоплеки не имевшее, постаралась приписать некоторому участию божественных сил: «по суду Божию», «заступлении госпожи богородицы». В каноническом тексте литературный вариант смешался с вариантом народным не самым лучшим образом. Стремясь выпятить роль богородицы, сделав тем самым историю о смерти Меркурия текстом религиозно-назидательного характера, как и положено житию или славословиям, составители канонической версии решили и усекование воина связать с повелением богоматери. Иначе худо выходило для истинно верующего читателя — как так, богоматерь помогает Меркурию, защищает с его помощью Смоленск, сама повелевает ему идти на битву и дает цели, и при этом — не может защитить его от гибели! Притом гибели нелепой. Уставший воин прикорнул отдохнуть, а тут подлый враг и снес его буйную головушку! Да где ж в это время была «заступница»? Как она могла такое допустить?! И вот изворотливые сочинители решили представить дело так, что гибель эту богоматерь запланировала, при этом от усердного благочестия они даже заменили иноверца-убийцу на таинственного «человека, прекрасного лицом». По справедливому мнению Ф. Буслаева, тут описывается явно не простой смертный, — так в древнерусской литературе обычно выглядит бесплотное существо, ангел, посыльный высшей силы. И вот уже Меркурий не погибает от удара в спину, но с осознанием священности происходящего добровольно подчиняется прекраснотицеу пришельцу. Удовольствовавшись подобным формальным объяснением смерти героя-святого, составители как-то позабыли об очевидной нелепости события. Неясно совершенно, зачем вообще в таком случае Меркурию надо было гибнуть? Победил бы себе татар, и точка. Но, оставив нам эту несуразность, составители как раз и дали возможность распутать клубок, выяснить, как и зачем данный вариант был порожден на свет. Кстати, со сказочным конем Меркурия, нужном в сказке (герой на нем едет, водрузив свою голову на копыте), но абсолютно неважным для канонической версии,

составители ее и поступили согласно жанрам сказки — сделали его невидимым¹⁴⁰. Не смогли или не захотели выкинуть деталь исходника, но использовали ее так неловко, что снова выдали себя с головой.

От исходного мифа — в данном случае мифа о епископе Дени — в истории Меркурия осталось лишь несение отрубленной головы в собственных руках, встреча с женщиной, тема воды (ручей, ушаты с водой) и посмертные распоряжения (у Дени — о месте его погребения, у Меркурия — о его оружии). Не много, но и не мало — вполне достаточно, чтобы опознать, откуда произошло заимствование если не самого сюжета, то его характерных деталей. Разве что стоит еще обратить внимание на имена. Имена античных Богов. Дионисий и Меркурий... Не правда ли, странный выбор для «святых», чьи истории об отрубленных головах явно списаны с древнего мифа?

К слову, тема кефалофоров слегка зацеплена нашим фольклором. И, поскольку это чудо, то место ему оказалось среди небылиц. Мужичок-рассказчик сочиняет о своем путешествии на Тот Свет, в частности, выдавая на-гора такой случай: *«Вздумалось тогда мне напиток; пришел я к морю, снял череп, зачерпнул воды и напился»* (Аф, № 427). Тут примечательно, что, как и в случае с Дени (и «святými», от него производными), отделенная от тела голова опять связана с водой, кефалофор все время оказывается у водоема.

Помимо этого, в «Сравнительном указателе сюжетов» (Л., 1979), в разделе «Небылицы», под номером 1885* дан следующий сюжет: *«Человек едет за собственной головой: забирает ее в телегу»*. Зафиксирован он в единственном варианте, приведенном в сборнике «Рыбацкие песни и сказы» (Запись текстов, статья и примеч. Р. Липец. М., 1959, № 13). К сожалению, данная работа осталась для меня недоступной, посему вынужденно ограничиваюсь лишь указанной цитатой. Любопытно упомянуть помимо этого еще одну сказочную параллель легенде о Меркурии Смоленском. В украинской сказке от предательского удара неприятеля гибнет главный герой, которого потом оживляют представители высшей силы: *«На дорозі Трам-сыну захотілось воды, пришов вуын до крынички, перехиливсе, а той сын рудого обрубав ёму голову, укинув у воду; взяв меч и пошов до цара; а того там коло крыниці и покинув. Довго вуын там лежав, аж идее*

¹⁴⁰ Возможно, на такую развязку повлияло предание о другом воине по имени Меркурий, который, по велению богородицы и в укоризну императору Юлиану Философу, то появляется, то делается невидимым.

знов тебе дорогою Бог, святы Петро и Павел. От Павел и каже: «Господи, исцели нашего Тром-сына, ось вуын без головы лежит у крыници» (Чубинский 2, Ч. 1. № 86). Совпадения есть: герой гибнет не в бою, а от удара со спины; ему покровительствует Божество; ну и нельзя пройти мимо темы воды, в которой в итоге плавает усеченная голова героя. Похоже, агиографам было откуда поживиться вдохновением перед своей работой...

Ну а теперь несколько слов о поклонении без мифов. Здесь они просто не нужны, и едва ли не именно такой культ лежит в первооснове всех мифов, поясняющих появление обычая чтить ту или иную мертвую голову.

Для человека естественно хранить память о своем происхождении, о тех, кто породил его самого, кто основал его род. Память эта нередко увековечивается в материальных предметах — вещах, которыми умершие предки пользовались, любили, выделяли среди прочих. Должно быть, у каждого в семье есть такие небольшие реликвии, передающиеся из поколения в поколение. Реликвия не только помнит прикосновения рук предка — в ней также словно присутствует часть его души. Но куда более архаично сохранение в доме и в семье самого предка. Это сейчас на нас со стен смотрят фотографии, запечатлевшие их лики. А ранее было в обыкновении хранить прах, часть бороды, даже череп или мумифицированную голову первопредка своего рода, как это еще и сейчас практикуется народами, находящимися на ранних ступенях развития общества. Впрочем, не будем погружаться в дебри Африки, Австралии или Океании. Есть примеры и поближе — как географически, так и расово.

В одном из неолитических захоронениях на р. Модлоне был обнаружен череп женщины, посаженный на деревянный кол свайной постройки; около д. Подострожное (Ангара) открыто захоронение черепа взрослого мужчины; на андроновском могильнике Сухое озеро (Енисей) в кургане обнаружено захоронение единичного черепа. На основании подобных находок исследователями делается предположение, «что акт погребения отдельного черепа был связан с посмертной сакрализацией индивида»¹⁴¹.

141 Хлобыстина М.Д. Ритуал «черепа и головы» в культурах Северной Евразии эпохи раннего голоцена // *Stratum plus*. 1999. № 1.

А вот что говорит Геродот о родственном сарматам народе. «Об обычаях исседонов рассказывают следующее. Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубают на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиришество. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят, как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносятся обильные жертвы. Жертвоприношения совершает сын в честь отца, подобно тому, как это происходит на поминальном празднике у эллинов. Этим людей считают праведными, а женщины у них совершенно равноправны с мужчинами» (Геродот. История. IV. 26). Подобное известие сохранилось еще об одном, неизвестном по другим источникам народе: «Панебы, родом ливийцы, когда у них умирает царь, тело его погребают, а голову, отрубив и позолотив, выставляют в святилище» (Николай Дамасский. Собрание занимательных обычаев (Из сборника Стобея). Фрагмент 163).

Впрочем, с головами—то как раз все ясно: вот он, череп, украшен драгоценностями и возложен на небольшой семейный алтарь, утвержденный в самом почетном месте жилища. Культовая голова, безусловно. Ну а как насчет урн, в которых хранили кремированные останки предка? Во-первых, это разновидность глиняной посуды, горшка, который на языковом уровне напрямую ассоциировался с головой, а во-вторых, их нередко, дабы выделить от прочей утвари, снабжали изображением лица — так называемые «лицевые урны». По сути, из посуды делали самую настоящую голову. С определенной долей осторожности можно предположить, что на появление таких сосудов повлиял обычай пить ритуальные напитки из черепов или чаш, из черепов выточенных, которые со временем заменяются глиняными и металлическими кубками—ритонами (о них — далее), реалистично исполненными в виде головы животного, человека или даже полубога.

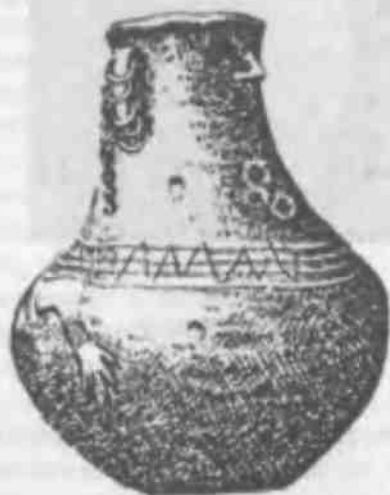
В Этрурии прах мертвых хранили в довольно примечательных сосудах, украшенных изображением человеческого лица. Лица покойника. В VIII—VII вв. до н.э. крышки таких урн украшались отдельно изготовленными масками, схематично передающими облик умерших. Маски делали из бронзы и глины, и крепили их к сосуду при помощи специальных отверстий. Но уже в VII в. до н.э. процесс упрощается, и вместо отдельной маски мастера начинают ваять урны с

крышками в виде человеческих голов. При этом сама урна воспринимается телом умершего, к примеру ее ручки выполнены в форме рук. Такие сосуды получили название «канопы». Со временем схематичность уступает место детализации: «крышкой служит фигура головы покойника, и шея надевается на горло урны: лицевая часть головы отделана (вернее — изваяна) столь тщательно, что нельзя сомневаться в более или менее полном ее сходстве с лицом покойника» (Кузнецов, С. 12). Примечательно, что головы практически всех урн имеют широко раскрытые глаза. Только в одном случае, на урне второй половины VII в. до н.э. из Солайи, лицо показано действительно мертвого человека, с сомкнутыми глазами¹⁴².

Урна из Кьюзи, ок. 600 г. до н.э. Кьюзи.
Урна из Четоны, 2 четверть VI в. до н.э. Флоренция

¹⁴² Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Римский скульптурный портрет. — М., 1975.

Лицевые урны V в. до н.э. Восточная Померания

*Лицевая урна из Восточной Дании. Поздний неолит.
Национальный музей Копенгагена.*

*Аттическая посуда сер. V в. до н.э.:
ритон в виде головы девушки, ойнохойя в виде головы Геракла.*

Целая культура железного века, т.н. «(восточно)поморская» (VI–II вв. до н.э.; одно из современных названий — «вейхеровско-кратошинская»), существовавшая на территории Польши (Восточная Померания, низовья Вислы), Украины и Белоруссии, носит также название «культура лицевых урн» по одному из характерных ее признаков — знаменитым антропоморфным урнам с прахом и костями сожженных покойников. Сами сосуды имеют грушевидную форму, лицо изображается наверху продолговатой горловины, а крышка выполнена в виде шапки.

«Лицевые урны не только снабжены схематическими личинами женщины с серьгами и бородатых мужчин, но и вся урна в целом воспроизводит схематично фигуру человека» (ЯДС, С. 272). Различить женские лица от мужских можно не только по серьгам. Порой встречаются и урны, украшенные янтарными бусами, цепочки с подвесками или даже раковинами каури. На шее может быть изображена гривна, а иногда бывает надета настоящая гривна из бронзы или железа. На «животе» мужских урн изображались наконечники копий, щит, изредка меч, конь или всадник, сцены охоты.

Изначально лица только намечены двумя небольшими отверстиями, изображающими глаза, вертикальной линией носа и горизонтальной линией рта. Но около V века до н.э. схематичное изображение абстрактного предка вообще сменилось обычаем наносить на поверхность урны лика более четкого, детального, приближенного к оригиналу — лицу того человека, чей прах в урне содержался. На поверхности урны появляются описанные выше украшения, изображения оружия, символические сцены. По мнению археологов, лицевые урны нельзя отнести к продуктам обмена, их распространение следует связать с *«миграцией в области Польского Поморья иноплеменного населения»*, причем пришельцы появились с запада¹⁴³. Это и логично: ведь урны предназначались для хранения праха **своих** умерших, кто ж станет торговать предметами такого интимно-семейного характера?! Точно такие же урны с ликами умерших изготовлялись в Древнем Риме и германских землях (Дания).

Появляются лицевые урны не в пример раньше этрусков и упомянутой поморской культуры — уже с конца III тысячелетия до н.э. Хотя и не в Европе.

¹⁴³ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. — М., 1979, С. 133.

Как интересную разновидность погребальных урн стоит отметить маски-сосуды таштыкской культуры (Южная Сибирь, II век до н.э. – V век н.э.), существовавшие параллельно с погребальными масками. Они делались как гипсовый слепок лица покойного, но при этом выполняли функцию хранилища пепла и стояли на полках склепа.

Таштыкская маска-урна и две погребальные маски обычного типа.

В Египте римского времени вместо погребальных масок «вошли в употребление дощечки из сикиморы, на которых масляными красками писался портрет покойника» (Кузнецов, С. 16). Вы уже догадываетесь, откуда в христианстве взялись иконы? Если нет, отсылаю к приводимому далее описанию похорон римского императора Септимия Севера.

Прямыми наследниками лицевых урн можно считать упоминавшиеся уже средневековые реликварии, сделанные в виде голов или бюстов тех, чьи останки в них сохраняются. Разумеется, это были предметы культа, приносявшие доход тем церквям, где они были выставлены. Нередко в них помещалась как раз мертвая голова человека, причем для того, чтобы верующие могли к ней прикоснуться, в реликвариях делались створки или окно. Иные из таких ковчегов имели вид или настоящей мертвой головы без тела, или чего-то, напоминающего черепную коробку. В этом плане любопытны болгарские реликварии, представляющие собой окованные золотом головы почитаемых людей — оковка в отдельных случаях воспроизводит лицо умершего с большой точностью, являясь, скорее не ковчегом, а посмертной маской.

*Реликварий с мощами Карла Великого в Аахенском соборе.
Реликварий в виде головы св. Вацлава.*

Реликварий с «честной главой» прп. Евдокима Новоявленного.

Окованные золотом черепа патриарха Дионисия (обезглавлен турками в 1744 г.) и игуменьи Матроны (1789 г.). София, Болгария.

*Реликварий с мощами Евстафия Плакиды, ок. 1210 г.
Реликварий с черепом франкского короля Дагоберта II.*

Боги слова: А. Пушкин и С. Есенин

Носители власти: Петр I, «Агамемнон».

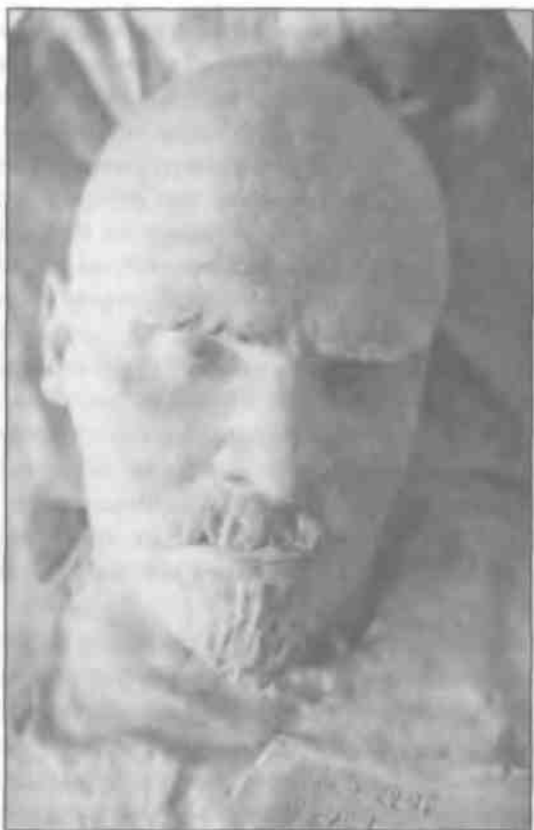
Сами посмертные маски, традиция изготовлять которые не прервалась вплоть до настоящего времени, — особая разновидность

почитаемых мертвых голов. Это в лицевой урне сходство с умершим может не наблюдаться вовсе, где хватает абстрактного обозначения, что это именно данный покойник, в лучшем случае сходство достигается мастерством того, кто эти урны изготавливает. С маской же всё очевиднее: очертания лица она передает куда с большей точностью, по сути, это отпечаток лица, максимально возможная (согласно местной традиции или уровню культуры) копия его. Мы, всматриваясь в восковые отливки лиц Пушкина или Ленина, Марата или Чкалова, по сути, видим именно их лица — не передачу этих лиц через живописные или скульптурные портреты, а их самих. Тех самых людей, какими они были в момент кончины.

Воск же выбран в качестве материала далеко не случайно. Дело здесь не только в его пластичности, но и в его сакральности. Пчелы в народе почитались существами, угодными Божествам: на Руси пчелу называют «божья угодница», в вольнском Полесье — «божа мудрость», поляки убийство пчелы держат за грех, а сербы и вовсе считают пчелу святой (Гура, С. 448). Из их продукта, считающегося чистым по определению, делали и делают до сих пор свечи, дабы ставить их в храмах как жертву, да и сам воск куском и в виде лепешек приносили в дар Богам.

Серебряные реликварии

Кумир миллионов: В.И. Ленин

Воск — символ чистого жертвенного дара, молитвы, добрых помыслов. Предмет, из воска изготовленный, недолговечен и хрупок и по сему требует специального обхождения, его необходимо поместить там, где он сохранится неповрежденным. Таким образом, он наделяется некоторыми атрибутами сакрального, раз ему изначально присуща определенная толика особого к нему отношения — ведь в обыденной жизни практически нет вещей, сделанных из воска. Но важнее даже не это. С точки зрения волшбы воск сохраняет в себе информацию, его «магическая память» используется в ворожбе, обережки и лечении, так как наговоренное на воск волшебное слово им запоминается, оседает где-то в его «лепкой» (помните закрепляющие слова заговора: «будьте мои слова крепки и лепки»?)

сущности. Первые состриженные волосы ребенка облепляли воском (СД 1, С. 442) и хранили в доме; там же, на божнице, держали и освященные на праздниках свечи — «громничную», «четверговую», «страстную», используя их лишь для дел волшебных. В 1728 году рассматривалось дело, где упоминалась «тетратка», в которой *«написано такая статья приворотная, что де проговоришь на воске, то де носишь при себе, то де люди любят»*; в 1732 году в судебном деле по колдовству описана «воровская тетрадь» с заговорами от свадебного портежа: *«только б де по той тетратке наговорено было на воск и привязано к кресту»*; в том же 1732 г. судьи ознакомились с заговором «к суду итить» (от суда), который следовало *«наговаривать на ярой воск трижды, и тот воск носить под крестом у себя по малому маком зернышку, а держать в чистоте; когда блудом пребудешь или сонная греза, то умыся, тот воск отними, и другой наговори и подлепи»* (Отреченное, С. 122, 129). Заговор на удачу в рыбной ловле трижды наговаривали на «воск чистой», который следовало прилепить к центральной балке в доме — матице.

По всему получается, что, соприкасаясь с поверхностью лица усопшего, воск впитывает в себя некую толику его сути, сохраняет это прикосновение, пронося через века. Он словно улавливает в свою вязкость остаточный след отлетающей от тела души. Это можно сравнить с представлением о том, что фотоснимок забирает часть души запечатленного на нем человека, да и колдуны не прочь поработать со снимком «объекта». Восковая маска — уже не просто слепок, пусть и подробно передающий черты усопшего, но магический артефакт. Если по снимку можно лечить или портить живых, то через восковую маску можно звать к духу того, кого она изображает, с кого была снята. Звать и быть услышанным. На этом — то и построено поклонение подобному типу мертвой головы. Были также маски из гипса и керамики, обладающие (хотя и в меньшей степени) сходными свойствами впитывать в себя часть души умершего, но особого они распространения не получили.

Рим сполна отдал должное погребальным маскам из воска. Геродиан (IV. 2. 2) описывает погребение императора Септимия Севера его сыновьями Каракаллой и Гетой: *«вылетивши из воска изображение (εἰκόνα), во всем похожее на умершего, они помещают его в парадном одеянии на трон из слоновой кости»*. Дион Кассий (LVI. 34) изложил подробности похорон Августа, маску которого

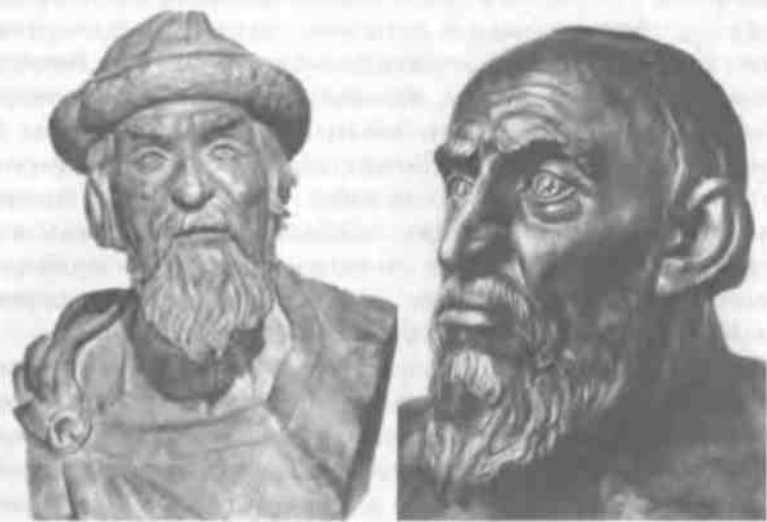
несли на закрытом гробу: «ложе для этой цели было сделано из слоновой кости и золота и украшено парчевыми покрывалами. Внутри ложа, где-то внизу, было помещено в гробу тело, а восковое изображение Августа (εἰκὼν δὲ δι' τῆς αὐτοῦ κηρίνῃ) помещалось сверху, одетое в императорские триумфальные одежды». Императора Пертинакса хоронили заочно, используя его маску как замещение отсутствующего тела и отрубленной головы: «хотя Пертинакс давно умер, но его (фиктивное) погребение совершилось таким образом: на римском форуме было приготовлено деревянное сидалище на каменном основании, а около сидалища устроена комната с перистилем /.../; поверх него возложили восковое изображение Пертинакса (εἰδωλὸν τι τοῦ Περτινακοῦ κηρίνον), одетое в триумфальные одежды» (Дион Кассий. LXXIV. 4. 2).

Ранее посмертные маски служили объектом семейного культа¹⁴⁴, им воздавали почести главы рода, испрашивая у пращуров помощи потомкам, благ, счастья: «после погребения с подобающими почестями римляне выставляют изображение покойника, заключенное в небольшой киот, в его доме на самом видном месте. Изображение представляет собой маску, точно воспроизводящую цвет кожи и черты лица покойника. Киоты открываются во время общенародных жертвоприношений, и изображения старательно украшаются» (Полибий. Всеобщая история. VI. 53). Сейчас наше отношение к подобным маскам несколько иное, более настороженное — ведь мы таким образом прикасаемся к пугающей нас теме смерти. Но и в том, что мы ходим посмотреть на *подлинные* лица великих мира сего, есть некий оттенок прежнего поклонения этим мертвым головам¹⁴⁵. Мы не приносим им явные жертвы, но платим на входе в музей, мы не кладем перед ними земных поклонов, но вынуждены наклониться, чтобы прочесть небольшую табличку с мелкими буквами, повествующими, чья перед нами маска. Да и хранятся

¹⁴⁴ В данном случае мы не говорим о масках, которые при погребении оставляют с покойником. Есть мнение, что такое квазилицо должно было помочь душе усопшего неузнанной проскочить мимо потусторонних стражей или даже суметь напугать их (Кузнецов, С. 4–5).

¹⁴⁵ К этой категории мертвых голов, вызывающих почтение и интерес потомков, наверное, следует отнести и относительно недавно появившиеся реконструкции лиц по черепам, ставшие возможным прежде всего благодаря гению М.М. Герасимова.

такие головы в специальных зданиях. Чем не храмы? Элементы поклонения, закамуфлированные под привычные действия.

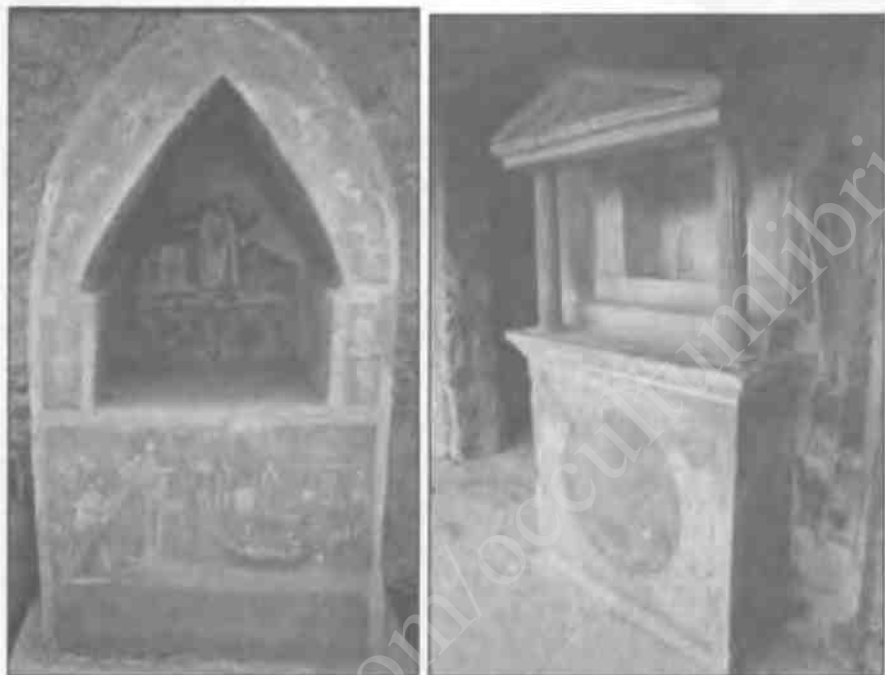

*Князь Ярослав Мудрый. Царь Иван IV.
Реконструкции М.М. Герасимова.*

Впрочем, наши переживания, наши чувства при созерцании масок-голов великих людей неподдельны, они по-прежнему искренни. Это отголоски тех самых чувств, что испытывали люди, искавшие пророчеств у головы Орфея, испрашивавших исцеления у черепа Джованни Баптисты. О поклонниках литературного гения тех, чьи маски выставлены в музеях, и говорить не приходится. Созерцание их ликов приводит таких людей в состояние почти религиозного экстаза, причем собираются они возле подобных изображений в значимые даты жизни (или смерти) своего кумира, и даже нередко украшают их цветочными гирляндами и возжигают у подножия свечи (так, например, поступают с бюстом Пушкина в Бахчисарае).

Из посмертных восковых масок развились римские бюсты предков, точно такие же почитаемые мертвые головы. Причина, скорее всего, предельно прагматична: воск — материал слишком недолговечный, куда лучше делать копии голов предков из бронзы, меди, мрамора или терракоты (финикийцы, кстати, «специализи-

ровались» на керамических погребальных масках). Были и деревянные изображения. Так, к примеру, в нише раскопанного в Помпеях дома Менандра размещалось пять деревянных бюстов.

Типы римских ларариумов

Бюсты держали в пределах домашнего алтаря (atrium, lararium) вместе с фигурками ларов и пенатов (там же, в особых ковчегях, могли храниться реликвии предка, к примеру, его борода¹⁴⁶; маски же держали в шкафчике (armarium)), а в случае смерти представителя рода носили их в погребальной процессии, чтобы все могли убедиться в знатности происхождения усопшего.

В римском праве даже была своеобразная привилегия *ius imaginum* — право иметь и употреблять при торжественных семейных

¹⁴⁶ «Кроме того, увидел я в углу большой шкаф, в нише которого стояли серебряные Лары, мраморное изображение Венеры и довольно большая засмоленная золотая шкатулка, где, как говорили, хранилась первая борода самого хозяина» (Петроний. Сатирикон. 29).

процессиях бюсты предков: «*imagines* служили к тому, чтобы при погребении римлянина весь ряд его предков сопровождал погребальное шествие» (Кузнецов, С. 33).

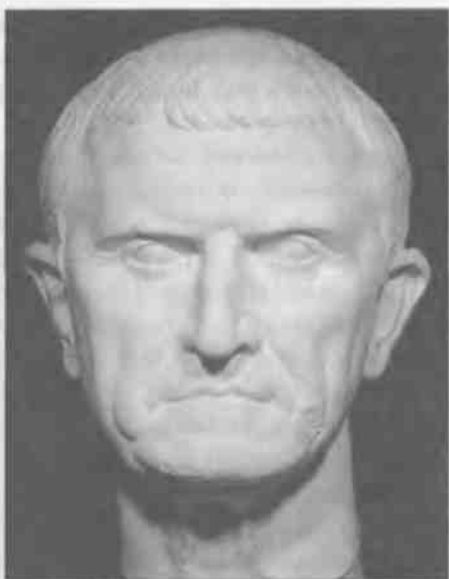
Статуя неизвестного римлянина с бюстами предков, предположительно отца и деда. Конец I в. до н.э. Мрамор; в натуральную величину. Капитолийский музей, Рим.

Здесь вполне прослеживается синонимичность «голова» — «глава»: у кого хранится в доме больше голов предков (копий их), тот и главней, того род более знатен, аристократичней. Одновременно с ношением бюстов на похоронах *«наемный актер, в костюме умершего и с маской на лице, представлял возможно правдоподобнее фигуру и походку почившего; следуя впереди погребальной колесницы, он произносил любимые фразы покойника»* (Кузнецов, С. 6), как это было на похоронах скряги Веспасиана¹⁴⁷.

По свидетельству Полибия, маски предков, хранившиеся на алтаре умершего, выносили из дома и также надевали на людей, *«возможно ближе напоминающих покойников ростом и всем сложением»* — далее они облачаются в платья, присущие прижизненным должностям предков, едут на колесницах, перед которыми несут знаки отличия этих должностей, а по прибытии к рострам все участники в масках рассаживаются там в креслах сообразно порядку родства. — *«Неужели в самом деле можно взирать равнодушно на это собрание изображений людей /.../ как бы оживших, одухотворенных?»* (Полибий. Всеобщая история. VI. 53). Так что тождество масок и бюстов полное. Разве что стоит отметить бывшую меж ними промежуточную фазу.

Плиний жалуется, что в его время употребление раскрашенных восковых масок, точно передававших черты лица умершего, прекратилось, а на смену им пришли металлические медальоны и бюсты, изготовленные без всякой точности: *«Иначе было у наших предков: у них в атриях напоказ были выставлены не произведения иноземных мастеров, не работы из меди или мрамора, а по отдельным шкапам были расположены изображения лиц, отпечатанные на воске, чтобы были портреты для ношения во время похорон человека, принадлежащего к тому же роду. Таким образом, когда кто-нибудь умирал, при нем находились все, кто когда-либо входил в состав этой семьи»* (Плиний. Естественная история. XXXV, 6).

¹⁴⁷ *«И даже на похоронах его Фавор, главный мим, выступая, по обычаю, в маске и изображая слова и дела покойника, во всеуслышанье спросил чиновников, во сколько обоилось погребальное шествие? И услышав, что в десять миллионов, воскликнул: «Дайте мне десять тысяч и бросайте меня хоть в Тибр!»* (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Веспасиан. 19).

*Бюсты воителей: М. Кутузов;
римский полководец Марк Лициний Красс*

Надгробный камень в виде ларариума с ликом усотиего

Алтаря, какой бы он большой ни был, для такой наглядной демонстрации древности рода (и условного права главенствовать, претендовать на главенство) могло не хватать, поэтому бюсты для пущей гордости начинают выставлять уже не в самом почитаемом месте, а при входе в атриум — в специальных нишах. В домах патрициев атриумов могло быть несколько, а уж про бюсты-головы и говорить нечего — наглядная родословная впечатляла. Нечто подобное продолжается и нынешних потомков аристократических родов, с гордостью демонстрирующих посетителям целые картинные галереи натуралистичных и идеалистичных портретов своих предков, настоящих и мнимых, великих и с точностью до наоборот...

Мертвые головы обожествленного Ильича и сейчас возвышаются на площадях многих городов России, и то, что возле них производились обряды инициации и возлагались жертвы в виде венков, говорит само за себя. Так что есть поклонение, раз уж есть поклоняющиеся¹⁴⁸.

Клятва пионерки у мертвой головы (1968, открытка).

¹⁴⁸ О магии конкретно этой головы, наверное, нужно было бы написать отдельную главу, да вот только не буду.

Одним словом, мертвые головы продолжают читаться и в наше время ничуть не меньше, если не больше, чем в древности. Как сказал Овидий: *omnia mutantur, nihil interit...*

В заключение главы остается привести только один пример, который подробно можно уже не разбирать, благо этой теме была посвящена одна из первых глав книги. Идея Первобога, Всеотца Рода перевоплотилась на позднем этапе в привнесенный миф о первочеловеке Адаме. Разумеется, библейский Адам, пусть бы даже он и был великаном и жил тысячу лет, никак не смог бы послужить материалом для рождения всей вселенной, как это описывает «Голубиная книга». И то, что голова Рода (Адама ГК) превратилась в небо, казалось бы, исключает возможность ее почитать. Я сейчас не принимаю во внимание абстракцию того, что раз уж светила — Его глаза, и светила почитались, то можно в некотором смысле говорить и о поклонении мертвой голове Первобога. Нет, речь идет об обычном поклонении, когда объект культа предельно материален и наличествует прямо перед глазами. Но при таком смешении языческого Рода с библейским Адамом никуда не делась и собственно библейская версия, что череп Адама лежит в основании горы Голгофы. Его, по идее, там никто не видит, никто не может достать, но это не мешает героям русской былины совершить воздать черепу поклонение:

Алеша Попович, Еким Иванович...

Они подъезжали ко крестику,

И Богу помолилися,

К Адамовой головы приложилися.

(Часовникова, С. 134)

Дело в том, что отечественная традиция, вразрез с пришлым каноном и явно опираясь на изобразительный ряд (мертвая голова в основании креста), полагает Адамов череп лежащим на поверхности:

Ай на той горы на Фазгорския,

Ко цюдну кресту животворящему,

Ко Латырю белу каменю,

Ко святой главы ко Адамовой

Выпадала книга Голубиная.

(Часовникова, С. 122)

Череп Адама в основании креста. Фрагмент фрески Фра Беато Анджелико.

Ну а раз так, то можно говорить о том, что и Адамова голова — голова священная, почитаемая не только как символ, но и как реальный объект, пусть и происходит это поклонение лишь в пространстве мифа. К слову сказать, некоторые варианты этого текста, где Латырь—камень и Адамова голова упоминаются в паре, звучат так, что можно подумать, будто это один и тот же объект:

*От камня от Алатыря,
От его головы от Адамовой,
Посреди поля Сарачинского
Выпадала Книга Голубиная.*

(ГК, С. 39)

Причем возможности такого восприятия есть и примеры. Хорошо известно про языческое поклонение святым камням, но вот многие ли слышали, что это тоже мертвые 'головы'? Вопрос риторический. «Вот камень был среди порогов у нас. Там было вырублено на камне (камень был большой — это *Мертвая голова*), вырублены там были ложка, вилка. И будто бы Петр Первый ехал и именно на этом камне он обедал» (Криничная, № 212). А в Тульской губ. почитались камни Баш и Башиха (Сахаров Сказания, С. 147–148), чьи имена, возможно, связаны с заимствованием из тюркских языков

как формы дат. п. ед. ч. *baška* — от тур., азерб., крым.-тат., тат., кыпч. *baš* «голова».

Чтобы окончательно закрыть вопрос, почиталась ли голова Адама как святыня или нет, достаточно привести свидетельство русского заговора, где она описана так, что волей-неволей заставляет вспомнить обрядность тамплиеров: голова возлежит в храмовом помещении на самом почитаемом месте. Пришедший в храм человек, по сути, совершает пред ней поклонение с молитвою: *«Стоит на берегу океяна золотая церква, захожу я в эту церкву — лежит Адамова голова на престоле, ничего у нее не болит»* (Пышуганье, С. 131).

*Каменная голова («Русич», «Старик»).
1799–1800 год, проект Ф. Броуэра. Санкт-Петербург.*

Разумеется, почиталась не только человеческая голова. Внутреннее убранство храмов Чатал-Хююка (см.: Ч. II, гл. 3), где изображения бычьих черепов размещались в том числе и в алтарной части, дает основание полагать, что голова была одним из объектов местного культа. В качестве параллели также можно упомянуть еврейского «золотого тельца», который, согласно нескольким источникам, был не цельной скульптурой, а лишь изображением бычьей головы. Сульпиций Север настаивает именно на этом: *«Однако за все то долгое время, пока Моисей пребывал на горе, ибо 40 дней находился он в общении с Богом, отчаявшийся в его возвращении народ заставил Аарона сделать идола. И вот создал он из литого металла голову тельца»* (Сульпиций Север. Хроника. I. XIX). «Первый Ватиканский мифограф» определенно полагает, что на возникновение этого поклонения среди евреев повлиял культ священного быка Аписа, который они наблюдали, будучи в Египте: *«1. Солин сообщает, что из всего, достойного упоминания в Египте, люди особенно дивятся быку, которого зовут Апис, замечательного по родимому знаку на его правом боку, — это белое пятно, имеющее форму луны с рогами. 2. В Египте почитают его, как бога, потому что он-де дает очевидные предзнаменования на будущее. Он появляется в Мемфисе. /.../ 6. Иудеи сотворили себе в пустыне изображение его головы»* (Первый Ватиканский мифограф. I. 78). Ср. также замечание Георгия Амартола о поклонении головам в Египте: *«Поскольку эллины создают образы несуществующего: шериней, и ос, и кентавров, а египтяне — песьи морды и воловьи головы, то идолами называют отображения несуществующего»* (Георгий Амартол. Временник. II. 6).

СВЯТЫНЯ (2): ВЕЩАЯ ГОЛОВА

— А как профессор Доуэли, то есть его голова, выразил это желание? Голова может говорить?

Профессор Керн на мгновение смутился.

— Нет... голова профессора Доуэли не говорит.

Но она слышит, понимает и может отвечать мимикой лица...

(Беляев А. Голова профессора Доуэли)

Эта и последующая главы будут посвящены вопросам, по сути, продолжающим тему поклонения мертвой головы. Однако их вполне можно было бы разместить и во второй части книги, где рассматривается практическая сторона дела. Но, поскольку главы о пророческом даре мертвой головы и о представлениях о ней как источнике материальных благ основаны не на конкретных примерах, а на текстах мифологического характера — сказках, былинах, преданиях, легендах и быличках, — то пока уместнее будет оставаться в пределах части теоретической.

Практические данные из этих текстов можно извлечь лишь как вывод, ибо то, что подается как чудо, никогда не снабжается инструкцией по его исполнению в домашних условиях.

Бог

В сборнике легенд А. Афанасьева приводится интереснейший текст назидательно-нравственного в первую очередь характера — «Христов братец». Предыстория легенды интереса не представляет. Купеческий сын женится, он и его жена оказываются столь благочестивы, что его родители выгоняют молодую семью из дому.

«Пошел сын со своей женою, куда глаза глядят. Шли они, шли, и приходят в густой темной лес. Набрели на хижину — стоит пустая — и остались в ней жить. Прошло время немалое, наступил великой пост; вот уже и пост подходит к концу. «Жена! — говорит купеческой сын, — я пойду в лес, не удастся ли застрелить какой птицы, чтоб было чем на праздник разговеться». — «Ступай!» — говорит жена.

Долго ходил он по лесу, не видал ни одной птицы; стал ворочаться домой и увидал — **лежит человеческая голова, вся в червях**. Взял он эту голову, положил в сумку и принес к жене. Она тотчас обмыла ее, очистила и положила в угол под образа. Ночью под самый праздник засветили они перед иконами восковую свечу и зачали Богу молиться, а как настало время быть заутрене, подошел купеческой сын к жене и говорит: «христос воскрес!» Жена отвечает: «Воистину воскрес!» И голова отвечает: «Воистину воскрес!» Говорит он и в другой, и в третий раз: «христос воскрес!» — и отвечает ему голова: «Воистину воскрес!» Смотрит он со страхом и трепетом: оборотилась голова седым старцем. И говорит ему старец: «Будь ты моим меньшим братом; приезжай ко мне завтра, я пришло за тобой крылатого коня». Сказал и исчез.

На другой день стоит перед хижиной крылатый конь. — Это брат за мной прислал, — говорит купеческой сын, сел на коня и пустился в дорогу» (Легенды, № 8b).

В итоге герой легенды побывал на Том Свете, видел муки своих нечестивых родителей и лишний раз убедился в правильности избранного пути: «Воротился домой купеческой сын, а жена и говорит ему: «Что так долго гостил у брата?» — «Как долго! всего одни сутки пробыл». — «Не одни сутки, а целых три года!» С тех пор они еще милосерднее стали к нищей братии». Ну а череп оказался Богом: «оборотилась голова седым старцем. /.../ И узнал он тогда, что это не старец, а сам Господь назвал его меньшим братом».

Безусловно, ни к христу (чего стоит образ седого старца, что бы там А. Афанасьев ни пытался сказать против своим названием легенды), ни к библейскому Саваофу эта легенда отношения не имеет, к христианским преданиям относится только лишь из-за привнесений. Встреча с мертвой головой и беседа с ней — миф куда более древний, чем христианство, и начисто отсутствующий в породившем христианство иудаизме. Думаю, гадать здесь особо не о чем. В самом начале книги мы говорили о значимости символа отделенной головы Божества в мифе о рождении белого света. Мертвая голова Всебога становится небом, отныне и навсегда вписывая данный символ в число самых значимых и глубоких в человеческой культуре. Вариации на тему божественной мертвой головы неизбежны, и приведенная А. Афанасьевым легенда — не худший из образцов такого преобразования мифа. Это не снижение образа божественной головы до святой головы или головы святого (разница есть, имейте в виду), не прикладное

отражение символа в магии плодородия, а именно вариация исходника. Брошенный череп может оказаться Всебогом! В мифе о рождении мира он фигурирует как один из фундаментальных моментов, а здесь — лишь как легко (легко ли?) опознаваемый символ Всебога, вводимый в текст для затравки сюжета. Далее символ уже не нужен, герой легенды проявил свои душевные качества, по-доброму отнесшись в голове мертвеца, в дальнейшем она превращается в Бога и более в истории не появляется. Можно думать, что изначально Божество проверяло, каков на деле герой произведения, подбросив ему на пути предмет, обычно вызывающий у людей естественное неприятие, и в то же время — являющийся одним из символов божественного. Череп в этой легенде, пожалуй, наиболее парадоксально и вместе с тем явственно обнаруживает свою сущность — это и символ смерти, ибо Всебог умер, и символ жизни, ибо из частей тела Всебога родился белый свет.

Сам сюжет следует отнести к распространенному мотиву «благодарного мертвеца». Герой находит или выкупает мертвое тело, хоронит его, вскоре к нему прибывает некий старичок, который помогает герою в трудных ситуациях, в частности — подсказывает, где раздобыть чудесного коня; им и оказывается тот самый покойник, который, вернув долг, исчезает. Отдельные части мотива легко опознаваемы в легенде: череп — мертвец; уважительно относится — хоронит; чудесный старичок — седой старец; крылатый конь — богатырский конь.

Ну а в эту главу данная история попала в первую очередь из-за того, что подобранная благочестивым купцом мертвая голова подала признаки жизни, ответив на праздничное ритуальное приветствие. То есть явила заведомое чудо. О чудесах и продолжим.

Чудо

Заговорившая мертвая голова не может восприниматься иначе, как небывалое чудо. Все говорит против того, что подобное может произойти, но если такое случается, странно было бы, что голова при этом произнесет какие-то банальности. Нет. Если произошло чудо, то оно должно быть окончательным: речи мертвой головы — это, по сути, вести с Того Света. Она, прикоснувшаяся уже к миру мертвых, знает теперь нечто иное, скрытое пока от наших глаз пеленой времени. И вот голова пророчит грядущее, ее устами едва ли говорят не сами Боги, пытаясь таким образом дать знак, повлиять тем на

текущие события. К таким чудесам, вероятно, можно отнести говорящие головы Брана и Меркурия Смоленского, сумевших распорядиться о своей посмертной участи.

Подборка подобных чудес приводится жившим во II в. н.э. Флегонтом (из Тралл) в его сборнике «Удивительные истории» (Περὶ θαυμάσιων). Каждый пример заслуживает подробного цитирования.

1. Некий «военачальник Публий впал в безумие, утратил разум и, неистовствуя, стал выкрикивать предсказания, то стихами, то речью неразмеренной» (фр. 3. 8). Изрекши их, «Публий умолк. Потом, выбежав из лагеря, он взобрался на дерево. Когда он увидел, что множество людей идет за ним, он подозвал их к себе и сказал: «Мне, римские мужи и прочие воины, суждено сегодня умереть — рыжий волк растерзает меня; а вы поверите, что все предсказанное мною сбудется, — и появление этого зверя и моя гибель докажут, что я по божественному внушению сказал вам правду». Кончив эту речь, он велел всем отойти в сторону и не препятствовать волку подойти к нему; если они прогонят волка, им самим придется худо; толпа повиновалась его словам, и через малое время появился волк. Публий, увидев его, сошел с дерева, упал навзничь, и волк загрыз и растерзал его на глазах у всех и, пожравши все его тело, кроме головы, убежал в горы. Когда все бросились к останкам и хотели поднять их с земли и похоронить, как подобает, голова, лежащая на земле, изрекла такие стихи:

*Не прикасайтесь к моей голове! Закон воспрещает
Тем, кто навлек на себя проклятье могучей Афины,
К этой священной главе прикасаться. Не двигайтесь с места!
Слушайте мои предсказания! Вы истины слово услышите,
Этой землей завладеет Арес беспощадный и мощный,
Многих бойцов он пошлет в Аида черную бездну,
Башины из камня низвергнет, разрушит длинные стены,
Наши богатства и наших супруг и детей неповинных
Схватит и в Азию всех увезет через волны морские.
Все это Феб Аполлон вам предрекает неложно.
Мощного вестника он за мною послал и уводит
Ныне в жилища блаженных меня, где царит Персефона».*

(фр. 3. 12–14)

Обращаю внимание читателя, что устами головы говорил Бог: *«Все это Феб Аполлон вам предрекает неложно»*. Голова после была должным образом почтена: *«Все слышавшие это немало были поражены. Воздвигнув на этом месте храм Аполлону Ликейскому и поставив жертвенник там, где лежала голова, они поднялись на корабли и отплыли — каждый к себе на родину. И сбылось все, что предсказал Публий»* (фр. 3. 15).

2. В Этолии объявилось привидение некоего Поликрита, который оставил после себя вдову, родившую вскоре после его смерти ребенка *«с мужскими и женскими половыми органами, удивительным образом деформированными от природы: верхняя часть гениталий была твердой и мужской, а то, что находилось ниже — принадлежало женщине»* (фр. 2. 3). Призрак просил одного: *«Умоляю всех вас, заклиная спасением каждого, передать мне ребенка, которого я породил, чтобы не случилось беды, если вы выберете иное и ваша враждебность ко мне станет началом несчастий. Ведь мне поручено не допустить сожжения ребенка из-за прихоти или безумия предсказателей, которые вам это присоветовали»* (фр. 2. 6). Причем он весьма неоднозначно указал, от чьего имени говорит: *«отдайте мне ребенка по-хорошему, ибо мне не велено задерживаться здесь слишком долго теми, кто правит под землей»*.

Мнение народа разделилось, *«Но большинство не соглашалось, настаивая, что не следует поступать опрометчиво, поскольку дело это величайшей важности, да и сама проблема необычная»* (фр. 2. 7). Тогда призрак, *«оттолкнув мужчин, схватил ребенка, быстро стал разрывать его тело на части и пожирать. Люди стали кричать и бросаться камнями, пытаясь прогнать призрак. Оставаясь невредимым под градом камней, призрак сожрал все тело ребенка, кроме головы, и только тогда внезапно исчез из виду»* (фр. 2. 9–10). А дальше последовало и вовсе странное.

«Возбужденная случившимся толпа горожан пребывала в состоянии крайней растерянности, а затем решила отправить посольство в Дельфы, как вдруг голова мальчика, лежащая на земле, начала пророчествовать:

*О, многочисленный народ, населяющий прославленную в гимне землю!
Не ходите в святилище Феба и не приносите ему жертв*

/.../

Потому что смерть пощадилась мою голову и оставила ее на земле. Пойдите и выставьте мою голову лицом к восходу и не хороните ее глубоко в черной земле.

Что касается вас, то покиньте эти пределы и идите в другую землю к народу Афины, если вы хотите избежать смерти согласно предназначению судьбы».

(фр. 2. 10)

Устами младенца, как говорится. Согласно комментаторам, «Здесь явственно просматривается мотив соперничества между пророческующей головой ребенка и оракулом Аполлона». А чья еще голова соперничала с оракулами Аполлона, мы уже знаем...

В ирландском «Похищении быка из Куальнге» рассказывается о гибели Суалтайма, отца знаменитого Кухулина. Он пытался позвать уладов на помощь своему сыну, защищающему селян, многожды говоря им: «Мужей убивают, женщин уводят, скот похищают, о улады!». Но ответа долго не следовало, а когда он был дан, это оказалось высказанное друидом пожелание смерти Суалтайму за то, что он говорил с королем неподобающе. Разгневанный Суалтайм уехал, а по пути пожелание свершилось — щит случайно отрубил его голову, приняв ее в себя. «Тогда повернула лошадь обратно в Эмайн, и на спине ее лежал щит с головой Суалтайма. Вновь молвила голова: «Мужей убивают, женщин уводят, скот похищают, о улады!» (Похищение, С. 290). Только после этого короля уладов проняло, и он начал собираться на битву.

Еще одно предание о начавшей говорить мертвой голове приводится в саге «Разрушение дома Да Дерга»: «В то время как проходил он (Мак Кехт, – Б.М.) по третьему мосту, ведущему в Дом, двое разбойников рубили голову Конайре. Бросился на них Мак Кехт и отрубил одному из них голову, но другой пустился бежать с головой короля. Тогда поднял Мак Кехт обломок камня, что лежал у него под ногами на полу Дома, и, метнув в разбойника, попал ему в спину и проломил ее. Тут и ему отрубил Мак Кехт голову, а потом плеснул воды в рот Конайре и на его затылок. И молвила голова Конайре, когда попала ей в горло вода:

*Великий муж Мак Кехт,
Славный муж Мак Кехт,
Принес он питье королю,
Свершил деяние».*

(Ирландия, С. 126)

После христианства такие случаи начали трактоваться, разумеется, как свидетельство торжества новой религии. Но если отбросить эту составляющую, отличить примеры будет попросту невозможно: *«В год от Рождества Христова 1302 один разбойник, почитающий Деву Марию, был обезглавлен в Перудже, в Италии; голова его, уже отсеченная от тела, воскликнула громким голосом: «Приведите мне священника, ибо Пресвятая Мария за то, что я в конце каждого дня обращался к ней в молитвах, не позволяет мне умереть, пока не исповедаюсь во всех грехах моих». И так содеялось»* (Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. IV. 92).

Следующий пример относится ко временам крещения славянских земель. *«В городе Старгард, когда тот был ещё небольшим поселением, однажды случилось невероятное чудо. Горожане, которые были ещё язычниками, восстали против христиан, одержали верх и многих из них побили. Головы убитых они забрали с собой и водрузили их на стену своей мощной крепости в знак победы. Но вдруг, в ночь на Рождество, отрубленные христианские головы запели чистыми и звонкими голосами: «Слава в вышних Богу!» И не заканчивали, пока не допели святую песню до конца. Это ввергло язычников в настоящий ужас»* (Temme J.D.H. Die Volkssagen von Pommern und Rügen. — Berlin, 1840).

Истинность новой религии должны были доказывать фантастические истории о могуществе христианских подвижников: *«Однажды святому Макарию случилось увидеть череп человека, лежащий на земле. Макарий подошел и ударил по черепу своим посохом и спросил, кто он был и когда жил на земле. И ответил голос из черепа: «Я был жрецом египетских Богов /.../»* (РРП, С. 166). На вопросы Макария Египетского череп описывает то, что происходит сейчас на Том Свете, в Пекле (после чего Египтянин хоронит голову). Нет ни тени сомнения, что данный миф возник на основе традиционных чудесных историй о говорящих мертвых головах.

К этой группе примеров примыкает и русская сказка, явно испытавшая влияние подобных легенд. Герой былички углублял

погреб и докопался до неприятной находки — «*череп. Тут, видно, кладбище раньше было. Унес к реке и бросил. Первую ночь слышит — ревет человек. На вторую ночь. На третью ночь...*». Жена его «на другой день отрезала матерьялу белого», а муж «сделал ящичек небольшой — как бы гробик. Она подушечку сшила, головку эту положила и сверху закрыла /.../. Унесли на кладбище, закопали эту голову — как Бог свету дал, большие не слышали» (ВФ, № 220). Отголоски легенды видны в том, что череп подает голос и получает в итоге христианское погребение.

Поэт

Из мифологии следует, что многие мертвые головы, в том числе и головы почитаемые, также являются своеобразными оракулами, головами вещими, пророческими, или, на худой конец, обладают даром слова.

Я нарочно не стал прежде времени рассматривать вопрос о пророческом даре головы Орфея, так как это заведомо самостоятельная тема. Теперь же поговорить о том в самый раз. Итак, для начала будем иметь в виду, что Орфей — не только певец, но и мист, мудрец, знаток священного. Об Орфее сообщается, что именно он «*впервые ввел у эллинов посвящения и мистерии*» (ФРГФ, С. 39). Собственно, существование особых орфических таинств и орфизма, как самостоятельного религиозного учения показывает значимость фигуры Орфея. Обладая волшебным красноречием («*водил за собой всё, вызывая радость своим голосом...*» (Эсхил. Агамемнон, 1630)), он и после смерти сохраняет это свое божественное качество. Певец продолжает петь даже мертвым, это в силах творить его отделенная от тела голова: «*Плыла эта голова, лежа на лире, и пела некий плач по Орфею, так гласит предание, и лира сама вторила ей, когда ветры, налетая, трогали струны*» (Лукиан. Неучу, который покупал много книг. 11), «*печально // Шепчет бездушный язык; и печально берега отвечают*» (Овидий. Метаморфозы, XI. 52–55). Но это еще не всё.

Согласно дальнейшему мифу о его посмертной судьбе, помещенная в святилище голова Орфея вещает о грядущем людям, приходящим к ней на поклон, в результате чего возникает конфронтация с Аполлоном: «*В ту пору /.../ пророчествовал один Орфей, чья голова лишь недавно объявилась из Фракии. Тогда-то предстал пред вещим певцом бог и молвил: «Перестань ввязаться в мои дела, ибо довольно терпел и песни твои!»*» (Флавий Филострат.

Жизнь Аполлония Тианского. IV. 14). Гибель певца также произошла в силу его противостояния Божеству, но уже другому — Дионису. Мне кажется, уместно говорить о конфликте с одним лишь Богом, не с двумя, и лишь греческая вариация на данную тему излишне усложнила историю Орфея такими деталями. Магия красноречия мертвой головы дала о себе знать и впоследствии. В прямую связь с тем, что голова величайшего певца Эллады обрела покой на острове Лесбос, можно поставить рождение на нем целой плеяды знаменитых поэтов: Терпандра (VII в. до н.э.), Алкея (620/626 — после 580 г. до н.э.), поэтессы Сапфо (630/612 — 572/570 до н.э.), писателя и поэта Лонга (II в. н.э.). Остров поэтов, остров мертвой головы...

В индоевропейских традициях сохранились другие варианты мифа о ссоре Бога и вещего мудреца. Разумеется, мертвая голова в этих вариантах по-прежнему наличествует, иначе стоило бы о том и говорить. Впрочем, была ли эта ссора или нет в начальной версии, сказать затруднительно. Давайте пока ограничимся информацией, что у трех народов индоевропейской языковой группы — эллинов, индусов и германцев — обнаружилось сказание, базовые точки которого довольно сходны, что позволяет говорить о едином некогда мифе.

Ведическая версия вращается вокруг конфликта между мудрецом-отшельником Дадхьянчем (др.-инд. Dadhyānc, от *dādhi-*, «кислое молоко») и Индрой, который обучил его божественной «медовой мудрости» (*madhu vidyā*), но пригрозил, что оторвет ему голову, если тот кому-нибудь эту мудрость передаст. Братья Ашвины, желавшие овладеть этим знанием, уговорили Дадхьянча нарушить обещание и указать им, где находится мед Тваштара (по версии Шатапатха-брахманы, Дадхьянч открывает Ашвинам тайну возлияний священного напитка сомы). Дабы обойти угрозу Индры, Ашвины прибегают к хитрости, исходя из буквального толкования слов Громовержца, и заменяют голову мудреца лошадиной головой. После того как разгневанный Индра сносит Дадхьянчу голову, Ашвины возвращают мудрецу его прежнюю голову. Миф этот известен уже Риг-Веде:

*О два мужа, об этом вашем грозном чуде я оповещаю,
Как гром о дожде, чтобы получить награду:
Что Дадхьянч, сын Атхарвана, с помощью головы коня*

Вам выдал, что такое мед.

(Риг Веда. I. 116. 12. К Ашвинам)

Дадхьянчу, о Ашвины, сыну Атхарвана,

Вы приделали конскую голову.

*Он, благочестивый, выдал вам (тайну про) мед
Тваштара, что был сокрыт от вас, о удивительные.*

(Риг Веда. I. 117. 22. К Ашвинам)

А та пчела прошептала вам связанное с медом.

В опьянении сомой сын Ушидж громко говорит:

Вы хотите расположить мысль Дадхьянча.

Тогда конская голова вам поведала.

(Риг Веда. I. 119. 9. К Ашвинам)

О том же и в более поздних текстах. «Брихадараньяка Упанишада» (16–17): *«Поистине, вот мед, который Дадхьянч Атхарвана передал ашвинам. Видя это, риши сказал:*

*«О страшном деянии, совершенном ради вашей
выгоды, герои,*

Я возведу, как гром [возвещает] о дожде.

Ведь этот мед Дадхьянч Атхарвана

Передал вам [с помощью] лошадиной головы».

*Поистине, вот мед, который Дадхьянч Атхарвана передал
ашвинам. Видя это, риши сказал:*

«Ашвины, Атхарвану Дадхьянчу

Вы поставили лошадиную голову. †

Выполняя обещание, он передал вам мед

Тваштара, чтобы вы, страшные, держали его в тайне».

(Упанишады I, С. 93)

*Вследствие договора между Индрой и сыном Атхарвана об
отрублении головы (последнему)*

*И беседы с Ашвинами его голова была отрублена ваджерой.
Увидев, что конская его голова погибла, врачеватели, лучшие из богов,*

Вернули мудрецу его собственную голову тогда.

(Деви-Гита. VI. 28–30)

Любопытно, что и много времени спустя после смерти Дадхьянча его поддельная голова снова сослужила службу:

*Индра костями Дадхьянча
Беспрепятственно убил
Девяносто девять врагов.*

*Ища голову коня,
Которая была спрятана в горах,
Он нашел ее у Шарьянавата.*

(РВ I, 84. 13–14. К Индре)

Комментарий к этому месту поясняет суть: «Пока сын Атхарвана Дадхьянч был жив, асуры присмирели. С его смертью они наводнили землю, и Индра, не в силах с ним справиться, стал искать Дадхьянча. Узнав, что он на небе, Индра спросил, не осталось ли от него хоть какого-либо члена на земле. Ему нашли конский череп, с помощью которого Дадхьянч выдал Ашвинам тайну меда Твайтара, т.е. сомы. Его нашли у Шарьянавата — озера во внутренней части Курукшетры. Костями этого черепа Индра разбил асуров».

Согласно скандинавскому мифу, среди Богов-асов в качестве заложников жил ван Мимир. По навету его обезглавили, но Один сумел оживить голову Мимира, поместив ее у корней Оси Миров — ясеня Иггдрасиль. Теперь Мимир охраняет колодец, вода из которого дает знания, к нему хаживает сам Один, пьет воду и советуется с мудрецом. В Эдде о том кратко:

*Игру завели
Мимира дети,
конец возвещен*

рогом Гьяллархорн;
Хеймдалль трубит,
поднял он рог,
с черепом Мимира
Один беседует.

(Старшая Эдда. Прорицание вельвы. 46)

Однако у Снорри Стурлусона дается подробное изложение событий: «Один пошел войной против Ванов, но они не были застигнуты врасплох и защищали свою страну, и победа была то за Асами, то за Ванами. Они разоряли и опустошали страны друг друга. И когда это и тем и Другим надоело, они назначили встречу для примиренья, заключили мир и обменялись заложниками. Ваны дали своих лучших людей, Ньёрда Богатого и сына его Фрейра, Асы же дали в обмен того, кто звался Хёниром, и сказали, что из него будет хороший вождь. Он был большого роста и очень красив. Вместе с ним Асы послали того, кто звался Мимиром, очень мудрого человека, а Ваны дали в обмен мудрейшего среди них. Его звали Квасир. Когда Хёнир пришел в Жилище Ванов, его сразу сделали вождем. Мимир учил его всему. Но когда Хёнир был на тинге или сходке и Мимира рядом не было, а надо было принимать решение, то он всегда говорил так: «пусть другие решают». Тут смекнули Ваны, что Асы обманули их. Они схватили Мимира и отрубили ему голову, и послали голову Асам. **Один взял голову Мимира и натер ее травами, предотвращающими гниение, и произнес над ней заклинание, и придал ей такую силу, что она говорила с ним и открывала ему многие тайны. Один брал с собой голову Мимира, и она рассказывала ему многие вести из других миров»** (Снорри Стурлусон. Круг земной. Сага об инглингах. VI–VII).

Поразительное сходство с мифом об Одине и Мимире дает древнегреческая история. Имейте в виду, читатель, что это реальное событие, и при этом никакой очевидной связи со сказаниями Эдды оно не имеет. «Лакедемонянин Клеомен открыл свои планы другу Архониду и сделал его своим единомышленником. Он поклялся в случае успеха не предпринимать ничего, не обратившись к его голове. Захватив власть, Клеомен убил своего друга, отрубил ему голову и держал ее в сосуде с медом. Всякий раз, как он собирался принять какое-нибудь решение, царь наклонялся над этим сосудом и рассказывал о своих замыслах. Так, по его словам, он остался верен

обещаниям и клятвам, постоянно привлекая к совету голову Архонида» (Клавдий Элиан. Пестрые рассказы. XII. 8).

Итак, основные точки — Божество (часто — Громовержец), мудрец–певец–вещий, мертвая голова этого мудреца, священное знание (в частности, в виде питья/меда, его дарующего), некий конфликт, связанный либо с указанным знанием, либо присутствующий в мифе вообще, как причина смерти главного героя. В греческом мифе мы видим противостояние певца *Орфея* и *Диониса*¹⁴⁹, а также противостояние *мертвой головы* Орфея *Аполлону* на почве *пророчеств* простому люду. В германском мифе — ван *Мимир* противостоит асам во главе с *Одином*, впоследствии его *голова* сторожит *источник, дающий знания* и выступает *мудрым советчиком* Одина. В ведийском варианте — *мудрец Дадхьянч* противопоставлен *Индре*, теряет *голову* (хоть и не совсем свою) за то, что открывает сведения о *меде мудрости*. Скажу больше: исходную структуру мифа сохраняет и сказание о смерти Иоанна Предтечи, выросшее на основе легенды об Орфее. Разве что ситуация разворачивается в более приземленных декорациях — не в мире Богов, а «всего лишь» при царском дворе. Божий человек и мудрец Иоанн гибнет в противостоянии с властью преобладающими (царь Ирод и его новая супруга), лишаясь головы, причем голове искалывают булавкой язык, что отсылает нас не только к теме пророчеств, изрекаемых святой мертвой головой мифа, но и к образу субстанции, дарующей мудрость — питью/меду. Мед, как видим, вообще играет большую роль в мифе. Индра–Громовержец обучает Дадхьянча «медовой мудрости». Аристей, Бог пчел и меда, считался учеником Орфея (и в итоге по его вине Орфей должен был посетить царство мертвых¹⁵⁰). Один–Громовержец сам добывал знаменитейший «мед поэзии», дарующий поэтическое наитие, что был приготовлен цвергами из крови мудреца (!) Квасира. Мед довелось упомянуть даже Элиану — как средство,

¹⁴⁹ Как тут не вспомнить о священном напитке Диониса, также дарующим своеобразную мудрость, — вине. *Ev oino altheia*, как говорится. Ну, или *in vino veritas*, если так понятнее.

¹⁵⁰ По версии Вергилия, Аристей домогался Эвридики, и она, спасаясь от него бегством, наступила на ядовитую змею: *«Ибо, когда от тебя убежала, чтоб кинуться в реку, // Женищина эта, на смерть обреченная, не увидала // В гущи травы, возле ног, огромной змеи прибережной»* (Вергилий. Георгики. IV. 457–459).

при помощи которого Клеомен сохраняет голову друга. При этом мед как нельзя лучше подходит и к теме мертвой головы: медовая сыта — традиционное русское поминальное блюдо¹⁵¹, в мире мертвых текут медовые реки¹⁵², а в снотолкованиях мед и вовсе обозначает смерть¹⁵³. Можно думать, что, проводя обряд ворожбы с мертвой головой, когда от нее ожидали пророчеств, использовался мед — простой, дабы «умаслить» голову жертвенным даром, и хмельной, дабы по принятию его войти в состояние транса, когда пророчества нисходят сами. Если уж Орфей — родоначальник мистерий, то экстатическое радение, шаманское исступление или просто ИСС, вполне увязывается с поклонением его голове. Это не только ученое предположение, но и магическое предложение...

Впрочем, мы отвлеклись. Голова Орфея пророчит в реальности, голова Мимира дает мудрые советы в мифе (голова Архонида «участвует» в совещаниях), поддельная голова Дадхьянча вообще не издает ни звука. Первые две — в тему этой главы, а третья — вроде как нет. Но можно найти любопытную зацепку-параллель, когда для предсказания судьбы используется лошадиный череп. *«Кладут лошадиную голову посреди дороги и четыре ноги лошадиных по полозьям той дороги, по которой поедет свадьба. Если сани переедут ноги, не скинув их с полозьев, и лошадь вступит на голову — хорошо будут жить; если ноги раскинутся санями в разные стороны дороги и лошадь перешагнет голову — скоро разойдутся»*¹⁵⁴. Параллель не разрешает вопроса с головой Дадхьяча, — да и есть ли он, этот вопрос? — но она развивает тему главы, раскрывает ее даже шире, чем можно было загадывать. Нет ни пророчества, ни даже голоса мертвой головы, но она, тем не менее, дает знак, она всё одно предвещает грядущее. В молчании череп дает знать, — не языком,

¹⁵¹ На Фоминой неделе *«крестьяне ходят на кладбища и поливают могилы родичей медом и вином»* (Афанасьев 1, С. 378). Традиционное поминальное блюдо «канун» («сыту») готовили из меда, разведенного водой, в которую добавляется наломанная выпечка или белый хлеб, мак; ели канун, чтоб умершему «было сладко на Том Свете».

¹⁵² *«У нас-то в раю медяная река. // Медяная река, сахарные берега...»* (Стихи духовные, С. 198).

¹⁵³ *«Мед — смерть»* (БНС, С. 83), *«Якщо снится мед — на вмируще»* (Дмитренко, С. 116).

¹⁵⁴ *Смирнов В.* Гадания русской деревни // Народные гадания. — М.: Олма-Пресс, 1999, № 25.

которого просто нет, но своим присутствием, чем-то, что вокруг него происходит... Можно задаться вопросом: почему мертвая голова вещает правду, почему ей известно будущее? На первый вопрос ответить легко. Вам же знакомо выражение «голая правда»? Правда, не прикрытая покровами лжи. Если мертвая голова — это изначально череп, то он как раз лишен всяческих покровов, как физически (плоти), так и иносказательно. У мертвой головы нет никаких собственных целей, нет желаний, ей незачем обманывать, и поэтому она гола и пуста во всех смыслах. А по поводу второго вопроса... Голова эта обращена в мир мертвых. Она физически здесь, перед нами, но фактически относится к миру мертвых, ее глаза смотрят отсюда — туда. У нее нет жизни, и посему она идеальный проводник предвестий неотвратимой судьбы, что куется—выжется где-то там, за границами нашего мира. О месте, где происходит ворожба на черепе, вполне можно сказать: *Hic locus est, ubi mors gaudet succurrere vitae*¹⁵⁵. То, что изрекает голова, так же верно, как верно утверждение, что мертвые не лгут. Посмотрите, как скоро и неизбежно сбывается предсказание судьбы Буслаева. Раз, и богатыря уже нет.

О происхождении образа усеченной головы Иоанна от мифа про голову Орфея выше уже говорилось. В разделе о голове поэта, пользуясь данной связью, рассмотрим пример с говорящей головой легендарного мудреца из семитов. В оригинальном тексте — насколько можно считать оригинальным заимствование — ничего о таких способностях головы Иоанна не говорилось. Она просто молча лежит на блюде, нагнетая в сцену драматизма, прошибающего до слез впечатлительных женщин. Но отечественный фольклор не мог пройти мимо такой удобной заготовки, хорошо вписывающейся в известные образы мертвых голов. В итоге Иоанн тоже обрел голос. В заговоре от лихорадки его голова проклиная виновницу болезни, персонифицированную Лихорадку, ассоциирующуюся в народном сознании с дочерью Ирода. *«Ты, лихорадка, с...а дочка, Ирадыва ты дочь, пугубила Придтечу Ивана чириз сваю пляску, — зрубили яму голыву: но тябе святая галава праклила и наслала питатца кала лесу, кала кустоу, кала лошади, кала живы и капытоу... Ты ступай, лихорадка, ат (имярека), — я тябе высылаю праклятую — ступай ты ни путями, ни дарогами — усе махами и патоками, да кривыми згородами — на лясы на дрямучии, — там ты живы-паживай, да*

¹⁵⁵ Вот место, где смерть охотно помогает жизни (лат.).

назад ни бувай. Питайся ты камарами и машикарою, а только (имярека) астау» (Ветухов, С. 168).

Коптская икона с изображением Иоанна и его усекновенной головы

Сама идея текста ясна и традиционна: знахарь выгоняет демона хвори из тела больного в предельно дальние края, собственно — в потусторонний мир, откуда демон и явился. Обычно это выглядит так: «Ссылаю и посылаю вас в землю пусту, безконечную» (Ветухов, С. 352), «отступись /.../ в темные леса, где люди не ходят, и кони не бродят, и птица не летает» (Майков, № 207), «дзе сонце не всходзиць, дзе мир божий не ходзиць», «певни ня пяюць, вавки ня выюць» (Полесские, № 168). В нашем тексте суровая потусторонняя реальность сведена к минимуму, к едва опознаваемым деталям. Любопытно другое. Святой... и вдруг проклинаят? Что ж, фольклор знает, о чем повествует. Описывая эту ситуацию, знахарь укрепляет свои позиции, ибо апеллирует к давнему мифическому событию — демона уже некогда проклял и укоротил некто более могущественный, чем сам знахарь. Проклятье, высказанное уже за порогом смерти, несомненно, самое действенное. К этому-то примеру он и обращается, говоря, по сути, примерно то же, что и в заговорах, вызывающих к

помощи высших сил по формуле «не я делаю то-то, то-то делает N (Бог / святой / могучий муж)». В нашем случае этой высшей силой оказывается «святая галава».

Богатырь

История новгородского ушкуйника, — разумеется, история былинная, — хорошо известна. Вдоволь покуролесив в Новгороде и на реках, он задумывает вместе со своей ватагой посетить Иерусалим, замолить грехи. Такова христианская версия событий, каковая не могла быть изначальной. Дело в том, что, прибыв на место, богатырь не ищет там церквей и «гробов господних», но практически сразу обнаруживает там языческую святыню — бел-горюч камень Алатырь. Сердце Миров.

*И поехали на славу на Фавор гору,
Ко тому ко камению ко Латырю.*

(НБ, № 20)

Ни о каком покаянии более речи не идет. Василий, чувствуя в себе изрядно силушки, затеял через тот камень прыжки на победителя, к чему принудил и соватажников. Проигравшим оказался как раз атаман... Но еще до того, как камень Алатырь стал ему, образно выражаясь, надгробным камнем, Буслаев имел встречу с мертвой головой, которая не то чтоб предостерегла его, но скорее предсказала такой исход в самом ближайшем будущем. Диалога могло и не состояться, но Буслаев вынудил мертвую голову заговорить, так как пнул ее, предаваясь бахвальству своей вседозволенности и безнаказанности. Одними пинками, впрочем, дело не ограничилось. Богатырь, похоже, применил чуть ли не все возможные средства, за исключением самых уж низменных, чтобы осквернить память мертвеца.

*И пошли-де на гору Сарацынскую...
И лежит голова богатырская.
И идет-де ведь Васька — голову попиныват.*

*Стал по горам Вася погуливать —
Да нашол голову костощёную,
Костощёную голову человеческу.*

(Былины 4, № 186, 188)

*Будет Василей в полугоре,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова — человечья кость.
Пнул Василей тою голову с дороги прочь.*

(КД, С. 93)

*Ф полгоры лёжыт голова да богатырская,
Ф толщину голова да как пивной котёл.
Да тут—де Василей сын Бруславлевиць
Да он как нацял головушку попинывать,
Он попинывать, головушку побрасывать.*

(Григорьев, № 378)

*Увидел Васильюшка Буславьевич
Лежащую кость богатырскую,
И начал Васильюшка Буславьевич
Кость богатырскую попинывать,
Плеткой шелковою похлестывать.*

(НБ, № 20)

*Как приходит молодой Василий сын Буславьевич,
Лежит—то тут уж как ведь на чистом поли
Пустая голова человеческая.
Как тут этот Василий сын Буславьевич
Скоро к головы он подскакивал,
А своим—то он чоботом подфатывал,
Пнул он эту голову Васильюшко.
Как улетела голова тут по подблачью,
Пала голова тут на сыру землю.*

(НБ, № 5)

Любопытно, что голов может быть множество, новгородец словно забредает на поле битвы или на богатырское кладбище:

*Он стаў по бярэжку похаживать,
Он богатырские головушки потинывать.
— Не пинай—ко да ты, Василей Буславьевичь.*

(НБ, № 12)

*А тут одна ему косточка сказала ему:
«...А уж будёш лёжат дак с нами по ряду».*

(Былины 5, № 340)

Оскорбление тем хуже, что Буслаев тревожит покой умершего еще и своими неуместными, неоправданными расспросами и угрозами:

*Увидел же Васинька — лежит голова человеческа,
Он стросью голову поколачивал,
Сам у головы спрашивал:
«Ой ты ой еси, голова мертвецкая!
Если ты руська глава, я тебя погребу,
А неверна глава, так прокляну!»*

(Былины 2, № 243)

*Как берёт-то Василей свою тростоцькю,
Как колотит-то голову он чоловецку:
«Уж ты ой есь, голова — чья, — чоловецка?»*

(Былины 2, № 245)

Тут и происходит чудо чудное, мертвая голова вдруг подает голос:

Провецится пуста голова...

(КД, С. 97)

Говорыт тут голова дак богатырьская...

(Григорьев, № 307)

*Да говорит голова да богатырьская,
Говорит голова да таково слово...*

(Григорьев, № 378)

*Протащицалась голова человеческа
Русским языком чловецеским,
Громкой говорой богатырьской...*

(НБ, № 24)

Васильев К. Василий Буслав, 1974

Оскорбленная голова поясняет неправому, что за обиду он ей нанес:

*Сама она ему тут воспроецила:
— Да ах же ты Василий сын Буславъевич!
Почему ж меня заразил топерь?
Лежала голова я ведь тридцать лет,
Да никто-то меня ведь не пинывал,
Да никто же как меня тут не ранивал,
Как ты-то ведь уж нунь пинул, заразил меня.
Как будешь ты гулять во чистом поли,
А не забудь-ко ты этого помистыица,
Пойдешь сюды да ты назад обратно бы,
Посмотри ты на меня на несчастну головушку.*

(НБ, № 5)

Поясняет неразумному новгородцу и то, что она принадлежала богатырю не хуже, а скорее даже лучше самого Буслаева, да только Василий тому не верит и продолжает пинать череп:

*Говорит тут голова дак богатырьская:
«Уш ты ой еси, Василей и сын ты Буславъевичь!
Не тинай голову ты; не ругайсе же:
Иише был я богатырь-от — не твоя чета,
Не твоя был чета я, не твоя верста, —*

*...
Иише етому Василей-от не поваровал:
Он идёт, голову пуише попиныват.*

(Григорьев, № 307)

Тут-то и звучит зловещее пророчество мертвой головы:

*А не перескоцить тебе будет через Латынь-камень:
Ты первой-от раз, Василей Богославъевич,
Перескоцишь через камень во первой након,
Перескоцишь через камень во второй након;
Не перескоцить тебе накону третьёго, —
Ты убьесьсе, Васильюшко, о этот камешок.*

(Марков, № 52)

И тебе будет лежати тут, Васильюшко.

(Астахова, № 87)

*Говорит глава да человеческа:
«Я лежу подле правый бок камешка,
А ты ляжешь под левой бок».*

(Былины 2, № 247)

Тебе со мной лежать во товарицах.

(НБ, № 7)

Похожая история записана у сербов: «Говорят, будто какой-то царь во время охоты наехал на мертвую человеческую голову, переехал ее на своем коне, а голова ему и говорит: «Что топчешь меня, ведь я и отомстить сумею» (Караджич, С. 432). Впрочем, месть головы

свершается отнюдь не так, как предсказание из былины. Но вернемся к Буслаеву. Василий недоумевает, как может разговаривать череп, и исходит из предположения, что это действует вселившийся в него нечистый дух.

*Плюнул Василей, прочь пошел:
«Али, голова, в тебе враг говорит
Или нечистой дух!»*

(КД, С. 93)

*Он тнул ей, Василей, во второй раз:
«Ужли, голова, в тебе враг мутит?
В тебе враг—от мутит, да в тебе бес говорит?»*

(Былины 2, № 244)

*Тут Василий с головой оспорывал:
— Ты сама говоришь или бес мутит?*

(НБ, № 24)

Непонравившееся ему мрачное пророчество новгородец пытается объявить пустяком, или, хотя бы обратиться к мертвую голову обратно. Для верности он еще и сплевывает.

*Говорит тут Василей таковы слова:
«Ай ты крепко спишь — тебе всё во снях видитце!»*

(Марков, № 52)

*Он ведь плюнул—то, Василей, сам чураецца:
«Сибе ты спала, да сибе видела!»*

(Былины 2, № 244)

*Плюнул Васильюшко, да прочь пошел.
— Сама спала, себи сон видела.*

(НБ, № 7)

Один из вариантов былины из осторожного плеванья делает дополнительное оскорбление Буслаевым мертвой головы:

*Плюнул Васильюшка Буславьевич
На тую на кость на богатырскую,
А сам говорил таковы слова:
— Сама ты себе спала, себе сон видела!*

(НБ, № 20)

Да вот только номер с обережем у богатыря не проходит, голова с достоинством возвращает магическую формулу обратно Буслаеву:

*Говорит тут Василий Буслаевич:
«Ты себе бы спала, да себе видела!»
Говорит голова человеческа:
«Я себе спала, да Ваське видела!»
Плюнул Васька ей, да оттуль прочь пошел.*

(Былины 2, № 243)

*Говорит голова—то человеческа:
«Не враг—от мутит, мне не бес говорит,
Я себе—то спала, да тебе видела:
Лежать тебе, Василью, со мной в едином гробу,
Во едином гробу, да по праву руку!»*

(Былины 2, № 244)

Но пророчество просто—напросто проходит мимо ушей Буслаева, происшествие он склонен списать на обычную среди богатырей перепалку, и неотвратимо идет на встречу гибели:

*Говорит тут Василей сын Бруславлевичь:
«Да уи вы ой еси, дружья—братья—товарищи!
Мы фперёт или, з головушкой россорились;
Да, видно, нать нам з головушкой поладицьсэ.
Вы дёржите на горы Сорокинские!»*

(Григорьев, № 378)

Гибель Буслаева обусловлена не столько оскорблением им вещей головы, сколько покушением на святыню. Он нарушает все мыслимые и немыслимые нормы и за это получает по заслугам. Смерть обыгрывается: оскорбив богатырскую голову, богатырь

Буслав разбивает свою голову о голый камень, который в народе ассоциируется опять же с богатырской головой.

*Он и стаў жо да Василей Буславьевиць
На камешек да он поскакивать.
Он сзади скочил
Да он и сииб свою буйну голову.*

(НБ, № 12)

*А скочил на усок посередочки:
Права нога да прокатилася,
Его у молодца сметочка побилося,
Ударился о камешек своей буйной главой,
А тут Чурилке смерть и случилася.*

(Былины 2, № 247)

Предсказание головы сбывается полностью. Как она сказала, так и происходит:

*Да уш ты ой еси, Василей сын Бруславлевиць!
Да уш ты будёш лёжать да со мной поряду!*

(Григорьев, № 378)

*Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове!».*

...

*Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.*

(КД, С. 97)

Об этом успевает попросить непосредственно перед смертью и сам Василий:

*Поворотитце у Василья ицз язык в голове:
«Вы ой, моя дружинишка хороброя!
Уж вы сделайте гроб да белодубовой,
Найдите суху кось человеческу,
Положите-тко кось со мной в единой гроб,
В единой-от гроб, да по праву руку!»*

*Они сделали гроб да белодубовой,
Нашли кость, голову человеческу,
Завертели во камоцьку белу-хрущату,
Положили их да во белой гроб,
Закрыли-то их да гробовой доской.
Копали могилу им глубокую,
Спускали в могилу во глубокую,
Засыпали желтым песком сыпучим,
Поставили во резвы ноги им чуден крест,
На кресте подписали подпись книжную:
«Лежат два удала добра молодца,
Два сильни могуци руськи богатыря:
Да один-от Василей сын Игнатъевич,
Другой-от Василей сын Буслаевич,
Их убила сарочина долгополая
Да та же ли чудь да двоеглазая».*

(Былины 2, № 244)

Вряд ли случайно и то, что богатыри оказались тезками:

*— Ты, Вася, меня не попинывай,
Ты, Василий, меня не пошевеливай,
Я ведь голова была не хуже тебя,
Тот же Василий, сын Хлебович
Из того же из Нового города...*

(НБ, № 24)

Только один из вариантов былины описывает другую последовательность событий. Сказитель явно пытается выгородить богатыря, придать иную окраску его эксцентрической выходке:

*Приезжала ведь Василей на Полонь-гору,
Да там лежит голова да целовецеска,
Да говорит она Васелью таковы слова:
— Уж ты ай же, Василей сын Буслафьевич,
Ты приехал сюда вот не зачем-то,
Кто приезживал — да не уезживал,
А не уехать тебе да добру молодцу!
Рассердил(ы)се Василей сын Буслафьевичь*

*Да уж как пнул Василей в эту голову,
Да покатилаь голова да целовецеска...*

(НБ, № 9)

И еще один из сказателей, словно выгораживая на этот раз уже голову, описывает пророчество как изначальное знание, ведомое мертвой голове, которое она выдает независимо от поведения новгородца:

*Умею на горах лежать уже тридцетъ лет,
Да всё про тебя, Вася, видится,
Да всё про тебя, Вася, грезится,
Да будешь лежать со мной во товарищах.*

(НБ, № 24)

Ее сон, тот самый, на который Буслаев пытается списать пророчество как на нечто пустое, оказывается даже не просто вещим сном, но скорее вещим видением, простертым на много лет погруженности мертвой головы в сонное небытие. Голова знает будущее и может о нем поведать. Из былинных текстов это следует со всей определенностью.

В отечественных героических мифах даром слова обладает и еще одна мертвая богатырская голова, которую встречает богатырь Еруслан Лазаревич. *«Вот и едет Еруслан Лазаревич и глядит, лежит голова пребольша-больша и тулово в стороны /.../. Ну Еруслан Лазаревич поглядел и ничего не сказал, поехал вперед. И вдруг голова заговорила: «Что, мне сказали, что Еруслан Лазаревич покорный да поклонный, а он мимо едет да не хочет шапки скинуть да и головы скривить. И я не хуже тебя, а лежу, вот и тебе придется, как и мне лежать»* (Поморье, № 15). Помимо речи, как видим, проскальзывает и завуалированное пророчество, но, скорее всего, это заимствование из текстов о смерти Василия Буслаева. Более подробно этот сюжет мы разберем в следующей главе, потому как роль этой мертвой головы отнюдь не в предсказании судьбы богатырю.

Ворожба

На Востоке гадали при помощи настоящей мертвой головы, что, вероятно, и послужило толчком для выдумки Хасана ибн-Саббаха, о которой мы поговорим чуть дальше. *«Также в области Бехкавад, в*

селении по имени Шатру, были пойманы манихеи, ибо говорили, что в начале года они заключали в дом человека, под землей. Они кормили его весь год всем, что он сам желал, а затем убивали его в жертву демонам. И весь год гадали и волховали с его головой» (Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов. 22). Манихеи, о которых в примере идет речь, исповедовали довольно странное смешение местных религий и, будучи всеми гонимы, представляли собой замкнутое общество, по сути, секту. Так что не удивительно, что им приписывали тайные знания, включая упомянутое гадание. К. Юнг пересказывает фрагмент харранитской книги Ghaya al-hakim, согласно которой «в качестве будущей жертвы харраниты намечали светловолосого человека с темно-голубыми глазами. Его заманивали в некий храмовый чертог, где погружали в чан, наполненный сезамовым маслом. Выбраться из сосуда он не мог, лишь голова его торчала над поверхностью. В таком положении он оставался сорок дней, получая все это время в пищу лишь смоченные в сезамовом масле смоквы. Воды ему не давали ни капли. В результате подобного обращения тело жертвы истощалось до предела и становилось мягким как воск. Пленника часто окуривали благовониями, произносили над ним всевозможные магические заклинания. Дело кончалось тем, что пленнику, чье тело по-прежнему оставалось погруженным в чан с маслом, отрывали голову у первого шейного позвонка. Затем голову, обернув хлопчатобумажной тканью, выставляли в специальную нишу на кучку пепла от сожженных олив. Ее снова окуривали благовониями, после чего голова могла якобы предсказывать засухи и урожаи, смену династий и иные грядущие события. Глаза ее будто бы могли видеть, только вот веки большие не двигались. Голова открывала им даже самые сокровенные их мысли»¹⁵⁶.

Евреи почитали терафимы – изображения домашних Богов, и этим же словом в более позднее время именовали волшебную говорящую голову. Согласно К. Юнгу, «гипотеза о том, что то были именно головы, опирается на 1 Цар. 19, 13, где описывается, как Мелхола, жена Давида, положила терафима в постель мужа, чтобы обмануть посланцев Саула: «Мелхола же взяла статую и положила на постель, а в изголовье ее положила козью кожу и покрыла одеждою». Выражение, переведенное словами «козья кожа», с

¹⁵⁶ Юнг К.Г. Магические свойства головы и черепа человека (Из статьи «Символ превращения в мессе») // Юнг К.Г. Ответ Иову. — М., 1995.

языковой точки зрения темное: оно даже дало повод истолковать терафимов как «козлов»! Но речь тут идет, скорее всего, о какой-то плетенке из козьего волоса, наподобие парика: это лучше согласуется с картиной покоящегося на постели человека»¹⁵⁷. На то, что терафимы использовали в качестве оракулов, говорит ветхозаветный текст, эту практику в монотеистическом гневе порицающий: «Ибо терафимы говорят пустое» (Зах. 10:2). В собрание мидрашей XII века приведена легенда, перепечатанная в Die Sagen der Juden M. И. Бен-Гуриона, о том, как подобный предмет изготавливался: «Терафимы были идолами, а делались они так. У человека, который должен был стать первенцем, отрубали голову и вырывали на ней все волосы. Затем голову посыпали солью и помазывали елеем. После этого брали небольшую медную или золотую табличку, запечатлевали на ней имя идола и клали отрубленной голове под язык. Голову выставляли в специальном покое, возжигали перед ней свечи и поклонялись ей. И если кто-либо падал перед ней на колени, голова, случалось, начинала вещать и отвечала на все задаваемые ей вопросы»¹⁵⁸.

На Западе есть свой вариант подобной ворожбы, точнее — легенды о ней. В «Сказании бардов о ТадхгДалл О х'Уигинн» (конец XVI в.) рассказывается о схватке Нехтана и Мак-Кехта. Нехтана убивают, отрезают голову и бросают ее в колодец, а тело выбрасывают в соседнюю реку. Со временем эта легенда дополнилась рассказом о том, как тело Нехтана всякий раз в полнолуние выходит ночью из реки, чтобы найти свою голову, призывая ее со дна колодца. Люди начали приходить к колодцу, чтобы послушать, что скажет

¹⁵⁷ Юнг К.Г. Магические свойства головы и черепа человека...

¹⁵⁸ Юнг К.Г. Магические свойства головы и черепа человека... Все это любопытно сравнить с вудуистской практикой создания головы Эшу Элегба (Папы Легба). «Эшу Элегба» поселяют в природный камень (или кокос). Берут овальной формы камень средних размеров, сверлят его на 5 см в глубину и помечают места для крепежа ракушек каури, обозначающих глаза и рот. Далее готовят состав «Омиеро»: вода, кокосовое молоко и травы (еве), принадлежащие Элегба. Камень вымыть в составе и оставить в нем на сутки. На следующий день готовят подношения для Эшу Элегба и крепят ему глаза и рот, помещают в просверленное отверстие куски минералов и кокоса, отверстие цементируют, а голову духа поливают кровью цыпленка. Голову поселяют в углу жилья или в шкафу. Она охраняет дом и помогает советами. Семиты и хамиты...

голова, а также задать ей свои вопросы. Вероятно, речь идет о колодце св. Сенана (Дунас, графство Клэр, Ирландия). В названии некоторых колодцев содержится слово «голова», как, например, Tobar na Ceann, «Колодец головы», на Внешних Гебридских островах.

В книге Фериллт (якобы произведение Мерлина), оригинала которой никто не видел, что заставляет усомниться в ее подлинности, описан ритуал, в ходе которого из свежего дуба вручную вырезается небольшое подобие головы. Затем в полнолуние голову следовало бросить в старый колодец, произнося следующее:

Гуилис И! Гуилис О!

Гуилис И! Гуилис О!

Гуилис И! Гуилис О!

Голос Нехтана, голос головы!

Голос Нехтана, я зову тебя в печали,

Голос Нехтана, я зову тебя из холода,

Голос Нехтана, я зову тебя из вод,

Из глубин я зову тебя!

Голос Нехтана, голос головы!

Гуилис И! Гуилис О!

Гуилис И! Гуилис О!

Гуилис И! Гуилис О!

Если все сделано правильно, то можно услышать доносящийся из колодца шепот. Можно задать три вопроса, после чего в колодец надлежало возлить немного красного вина в дар духам. В целом ритуал вполне переключается с традицией гадать у колодца (шире — с подобием колодца и у воды вообще) множеством разных способов, а также с преданием о вещи голове Нехтана, брошенной в колодец, и мифом о голове Мимира, которую Один поместил у источника мудрости.

В «Баудалино» Умберто Эко рассказано о гадании императора Андроника (1183—1185):

«Из-за левой части иконостаса в круглую крипту вступил Зосима, окутанный мантией вроде хламиды Рабби Соломона. Баудалино так зашелся от злости, что чуть не выскочил на свет — ухватить мерзопакостного лгуна. Монах раболепно изгибался перед следовавшим за ним мужчиной в роскошном платье, при двух светских сопровождающих, и было ясно, что это и есть Андроник.

Василевс остолбенел от зрелища, замер, затем перекрестился с чувством на золотые иконы.

Спросил у Зосимы: — Зачем ты привел меня в эту крипту? — Владыка, — ответил Зосима, — мы здесь потому, что подлинная гидромантия возможна только на святом месте. Нигде кроме как в церкви не осуществимо прямое сообщение с загробным миром. — Я не труслив, — продолжил василевс и снова перекрестился. — Но ты-то, ты-то как не страшишься вызывать усопших? Хвастливый ответ: — Владыка, стоит мне вознести к небу руки, и из десятка тысяч константинопольских гробов восстанут спящие и лягут под мои стопы. Но я не вижу нужды в оживлении этих трупов. Тут есть чудодейственный предмет. Я его использую для самого быстрого вызова потусторонних духов. Зосима зажег головню от факела и приблизил к закраине лохани. Масло в лохани запылало, обняло воду огненным венцом, заблестало языками. — Я пока ничего не вижу. — Василеве склонился над плоским сосудом. — Спроси у своей воды. Кто готовится занять мое место. В городе неспокойно. Я хочу знать, кого надо уничтожить, чтоб не страшишься.

Зосима приблизился к колонне с красным покровом, театрально снял ткань и поднес Андронику на ладонях нечто круглое. Наши друзья не могли разглядеть, что там такое. Но было видно: монарх затрясся и отстранился. Видимо, картина оказалась невыносимой. — Нет, нет, — вскричал он. — Только не надо! Когда ты выпрашивал для своих обрядов... Я ее дал, но не думал, что ты станешь воскрешать... Не согласен! Зосима поднял трофей высоко в воздух, представляя некоему воображаемому суду как дароносицу, поворачивая по очереди ко всем сторонам подвала. Тот шар был детской головой. Голову еще не затронуло тление, будто ее только что отсекли от тела: глаза закрыты, раздуты ноздри заостренного носика, полуоткрытые губы открывают два неповрежденных ряда детских зубов. При неподвижности это лицо странно полнилось жизнью. Особую торжественность придавал равномерный золотой цвет, разлитый на смертной маске, сияющей в лучах пламен, к которым Зосима приближал ладони. — Необходима голова твоего племянника Алексея, — сказал Зосима василевсу, — чтобы совершился обряд. Алексей был связан с тобой узами крови, через его посредничество ты можешь общаться с теми, кого нет. — И он медленно погрузил в глубь влаги ужасную ношу. Андроник наклонился сколько позволил пылающий круг. — Вода затуманилась, — выдохнул

он. — Вода обрела в Алексее потребный земной элемент и его допрашивает, — пояснил Зосима. — Подождем, пока муть разойдется. Другим было не видно, что происходило на дне лохани. Видимо, жидкость снова приобрела прозрачность и явила лицо василевса-ребенка. — Силы Ада! Он обрел живой вид — бормотал Андроник. — и читаются какие-то буквы на лбу, вот и чудо... Йота, Сипла... Не требовалось быть гидромантом, чтоб догадаться, как это было подстроено. Зосима, получив голову мальчика-императора, вырезал у него на лбу две буквы и позолотил все лицо водорастворимой краской. Позолота в воде разошлась. Злосчастный мученик внушал тому, кто подослал к нему губителей, то, что было выгодно или Зосиме, или Зосимовым подговорщикам. Андроник действительно не переставал повторять: «Йота, Сигма, Ис... Ис...» Он привстал, накручивая бороду на пальцы, глаза метали молнии, голова в наклоне, казалось, лопалась от мыслей. Затем вздыбился, как ярый конь. — Исаак! — прокричал он, еле сдерживаясь. — Враг — Исаак Комни! Что он задумывает на Кипре? Я направлю на Кипр флот, задавлю гадючину в логове!»

Некромантия, как ни крути. Вот только жаль, это красивая история, выдуманная автором. В оригинальных источниках предсказание описано куда как менее готично:

«Андроник, оставив на этот раз астрологию, как вещь довольно обыкновенную, и которая не так ясно указывает на то, что будет, всецело предался тем, которые предсказывают будущее по мутной воде, как будто бы видят в ней какие-то солнечные лучи, представляющие образы будущих вещей. Впрочем, сам он отказался присутствовать при этих гаданиях, опасаясь, как думаю, болтливой молвы, которая видит и то, что совершается втайне, и всем об этом разглашает. Это грязное дело он поручил Агиохристофориту Стефану, о котором мы уже не раз упоминали. Стефан обращается к Сифу, который с молодых лет занимался подобными делами и за то, как мы уже сказали, был ослеплен по повелению царя Мануила. При его посредстве, он известным способом, о котором мне неприятно ни знать, ни говорить и о котором любопытные могут узнать от других, предлагает вопрос, кто будет царствовать по смерти Андроника или кто похитит у него власть. Злой дух отвечает или, лучше, едва заметно, как на воде, и притом мутной, начертывает не целое имя, а несколько букв, по которым можно догадываться об имени Исаак, именно: сначала показывает сигму в

виде полулуны, а потом присоединяет к ней йоту, чтобы сделать через то прорицание неясным и только как бы очерком будущего. Или, лучше сказать, чего вполне не знал этот ночной, крайне лукавый демон, то он затемнял неясностью, чтобы не быть обличенным во лжи. Оттого-то и Андроник, услышав об этом, полагал, что те буквы означают исаврянина, и утверждал, что это Исаак Комнин, который силой овладел Кипром и на которого Андроник постоянно смотрел с подозрением как на преемника своей власти. /.../ Подивившись предсказанию, Андроник сказал: «Спроси не только о преемнике, но предложи вопрос и о времени». Когда сделан был вопрос и о времени, воздушный и любящий землю дух, вызванный заклинаниями, которых не следует приводить, с шумом спустившись в воду, отвечал, что то будет в дни Воздвижения Креста. А это происходило в начале сентября. Услышав ответ и на второй вопрос, Андроник с неприятным, ложным и явно сардоническим смехом сказал: «Пустой это оракул; как возможно, чтобы Исаак успел приплыть из Кипра в эти немногие дни и низложить меня с престола?» и на слова предсказания не обратил никакого внимания» (Никита Хониат. История. Царствование Андроника Комнина. 2. 9). Но дух указывал на другого Исаака — Ангела, вскоре ставшего следующим императором.

Механика

Изготовление деревянных и металлических подобий почтаемых мертвых голов не могло не привести к определенной механизации их. Дело оставалось за малым — сделать так, чтобы голова заговорила.

По словам К. Юнга, «первоначально терафимы представляли собой либо отрубленные человеческие головы (череп), либо их искусственные подделки»¹⁵⁹. Такую голову — терафим — как утверждают легенды, сделал из меди или золота знаменитый Герберт Реймский (946–1003). Вариант: ему привезли ее откуда-то с востока. Она могла отвечать на вопросы только «да» и «нет», но этого ее создателю хватило, чтобы суметь стать папой римским под именем Сильвестра II. Терафим также предсказал Герберту, что смерть ожидает его, если он будет в Иерусалиме: «Ведь он был предан

¹⁵⁹ Юнг К.Г. Магические свойства головы и черепа человека (Из статьи «Символ превращения в мессе») // Юнг К.Г. Ответ Иову. — М., 1995.

кощунственной магии и спрашивал у бронзовой головы, когда он умрет. И ответ был: «Когда ты должен будешь праздновать мессу в Иерусалиме»» (Вильям Ньюбургский. История Англии. V. 6). Папа Сильвестр с той поры и не помышлял ни о каком паломничестве на восток, но, как это сплошь и рядом бывало с героями античных легенд, напрасно он мыслил перехитрить судьбу. Ему довелось служить мессе в церкви св. Марии Иерусалимской, называемой в простом народе «Иерусалимом», и когда папа узнал о том, то ему тотчас сделалось дурно. Призвав к себе кардиналов, Сильвестр рассказал им о своей тайне и попросил их разрубить его тело на части, чтобы его не разорвал дьявол. Куски эти следовало разбросать по римским колодцам. По другой версии, его разорвали в клочья разгневанные кардиналы, выбросив останки папы на съедение псам. Еще одна версия утверждает, что дьявол до него все же добрался, прямо во время мессы растерзав на куски. Пророчащую голову, опять же по слухам, немедля уничтожили. По словам Е. Блаватской, «Сильвестр II был публично обвинен в колдовстве кардиналом Бенно в связи со своей книгой «Бронзовая голова оракула». Не знаю даже, как относиться к сведениям из подобного источника...

Вильям Ньюбургский, помимо истории Герберта, приводит еще один схожий случай, причем используемая для предсказания голова также может оказаться ненастоящей: «Пусть в этом месте мне позволят рассказать о том, что случилось со Стефаном, губернатором Анжу, незадолго до возвращения короля из Германии. /.../ желая полностью удостовериться, что государь никогда не вернется в свою страну, он, при посредничестве одного близкого друга, обратился за советом на этот счет к одному человеку из Толедо, который был известен в странных искусствах, и дал ему награду за предсказание. Предсказатель принял в тайном месте человека, которого намеревался обмануть, **показал ему некую голову**, и когда он к нему обратился, сказал: «Спрашивай у этой головы, но будь немногословен и краток, поскольку на длинную речь и на многие слова она не дает ответа». Тогда Стефан сказал: «Увижу ли я короля Ричарда?», и из головы злой дух ответил — «Нет». Затем он спросил: «Как долго продлится мое правление, что я получил от короля?» Дух ответил: «До твоей смерти». В третий раз он спросил, где он умрет, и ответ был: «In pluita». Ему не позволено было спрашивать далее, но будучи отпущен волшебником, он ушел от него с радостью, для того, чтобы в должное время убедиться в лживости

вызванного им демона. После этого он приказал своим слугам предпринимать всяческую предосторожность, и никогда и ни при каких обстоятельствах не носить около него, или в любом месте под ним, ничего сделанного из перьев, поскольку предсказание обещало ему очень долгую жизнь до тех пор, пока он не умрет «in pluma», то есть среди перьев» (Вильям Ньюбургский. История Англии. V. 6). Замок, в котором его убили, назывался Pluma...

После Сильвестра II в XIII в. «говорящие головы» пытались создавать доминиканец Альберт фон Больштедт и Роджер Бэкон, но об их результатах мне ничего неизвестно. А в 1771 г. Фридрих фон Кнауэ, директор физико-математического кабинета в венском императорском дворце, после многолетней работы сделал четыре головы, воспроизводившие человеческий голос, а также фигуру музыканта, играющего на флажолете, при этом она двигала пальцами, шевелила губами и головой. До робототехники оставалось по историческим меркам всего ничего...

Следующий пример к механике отнести сложно — это скорее типичный фокус, используемый как чудо для обмана верующих. Его если не открыл впервые, то по меньшей мере использовал на полную катушку знаменитый Хасан ибн-Саббах (1051–1124), основатель ордена (или «секты», как угодно) ассасинов, для того чтобы вербовать новых членов. Как рассказывают, в неприступной Аламутской крепости (100 км от Тегерана, высота 2163 над уровнем моря), гнезде Хасана ибн-Саббаха, в полу одного из залов была устроена потайная яма, закрытая большим медным блюдом с вырезанным в середине его отверстием. Когда это было необходимо, в яму прятался один из подручных Хасана ибн-Саббаха, просовывал голову в отверстие, а умельцы наносили на нее грим, дабы всякому казалось, что голова отсечена. В зал проводили неофитов, потом появлялся сам распорядитель церемонии, совершал над «мертвой головой» магические пассы и творил непонятные молитвы. Разумеется, голова вскоре разлепляла очи и начинала говорить. Хасан ибн-Саббах задавал ей вопросы о рае, и голова давала на них такие ответы, от которых головы будущих ассасинов шли кругом. Они убеждались, что жизнь после смерти существует, что рай есть, и он предназначен именно для таких, как они, «воинов Аллаха». Как говорят, на следующий день тому, кто изображал мертвую голову, эту-то самую голову и отрубали, а потом выставляли на всеобщее обозрение перед

вратами крепости, чтобы каждый мог убедиться в правдивости услышанного давеча и в личной честности Хасана иб-Саббаха¹⁶⁰.

По сути, его метод — это продолжение «чудес», известных еще древнеегипетским жрецам, прятавшимися в полых статуях Богов, дабы говорить от их имени. Да и говорящая голова, дело чудо-рук папы-механика Сильвестра II, тоже имела предшественников в Египте — самостоятельно открывающиеся врата, движущиеся руки и головы статуй Богов. Тем более, что изготавливать подобия человеческих голов умельцы научились уже давно: хоть восковые и золотые маски умерших, хоть религиозные и светские скульптурные портреты, хоть врачебные экспонаты¹⁶¹, хоть военные обманки¹⁶². Пьер Монтэ, иронизируя по этому поводу, говорит: *«Некоторые египтологи, очевидно припомнив известную главу из «Дон Кихота», решили, что египетские статуи тоже были подвижными и управлялись жрецами: они не могли говорить, однако могли поднять или опустить руку.*

¹⁶⁰ «Ас-Саббах разнял блюдо на две половины, а под ним оказалось сделанное в земле углубление, в котором сидел «казненный» Джамшид. «Ты сделал все хорошо!» — похвалил его господин и тут же отсек мечом голову. Через несколько минут фedaины, беседовавшие с «ожившей» головой, вновь увидели ее мертвой. Только теперь не на блюде, а на тике. После всего увиденного сомнений в том, что Джамшид находится в аду и сами они будут подвластны Старцу Горы даже в мире ином, у ассасинов не возникало» (Пономарев В. Т. Тайны знаменитых фокусников. — М., 2006).

¹⁶¹ Где черепа были частью скелета вообще. К примеру, образцом подобной работы можно считать посвящение в Аполлону Дельфийскому, сделанное врачом Гиппократом. В храме находилось «медное изображение [человека], у которого уже пропало все мясо и остались одни только кости» (Павсаний. Описание Эллады. X. 2. 4). Ср. также у Петрония: «В это время раб притащил серебряный скелет, так устроенный, что его сгибы и позвонки свободно двигались во все стороны» (Сатирикон. 34).

¹⁶² Лидийский царь Ардис был изгнан из отечества любовником жены его недавно умершего брата, а вскоре любовник подослал к нему наемного убийцу по имени Керс, дав наказ принести голову Ардиса. Керс же, влюбившись в дочь Ардиса, во всем ему признался и предложил убить работодателя при помощи хитрого приема. «Когда Ардис согласился, Керс велел ему остричься, так как тот до сих пор ходил с длинными волосами. Затем Керс смастерил из дерева голову, похожую на голову Ардиса, приделал к ней волосы и отправился в Лидию» (Николай Дамасский. История. VI. 53). Дальше все просто: предложив взглянуть на голову в уединенном месте и без свидетелей, Керс убивает узурпатора и бежит, прихватив его голову. Впрочем, по пути он теряет и свою...

кивнуть головой, открыть и закрыть рот. В Лувре хранится единственный известный нам экземпляр такой «говорящей» статуи. Это голова шакала с нижней подвижной челюстью. Анубис всегда стоял с открытой пастью; если потянуть за веревочку, пасть закрывалась»¹⁶³. Однако Сервантес тут ни при чем, о подобных вещах есть указания и у классиков античности. Движущиеся изображения Богов и обожествленных предков создавали в мистической храмовой обстановке поистине театральные эффекты, иногда полные неподдельного драматизма. Диодор Сицилийский описывает такое изображение Аммона: «Статуя Бога усыпана изумрудами и другими камнями; предсказания он даст совершенно своеобразным способом: статую эту в золотом киоте несут на своих плечах 80 жрецов, которые направляют путь не по своему выбору, а куда укажет им кивком Бог» (Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. XVII. 50. 6). Овидий в «Фастах» (VI. 611–616) приводит чудесный случай, когда в храме во время жертвоприношения статуя царя Сервия Туллия в гневе закрыла глаза, чтобы не видеть преступную дочь¹⁶⁴. Впрочем, действие могло выплеснуться и за пределы «подмошков». Тацит, рассказывая о культе Сераписа в Александрии, приводит следующую легенду. Как-то раз Птолемею во сне явился «юноша необычайного роста и редкой красоты и приказал: «Пошли самых верных друзей своих в Понт, дабы они привезли оттуда мое изображение. Царству твоему оно принесет счастье, а храму, где его поставят, — величие и славу». Однако, отвлеченный более насущными заботами, царь промедлил с выполнением приказа свыше, и тогда сон повторился: «тот же юноша явился ему в еще более грозном облике и сказал, что, если царь не исполнит приказания, немедленная гибель ждет и его самого, и его царство». Пришлось повиноваться, с Богами не спорят. Статуя была обнаружена в Синопе, местный властитель поначалу отдавать ее не желал, но уступил, устрешенный вещим сном. Тут уже против Птолемея ополчились местные жители, и тогда произошло чудо: «Жители не хотели слушаться царя; они нечаянно увидели египтян, боялись за себя и кончили тем, что выставили у храма охрану.

¹⁶³ Пьер Монте. Египет Рамсесов: повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов. — М.: Наука, 1989. Глава XI.

¹⁶⁴ Post tamen hoc ausa est templum, monimenta parentis, tangere: mira quidem, sed tamen acta loquar. signum erat in solio residens sub imagine Tulli; dicitur hoc oculis opposuisse manum, et vox audita est 'vultus abscondite nostros, ne natae videant ora nefanda meae.

Поэтому и приходится так часто слышать, будто статуя сама поднялась на один из кораблей, стоявших у берега» (Тацит. История. IV. 83). Аппиан, описывая похороны Цезаря, приводит любопытную подробность: «кто-то приподнял над ложем сделанную из воска статую Цезаря: тела его, так как оно лежало на ложе, не было видно. При помощи механизма (εκ μηχανης) статуя поворачивалась во все стороны, и были видны 23 зверски нанесенные ему раны по всему телу и лицу» (Аппиан. Гражданские войны. II. 147).

Номер Старца Горы с успехом использовался лучшими иллюзионистами Европы, разыгрывавшими для простых крестьян сцену казни Иоанна Крестителя. В позднее время трюк состоял в том, что между ножками стола, на котором лежала на блюде «мертвая голова», ставились зеркала, в результате чего создавалась иллюзия, будто под столом никого нет. Стол при этом располагался так, чтобы ничего лишнего в зеркалах не отражалось. Публика, разумеется, была в восторге и ужасе... А талантливый Филипп из Лиона умудрился устроить номер так, что в обморок падали уже столичные дамы. Этот иллюзионист и гипнотизер, учтя новое в людских пристрастиях, додумался показывать народу «отрубленную голову Людовика XVI», на лбу которой трепетала жилка...

Секрет номера «говорящая голова». По В.Т. Пономареву

Верный конь

После смерти обретает голос не только человеческая (или божественная) голова. В этом замечен и конь сказочного героя, служивший ему верой и правдой при жизни и не оставивший его добрым советом и поддержкой по своей смерти.

В немецкой сказке «Гусятница» (из сборника братьев Grimm) рассказывается о том, как служанка выдала себя за свою хозяйку королевну и заставила ту прислуживать при дворе ее мужа. Героине помогает мертвый конь, подслушанные речи которого раскрывают королю глаза.

«Вскоре после того ложная невеста стала говорить, молодому королю: «Милый мой супруг, прошу вас сделать мне маленькое одолжение». — «С удовольствием», — отвечал он. «Так вот, прикажите позвать живодера и отрубить голову тому коню, на котором я сюда ехала, потому что он мне очень досадил по пути сюда».

Так говорила она нарочно, а собственно-то говоря, опасалась того, что эта лошадь могла бы рассказать, как она обращалась в дороге с королевной.

Дошел и до настоящей королевны слух о том, что верный Фалада должен умереть, и вот она тайно обещала живодеру дать червонец, если тот ей окажет маленькую услугу.

В королевском городе были большие мрачные ворота, через которые она ввечеру и поутру должна была прогонять гусей. Вот под этими воротами она и просила живодера прибить голову Фалады ей на память. Так и пообещал ей живодеров помощник, отрубил верному коню голову и прибил гвоздем под мрачными воротами.

Рано утром, когда она с Кюрдхеном прогоняла гусей под воротами, она сказала мимоходом: Висишь ты здесь, мой верный Фалада!

А голова ей отвечала: А тебе, королевна, гусей гнать надо... Если б твоя матушка про то дозналась, сердце бы ее тогда разорвалось!»

Аналогичная история известна и по славянским текстам. Дочка бабы Яги, выдающая себя за героиню (а та должна была быть при ней служанкой), говорит королевичу-мужу: *«Я би радила мою служницю стратити, а коневі відтяти золотогриву голову й настромити на палю, щоб прикрасити наші ворота».* Муж служанку не тронул, а коня зарубить согласился. В итоге каждый раз, когда та пригоняла

овец, конская голова извещала об истинном положении дел: «а кінська голова говорить: «Гай-гай, королева вівці пасе, а дочка баби-Яги з королевичем за столом». Та й так кожний раз» (КП, С. 126). Услышав однажды эти речи, королевич понял, что к чему, и навел должный порядок. В обоих случаях мертвая голова коня выставлена на обозрение — на стене или на воротах.

Любопытно, что в подобном виде — на железном острие, замурованном в стену — герой сказки обнаруживает мертвую голову, опять же принадлежавшую некогда верному коню. И голова эта не простая — здесь она уже чудесный артефакт. Волшебная помощница говорит герою: «йди /.../ уздовж муру, доки не побачиши замурований у ньому залізний рожен. На тому рожні настромлена кінська голова. Прутиком удар три рази по голові — і з'явиться кінь. Він порадить, що далі робити». Герой поступает так, как сказано: «вдарив по голові три рази тим прутиком, і голова підскочила аж під самі хмари. З'явився перед хлопцем прекрасний жеребець — золота шерсть на ньому. «Для чого ти мене розбудив? Що тобі треба?» — спитав кінь» (Зачарований, № 17; КОС, С. 89).

Но вернемся к голове на стене. Конь при жизни не говорил, сказка о том не упоминает. Так что за сила побуждает мертвую голову вновь и вновь открывать правду? Скорее всего, всё та же, что посылала пророчества этолийцам через мертвую голову андрогина, что смогла понудить череп участвовать в ритуальном диалоге на праздник пейзах, что вешала устами Публия... Божество, одно из многих. Это, как видим, обычный для Богов способ попытаться повлиять на ситуацию в мире, не прибегая при этом к демонстративному разрушению всего. Пророчество ли, простая фраза, ответ в ритуальном диалоге, резанье правды-матки. Неважно, как именно выглядит речь мертвой головы. Важен сам факт этой речи. Тот эффект неожиданности, который она производит. Такой знак и захочешь — не забудешь, ведь он нарушает все мыслимые законы природы. Пожалуй, это и есть наш итог данной главы. Мертвая голова может пророчить, она может каким-то образом дать знак. Древние полагали, что устами. Я же готов присовокупить к их мнению и свои пятнадцать гривен — знак не обязательно должен прозвучать въяве. Созерцание мертвой головы в поисках ответа на свой молча задаваемый вопрос может принести столь же молчаливый ответ. И прозвучит ли он у вас в голове или будет выглядеть как хрустнувшая позади вас сухая веточка, долетевший через окно женский смех, капля

вечерней росы, упавшая вам за ворот — это зависит от тысячи факторов, которые бессмысленно учитывать. Главное — понять, что это был именно он, ответ на невысказанный вопрос. Голова отвечает, помогает, предвещает... Она (напоминаю — годится и подобие головы) вполне пойдет на контакт, нужно только наработать навыки, упражняясь в такой вот немудрящей некромантии, как созерцание пустых очей черепа. В ночи, при свечах, в молчании...

Как уже доводилось говорить, а не для того ли алхимики, мантики и прочие средневековые мудрецы держали на столах своих человеческие головы? Помнить о смерти они, конечно, помнили, но ведь порой нужно было и посоветоваться с кем-нибудь умным...

Св. Иероним. Рисунок А. Дюрера, 1521.

СВЯТЫНЯ (3): ДАРИТЕЛЬ

*Катится голова по рельсам и говорит:
«Ничего себе за хлебушком сходил...».*
(Русский анекдот)

Хочу напомнить слова из обвинения тамплиеров, где мертвой голове, почитаемой ими, приписывается необычная способность наделять своих почитателей всевозможными благами:

52. *Что они говорили, что эта голова может спасти их.*
53. *Что она приносит богатство.*
54. *Что она доставила ордену все его имущество.*
55. *Что она делает землю плодородной.*
56. *Что она заставляет деревья цвести.*

Стоит разобраться, а есть ли у этих пунктов обвинения хоть какая-нибудь реальная почва, существуют ли в традиционном мировоззрении представления о том, что мертвая голова может быть источником материальных благ? То, что нематериальным — вещим словом, пророчеством — она одарить может вполне, это мы уже видели. Смерть не замыкает уста отделенной от тела головы, но наоборот, каким-то образом способствует приобретению ею магических способностей — дара предвидеть грядущее, чем голова мертвеца вполне в состоянии делиться с живыми людьми. К дарам мертвой головы, вполне уже материальным, но проявляющимся скорее опосредованно, не так вот сразу, можно уверенно отнести и защиту, которую она дает, будучи использована в качестве оберега, а также ее воздействие на плодородие хоть полей, хоть домашней живности. Все это подробнее рассмотрено во второй — практической — части книги. Вот только наделяет этим мертвая голова без всякого ей поклонения, как самый обычный магический предмет, который просто нужно знать, когда и как использовать. А не является ли это ниточкой, за которую стоит потянуть, чтобы размотать весь клубок? И в самом деле, общее у практики и религиозной легенды есть — это

как раз та неопределенность во времени, когда дары мертвой головы начнут о себе заявлять. Ни обещанные горы благ из обвинения—кредо тамплиеров, ни тот же приплод живности не произойдут сразу, после того как мертвую голову к тому подключили (воззвали к ней или поместили в надлежащее место). Это во-первых. Во-вторых, пункты 55 и 56 из обвинения не относятся к сфере личного материального благополучия, а скорее указывают на источник такого представления о возможностях мертвой головы — магическое использование ее в полях. Для всего прочего у головы можно было молиться, самостоятельно испрашивая благ, но для обеспечения плодородия земли или цветения деревьев нет никакой нужды обращаться к голове с молитвами — достаточно просто поместить ее там, где в ее силе есть надобность.

Безусловно, переход из области практической магии в область религиозного предания должен иметь какие-то промежуточные формы. Полагаю, их отражения мы можем наблюдать в текстах мифологического характера. Голова в них выступает дарителем конкретных, а не абстрактных благ, причем отдаривается, не откладывая дело в дальний ящик.

Сказку «Кобылья голова», сюжетом напоминающую известную историю про Морозко, можно пересказать буквально в паре предложений. Старик, по воле своей новой жены, отвозит дочку на смерть в лес; там она находит дом, куда приходит череп; девушка выполняет все его требования и за это не только отпускается им живой, но и получает вознаграждение; мачеха завидует доле падчерицы и посылает туда же свою родную дочь, та грубит мертвой голове и умерщвляется ею за это. В большинстве случаев мертвая голова принадлежит кобыле или коню: «*Коли стукотить, гуркотить*¹⁶⁵ *кобыляча голова*» (Аф, № 99), «*У порога лежит лошадиная голова*» (Смирнов, № 155—а), «*Вот приходит к этой девушке конинная голова*» (Ончук Неизд, С. 188—189)¹⁶⁶. Однако же есть и такие варианты, где череп оказывается человеческим: «*Она сварила суп и кричит: «Иди, тятенька, обедать!» А его и нет. А голова человеческая была в лесу да и отвечает: «Сейчас иду!»* (Худ, № 13). Вполне возможно, этот текст более архаичен, но вариант с

¹⁶⁵ Кричит, шумит.

¹⁶⁶ Что любопытно, голова—то голова, но при этом она может восприниматься сказителем, как существо мужского рода: «*устал конская голова*» (ФРНП, С. 171).

кобылей головой по какой-то причине получил большее распространение. Рискну предположить, что это связано с текстами сказок, где герою приходится пролезать через голову живого коня (см. далее), и с обрядом «палить ведьму», выступающей в образе лошадиной головы, в результате чего человеческий череп был оттеснен и почти забыт.

Явного поклонения мертвой голове «как своему Богу» (обвинительный пункт 48) в сказках не происходит. Но. Присутствует необычно бережное к ней отношение, граничащее как раз с преклонением. Голову поднимают от земли (= земной поклон), моют ее (= ритуальное омовение), помещают на почетном месте (= «красный угол», божница), задают ей угощение (= жертвоприношение), обращаются как с почетным гостем, ласково именуют «тятенька» (= Отче, Отец наш, Батюшка). Да и строение, где все это происходит — таинственная избушка в лесу, — вполне сравнима, с одной стороны, с храмом-капищем, полновластная хозяйка (хозяйин?) которой — мертвая голова, с другой — с масонского типа комнатой для инициаций.

И вот почему. В сказках иницирующей Богиней-жрицей обычно является Баба Яга, которая намеревается изжарить героя в печи, посадив его на хлебную лопату. Сожжение неофита с последующим возрождением его из пепла известно сказочным текстам¹⁶⁷, печное устье как символ порождающего/перерождающего женского лона также подтверждается фольклорными примерами¹⁶⁸. Местом, где происходит инициация, выглядящая как смерть неопита, служит знаменитая изба Яги, та самая «избушка на курьих ножках, стоит—перевертывается» (Аф, № 114). Чтобы в нее зайти, герой или героиня должны сказать волшебную формулу: «Избушка, избушка, повертывайся ко мне передом, а к лесу задом, чтобы дверь на меня вышла» (РН, № 10), «Стань ты, — говорит, — ко мне передом, на запад задом» (Купр, № 17). Но дело в том, что именно такими словами уговаривает девушка и дом мертвой головы: «Вот идет девка лесом и подходит к избушке: «Избушка, избушка, повернись к

¹⁶⁷ Колдун—учитель «парня схватил, двоеряд согнул и в эту клетку и бросил, в огонь. И железным посохом искры собирает. Вот все дрова сгорели, и один остался пепел. Старик пепел стал собирать, одну горсть собрал и правой рукой хлопнул, и пепел пыхнул, и парень скоцил на ноги» (Карн, № 165).

¹⁶⁸ В белорусской свадебной песне, насквозь пронизанной эротической символикой, поется: «Печка регоче, бо каравая хоче» (Загадка, С. 106).

лесу задом, ко мне передом». Избушка повернулась. У порога лежит лошадиная голова» (Смирнов, № 155–а). Да и то, как «привечает» мертвая голова свою незваную гостью, довольно похоже на слова, с какими обращается Баба Яга к сказочным героям. Ср.: 1) «Войдя в горницу, баба-га растянулась и говорит Василисе: «Подайвай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу» (Аф, № 104); 2) «У порога лежит лошадиная голова и говорит: «Отвори, девка, дверь». Девка отворила. «Посади меня в избу». Девка посадила. «Посади на лавку». Девка посадила. «Накорми меня» (Смирнов, № 155–а). Явно демоническая природа мертвой головы проглядывает в деталях ее требований: «А мне звари кашу с полена», «стели мне постель /.../ ряд поленья, ряд камня, ступу в голову ложи» (ФРНП, С. 170). Любопытно описывается в одном из вариантов и «напарница» мертвой головы: «До тебе, дівко (предупреждает ее помощница, — Б.М.) прийде **мара** и кобыляча голова» (Чубинский 2, Ч. 1. № 14). С украинского переводится как «призрак». При этом Мара — славянская Богиня смерти, один из прообразов Яги... Но мы говорили об инициации. Дело в том, что кобыляча голова предлагает пролезть девушке через ее пасть (на демоническую природу головы указывает и то, что девушка боится быть съеденной): «Девушка, пройди скрозь меня». — «Конинная голова, боюся, ты съешь меня». — «Не съем, пройди скрозь рот» (Ончук Неизд, С. 188–189). Собственно, другую девушку, антигероиню, за неисполнение ее требований голова и съедает: «Коли-ж, ти, — каже, не хочеш мене слухати, так я тебе ззім. Ухватила її, полизла на піч, забралась аж у самий куточок та її ззіла її» (Чубинский 2, Ч. 1. № 28). Но ведь и Яга, собираясь испечь героя в печи, делает это, по ее собственным словам, чтобы перекусить.

То, что перед нами настоящая инициация, доказывается тем, как именно мертвая голова одаривает героиню сказки — она предлагает ей пролезть через себя: «Дівко, дівко, влізь міні в праве ухо, а в ліве вилізь» (Чубинский 2, Ч. 1. № 28). Девушка поступает согласно требованию и вылезает на свет белый полностью преобразенной, по сути — в новом теле: «Вот девушка и пошла, и прошла скрозь рот. Вот эта девушка стала большая и хорошая, такая стала, что раскрасавица» (Ончук Неизд, С. 188–189), «Теперь полезай ко мне в левое ухо и вылезай в правое. Девка влезла в левое и вылезла в правое и стала царицей» (Смирнов, № 155–а).

Точно такую же инициацию описывают тексты быличек, посвященные (обычно неудачному) посвящению в колдуны. Неофит

должен пролезть в пасть чудовищного существа, собственно, быть съеденным им; вылезая с другой стороны, он уже наделен сокровенным знанием. По слову колдуна является «Ведмедь—де, не ведмедь: какой—то лохматый, хайло—де отворил — вот такая пасть! Во рту—де вот огонь!», «Тама (в бане) собака сидит рыжая под полком. Пась раскрыла, язык высунула, во рту огонь пышет» (ББ, № 245, 239); «тут в дверь лев вошел. Пасть открыл, огнем на него дышит, мол, прыгай в пасть», «Огленна лягушка большая. /.../ а вот лягушке—то в рот не сумел пролезть. /.../ Огленна, grit, пасть у лягушки. Вот и не сумел он» (Поволжье 1, № 899, 901). Довольно подробно живописал о сем звере писатель Тихов, стилизовавший свои сказки под простонародный сказ: «Выйдет тогда из каменки собака огненная, дак ты в пасть к ней и полезай, не бойсь. А там уж сам увидишь, что делать. /.../ Появилась тут собака огненная — сначала махонькая, потом все больше и больше, уж и на полке не помещается. Искрами брызжет, а на что похожа — и не углядишь, лик ее убегает куда—то. Пасть, однако, расцеперила, а с губы слюна каплет, пол земляной чуть не до камня прожигает. В такую страсть—то прыгать! Зубища, как косари, по ним кровь черная бежит...» (Тихов, С. 8, 15–16). Пасть чудовища с лихвой возмещает устье печки, ведь влезший в чрево такого зверя неопит также сгорает дотла. Замечу, что в пролезании героини сказки через уши мертвой головы нельзя не увидеть параллель к известному преображению дурня в богатыря, для чего ему нужно пролезть через уши своего волшебного коня: «Иван в одно ушко вошел, в другое вышел, сделался молодец, прямо рыцарем» (Карн, № 45), «Ванюшка в право ухо скочил, а в лево выскочил; сделался такой сокол, што здить, смотри ни там ни здесь, больно уж хорош!» (Вятск, № 114). Т.е. дело опять же в голове. Любопытен вариант, где вместо коня, таинственным образом и сюжетом никак немотивированно, появляется конская голова: «Вдруг видит: из погребца вылезла лошадиная голова. И говорит она Ивану: «Полезай—ка ко мне в правое ухо, а вылезешь из левого». Так Иван и сделал. Залезал он дураком, а вылез добрым молодец, писаным красавцем»¹⁶⁹.

¹⁶⁹ Сказки (по материалам Фольклорного фонда Глазовского Государственного Педагогического Института). Сост. Т.А. Шуклина. — Ижевск, 1999, № 94.

Да и Крошечка–Хаврошечка, чтобы отдохнуть, залезает в голову своей чудо–коровы: *«Коровушка–матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму дали пять пудов напрядь, наткать, побелить, в трубы покатать»*. А коровушка ей в ответ: *«Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано»*. Так и сбывалось» (Аф, № 100), *«Влезла в правое ухо, вылезла в левое. Она красавица была; ещё полнее, красивее стала»* (Худ, № 56). Похоже, можно говорить о типовом представлении: получение даров от волшебного существа происходит, когда сказочный герой пересекает насквозь его голову, таким образом соприкасаясь с иным миром, кратко его посещая. Ср., в частности, такое описание: *«Дівко, дівко, заглянь міні в ліве ухо, а в праве виглянь!»* Вона й заглянула, а там: и лавки, и двори, и будинки великі, и всяка всячина. От як виглянула в праве ухо — й така стала панночка гарна!» (Рудченко 2, № 21), *«Дьівко, дьівко, подиви сьа мині в праве вухо!»* Дьівка дивить сьа в те вухо, а там бранья розмайітого йе... Вона повитьагала те вбранья, всьо: спідницї, кожухи /.../ і на востатку бричка й конї»¹⁷⁰.

Из текстов со всей очевидностью следует, что первый и главный дар мертвой головы — это преобразование. Такой поворот можно было бы связать с духовными практиками, где адепт, созерцая изображение Божества, занимаясь «внутренним/умным деланием», выковывает себя нового, преобразуется духовно. Это как раз близко к культу. Но наш случай, наверное, шире. Дело в том, что материальных даров преобразование героя сказки не отменяет: *«Конинная голова говорит: «Вот, девушка, посмотрись–ко топере в мое лицо». Девушка стала в лошадиную голову смотреть. А конинная голова левым ухом трехнула — девушка разodelась в шелк, правым ухом трехнула — выпали ей золотые вещи: серьги в уши, жемчуг на шею»* (Ончук Неизд, С. 188–189), *«Дівчино, дівчино! Улізь же мені у праве ухо, а у ліве вилізь»*. Вона як вилізла із ушей, дак стала така хороша, що країної немає. Зараз стали і лакеї, і коні, і коляска; вона сіла у коляску да й поїхала до батька» (Аф, № 99). Все может оказаться даже проще — девица просит петуха трижды запеть: *«Как он в третий раз пропел, голова развалилась, и стали золотые деньги»* (Худ, № 13). В одном из

¹⁷⁰ Роздольський О. Галицькі народні казки // Етнографічний збірник. — Львів: друкарня Наукового товариства імени Шевченка, 1895. — Т. I. — С. 52.

вариантов мертвая голова зовет девицу потанцевать, но та отказывается, говоря, что у нее нет такого-то из предметов облачения, голова необходимое достает и так продолжается до развязки: «Як почала высчитовати, чого в єї нема, дак уже й півні заспівали, а вона ще не все высчитала. Ото запівали півні, мара и кобыляча голова посунула з хаты, а все **добро** осталось їй» (Чубинский 2, Ч. 1. № 14).

Рассыпавшаяся на золотые монеты голова перекидывает мостик к другой истории, описывающей дары мертвой головы. Рассказ называется «Про Довбушеву голову», это отдаленная вариация на сюжет «благодарный мертвец». Старик хранит дома кусок черепа известного разбойника Довбуша, намереваясь через какое-то время разжиться частью его сокровищ. Увы, задумка не сработала, вмешались посторонние силы. «Пани розрубали відтак Олексу на кавалки і розметали по селах на «чудіє», аби люди каялися та и не бралися до опришківства. У нашу Зелену занесли були голову та й застромили на паль на чудіє онде проти злісного, на Вилах. Відтак тота голова розсипалася, і мій дід, небіжчик, узяв був верхній черепок з тої голови і приніс до хати та и поклав у сінях над дверима.

Аж раз побачила баба, небіжка, того черепка та й питається:

— *А це що за кістка?*

— *Е, — каже дцо, небіжчик, — то з Довбушевої голови. А баба хоп той черепок та й понесла у дебрі, онде протиш вивоза, і вергла геть. Не те — в скриню би на замок таку річ. Ей, боже, боже! А бабі узяти та й кинути геть.*

Небіжчик казав, що якби пайшов той черепок та переступного року аби поклав на свою голову, то гроші самі би показалися, усі ті гроші, що Олекса поклав у землю. О! Тих грошей є! Нема такого груника, такої клівки, аби не було Довбушевої! поклажі. Але, кажуть, що він як клав де гроші, то все казав:

— *Без моєї голови ніхто і грейцар не візьме.*

Потому уже шукали дідо з бабою того черепка петрівної днини, але пропало» (Опришки, № 342).

Последняя группа примеров наделения мертвой головой дарами довольно специфична — это исключительно дарение оружием. Голова мертвого великана-богатыря («посреди побоища лежит богатырская голова добре велика» (Аф 3, С. 405)) уступает свое оружие другому богатырю, дабы тот наказал его обидчика. Да, это известнейшая сцена встречи Руслана и головы из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и

Людмила». Сначала, поругавшись с головой, Руслан добывает меч, потом он слышит краткую историю жизни великана и его напутствие—просьбу:

*Пред ним живая голова,
Огромны очи сном объяты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в темной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь.
Как тени, ходят, развеваясь.
В своей ужасной красоте
Над мрачной степью возвышаясь,
Безмолвием окружена,
Пустыни сторож безмянкой,
Руслану предстоит она
Громадой грозной и туманной.*

*...И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатила,
И шлем чугунный застучал.
Тогда на месте опустелом
Меч богатырский засверкал.
Наш витязь в трепете веселом
Его схватил...*

*Но злобный карла перенес
Меня в сей край уединенный,
Где вечно должен был стеречь
Тобой сегодня взятый меч.
О витязь! Ты храним судьбою,
Возьми его, и бог с тобою!
Быть может, на своем пути
Ты карлу—чародея встретишь —
Ах, если ты его заметишь,
Коварству, злобе отомсти!
И наконец я счастлив буду,
Спокойно мир оставлю сей...*

Истоки пушкинской поэмы в сказке о Еруслане Лазаревиче. Но там момент хранения и дарения меча описан кардинально иначе. Еруслан встречает в дороге великанскую голову, возлежащую пос-

реди поля, усеянного телами воинов: «и в той рати лежала богатырская голова как великою бугор» (Ровинский 1, С. 60), «и в той рати лежала богатырская голова, как чан пивной» (Погудка, С. 42), «и была она громадной величины, как бугор» (Магай, № 10); «как сорокакопennyй стог» (Пушкарев, С. 129)¹⁷¹. На крик Еруслана «есть ли кто живой?» она единственная и откликается. «И приехал Еруслан Лазаревич к богатырской голове, а сам себе удивился, что мертвая голова глаголет; и говорит Еруслан Лазаревич: «Гой еси, богатырская голова! Что мертва глаголеши, или мне слышитца?» И говорит ему богатырская голова: «Еруслан Лазаревич! Не чудитца тебе, но до прямиа говорю» (Костомаров, С. 333). Происходит знакомство, причем Еруслан сообщает голове: «Я еду в темную землю к царю Змеевиду, твоему врагу, за тем, чтоб его умертвить» (Погудка, С. 42). Голова рассказывает, что произошло между ним и его обидчиком, и вот тут важна следующая деталь. Волшебный меч, которым можно убить антигероя сказки, попал под голову по воле самого убитого богатыря¹⁷². Так он спас от посягательств колдуна единственное в мире оружие, способное того поразить. Он сам охраняет меч, а не колдун поставил его на страже. «Говорит голова Еруслану: «Есть—де подо мною меч таков, что опричь того меча никакое железо не возьмет вольного царя. И я с тем мечом выехал было против царя Огненного Щита, чаял убить его: а он выехал на осьминогом коне, да, не допуцаючи, сжег меня, и я, падая с лошади, кинул свой меч себе под голову» (Аф 3, С. 405). Это может уточняться и сразу, с описания момента встречи богатыря и головы: «Поехал

¹⁷¹ В сербской сказке описана голова еще больших размеров: «Один за другим мы вошли в пещеру и ввели туда коней. Развьючили их, разожгли костер и переночевали, как дома. А под утро, когда уж светать стало, диву дались! Оказалось, мы попали в человеческую голову, что лежала среди виноградников» (Караджич, С. 407). Этакий оберег посадок? Быть может. Тем паче далее сказка—небылица говорит о появившемся стороже виноградника, который кинул этой головой в скворцов, «чтобы стугнуть их». Тут уместно напомнить, что и Адама, по чьему имени мертвую голову принято называть, представляли великаном: «Адам—Адамом», «Адамина», «Адаминице» — о человеке огромного роста» (СРНГ, Вып. 1. (А). — М., 1965. С. 205).

¹⁷² В варианте, записанном от Е.И. Сороковикова меч спасает брат богатыря Черномор, вместе с ним воевавший против царя Огненного Щита: «Когда моя голова слетела с плеч, брат мой Черномор вырвал мой меч—кладенец и подбросил под мою голову. А сам заколдовал эту голову, чтобы огонь ее не брал и меч не рубил...» (Магай, № 10).

Еруслан в поле, и наехал на великую рать — вся побитая лежит; и посреди огромная голова Росланя богатыря на мече стоит. И объявила голова Еруслану /.../ что под головой меч лежит, которого царь никакими средствами достать не может, а только тем мечом и можно того царя смерти предать» (Ровинский 5, С. 117). Колдун, издавая горестные стоны о недоступном для него мече, подтверждает утверждение головы о значимости вещи: «эта у меня голова богатырская на печенях лежит¹⁷³; под тою головою есть меч, и того меча боюсь /.../ и oprичь его никакой меч меня не сечет и не берет» (ЛОЗ, С. 62), «эта голова всегда терзает грудь мою: под нею лежит меч, которого я боюсь, потому что один только он в свете может иметь надо мною действие, а прочие мне вредить не могут. Я всячески старался его достать, но труды мои были тщетные» (Погудка, С. 45).

Далее голова дает совет богатырю, как тому втереться в доверие к противнику и выполнить свою миссию: «Однако ж ежели ты хочешь быть счастлив в твоём предприятии, то послушай моего совета, я дам тебе доброе наставление»; колдун своих неприятелей, да и прочих незнакомцев, сжигает на расстоянии, поэтому, когда «он с тобою так же захочет поступать, то вынь ты из кармана свой белый платок и махни три раза, по которому знаку и перестанет он тебя палить. Когда ж ты к нему предстанешь, то будет он тебя спрашивать о причине твоего приезда, а ты скажи ему, что желаешь принять у него службу. Он тебя примет, и ты соблюди свое честное слово и послужи ему несколько времени верою и правдою»; ну а дальше, улучив момент, нужно набиться с ним на охоту, дабы, словно ненароком повстречав в поле мертвую голову, не вызывая подозрений, принудить колдуна припомнить и рассказать о чудо-мече, под нею скрытом: «И как будете вы близ сего места, то ты напони царю Змеевиду обо мне и обещай ему достать из-под меня меч, чему он чрезмерно обрадуется и пошлет тебя добывать мой меч; а когда ты [ко] мне приедешь, то и получишь его от меня» (Погудка, С. 43).

Еруслан так и поступает: «Государь, пожалуй, мне своему слуге повели, я достану тот меч и тебе принесу» (ЛОЗ, С. 62). Приехав в голову, он то ли докладывает об успешном продвижении их совместного плана, то ли слезно плачется, умоляя не оставить его в

¹⁷³ Совр.: «в печенках сидит».

неразумной похвальбе, то ли неудачно пытается добыть заветный меч силком. Тут версии почему—то расходятся.

1. «Сильный тумбенский князь и могучий богатырь, по слову твоему похвалился я пред царем Змеевидом достать ему твой страшный меч, он ждет меня теперь у царских врат. Теперь все мое счастье и несчастье зависит от тебя, потому что в случае неустойки клялся он лишит меня жизни. Непусти меня погибнуть, освободи из—под себя меч» (Погудка, С. 45).

И.Я. Билибин

Иллюстрация поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», 1918

2. «О, государыня, богатырская голова! Надеючись на твое великое жалование и милосердие: хотела ты из—под себя меч свободить мне, и яз пред царем похвалился» (Костомаров, С. 334), «государыня богатырская голова, надеюсь на твою милость и приятельскую любовь, что можешь ты из—под себя освободить меч свои, потому что я пред царем похвалился, а ежели не достану меча, то царь меня злои смерти предаст» (Ровинский 1, С. 60).

3. *«Когда он подъехал к богатырской голове, стегнул ее нагайкой, чтобы она скатилась, но богатырская голова не поддавалась. Попробовал Еруслан Лазаревич сталкивать ее, но она не шевелилась. Он подумал, что голова обманула его. /.../ Он стал на колени перед богатырской головою и стал просить, чтобы она скатилась»* (Магай, № 10).

Голова уступает меч, и Еруслан торопится обратно, но по пути его одолевают недобрые мысли о мнимом оскорблении его чести: *«Доселе аз царей устрашал, богатырей побивал, а ныне аз со слезами богатырской голове поклонился»* (Костомаров, С. 335). Этот поток обидных мыслей мертвая голова каким-то образом улавливает (или богатырь произносит все это вслух) и окрикает незадачливого богатыря: *«услышал то Расланей богатырь, крикнул громким голосом: «Еруслан, воротись!» Он воротился и, узнав свою вину, пал на землю»* (Ровинский 1, С. 63). Еруслан кается в проступке: *«Богатырская голова! Виноват я пред тобою, что поспешил такое слово!»* (Костомаров, С. 335). И в ответ слышит ценное дополнение, которое голова не сказала ему сразу, проверяя богатыря «на вшивость»: *«не всем ты завладел, что меч взял, ты можешь и с мечом голову потерять»* (ЛОЗ, С. 63). Хитрость же заключалась в том, что волшебным мечом достаточно ударить один раз, а вот второй категорически не рекомендуется. Это как во многих сказках, где герой, заранее предупрежденный волшебным помощником о том, что если он ударит мечом второй раз, то его противник оживет, и потому даже в запале боя не поддается на подначивание прихвостней неприятеля: *«секни его еще раз»* (Магай, № 10), сообщая им: *«Русский богатырь не бьет два раза, а раз да горазд!»* (Аф, № 206). Далее следует кровавая развязка, в точности так, как советовала мертвая голова.

Встреча с богатырской головой. Лубок, 1818 — 1825 гг.

В.Я. Пропп затронул образ этой головы в своем исследовании о происхождении волшебной сказки, определенно связывая его с сюжетом о благодарном мертвце: *«В сказке о Еруслане Лазаревиче голова всегда лежит. Это — голова мертвца. Однако в лубочных картинах голова торчит из земли. Трудно сказать, какое представление первичное. /.../ В сказке голова есть не похороненный мертвец. Возможно, что представление о голове, высывающейся из земли, есть представление о беспокойном мертвце, который высывается, чтобы встать или чтобы найти кого-нибудь, кто бы его похоронил. Похороненный и благородный мертвец затем становится дарителем, дарующим меч, коня, волшебные ягоды и т.д., или советником, указывающим ему путь, или сам становится помощником. /.../ Этот череп или эта голова, конечно, представляла собой умершего. Имея власть над его головой, имели власть над всем его существом. Этот умерший был вынужден помогать живым».* Похоже, Пушкин уловил и отчасти передал эту идею — голова великана-богатыря у него не имеет покоя, пока охраняет меч по приказу брата-колдуна, и умереть может только тогда, когда Руслан отомстит за него. Вот только в оригинальном тексте, противу построениям Проппа, героя одаривает волшебной вещью мертвец еще не похороненный, да и в дальнейшем похорон так и не происходит, потому что все заканчивается на оптимистичной ноте: *«После поехал к голове великана и помазал ее желчью — и тот богатырь стал жив»* (Аф 3, С. 405), *«приехав к богатырской голове, вынул из сосуда желчь, помазал богатырскую голову и туловище, к которому коль скоро он*

приложил голову, то мгновенно срослись, и тумбенский богатырь Нибур встал как от сна пробудился» (Погудка, С. 46).

Такая развязка, казалось бы, ставит крест на отнесении данного примера к мертвой голове, наделяющей материальными дарами. Раз уж голова в итоге приросла к телу, а тело ожило. Но. А не зайти ли нам с другой стороны? Сказка о Еруслане имеет восточное происхождение, о чем говорят хотя бы имена действующих в ней героев (Пушкарев, С. 17, 25). Собственно, исследователи давно сошлись во мнении, что это сказка литературная, переводная, своеобразный рыцарский роман. Но вот восточной параллели с мертвой богатырской головой обнаружить не удалось, а это может означать только одно — перед нами вкрапление отечественного фольклора, привнесенный мотив. Причина такого привнесения очевидна: желание разнообразить сказку за счет как можно большего количества волшебных деталей. Нетрудно установить и источник мотива встречи Еруслана с богатырской головой. Это известная новгородская былина о смерти Василия Буслаева, о которой мы говорили ранее.

Да подъезджали—де под горы Сорокинские;

Опускали—де парусы полотняны,

Да цю выкатывали якори булатные,

Да вымётывали сходёнки дубовые,

Да соходили они да с черна карабля.

Ф полгоры лёжыт голова да богатырская,

Ф толщину голова да как пивной котёл.

Да тут—де Василей сын Бруславлевиць

Да он как нацял головушку попинывать,

Он попинывать, головушку побрасывать.

Да говорит голова да богатырская,

Говорит голова да таково слово:²

«Да уш ты ой еси, Василей сын Бруславлевиць!»

И нецёго тебе надо мной галицьсе.

Да уш я был богатырь да на своих ногах;

Да служил—то—ле я да сороким царям

Да сороким—то царям да я царевицам,

*Королям—то я служил да коро[ле]вицам;
Да уш я дралса с сорочиной да ровно три года.*

*А—й да та—де сорочина прехитрая
Да прехитра сорочина веть премудрая
Накопала она перекопы глубокие
Да цо наставила подрези ножовые.
У мня перв—от перекоп конь перескочил,
Да ище фтор—от перекоп конь перескочил,
И ф треть—ёт перекоп конь обрюшьлэ.
Тут опутала в опутиньки шелковые
Да потом отрубила буйну голову.
Да уш ты ой еси, Василей сын Бруславлевиць!
Да уш ты ой еси, Василей сын Бруславлевиць!
Да уш ты будёи лёжать да со мной поряду!»
Говорит тут Василей сын Бруславлевиць:
«Да уш вы ой еси, дружъя—братъя—товарищи!
Мы фперёт шли, з головушкой россорились;
Да, видно, нать нам з головушкой поладицьсэ.
Вы дёржите на горы Сорокинские!»*

(Григорьев, № 378)

Совпадения текстов очевидны:

1. Размеры головы. Сказка: «и в той рати лежала богатырская голова, как **чан пивной**» (Погудка, С. 42). Былина: «Ф толицину голова да как **пивной котёл**» (Григорьев, № 378).

2. Принадлежность головы. Сказка: «и в той рати лежала **богатырская голова как великою бугор**» (Ровинский 1, С. 60). Былина: «Ай лёжит—то голова всё **богатырская**» (Марков, № 52).

3. Способность головы разговаривать. Сказка: «И **провещает** ему **богатырская голова**» (ЛОЗ, С. 59). Былина: «Да **провещилась** глава, **кошь человеческого, // Да руським—то языком человеческого**» (Былины, № 245).

4. Знакомство с головой. Сказка: «Отвечает ему **богатырская голова**: «Я богатырь был из **Задонского царства**, отца есьм сын царя Прохоза, а меня зовут **Расланеем**» (ЛОЗ, С. 60), «И я был не хуже тебя» (Поморье, № 15). Былина: «Я ведь голова была не хуже тебя, //

Тот же Василий, сын Хлебович // Из того же из Нового города» (НБ, № 24).

5. Голова рассказывает свою историю. Сказка приводит ее довольно подробно, пересказывать целиком смысла нет. Былина: *«Королям-то я служил да коро[ле]вицам; // Да уш я дралса с сорочиной да ровно три года»* (Григорьев, № 378), *«Поехал рубить сорочину злолукавую»* (НБ, № 24), *«Как убила (меня, – Б.М.) сорочина долгополая»* (Былины 2, № 244).

6. Иноземное происхождение неприятеля. Сказка: *«Поедь ты за теплое море в подонскую орду, в Штютен град, к вольному царю, к Огненному щиту, к пламенному коню»* (Костомаров, С. 333). Былина: *«Та сорочина злолукавая»* (НБ, № 24).

7. Долгое время битвы неприятеля и богатыря, оставившего на поле свою голову. Сказка: *«а приходил я под сие царство (биться, – Б.М.) 12 лет, по единожды на год»* (Костомаров, С. 334). Былина: *«Да уш я дралса с сорочиной да ровно три года»* (Григорьев, № 378).

8. Гибель богатыря происходит не в честном бою. Сказка: *он выехал на осьминогом коне, да, не допущаючи, сжег меня, и я, падая с лошади, кинул свой меч себе под голову»* (Аф 3, С. 405). Былина: *«А-й да та-де сорочина прехитрая // Да прехитра сорочина веть премудрая. // Накопала она перекопы глубокие // Да що наставила подрези пожовые»* (Григорьев, № 378).

Разумеется, разница в текстах есть, переводчик восточного романа заимствовал из русской былины лишь отдельные вышеприведенные моменты. Да и суть сюжетов о Буслаеве и Еруслане диаметрально противоположна: оскорбивший мертвую голову Василий несет заслуженную кару, почтивший мертвую голову Еруслан получает от нее великие дары.

Другим заимствованием в сказку о Еруслане, которое, как казалось, может помешать отнести сюжет о встрече богатыря с головой к мертвым головам-дарителям, является оживление мертвого богатыря. Это традиционный момент в сказках о герое, умерщвленном своими братьями. Волшебные помощники добывают живой и мертвой воды, смачивают ею разрубленные части тела молодца, и он оживает: *«вытащили голову и туловище молодца-удальца. Полюша скорей подбежала к нему, нашла у него в пазухе пузырек с живой водой, приставила к туловищу голову, примочила водой из пузырька — он и оживел»* (Аф, № 171). В тексте о Еруслане ощущается искусственность мотива оживления, так как по сюжету

оно не требуется: 1) голова о том не просила (эта просьба содержится в единственной сказке), а инициатива Еруслана никак не мотивирована; 2) в дальнейшем оживший богатырь никак герою не помогает и на страницах сказки не появляется¹⁷⁴. Сказители, переняв лубочный текст, пытались истолковать это оживление в традиционном ключе, когда побратавшиеся герои выручают один другого из беды: *«На обратном пути голову к туловищу подкати, помажь живьем, я оживею и буду тебе помогать, буду твоим названным братом»* (Королькова, С. 57), *«пусть ты будешь больший брат, а я уж меньший брат — как ты меня оживил. /.../ Ежли случай будет с кем драться, так я помогу, а мне случай будет, ты мне помоги»* (Соколовы, № 115). Но нет случая, не приходится им оказывать друг другу помощь, втуне пропадают усилия сказочников, ибо тема никак в дальнейшем не реализуется. Видимо, хорошо почувствовав такое нарушение логики сказки, один из сказителей весьма любопытно выкрутился из данного положения, избавившись от ненужной для текста темы оживления: *«Едет назат, Расланеева галова и остановила его. «Ну, как же, Еруслан Лазаревиць, тваи дела? Испалнялись ли?» — «Расланева галава, що мне тебя ажывить?» А ана ему говорит: «Если я буду памирать апеть, то меня не ажывай, а если я буде вешна жыть, то меня ажыви». — «Не, Расланева галава, будеш памирать»* (Смирнов, № 220).

Также одним из существенных различий сказки и былины оказывается пресловутый меч-кладенец (Погудка, С. 43), который не больше и не меньше — сабля самого *«Олександра Микидонского»* (Пушкарев, С. 144). Это весьма немаловажная деталь сюжета, без него не получилось бы убить зачарованного неприятеля, да и вообще всё вертится вокруг добычи меча.

¹⁷⁴ Единственный известный мне случай появления ожившего богатыря в дальнейшем — в сказке Е. Сороковикова, но и здесь оно не функционально. Богатыря ненадолго навещает сын Еруслана (Магай, № 10). И это всё.

М.В. Нестеров

Иллюстрация к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», 1888

Царь Огненный щит ничем не может его достать, зато герою удастся это почти без проблем. И этот меч лежит под головой убитого богатыря, чему в фольклоре параллелей нет. Мне видится следующий ход мысли составителя перевода.

Сюжет о благодарном мертвце хорошо известен в фольклорных текстах, а наша голова богатыря — это, как ни крути, мертвец. Герою случается похоронить найденное у дороги тело, иногда его приходится выкупать у его обидчиков, возвращая деньги, взятые покойным займы. Вскоре к герою прибивается волшебный помощник, который не раз помогает ему в дороге. Это и был тот самый умерший, возвращающий долг своему благодетелю. По идее, покойник вполне может отблагодарить советом или подарив волшебную вещь. Переводчику оставалось только совершить последний шаг: увязать вместе два знаковых символа сюжета — голову и меч. Что и произошло: не задумываясь о логике, он поместил одно под другое.

Народ же пошел дальше. Именно совет, а не дар, мы видим в одном из текстов сказки про Еруслана. Голова сообщает ему о том,

где можно взять меч: *«Я слышал, за тридевять земель, в тридесятом царстве, ехать нужно к морю, на море этом стоит остров Буян, на этом острове стоит столетний дуб. А под этим дубом есть меч-кладенец, только с этим мечом-кладенцом можно победить Огненного Щита»* (Терск, № 81). Безусловно, этот вариант возник на фоне сказки о смерти Кощея от иглы — оба предмета, что игла, что меч, убивают демона. Но характерна сама идея: голова не имеет при себе меча, однако может дать совет относительно него. Еще вариант, из которого, возможно, и появился вышеприведенный текст: *«я могу помочь тебе. Поезжай в наше царство. Там есть старый меч моего деда. Если сможешь им орудовать, то бери»* (Шастина, № 6). Это больше похоже на описанный ранее образ вещи головы, которая наделяет абстрактным даром — советом или предсказанием будущего.

Также известны другие варианты сказки, где меч оказывается не под головой, — что плохо вяжется с пропорциями меча и богатыря, — а под лежащим неподалеку телом. Потому-то Еруслан видит, что *«под тулово подкопы подкопаны»* (Поморье, № 15). Это постарались люди колдуна, пытавшегося завладеть своей смертью. Да и сам колдун жалуется: *«это проклятое туловище завалило меч-кладенец»* (Соколовы, № 115). Голова же только и может, что поделиться не столь уж великим секретом, где находится волшебное оружие. При том данный пример ничем не противоречит образу благодарного мертвеца.

Н. Рерих. Исса и голова великанова, 1932

Известны и такие записи, где мертвая голова и есть самый настоящий благодарный мертвец — она одаривает богатыря лишь после того, как он ее похоронит. На героя нападает Заплетай Заплетайч (существо наподобие осьминога) и садится ему на плечи, герою приходится таскать тварь с собой: *«На себе долго носил, даже устал; шел и запнулся за мертвую богатырскую голову. Взял да и толкнул ее ногой. Та и говорит: «Не толкай меня, Иван Туртыгин! Лучше схорони в песок. Я от его рук в землю пошел». Присел Иван, вырыл ямку и положил голову в песок. Голова и говорит: «Я тебе скажу, как от него избавиться...»»* (Садовников Самара, № 2). Практически та же идея описана и в одной из ранних записей сказки на этот сюжет. *«Я окинул взорами и увидел пред собой лежащую богатырскую голову отменной величины. Жалко стало мне видеть сию, валяющуюся, может быть, между костями погаными. Я сошел с коня и вырыл яму, вознамерясь предать земле кость богатырскую. Окончив рытье, поднял я голову сию и увидел под оною превеликий медный ключ. Окончив погребение и по обычаю воздвигнув признак, воткнул я мое копье над гробом /.../ Потом взяв я ключ, и прочел на оном следующую надпись на славенском языке: «Доброе дело не остается без награды. Возьми сей ключ и шествуй на восток. Там найдешь дверь, и сей ключ учинит тебя владельцем великого сокровища...»* (Левшин 1, С. 52–53). В обоих вариантах дар нематериален — устный совет, как истребить злобную тварь, или письменное указание, где зарыто сокровище (опять золото–серебро). Просьбу похоронить их высказывают и мертвые головы из одного севернорусского предания, что указывает на изрядную известность данного мотива в русском фольклоре. В предании о разорении Кокшеньги наши воины по очереди убивают нескольких атаманов неприятеля, отсекая им головы. Так эти головы и валялись там. *«Дьякон Боскарев видел кость на берегу озера: приподымается да и сосвищет — значит, хочет похорониться. Я видел тоже такую кость»* (Криничная 1, № 293).

Все эти сказочные примеры — более поздние по времени записи, чем известные лубочные повести о Еруслане Лазаревиче, и в первую очередь отражают сказительскую мысль, пытавшуюся нивелировать все неувязки исходного текста, включить его в схему традиционной сказки, где всё логично и имеет свои причины. Это произошло как в народных пересказах сказки о Еруслане, так и в

вариациях на эту тему, с произвольным использованием сюжета встречи богатыря с мертвой головой в других сказочных ситуациях¹⁷⁵. Тем не менее, эти же примеры можно считать прямыми указаниями на то, каков был использованный переводчиком источник фольклорной вставки в литературную сказку о Еруслане Лазаревиче: сюжет о благодарном мертвце, умноженный на историю о смерти Василия Буслаева.

Нельзя пройти мимо еще одной, пусть и очень отдаленной параллели мечу под мертвой головой. Европе известен несколько сходный мотив, когда только истинный герой или просто некто избранный может овладеть волшебным мечом, что не под силу всем остальным. Меч этот обычно воткнут в камень (ср. сказочное наоборот: *«и посреди (поля, — Б.М.) огромная голова Росланя богатыря на мече стоит»* (Ровинский 5, С. 117)). В пересказе сэра Томаса Мэлори¹⁷⁶ (ок. 1417–1471) легенда эта выглядит следующим образом.

«После этого долгое время пребывало то королевство в великой опасности, ибо каждый властитель, у кого было довольно войска, собирался с силами и немало кто чаял стать королем. Тогда Мерлин отправился к епископу Кентерберийскому и научил его послать за всеми баронами королевства и за всеми рыцарями, дабы под страхом проклятья собрались они к рождеству в Лондоне, затем, что исус, в ту ночь рожденный, /.../ быть может, явит им чудо, /.../ чудо его укажет, кому по праву царствовать над этой страной. /.../»

И вот в величайшей из церквей Лондона — был ли то собор святого Павла, во Французской Книге не говорится — задолго до наступления дня все сословия королевства собрались на молитву. И когда отошла заутреня и ранняя обедня, вдруг узрели люди во дворе храма против главного алтаря большой камень о четырех углах,

¹⁷⁵ Например, Змей похваляется: *«Никто, говорит, к нам не заходил, не заходил, только Иван-болван, а имел он силу двадцати четырех пудов. Мы его ушибли и этого ушибем. А у Ивана-болвана меч лежит под головой». Вот сестра и научила брата взять (меч, — Б.М.)»* (Худ, № 113). Или такой вариант. Герой едет за невестой для сюзерена: *«Приезжают в ее луга и видят: силы много навалено; богатырская голова отсечена поваливаецца. Миша конюх вылез, к голове подходит: «Што, богатырская голова, хто тебя победил?» Голова ответила, што «меня победила Катун-девица»»* (Зеленин ПГ, № 7).

¹⁷⁶ Томас Мэлори. Смерть Артура. — М.: Художественная литература, 1991.

подобный мраморному надгробию, посредине на нем — будто стальная наковальня в фут вышиной, а под ней — чудный меч обнаженный и вокруг него золотые письмена: «Кто вытащит сей меч из-под наковальни, тот и есть по праву рождения король над всей землей Английской». /.../

Когда же окончилась служба, все лорды вышли подивиться на камень и на меч. И когда узрели они письмена, попытались иные, кто хотел стать королем, но ни один не сдвинул, не шелохнул меча.

— Нет среди вас того, — молвил архиепископ, — кто добудет этот меч, но отриньте сомнения — Бог укажет его. /.../

Случилось так, что приехал на турнир и сэр Эктор, у которого были в окрестностях Лондона обширные владения, а с ним его сын сэр Кэй, и юный Артур, приходившийся тому молочным братом. Перед тем незадолго, в День Всех Святых, сэр Кэй посвящен был в рыцари. Но когда направлялись они на турнирное поле, хватился сэр Кэй своего меча — он оставил его в отчем доме, — и просил он юного Артура съездить за его мечом.

— Хорошо, я поеду с превеликой охотой, — молвил Артур и во весь опор поскакал за мечом.

Когда же прискакал он домой, оказалось, что госпожа со всей челядью отправилась смотреть турнир. Разгневался тогда Артур и сказал себе: «Поскачу на церковный двор и возьму меч, что застрял между камнем и наковальней, не допущу, чтобы брат мой сэр Кэй был без меча в такой день». Вот, прискакав на церковный двор, спешился Артур и привязал коня к ограде, потом пошел к сторожевому шатру, но рыцарей там не было, ибо все отправились на турнир. Тогда, ухватив меч за рукоять, одним быстрым могучим рывком выдернул он его из камня, сел на коня и поскакал своей дорогой и, подъехав к брату своему, сэру Кэю, отдал ему меч. /.../

— А как вы добыли сей меч? — спросил сэр Эктор Артура.

— Сэр, я поведаю вам. Когда я вернулся домой за мечом моего брата, я не застал там никого, и некому было дать мне меч. И подумал я, что не быть же брату моему сэру Кэю без меча, и, поспешив сюда, выдернул сей меч из камня безо всякого труда. /.../

— Ну, — сказал тогда сэр Эктор Артуру, — вижу я, что быть вам королем над этой землей.

— Почему же именно мне? — удивился Артур. — Какая на то причина?

— Причина та, что так хочет Бог, — сказал сэр Эктор. — Ибо только тому человеку дано было вытащить сей меч, кто будет законным королем над этой страной».

Артур вытаскивает меч из камня

О том, что мертвая голова может соотноситься с камнем, столь же гладким и мертвым, как череп, уже говорилось выше. На языковом уровне сближение их прослеживается, начиная с названия камней (упоминавшийся ранее камень «Мертвая Голова»; в Коломенском лежит камень, считающийся головой коня Егория Храброго, оторванной змеем) и трактовки их особенностей типа вмятин или чаш как следа от головы (например, Ильи Муромца¹⁷⁷), и заканчивая уподоблением крепкой головы камню («каменная голова») и описанием смерти Василия Буслаева во время прыжков через Алатырь:

*Он и стаў жо да Василей Буславьевичь
На камешек да он поскакивать.
Он сзади скочил
Да он и шииб свою буйну голову*

(НБ, № 12);

¹⁷⁷ Опарин В. Хождение к Буяну-камню. — Петрозаводск, 1978.

*Ударился о камешек своей буйной главой,
А тут Чурилке смерть и случилась.*

(Былины 2, № 247)

Почитаемые камни практически всегда имеют немалые размеры, что вполне увязывается с упоминанием великанских размеров мертвой головы богатыря: *«и в той рати лежала богатырская голова как великою бугор»* (Ровинский 1, С. 60). Напомню так же, что мы изначально говорили о головах почитаемых. В описании Мэлори камень с мечом появляется не только в день праздничный, но на территории храма и к тому же во время богослужения. Так что параллель с фрагментом легенды артуровского цикла определенный смысл все же имеет. В плане символов речь идет едва ли не об одном и том же...

Дальше больше. Легенда об Артуре, получившем из камня меч — символ верховной власти — несомненно, перекликается с кельтскими мифами о знаменитом камне Фаль (Лиа Фаль), чье имя связано со значениями «светлый», «сверкающий», «изобилие», «знание» и пр. В тексте «Битвы при Маг Туиред» о нем сказано: *«Из Фалиаса принесли они Лиа Фаль, что был потом в Таре. Вскрикивал он под каждым королем, кому суждено было править Ирландией»*. Согласно одному из преданий, камень Фаль был расколот ирландским Гераклом — Кухулином, и вскрикнул в очередной раз только когда на него ступил ногой Конн Ста Битв, потомству которого было предназначено править Ирландией. И тут можно видеть явную перекличку с мертвыми головами. Волшебный камень, хотя и материя неживая, умеет издавать некие звуки, но ведь то же самое и с мертвыми головами, которые, в нарушение законов природы, умудряются разговаривать, кричать¹⁷⁸, грозить, пророчить...

Напоследок, закрепляя тему дарителя, уместно припомнить и о традиции закапывать, а потом искать клады под особыми приметными

¹⁷⁸ К примеру, в фермерском доме Танстид графства Дербишир с середины XIX в. хранится череп, получивший прозвище Дики. Согласно легенде, он принадлежал убитому здесь предку владельцев усадьбы по имени Нед Диксон. Его не раз пытались захоронить, но каждый раз череп визжал так, что его предпочитали оставить в покое. Жильцы дома и сегодня полагают, что Дики хранит их от неприятностей, исправно выполняя сигнальные функции при приближении посторонних.

каменьями. Так, в рукописи о кладах в Киеве («Список Лещинского») сообщается под № 31: «Против старого перевозу Сорокотич есть камень против села Рытячи, а под камнем клад денег»¹⁷⁹; «на том холму стоят четыре сосны. На первой сосне проделано сверлом, на другой против ее также и между теми соснами лежит пильтов (?) камень, а под тем камнем лежит посуда медная и серебряная»¹⁸⁰; «есть у погосту версты полторы лежит камень, на нем выбита лошадиная подкова; от камня 9 сажений котел опущен с деньгами»¹⁸¹; еще в одной росписи о кладах, стилизованной под письмо Разина, сообщается, что атаман зарубил неверную девицу и зарыл ее вместе с сокровищами на 25 тысяч рублей: «А зарыл ее между дорог и навалил камень; на нем сделал знак валька, что платье моют»¹⁸². Если валун имеет необычную форму, известен в народе под собственным именем, несет на своей поверхности природные или рукотворные отметины, можно быть уверенным, что кто-нибудь из местных жителей уже копал под ним в поисках сокровищ. Не в этом веке, так в прошлом или позапрошлом. Даже если камень просто священный или целительный, это не мешало бедовой головушке самостоятельно или при помощи доброхотов придти к мысли, а не поискать ли чего там, не гуляли ли тут вездесущие Кудеяр или Разин... И пусть клада под валуном нет и не было, тут важно само представление о связи каменного стража и благ, которыми он может одарить искателя. Вот и опять выходит, что каменная голова — едва ли не та самая мертвая богатырская голова, размером как сенная копна...

¹⁷⁹ Низовский А.Ю. Зачарованные клады России. — М., 2001, С. 290.

¹⁸⁰ Смирнов В.И. Клады, паны и разбойники // Этнографические очерки Костромского края, вып. XXVI. — Кострома, 1921.

¹⁸¹ Величков А.Н. Предания о кладах Гжатского уезда Смоленской губернии. — М., 1880.

¹⁸² О разинских кладах // Нижегородские губернские ведомости, 1897, № 44, часть неофициальная.

ЧАСТЬ II

МАГИЯ МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ (ПРАКТИКА)

Глава I

ЧУЖОЕ ЛИЦО

Что делать мне — бежать, да поскорей?

А может, вместе с ними веселиться?..

Надеюсь я — под масками зверей

Бывают человеческие лица.

В. Высоцкий.

Мертвая голова в руках человека *знающего* может поработать его двойником. Условным двойником, если точнее, но большего от нее и не требуется. Главная задача мертвой головы здесь — в некий особо напряженный момент отвлечь ненужное внимание от человека или же принять на себя причитающиеся ему неприятности, реальные или вероятные, не суть. Белорусская сказка прекрасно демонстрирует это положение. Волшебный помощник помогает героине истории выбраться из логова ведьмы: *«Выйшаў той дзяцюк і кажа: «Ціха, дурню, не плач!» І даў ёй конскую галаву. «Ідзі, — кажа, — з гэтай галавою, стань над крыніцаю, узлажы гэту галаву на сваю галаву і ўсё ківайся стоячы, і ўсё ківайся. З крыніцы ўсё будучь чэрці вылазіць і ісці да яе на вяселле, а як вылезе апошні, дык дасць табе па галаве, галава гэта ўпадзе на зямлю і ты падай, а ён сам паляціць, бо будзе думаць, што ён цябе забіў, тады ты ўстань ды й ідзі назад да хаты»* (БНК, С. 342). Чужая голова, она чужая и есть, к тому же — мертвая. Так что чего ее жалеть? Она и нужна-то как раз только для того, чтобы ее лишиться, отведя удар от бедовой головушки. Квазиголова подставляется и слетает с плеч долой. Это магия, пусть и описанная на примере сказки.

Приведу также один замечательный образчик дурацкой мудрости, могущий послужить для *ищущих* хорошим примером магии замен. Так сказать, колдунам на заметку. Пастух-дурень, у которого по его вине пропала овца, соображает, как ему лучше объясниться с паном. Выстраивает, так сказать, стратегию вербального боя. Для этого он принимает на себя роль вопрошающего лица, а вместо себя подыскивает замену (за нее он также подает голос): *«настролив шапку — буцім то він приходить до пана»* (Рудченко I, № 81). Шапка отвечает неправду, и он ее за это «по потилиці». Так, перебирая

возможные варианты вопросов и ответов, пастух приходит к нужным выводам.

В быту же это выглядит несколько иначе. Тем паче в быту наших предков еще каких-то сто лет назад. Не в повседневности, нет. Но в пору праздничную — на святках, во время наибольшего разгула потусторонней силушки. Впрочем, надо думать, что темные колдуны, должные по самому характеру своей тяжелой профессии сообщаться с упомянутыми выше чертями много чаще, и способ сей применяли не один только раз в году. Речь у нас пойдет в первую очередь о... разного рода масках. Чужая голова может выглядеть именно так — как съемное лицо. Чужое лицо. По сути же, нет никакой разницы, череп ли это, имитирующий его горшок¹⁸³ или кусок кожи с отверстиями под глаза и рот. Его надевают, чтобы изменить внешность, ввести *кое-кого* в заблуждение. После этого фальшивый лик может быть снят и даже уничтожен, чтобы от подмены не осталось и следа¹⁸⁴.

Впрочем, давайте, как всегда, обо всем по порядку. Причем временами придется сильно отвлекаться.

Чужой головой на святках служила либо маска (неважно, наложенная немудрящим гримом или изготовленная из какого-либо материала¹⁸⁵), либо предмет, могущий в силу магии подобия, равно как и просто подобия, сойти за голову. Первое применялось ряжеными в существ антропоморфных, второе было обычным делом для ряженья в зооморфных персонажей.

Маска — слово завозное и не очень давнее. В древнерусской литературе зафиксированы более старые названия: *обличие игрец, лик(о)ственик, наличиник*; в народе ходили названия попроще: *харя, рожса (чертова рожса), личина* (Ивлева, С. 176, 183). Литературными

¹⁸³ К примеру, ряженные кикиморами привязывали на голову горшок, что со временем стали объяснять как кокошник (*Преображенский Н.С.* Баян, игрище, слушанье и шестое января // РЭФ, С. 185), хотя речь изначально шла о диковинной форме головы — головы болотного демона.

¹⁸⁴ «после колядования свержали обряд «очищения» — *сжигали маску, костюм, читали молитву, зажигали свечу*» (*Прокопец О.Н.* Традиционная культура Тульского края («Русская традиционная культура», Вып. 5). — М.: Родник, 1998, С. 43).

¹⁸⁵ «использовались подручные, легко доступные и большей частью недолговечные материалы» (Ивлева, С. 176).

формами являются и такие названия масок: *бесовские личины, лица сатирские, лица косматые, лица козиш* (Ивлева, С. 58), *личины, обличья, скураты, маишары* (Фаминцын, С. 109). Последние два названия заимствованы и, быть может, не являются обозначением масок.

В более поздние времена ряженьё теряет свое магическое значение, превратившись в карнавал, и даже скорее в балаган, весьма похожий на черную мессу ЛаВея. В Москве 30-х годов XIX в. в дворянской и мещано-купеческой среде праздновали Святки — аллегорические ряженные устраивали «Кадрили скотов»: *«5 человек в масках, баранья голова с супругой — с кошачьей, офицер в иностранном мундире с заячьей головой, пасынок — с лисьей, франт — с ослиной головой»* (ООФ, С. 343). Но не о том речь.

1. Маска из куска материала

Бумага, береста, ткань, дерево: *«маски /.../ самодельные, из бумаги или бересты с носом, тоже из бересты или бумаги», «Маски сами делали, бумагу выкрасят краской (красной), подведут рожу, зубёшка /.../ подведут, выстригут из бумаги», «а кто носовой платок наденет, дырки для глаз прорежет»* (Ивлева, С. 176–177); *«Они всяко рядились, из бересты маска, дыры нарежут»* (Востриков 1, С. 19); *«Маски делали деревянные, сводедельные»* (Ивлева 1, С. 389); *«Лица закрыты марлей или тюлевой занавесочкой»* (Ивлева 2, С. 83); *«На святках наряжаются всячески, кому как вздумается, и надевают маски из бумаги или из бересты»* (Иваницкий, С. 128). Самый простой вид такой маски (не исключено, что не самый древний, а как раз наоборот) — завешивание лица тканью: *«Рядились хорошо /.../, кисеями закрывались», «лицо покрывают платком или одевают личину», «Лица закрыты марлей или тюлевой занавесочкой», «Лица вместо масок покрываются платком или кускам кисеи», «Маски были не такие, как сейчас, — с марли», «Кисеями закрывались — масок у нас раньше не было»* (Ивлева 2, С. 83).

Более любопытны варианты, когда маску делали из тыквы: *«Простейшие маски изготовлялись из коры и бересты, из очищенной от мякоти, разрезанной пополам тыквы»* (Скопинцева, С. 115); *«Лица закрывали: маски из бумаги делали, из тыквы — глаза прорезаны в тыкве, в бумаге»* (Ивлева 1, С. 125).

Изготавливали из тыквы и маски-головы для изображения зооморфного персонажа: *«Серым конем ра(я)дился. Один*

[изображал коня]. Шоб хвост быў ў коня, то брали вытертый лён на мялку. Голову робили з длинного гарбуза. И зубы вырезали, и вочы [в тыкве=голове]» (Ивлева 1, С. 91).

Но это еще не всё. Из тыквы могли делать голову для праздничного чучела: «Особое место в масленичных обрядах в Хорватии, главным образом в ее западных областях, и Словении занимает образ собственно карнавала (*karneval, knjo, krnješe* — Далмация; *rokladna baba* — Славония; *rust, korent, korant, kurent, slamnik, slamnati mož* — Словения, Истрия, Приморье). Это была большая, иногда в рост человека кукла, набита соломой и тряпьем, с головой из большой тыквы (Славония), или глиняного горшка (Словения)» (КОЕ Весенние, С. 247)¹⁸⁶.

А также голову-чудище, которой на святках пугали народ: «Пугали прохожих — у тыквы вырезали глаза, нос, рот, а внутрь ставили горящую свечу»¹⁸⁷; «Коли дозріють гарбузи, то хлопці роблять із гарбуза опудало: зрізують вершок, вичищають середину, прорізують ножом очі, ніс, здорового рота. В нос настромляють паличок і виходить, ніби це опудало вишкірює зуби, а в середину ставлять запалену свічку. Темного осіннього вечора котрийсь хлопчак бере таке опудало і йде туди, де бавляться діти. Підкрадається й виставляє з-за плути гарбуза з запаленою свічкою. Діти, несподівано побачивши в темряві великі вогняні очі та величезну пащеку з вишкіреними зубами, — лякаються і з криком розбігаються геть» (Воропай, С. 460); «Про тыкву-светильник мне рассказывала бабушка, они в детстве, на Украине, это делали. Так что когда начались всякие фильмы там про Хеллоуин, я это уже знал. Так вот, мы с В. решили испугать девочек, которые должны были поздно вечером проходить мимо нашей дачи. Девочки были года на три постарше, одна из них мне нравилась. И вот мы достали тыкву, вырезали в ней глаза, рот, нос и стали ждать в кустах. А девчонки-то были постарше нас. И поэтому повели себя иначе, чем мы ожидали. Одна закричала: «О, да нас кто-то пугает!». Затопала

¹⁸⁶ Тут, по ходу, обращаю внимание на взаимозаменяемость тыквы и горшка. Да, магия подобия, она самая.

¹⁸⁷ Пухова Г.Ф. Традиции ряжения в Воронежской области (по записям фольклорных экспедиций 1990–2004 годов) // Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Выпуск III. Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005.

так ногами, закричала: «У-у-у!» И получилось, что это не мы ее испугали, а она нас»¹⁸⁸.

Хэллоуин, безусловно, напоминает. Тот самый «светильник Джека» (англ. Jack-o'-lantern), что стал известным символом праздника — вырезанная из тыквы оскалившаяся голова со свечкой внутри. К примеру, в Швейцарии 16 ноября «вечером носили долбленные тыквы, внутри которых были вставлены зажженные свечи. На стенках тыкв делали прорезы в виде черепа и астральных знаков, светившиеся в темноте» (КОЕ ЛО, С. 162). Черепа, ну разумеется...

Джек-фонарь. Отличное средство испугаться

Безусловно, ни о каком заимствовании или влиянии Запада на отечественные святочные забавы и речи быть не может. Чтобы раз и навсегда согласиться этим, коли недостаточно цитаты из О. Воропая, стоит привести такой пример: «Редкий вариант «звезды» был зафиксирован этнографами в станице Ахметовская Лабинского р-на

¹⁸⁸ Громов Д.В. Тыква для Хэллоуина: русский вариант (<http://gromovdv.livejournal.com/104932.html?view=687076#1687076>). Там же в статье пересказываются еще три случая такого применения тыквы-головы в отечественной традиции, записанные автором: «В ряду типологически близких явлений надо упомянуть и использование «чудовищной» тыквы-светильника в детских и подростковых запугиваниях, популярных в пионерских лагерях. Нам известно два случая (конец 1970 – начало 1980 гг.) когда мальчики вырезали из тыкв пугала и подсвечивали их свечкой, чтобы пугать девочек. Один из информантов отметил, что слышал о таком способе запугивания от пионеров, более старших по возрасту».

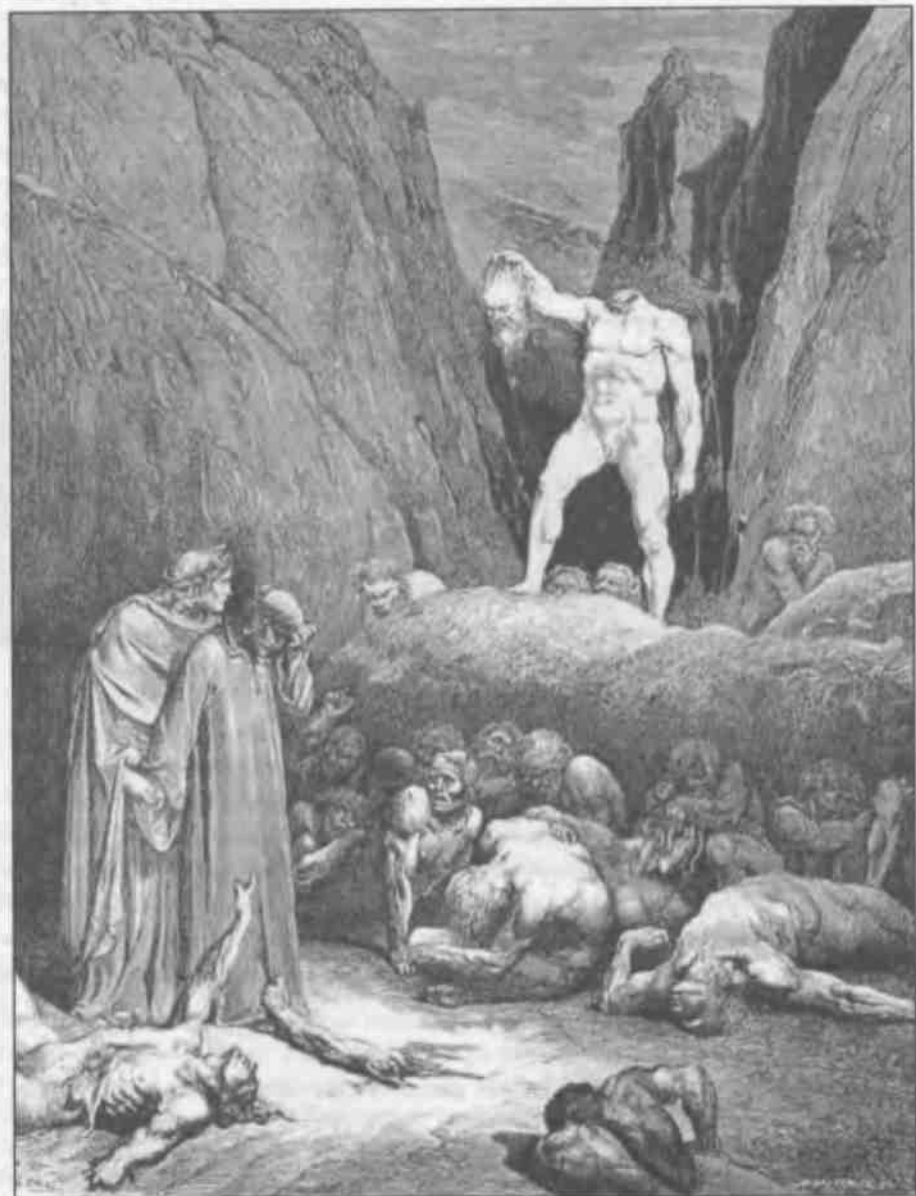
Краснодарского края: когда ходили на святки «рождествовать», то брали большую тыкву, удаляли из нее мякоть, делали прорези-глазницы и рот, вставляли в тыкву зажженную свечу и с этой светящейся в ночи «головой» (которую называли «звезда») ходили по домам»¹⁸⁹. Можно вслед за Д.В. Грозовым полагать, что «сходные явления возникли благодаря их прагматической обусловленности». Но, на наш взгляд, говорить следует скорее про иное общее — магия подобия, она у всех народов, даже не родственных по происхождению, применяется, в общем, одинаково. А тыква в народной традиции что славян, что других индоевропейских народов Европы четко ассоциировалась с головой, о чем уже говорилось ранее. Вспомним болгарскую загадку о голове: «Тыква с семью дырками» (СФ, С. 166). Так что обусловленность была, по всей видимости, ассоциативной.

Тыква как голова ряженой «лошади» — похоже, промежуточный вариант, от которого могла отделиться маска для человека. А исходник для них обоих — голова-пугало (опудало). И «лошадь» пугает на посиделках народ, и человек в маске из тыквы, так что общая идея в целом прослеживается. Свечка же, которая превращает огородный овощ в волшебный фонарь, появилась тут явно неспроста. В традиции голову могут сравнивать с фонарем: «Голова без ума, что фонарь без свечи» (Даль). И настоящим фонарем служит мертвая голова в мире потустороннем.

Вспомним нашу Василису Премудрую, посетившую дом Яги и даже получившую от нее на обратную дорогу голову-фонарь: «на каждом коле голова, глаза огнем горят, изо рта кипятки льются» (Королькова, С. 195); «у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня», «Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей /.../. Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра» (Аф, № 104)¹⁹⁰.

¹⁸⁹ *Виноградова Л.Н.* Рождественская звезда как ритуальный символ // Живая старина, 2000, № 4, С. 36.

¹⁹⁰ С чем любопытно сравнить моравский обычай «палить чародейниц» «в ночь на 1 мая, для чего привязывали на жердь горшок, наполненный дегтем, поджигали его и бегали с ним по холмам» (СД 2, С. 40). Здесь есть и аналог мертвой головы, и выпускаемый ей огонь, и шест для ношения артефакта, и... явно ритуальный бег.

Бертран де Борн со своей головой

Или незабвенного Данте Алигьери, описавшего свою потустороннюю встречу с провансальским трубадуром XII в. Бертраном де Борном:

*Я видел, вижу словно и сейчас,
Как тело безголовое шагало
В толпе, кружащей неисчетный раз,*

*И срезанную голову держало
За космы, как фонарь, и голова
Взирала к нам и скорбно восклицала.*

*Он сам себе светил, и было два
В одном, единый в образе двойного,
Как – знает Тот, чья власть во всем права.*

*Остановясь у свода мостового,
Он кверху руку с головой простер,
Чтобы ко мне свое приблизить слово...*

(Божественная комедия. Ад. 29. 118–129)

Волшебный фонарь нужен, чтобы осветить путь душам предков, которые приходят к своим потомкам в определенные дни года (на Осенние Деды (Хэллоуин), Коляду...), и одновременно это средство пообщаться с ними. Если долго смотреть на огонек, горящий в подобии мертвой головы, то рано или поздно можно начать видеть через него иной огонь, за которым сидят ваши пращуры, можно узреть их лики на *той стороне*, и отверстия в тычке станут широкими окнами в Иной мир... Либо ликом пращура вдруг обернется сама голова–тыква с полыхающими нездешним огнем очами и устами, чудесным образом начавшая пророчить или отвечать на ваши вопросы... Либо отбрасываемые на стену отблески из глазниц фонаря–головы сложатся в понятные знаки или *осветят* нечто... Нужна только ночь, тишина, настрой, спокойствие разума, вера в возможность сего и желание поговорить со своими родственниками, что уже ушли...

Такой фонарь сделать совсем не трудно. Если кто–то еще не догадался, для этого совершенно не обязательно ждать, когда созреют

тыквы. Подобная вещица должна быть на всякий случай всегда под рукой. Выпилить мертвую голову из обычного глиняного горшка хоть и долго, но можно. Попробуйте, не пожалеете.

Далеко ушли от темы масок? А я предупреждал. Ничего, сейчас вернемся и продолжим.

2. Маска–грим

Маска, наводимая при помощи грима, — это трудно отнести к мертвой голове как отдельному предмету. Однако есть и тут любопытная зацепка к нашей теме, которую стоит упомянуть. Это первое. А второе — упоминаемый далее вид масок кое–что наилучшим образом поясняет, так что надо разобраться с ними.

«Возможно, что своеобразной маской была особая раскраска лица, описанная в г. Коротояке Острогожского р–на: «Наряжались в разные маски, мазались «сапухой» (золотой), разукрашивались мелом, толкли дурман–траву и зелёным по белому мазали, наряжались в тряпки»¹⁹¹. Мелом/золотой, а потом дурманом? Белое/серое лицо характерно для покойника (его еще изображают при помощи белой ткани–завески¹⁹²; собственно, он вообще весь в белом¹⁹³), а дурман — возбуждающее средство. Любопытное получается сочетание, взрывоопасное... То–то ряженные по избам скакали и неистово кружились... Думается, что мертвенная белизна такого «лица» уже не особенно нуждается в дополнении в виде речи и жестикуляции. Можно просто помалкивать или даже лежать бревном. В народной терминологии такие ряженные (иногда — ряженные вообще) назывались «белохи», «беляки», «бельки» (Ивлева 3, С. 113).

Впрочем, лицо могли и чернить: *«На Новый год наряжались, размалёвывали себя бураком, сажей», «На Новый год гадали. Рядились в шубы, сверху шерстью. Рукава тоже наизнанку, подпоясывались, платком подвязывались. Вот и пошли. Лицо*

¹⁹¹ Пухова Т.Ф. Традиции ряженья в Воронежской области...

¹⁹² *«Зависимсе вот штоб токо вот так. Вот эдак завесиссе, а тут ишо платок наложишь. На этот платок ишо платок наложен» (По заветам, С. 11), «Маски были не такие, как сейчас, — с марли» (Ивлева 2, С. 83).*

¹⁹³ *«Мужчина одевает рубашку белую, штаны белые, онучи белые /.../; лицо покрывают платком или одевают личину (маску), деревянную долбленную (или из бересты), страшную, неприглядную» (Завойко К. В костромских лесах о Ветлуге–реке // РЭФ, С. 199). Похожим образом рядились и в Смерть: «Смэрт в белому и с косою» (Ивлева 1, С. 88).*

карандашами да сажей мазали»¹⁹⁴, «Некоторые (большие из состоятельных) надевают на лицо маски, сделанные из бумаги и купленные у своих же сургутских мастеров по этой части; другие расписывают себе лицо сажей или приделывают бороды и усы из конских и коровых хвостов»¹⁹⁵.

Святочная маска. Село Усть-Цильма Архангельской губ. Начало XX в.
 Маска для «шуликунов». Дер. Верхняя Золотица Архангельской губ.
 Рубеж XIX–XX вв.

Кого таким образом изображали, известно. Сибиряки-старожила на святки «чертями мазались» (Любимова, С. 115), «Еще «шишиком» (т.е. чертом. — Л.И.) одевались /.../ лицо черным закрыто» (Ивлева, С. 178), «Черт быў, як мазаны в сажэ: маска чэрна, и весь ў черным» Ивлева 1, С. 91). Особый интерес (та самая зацепка с темой) представляет белорусская маска Смерти: человека «накрывалі дзвюма швытымі прсцінамі, на тым кавалку прсціны, які накрываў твар, малявалі вуглём вочы, чэрап, вялізныя зубы, нос»; «на твар нацягвалі

¹⁹⁴ Пухова Т.Ф. Традиции ряженья в Воронежской области...

¹⁹⁵ Традиционные зимние увеселения взрослой молодежи в районах Среднего Приобья. Альманах «Русская традиционная культура». 1996, № 1, С. 9.

панчоху ці прымацоўвалі кавалак белай тканіны, на якіх малявалі вялізныя страшныя зубы і *чэрап*» (Кухаронак, С. 30, 31). Что ж, хотя бы один из примеров дает ясно понять, что таким образом хотели изобразить именно мертвую голову. По сути, это воспоминание о прежней магии.

Итак, мертвец, смерть, кикимора, Яга, черт, бес, «враг»¹⁹⁶ (Новые поступления, № 100, 101). Вот в кого переряживались на святках. Разумеется, целей у такого действия было множество.

Во-первых (хотя и не «в-основных»), игроки имели явное намерение поугаать верочничающую молодежь и домохозяев: *«Делали (маски. — Л.И.), возьмут матерью, дырки для глаз сделают, наденут на себя и людей пугают», «На лицо маску из бумаги или сеточку. Страшные были маски»* (Ивлева, С. 179). Пугает то, что не от мира сего — это как раз мертвецы и черти. Но. Пугать — это ж разве только игра¹⁹⁷? Ведь и пугало на огороде, украшенное мертвой головой, тоже занято тем же. *Отпугивает* кого-то. Так, может, ряженные подразумевали в том числе и это?..

Во-вторых, ряженные имитировали («овеществляли») приход душ предков из Иного мира, о чем в их собственных речах немало намеков.

Они рассказывают, что проделали долгий и трудный путь: *«По цямной ночи да по гразной грази», «Прахадзілі лясы, боры», «Чэраз поле шырокае, // Чэраз мора глыбокае», «шли не дзень и не два, не ночь и не две»* (ЗКП, С. 155, 156). Такие преграды характерны как раз для Того Света. По пути они пересекают необыкновенный мост (известен во многих традициях), соединяющий мир живых и земли умерших. Мост этот зачастую богатой отделки (золотой) и неимоверно велик (перекинут через море):

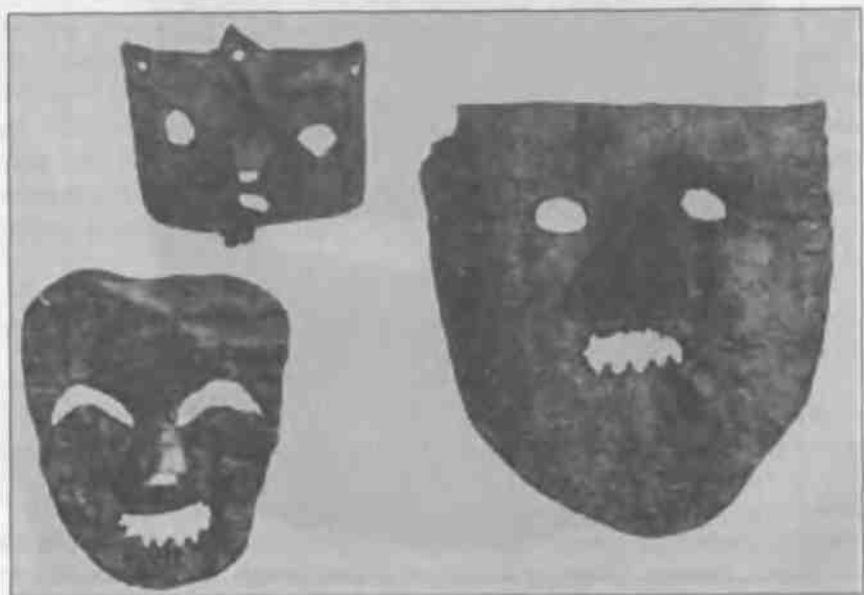
*Цераз поле шырокае,
Цераз мора глыбокае*

¹⁹⁶ Позднее такая чумазость ряженого переосмыслиется как результат его профессиональной деятельности — появляются ряженные персонажи, называемые «трубочистами», «печемазами», «печниками» (Ивлева 3, С. 112).

¹⁹⁷ Кстати, Л. Ивлева отмечает: *«В каком бы аспекте ни раскрывался принцип неузнаваемости, определяющий поведение окрестников, очевидно, что он не может быть сведен к сугубо игровому приему. Здесь еще, безусловно, сильны мифологические мотивы неузнаваемости»* (Ивлева, С. 189).

Святочная маска. Село Усть-Цильма Архангельской губ. Начало XX в.

Скоморошњи маски. Новгород, XI в.

*Ляжыць кладка шырокая,
Іцлі тудой валачэунічкі.*

*По мостах, мостах, по золотеньких
Ой ходэт по них все колэдники,
Все колэдники, а все братчыки,
А все братчыки, старіі люде.*

(ЗКП, С. 157)

Себя ряженые именуют не иначе как «*Божі служеньки, колядниченьки*», «*госцейкі небывалья*» (ЗКП, С. 162). А о своем появлении он сообщают весьма удивительные вещи. Вот, к примеру, их диалог с хозяином дома:

«— *Адкуль вы?*

— *Мы людзі не простыя, з далекага краю, хлопцы ўсе сталыя, з—над самага раю.*

— *Адкуль ідзеце?*

— *Ідзем кругом света, аж ад пана Лета. Мы к лету ідзем, казу вяздем і радасць нясем*» (Кухаронак, С. 34).

В польской новогодней присказке ряженный—колядовщик рассказывает, откуда он явился в наш мир: «*Ja pochodzę z takiego miasta, // Gdzie srebro i złoto wyrasta, // Gdzie psi ogonami szczerkają, // Gdzie ludzie okciami jadają*» — «*Я пришел с такого края, // Где серебро и золото вырастают, // Где псы хвостами лают, // Где люди глазами(?) едят*» (ЗКП, С. 173). По их словам, им пособляют свыше:

*Ой мости, мости, ви калинові!
Ой туди ішли три коляднички,
Туди ішла матерь Божия.*

(ЗКП, С. 158)

А когда ряженных пытаются, куда те пойдут дальше, в ответ звучит:

*Ой я ж бо іду в рай дороженьки,
В рай дороженьки, до милого Бога.*

(ЗКП, С. 158)

Л. Ивлева находит, что и костюмы ряженных, характерной особенностью которых была их ветхость (обноски, рванина, тряпки), выдают в них умерших прашуров: *«Именно этот признак, в свете некоторых сравнительных материалов, обнаруживает связь покойников с ветошью, позволяет рассматривать ее как одежду предка»* (Ивлева 3, С. 112). Появление ряженных в доме сулило разные блага, так как в их образе приходили предки. А уж своих потомков они в беде не оставят. И если ряженные — это предки, то их маски — это лица умерших, то есть мертвые головы. Тут уместно припомнить, что культ предков пронизан идеей почтения мертвой головы: из черепов почитаемых людей делают культовые чаши; выставленные на алтарях и помостах черепа или отделенные от тела головы служат объектом поклонения; в качестве хранилища (по сути, «временного тела») для пепла, оставшегося от сожженного тела, использовались изображающие голову сосуды («лицевые урны»); лицо умершего на века запечатлевали в погребальных масках¹⁹⁸; приготовленное поминальное блюдо — «канон» — выставляют в церкви на черном сукне, украшенном головою Адама¹⁹⁹.

Тем не менее, с другой стороны, десятки записей утверждают, что рядились и чертями. Ведь когда на святки открываются врата в Навь (или из Нави), не только души благих предков нисходят посетить родных. Оттуда вырываются еще и сонмы бесов. *«Цёртом вырезались. Один мужик дак перекаатвся в смоле да и в перьях — голый—от бегал. Так голый и бегал цёртом. И рога ишо привязал экиё, от коровы»* (По заветам, С. 17), *«Черт быў: роги булы и хвист ў яго, черное на ёму было. Маску робыли черту»* (Ивлева 1, С. 90).

Причем точно так же поступали и колдуны, о чем говорилось ранее. Во Владимирской губ. народ верил в т.н. «спорыньёвщиков». Это колдуны, которые отнимали урожайность («спор») с чужих полей. Вот как спорыньёвщик выглядел, идучи на дело: *«Такие люди в ночь на Ивана Купалу снимают с себя всю одежду и, оставаясь нагими, пачкают сажеею сплошь все свое тело, так что курице уклонуть не оставляют чистого места, привязывают ко лбу рога, какие окажутся под руками»*²⁰⁰. На Масленицу распорядителями праздника

¹⁹⁸ С ними как раз всего более и перекликаются маски ряженных, можно даже предположить, что одно повлияло на другое, если не послужило прообразом.

¹⁹⁹ Давнар—Запазвский М. Заметки по белорусской этнографии. // Живая старина. Вып. II. 1893. С. 285.

²⁰⁰ Календарные обряды Владимирской деревни. — Владимир, 1995, № 136

очень часто выступали «чудные» старички и молодцы, в которых можно угадать прежних служителей темных Богов и Богинь. Главное их занятие, если отбросить в сторону все фиглярство, это сопровождение в «последний путь» чучела Зимы (Масленицы), изображения Мары, Богини смерти. Так, в Енисейской губернии Ее сопровождали «нарядчики» — группа парней, одетых в самую худую одежду и с вымазанными сажей лицами», а в Пошехонском уезде с Ней на десяти лошадях ехали «вершники», облаченные в рваные рубища и выпачканные сажей (Соколова, С. 30, 87). Этот жест довольно символичен, ибо у пепла, золы, угля, сажи имеется вполне очевидный смысл — смерть, ничто, прах, нечто уничтоженное (сгоревшее) дотла, а также нечто низменное, грязное, непристойное. Для мистиков пепел является чуть ли не священным атрибутом их бытия, их духовного подвига, средством манифестации своего отречения от мира. Священным пеплом из погребальных костров покрывали свои тела члены шиваитских братств капалика, агхора и пашупати. Они купались, ели и жили в золе, перемазанные ей с ног до головы. Традиция гласит, что ритуальное посыпание тела пеплом имеет огромный очистительный смысл²⁰¹. Для аскета «покрытие тела пеплом означает символический контроль над силой тапаса (аскезы), а также уподобляет его Шиве, который окутан пеплом с кремационных площадок, где он танцует свой танец тандава»²⁰². Подобно агхори поступали и русские мистики позднейшего времени — юродивые. В житии Прокопия Вятского описан случай, когда его «омываше своима рукама» воеводская жена. Но, выйдя из хором, добровольный безумец немедленно «срацицы ... раздираше ... и меташе на землю ... и хожаше наг, якоже и прежде. Тело же свое видя от всякого праха водою очищено, и тогда хожаше в гражданския бани, и в корчемныя избы, и на кабатцкия поварни»²⁰³, и валяшеся по земли, и тело свое почерневаюша...» (Смех, С. 120–121). Для него это имело

²⁰¹ Ср. также: от порчи мазали шею сажей (Познанский Н. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. — М.: Индрик, 1995); чтобы ребенка не глазили, ему за ушком мажут сажей (ТРМ, № 225); согласно уэльскому поверью, пепел от первомайских костров, насыпанный в обувь, защищает от невзгод (ЭС, С. 320).

²⁰² Индуизм, джайнизм, сикхизм: Словарь. — М.: Республика, 1996, С. 102, 229, 327).

²⁰³ Т.е. ходил юродивый не куда-либо, а по тем местам, где имелись печи — источник его профессионального грима.

явно символическое значение (в частности, эпатаж, привлечение к себе внимания обывателя, к которому он взывает, в том числе и на языке символов), потому как перед смертью он немедленно принялся избавляться от своего маскарада («*нача... тело свое на снегу отирати во многих местех*»), желая предстать перед Богом чистым не только душой, но и телом.

Аналогичным образом выглядит и мистический герой наших сказок — Иван Дурак²⁰⁴, которому, при всей его «не-от-сего-мирности», удастся не просто всё, а даже сверх того (типичные возможности—«сидхи»): «*Так Иван живет себе преспокойно /.../ на печке сидит, замажется*» (Никифоров, № 111), «*платьишко на нем худое, весь в саже, волосы дыбом*» (Аф, № 179). Его даже именуют по этой характерной детали — Иван Попялов (Аф, № 135). Думается, не стоит списывать такую неухоженность дурака на бытовые причины. Это определенное, одно из многих, указание на его мистическую и даже демоническую природу, маркер принадлежности дурня к существам иного мира. В каком-то смысле он — нечистый дух, демон, вылезший из адской печи. С учетом его внешнего вида, ср. такие выражения, как *черт* «о ком-либо, сильно выпачкавшемся, до черноты»²⁰⁵, *чертовка* «грязнуля»²⁰⁶, *черт-чертом вымазался* «очень черен, грязен» (Словарь Даля)²⁰⁷, а также *немытик, немытый, неумытый* «нечистый дух, черт, дьявол» (Власова, С. 253).

В этом смысле и маска палача, этого демона наказаний, всегда нарочито вызывающего цвета (красная или черного) и почти без детализации, — это не только средство остаться неузнанным (многие палачи в Средневековье были известными, уважаемыми и преуспевающими гражданами), но и изображение мертвой головы. По сути, это один из способов принять облик не-человека, черта, поставщика самой смерти. Смотришь — и не видишь лица, только

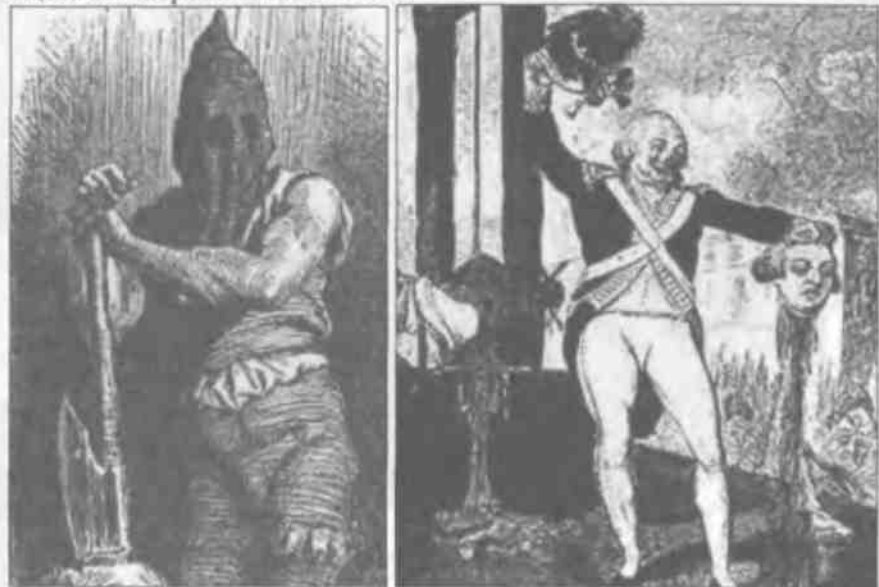
²⁰⁴ Полагаю, именно о нем будет мое следующее исследование.

²⁰⁵ Словарь образных слов и выражений народного говора. — Томск, 1997, С. 199.

²⁰⁶ Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. — Красноярск, 1988, С. 420.

²⁰⁷ Выпачкаться можно не только сажей (чего не чурались наши юродивые): «*сери да лоб мажь и будешь черт наш*» (Даль В.И. Заветные пословицы и поговорки // Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым. 1857–1862. — М.: Ладомир, 1998, № 351).

смазанный черепообразный лик... Традиция, между прочим, весьма давняя. До I в. н.э. в Риме палач, который добивал смертельно раненных гладиаторов, носил маску демона смерти Хару. Средневековые словно возродило старый и добрый обычай. Кстати, если подумать, а не тот же лик смерти — столь же мертвенно неподвижный — демонстрировали неприятелю войны своими лицевыми забралами на шлемах?

Палач за работой. Дело сделано, маски сняты

Личины на шлем: Древняя Русь (Серенское городище), античная личина

Но вернемся к теме

Одним словом, мы не можем наверняка говорить о масках-предметах в пользовании мистов прежней Руси²⁰⁸, но маски-грим, равно как и маски-образы²⁰⁹, ими применялись всюю. Впрочем, вот любопытная цитата: «Маска, возлагаемая на лицо мужскими служителями Диониса /.../ кажется особенностью островного культа с его мужским жертвенным обезглавливанием и почитанием Дионисовых голов или личин» (Иванов, С. 140).

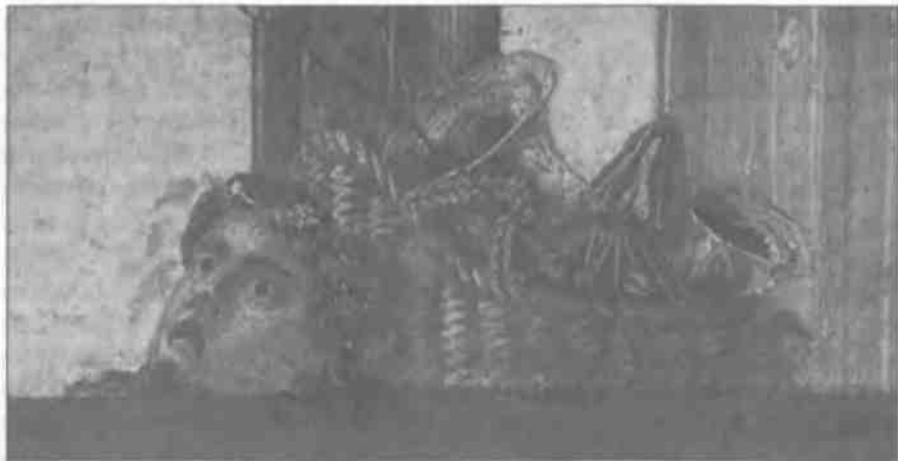

Маска Диониса. Античная керамика. Конец VI в. до н.э.

По сути, Вяч. Иванов осторожно намекнул, что ношение масок мистиками-дионисийцами связано с почитанием Диониса в виде отделенной от тела головы. То есть маски надлежит признать мертвыми головами. Такое вот предположение. «Нарядчики», сопровождающие чучело Мары, тоже, кстати говоря, из числа «мужских служителей»...

²⁰⁸ Имеется лишь одна параллель — скоморохи, чьи весьма выразительные кожаные «лица» сохранили земляные слои Новгорода. Здесь уместно, по меньшей мере, предполагать общие черты исполнения маски.

²⁰⁹ Сказочник, к примеру, может ненавязчиво упомянуть, что дурость Ивана, — это лишь образ: «а Иван — дурак, дак надо и подурочить» (Заветные сказки из собрания Н.Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996, № 1). Этим занимались и придворные шуты — люди далеко не всегда скорбные умом, за своими шутками умевшие приоткрыть правителю горькую правду.

*Театральная маска и предметы культа Диониса.
Фреска, 60–79 гг. Помпеи, дом Веттиев*

Итак, можно сделать вывод, что смысл зачернения своего облика ряжеными, колдунами и мистами был в том, чтобы придать себе соответствующий облик, затеряться среди пришлых «навей»²¹⁰, стать на лицо одним из них (стать похожим на Шиву, например). Колдун или ряженный, надевая маску, как бы временно отказывается от своего «я», надстраивает над ним еще один этаж, пусть и фальшивый, под скорый снос. Он в натуральную величину становится (старается стать) тем, кого изображает его новое лицо, в этом весь смысл! Чертом — значит, чертом. Тут остается только процитировать поразительно четкие определения Л.И. Ивлевой: *«Пословица «в рогожу одеться — от людей (от Бога) отречься» позволяет предположить, что переряживание в целом расценивалось как основание для контакта с нечеловеческим миром. Но между отречением от мира человеческого и надеванием маски существовала все-таки особой силы мифологическая связь: «Крвстьяне уверяют, что надевший маску уподобляется черту»; «И вся «нерасчлененность*

²¹⁰ Так, к примеру, детям мазали лица пеплом от щепок, которыми окуривали углы дома — *«чтобы их не нашел мрак»* (Седакова И.А. Крик в поверьях и обрядах, связанных с рождением и развитием ребенка // Мир звучащий и молчащий. — М.: Индрик, 1999, С. 115). Речь идет о словенских демонах (mrak, mračnina), похищающих детей.

его странного и страшного облика по происхождению своему — не от сего мира. Она и есть свидетельство мыслимой и по-своему воплощенной его демонологичности» (Ивлева, С. 182, 192). Всё как у героини сказки, с которой мы начали эту главу. Весьма характерно при этом, что менять приходится не только облик, но и повадки: «на уровне обряда отмечается, к примеру, практика имитации хромоты при осуществлении «зачерчивания» (Архангельская обл.)»²¹¹. А хромотой, как известно, отмечены представители Иного мира, начиная от беса, которому Громовержец отшиб пятку (рус. «Анчутка беспятьый», белорус. «Гнатка беспятьый»), и заканчивая Ягой, у которой в порядке только одна из ног. Ср.: детское пугало Бука/Бабай/Бай — «*Ишоў Бай по сцяне, // Крывую нагу нясе*» (ДФ, № 518); жуткий Верлиока: «*идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе /.../ на одной ноге — в деревянном сапоге, костью подпирается*» (Аф, № 301); даже Смерть, и та колченога: «*Курносая-то к тем прихрамывает, кто ее шибко боится*» (Науменко, С. 117).

Так что всем своим видом, включая зачернивание лица (тела), колдун (мист) подчеркивал свою иномирную природу, принадлежность к нечистой силе. И начинал он с головы. С мертвой головы, в виде накладного лица или подходящего грима. Отсюда и идут представления, что надевание маски накладывает на рядившегося некий негативный отпечаток, а посему под влиянием церковных проповедей начинает считаться за страшный грех, за который придется давать отчет на загробном суде: «*Боже сохрани, за какой тяжкий, смертный грех считали надеть на себя маску-харю, Масок не носят из-за боязни дьявола, так как надеть маску — значит одеть лицо черта*» (Ивлева, С. 183), «*Маскированных нет, и надевать маску считается великим грехом*», «*Масок не носят из-за боязни дьявола*» (Ивлева 2, С. 82), «*Ты побегал, а мы-то не знам, вроде ты чертей на себя набрал, или леших, так ты смоешься, значит, как, так это уже ничего*», «*А девки у меня ругаются: «Вот перед Богом-то придёшь в этой маске!»*» (Востриков 1, С. 30).

От этой полумнимой напасти предпочитали очищаться через омовение: «*Умываясь на Ярдани (проруби), надеются получить здоровьцо и очиститься от святочных грехов: самым тяжким из*

²¹¹ Березович Е., Родионова И. «Текст черта» в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сквозных мотивов // Между двумя мирами: представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей. Выпуск 9. — М. 2002, С. 13.

них считается машкарованьё с надеванием на лицо «чертовой рожки» (маски)» (Ивлева, С. 185), «Те из наряжавшихся на святках, которые надевали на лица маски, купались в крещенской проруби» (Ивлева 2, С. 81), «В реке их купают, этих всех (ряженных), чтобы с них это всё, нечистого духа смыть», «Отправляйтесь на иордань, мойте свои рожки поганые» (Востриков 1, С. 72, 73). Но можно предположить, что изначально это имело под собой не столь духовную, сколь практическую основу и касалось только масок, наложенных при помощи грима, ведь «мазались» красками, сажей, мелом, а их проще всего смыть. На такую вероятность может указывать следующий пример: «Часцей за ўсё яны купаліся на Вадохрышча ў асвечанай палонцы на рэчцы або возеры ці толькі прыскалі гэтай выдой сабе на твары» (Кухаронак, С. 77). Только по лицу. Этого может быть достаточно как раз в случае раскраски. Все сие верно и для колдуна. Походив в Иномирье среди бесов, он может спокойно воротиться и смыть (снять) маску, зная, что теперь ни один из потусторонних обитателей не сможет его опознать.

3. Зооморфная маска

К этой группе масок название главы «Чужое лицо» несколько не подходит, потому как речь идет, согласно нормам языка, не о лице, а о морде. Но ведь это даже и не маска в прямом смысле слова, а муляж головы, что вполне уместно в русле общей темы нашего исследования. Посему продолжим.

Голову святочного «животного» (быка, лося, медведя, лошади, вепря, верблюда) могли собирать из подручных средств типа клока сена, шапки, или вовсе никак не выделять, лишь намечая примерно ее место. Но во множестве случаев использовалась реальная мертвая голова или предметы, с ней традиционно ассоциирующиеся.

Тыква: «Серым конем ра(я)диліся. Один [изображал коня]. Шоб хвост быў ў коня, то брали вытертый лён на мялку. Голову робілы з длинного гарбуза. И зубы вырезали, и вочы [в тыкве=голове]» (Ивлева 1, С. 91).

Горшок: «Приташилы, там средились продать. Ну, там срядяца, значит, ценой сойдуца. Значит наа бить — икурать. А там у «медвидя» кринка — кринка глиняная /.../. И вот тут, значит, у одного топор за кушаком. Этово «медвидя» по кринке: раз! Эта-от в черепки — кринка. «Медвидь» пав!» (КИ, С. 242; Белозерье, С. 226); игра «Бить быка»: «[На голову] пивной горшок наденут да

туды чёо–нибудь накладывают да разобьют! Которыз приведут [разбивали]»; «Как по этой по **крынке**–то шарахнет! Кринка–то разлетицца, все тут зареят–то, што эть уи знают, не бык приведён — челоэк» (КИ, С. 237, 238); ««Говядо» представляет ряженный мужчина /.../. В руке исполнитель держит палку, на которую насажен горшок, представляющий голову животного. В этой сцене «хозяин» продает «говядо», торгуется с «мясником» или «поваром» на свадьбе. Купивший убивает «говядо» ударом **по голове (горшику)**» (Сикимич, С. 31); «**Быка продавали. Один (бык) в шубе, второй ведет его на длинной веревке. /.../ Кто купил быка, по голове колотушкой (его) стукнет, и тот падает (к голове как–то горшок приделан)**» (Белозерье, С. 48); «**Человек в вывороченной шубе идет задом, на руках и ногах, а на заду горшок и рога, вроде как бычья голова**» (Ивлева I, С. 368)²¹².

Череп: «У словенцев, например, ряженный *Šimelj* — существо, напоминающее коня (с лошадиным черепом или его стилизацией вместо головы): его водили по домам, подковывали и закалывали» (Агапкина, С. 595); масленичного коня у русских делали так же: «длинный сноп соломы, к которому на палке приделан лошадиный череп, а тело покрыто попоной» (Агапкина, С. 584–585); в Калужской губ. на Масленицу наряжали «кабылу», для чего использовали «скелет головы лошади на палке» (ФКГ I, С. 45)²¹³; «Двое парней попоной накроются, что–нибудь вместо головы приладят, бывало и череп лошадиный» (Скопинцева, С. 115); в Болгарии на Масленице и Святках водили «камила» («верблюда»), который представлял собой

²¹² В польских песнях и календарных паремиях, приуроченных к началу поста, весьма популярен мотив «*Wstępna środa garnki tłucze*» (Пенельная среда колотит горшки) (Агапкина, С. 85). Любопытно, что в Вологодском крае обход молодежи в чистый четверг домов с целью выпросить остатки скоромного и выпивки назывался «*черепки собирать, черепья собирать, косточки собирать*» (Агапкина, С. 81). Черепья вроде бы от разбитых горшков, но тут же говорится и про косточки. Скорее всего, речь идет об остатках праздничных мясных блюд, однако сколь перекликается с темой черепа...

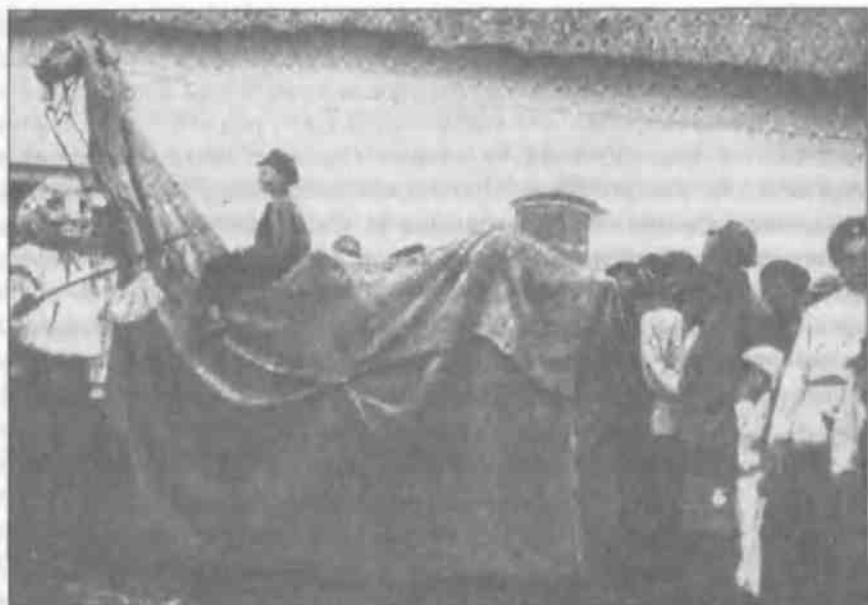
²¹³ Отсюда отошел вариант, сохраняющий жердь или шест как основу, держащую мертвую голову, но вместо самой головы действующий не просто ее символическое подобие, но еще и подобие звуковое: «*Жгли маслянку: поленницу дров с воткнутым внутрь шестом, на шест прикрепляли «черепок» или крышку от посуды*» (Новые поступления, № 364).

«чучело на деревянной основе, покрытое козьей, ослиной шкурой или индюшачьей кожей, под которой находился человек, с конским, ослиным, козым или верблюжьим черепом» (СД 1, С. 336).

Что примечательно — такую «лошадь» рядили и в другие праздники, в частности на «русалии» (Троица, зеленые святки) и Петровки, где она изображала изгоняемую русалку²¹⁴ (ведьму) или провожаемую весну. В Ардатовском у. Симбирской губ. «проводы русалки» бывали в Неделю Всех Святых — на двухаршинную палку надевают лошадиную голову, палку прикрывают пологом и несут чучело по улицам, веселятся, пляшут, поют. *«Наконец, приступают к снятию пологов, бросают в знак погребения русалки лошадиные головы в яму, в которой они и валяются до будущей весны»* (Зеленин ОРМ, С. 259), *«Иногда в знак погребения русалки-коня в специально вырытые ямы кидали лошадиные черепа (Симбирская губ.)»* (Агапкина, С. 633); в городе Черный Яр Астраханской губ. в заговенье на Петров пост водили «русалку» — *«несколько человек, покрытые парусом, образуют как бы длинное животное, некоторые из них держат на палке лошадиный череп, убранный сбрую, как живой»* (Зеленин ОРМ, С. 259); *«На первой петровки дня, в понедельник — русалкин день: наряжаются. Лошадиный череп наденут на палку. Две палки и два молодца: у этого — хвост, а у того — голов. Полог накинут: они найдут чаго, чтоб разогнать публику»* (Ивлева 1, С. 121); *«Коня наряжали тоже на Заговень вечером. Провожали вёсну — это вёсну проводжали так. Конь лягался, от него надо было убежать. Он за нами бегал. Нарядют вот два мужчины. Голова была такая вот, ну скелет вот от головы лошадиной»²¹⁵*; на проводы весны *«женщины «рядили лошадиную голову», вместе с девушками и парнями несли ее в рожь и там выбрасывали»* (Новые поступления, № 600).

²¹⁴ Привычно заблуждающийся С. Максимов вздохнул¹ по этому поводу: *«Уже одно то, что русалка изображается (например, в приволжских местах) в виде соломенного чучела, а кое-где даже в виде взнузданного лошадиного черепа, укрепленного на шесте, — показывает, как потускнел и вылинял в Великороссии поэтический миф о грациозной красавице-русалке»* (Максимов, С. 87). Возможно, он просто не читал севернорусских быличек, описывающих русалок как жутких старух с длинными железными грудями...

²¹⁵ Смирнов Д.В. Весенняя обрядность в Нижегородской области // Живая старина, 1998, № 2, С. 13.

*«Вождение русалки»: ряженный конь с поводырем.
Похоже, мертвой головой обладают оба. Воронежской губ., с. Оськино.*

Любопытно отметить, что при проводах ряженого «коня» присутствуют те же чумазные ликом персонажи, что сопровождают чучело Мары в последний путь: «в Симбирской губ. они **вымазаны сажей** и зовутся «помелешниками» и «кочерешниками» (от слов помело и кочерга)» (Зеленин ОРМ, С. 264).

Отчасти объяснение использования мертвой лошадиной головы как символа изгоняемого объекта содержится в присказке, произносимой в Нижегородчине при заклинании весны:

*Жаворонки, прилетите,
Зиму долгу уносите,
Красну вёсну приносите,
С сохой, с бороной,
С лошадиной головой.*

(Новые поступления, № 413)

Здесь весну приглашают прибыть с лошадиной головой, а позже провожают ее с этой головой (в ее образе). Т.А. Агапкина коммен-

тирует указанный текст: «Возможно, что этот мотив — своеобразная отсылка к популярному в Поволжье обряду «проводов весны» или масленичному ряжению в «коня». Во время обряда «проводов весны», например, «весну» («русалку») рядили конем, для чего часто использовали лошадиный череп»²¹⁶. Скорее же наоборот: проводы весны в виде черепа — это отсылка к весенним закличкам, где весну ожидают приезжающей верхом:

— Весна-красна,
На чём пришла?...
— На кобыле вороной,
С сохой, с бороной!

— Весна-красна,
На чём пришла?
— На хомутике, на кнутике,
На сошке, на боронке.
На худой лошаденке...

(ОП, № 298, 299)

Череп просто изображает эту самую лошадь, маркирует ее как главную часть тела. Как весна прибыла на лошади, так теперь должна на ней же и убыть в свой черед, для чего изгоняется/уничтожается ее символ — привезшая весну лошадь, точнее, ее голова. Ряженая «лошадь» бежит, скачет, возит на себе народ, а потом разрушается до исходного состояния — разбирается на части, а самая важная деталь символически истребляется. Для сравнения можно привести немецкий осенний праздник, справляемый после уборки урожая (кирмес). На празднике устраивали «похороны кирмеса», изображаемого в виде чучела. «На пустыре они вырывали яму и закапывали в нее соломенное чучело (*Zahäus*) вместе с его «лошадью» (*черепом на палке*), бутылку *инапса* и осколки стакана, голову петуха или кости от окорока, куски пирога, окурки и т. п.»²¹⁷ (КОЕ ЛО, С. 136). Как видим, лошадь обозначена черепом.

²¹⁶ Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен. — М.: Индрик, 2000, С. 228, 229

²¹⁷ Далее авторов цитируемой статьи неожиданно заносит: «Кости, череп лошади и голову петуха следует, пожалуй, рассматривать, как пережиток прежних жертвоприношений». При этом масса параллелей похорон

Ряжение такой же «лошади» на Егорьев день, вероятно, возникло под влиянием обряда с «лошадью»—русалкой и на фоне представления, что этот день — «лошадиный праздник». В отличие от провозажальных обрядов, на этом празднике внимание на мертвой голове не заостряется и в дальнейшем никаких действий с ней не производят. В Данковском у. Рязанской губ. в этот день мастерят «коня»: *«День «Егорья хороброго» считается конским праздником. В этот день под вечер «делают коня». Для этого берут две крепкия жерди. Четыре парня кладут их на плечи. Один из передних держит на вилах конскую голову, или конский череп, убранный бубенчиками и цветными тряпичками»*²¹⁸.

И опять мы сильно отклонились от генеральной линии.

Для начала подведем небольшой итог очевидностей. О феномене маски говорить можно долго и много, ибо в ней кроется масса всевозможных аспектов. Но наш интерес касается только двух моментов — насколько маска является мертвой головой, и какая магическая идея за этим стоит.

По первому ответ положительный. Маска может быть, в том числе, и ей, главное — понимать, что/кто скрывается за образом маски. С помощью подручных средств (дерево, кора, природные краски) ряженный изготавливает себе накладное лицо, ложную голову, безусловно, принадлежащую миру мертвых, мертвую голову. Это может быть лик умершего предка, пришедшего к своим здравствующим потомкам; маска черта, который мертв относительно нашего мира, в любом случае — не жив (*синец* — «черт, мертвец»); голова святочного животного (быка, медведя), по сути, *ожившего* совсем ненадолго лишь для конкретной сценки, в ходе которой оно вновь умирает, а его маска—голова полностью разрушается.

По второму моменту, если говорить в целом, то какова бы ни была конечная цель такого переряживания, исходная идея всегда одна: стать другим, тем, кто мертв. Смена личности используется для извлечения магической пользы.

Ряженные скоморохи—колядовщики от имени умерших предков даровали блага на долю их живых потомков: *«Калядоўшчыкі ў хату*

лошадиного черепа, не имеющих никакой жертвенной подоплеки, только что была приведена, а само явление известно довольно широко.

²¹⁸ Праздники (Рязанск. губ. Данк. у.) // Живая старина. Вып. IV. СПб., 1891, С. 199.

ичасце нясуць» (Кухаронак, С. 33). Достаточно вслушаться в слова песни–благопожелания, исполняемой колядующими рачительным домохозяевам, чтобы понять это:

*Сею, вею, повеваю,
Овес, ячмень посыпаю,
Счастья, радости желаю!
Чтобы в поле уродило,
Чтобы в хлеву удвоило,
Чтобы детки подрастали,
Чтобы девок замуж взяли!*²¹⁹

Колядовщики желали блага не только всем живущим в доме людям, но и всему «живому і мертвому достатку» — скотине, дому, плугу, домашней утвари (Воропай, С. 60). Само их появление в избе имело настоящее магическое воздействие. «Зерно рассыпали хозяева, по нему ряженные попляшут, оно святым становится» (Куединские праздники, С. 121). Хозяйка усаживала гостей на лавку, «чтобы куры водылысь и коровки тэлылысь»²²⁰. Ряженных просили поплясать на огороде, потому как существовало поверье, что там, где они станцуют, крот не будет рыть землю. Заодно «веселые люди» еще и трясли яблони, «каб на іх вырастала имат яблагаў» (Кухаронак, С. 46). Украинские колядники плясали на хозяйской пасеке, желая: «Дай Боже, аби пасіка була така велична, як свята були величній»²²¹. На Брянщине считали, что колядовать надо, чтобы «свиньи велись»; в селах Польши верили, что в те места, где ходили колядовщики, не бьет молния; в Сербии бытовало поверье, что обходы ряженных изгоняют из деревни нежить (СД 2, С. 575). А «в Московской губернии еще в 20-е годы XX в. школьников–славильщиков усаживали на шубу для того, «чтобы лучше водились овечки»»²²².

Цель колдуна еще очевиднее: переместившись в Иной мир, остаться неузнанным тамошними обитателями. Есть основания предполагать, что такая маска, неважно, грим или предмет, так же

²¹⁹ Святки. Сборник. — М.: ЗАО РИФМЭ, 1997, С. 32.

²²⁰ Виноградова Л.Н. Рождественская звезда как ритуальный символ // Живая старина. № 4. 2000, С. 36.

²²¹ Шаян В. Віра предків наших. Том 1. — Луцк: 2000, С. 398.

²²² Розов А.Н. Русское рождественское христославение // Русский фольклор (Материалы и исследования). XXX. — СПб.: Наука, 1999, С. 28.

помогала колдуну в переходе из мира в мир, как и ряд артефактов, жестов и словес. Настраиwала психологически, как минимум. Это что касается возможности применения маски как мертвой головы в наше время. Ночное радение с целью вступить в общение с потусторонним...

Предназначение маски — скрыть истинное лицо, подставить вместо него абстрактную или конкретную личину кого-то другого, создать двойника. В наших рассмотренных случаях — двойника исходно не-живого, которому ничего не грозит. Смерть, если что, найдет только давно уже мертвый предмет. Абстрагироваться от себя, заменить свое «я», переименоваться в кого-то еще... Мертвая голова с успехом помогает в этом начинании. Трудном, но которое можно сыграть... Отечественные маски небогаты на передачу эмоций обыгрываемого персонажа, в этом плане они куда архаичнее, так как здесь большую роль играет цветовое решение и, отчасти, символика используемого материала: *«В структуре обряда происходит символизация разных предметов из мира повседневности: платок, кусок ткани, занавеска, обычное полотенце, вязаная салфетка наделяются новым значением, скорее всего, в силу своей белизны. То, что ориентация на цвет была в данном случае значимой, доказывают отдельные примеры «масок» из черной ткани: «Еще «шишком» (т.е. чертом. — Л.И.) одевались /.../ лицо черным закрыто». Черные маски как бы противопоставлены белым. Такая личина совсем или почти совсем лишена изобразительной нагрузки: основная ее ценность — в цветовой характеристике»* (Ивлева, С. 178–179); *«Многие из этих средств (зола, уголь, грязь, мука, мел, свекольный сок и проч., — Б.М.) не просто входили в набор традиционных, более или менее подручных «красителей» (для маски-грима, — Б.М.), но нередко принадлежали еще и к числу подчеркнута ритуальных материалов (сажа, мука, уголь, глина или были связаны с ритуальной цветовой символикой»* (Ивлева 2, С. 83). В этом смысле маски мертвы, ибо статичны. Но и греческие трагические и комические маски, если подумать, отнюдь не живы, ибо навсегда застыли в одной гримасе, словно лицо покойного, не способное к переменам. Маска копирует замершее лицо, так что мертва она и в этом. И вдвойне мертва маска снятая...

В довершение главы стоит привести несколько описаний масок из коллекции Русского этнографического музея²²³. Можно взять за образцы, коли в том будет надобность. Это и окажется многоуровневым включением в традицию.

Сначала — три деревянных: «Одна маска представляет собой личину, широкую сверху (в районе лба), зауживающуюся к подбородку. Лоб, подбородок, щеки не моделированы, образуют одну сплошную плоскость, на которой вырезаны маленькие круглые отверстия — глаза, грушевидное отверстие для носа и ровная черта, изображающая рот. В коллекционной описи /.../ указывается, что она расписана лиловой краской. /.../ Вторая маска овальной формы, с четко моделированным лбом и мягким, хорошо очерченным подбородком. Глаза — маленькие круглые отверстия, нос длинный, высокий, с двумя отверстиями вместо ноздрей, рот большой, прямоугольный, прорезан насквозь. Маска окрашена в черный свет. Третья маска также овальной формы, с высоким ртом и длинным отверстием под носом. Широкие брови, длинные усы и борода, нарисованные черной краской, резко выделяются на неокрашенном фоне дерева».

Следующая маска берестяная, первоначально была окрашена в черный цвет: «На ней прорезаны маленькие круглые глазки и широкий прямоугольный рот. Вокруг глаз и рта нашиты длинные тонкие пучки льняной кудели, имитирующие ресницы, брови и усы. Крупный нос из согнутого неокрашенного куска бересты пришит льняными нитками. Сверху личина украшена черным куском меха собаки. Снизу пришита длинная борода из беличьего меха, меха оленя и черной собаки. По бокам маски — бакенбарды из кудели».

Еще одна маска «сделана из прямоугольного проклеенного в несколько рядов серого картона, сшитого в нижней части нитками таким образом, что получается узкий подбородок. Глаза — маленькие круглые отверстия, рот — овальное отверстие. Нос представляет собой треугольную выемку, в которую вставлен треугольный кусок картона. Первоначально маска была оклеена черной бумагой /.../. После того как черная бумага износилась, картон был раскрашен красным и черным карандашом, а также лиловыми чернилами. Черным карандашом были нарисованы усы, брови и

²²³ Шангина И.И. Коллекция русских святочных масок в Российском этнографическом музее // Живая старина № 2, 1995, С. 32–33.

ресницы, красным — румянец на щеках, фиолетовыми чернилами были проведены беспорядочные полосы на лбу и боковых сторонах маски».

Маска из Архангельской губернии: «выдолблена из дерева, легкая, изящная. Лицо хорошо моделировано: легкие надбровья, круглые щеки, мягкий, хорошо очерченный подбородок, высокий нос, вырезанный вместе с маской. Глаза — маленькие круглые отверстия, рот — неширокая щель с хорошо очерченными губами. Обращает на себя внимание, что в маску вбито множество мелких деревянных гвоздиков, которые располагаются на лбу, на щеках, под носом, на подбородке. Вероятно, первоначально маска была покрыта или мехом, или льняной куделью, шерстью, имитировавшими усы, бороду, брови или прибитыми просто для устрашения».

Маска из Енисейской губернии: «изготовлена из неокрашенного куска бересты, привязывавшегося к голове веревочками. Глаза маски — крупные овальные отверстия, нос — треугольный кусок бересты, вшитый в треугольное отверстие на маске, рот — широкое овальное отверстие с шестью палочками-распорками, имитацией зубов. К маске пришита борода из шкуры лося. Вокруг глаз, носа, рта — обводка черной краской».

Маска из Томского края: «изготовлена из неокрашенной бересты и вытертой оленьей шкуры, полностью утратившей мех. Береста прикрывает лицо, шкура — темя и заднюю часть головы. В бересте вырезаны небольшие круглые отверстия для глаз, отверстие для носа, к которому пришит нос из бересты. Справа и слева вдоль лица на бересту нашиты куски оленьей шкуры с приклеенными к ним пучками конского белого волоса. Над ртом пришит кусок белой оленьей шкуры с приклеенным к нему рыжим конским волосом, имитирующим пышные усы».

ОБЕРЕЖНАЯ МАГИЯ

Мертвая голова во всевозможных ее проявлениях, и у нас будет возможность в этом сейчас убедиться, служила оберегом едва от не от всего на свете. Ее магией охвачены самые важные стороны человеческой жизни, включая даже такие, где использование символа смерти крайне нежелательно, — например, для защиты новорожденных детей. В этих случаях, правда, используется максимально безвредный вариант мертвой головы, фактически выхолощенный до неузнаваемости — головки мака (от бессонницы), чеснока или лука (оберег от сглаза и нечисти), трава «адамова голова» (чтобы не пугались). В некоторых случаях остается только гадать, по какой именно причине здесь применяется мертвая голова, какая сторона этого символа должна действовать? Но относительно большинства примеров такого вопроса не возникает, ибо всё довольно очевидно — к мертвой голове прибегают как к наиболее характерному символу смерти. Эта смерть должна отпугнуть от человека или его жилища нечистую силу, хвори, беды и прочие невзгоды. Столь явная «метка смерти» словно демонстрирует, что Колченогая тут уже отметилась, и меньшим неприятностям на данной территории более делать нечего. С другой стороны, украшение двора или дома черепом (или даже несколькими) словно уподобляет их жилищу демона (Кощея, Яги, Змея), хорошо описанного сказками: *«Видит пустынное поле и стоит на нем громадный дом, обнесенный тыном, и на каждой тычине повешена человечесья голова»* (Потявин, № 14). Можно думать, что таким образом человеческое обиталище маркируется для нежити как «свое», переводится в разряд потенциально неинтересных для нанесения вреда.

Для удобства восприятия разные вариации обережной мертвой головы разнесены по рубрикам.

Предметный ряд

1. Защита от града, грозы

«В Швейцарии втыкают на домах бычьи головы для предохранения от грозы» (Афанасьев 1, С. 716).

«Германцы, желая отворотить от дома опустошительное действие грозы и другие несчастья, ставили на шестах и на верху изб конские головы с разинутыми пастьми, обращенные в ту сторону, откуда ожидали беду» (Афанасьев 1, С. 637)²²⁴.

«По мнению чехов, дикой чеснок на кровле дома предохраняет здание от удара молнии» (Афанасьев 2, С. 570).

Белорусы из Волковыска на Юрьев день, чтобы град не бил посевы, *«обходили озимые поля, совершали трапезу на меже и закапывали там «бараний лоб» и кости»* (СД 1, С. 536).

Бык и баран связаны с культом Перуна, отечественного Громовержца, их мясо посвящалось Божеству в Его праздник. Но связано ли это как-то с тем, что их используют для отвода удара молнии, сказать затруднительно. Скорее всего, нет.

2. Защита от полевых вредителей

В Карпатах для защиты полей от кротов зарывают в землю *«череп освященного пасхального поросенка»*, в Болгарии и у сербов Шумадии для того же *«бросают в огород череп рождественского поросенка»* (Гура, С. 267)²²⁵.

По свидетельству Н. Сумцова, *«в южной Италии к домам прикрепляют летучих мышей, сов, черепа кабанов, а в Сицилии кладут их по полям»* (Сумцов, С. 500).

«В Саранском у. Пензенской губ. кладут на кротовину конский череп» (Гура, С. 266).

²²⁴ Напомню, что деревянные коньки, украшавшие крыши изб, и происходящий от них современный термин «конек» являются потомками тех черепов животных, каковыми раньше наши пращуры защищали свои постройки: *«Позднее у германцев и славян возникло обыкновение, вместо настоящих лошадиных голов, ставить на верху крыши их деревянные изображения — так называемые коньки»* (Афанасьев 1, С. 637).

²²⁵ Возможно, в этом же смысле надо понимать обычай при первой пахоте, наряду с костями пасхального поросенка (полес.), костями и перьями курицы, приготовленной для пира (болг.), рождественской пищи (мясо, хлеб — серб.), закапывать или запахивать в землю еще и **голову убитого петуха** (серб.) (СД 3, С. 655). Хотя, скорее всего, здесь происходит лишь ритуальное уничтожение остатков освященной праздничной пищи, возвращение ее благодати в Мать Сыру Землю.

Приведа примеры французских народных оберегов, Н. Сумцов далее пишет: «В голубятнях вешают (волчью, — Б.М.) голову или волчий хвост, чтобы не ходила ласочка» (Сумцов, С. 500).

«Четыре освященные головы селедки, положенные под углы овина, оберегают зерно от мышей (Польша)» (Гура, С. 756).

Привычное нам огородное пугало, несомненно, берет свое начало в таком незамысловатом обереге места, который можно соорудить из подручных средств — шеста и мертвой головы. Польский травник XVII в. «советует вывешивать на огороде рака или конский череп, чтобы черви и насекомые не поедали капусту и другие растения» (Гура, С. 402). Подобное сообщает и русский лечебник того же времени: «Аще начнет медведь казнити ниву какову любу, то возьми коневью голову валящую и ткни среди нивы, как тебя никто же не видит, пред солнцем, на коле, а долу зубы, а хотя и горе» (Отреченное, С. 387). «при выходе в поле в посеvy втыкали палку с коровьим черепом или какой-нибудь другой костью — в качестве оберега», «Македонцы палку с коровьим черепом устанавливали в поле в Юрьев день и оставляли там до конца жатвы» (Агапкина, С. 422, 615).

«Куриный бог», Тверская губ, 1925

Нашлось применение и модификациям черепа в виде посуды. В Вятке на «великий четверг» до восхода солнца нагая хозяйка дома

бежит со **старым горшком** в руках на огород и надевает его на кол; «горшок остается опрокинутым на колу в течение всего лета — он предохраняет кур от хищной птицы»; в Ростовском у. Ярославской губ. «**старый горшок**, помещаемый на высоком месте двора, где находятся курицы насести», назывался «куричьим богом» (Зеленин СО, С. 229). «В Белоруссии и в Польше **горшок**, повешенный на забор, должен был уберечь кур от ястребов. В Покутье **битый горшок** или старая одежда и шапка, надетые на палку, призваны были защитить посевы не только от воробьев, но и от сглаза. Если битые горшки вешали на заборе, чтобы коршун не брал кур, и в курятнике — чтобы их не трогали хищные звери, то целые горшки по праздникам снимали с забора, потому что они притягивают к огороду сорок и ворон (гомел.)» (СД I, С. 529).

3. Защита от мора, падежа

Идучи на обряд опахивания села от морового поветрия, участницы захватывают с собой «пучки лучины /.../ банные венки без листьев, **череп животного** (у мордвы — **медвежью голову**), живого петуха» (Зеленин ВЭ, С. 96); «При скотских падежах с согласия общества собирается в одно место несколько народу мужского и женского пола, и в этом месте скидают с себя одежду и кресты; девки и женщины волосы распуцают, каждая из них берет в руки швабру, поднимает вверх и кричит: гай, вай! гай, вай! Потом запрягают в две сохи лошадей, опахивают кругом селения; ребяташки в кругу нарочно носят **медвежью голову**, которая у них хранится для подобных случаев» (Зеленин ОР, С. 1204); «**Медвежью голову** носили и участники обряда опахивания села, который совершался в случае падежа скота» (Гура, С. 166); «В ночь на 1-е июня 1897 г., восемнадцать крестьянок деревни Полонской, Весьегонского уезда (Тверской г.), чтобы не допустить занесения в свою деревню сытного тифа, валившего людей в соседней волости, «опахали» свою деревню: одна из женщин шла впереди с иконою в руках, за нею следовала другая верхом на помеле, потом третья с кочергой и **черепом какого-то животного**» (Максимов, С. 220).

«П.С. Ефименко в работе о Яриле говорит, что в Беларуси в Егорьев день ищут **конскую голову**, и, найдя ее, натывают на кол для предохранения скота от падежа. Он рассматривает это как пережиток обычая, существовавшего у многих европейских народов» (Соколова, С. 258).

Подобный обычай описан и у западных славян. Не имея возможности привести оригинальный источник, процитируем его пересказы:

Череп-обереги нашего времени

«Венды, подобно Русским, имели обычай — говорит Преторий, — для предохранения от скотного падежа ставить по забору вокруг конюшен и хлевов **мертвые головы лошадей и коров**» (Срезневский, С. 72); «венды имели обычай для предохранения скота от падежа **втыкать на шесты у хлевов и загонов конские и коровьи головы**» (Потебня, С. 499); «Для охранения своих стад от моровой язвы, венды **втыкали головы лошадей и коров на заборах вокруг конюшен и хлевов**» (Афанасьев I, С. 636)²²⁶.

«Волохи ставили на границах шесты с воткнутыми на них **бараными головами**, обращенными на восток, для предохранения скотины от падежа» (Афанасьев I, С. 714–715).

Кострома: «от падежа скота на дворе прибавляют **козлиную голову**» (Журавлев, С. 190). «Мощным предохранительным средством (для защиты скота, — Б.М.) считаются останки некоторых животных: **конские и козлиные черепа**, помещаемые на воротах (у русских, сербов и др.)» (СД I, С. 362).

На Купалу или Ярилин день на хлева и овчарни кладут **воловьи черепа**. На шестах перед входом в конюшню выставляют **бычьи головы** (Сербия).

4. Защита от болезней (лихорадки)

«Хорошим средством, предупреждающим лихорадку, является также зашивание в ладанку **высушенной и истолченной головы змеи или засушенной головы лягушки** (Мосальск. и Малояроsl. уу. Калужск. г.)» (Попов, С. 361).

«В некоторых местах от лихорадки носят при себе **девять змеиных голов** (Хорватия?)» (Гура, С. 356).

«Для защиты от чар и недугов привязывают к шейному кресту **голову убитой змеи**», «Крестьяне, в предостережение от лихорадок, носят на шее /.../ **ожерелье из змеиных головок**»²²⁷, «За змеиными и

²²⁶ Полагаю, с подобной целью крепили головы скота и германцы, что по какому-то злому недоумению стали считать жертвенным обычаем: «У древних германских племен существовал обычай **вешать на деревьях головы своих лошадей, убитых в бою, в качестве жертвы богу**. Считалось, что таким образом бог получает душу погибшей лошади» (ЭС, С. 444).

²²⁷ Обычай засвидетельствован и покаянными вопросами церковных уставов: «На шиш своей у креста на гоитане корения и узлов не носил ли еси, или у жены своей и у детей видя такое злодение или **змиины головки**, и о томъ не возбранялъ еси» (Мансикка, С. 206).

ужовыми головками и шкурками признается целебная сила» (Афанасьев 2, С. 563, 634).

Это же обыкновение упоминается в поэме Ю. Марцинкявичуса «Мажвидас»:

*А что у Никодемаса на шее?
Давай-ка, милый, расстегни рубашку.
Я так и думал — черепа гадюк!
— Отец мой их носил от всякой хвори.*²²⁸

5. Защита хозяйства от сглаза

Н. Сумцов дает любопытный пример из античности: «У Плиния находится любопытное указание, что на дверях прикрепляли **черепа волка**; на этом черепе /.../ должен был сломаться злой глаз. /.../ И ныне в южной Италии к домам прикрепляют летучих мышей, сов, **черепа кабанов**, а в Сицилии кладут их по полям» (Сумцов, С. 500).

«**Череп коровы, бычка или барана**, служащий для отвода дурных глаз, ставили на хлебном поле обращенным на восток, а в винограднике — на запад» (СД 1, С. 446).

Хорошо видна заменяемость и сочетаемость магических предметов защиты: «**Сербы в Лесковацкой Мораве** /.../ **разбитый горшок** насаживали на жердь забора вместе с **коровьим или бычьим черепом**, чтобы отвести недобрый глаз или отогнать нечистую силу» (СД 1, С. 530).

У лужичан голову теленка до XIX в. зарывали под воротами хлева как средство, ограждающее от колдовства (Фаминцын, С. 54).

Вешают **воловьих черепа** перед домом — от сглаза.

6. Защита пасеки

В Герцеговине «**Медвежий череп** помещают в пчельнике, для сохранения пчел от сглаза» (Гура, С. 175).

В Минской губ. «**конский череп** вешают на заборе, выставляют на пасеке в качестве оберега» (Гура, С. 106). «З аналогічною метою гуцули та покутяни вивішували на пасіці **кінський череп**, який володів охоронною властивістю, щоб погляд попершу ковзнув по ньому, а вже потому зупинився на вуликах. Унікальний випадок встановлення кінського черепу на огорожі сучасної пасіки,

²²⁸ Марцинкявичус Ю. Мажвидас // Москва. 1989. № 1. С. 49.

зафіксований нами у м. Косові, свідчить про живучість у народній свідомості архаїчних уявлень у його дієвий захист перед «уроком»» (Мовна, С. 62). «Севернорусские пчеловоды помещают на заборе своей пасеки лошадиный череп. /.../ это считается оберегом от сглаза» (Зеленин ВЭ, С. 113). «С целью отвращения сглаза в Македонии, Черногории и Герцеговине вывешивают на пасеке череп коня. У черногорского племени кучи это делают для защиты своих пчел от чужих, посылаемых злыми людьми. В некоторых местах от сглаза наряду с конским черепом используют череп вола или другой рогатой скотины» (Гура, С. 472).

На пасеке вывешивают череп коня — от сглаза, для защиты своих пчел от чужих, посылаемых злыми людьми: «Павесь на калы тры конских галавы, штоб у цибе на агародзе и на пасецы были. Эта, считаецца ад нячыстай силы» (Белоруссия).

«Сербы и болгары /.../ волчий череп /.../ ставят в пчельнике для оберег пчел от нечистой силы и сглаза.» (Гура, С. 472). У южных славян охотники «голову волка продавали за медовую ракию и помещали на пасеке для защиты пчел от напасти» (СД 1, С. 460); в Боснии охотники на волков (вучари), сняв с убитого зверя шкуру, ходили с ней по селу, пугали народ и требовали подаяния «на кожу»; по завершению ритуала «волчью голову продавали за медовую ракию или за мед и ракию, и ее потом насаживали на кол и ставили кол на

пасеке, чтобы пчелы лучше росли и были защищены от дятлов и мышей» (Толстой БСО, С. 133).

Болгария: «**череп вола** нередко ставили в овечьем загоне или на пасеке «от сглаза (пирин.)» (СД 1, С. 409).

Вероятно, к оберегам нужно отнести и магический обряд придания своим пчелам большей «свирепости» против чужих пчел, ведь при другом взгляде на вопрос можно сказать, что это защита своих пчел от нападения. «У нашому селі був пасічник, дід Гордій; він, бувало, як виставить колоду бджіля, то вкладе у вічко вулика **череп благовіщенської щуки**, щоб бджола пролазила поміж зубами: «Така бджола, — казав Гордій, — буде зубата і не дасть себе в обиду» (Воропай, С. 194). «Українці на Харківщині (Купянський у.) /.../ вкладавали в леток **череп благовещенской щуки** так, чтобы пчела выползала между щучьими зубами, тогда она не даст себя в обиду» (СД 1, С. 185). «В Могилевской губ. колдуны окуривают своих пчел змеиными головами, чтобы они нападали на чужих пчел» (Гура, С. 471). Так это выглядит в представлении украинских пасечников: «коли будеш бджолю випускати скрозь щупакову голову, що єси наготовав святого вечера, и мов так: «Господи, стань ми ся на поміць, (имя рек), к тая в море и в реках була и гуляла, и ридная и плодная була, и як ся той щуки бится всякая рыба, пужається и порхається, так бы моих бджол чужии лякались, пуждались и порхали од них, на всяком стрете и на всех дорогах, божиєю поміцюю и всеми святыми небесными силами и действием святого Зосима» (Ефименко МЗ, № 175)

Замок как оберег. Атрибут масонского интерьера

7. Защита скота от порчи, сглаза, злых духов

Оберегая скот от демона-вештицы, «В Юрьев или в Иванов день болгары /.../ на хлева и овчарни клали **конский или воловий череп**» (СД 1, С. 368).

Болгария: «**череп вола** нередко ставили в овечьем загоне или на пасеке «от сглаза (пирин.)» (СД 1, С. 409).

«Для отогнания злых духов, которые (подобно домовому) истомляют коней в ночных поездках, клали в ясли **лошадиную голову**» (Афанасьев 1, С. 636); «В Голландии вешают **лошадиную голову** в свиных хлевах» (Афанасьев 1, С. 637); «тем лошадям, которых по народному поверью, мучит домовый, клали **лошадиную голову** под кормом в яслях, веря, что это уничтожает силу домового над лошадыю» (Срезневский, С. 72).

«На конюшню вешают **медвежью голову**, с полным убеждением, что это защитит лошадей от проказ домового» (Афанасьев 1, С. 390); «С целью усмирить гневного домового, крестьяне /.../ вешают в конюшне **медвежью голову**» (Афанасьев 2, С. 108); «От проказ домового /.../ помещали в конюшне **медвежью голову** /.../ зарывали под жильем **череп козла**» (Власова, С. 131); «чтобы не допустить к скоту чужого, «лихого домового», в конюшне вешали **медвежью голову**» (Гура, С. 165).

«Если домовый не будет любить хозяина, то он начинает проказить; в этом случае перед порогом дома зарывают в землю **череп или голову козла**» (Забылин, С. 246); «для усмирения его (домового, — Б.М.) зарывают перед жильем **череп козла**» (Афанасьев 1, С. 714); «В Литве вешают на конюшнях убитого крота, что также предохраняет лошадей от нечистых духов, как и **козлиный череп**» (Афанасьев 1, С. 774); «От проказ домового /.../ зарывали под жильем **череп козла**» (Власова, С. 131). На вопрос анкеты, «какие приметы связаны с домашними животными?», респондент из д. Владычное Нерехтинского у. Спасской волости, ответил: «На дворах вешают **козлиную голову**» (Журавлев, С. 201).

«В Гомельской обл. **щучью голову** используют для оберега скота: ее вешают в печную трубу и, когда в первый раз весной выгоняют корову на пастбище, подкладывают под ноги корове, так чтобы она переступила через нее» (Гура, С. 754).

«Сербы на св. Мартина (11 ноября) в честь волка режут курицу на пороге дома. Македонцы для защиты скота от волка в канун Мартинской недели рубят на пороге дома голову черной курице,

окропляют ее кровью порог или **рисуют ее головой кровавый крест над дверями**. Обезглавленную курицу оставляют здесь же на всю ночь, утром ощипывают и съедают... Потом **источенную куриную голову дают с солью съесть скоту**» (Гура, С. 149).

Вместо реальных голов могут быть задействованы их магические подобия: «Профилактическую функцию выполняют и многочисленные предметы-артефакты, помещаемые в хлеву: у восточных славян, напр., **стоптанные лапти, посуда без дна...**» (СД 1, С. 362).

8. Разное

Здесь сведены воедино разнообразные случаи применения преимущественно обережной магии мертвой головы, которые либо единичны, либо не поддаются какой-либо классификации, либо могут быть легко отнесены к разным группам.

«С захваченными в плен врагами тавры поступают так: **отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома**» (Геродот. История. IV. 103).

«Чтобы «белая баба» не вошла в дом и не причинила несчастья, в Вологодской губернии под крыльцом зарывали **кобылью голову**» (РДС, С. 42).

«Для устрашения волков /.../ **закапывают в дверях хлеба голову собаки, которую загрызли волки (волын., полес.); совершают обход с этой головой (витеб.), и вешают ее на шест или на забор (витеб., вилен.); вешают на нем конскую голову (вилен.)**» (СД 1, С. 415).

У северных и южных славян хвост и **голова зайца** используются как средство, отвращающее злых духов (Гура, С. 190).

«Македонцы Гевгелии **зашивают крыло или голову летучей мыши в одежду и носят ее как оберег**» (Гура, С. 606).

Огненный змей «после похорон начал ко вдове летать. Хотя у нее в избе были натыканы веточки чертогона (чертополох. — Соб.) и висела над входом **петушиная голова**. Нечистые боятся петушиного крика», «— Как защитить себя от огненного змея? (Соб.) — **Чеснок вот. Большинство вот в дверь вот этот колючий там чертольник кладут. Ну чертогон, да. Или петушиную голову. Высушивают ее, зарубят петуха и не выкидывали, высушивали ее, и вот он в двери вот эти вот...**» (Гороховец, № 821, 822).

«Если пожелает кто иметь успех в торговле и избежать обмана, тот должен носить в кошельке голову этой птицы (удода, — Б.М.)» (РК, С. 33).

«От вора вокруг двора обносят человеческий череп» (Даль, словарь).

В Болгарии перья и голову петуха, зарезанного и съеденного на Петльовден (20 января), *«откладывают как лечебное средство от различных болезней и для предохранения от вредоносной магии» (Попов Р, С. 170);*

Болгары *«льют молоко через голову убитой накануне дня св. Георгия змеи, чтобы ведьмы летом не могли отбирать молоко у коров» (Гура, С. 316).*

Чтобы уберечься от желания повесится, водлозеры затягивают в веревочной петле веник со словами: *«Сатана, сатана, вот тебе голова» (Логинов, С. 114).*

Магический совет идущему на суд: *«С пустыми руками ходить нельзя. Надо взять с кладбища с собой три крестика или петушью голову» (ТРМ, № 601).*

Как оберег действует и растение (кстати, нередко подобие мертвой головы), имевшее соприкосновение с мертвой головой: *«в других местах Польши и Словакии нужно было прорастить сквозь голову убитой змеи чеснок или коноплю, а затем этим растением накормить коней и волов, чтобы они были сильными и их не кусали змеи» (СД 1, С. 408); «У македонцев зерно гороха, проращенного через голову змеи, оберегает от змеиного укуса, а старым девам и холостякам помогает вступить в брак» (Гура, С. 331).*

Судя по всему, оберегом является мертвая голова змеи, которой запасается желающий вызвать домового: *«берут с собой следующие снадобья: к поясу привязывают корень травы—плакуна, на шею привешивают змеиную головку с озимью, взятою от трех полей...» (Афанасьев 2, С. 109).*

Чтобы ласка не пугала скотину — в хлеву вешают *«голову с коня»*. Собачью голову крепят над входом в хлев.

От бессонницы — под подушку кладут *щучью голову* или кость.

Если в ствол ружья воткнуть жало или голову ядовитой змеи, то ружье станет стрелять без промаха.

Вероятно, именно оберег, хоть и без уточнений на эту тему, описывает Антонин Либерал в главе своих «Метоморфоз»,

посвященной легенде о том, как один нечестивец был превращен в жука-древоточца («керамбика»): *«Дети пользуются им как игрушкой и, отрезав ему голову, носят <на шее>, так как голова с рогами похожа на лиру, сделанную из панциря черепахи»* (Антонин Либерал. *Метаморфозы*. XXII. 6).

Магическая голова могла сторожить клад. Так, во Владимирской губернии рассказывали про атамана Рощина, который, как и Разин, считался могучим колдуном. Он также припрятал множество кладов, снабдив их хранителями: *«К каждому Рощин приставил по сторожу и заклил их. Сторожу Рощин отрубал голову и клал ее на крышку сундука с золотом, духи этих людей становились кладохранами»* (РДС, С. 225).

Вполне допустимо, что от всевозможных невзгод магией мертвой головы славяне защищали свои святилища, подобно любым другим дворам (подробнее см. следующую главу). Такую условную реконструкцию с тыном, украшенным черепами скота, можно видеть на картине Н. Рериха.

Рерих, «Идолы», 1901

Растительный ряд

При желании, весь материал (а не только единичные примеры) по бережному использованию таких заменителей мертвой головы, как головки мака, лука и чеснока, можно было добавить в приведенные тематические разделы. Но, во-первых, ничто не мешает дать их отдельно, а во-вторых, большая часть примеров попросту заполонит раздел «Разное», потеснив настоящие мертвые головы на периферию. При этом как раз тематически применение растительных голов-оберегов сильно разнится от голов животного происхождения, будучи много шире предложенного ряда групп. Поступим проще: для удобства материал будет дан в виде выдержек из моей ранее публиковавшейся работы по оберегам²²⁹, дополненных новыми данными. Сюда же включим и растения, являющиеся головами Адама и Ивана.

МАК. Чтобы «волхвитка»-ведьма не могла зайти в дом или на двор, под воротами или под порогом зарывали головку мака (семейские Забайкалья). Для лечения бессонницы под подушку кладут маковые корбочки. Маковая головка, носимая на виду, оберегает новобрачных от колдовства. Невесте перед свадьбой *«привешивают маковку-головку как украшение с бусами»* (Прокопец, С. 24). И. Прыжов рассказывает о знахарке Макарьевне, которая собирала невесте «известный карман». Один из «рецептов» — «мячкинский»: *«кладут в карман: четверговую соль, богоявленскую свечу, свечку от Гурия, Самона и Авивы, корень Петрова креста, деревянную палочку с двенадцатью зарубками, маковую головку, кусочек хлеба, булавку, иголку, розовую шелковинку и какое-то писаное заклинание от порчи»* (Прыжов, С. 49).

ЛУК. Оберегает от упырей и витрениц. Лук вкладывают в свадебный венок; *«невеста, собираясь к венцу, к телу или рубашке привязывала несколько луковок»* (Коскина, С. 104) или клала луковичку *«за лифчик /.../ особенно если у жениха была другая подруга»*; мать невесты перед поездкой к венцу завязывала в тряпку головку лука или чеснока и клала невесте в карман — от колдовских чар. Каждый из присутствующих на свадьбе клал себе в карман луковичку — если бы кто-то «попал» на порчу, то луковица бы

²²⁹ Влх. Богумил «Книга оберегов». — М.: Велигор, 2009.

почернела, а «человеку ничего не делалось». Для защиты от нечисти лук носят на шейном обереге. От сглаза — «Луковицу можно носить» (Нижегородчина). Красный лук, положенный в колыбель, отгоняет от ребенка нечистую силу (Хорватия). Вешали в избе головку лука, чтобы уберечь дом от поветрия (Карпаты); во время эпидемий носили на шею свежую луковицу, а при эпизоотии — вешали лук на шею скотину (Белоруссия). Для защиты от всех болезней носили при себе сушеную головку или три отреза белого лука, который пророс сквозь челюсти ядовитой змеи, убитой весной на Ярилин день (Сербия). В последнем примере мы видим определенное усиление магии мертвой головы путем дублирования предмета. Вложенные друг в друга головы определенно будут воздействовать мощнее.

ЧЕСНОК. Оберегает от следующих представителей нечистой силы: орисниц (его оставляют возле ребенка)²³⁰, тодорцев (кладут на окна), богинок (молодежь носит при себе), вештиц (носить при себе), водяного, витрениц, упырей. В Болгарии беременные женщины носили с собой чеснок на поясе в качестве сильного оберега (Седакова, С. 355). А уже родившие матери для защиты от сглаза и орисниц держали чеснок при себе (Седакова, С. 338, 356). Предохраняя ребенка от босорок, вешают ему на шею мешочек с чесноком и солью. Чеснок иногда привязывают на нательный оберег, чтоб болезнь не пристала, чтобы отпугнуть нечистого. На Коляду перед каждым участником праздника клали головку чеснока для отпугивания болезни; носили при себе или на шейном шнуре — для защиты от морового поветрия. Для защиты от вихря чеснок зашивали в одежду. И вновь сочетание двух видов мертвой головы: «*Гуцулы в Юрьев день ловят змею, отрезают ей голову, вкладывают ей в пасть голову чеснока и сажают на грядке. Проросший через змеиную голову чеснок бывает красного цвета и оберегает того, кто натрется им, от женских лесных духов*», «*Кроме того, перо или дольку такого чеснока сербы носят как амулет для отгона ведьм, для защиты от ведьм и нечистой силы или как оберег от болезней*» (Гура, С. 331); «*У южных славян и на Карпатах считалось, что для амулета нужно*

²³⁰ Даваемое в этом случае объяснение представляет определенный интерес. Болгары полагают, что орисницы боятся черепах, и, поскольку «*шкурка чеснока напоминает панцирь*», используют его в качестве оберега (Седакова, С. 214). Панцирь черепахи — по сути, тот же череп.

братъ чеснок, проросший через закопанную в землю голову змеи, убитой при ее первом появлении в новом году» (СД I, С. 106).

Также чеснок являлся традиционным свадебным «атрибутом», без коего молодым грозили напасти. В свадебный венец вплетали чеснок, *«Невесте под лифом привязывали чеснок»* (Ярославль); *«жениху в пиджак — чесноку»* (Судогда). Защищал он и от недоброго чарования и сглаза: *«Кукишку от колдунов нужно делать, булавку в одежде носить, чеснок, мак»*; вопрос собирателя уточняет, что именно носить при себе: *«— Говорят, что-то носить с собой надо? — Ну чеснок да эту, иголку в подол»* (ТКУ, С. 23); *«В некоторых деревнях южной России, когда невеста отправляется в церковь, ей завязывают в косу головку чеснока, для отвращения порчи»* (Афанасьев 2, С. 571); *«Каб ніхто не сурочыў і не «зачараваў», маладая бярэ з сабою галоўку цыбулі ці часнаку і носіць увесь час на вяселлі»* (БНВ, С. 53).

Чтобы иметь встречу с волком, считающуюся предвестием счастья, удачи и благополучия, с собой в дорогу берут головку чеснока. Если существовало опасение, что умерший станет оборотнем, ему клали в рот чеснок и клали в гроб лицом вниз (Свешникова, С. 199).

АДАМОВА ГОЛОВА. Вешают на шею корове, вместе с «петровым крестом», как оберег от чумы. От всякой болезни зашивают в рубаху по швам, а особо на воротник, вместе с «петровым крестом», или навязывают на шейный оберег. *«Петров крест, адамова голова — от всех скорбей»* (В. И. Даль). Также трава «адамова голова» внушает храбрость и избавляет от страха высоты: *«кто хочет высоко лазить — с ней ужаса нет и земля кажется близко»*. *«Детям, чтоб не пугались, адам-голову под подушку надо»* (Коновалова, С. 17).

ИВАНОВА ГОЛОВА. Поскольку под этим названием, как и в случае с «головой Адама», известно несколько разных трав, будет уместно указать, о каком конкретно растении идет речь. Клевер: защищает от демонов витреницы и богинки; сербы использовали клевер о пяти листах как оберег от вештиц. Колокольчик: оберегает от богинок (мамун), *«которые крадут новорожденных детей»*; *«Траву собирали на лугах и клали на чердаке между тесом и стропилами — чтобы крышу не сдуло ветром во время сильной грозы»* (Вологда); для

защиты души умершего колокольчики помещали в гробу (Польша). Чистец: оберегает от лихорадки. Сюда же стоит отнести и зверобой, определенно относящийся к образу мертвой головы Иоанна. Он оберегает от богинок, будучи заткнут в окне, дверях, за пеленку младенца, положен у изголовья, разостлан по комнате; в Татрах зверобой носили при себе — от черта; беременные женщины носят зверобой при себе за пазухой, всовывают в окна, в отверстие для ключа, кладут под подушку; от порчи на бесплодие окуривают зверобоем; на Купале зверобой вплетают в венок или сплетают из него целый венок и ходят в нем для защиты от колдунов, а после хранят венок как средство от порчи; костромичи считали, что трава *«помогает от порчи и вражьей силы»*; носимый при себе зверобой, его стебель, спрятанный в обуви, хранит от чертей и колдунов, а в руке или на поясе — освобождает от усталости при ходьбе; ветка зверобоя, повешенная над дверью или спрятанная под порог, не дает колдунам и нежити проникнуть в дом; зверобой, разбросанный по полю во время сева, предохраняет поле от града.

Татуировка

Обережные функции мертвая голова сохраняет даже в виде символа, вербального или плоскостного изображения, к примеру — тату. Речь, разумеется, не о современном обыкновении наносить на кожу разноцветные черепа в шутовских колпаках с целью эпатировать окружающих, не о тех черепах, что наносят с целью обозначить свою принадлежность к рядам национал-социалистов или тех, что служат эмблемами рокерам и металлистам. Это всё дело позднее, но предок у них общий — преступная среда, сохранившая весьма и весьма архаичные традиции (см., к примеру: Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М.; Л., 1935)²³¹. Представителями преступного мира, среди прочих говорящих наколок выделяются такие, что воспринимаемы ими в качестве защитной символики, оберегов: *«Оберег — татуировка авторитета в воровском мире с изображением Иисуса Христа,*

²³¹ Вопрос о татуировках у языческих славян, безусловно, решается положительно: *«И от края ногтей много из них [русов] до его шеи [имеется] собрание деревьев, изображений [картинок] и тому подобного»* (Ахмед Ибн Фадлан, § 92).

*Богоматери, архангелов, святых, ангелов, церквей, монастырей, креста, черепа человека...*²³²

Рука Александра Свирского в Свято-Троицком монастыре

²³² Плутцер-Сарно А. Язык тела и политика: символика воровских татуировок (http://plutser.ru/articles/simvolika_tatu).

Символ смерти отпугивает смерть. На человеке уже стоит ее метка, показывая разом и то, что он мертв (или на пороге смерти), и то, что он смерти не боится, но наоборот, берет ее в покровительницы. Отпугивает мертвый оскал и прочие неприятности, угрожая им всем своим видом. Наилучшим образом это мнение подтверждает наколка в виде головы медузы Горгоны. Татуировка в плане обережья — это то же самое, что и вышивка, но только не по одежде, а по телу. И ее уже не снять, в отличие от тканых покровов.

В народном ткачестве и вышивке узоров мертвой головы, насколько мне известно, не сохранилось. Но отголоском их, вероятно, можно считать уже упоминавшуюся вышивку в виде змеиных голов: *«В прежнее время на Руси вышивали на ладонках змеиные головы в связке — числом десять или двенадцать; иногда они примыкали к круглому лицу, которое изображалось в середине и напоминало собою голову Медузы»* (Афанасьев 2, С. 564); а также отдельные изображения на одеждах схимников, где Адамова голова представлена порой довольно схематично — в виде кружка с точками над перекрестьем двух палок. Ее вышивали на парамане²³³, клобуке²³⁴ и поясе. Обережного смысла в данном случае символика уже не несет, присутствие ее только подчеркивает то, что отмеченные таким образом люди мертвы для мирской жизни.

Вербальный символ

Мертвая голова как символ может быть даже не изображена, а всего лишь упомянута, вставлена в магический текст. Собственно, это совершенно не меняет дела. Даже в этом случае она есть, и магия ее работает. По-своему, разумеется, но это уже детали. Преимущественно такой тип мертвой головы — вербальный — применяется для лечения ряда заболеваний с помощью заговоров (наиболее часто — при зубной боли). Там она служит объектом, с которым знахарь «сталкивает» хворь, в переносном смысле этого слова. Однако сейчас мы поговорим про использование мертвой головы в обережных заговорах. Здесь ее появление выглядит порой весьма замысловато.

²³³ Облачение монаха малой схимы, представляющее собой небольшой четырёхугольный плат из материи с изображением восьмиконечного креста на подножии, орудий страстей христовых и черепа Адама.

²³⁴ Клобук (от тюрк. колпак — шапка) — принадлежность облачения монаха (малосхимника), надеваемая на голову.

В заговоре на то, чтобы корова не заблудилась и ведьма не крала молока, читаем следующую обережно–проклинающую формулу: «Ведзьме — галаўня ў зубы, а пад вочы **чэрап**. Як з–пад чэрапа вачэй не відаць, каб так ведзьме ад маёй кароўкі малака не ядаць» (Замовы 2009, № 2495). Это единственный заговор такого типа, который был встречен мною за всё время, посвященное изучению вопроса. Более традиционно такие формулы–проклятия желают повреждения ротовой полости (рта, горла, зубов, языка, щек) и глаз (реже — носа, тела вообще) неприятелю, имеющему возможность оклеветать/заколдовать или сглазить самого заговаривающегося: «Кто на (имярек) зло помыслит, тому — соли в глаза, смолы — на язык, дрясвы — на зубы», «Кто лихо подумает на (имярек), зла помыслит, тому щипицы в ресницы, дресвы²³⁵ на язык, пеплу в уши» (Арза, 16); «Кто захочет слова мои порушить — купоросу в нос, руты под язык!» (РКОФ, № 514); «стань моим врагам язык как кол» (Логинов 1, С. 59); «Соль им да печиво да с ихними погаными очами, камень горячи за плечами, ряба гадюка перед очами» (Полесские, № 787); «А злomu, лиxому в один глаз соли, в другой песку, на язык пеплу» (ТРМ, № 314). Как видим, глаза пытаются повредить солью. Причем не шепотью, а, судя по отдельным примерам, цельным горшком: «Доброму человеку — хлеба мешок, злomu — соли горшок». Горшок неприятностей фигурирует и в других вариациях нанесения вреда противнику: «Соль тебе в очи, головня тебе в зубы, горшок промеж щек!» (СМ, С. 364), «соль ім у вочы і галаўня ў зубы, і гаршчок штоб між щок, і палена між калена» (Замовы, № 188). Как мы уже знаем, глиняная посуда, и в первую очередь горшок, являются магическими подобиями мертвой головы²³⁶. В нашем заговоре на месте горшка (с солью) присутствует череп, что, с одной стороны, лишний раз подтверждает применение закона подобия, с другой — отчасти объясняет, почему в тексте появляется образ настоящей мертвой головы. Оригинальное

²³⁵ Мелких камешков, гравия.

²³⁶ И это не единственный пример введения символического образа мертвой головы в проклинающие формулы. Таковой можно воспринять и обгорелую головню («головешка»): «Кто подумал в худой час — тому соли в глаз /.../ тому головёшка в глаз /.../ тому жару в глаз!» (Науменко, С. 188); в «Большом Петровском загибе» (каковой, на наш взгляд, есть текст скомороший, и только) так: «грушу тебе в пизду, гвоздь в подпиздок, ведьму в жопу, головню в рот, дьявола в запиздие, гноя на муда» (см. также предыдущие примеры).

«объяснение», приводимое в заговоре, не кажется удовлетворительным. Ясно, что должно произойти повреждение глаз (традиционно — солью, вероятно — солью из горшка), но ведь не резкое наращивание надбровных дуг имеется ввиду! Глаза повреждаются от чего-то иного. Скорее всего, от созерцания подsunутого перед ними негативного символа, знака смерти. Уничтожающее жизнь уничтожит и зрение, так что неприятелю действительно скоро будет ничего *не відаць*. Ну а предполагаемая текстом невероятная вещь, бесспорно, лишь позднейшее переосмысление.

В следующем примере мертвые головы упоминаются как данность, вокруг которой и вертится текст. Заговор ратного человека, идущего на войну: *«Завяжу я, раб такой-то, по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пицалях, луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пицали, опутайте все луки, повяжите все ратные оружия. И стрельцы бы из пицалей меня не били, стрелы бы их до меня не долетали, все ратные оружия меня не побивали. В моих узлах сила могуча, сила могуча змеиная сокрыта, от змея двундцать-главого, того змея страшного, что пролетел за Окиан-море, со острова Буяна, со медного дома, того змея, что убит двундцать богатырьми под двундцать муромскими дубами. В моих узлах защиты злой мачехою змеиные головы. Заговариваю я раба, такого-то, ратного человека, идущего на войну моим крепким заговором, крепко-накрепко»* (Сахаров, С. 62). Головы находятся внутри узлов-наузов, которые заговор и освящает магическим словом. По поводу этого заговора А.Н. Афанасьев пишет: *«Последние слова указывают на действительный обычай носить в амулетах (наузах) засушенные змеиные головки. Крестьяне, в предостережение от лихорадок, носят на шее змеиную или ужовую шкуру или ожерелье из змеиных головок; для защиты от чар и недугов привязывают к шейному кресту голову убитой змеи»* (Афанасьев 2, С. 563). Упоминание голов вызвано не столь дотошной описательностью заговорного текста, сколь причинами магического действия. Дело в том, что, несмотря на убежденность А.Н. Афанасьева, голов в узлах... может и не быть. А зачем они, если они описываются, если о них сказано словами заговора? Заговор описывает желаемое, а не то, что есть на самом деле! Впрочем, головы в узлах оказаться могут, но вовсе не обязательно именно змеиные. Вполне подойдут более доступные их заменители — чесночные или луковые головы. Опять же, не будем

забывать про вышивку — обозначили, вот вам и мертвые головы россыпью.

Этот пример относится не только к репертуару обережья, но также и к арсеналу воинской магии. О ней, равно как и о магии строительной, где также содержатся отдельные элементы защитной магии, стоит рассказать в отдельных главах, ввиду немалого интереса, который представляет собой вопрос развития этого символа в воинской атрибутике и та значимая роль закона подобия, что во всей красе проявлена в том, что по-немецки неправомерно называют Bauopfer.

*Магические головы-талисманы недавнего прошлого.
Красный цвет привлекает внимание и разрушает «глазливую силу».
Огонь — сжигает зло. Пятиконечная звезда — знак силы.
«Мертвая голова мертвеца» — отвращает смерть.*

СТРОИТЕЛЬНАЯ МАГИЯ

*Лежит в поле лошадиная голова.
Прибежала мышка-норышка и спрашивает:
«Терем-теремок! Кто в тереме живет?»
Никто не отвечает. Вот она вошла
и стала жить в лошадиной голове.
(Афанасьев А. Народные русские сказки, № 84)*

Начнем эту тему изрядно издалека. Давайте взглянем, как выглядят жилища всевозможных демонических персонажей согласно нашим сказочным текстам, этим отголоскам древних мифов. Сказочный герой или героиня, перебравшись в потусторонний мир, вскоре попадают в довольно мрачные земли. Двор демона или даже всё его государство²³⁷ обнесены забором, на кольях которого демонстративно и во множестве развешены человеческие головы. Демонстрация достигает определенной цели — герой приходит к выводу, что и для него здесь припасено местечко: *«Он пошел той проталинкою и дошел до моря синего. По одну сторону моря синего плавает семьдесят семь уток, по другую сторону изгорода стоит, на изгороди висят всё человечьи головы. Говорит Иван купецкий сын: «Быть моей головушке на этой изгороди!» (Аф, № 225); или, как самокритично выражается герой одной из сказок: «Тын по мне плачет» (РН, № 10).*

Мне уже доводилось давать подборку имен тех, кому подобные жилища принадлежат²³⁸.

— Кощей: *«Дом Коцея обнесен тыном, на каждой тынинке по человечьей голове» (Вологод, № 11); «среди дремучего леса стоит замок, весь в садах, окружен стеной, на стене тычинки, а на тычинках человечьи головы» (Сиб, № 13); «штыкй вокруг царства и на каждом штыке человечьи головы» (Морохин 94, № 22).*

²³⁷ *«Кругом этого царства, где живет невеста, частокол обнесен, кругом всего государства ейного. И на каждом кольышке по царской головушке» (Пудож, № 3).*

²³⁸ Влх. Богумил. Потусторонний мир славян. — М.: «Велигор», 2009, С. 570–573.

— идол: «А он приходит к идолу, на его доме висят человечьи головы» (Эрленвейн, № 29).

— Харк Харкович Солон Солонич: «Круг ево дому тын и на каждой тынинке повешано по человекей голове» (Перм, № 20).

— Яга: «стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человекьей голове» (Аф, № 159); «Подъезжают они к терему, железным тыном обнесен и железны ворота; на всякой тычине голова надета» (РСС, № 17); «Долго он ехал и подъезжает к огромному терему, который был обнесен железным тыном, /.../ и на каждой тыничине забора была воткнута человеческая голова» (Пушк, № 82); «паркан вайстраколам абгарожан, злезны тын кругом дварца, і на ўсякай вайстраколіне на галаве стырчыць» (ЧС 1, № 66); «У меня вокруг двора занесён железной тын; на каждой тынинке по человеческой голове висит, а на одной еще нет» (Вятск, № 86); «Подъезжают они к терему, железным тыном обнесен и железные ворота; на всякой тычinke голова надета, на одной только не было» (КВСО 1, № 36); «Коло тої хижки побачив настромлени на кілках людські голови. Порахував: дев'яносто дев'ять!» (КОС, С. 122).

— двенадцатиголовая демоница Пазя: «аж перед ним великий палац, обгороджений залізним парканом, а на кожнім стовпі чоловіча голова, і на брамі теж голови, лише на одному стовпі ще немає» (КП, С. 53).

— Змей: «стоит медный дом. Вокруг него палки, и на каждой по голове, только одна свободна» (СиБ, № 3); «стоит змеиный дом, кругом тыном обнесенный. На каждой тынинке по человеческой голове, на одной только нету» (СиВ, № 37).

— Вихрь: «Там стоит девять колышков: на восьми по человекьей головке» (Озар, № 26).

— водяной / морской царь: «Ну, и пошли к водяному. /.../ Пришли они в подводно царство — там тридевять спичь, и на всех головы, на одной только головы нет» (Карн, № 1); «Вот пришли они в сад, а сад был мертвый: ни одного живого дерева не было, ни одного зеленого луга. И на каждом дереве висел скелет человека, а на ветру эти скелеты качались и брякали, и царю — водяному дедушке это бряканье приносило удовольствие. Этот сад был обнесен частоколом и на каждой частокоLINE был надет человеческий череп, но на двух кольях еще не было черепов» (Морохин 90, С. 246); «Во дворе Рака Морского видит крышу, а на крыше натыканы тычинки; на каждой

тычинке — человеческая голова» (Верещагин, № 20); «у морского царя кругом всего дворца стоит чостокол высокий, на целые на десять верст, и на каждой спице по голове воткнуто; только одна порожняя» (Аф, № 222).

— Царь Дорода (Ирод?): «а его дом был огорожен железным тыном, и на каждой тычинке круг дому человекьи головы, а на одной нет» (Сад, № 1).

— злой волшебник: «долго ли коротко ли он шол, приходит в чужую землю, в город, и видит: стаит в гораду дворец, абнесёной чостоколом вкруг, на сколько сажон там в абширности. И на кожной тычинке всё по человеческой по галове» (Азад I, № 10).

— Кривой Ерахта: «напоследок пришли к тому королевству, вокруг которого стояли тычинки, как бы все королевство обнесено было палисадом, и на каждой тычинке воткнуто было по богатырской головушке» (Погудка, № 29).

— демонический старик: «дом большой стоит, перед ним двенадцать кольев торчит, на одиннадцать головы насажены» (Сив, № 30); волшебная помощница говорит герою — «дам тебе клубочек, и приведет он тебя к чугунной стене. Тянется та стена на сорок верст, а на каждой маковочке стена наколата голова человекья» (Морохин 78, № 30).

Примеры можно множить и множить. Суть понятна: такое декоративное украшение — весьма характерная деталь оформления внешнего вида жилища демона, по которой его легко опознать.

Как головы здесь оказались, догадаться легко: это останки тех добрых молодцев, что пришли бросить вызов, но не смогли совладать с противником: «в поле стоит дом ограмнейший, и вокруг дому ограда, загороженная железом, и на всякой тычинке по **молодецкой голове**, а одна тычинка стоит у ворот, на ей головы нет» (КВСО 2, № 25); «На одиннадцати столбах на воротах по **богатырской голове**» (Победитель, № 14)²³⁹. Иногда это неудачливые женихи: «пришли к тому государству, вокруг которого стряли тычинки так, как бы палисадом обнесено было все государство, и на всякой тычинке воткнуто по голове богатырской, и только одна тычинка была без головы» — «Это все головушки на тычинках богатырей,

²³⁹ В одной из сказок встречается такая загадочная фраза: «Кругом этого терема тын железный. На каждой тычине по **булатной головушке**» (РГСС, № 1). Какие такие булатные головы на железном тыне? Скорее всего, сказитель искажил более традиционное выражение «буйная головушка».

которые сватались за прекрасную королеву Труду» (ЛОЗ, № 7); «Видишь кругом, видишь стоят колья, и на кольях черепья, это ваш брат, все женихи» (Сик, № 32); «Женихам все головы сшибает и на колья на огороде вешает. Вон на двадцати восьми тынах головы висят» (Морохин 90, С. 76)²⁴⁰.

Сказка о Василисе Премудрой. И. Билибин

²⁴⁰ Ср. античный сюжет: греческий герой Эвен желал «украсить стены своего двора черепами женихов своей дочери» (Дионис, С. 127). Эномай, обещавший построить храм из черепов (Грейвс, С. 298), также использует для этого головы женихов дочери: «Эномай состязался с теми, кто сватал девушку, обещая дать дочь в награду победителю, который его обгонит, и снести голову тем, кто будет побежден» (Лукиан Самосатский. Харидем или о красоте).

Или те, кто понадеялся на себя, да не справился с трудными заданиями демона в попытках выслужить волшебную вещицу или животное-помощника. Чернокнижница отводит героя к избушке на курьих ножках, «*А навколо — людські голови на кілках*», после чего она показала ему «*трупн тих наймитів, що їх голови на кілках навколо хати*»; далее она дает невыполнимую задачу, угрожая: «*Коли не виконаси, то буде твоя голова сто першею на кілку*» (Золота вежа, С. 95). Есть одно маленькое «но». Эти головы — не просто предупреждение пришельцу об участи, его ожидающей, но и... своеобразный оберег, отпугивающий тех же настырных богатырей своим видом: «*на каждом коле голова, глаза огнем горят, изо рта кияток льється*» (Королькова, С. 195); «*у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня*» (Аф, № 104).

Огораживаться подобным образом могут и отдельные хозяйственные постройки, принадлежащие демону: «*Пішов до кошари, а там високий пліт, і на кожному колі — людська голова*» (КБ, С. 137). Впрочем, именно этот случай не сильно отличается от обычной бережной магии — точно так же защищают скот и люди, разве что черепа для этого используют попроще (о том см. Ч. II, гл. 6). Дополняет общую картину готичное оформление сада, находящегося при том же дворце или доме. Демонический противник героя, «Царь-Водяной дедушка», говорит ему: «*Теперь пойдём, прогуляемся по моему любимому саду*». Когда они вошли в сад, то сад показался ему отвратительным, мертвым. Деревья были посохшие. На каждом посохшем дереве висел человеческий скелет» (Ковалев, № 10). Этаким аналог европейских памятников жертвам чумы и барельефам с изображением «пляски смерти».

Впрочем, такова не только внешняя сторона поместья. Внутреннее убранство дома вполне может соответствовать общему замыслу. Достаточно только заглянуть за двери, чтобы кровь застыла в жилах. «*Видит он большую комнату, в ней свет горит и человечьи головы висят. Только одно место пустое*» (Арзамас I, № 63; СиВ, № 32); жилище некой «норушки»: «*Зашла в ограду — там головы валяются. Зашла на мост — в каце²⁴¹ кровь переливается. Зашла в избу, поглядела в стол — бабы косы лежат*» (Черных, № 110); колдун ведет героя по своему дому, «*а там, вздовж по стінах, висять*

²⁴¹ Каца — кадка, бочка.

чоловічі голови» (КП, С. 192); *«Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо вереи у ворот — ноги человечески, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами»* (Аф, № 104). Ср. описание жилища великана Кака (гр. Какоϛ) у классиков:

*Там пещера была, и в глубинах ее недоступных
Прятался Как-полужверь и скрывал от света дневного
Гнусный свой лик. У пещеры его увлажненная теплой
Кровью дымилась земля, и прибиты над дверью надменной
Головы были мужей, оскверненные гноем кровавым.*

(Вергилий. Энеида, VIII. 193–197)

*Логово было его — пещера, в глубоком ущелье
Скрытая, даже зверям хищным ее не найти.
Перед ущельем висят черепа и прибитые руки,
Кости белеют людей кучей на грязной земле.*

(Овидий. Фасты, I. 555–558)

Жилище Яги-вѣдьми, что может наделить героя волшебным конем, таково: *«Побачив страшину хижку, що була вкрита верхом із людських голів»* (ТЗС, С. 115). Собственно, и весь дом демона может быть сложен из голов. В украинской сказке описывается хата разбойника, *«яку він склав із людських голів»* (СВ, С. 40). О таком исполнении можно догадываться и по описаниям, где в качестве строительного материала фигурируют костные останки. Обиталище Змея Горыныча: *«Вот вышел он на большой дуг, а там дворец стоит. Весь из человеческих костей»* (РСЗ, № 72); Змей с железным языком *«хапаў /.../ маладых жэнак да дзевак і цягнуў у свой касцяны дварэц»* (ЧС I, № 22). Эта постройка также упомянута в детской докучной сказке: *«Жил был Кощей бессмертный. Решил он построить дворец из костей»*²⁴².

Обратимся к примерам текстов других индоариев. Описывая жуткий вид поля битвы, Махабхарата прибегает к весьма

²⁴² Амроян И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста. — М.: ГРЦРФ, 2005, С. 170.

многозначному сравнению его с обителью Божества смерти: *«Целые груди околевающих коней, слонов и воинов /.../. Вся земля там /.../ была усеяна кругом упавшими головами и руками героев /.../. Из-за убитых /.../ поле битвы приобрело страшный вид, подобный городу Вайвасваты²⁴³»* (Махабхарата. Книга 7. Дронапарва, 134. 25–28). В тамильском тексте XI в. Калингаттупарани описывается храм Кали, построенный из костей, плоти, голов, крови и частей тела врагов, убитых на войне. Головы используются как камни, кровь идет вместо цемента, а поверх внутренних стен *«отрубленные головы павлинов, людей, принесенных в жертву, головы младенцев, также отрубленных во время жертвоприношения, и плоть, из которой сочится кровь, – как украшения»* (Кинсли, С. 96). Что ж, Яга и есть...

О буддийском учителе Джнянасутре (VI – VII вв.) рассказывается, что когда он отправился в Китай, то возле храма у дерева Бодхи *«он встретил прекрасную девушку, которая несла кувшин с водой. Она посоветовала ему отправиться в Таши Триго. Когда он прибыл в гигантский, великолепный храм, дакини направили его на кладбищенскую землю Силжин. Он отправился туда и встретил там мастера Шрисимху в человеческом теле, в храме из черепов. Угождая мастеру, он служил ему три года. Затем, с подношениями, он умолял его дать учения. Шрисимха давал ему учения устных наставлений в течении девяти лет. Шрисимха изъяснял спрятанные тексты этих учений из храма возле дерева Бодхи и верил их Джнянасутре»*. А не был ли сложен этот храм из черепов нерадивых учеников, что не смогли угодить мастеру и выполнить все его (неизвестно, насколько сложные) поручения? Уж больно вся эта история хорошо укладывается в русло сказочных текстов о выполнении трудного задания демона с мотивацией: «а нет, так и голова с плеч». Параллель просматривается, ведь в итоге герой получает волшебную вещь, в данном случае — священные тексты.

Строить храмы из черепов порывались отдельные персонажи греческой мифологии, которых уместно приравнять к демоническим противникам героя наших сказок. Так, касательно Антея, *«который всех чужестранцев заставлял вступать с ним в единоборство и убивал их»* (Аполлодор II. 5. 11), Пиндар в своих песнях дает дополнительную деталь:

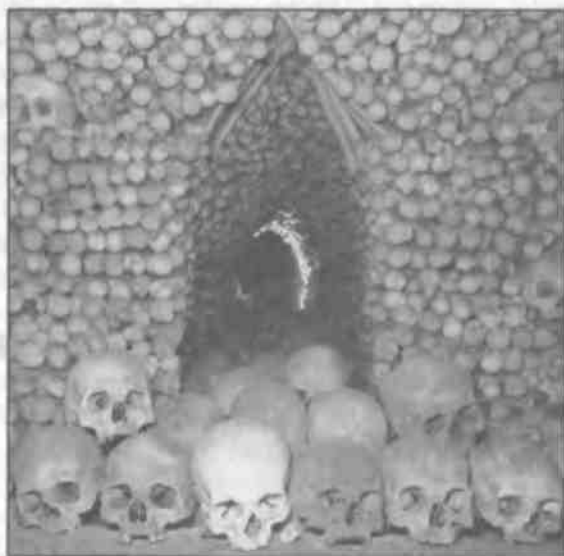
²⁴³ Ямы.

Так в пшеничную Ливию, в Антеев дом
Пришел из Кадмейских Фив
На борьбу,
Чтоб не крылся черепами гостей Посидониев храм,
Человек
Видом мал, духом тверд, —
Сын Алкмены,
Исходивший землю и седое море в крутых берегах.

(Пиндар, Истмийские песни «Геракл»
(Мелиссу Фиванскому). IV. 52)

А «в схолиях к Пиндару (Олупр. II, 82; X, 15) сообщается, что Кики отрубал головы проходящим через его владения чужеземцам, чтобы украсить ими храм своего отца, бога войны Ареса» (Аполлодор, комментарии, С.160).

«По схолиям Цецы к Ликофрону, Ойномай задумал построить храм из человеческих черепов, «как и Антей, и Эвен, и Форбант, и Дионис Фракийский, и Кики, убитый Гераклом» (Дионис, С. 127); «Тем временем олимпийские боги решили вмешаться и прекратить эти убийства, поскольку Эномай стал хвастаться, что в один прекрасный день он построит храм из черепов, как до него это сделали Эвен, Диомед и Антей» (Грейвс, С. 298).

Костел Всех Святых. Г. Кутна Гора (Чехия). Фрагмент интерьера.

Ситуация аналогична сказочным: герои борются с демоном, теряют свои буйные головы, которые идут на оформление или строительство, задуманное их противником. Далее вполне возможно провести параллели с обычаем демонстрировать отрубленные головы поверженных врагов как воинский трофей. Геродот сообщает о таврах: *«У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море, следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибивают к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не сбрасывают со скалы, а предают земле»* (Геродот. История. IV. 103). Ему вторит Аммиан Марцеллин в своей «Римской истории»: *«Эти народы добывали милости богов человеческими жертвами и, закалывая пришельцев в жертву Диане, которая у них зовется Орсилохой, прибивали головы убитых на стенах храма как вечные памятники славным деяниям»*; сюда присовокупим и комментарий В.Г. Боруховича по поводу рассказа о злодеяниях Кикна: *«Возможно, что украшение черепами убитых врагов храма Ареса встречалось в древнейшую эпоху у племен Элады или их близких соседей»* (Аполлодор, С. 160). С известной долей осторожности можно предположить, что этот же обычай сохранялся, не исключено что в виде пережитка, у языческих славян, побуждая воинов отрубать головы у врагов: *«Епископу Иоанну, старцу, схваченному с другими христианами в Магнополе, то есть в Микилинбурге, жизнь была сохранена для торжества [язычников]. За свою приверженность Христу он был [сначала] избит палками, потом его водили на поругание по всем славянским городам, а когда невозможно было заставить его отречься от имени Христова, варвары отрубили ему руки и ноги, тело выбросили на дорогу, голову же отсекли и, воткнув на копьё, принесли ее в жертву богу своему Редегасту в знак победы»* (Гельмольд. Славянская хроника. I. 24). Ср. также письмо Бруно из Кверфурта Генриху Второму (1008 г.): *«Не считаешь ли ты грехом, когда голову христианина... приносят в жертву под хоругвью демонов?»* (Ловмянский, С. 149). Про жертвы сказано явно в горячке полемики, единственное, что можно извлечь из подобной информации — это то, что отрубленные головы приносились к изображению Богов. Соответственно, если те стояли в храме, то трофей вносился в

храм. Дальнейшее неизвестно. На наш же взгляд, это было просто одним из способов демонстрации трофея, самого наглядного свидетельства победы (см. Ч. II. гл. 4–5).

Позднейшая реплика «храмов из черепов» и, вероятно, вершина подобного рода зодчества — «Костница», известнейший костел Всех Святых в г. Кутна Гора (Чехия), внутреннее убранство которого представляют разнообразные композиции (люстры, гербы, пирамиды, пещеры), сооруженные примерно из приблизительно 40000 черепов мастером-резчиком Ф. Ринтом.

Археология дает повод также задуматься вот над чем. В ходе раскопок славянских святилищ на их территории периодически попадаются отдельно лежащие черепа, причем не обязательно брошенные где попало (что во множестве описано в книге И.П. Русановой и Б.А. Тимошук), но и явно нарочито уложенные в каком-то знаковом месте. *«Около поселения, расположенного недалеко от Волина в Польше, открыта яма, в которой находились два человеческих черепа, кости животных, фрагменты сосудов. /.../ Жертвенная яма с шестью человеческими черепами открыта в Праге»*; при раскопках на о. Рюген была выявлена каменная вымостка, *«под которой в яме лежали 8–11 мужских черепов, частично поврежденных»* (Русанова, С. 16, 27). Исследователи огульно объявляют подобные находки свидетельствами кровавых жертвоприношений. Альтернатива их не интересует — есть установка, есть социальный заказ, наконец. Провести иные параллели что-то мешает. А ведь имеется масса примеров того, что череп — сильнейший и довольно популярный в строительной традиции оберег. Причем нетрудно сообразить, что при строительстве какого-либо сооружения оберегать от бед и нечисти есть что. Разумеется, для получения необходимого числа голов почти наверняка были совершены убийства, и их вполне можно назвать убийствами ритуальными (хотя был ли при этом совершен особый ритуал, тот еще вопрос). Но это никак не жертвоприношение, ибо нет никакого дара для Богов, Им попросту ничего не дают. Есть лишь магическое действие по закладке мертвых голов в фундамент постройки. Археологические находки черепов предположению о строительной магии ничем не противоречат, так что привлекать жертвенное толкование не просто не обязательно, но и неоправданно. Для сравнения можно упомянуть голову Орфея, о приключениях которой мы уже говорили ранее: *«голову схоронили как раз на том месте, где ныне стоит у них храм*

Вакха, а лиру положили в святилище Аполлона, в дар богу, и долго ее там сберегали» (Лукиан. Неучу, который покупал много книг. 11). Голова лежит в основании, но ни кому и в голову (уж простите за каламбур) не придет объявлять ее жертвенным даром или последствиями кровавого жертвоприношения.

При реконструкции средневековых европейских церквей то и дело находят человеческие черепа (но чаще всё же целые тела), замурованные в фундаменте или стенах. Это всё остатки древнего обычая переводить смерть на того, кого не жалко, на самого никчемного члена общества²⁴⁴. Нововозведенный храм или церковь — такая же постройка, что и дом, посему при его возведении и «заселении» соблюдались те же обряды, что и в случае жилой постройки. Причины для производившегося при этом умерщвления живого существа должны быть те же самые: «По преданию, тот, кто первым войдет в новый дом, **тот умрет**. Поэтому первой запускали кошку» (ББВК, № 463); «Или кошку бросают перьву. А то говорят, в новый дом переходишь, всё равно яво **должен хто-та** обновить, или **помереть**. От бросают кошку. [Кто первый зайдет, тот и умрет? — Соб.] Да. Ну, не первый, а ну, в общем, в семье в этой» (Ткаченко, С. 13); «Поселяются — кошку пускали вперед себя, **чтоб она первая умирала**» (Востриков, С. 160). Храм по значимости побольше избы будет, посему одной кошкой тут отделаться было бы трудно. «Шведская сага гласит. На западе Готланда, в Kalland, когда-то строили церковь. Тогда еще считалось обязательным замуровывать в фундамент здания кого-либо живого. Строители весьма кстати увидели двоих нищих — маленьких детей, идущих по дороге. «Не хотите ли поесть?» — спросили нищих строители. Те с радостью согласились. Рабочие усадили их среди камней, дали им хлеба и масла из своих запасов. Пока дети ели, каменщики вывели над ними свод, и над этим сводом была построена церковь» (Зеленин ТД, С. 150). Так что незавидной была судьба у пьяниц и сирот...

²⁴⁴ Впрочем, не забудем, что замуровывание в средние века практиковалось очень часто как способ одновременно и казни неугодного, и избавления от его останков. В украинской сказке мужчина, полагая, что жена съела их ребенка, ведет ее на суд старосте, который отдает женщину на расправу палачу — «*Пішов чоловік до війта, розповів усе як було, той і пислав ката, аби замуровав жінку в стіну*» (Срібний волосок. Казки. — Івано-Франківськ, 1993, С. 153).

*Изба, украшенная наверху оленьими рогами.
Архангельская губ., XIX в. (по Б.А. Рыбакову).*

Конек крыши. Русский Север. (по Б.А. Рыбакову)

Типы крышных коньков

Жилище Мезинской стоянки в процессе реконструкции

Кстати, можно наблюдать любопытную перекличку между обычаем замуровывать головы в основании культовых построек и римской легендой об основании храма Тарквинием Гордым (534 – 509 гг. до н.э.): *«За этим предзнаменованием незыблемости государства последовало другое чудо, предрекавшее величие державы: при закладке храма, как рассказывают, землекопы нашли человеческую голову с невидимым лицом. Открывшееся зрелище ясно предвещало, что быть этому месту оплотом державы и главой мира — так объявили все прорицатели, и римские, и призванные из Этрурии, чтобы посоветоваться об этом деле»* (Тит Ливий. История Рима. I. 55). Любопытно, что Луций Флор отнюдь не так восторженно расценивал предзнаменование такой находки: *«Ужаснее оказалось то, что при сооружении храма на фундаменте была найдена человеческая голова»* (Луций Аней Флор. Эпитомы. I. I. 7).

Мертвые головы в постройках — это магические замки, генерирующие вокруг места защитное поле, отвращающие смерть, сами будучи символами смерти; помещение их в землю, в основу строения, подобно визуальной закрежке в конце заговорного текста, преодолеть которую, по замыслу знахаря, никому не дано. Святилище могло быть украшено видимыми оберегами из мертвых голов, призванных отвращать порчу и сглаз, но при этом в земной глубине его таились обереги более могучие, хранящие место от куда большего зла²⁴⁵.

А что мы имеем в плане реализации магии мертвой головы в строительстве, помимо указанных культовых построек? Довольно немало. И это применение весьма многослойно.

1. И двор и дом украшали мертвыми головами (настоящими и их реалистичными подобиями), дабы отвести от огороженного таким образом места беды и болезни. Это и резные коньки на крышах²⁴⁶, и на

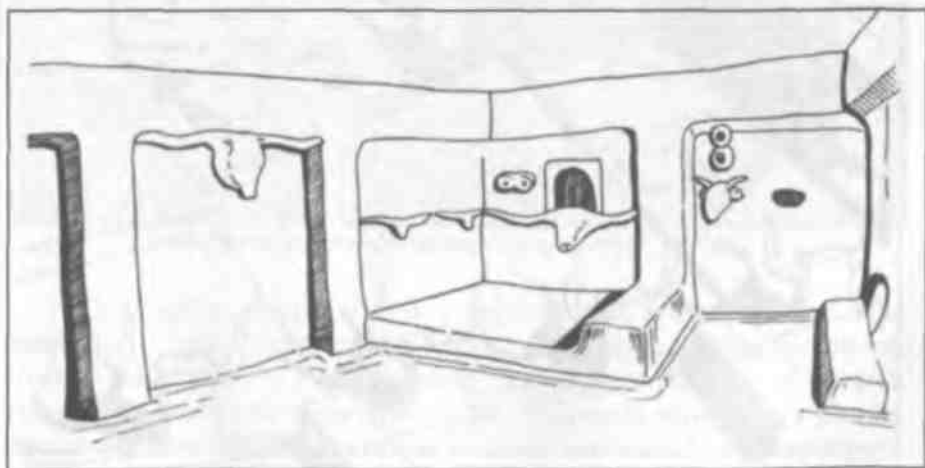
²⁴⁵ Кстати, при обсуждении с волхвом Велеславом этого типа капищных находок им была высказана весьма любопытная мысль. Капище как место сакральное, место контакта с Иным миром, место перехода, вполне могло быть нарочито отмечено символами надлежащего плана, — попросту говоря, символами смерти, — для придания месту необходимой атмосферы в глазах участников ритуала и/или для усиления связи двух миров.

²⁴⁶ «Термин «конек» происходит от изображения лошади на коньковой слезе крыши дома (...). По-видимому, раньше на крышах домов укреплялись черепа лошади, птиц. Украшательское значение коньков деревянных домов,

крышах же крепящиеся олени рога (засвидетельствованы на Русском Севере), восходящие к обычаю крепить там мертвые головы; я уж не говорю о жилищах древних людей, сложенных не только из костей мамонта, но и из рогатых черепов, как это было на Мезинской стоянке...

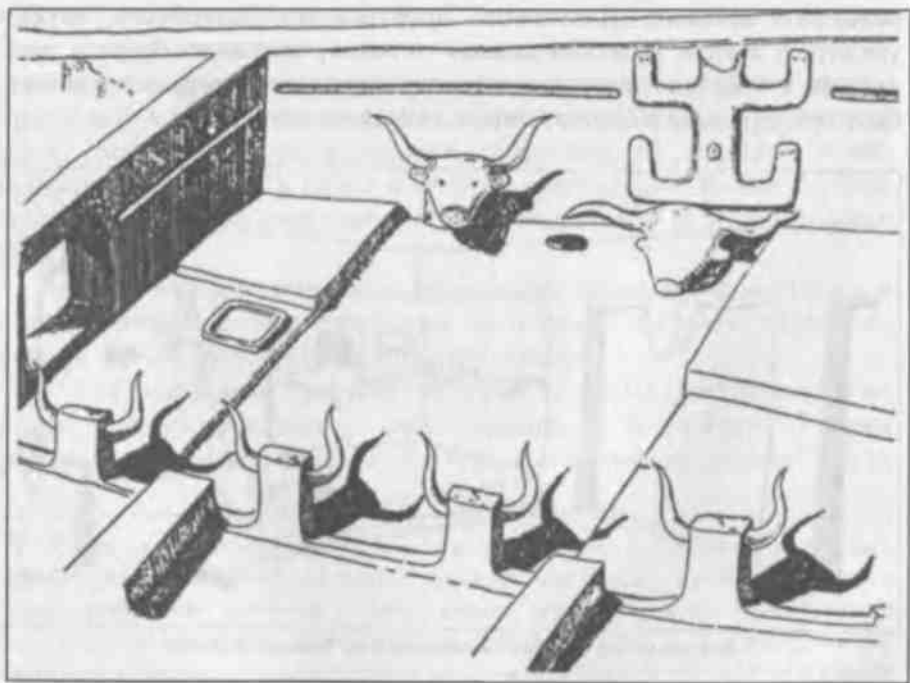
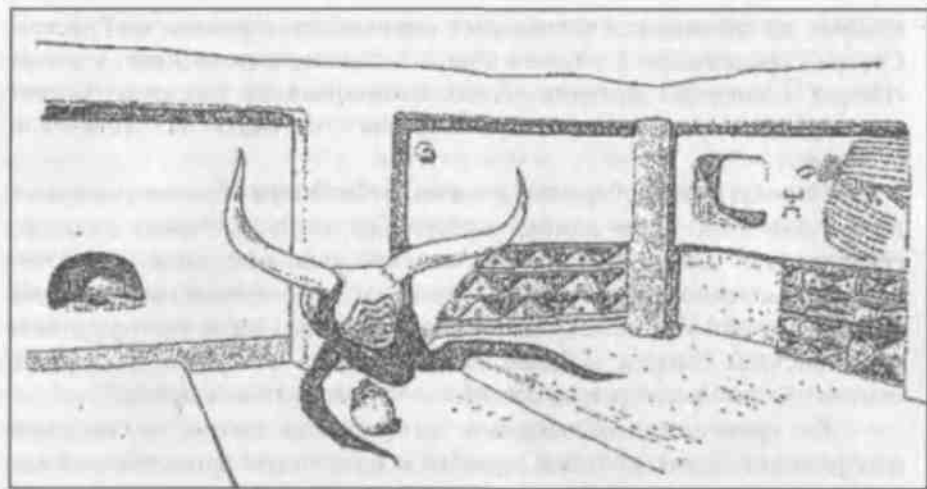
Поскольку про обережье дома подробнейшим образом говорится во 2 главе этой части книги, повторяться не буду. Укажу лишь на генеральную идею данного обычая, как она мне представляется: место, отмеченное мертвыми головами, должно продемонстрировать нежити, что это уже их территория, «своя земля», здесь уже орудовала их владычица Смерть, и более наносить вреда не нужно. Соорудить «мертвый дом» / «дворец из костей» — что может быть проще?

Со временем использование для защиты жилищ и святилищ изображений мертвых голов привело к появлению орнамента в виде черепов — букраний (греч. *bucranion* «бычий череп»), прочно занявшего место в архитектуре и дожившего до относительно недавнего времени. Достаточно пройтись по Петербургу, чтобы убедиться в этом. Причина замены — голову проще изобразить, чем достать, к тому же декоративная голова эстетичней смотрится и может быть приукрашена в соответствии со вкусами мастера.

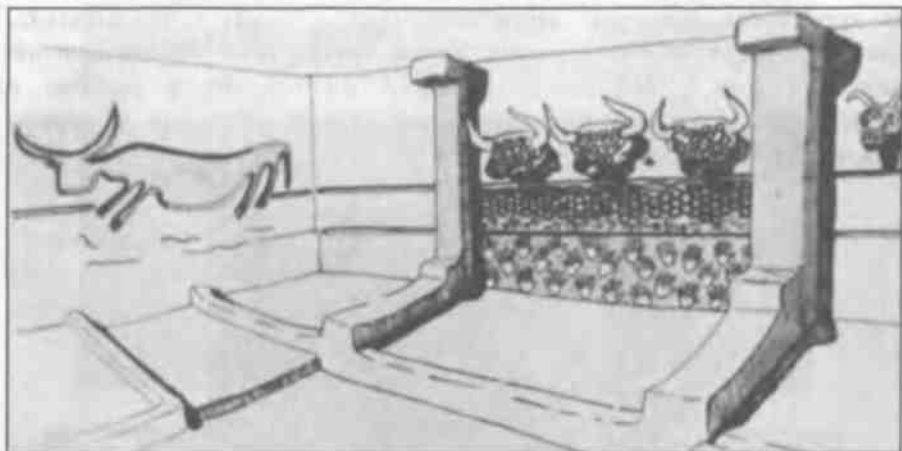
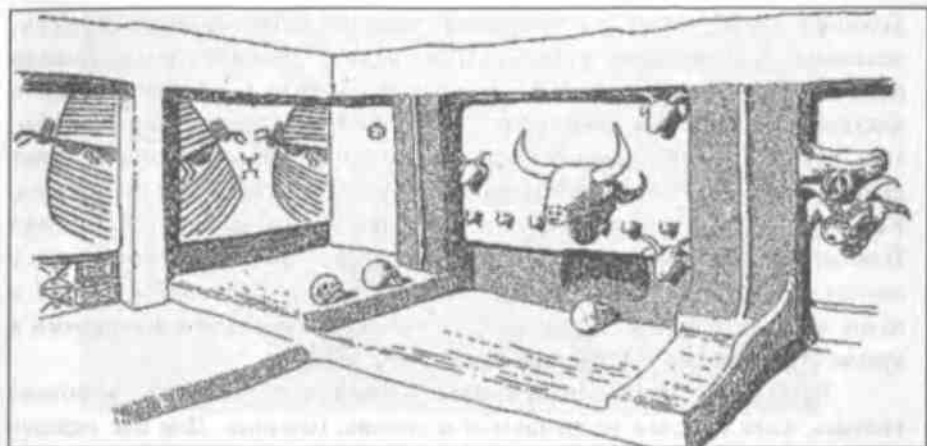

Букрании на стенах святилища из Чатал-Хююка

вышивок на одежде... появилось позже, первоначален их охранительный смысл» (Соколова З.П. Культ животных в религиях. — М., 1972, С.39-40).

Букрани на стенах святилища из Чатал-Хююка

Букрании на стенах святилища из Чатал-Хююка.

Собственно, букраний, как и горгонейоны, о которых речь еще впереди, это разновидность маскарон (фр. *mascairon*, итал. *mascherone*) — скульптурного украшения здания в форме головы человека или животного анфас. Букрании появляются уже на стенах многочисленных святилищ — снова святилищ! — древнейшего города праиндоевропейцев — Чатал-Хююка (неолит, 7500–5500 гг. до н.э.). Собственно, там лепные головы быков представляли собой едва ли не важнейшую часть интерьера.

Никуда этот орнамент не делся и с христианских культовых сооружений, что можно видеть на грузинских церквях, например, в

Болниси. С III в. до н.э. букраний нередко объединяется с растительными гирляндами в рельефную ленту, которой декорировали фризы общественных зданий и храмов, а также исполняют их в настенной и вазовой живописи. Апотропией становится украшением, так часто бывает, однако при этом он незаметно продолжает выполнять свою основную функцию — оберегает жилище от невзгод. Кстати, любопытную реплику этого обыкновения засвидетельствовал Павсаний: «*Да будет всякому известно, что у слона рога, начинаясь у висков, растут сверху вниз и затем уже выходят наружу. Это я пишу не на основании слухов, но сам видел череп слона в Кампании в храме Артемиды*» (Описание Эллады. V. XII. 1).

Букраний преимущественно изображает бычьи (коровьи) головы, хотя изредка встречаются и головы баранов. Для нас важнее всего то, что это изображение не просто отделенной от тулова головы, но гораздо чаще головы мертвой — черепа. В окружении гирлянд, цветов и фруктов такой череп вновь являет свое парадоксальное значение еще и как символ жизни. Пережив яркий расцвет в античности, букраний получают свое второе рождение в период итальянского Возрождения.

Голова быка с крестом между рогами на стене Сионского храма в Болниси. Грузия (478–493 гг.).

*Типичные букрании Петербурга: Кронверкский пр. 49; Б. Монетная улица;
3-я линия В.О., д. 46, архитектор Н.И. Иванов. 1912–1913 гг.*

*Мертвые головы:
Невский, 57, отель «Невский палас»; 5-я Красноармейская, 12-14*

«Живая голова»; Баран: Невский пр. 7/9, арх. М.М. Перетяткович; Тот самый первый букраний: Садовая, 21 (Здание бывш. Ассигнационного банка); арх. Д. Кваренги.

Третье явление их произошло в России, где букрании впервые были применены Д. Квареги для оформления выполненного в классическом стиле здания Ассигнационного банка в 1789–1790 гг. Бесспорно, позднейшие образцы букраний более реалистичны и красочны. Ранние же букрании не столь вычурны.

2. Демоны украшают свои жилища человеческими головами, сигнализируя тем самым для новых искателей приключений, что здесь довольно небезопасно. Человек в ответ вполне может украсить свой дом (и даже храм, а позже — еще и официальные учреждения) головами демонов. Это ответное предупреждение. В Рязани, на одной из улочек, еще не совсем застроенной коттеджами, сохранилось несколько старых и вполне деревенских домов. Разные у них наличники: где с растительным орнаментом, где с геометрическим, а есть и с... Сразу и не поймешь, что там изображено, но если присмотреться, то можно понять. Голова черта! Черты лица очень выразительные, прямо-таки мефистофелевские — нос горбинкой, борода клинышком, высокий лоб. Хозяева наличники не обновляют, видимо, не до того им уже, из четырех окон резьба сохранилась только на одном. Возможно, перед нами последний из могижан...

Тот же самый обережный смысл и у европейских горгулий, некоторые из которых порой изображались в виде только головы. Кривляющиеся, рогатые и уродливые рожи и рожицы озирают окрестности с крыш и стен, всегда так, чтобы и видеть далеко, и их самих было заметно издали. По этому поводу исследователи отмечают, *«что в западноевропейском средневековом искусстве чрезвычайно многочисленны чудовищные демонические образы, названия которых восходят к греческому Γοργυω (Gargouille и т. п.), причем их иконография, как правило, не имеет ничего общего с классической Медузой»*²⁴⁷.

Ну а предупреждение для нежити будет тем сильнее, если напоказ выставлена отрубленная голова одного из сильнейших представителей нечистой силы, что и в таком — умерщвленном — виде внушает страх демонам помельче. Речь, собственно, о Горгоне.

²⁴⁷ Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты—змеевики. М.: Наука, 1991.

Рязань, ул. Салтыкова-Щедрина, д. 21.

Горгулья-водослив со свинцовой трубой в пасти. Оксфорд.

Изображение ее головы украшает множество греческих и римских построек, начиная от форумов, терм и театров, и заканчивая базиликами, святилищами и частными домами: *«На так называемой южной стене (акрополя), которая обращена к театру, находится золоченая голова Медузы Горгоны, а вокруг нее сделана эгида», «Занавес в Олимпии — шерстяной, украшенный пышными ассирийскими узорами и окрашенный финикийским пурпуром — дар Антиоха, того самого, который посвятил также и золотую эгиду, находящуюся над афинским театром, с головой Горгоны»* (Павсаний. Описание Эллады. II. 21. 4; V. XII. 2). Традицию заменять копиями оригинал, существующий в единственном числе, относят ко временам еще сказочным. Вероятнее всего, как и в случае букраний, изначально такими копиями головы Медузы украшались культовые постройки. Согласно Павсанию: *«У храма Кефиса находится голова Медузы, сделанная из мрамора; говорят, что и она — произведение циклопов»* (Павсаний. Описание Эллады, II 20. 5). Безумно таращащиеся глаза, раскрытый в истошном крике рот, копошащийся клубок ядовитых змей на голове... И это отвратительное зрелище демонстративно выставляется напоказ, над входом в помещение, так, чтобы еще издали бросаться в очи каждому входящему. Это, безусловно, не только защита от нечисти, но еще оберег от «глазливых» людей (что относится и к украшениям из бычьих и прочих черепов). Посмотришь на такого монстра, да и «сломаешь» свой недобрый глаз об него. Точнее, об нее. Всяк ведь помнит, чем чреват взгляд Горгоны: *«жрица богини Иодама как-то ночью вошла в священную ограду; и вот перед ней явилась Афина, на одеянии которой была голова Медузы Горгоны. Как только Иодама взглянула на нее, она обратилась в камень»* (Павсаний. Описание Эллады. IX. 34. 1); *«Головы Горгон были покрыты чешуей драконов, у них были клыки такой же величины, как у кабанов, медные руки и золотые крылья, на которых они летали. Каждый, взглянувший на них, превращался в камень»* (Аполлодор. II. 4. 2).

Голова Горгоны, как и бычья черепа, со временем становится традиционным архитектурным элементом, декорирующим фризы зданий, полностью превращаясь в орнамент. В магический, разумеется. Ведь всё не просто так... История бытования архитектурных горгонейонов (гр. Γοργονειον) примерно такова же, что и у букраний.

Горгонеионы: ужасное начало и прекрасное завершение:

Голова Медузы. Мраморный рельеф из святилища в Сиракузах (Сицилия).

*Петербург. Большая Морская ул., 37
(Здание страхового общества «Россия»);
арх. Л. Н. Бенуа, З. Я. Леви, 1898.*

Та самая медуза Ронданини. Мрамор, ок. I в. н.э.

Со временем бычьи черепа стали переименовывать на просто бычьи головы, вполне себе живые; сходное превращение где-то к V в. до н.э. произошло и со страшной маской Горгоны — ее все чаще стал заменять изящный женский лик, у которого клубящиеся ядовитые змеи переосмыслены как непослушные завитки кудрей, и о прежнем осторожном характере напоминают только стилизованные рожки-крылья (прекрасный пример тому — т. н. медуза Ронданини, ставшая недавно эмблемой дома Версаче). Впрочем, Ренессанс и Российский классицизм вернулись к источнику. Если кто имеет привычку, бывая в Петербурге или Москве, внимательно разглядывать старые здания, то он наверняка не раз замечал фризные украшения под античность — каменные венки, военные арматуры, и маскароны разных типов, включая змееголовые горгонейоны.

Далее приведены горгонейоны Петербурга:

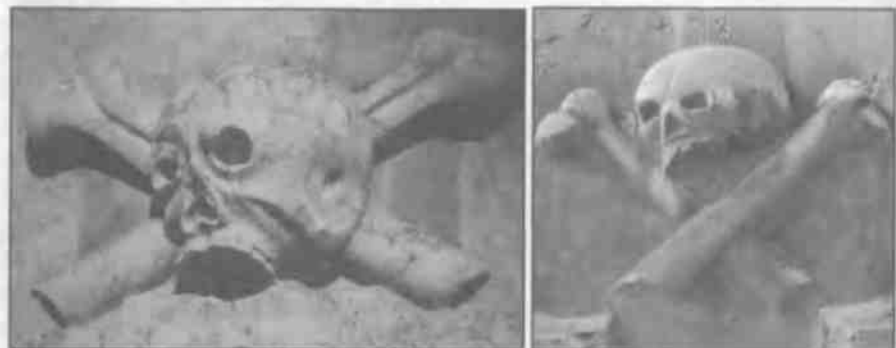
6-я Советская, 29; Большая Монетная, 6, арх. В.С. Шорохов; Глилки, 6; Малый пр. П.С., 25; арх. А.Н. Димитрато; 7-я Красноармейская, 25; Ломоносова, 11; Набережная р. Мойки, 85; Глилки, 8; Рузовская ул., 19; арх. Б.И. Гиришович; Набережная р. Мойки, 10.

3. Если вы думаете, что изображения человеческих черепов не встречаются, что их вытеснили менее агрессивные виды мертвой головы, это будет ошибкой. Редко, но встречаются. Но уж если среди настенной лепнины мастер затеял изобразить череп, будьте уверены, это окажется зрелищем откровенно броским, не забывающимся. Едва ли не лучшим образцом постройки с подобными украшениями является Белградский Собор в г. Сентендре (Венгрия), основанном сербами.

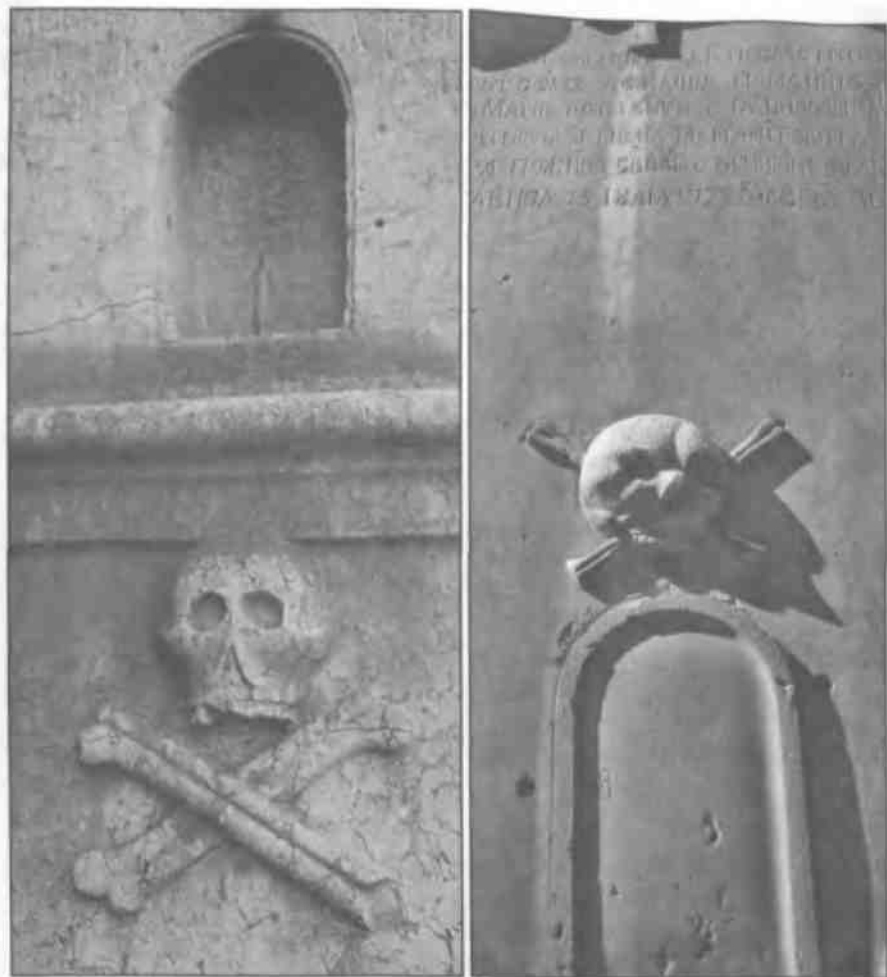
Ту же тему поддерживают стенные украшения в виде мертвых голов и сентенций, напоминающих о смерти, которыми помечены здания масонских лож.

Собор в Сентендре

То самое масонское тemento

Собор в Сентендре

4. Как уже говорилось, мертвая голова может использоваться и не столь открыто, обнаруживаясь не с внешней стороны постройки, а изнутри ее, закладываясь туда в ходе процесса строительства.

«Для того, чтобы гребля (плотина) стояла крепко и болотный дедько (водяной) не разорвал ее в половодье, на Украине закапывают в

нее **кобылью голову**» (Афанасьев 1, С. 635)²⁴⁸; «На Украине в основании плотины закапывали **лошадиный череп**, чтобы обезопасить себя от проказ водяного» (СМ, С. 99); «*Aby nerozbořil hrádz, bylo nutno zakopat do ní koňskou hlavu*» – «Чтобы (водной) не разрушил плотину, нужно было закопать в нее конскую голову» (Zdeněk Váňa: Svět slovanských bohů a démonů. Praha 1990, s. 114–115); «По мнению западных украинцев, закладывание **конского черепа** под основание строящейся хаты отвращало беду от ее хозяев, поскольку «несчастья и болезни падают на этот череп, а не на обитателей дома»» (Серяков, С. 572); «**Голову вола** зарывали в фундамент нового дома (Грузия, Сербия)» (СД 1, С. 409). Этнографические сведения подтверждают данные археологии: «В 1953 г. Новгородской археологической экспедиции ИИМК были **обнаружены конские черепа** в основании целого ряда срубов, датировемых 10–14 вв.» (Байбурин, С. 61); «При закладке этого дома также было совершено жертвоприношение. **Конский череп** обнаружен в районе юго-западного угла сруба на глубине 0,2–0,25 м от досок пола» (Седов, С. 23); «*Důležité byly zejména při zakládání hradů (hradišť). Oběti nalézáme pod valem (hradbou), pod základy domu nebo pod jeho peci; příkladem je koňská hlava v hradbě v Zabušanech (9. století; Čechy), pod valem hradiště v Bronikově z poloviny 8. století, v Naklu a Gdaňsku (Polsko) či ve Strachotíně na Moravě. Ve Wolinu (Polsko) byla nalezena lebka koně jako základová oběť v jihovýchodním nároží domu z 11. století a dobytčí lebka v severozápadním nároží domu z 10. století. Ochranu příbytku zajišťovala také zvířecí oběť mezi vrstvami výmazu pece, jak se to podařilo objevit např. na sídlišti Garvan v Bulharsku*» — «(Черепы) имеют важное значение при закладке городов (городищ). Жертвы находятся под валом (городской стеной), под фундаментом дома или под его

²⁴⁸ Вероятно, следующие примеры относятся к тому же обряду, разве что замуровывание в основание заменилось на бросание в воду: «Осторожные и запасливые хозяева, при постройке мельницы, под бревно, где будет дверь, зарывали живым черного петуха и три «супорыжки», т. е. стебля ржи, случайно выросших с двумя колосьями; теперь с таким же успехом обходятся **лошадиным черепом**, брошенным в воду с приговором» (Максимов, С. 83); в Новгородской губ. «при постройке мельницы под водяное колесо бросали шило, мыло, **голову петуха**» (Померанцева, С. 59). С учетом зависимости постройки от воды такие действия с мертвой головой объяснимы. Образно говоря, вода — фундамент водной мельницы, самая важная ее часть.

печью; например, конская голова в стене в Забрушанах (9 в., Чехия), под валом городской стены в Броникове (середина 8 в.), в Наклу и Гданьске (Польша), а также в Страхотине в Моравии. В Волине (Польша) конская голова находилась как закладная жертва в юго-восточном углу дома 11 в., а череп крупного рогатого скота в северо-западном углу дома 10 в. Обережное значение имела также животная жертва, (найденная) между слоями мазаной печи, как это было, например, на селище Гавран в Болгарии» (Naďa a Martin Profantovi: Encyklopedie slovanských bohů a mýtů. Praha 2004, s. 145). Большую подборку таких открытий приводит А.А. Формозов: «при раскопках поселения андроновской культуры Алексеевка (Кустанайская обл.) /.../ в больших полуземлячных жилищах, выявленных на этом поселении, в двух случаях были открыты ямы, имевшие не хозяйственный, а скорее всего культовый характер. В землянке 2 в северо-западном углу в такой яме лежал череп лошади, а в северо-восточном углу — череп двух коров и овцы. В землянке 8 была обнаружена яма с черепом коня, поставленным на каменную подставку», «На поселении Новоникольское I (Северо-Казахстанская обл.) /.../ В северо-восточном углу жилища 1 у входа был зарыт череп коня, под полом жилища 2 в яме лежали три черепа баранов, в жилище 7 ниже уровня пола у входа обнаружены два неполных скелета коров. Поселение было обведено рвом, и в его южной части также встретились захоронения черепов барана и лошади и скопление костей коровы», «в жилище Солончен II в Молдавии — череп собаки и миска с костями и челюстью быка», «В Черниговской обл. /.../ В жилище 9 такая же яма под очагом содержала в заполнении череп собаки, кости быка», «Даже лесным окским культурам оказалась не чужда описанная обрядность. И.К. Цветкова отмечает захоронение черепа лосенка в полу у входа в жилище поселения Ибердус I (рязанская культура) и черепа собаки при входе в жилище I на стоянке Ибердус II (волосовская культура)²⁴⁹.

Исследователи полагают, что в данных случаях имеет место жертвоприношение, хотя оснований для подобных выводов попросту нет. «Повсеместно конский череп использовался в качестве строительной жертвы» (СД 2, С. 591); «Немцы в качестве строительной жертвы погребали местами конскую голову под

²⁴⁹ Формозов А. А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // Советская археология, 1984, № 4.

полом» (Зеленин ТД, С. 166); «На поселении Новоникольское I (Северо-Казахстанская обл.) при раскопках Г.Б. Здановича зафиксированы следы аналогичных жертвоприношений»²⁵⁰; «известны свидетельства о приношении петуха и черепа коня в жертву водяному» (Байбурин, С. 65); «*Dalším typem zvířecích obětí jsou oběti stavební, které měly zajistit úspěšnost stavby a její magickou ochranu*» – «Еще одним видом животных жертв являются жертвы строительные, которые должны были обеспечить успех постройке и ее магическую защиту» (Nad'a a Martin Profantovi: Encyklopedie slovanských bohů a mýtů, Praha 2004, s. 145). Впрочем, не все исследователи столь увлечены, иные из них полагали более уместными иные объяснения: «С.Н. Бибииков писал о находке в Луке Врублевецкой: «...черепа собак и других животных служили... оберегами, вместилищем злых духов» [Бибииков С.Я. Поселение Лука Врублевецкая. — МИА, 1953, № 38, С. 269]. То же повторила Т.Г. Мовша: череп собаки был зарыт в жилище Солончен II «для защиты обитателей дома от враждебных сил» [Мовша Т.Г. Трипольские жилища на поселении Солончены II. — ЗОАО, 1960, № 1 (34), С. 239]»²⁵¹. В работе, посвященной развенчанию мифа о кровавых жертвоприношениях, мне уже приходилось высказываться на данную тему²⁵². Укажу лишь на очевидное: голый череп, кому бы он там ни принадлежал, жертвенным даром быть ну никак не может. Это бросовая кость, энергетически и экономически не ценная вещь, а значит, не годная ни Богам, ни людям. Такое приносить в требу высшей силе было для людей древности совершенно невозможно. Неразумно игнорировать или переиначивать этнографические сведения в угоду своим гипотезам. Голова в основании строения — всего лишь оберег, такой же, как и голова на внешней стороне здания, на его крыше или во дворе перед ним.

К той же строительной обрядности следует отнести также следующие варианты. «В Курской губ. /.../ при переходе на новоселье, трубают у курицы голову на пороге новой избы, и отрубленную голову закапывают под передним углом; мясо обезглавленной курицы

²⁵⁰ Формозов А. А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // Советская археология, 1984, № 4.

²⁵¹ Формозов А. А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // Советская археология, 1984, № 4.

²⁵² Влх. Богумил. Кровавые жертвоприношения у славян. — М.: Велигор (в печати).

*в пищу не употребляется» (Афанасьев 2, С. 84); «При переходе в новый дом отрубали на пороге избы голову у курицы, которую после в пищу не употребляли. Иные же для предотвращения мнимого несчастья при закладке домов **закапывают куриную голову под главным углом» (Байбурин, С. 62); Перед постройкою дома, чтобы впоследствии жилось в нем здорово и счастливо, хозяин с хозяйкою приходят на место закладки, отрубают у петуха голову и зарывают ее в том пункте, где следует быть переднему углу. Обряд этот совершается тайно» (Афанасьев 2, С. 109–110). Место фундамента занимает другая важная часть дома — передний (красный) угол, под которым и будет покониться голова. Причина, разумеется, не жертвенная. Это делается, чтобы «жилось /.../ здорово и счастливо», что возможно в том лишь случае, если жилище не одолевают демоны несчастий и болезней. Мертвая голова (тем паче бесогона-петуха) отваживает их долой.***

*Бронзовая модель головы (Брана?). Кельты. 50-20 гг. до н.э.
Хартфордшир, Англия.*

То же значение сохраняется и за подобиями мертвой головы: *«Есть трава именем Адамова голова /.../ кто хочет мельницу или церковь или полату (ставить), держи при себе, земля с чем местом кажитца равно /.../ Та трава именуется святая, всем травам царь» (Ипполитова, С. 399), «Есть трава Адамова глава /.../ А воду хочещи держать или мельницы ставить — держи при себе или пойми взверх; хочещи воздвигнуть полату, хранину и землю под себя подвести, и та трава есть царь во всех травах» (Часовникова, С. 97–98). Не*

забудем и про необходимость первой смерти, дабы новая постройка, только что отвоеванная у дикой природы, не стала забирать из семьи людей, начав с того, кто первым перешагнет порог. *«Кота первым пускают — пусть он умирает»*. *«Надо, чтобы кошка и петух в новом доме умерли. Когда переходили, кошка убежала и вскоре умер брат»* (ТРМ, №№ 10, 14); *«Всякий, вошедший в дом «первым», по народному поверью, «до году помрет»; посему, когда входят в новый дом, то пускают в него прежде кошку (иногда черного кота)»* (Байбурин, С. 104).

Таким образом голова где-то есть, и этого вполне достаточно, чтобы оберегать место. Она лежит в фундаменте, являясь, собственно, основой строения. И такое применение мертвой головы находит параллель, если не корни, опять же в мифологии. В кельтских сказаниях, собранных в книге «Мабиногион», рассказывается, как таким оберегом-фундаментом стала голова Благословенного Брана (Bendigeiduran или Bran Bendigeid²⁵³), в котором видят общекельтского Бога потустороннего мира.

«И в битве победили люди Острова Могущества, но после этой победы в живых остались лишь семь человек, и Бендигейд Вран был ранен в ногу отравленным дротиком. Вот те семеро, что остались живы: Придери, Манавидан, Гливизу Айл Таран, Талиесин, Инау, Гридиэн, сын Мириэла, и Хейлини, сын гвинна Хена. И Бендигейд Вран приказал им отрезать его голову. «Возьмите мою голову, — велел он, — и отнесите ее на Белый Холм в Лондоне, и похороните там лицом к стране франков. Долгим будет ваш путь. В Харлехе вы будете пировать семь лет, и птицы Рианнон будут петь вам. И моя голова должна все время быть с вами, как будто она на моих плечах. И в Гваласе в Пенвро вы должны оставаться четырежды двадцать лет, и вы останетесь там, пока не отонрете дверь в Абер-Хенвелен и Корнуолл. И когда вы отонрете эту дверь, вы отправитесь в Лондон и похороните там мою голову». /.../ И с того часа они не знали отдыха, пока не добрались с головой до Лондона. И они похоронили голову на Белом Холме; и это было одно из Трех счастливых погребений этого острова и причина Трех злосчастных выкапываний, ибо никакая опасность не приходила на остров с моря, пока голова

²⁵³ Однако, возможно, первая часть эпитета — это искаженное валлийское *rept* «голова», так как именно вокруг образа чудесной головы Брана и разворачивается миф.

не была выкопана» (Мабиногион, вторая ветвь, С. 38–39). Перед нами мертвая голова, служащая магическим фундаментом последующих построек, пусть даже и таких абстрактных, как государство.

В комментариях к этому месту текста «Мабиногион» приводится средневековая ирландская триада, где поясняется, кто и почему выкопал главный оберег Британии, спрятанный на месте нынешнего Тауэра: *«Три счастливых погребения и Три злосчастных выкапывания Острова Британии. Голова Брана Благословенного, сына Ллира, зарытая на Белом Холме в Лондоне лицом к Франции. До тех пор, пока она оставалась там, как ее положили, саксонская напасть не приходила на этот остров. /.../ Артур же выкопал из Белого Холма голову Брана Благословенного, ибо не желал, чтобы чья-то сила защищала этот остров, кроме его собственной»* (Мабиногион, С. 310). В итоге сам Король Артур был убит своим сыном Мордредом, Круглый Стол распался, а на Остров начали успешно нападать соседи.

С бережной головой Брана можно сравнить голову Медузы. Павсаний писал о ее погребении: *«Недалеко от сооружения, находящегося на площади Аргоса, насыпан земляной холм; в нем, говорят, лежит голова Медузы, называемой Горгоной»* (Описание Эллады. II. 21. 6).

Вот что касается строительного применения мертвых голов, в целом являющегося подотделом бережной волшбы.

Лондонский Тауэр

ВОИНСКАЯ МАГИЯ (1)

*Убью тебя своей рукой, а после
И тех двоих; на городских воротах
Повешу ваши головы.
(Шекспир. Цимберлин. IV акт)*

Воины, чаще прочих людей ощущая дыхание смерти, старались отвести от себя эту напасть всевозможными оберегами, среди которых были и мертвые головы — головки чеснока, лука, мака, высушенные головы змей (Сахаров, С. 62). Образ мертвой головы использовался и вербально, он звучал красной нотой в осторожных воинских заговорах («молитва от стрел, от пульк»): *«Во имя отца и сына и святого духа, господа нашего исуса христа. И со мною, рабом божшим, святая глава Адамова праотца, буди со мною, рабом божшим»* (РЗРИ, С. 522). Но только лишь к обереганию воина применение им мертвой головы не сводилось, смысл используемого артефакта был явно шире. Мертвая голова должна была утратить противника, при этом она же свидетельствовала о безразличии к своей смерти носящего ее. Метка смерти как мрачное обещание неприятелю его незавидной судьбы, и знак принадлежности помеченного к армии Смерти... Одновременно с тем, демонстрация трофея — мертвых голов противника — оповещала всех о состоявшейся победе и личной доблести воина. Впрочем, давайте по порядку, от древности и до наших дней.

После победы над Горгоной и воздаяния обидчикам Персей передал добытый им опасный предмет — голову Медузы — во владение высших сил. Получив дивное оружие нападения и защиты, Афина нашла ему применение: *«Афина же поместила голову Горгоны посредине своего щита»* (Аполлодор. II. 4. 3); или, согласно другим мифам, на груди:

*Ныне, чтоб ужасом тем устрашать врагов оробевших,
Ею же созданных змей на груди своей носит Богиня.
(Овидий. Метаморфозы. IV. 802–803)*

В искусстве Греции отражены оба варианта мифа: «Статуя Афины изображает ее во весь рост в хитоне до самых ног; у нее на груди — голова Медузы из слоновой кости; в руке она держит изображение Ники (Победы)», «С обеих сторон крыши храма в Олимпии стоят позолоченные чаши; статуя Победы, также позолоченная, стоит по самой середине фронтона; под статуей Победы прикреплен золотой щит с рельефным изображением Медузы Горгоны» (Павсаний. Описание Эллады. I. 24. 7; V. 10. 2). Как видим, такая разница не смущала никого, раз автор безо всяких комментариев привел оба сообщения на страницах одного труда.

*Щит Афины Паллады в скульптуре Фидия. Римская копия. Неаполь.
Воин со щитом-горгонейоном.*

Голова Горгоны, по сути, ставшая одним из символов Афины, Богини-воительницы, не могла оставить безучастной простых воинов, перед Ее изваяниями совершавших свои грехи. То, что защищало их покровительницу, должно было быть максимально растиражировано и применено для спасения жизней простых воинов. Разумеется, в упрощенной форме, но ведь в магии копия отнюдь не всегда уступает оригиналу. Сообразно двум версиям о размещении головы, на щите или груди, воинская магия и стала разрабатывать этот обережный знак.

В византийском сатирическом диалоге X в. «Патриот или поучаемый» упоминается о значении этого украшения Богини Войн как для Нее самой, так и для тех, кто носит подобный амулет:

Накладка на шит

Кадм, убивающий дракона. Фрагмент росписи килика, 560–550 гг. до н.э.

Трифонт: Ответь, друг мой, что за польза от Горгоны, и для чего богиня (Афина) носит ее на груди?

Критий: Для устрашения и для отвращения опасностей; Афина с ее помощью вселяет во врагов ужас и клонит победу, куда пожелает.

Трифонт: Так значит, Совеющая (Афина) непобедима только благодаря Горгоне?

Критий: Конечно!

Трифонт: А почему же тогда мы, желая стать непобедимыми, подобно Афине, сжигаем бедра быков и коз не Горгоне-избавительнице, а богам, которым она дарует силу?

Критий: Горгона, Трифонт, не может, подобно богам, оказывать помощь издалека, но хранит только того, кто носит ее на себе».

Первое упоминание об украшенном ликом Горгоны щитах содержится уже у Гомера, который описал сцену сбора на битву Агаммемнона:

*Там Горгона свирепообразная щит поворачивала,
Страшно глядящая, окрест которой и Ужас и Бегство.*

(Илиада. XI. 35–36)

У Аристофана (444 – между 387 и 380 гг. до н.э.), в комедии «Архнянае» Ламах говорит:

*Принесите сюда круг щита горгонического,
Защиту, сын мой, привяжи под щитом.²⁵⁴*

Об этом щите есть и у Л. Фейхтвангера («Мир»²⁵⁵), по сути, пересказавшего комедию Аристофана:

*Меньшинство (оттесняемое большинством, стучит в дверь
Ламаха):*

*Ламах, мощный Ламах, ужас сеющих,
Грозною Горгоною владеющий,
Ламах, вождь, учитель и герой,
Ламах, поскорее дверь открой!
Появись, свиреп, огромен, лют.
Помоги нам, Ламах, наших бьют.
Ламах! Ламах!*

*Ламах выскакивает из дома; на нем нет панциря, но он
вооружен копьем, щитом, украшенным Медузой, и на голове шлем с
чудовищным султаном из конских хвостов и перьев.*

Ламах (страшным голосом):

*О чем тут крик? Кого рубить?
Кого душить? Кого убить?
Кого превратить в кровавое место?
От кого не оставить живого места?
Всех истреблю! Всех уничтожу!
Медузу Горгону всем ткну я в рожку.*

²⁵⁴ φερε δειρο γοργωνωτον ασπιδος κυκλον, // τα στρατιατ , ω παι , δησον εκ της ασπιδος .

²⁵⁵ Лион Фейхтвангер. Собрание сочинений. Том первый. — М.: Художественная литература, 1963.

*Кого бы мне молнией поразить?
Кто посмел Горгону мою разбудить?*

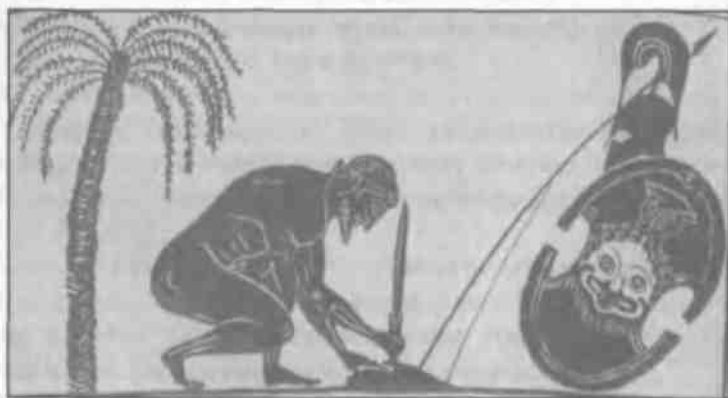
....

Слуга Ламаха:

*Ужели Ламаха забыл ты грозного,
Героя, полководца щитоносного,
Военными доспехами бряцающего,
Ужасною Горгоной потрясающего,
К врагам спартанцам ненавистью дышащего,
Огромный трехсултанский шлем кольшиущего?*

....

*Он, спасший от врагов державу,
Споткнулся и упал в канаву.
Он раздробил о камень кость,
Он оцарапался о гвоздь,
И, в довершение несчастья,
Распался щит его на части.
Горгона, соскочив с него,
Удрала — экое скотство!*

*Аякс Теламонид укрепляет меч, собираясь совершить самоубийство.
Чернофигурная керамика, ок. 530–525 гг. до н.э.*

Изображения лиц можно видеть также на средневековых щитах Руси и Европы. Да, это она самая. «К иконографическим «родственникам» лика Горгоны в древнерусском искусстве могут быть

отнесены многочисленные декоративные мотивы в виде представленной анфас личины. В частности, личины, встречающиеся на щитах святых воинов на фресках и иконах, по-видимому, генетически восходят (через посредство византийского искусства) к популярному мотиву классического искусства — щиту, украшенному головой Горгоны Медузы»²⁵⁶.

В эллинистическом мире нагрудное воинское изображение головы Горгоны, насколько можно судить, особого распространения не получило. С ней изображен Александр Македонский на мозаике, вероятно, посвященной битве при Иссе, когда великий воитель в 333 г. до н.э. наголову разгромил многократно превосходящую его силы армию персидского царя Дария III. Мозаика датируется приблизительно 200 г. до н.э. Что любопытно, в средневековых книжных легендах царю Александру приписывалось обладание настоящей головой Медузы, чем и объяснялись его потрясающие победы.

Монета с изображением щита, украшенного ликом Горгоны.
Сицилия, Сиракузы, Вторая демократия. 466–405 гг. до н.э.

²⁵⁶ Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевек. — М.: Наука, 1991.

Русская миниатюра

Ср. текст греческого «Физиолога»: καθάτερ και Αλεξανδρος ο βασιλευς κατείχευ αυτην και εκυριευε παντα τα εθνη, что было переведено на русский как «И Александръ бо имяше ю и одоляше языком всем» (Истрин, С. 231 исследования). Речь как раз о голове Горгоны. На миниатюрах Хронографического тома Лицевого летописного свода «показано, как Александр Македонский, воспользовавшись рецептом, описанным в приведенной выше цитате, отсекает Горгоне голову. Сбоку Горгона созывает различных зверей. Внизу — обезглавленное тело Горгоны и ее отрубленная голова. Еще на нескольких миниатюрах Свода Александр показывает насаженную на копьё голову Горгоны «нечистым человекам», что приводит к их гибели»²⁵⁷.

²⁵⁷ Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики...

Однако в тексте самой «Александрии» голову Горгоне отрубает не Александр, а посланный им волхв (собственно, это пересказ мифа о Персее и Медузе): *«Влѣхвоу же пришедшу близъ Горгонца, слыша ю зовущу от ч(е)л(ове)ка до скота и звери к собе на похоть, возгласи к неи влѣхвъ гл(а)сом великим, азъ есмь Александръ. И аще хоцещи со мною бытиши, то скрѣи гл(а)ву, вреждающу ч(е)л(ове)кы. И азъ тако с тобою буду. Горгонца же послуша его и скрѣи гл(а)ву въ скваж(и)ню. Волхвъ же идяше к неи опаки и, приближився, оутя еи главоу мечем и, яко с(о)кровище некако, ц(а)р(е)ви принесе, юже Александръ повеле скрѣити в сосуде темне, да некто, видев Горко, оумрет»* (Истирин, С. 233–234 приложения). Впоследствии Александр использует голову для одоления неприятеля: *«Александр гл(а)вою горгонниною измаряше, показа я»*.

Весьма популярен оказался образ Горгоны в скифском искусстве, где ее ликом украшали не только панцири, но и поножи. Так, на поножах, происходящих из Пантикапея, *«наколенная часть украшена головой Горгоны с двумя змеевидными кольцеобразными рядами волос надо лбом и длинными локонами, спускающимися на плечи. Удлиненные миндалевидные глаза, курносый нос и широко открытый в улыбке рот придают ей гротескный вид. На стилизованных икрах ног показаны головки бородатых змей»*²⁵⁸.

²⁵⁸ Русяева М.В. Горгонеионы на произведениях торевтики из скифских курганов // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья (Боспорские чтения — 3). — Керчь, 2002.

Слева — скифские поножи

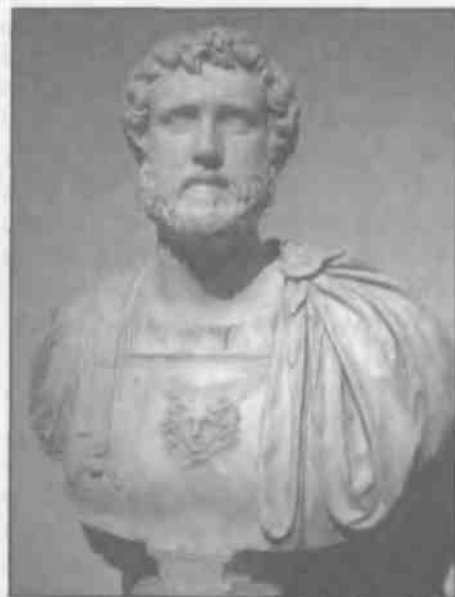
Александр Македонский. Мозаика. Помпеи

В римской традиции изображение головы Горгоны на доспехе носило только высшее командование, в первую очередь сам император, изначально бывший военным вождем. Его следовало беречь в первую голову, да и головы-трофеи сносить полагалось тоже к нему, к голове войска и империи. В императорский обиход, если так можно сказать, данная эмблема входит начиная примерно с середины II в. н.э., когда начинает заменять собой кентавра, как на панцире Октавиана Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.), и римского орла, как на панцире Гальбы (68 – 69 гг.). Ее можно видеть уже на доспехах самого Гальбы, и далее сплошным потоком — Траяна (93 – 117 гг.), Адриана (117 – 138 гг.), Антонина Пия (138 – 161 гг.), Марка Аврелия (161 – 180 гг.). Весьма популярной была мертвая голова Медузы у солдатских императоров, что вполне понятно.

Голова, единственная на все войско, также могла символизировать и главенство над всеми войсками того, кто ее носит. Но в первую очередь это был оберег, должный уберечь своего владельца от гибели, отвращая своим смертоносным взглядом любые напасти, заставляя застыть столбом испуганного неприятеля. После того, как Римская империя стала жертвой христианства, изображение мертвой головы надолго исчезает из воинской символики.

Траян (93 – 117 гг.). Адриан (117 – 138 гг.)

Антонин Пий (138 – 161). Луций Вер (161 – 169 гг.).

Марк Аврелий (161 – 180 гг.). Коммод (180 – 192 гг.).

*Публий Гельвий Пертинакс, римский император в январе–марте 193 г.
Септимий Север (193–211 гг.).*

*Панцирный нагрудник с изображением головы Медузы. IV в. до н.э.
Бронза. Скифский курган станицы Елизаветинской. Фото и прорисовка.*

Отдельные отголоски этой традиции можно видеть в оформлении средневековых флагов и геральдике, как частной, так и «общественной».

На Руси в обиход входят стяги с изображением лика христа — «знамения» — откуда и пошло современное «знамя». Одно из ранних появлений таких знамен — Куликовская битва. «Поведание и сказание о побоище Великого князя Дмитрия Донского» сообщает о том в следующих словах: *«Князь же Великий Дмитрий Иванович, видев полки свои достойно оуряжены, обвеселился сердцем, и сшед с коня, паде на колено прямо великому полку и черному знамени, на нем же бе вообразен образ владыки нашего исуса христа».*

Каким точно был цвет стяга, неизвестно, так как в одних рукописях он указан как «чермный» — красный, в других — как черный. Изображение одной лишь головы без тела, каким, собственно, и является древнерусское знамя с ликом («Спас нерукотворный»), самими воинами наверняка уже как мертвая голова не воспринималась. Отголоски отголосками, но для них это была прежде всего своеобразная полковая икона, хоругвь, лик Божества-покровителя.

Фрагмент ярославской иконы середины XVII века «Сказание о Мамаевом побоище». Над головами русских отрядов виднеются две красного цвета хоругви с изображением головы.

Битва при Легнице, 1241. Средневековая миниатюра. Татары — слева, в верхнем левом углу — штандарт «с головой».

Однако тем примечательней то, как подобное изображение воспринимали неприятели, незнакомые с особенностями русской культуры. Татаро-монгольские войска, пововав Русь, двинулись дальше в Европу. Угроза нависла над Венгрией, Чехией и Польшей. С татарами пошли и отдельные русские отряды, что у завоевателей было в обыкновении (к примеру, в битве у Легнице со стороны татар погиб мордовский отряд). Польские историки, описывая произошедшее под Легнице (Силезия) в 1241 г. сражение войск пришельцев с объединенной немецко-польской армией под командованием князя Генрика II Благочестивого, единодушно упоминают поразившую их (пусть и столетия спустя) страшную черную голову, которая чародейным образом якобы испускала жуткое зловоние, что сильно повлияло на разгром поляков. Это и был действительно исполняемый в черном цвете и с отнюдь не добрым взором лик христа, под которым в бой шли русские отряды. Миниатюристи на свой лад изобразили

штандарты врага, где указанная голова показана как черная голова, развернутая в профиль (рядом на копье трофеей — голова Генриха II Благочестивого), или европейского вида лицо анфас и с короной. Разумеется, у самих монголов подобных знамен отродясь не водилось. А зловоние оказалось никаким не волшебством, а новым словом в военном деле — татары впервые в Европе применили против противника отравляющие газы²⁵⁹.

*Спас Нерукотворный. Новгород Великий. Вторая половина XII века.
Та самая «отвратительная черная голова».*

²⁵⁹ Как выглядели подобные отравляющие смеси, можно судить по более поздним описаниям: «Бросили они (русские, — Б.М.) также три ядра, заправленные составом с страшным смрадом. Чтобы не дать этим ядрам воспламениться, один гайдук с великою опасностью жизни забросал их землей. Затем их вынесли из подкопа и одну из них разрубили. Она была наполнена селитрой, порохом, серой, водкой и другими заразительными веществами. Когда их зажгли, то никто не мог вынести их запаха» («Поход его королевского величества (Сигизмунда III) в Москву [Россию]». 1609 г.).

Итак, источники

Даниил Принц из Бухова. «Начало и возвышение Московии»: *«Что же касается до этой победы, то Татары, как говорят о том прямо истории, воспользовались, не знаю, какими-то волшебными средствами. Ибо, избравши на знамени, на котором была написана буква X, подобие человеческой головы, испускавшее кружившееся преотвратительное зловоние, они несли его против наших, и внушили им такой страх, что те, словно от головы Медузы, обратились в колья и побросали свое оружие. Тело самого Князя Генриха едва было найдено между трупами убитых по левой ноге с шестью пальцами».*

Матвей Меховский, «Трактат о двух Сарматиях» (I. 3): *«Когда татары уже в большей части были перебиты и готовы бежать, какой-то их знаменосец с громадным знаменем, на котором была греческая буква хи (так: X), а на верхушке древка изображено мрачное черное лицо с длинной бородой, начал с пением потрясать головой этого изображения. Тут из нее тучей пошел на поляков ужасный дым с нестерпимой вонью, так что они стали задыхаться, обессилели и не могли больше биться. Татарское войско, повернув со страшным криком на поляков, прорвало до тех пор крепкий их строй и нанесло им великое поражение».*

Ян Длугош, «История Польши»: *«В это время некий татарский отряд, неизвестно — русского либо татарского происхождения, очень быстро перемещаясь здесь и там между одним и другим войском, ужасно кричал, обращая к обоим войскам противоположные слова. /.../ Была в татарском войске среди иных хоругвей одна гигантская, на которой виднелся такой знак: X. На древке же той хоругви было подобие отвратительной черной головы с подбородком, укрытым порослью. Когда татары отступили и склоняясь уже к побегу, знаменосец при том штандарте как можно сильнее потрясал той головой, торчащей высоко на древке. Изошли из нее тотчас же и разошлись над всем польским войском пар, дым и туман с такой сильной вонью, что в силу ужасного и несносного смрада сражающиеся поляки едва ли не сомлели и став едва живыми, оказались неспособны к битве».*

Голова на знамени, голова на шесте... Говоря об отголосках, я имел ввиду как раз происхождение одного от другого. Именно как

отделенные от тела головы, высоко поднятые на шестах, выглядели штандарты европейских варваров. Римские монеты II – III вв. н.э. в ряде случаев несут изображения трофеев в честь побед над «варварами».

Изображение дакского штандарта на колонне Траяна.

Римский драконарий.

Значки римских легионов, изображающие трофейные головы, поднятые на копьё или колонну.

Среди оружия побежденных германских племен представлены изображения штандартов с объемными головами козлов и драконов (квады и маркоманы), лошади (готы). Известный по изображениям на колонне Траяна дакский (сарматский) штандарт представлял собой шест с «драконом», прикрепленным к древку. Голова змеи делалась,

вероятно, из дерева или бронзы, а тело из кожаного или матерчатого рукава, который развевался на ветру. Во времена Константина такой штандарт появляется и в римской армии, его носят знаменосцы-драконари. А многие из легионов завели себе штандарты с изображением поднятых на копье голов побежденных ими варваров. Впрочем, о трофеях далее. Этим римские штандарты с головами не заканчиваются. Дион Кассий описывает интересный случай, произошедший с наместником Нумидии Титом Секстием. Незадолго до сражения *«он видел сон, в котором бык, захороненный в городе Тукка, казалось, приказал выкопать его голову и нести ее на шесте, намекая, что таким образом Секстий сможет победить. Тогда, отбросив колебания, особенно после того, как нашел быка в том самом месте, где ему было указано во сне, он взял на себя инициативу, вторгнувшись в Африку»* (Дион Кассий. История. 48. 21). Но вскоре Секстий был разбит, *«когда при нем не было головы быка, он приписал свое поражение этому факту»*.

Не забудем и о русской опричнине, янычары которой, как утверждают, украшались головами собак. *«Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны»* (Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе). Отечественные историки несколько развили на свой лад толкование символики мертвой собачьей головы как знамени опричников: *«Затейливый ум Иоаннов изобрел достойный символ для своих ревностных слуг: они ездили всегда с собачьими головами и с метлами, привязанными к седлам, в ознаменование того, что грызут лиходеев Царских и метут Россию!»* (Н. Карамзин. История государства Российского. IX. II), *«Современники иноземцы пишут, что символом опричников было изображение собачьей головы и метла в знак того, что они кусаются как собаки, оберегая царское здравие, и выметают всех лиходеев»* (Н. Костомаров. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 20). К сказанному нужно, вероятно, добавить еще и тот момент, что собака предана своему хозяину, и опричники хотели подчеркнуть это. Но наиболее уместно предполагать, что в первую очередь собачью голову возили с собой для устрашения. Возили бы и человеческие головы, да только времена все же были не такие, что народ бы понял, когда туда-сюда таскают неупокоенные головы единоверцев-соотечественников. Любопытно,

что о собачьих головах начисто умалчивает Генрих Штаден, сам побывавший опричником в 1568–1572 гг.: *«Кроме того, опричные должны были носить черные кафтаны и шапки и у колчана, куда прятались стрелы, что-то вроде кисти или метлы, привязанной к палке. По этому узнавали опричников»* (Штаден Генрих. Записки о Московии. III). Это все, что он соизволил сказать. Про метлу так же, как и прочие, про голову — странное молчанье... Может, нам кто-то привирает?

Опричник

Некоторая параллель опричному символу наблюдается в воинском обычае галлов: *«Убитым врагам они отрубают головы и вешают их на шеи своих коней»* (Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. V. 29). В обоих случаях мертвые головы оказываются привешены к лошадиным шеям.

Только головами животных и лишь приведенными примерами тема, естественно, не исчерпывается. Король Кастилии Альфонсо II в 1143 г. разгромил войско мусульман, захватив множество добычи. В итоге из трофейных знамен и голов неприятелей он соорудил замысловатые штандарты: *«Среди добычи оказалось много золота и серебра, королевские знамена и многие драгоценные одежды, великолепное оружие, мулы и верблюды, загруженные многими другими сокровищами. Головы королей поместили на древки королевских*

знамен. *Головы вражеских магнатов и вождей сажали на копья»,* и когда войска Альфонсо входили в Толедо, *«Впереди их развевались [трофейные] королевские знамена с головами королей на наверху»,* *«Когда Муньо Альфонсо и его победоносные воины услышали, что Император приближается, они вышли навстречу ему на некотором расстоянии от города. Первыми несли королевские знамена с водруженными наверх их древков головами королей. За ними шествовали победители. Потом появились головы знатных людей и вождей на копьях»* (Хроника Альфонсо Императора. П. 168, 169, 172). Король Арагона Хайме I Завоеватель (1208 – 1276), излагая события одного из сражений с мусульманами, произошедшего в 1229 г., описывает сарацинский штандарт: *«На холме, где расположились сарацины, находилось большое количество пехоты; и знамя, разделенное вдоль на красное и белое, с головой человека или, если не человека, то деревянная голова на пике»* (Хайме I Арагонский. Хроника. 64).

Вот таким причудливым образом изображение христа на знамени оказывается вариацией черепа животного на полковом штандарте...

Флаг пиратов Джексона Рэхема (1682 – 1720) и Генри Эври (1653 – 1699?)

Мертвая голова с XVII в. появляется на знаменах пиратов, этих отчаянных воинов морей. Она встречалась в разных сочетаниях: с саблями место перекрещенных костей, с сердцем и кинжалом и т.д. Выдвигалось несколько версий о происхождении названия флага «Веселый Роджер» (Jolly Roger), одна из которых связывает его с именем знаменитого сицилийского короля Рожера II (1095 – 1154), норманна по происхождению. Его судна держали в страхе всё Средиземноморье и были непрекращающейся головной болью византийских императоров.

Резной столб из Усеберга. Предположительно нос драккара. Резное изображение головы дракона, украшение штевня драккара (устье Шельды)

В качестве предположения можно допустить, что и обычай оформлять носы кораблей в виде голов животных, людей и чудищ также пошел от воинского правила устрашать противника мертвыми головами. Таковыми были не только знаменитые драккары (Drakkar, от др.-сканд. *drage* «дракон» и *kar* «корабль», буквально: «корабль-дракон») северных воителей, оскалившиеся мордами драконов²⁶⁰, змей, лошадей и даже птиц²⁶¹ (что примечательно, головы с драккаров были съёмными), но и корабли южан.

²⁶⁰ «Торольв поехал в свой двор Санднес и весной долго жил там. Он велел построить большой боевой корабль с головой дракона на носу и отлично оснастил его» (Сага об Эгиле. X).

²⁶¹ «По распоряжению ярла там был построен корабль, не похожий на обычные боевые корабли. Он был богато украшен, и на носу у него была голова коршуна» (Сага о Ньяле. LXXXII).

*Нос англосаксонского судна. Фрагмент гобелена из Байё
(Гарольд II Годвинсон направляется в Нормандию). Конец XI в*

Так, в частности, существовало представление, что подобным образом Персей украсил свой корабль: «Получив Горгону, он разрубил ее на части. Снарядив триеру, он погрузил на нее голову Горгоны, а корабль назвал «Горгона» (Палефат. О невероятном. XXXI). Алексей I Комнин наловчился через такие наверхия метать «греческий огонь»: «император поместил на носу каждого корабля бронзовую или железную голову льва, или какого-нибудь другого животного, — позолоченные, с разинутой пастью, головы эти являли собой страшное зрелище. Огонь, бросаемый по трубам в неприятеля, проходил через их пасть, и казалось, будто его извергают львы или другие звери» (Анна Комнина. Алексиада. XI. 10. 2).

Геральдика же в плане демонстрации настоящей мертвой головы куда конкретнее. Рыцари, участвовавшие в крестовых походах, в напоминание об этом событии помещали на своих гербах фигуру «черная голова», «голова мавра», «голова эфиопа» (Caput Aethiopi). Она обозначала иноверца, магометанина. Голова мавра, обращенная влево и, как правило, увенчанная короной, появляется в гербах фрайзингской знати уже с 1316 г. Разумеется, голова недаром

изображалась без тела, ведь враг был побеждаем, а мавр, араб, бербер или турок — убит и распотрошен на трофей.

Это никакие не шутки и не поэтическая вольность: в указанную пору старинный обычай именно так демонстрировать победу продолжал цвести пышным цветом. Собственно, отсюда и пошло обыкновение украшать свой герб головой мавра — из-за невозможности трофеем достаточно долго сохранить и предьявлять в обществе. В гербах ряда немецких земель и городов голову мавра еще можно наблюдать, пока не вмешались соображения политкорректности. Впрочем, к примеру, власти города Кобурга трактуют изображение на своем гербе как голову св. Мауриция (Маврикия). Так что уже началось... Впрочем, занятная новость — новый папа Бенедикт XVI (Ратцингер) в своем гербе сохранил этот трофей, как бы символизирующий победу одной религии над другой...

г. Вайтхофен-на-Ибсе (Нижняя Австрия). г. Кобурге (Бавария).

Герб округа Фрайзинг и района Гармиш-Партенкирхен (Верхняя Бавария).

Герб папы Бенедикта XVI. Кардинальский герб Ратцингера.

Смерть Пейфея.

Аттический краснофигурный килик (Афины), ок. 480 г. до н.э.

Обычай выставлять на общее обозрение трофеи-головы наверняка древнее письменной истории человечества. В принципе, эти дописьменные примеры отражают произведения устного жанра — мифы, песни, сказки, былины. Так, голова-трофей, пусть и не совсем воинский, но преподнесенный как знак победы, описана в «Деяниях Диониса». Менада, пребывая в исступлении, убивает своего сына, приняв его за льва:

*«Слуги мои, поспешите! И над воротами дома
Кадмова главу эту в знак победы прибейте!
Ибо Ино сестрица добычи такой не имела!»*

...

Молвила так, воздымая трофей именитый.

(Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. XLVI. 231–233, 238)

В шактистском тексте рассказывается о битве еще одной неистовой воительницы — Кали — с демонами. Воссев на огромного льва, Она обрушилась на Чанду:

И, схватив его за волосы, отрубила мечом голову.

Увидев, что Чанда пал, к ней поспешил Мунда,

И она его также повалила на землю и обезглавила в ярости мечом.

*Тогда остатки войска [асуров], видя, что Чанда пал,
А равно и могучий Мунда, разбежались на все четыре стороны.*

Взяв головы Чанды и Мунды, Кали

Подошла к Чандике и обратилась к ней, громко смеясь...

(Деви-Махатмья, 7. 20–23)

Индра, сразив демона Намучи, довольно странно поступил с его головой. Судя по всему, он использовал ее как путеводный клубок. В любом случае Громовержец не оставил ее в покое, после того как отрубил.

*(Это было) тогда, когда ты пустил катиться голову
Дасы Намучи, ища выхода для Ману.*

*Ты ведь сделал меня союзником²⁶² — но (ты), о Индра,
Размахивая головой дасы Намучи,*

*(Бросил ее катиться), как с шумом падающий камень.
Две половины вселенной²⁶³, словно колесо, (подкатали ее) к Марутам.
(Риг Веда. V, 30. 7–8. К Индре)*

Как свидетельство своей победы унес голову Медузы знаменитый Персей.

С другой стороны, Шива совершенно иначе распорядился добытым трофеем. После того как его супруга Сати убила себя из-за оскорбления, нанесенного Шиве ее отцом Дакшей, Шива впал в ярость и превратился в Вирахадру и пошел мстить. Найдя виновника, он убил его, а голову выбросил в жертвенный костер, в котором Дакша творил великое жертвоприношение Богам.

*«Затем исполин Вирахадра сел на грудь Дакши и попытался
отрезать ему голову своим острым мечом, но у него ничего не
получилось.»*

²⁶² Переводчики трактуют этот фрагмент, как прямую речь Намучи, которая была прервана оружием Громовержца.

²⁶³ Имеются ввиду Земля и Небо.

Он пытался отрезать голову Дакии с помощью оружия и с помощью заклинаний, но не смог даже поцарапать кожу на его голове, что привело его в крайнее недоумение.

Тут Вирахадра заметил стоявшее около жертвенника деревянное приспособление для убийства животных и, воспользовавшись им, обезглавил Дакию.

/.../

Вирахадра взял голову Дакии и в великом гневе швырнул ее в жертвенный костер с южной стороны, принеся ее таким образом в жертву» (Шримат Бхагаватам. IV, 5, 22–24, 26).

Мифы мифами, но куда познавательнее прибегать для изучения темы и к письменным источникам реальной истории. Наиболее показательна в этом плане история римская, которая описывает подобные традиции не только самих римлян, но и народов, с которыми Рим непрерывно воевал.

Любопытно, что, сравнивая в этом плане римлян и варваров, историк Аппиан был отнюдь не на стороне первых: «А на форуме, куда мы прежде никогда не приносили головы даже убитого врага, а только оружие и носы кораблей, там теперь выставлены напоказ головы недавних консулов, преторов, трибунов, эдилов и всадников; и за такие злодеяния присуждаются еще и награды. /.../ Говорят, что некогда город был захвачен самыми дикими варварами; но галлы никому не отсекали голов, не оскорбляли убитых, не мешали своим противникам скрываться или бежать» (Аппиан. Гражданские войны. IV. 95). О галлах, тем не менее, известно как раз обратное.

Так мы и будем следовать теме далее, перемежая «поэтический вымысел» (конечно, не вымысел!) с фактами (судя по наличию вариантов, далеко не обязательно именно так и выглядевшими).

Виравхадра убивает Дакшиу

Скифы

«С самими же черепами — не всех, но самых ненавистных врагов — они поступают следующим образом: каждый, отпилив часть [черепа] ниже бровей, вычищает его. И если это бедный человек, то, обтянув [череп] снаружи только сырой бычьей кожей, он так им и пользуется. Если же это богатый человек, то он обтягивает [череп] сырой бычьей кожей и, отделав золотом внутри, пользуется им как чашей. Делают они это и с [черепами] родственников, если у них была с ними тяжба, и если они одержали верх над ними перед царем. Если к [скифу] приходят гости, с которыми он считается, он приносит эти черепа и добавляет при этом, что, будучи ему родственниками, они вступили с ним в войну и что он одержал над ними победу. Они называют это доблестью» (Геродот. История. IV. 65).

Вот, кстати, мнение археологов по поводу особенностей, обнаруженных на скифском городище V–IV века, открытом возле села Глинск Зеньковского района Полтавской области: «Антропологічний

матеріал представлений поодинокими кістками, хребцями, фрагментами людських черепів. Останні найчастіше зустрічаються біля валу. Можна припустити, що людські голови виставлялися на валу для залякування ворогів»²⁶⁴. Пугали таким образом врагов, как увидим дальше, многие народы помимо скифов.

Кельты

«Кроме того, к их глупости присоединяется еще варварский и экзотический обычай, свойственный большинству северных народов, возвращаясь после битвы, вешать головы врагов на шеи лошадям и, доставив эти трофеи домой, прибивать их гвоздями напоказ перед входом в дом. Посидоний говорит, что ему самому пришлось наблюдать подобное зрелище во многих местах, хотя сначала он чувствовал отвращение, но потом, привыкнув, спокойно переносил его. Головы знатных врагов галлы [сохраняли] в кедровом масле, показывали чужеземцам и не соглашались отдавать их [за выкуп] даже на вес золота» (Страбон. География. IV. IV. 5).

«Убитым врагам они отрубают головы и вешают их на шеи своих коней, а окровавленные доспехи врагов передают слугам и увозят военную добычу, распевая боевые песни и победный гимн. Лучшую часть добычи они прибавляют к стене своего дома, как бывает поступают с добычей охотники. Головы наиболее выдающихся из врагов они бальзамируют кедровым маслом и бережно хранят в ларцах, показывая затем гостям и похваляясь тем, что или кто-то из предков, или их отцы, или сами они не приняли предлагаемого за ту или иную голову выкупа. Говорят также, что некоторые из них гордятся тем, что не приняли за такую голову золота равного ей по весу, являя тем самым некое варварское великодушие не потому, что благородно не продавать доказательства своей доблести, но потому, что враждовать с соплеменниками погибшего — зверство» (Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. V. 29). Впрочем, близость этого текста приведенному выше сообщению Геродота о скифах заставляет предполагать определенное заимствование.

²⁶⁴ Гейко А.В. Глинське городище скіфського часу в Посуллі // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи: Збірник наукових праць. — Полтава: Археологія, 1996, С. 248.

Собственный эпос кельтов описывает их типичными «охотниками за головами», подтверждая мнение греков. В ирландском «Похищении быка из Куальнге» содержится несколько таких эпизодов, связанных со знаменитым ирландским богатырем Кухулином. Как-то раз он установил магический шест о четырех сучьях, обожженный и украшенный огамическими письменами; потом напал на воинов, замышлявших его убийство, и, «срубив всем четверым головы, насадил каждую на сук» (Похищение, С. 142). Когда Кухулин был еще подростком, он одного за другим победил в бою трех знаменитых братьев-воинов — Фойла, Туахала и Файнделя; и вот они, Кухулин вместе с возницей, «поворотили обратно к Слиаб Фуайт, увозя с собой три головы сыновей Нехта» (Похищение, С. 170)²⁶⁵; когда возвращение Кухулина видит Леборхам, посланница короля, то говорит: «Окровавленные головы своих врагов везет он в колеснице» (Похищение, С. 172). Три сына Араха собрались мстить Кухулину за то, что тот убил нескольких воинов, в частности «Орлама, сына Айлиля и Медб, чью голову он поднял ввысь на глазах у ирландцев. И порешили они убить Кухулина, а в знак победы добыть его голову» (Похищение, С. 175). Состязавшийся с Кухулином Этаркумул в ответ на предложение убраться заявил противнику: «Не тронусь я с места /.../, прежде чем в новом сражении один из нас не добудет победу и не унесет с собой голову другого вместе с иною добычей» (Похищение, С. 194). Некий Дубтах Доел Улад, стремясь поднять народ против Кухулина, кликушествует:

*Вижу безумца страшный улов:
На подушках колесницы девять голов.
Вижу победителя бесценный трофей:
Десять голов ирландских мужей.*

(Похищение, С. 225)

²⁶⁵ Вар. перевода: «Расправившись с сыновьями Нехта, Пес Улада и Ибар отправились в их дом, все в нем порушили, а потом, предав его огню, поехали к Слиаб Фуат, не забыв прихватить с собой три головы» (Кельты. Ирландские сказания. Перевод Л. Володарской. — М.: Арт-флекс. 2000).

*Кельская монета, изображающая всадника с трофеем —
мертвой головой*

В «Битве при Маг Мукрме» Медб опознает Кухулина по описанию его, сделанному Финдабир, и печалится: *«Он совершает подвиг за подвигом и кладет одну голову на другую, не считая. Его имя славят в песнях. Как на мельнице растирают солод в порошок, так нас разотрет по земле Кухулин»*. Далее же рассказано, как Кухулину довелось стеречь в ночную пору крепость Курой, и его пытаются одолеть некие серые воины: *«Еще девять воинов вышли против него, и еще девять, но он всех победил и всем отрубил головы, которые сложил в кучу вместе с оружием»*²⁶⁶.

В «Повести о кабане Мак Дато» содержится эпизод спора двух групп воинов — коннахтов и уладов — о том, кому надлежит делить тушу необыкновенных размеров кабана. С каждой стороны сходятся предводители, Кет и его племенник Конал, причем последний похвально трофеями в виде голов и даже демонстрирует одну из них: *«У тебя есть право вызвать меня на поединок»*, — сказал Конал. — *Я готов сразиться с тобой, Кет! Клянусь клятвой моего народа, с тех пор как я взял копьё в свою руку, не проходило дня, чтобы я не убил хоть одного из коннахтов, не проходило ночи, чтобы я не сделал набега на землю их, и ни разу не спал я, не подложив под колено*

²⁶⁶ Кельты. Ирландские сказания. Перевод Л. Володарской. — М.: Арт-флекс. — 2000.

головы коннахта». «Это правда, — сказал Кет. — Ты лучший боец, чем я. Будь Анлуан здесь, он вызвал бы тебя на единоборство. Жаль, что его нет в доме». «Он здесь, вот он!» — воскликнул Конал, вынимая голову Анлуана из-за своего пояса. И он метнул ее в грудь Кета с такой силой, что у того кровь хлынула горлом. Отступил Кет от кабана, и Конал занял его место».

В другом тексте о Конале сообщается: «Он был человек, который с детства и покуда в его руке находилось копье, никогда не уходил, не взяв головы коннахта с собою» («Забота о Конале Кернахе»); а его жена похвывается: «Мой муж — непобедимый Конал. Гордо поднята его голова, когда он идет в бой. И гордо поднята его голова, когда он возвращается победителем с головами своих врагов» («Пир Брикнена»). Коналу же доводится отомстить за смерть Кухулина, убив Лугайда мак Лозгайре: «Знаю я, что не уидеешь ты теперь без моей головы, — сказал Лугайд, — так же как мы ушли с головой Кухулина. Пусть же теперь будет моя голова при твоей голове, мое королевство при твоём королевстве, а мое оружие при твоём оружии. /.../» И тогда Конал Кернах отрубил ему голову. Потом двинулся он в путь, увозя голову...» (Похищение, С. 345).

В саге «Битва при Алмайне» описана гибель Фергала, короля Ирландии. Спустя некоторое время после сражения победившая сторона начинает опасаться, что на них разгневется Катал, король южной части Ирландии, за то, что победа при Алмайне была добыта без его участия. Тогда они «решили отнести ему голову Фергала как добычу в бою» (Предания, С. 197).

В тексте «Осада острова Фалга» описана магическая ограда из мертвых голов, скорее всего, снятых с неприятеля: «Семь стен вокруг этого града — ненавистна крепость была: // Частокол железный на каждой стене, на котором девять голов»²⁶⁷.

Германцы

Германские племена поступали с головами аналогичным образом. Цезарь Германик, проходя мимо тех мест, где в битве с германскими войсками сгнули легионы Публия Квинтилия Вара (сентябрь 9 г.), решает воздать своим павшим должные почести. Прибыв к бывшему лагерю Вара, римляне осматривают место, обнаружив остатки военно-обрядовой деятельности противника:

²⁶⁷ Память острова Мэн. — М.—СПб.: Летний сад, 2002, С. 65.

«Были здесь и обломки оружия, и конские кости, и человеческие черепа, пригвожденные к древесным стволам. В ближних лесах обнаружили жертвенники, у которых варвары принесли в жертву трибунов и центурионов первых центурий» (Тацит. *Анналы*. I. 61). Как известно, голова самого Вара была изъята, как ценный трофей, изрядно при этом пропутешествовав, то и дело меняя владельцев. Вождь германского племени херусков Арминий послал ее вождю маркоманов Марбоду, пытаясь заключить с ним союз, но тот отказался, а голову пропретора возвратил в Рим: *«Полусожженное тело Вара было в ярости растерзано врагами. Его отрубленная голова, посланная Марбоду и переправленная им Цезарю, была, однако, почтено погребена в родовом склепе»* (Веллей Патеркул. *Римская история*. II. СХІХ. 5).

В 524 г. король франков Хлодомер, увлекшись преследованием побежавшего из гущи битвы короля бургундов Годомара, был окружен и обезглавлен: *«Они отрубили ему голову, насадили ее на шест и подняли ее вверх»* (Григорий Турский. *История франков*. III. 6); *«Итак, бургунды, отрезав голову Хлодомера, когда показали ее войскам, бывшим с ним, тотчас внушили им великое смятение и отчаяние, и дух тех упал от боязни так, что они отказались от продолжения в дальнейшем войны»* (Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. I. 3). Впрочем, запугать франков не удалось: наоборот, узнав о гибели их короля, они рассвирепели и разбили бургундов наголову.

В 642 г. в битве с войсками Пенды, королем мерсийцев, погиб король Нортумбрии Освальд: *«Убивший его король велел отрубить его голову и руки от тела и насадить на колья. Год спустя его наследник Освиу пришел с войском, забрал останки и похоронил голову в Линдисфарнской церкви»* (Беда Достопочтенный. *Церковная история народа англо-саксов*. III. 12). Именно там, при вскрытии гробницы святого Кутберга в 1827 г., ее и обнаружили.

В 955 г. войсками саксов было подавлено восстание полабских славян под руководством князя Стойгнева: *«Стойнеф /.../ попытался и сам бежать, однако вместе с двумя своими спутниками был достигнут в роцце и, поскольку был утомлен сражением и лишился оружия, нашему воину по имени Госед удалось его обезглавить. Один из спутников [Стойнефа], оставшийся в живых, был взят в плен и вместе с головой и доспехами короля тем же воином был доставлен к императору. Благодаря этому Госед стал известным и знаменитым;*

в награду за столь славный поступок он получил в дар от императора двадцать мансов с доходами от них. В тот же день лагерь противника был взят, многие в нем были убиты или уведены в плен; и кровопролитие продолжалось до глубокой ночи. На следующий день голову короля [варваров] выставили в поле» (Видукинд Корвейский. Деяния саксов. III. 55).

Эпос германцев целиком и полностью подтверждает воинскую традицию снимать головы с побежденного врага. В немецкой «Песне о Нибелунгах» (кон. XII – нач. XIII в.), отразившей реальное историческое событие — гибель бургундского королевского дома в 437 г. в битве с гуннами Аттилы (Этцеля), рассказывается, как отреагировала вдова Зигфрида Кримхильда на оскорбления Хагена, убийцы ее мужа:

*Я, мужний щит наполнив казною золотою,
Ее, в придачу к землям и замкам, дам герою,
Которым будет Хаген, обидчик мой, сражен.
Пусть только голову врага ко мне доставит он.*

(Песнь о Нибелунгах. Авентюра XXXIV)

Далее описывается нападение гуннов Этцеля на бургундов, не пожелавших выдать Хагена:

*Вассалы королевы недаром бились смело.
Во двор щиты с казною принесть она велела,
И деньги брал без счета любой ее слуга.
Кто б дал дорожке, чем она, за голову врага?*

(Песнь о Нибелунгах. Авентюра XXXVI)

Хагена удается захватить в плен, Кримхильда требует, чтобы тот отдал ей клад нибелунгов. Хаген ссылается на то, что пока живы его повелители, он не может выдать тайну, о которой поклялся молчать.

*Она в ответ: «От клятвы освобожу я вас», —
И обезглавить брата велела сей же час,
И к Хагену обратно вернулась поскорей,
Отрубленную голову влача за шелк кудрей.*

(Песнь о Нибелунгах. Авентюра XXXIX)

Кримхильда показывает Хагену голову Гунтера. Й.Г. Фюссли (1805 г.).

В исландской саге о Ньяле (XLV) приводится эпизод битвы Сигмунда и Сарпхедина: *«Сарпхедин ударил его по шлему, а потом нанес ему смертельный удар. /.../ Сарпхедин увидел тут пастуха Халльгерд. Он отрубил голову Сигмунда, дал ее пастуху и попросил отнести ее Халльгерд. Он сказал: «Она узнает, не эта ли голова сочиняла о нас порочащие стихи».* Пастух не выполнил поручения, но пересказал о произошедшем Халльгерд: *«Плохо, что ты не сделал этого, — сказала она, — я отдала бы ее Гушнару, чтобы он отомстил за своего родича или сделался всеобщим посмешищем».* Далее в той же саге приводится рассказ о викинге по имени Коля, разбойничавшем в Норвегии. Узнав о его делах, *«ярл Хакон /.../ велел объявит Коля вне закона по всей стране, и положил награду за его голову»;* вскоре награда нашла своего героя: *«Траин отрубил ему голову и выбросил тело за борт, а голову сохранил. /.../ Ярл принял Траина хорошо. Тот показал ему голову Коля, и ярл поблагодарил его за подвиг»,* подарив Траину корабль (LXXXII).

Рим. Византия

В самом римском государстве было совершенно обычным делом выставлять на люди головы военных или политических противников. В этом плане от германцев они ничем не отличались, разве что для выставления голов использовали не деревья в лесу, а ростры — деревянные колонны для демонстрации трофеев, каковыми отрубленные головы и воспринимались. Яснее ясного о том свидетельствует описание смерти одного из вождей галльского племени треверов Индутиомара от рук полководца Тита Лабизна в ходе восстания галлов против римлян в 54–53 гг. до н.э. Если Гай Юлий Цезарь говорит лишь о том, что *«его голова была принесена в наш лагерь»* (Цезарь. Галльская война. V, 58), то Луций Флор живописует: *«и трофеем послужила голова царя»* (Луций Аней Флор. Эпитомы. I. III. 10. 8).

В 390 г. до н.э. римский консул Марк Манлий Капитолин сумел разбить галльское войско под предводительством вождя Брена, умертвив и его самого: *«Как победил, изловил Брена, немедля его зарубил и насадил голову его на копьё»* (Иоанн Малала. Всемирная Хроника. VII. V).

В 89 г. до н.э. Сулла, не согласившись с решением народного собрания (послушавшегося мнения трибуна Сульпиция Руфа) назначить главнокомандующим не его, а Гая Мария, собрал войско и

захватил Рим. *«Всадники, преследуя Сульпиция, умертвили его в Лаурентийских болотах. Отрубленная голова Сульпиция, выставленная перед рострами для показа, стала предвестием неминуемых проскрипций»* (Веллей Патеркул. Римская история. II. XIX).

В 87 г. до н.э. римскими консулами были выбраны Гней Октавий и Корнелий Цинна, вскоре вынужденный бежать из страны. Соединившись с бывшим консулом Марием, бежавшим от Суллы в Африку, он возвращается в Рим с помощью войск. В итоге головами поплатились и консул Октавий, и оратор Марк Антоний: *«Голова консула Октавия была выставлена на рострах, а консуляра Антония — на столе у самого Мария»* (Луций Аней Флор. Эпитомы. II. III. 21); *«Когда к Октавию устремился с несколькими всадниками Цензорин, тогда снова друзья Октавия и стоявшее около него войско убеждали его бежать и даже привели к нему коня, Октавий и тогда не двинулся с места и ожидал смерти. Цензорин отрубил ему голову и принес ее Цинне. Впервые голова консула была повешена на форуме перед ораторской трибуной. Потом и головы всех прочих убитых стали вешать там же. И эта гнусность, начавшаяся с Октавия, не прекратилась и позже, применялась в отношении всех тех, кто был убит их врагами. /.../ Когда погибали всадники, дело этим и кончалось. Зато головы сенаторов, все без исключения, выставлялись перед ораторской трибуной», «Трибун убил Антония посреди его речи и голову его отослал Марию»* (Аппиан. Гражданская война. I. 71, 72).

Тот же Луций Флор с горькой иронией повествует о том, как поступили с головой гениального оратора Марка Туллия Цицерона, убитого в 43 г. до н.э. по приказу Марка Антония: *«Давно уже в Риме стало обычаем выставлять на рострах головы казненных. Однако граждане так и не смогли сдержать слез, когда увидели отрубленную голову Цицерона на его же собственных рострах, и, как прежде сбегались слушать, так теперь сбегались посмотреть»* (Луций Аней Флор. Эпитомы. II. IV. 6. 5). О том же: *«Цицерон узнал об угрожающей ему опасности по наблюдениям полета ворона, но был убит во время своего бегства. Голова его была доставлена Антонию»* (Аврелий Виктор. О знаменитых людях. LXXXI); *«Ленат, в свое время выигравший процесс благодаря Цицерону, вытащив из носилок Цицерона, отрубил ему голову, или, скорее, по неопытности отпил ее, так как он три раза ударил по шее. /.../ Ленат издалека показал голову и руку, потрясая ею в воздухе, Антонию, председательствовавшего на форуме. Тот чрезвычайно обрадовался, увенчал цензу-*

риона и сверх назначенной награды подарил ему 250 000 аттических драхм за уничтожение величайшего из всех его противников и самого непримиримого. Голова Цицерона и рука очень долгое время висели на форуме перед трибуной, с которой он прежде обычно обращался к народу с речами. И посмотреть на это стекалось больше народу, чем прежде послушать его. Говорят, что за обеденным столом Антоний голову Цицерона ставил на стол, пока не насытился этим отвратительным зрелищем» (Аппиан. Гражданская война. IV. 20).

Мертвая голова была наилучшим средством убедить в смерти неугодного человека, что полностью пресекало слухи о чудесном спасении (с вероятностью появления самозванцев). Помимо этого, данное средство подавляло волю противной стороны, успокаивало сторонников, радовало вышестоящее начальство да и вообще лишний раз напоминала о победе.

В 325 г. до н.э. Александр Македонский в ходе похода по Индии получает голову своего противника: *«В этих местах оказался на то время некий инд, Африк по имени, с войском в 20 тысяч человек и с 15 слонами. Его убили, принесли его голову Александру и этой услугой обеспечили собственное спасение»* (Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. XVII. LXXXVI). Пример совсем не из римской истории, но пусть уж. Тем паче что совсем скоро мы переключимся с римлян на ромеев...

В 133 г. до н.э. был убит народный трибун Тиберий Гракх: *«Голова его была принесена Опимию другом Гракха Септимулеем и, говорят, оплачена ему золотом. Из алчности, чтобы она была тяжелее, он влил в нее расплавленный свинец»* (Аврелий Виктор. О знаменитых людях. LXV); *«Головы Гракха и Флакка были принесены к Опимию, и последний дал принесшим столько золота, сколько весили головы»* (Аппиан. Гражданские войны. I. 26).

В 82 г. до н.э. римскими войсками под командованием Суллы был побежден вождь восставших самнитов Телезин, которого казнили на следующий день после сражения: *«По приказу Суллы его отрубленная голова была обнесена на мече вокруг Пренесте»* (Веллей Патеркул. Римская история. II. XXVII. 3). Сделано это было для свидетельства о победе и для устрашения неприятеля — осажденных горожан Пренесте. Та же участь постигла и других вождей восстания: *«Спустя день к нему (Сулле, — Б.М.) были доставлены попавшие в плен Марций и Карина. И их обоих, хотя они и были римляне, Сулла не*

пощадил, а, убив, отослал их головы в Пренесте к Лукрецию, чтобы он пронес их вокруг стен города» (Аппиан. Гражданская война. I. 93).

В 62 г. до н.э. консулом Антонием был убит патриций Луций Катилина, возглавивший в Риме заговор и поэтому объявленный сенатом вне закона: *«Антоний послал голову Катилины в город, чтобы народ мог убедиться в его смерти и больше не испытывал страха»* (Дион Кассий. История. 37. 39. 2).

В 48 г. до н.э. префектом Септимием в Египте был убит полководец Гней Помпей, выступивший в ходе гражданской войны против Юлия Цезаря: *«У умершего уже мечом была отсечена голова — что до того времени никогда не делалось. /.../ Голова Помпея, обернутая в египетские ткани, вместе с его перстнем была доставлена сателлитом Птолемя Ахиллой Цезарю. Тот не мог сдержать слез и приказал кремировать ее, набальзамировав многочисленными и драгоценнейшими маслами»* (Аврелий Виктор. О знаменитых людях. LXXVII); *«Приближенные Пофина, отрубив голову Помпея, сохранили ее для передачи Цезарю, чтобы получить от него за это великую благодарность», «Голову Помпея, преподнесенную ему, Цезарь не взял, но приказал похоронить и воздвигнуть в честь нее недалеко от города святилище, которое было названо святилищем Немесиды»* (Аппиан. Гражданская война. II. 86, 90), *«Птолемей же, следуя более знакам судьбы, чем дружбы, убил преследуемого Помпея, а голову его и перстень отослал Цезарю. Говорят, что, увидев ее, Цезарь не удержался от слез, взирая на голову столь великого мужа и бывшего своего зятя»* (Евтропий. Краткая история. VI. 21. 1). Так же поступили и с головами прочих военачальников армии Помпея: *«Из полководцев Помпея Скапул, соорудив костер, бросился в него, головы же Вара, Лабиена и других знатных были принесены Цезарю»* (Аппиан. Гражданская война. II. 105).

Октавиан Август собирался преподнести своеобразный дар душе своего приемного отца головой Марка Брута, одного из убийц Юлия Цезаря. В 42 г. до н.э., проиграв сражение войскам Октавиана и Антония, Брут бросился на меч. Октавиан после победы *«не выказал никакой мягкости: голову Брута он отправил в Рим, чтобы бросить ее к ногам статуи Цезаря»* (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. II. 13). Впрочем, голова так и не прибыла к месту назначения, так как корабль, на котором ее перевозили, затонул в бурю около Диррахия (Дион Кассий. История. 47. 49).

В 39 г. до н.э. Пакор, старший из сыновей парфянского царя Орета, пытавшийся отвоевать Сирию, был разгромлен и обезглавлен римским полководцем Вентидием Бассом. Голова царевича устранила неприятеля: *«Пакор пал, храбро сражаясь. После того, как его голову пронесли по восставшим городам, Сирия была возвращена Риму без войны»* (Луций Аней Флор. Эпитомы. II. IV. 9. 6).

*Готские войны преподносят трофеи римскому императору.
Изображение с колонны Траяна*

В 175 г. был убит узурпатор Гай Авидий Кассий, полководец императора Марка Аврелия: *«Но Кассий был очень скоро убит, и голова его была принесена Антонину. Однако Марк не радовался убийству Кассия и приказал похоронить его голову»* (Юлий Капитолин. Жизнеописание Марка Антонина Философа. XXV); *«Когда Антонину принесли голову Кассия, он не возликовал, не возгордился, но, наоборот, даже скорбел о том, что у него отняли случай проявить милосердие»* (Вулканций Галликан. Авидий Кассий. VIII)

В 193 г. императором ненадолго стал вольноотпущенник Публий Гельвий Пертинакс, печально окончивший свои дни: *«Гельвий Пертинакс правил восемьдесят пять дней. /.../ в возрасте шестидесяти семи лет был убит, сраженный людьми, нанесшими ему множество ран по преступному замыслу Юлиана (Дидия); голову его носили по всему городу»* (Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. XVIII); *«Воины, убившие его, насадили его голову на пик и понесли ее через весь город в лагерь»* (Юлий Капитолин. Гельвий Пертинакс. XVI). Сам Дидий правил еще меньше — всего 66 дней, окончив подобно своему предшественнику пав от руки Септимия Севера в том же 193 г.: *«Этим-то Севером Юлиан был завлечен в отдаленное большое помещение во дворце, где тот ему отрубил голову, заставив вытянуть шею, как это делают преступники. Голова его была выставлена на рострах»* (Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. XIX). Расправился Север и с другими претендентами на римский престол — Песценнием Нигером (140 – 194 гг.) и Клодием Альбином (150 – 197 гг.): *«Затем он вступил в столкновение с Нигром, убил его в Кизике, а голову его приказал носить на копье», «Затем, когда было принесено тело Альбина, он велел отрубить у полумертвого голову и отправить ее в Рим вместе с письмом»* (Элий Спартиан. Септимий Север. IX, XI), *«Его отрубленную голову Север велел носить на копье, а потом отослать ее в Рим с письмом сенату»* (Элий Спартиан. Клодий Альбин. IX).

В 218 г. убит бывший римский император Опелий Макрин, голову которого прислали новому императору Гелиогабалу: *«Голова его была отрублена и принесена Антониному»* (Юлий Капитолин. Опилий Макрин. X). Другой источник несколько более подробен, упоминая, что такой же была участь и сына Макрина, Диадумена Антонина: *«После того как их обоих убили и носили их головы на пиках, войско склонилось на сторону Марка Аврелия Антонина ради столь дорогого имени»* (Элий Лампидарий. Диадумен Антонин. IX).

В 238 г. во время осады Аквилы собственными воинами был убит император Максимин Фракиец, которого к тому времени возненавидела вся Италия: *«Напуганные этим воины /.../ как-то в полдень, во время передышки от боев, убили Максимина и его сына, лежавших в палатке, а затем, насадив их головы на пики, показали их аквилейцам. /.../ Головы их были даже посланы в Рим»* (Юлий Капитолин. Двое Максиминов. XXIII); *«Наконец, когда обнесли на*

котье голову Максимина, что произвело большое удовольствие...» (Дексипп Афинянин. Летопись. Отрывок 12); «Но под Аквилеей Максимин потерпел сильную неудачу и был убит своими же, головы его и его сына были принесены в Равенну, а оттуда отосланы Максимом в Рим. /.../ Как только была принесена голова Максимина, Бальбин, который испытывал еще больший страх, обрадовался настолько, что немедленно заклал гекатомбу» (Юлий Капитолин. Максим и Бальбин. XI).

Надгробный камень римского всадника, изображенного в полном вооружении и с трофейной головой

В 249 г. Гай Деций был провозглашен императором своим войском, вскоре получив в подарок голову другого узурпатора: *«Между тем к нему неожиданно — как это обыкновенно бывает — приносят голову Иотациана, который, кичась своим происхождением от Александра, пытался совершить переворот в Сирии, но пал по воле солдат»* (Аврелий Виктор. О цезарях. XXIX).

В начале V в. императору Гонорию удалось уничтожить Эдовиха, полководца узурпатора Константина: *«Эдикий, отсеки ему голову, принес ее полководцам Гонория в надежде получить от них большие подарки и удостоиться великой чести. Констанций приказал взять голову»* (Созомен Саламинский. Церковная история. IX. 14). В 413 г. вестготский король Атаульф посылает Гонорию голову Севастиана, самозванного императора, а эпарх Дардан — голову Иовина, брата Севастиана: *«Обе головы выставлены вне Карфагена на том месте, где были отрублены прежде головы Константина и Юлиана»* (Олимпиодор Фивянин. История. Выписка Фотия № 19). У Феофана Исповедника это же событие датируется 404 г.: *«В сем году умерщвлены в Галлиях знаменитые мужи Иовиан и Севастиан и головы их доставлены в Рим»* (Феофан Исповедник. Летопись).

*Ограда дакской крепости украшена человеческими головами.
Изображение с колонны Траяна*

В 480 г. императору Зенону удается истребить самозванного императора Леонтия и Илла, его на царство возведшего: *«Им отрубили головы, которые отправили к Зенону, а тот приказал,*

воткнув на кол, носить на конском ристалище, откуда с торжеством отвезли через пролив в Сики» (Феофан Исповедник. Летопись).

В 497 г. полководец Иоанн Скиф разгромил восставших исаврийцев и послал головы их вождей императору Анастасию I: *«головы Лонгина и Феодора Скифом Иоанном были отосланы в столицу. Царь приказал воткнуть их на копья и выставить в так называемых Сиках, лежащих против Константинополя»* (Евагрий Схоластик. Церковная история. III. 35). У Феофана Исповедника те же события датированы 488 г.: *«В сем году Иоанн Скиф, после продолжительной осады, взял, наконец, Лонгина, бывшего магистра, Лонгина Селинунтского, Афинодора и прочих бунтовщиков, и, отрубивши им головы, отправил оные к императору Анастасию в Византию. Анастасий совершая конские ристалища, в знак торжества, показывал головы мятежников и в оковах приведенных исаврийцев. Головы, воткнутые на колья, выставлены были в Сиках, напоказ всему народу»* (Феофан Исповедник. Летопись).

В 529 г. император Юстиниан I начинает преследование евреев и самаритян, самаритяне восстают, возглавляемые неким Юлианом бен Сабара, усмирять которого отправился дукс Феодор: *«Многих самаритян дукс зарубил и захватил самого самаритянина Юлиана, так как Бог отвернулся от него. Отрубив ему голову, он [дукс] послал ее вместе с диадемой Василеву Юстиниану. Вскоре после того, как василевсу стало известно о тирании самаритян и несчастном Юлиане, пришло в Константинополь сообщение архонтов и [посланная василевсу] голова тирана»* (Иоанн Малала. Хронография. XVIII).

В 533 г. войсками под командованием Велисария был убит Цазон, брат короля вандалов Гелимера, голову которого военачальник вручил Кириллу: *«Кирилл с большим войском он отправил на Сардинию, дав ему с собой голову Цазона, так как эти островитяне вовсе не хотели подчиняться римлянам, боясь вандалов и не очень веря в справедливость того, что им рассказывали о случившемся при Трикамаре. /.../ Прибыв на Сардинию, Кирилл показал тамошним жителям голову Цазона, и оба эти острова вернул в состав Римской державы и обложил их налогом»* (Прокопий Кесарийский. Война с вандалами. II. V).

В середине своего правления император Юстин II (565 – 578) умерщвляет своего тезку, задумавшего волнения в Александрии: *«И не прежде оставили свой гнев и насытились кипящею ненавистью*

царь и супруга его София, как увидели отрубленную голову Юстина и попрали ее ногами» (Евагрий Схоластик. Церковная история. V. 2).

В 617 г. авары и славяне, потерпев на море крушение и не сумев взять Константинополь, отступили. Ромен немедля выставили головы врагов, как свидетельство победы: «Когда те, кто противостоял врагам со стен, услышали радостную весть о гибели варваров на море и тем более увидели множество голов, [насаженных] на копьа, (они совершили вылазку)» (Феодор Синкел. О безумном нападении аваров и персов на богохранимый град).

Когда император Константин II в 668 г. был убит в Сиракузах, «власть на Сицилии захватил Мецентий /.../ Солдаты Италии, одни из Истрии, другие – из земель Кампании, третьи – из Африки и Сардинии пришли против на него к Сиракузам и лишили его жизни. И головы многих им осужденных были доставлены обезглавленными²⁶⁸ в Константинополь, и вместе с ними была также доставлена и голова самого ложного императора» (Павел Диакон. История лангобардов. V. 12).

В начале 600-х годов византийскому императору (Маврикию или Фоке) изменяет наместник: «В это время Иоанн из Консии захватил власть в Неаполе, но уже несколько дней спустя патриций Элевтерий прогнал его из города и убил. После этих вещей, тот же патриций Элевтерий, внук, принял права суверена. Когда он следовал из Равенны в Рим, то был убит солдатами в крепости Луцеоли, а его голова была доставлена императору в Константинополь» (Павел Диакон. История лангобардов. IV. 34).

В 602 г. (595 г. у Феофана) гибнет император Маврикий: «вступив на престол Фока, как сказано, убил Маврикия с пятью сыновьями, головы их приказал он выставить на несколько дней на площади Трибунальской. Жители города приходили смотреть, пока они сгнили» (Феофан Исповедник. Летопись).

В 711 г. гибнет император Юстиниан II Ринотмет, убитый Ильей, военачальником следующего императора Фидиппика Вардана: «Самому же Юстиниану, находившемуся на шестом году своего второго царствования, отсек голову и послал ее к Филиппику. Филиппик получил ее и отослал в западные районы до Рима» (Патриарх Никифор. Краткая история. Ч. II).

²⁶⁸ Так в переводе.

В 767 г. император Константин V Копроним, в рамках борьбы с иконопочитанием, расправился со своим тезкой—патриархом Константином II: *«Затем вскоре после того приказал отрубить ему голову в Кинигии и пронести ее поднятой по воздуху к так называемому Милю»* (Патриарх Никифор. Краткая история. Ч. II); *«По сему приговору он был обезглавлен на Собачьей площадке. Голову его, привязанную за уши повесили в Милии на три дня для показания народу, а тело привязавши к веслу повергли вместе с насильственно умершими. Чрез три дня туда же бросили и главу его»* (Феофан Исповедник. Летопись. Год 759).

В 842 г. византийский император Феофил, чувствуя приближение смерти, затребовал принести ему голову ложно оклеветанного Феофоба, содержащегося под стражей: *«В один из дней, поняв, что находится при последнем издыхании и умирает, приказал самовластец отрубить ночью голову Феофобу и доставить ее ему как горькое и скорбное приношение умирающему. А когда, во исполнение приказа, ее принесли, схватил ее рукой за нос и сказал: «Теперь и ты не Феофоб, и я не Феофил»* (Продолжатель Феофана. III. 38).

В 876 г. правитель Тефрики Хрисохир, павликанин по вероисповеданию, бывший в плену у византийского императора Василия I, бежал, но был убит преследователями: *«В этот момент к Пуладу присоединились и другие воины, которые, спрыгнув с коней, отрубили у лишившегося уже чувств и умирающего Хрисохира голову /.../ Так неприятель потерпел нежданное поражение, а христианская слава взметнулась ввысь, и вместе с вестниками сей радости отправили царю голову Хрисохира»* (Продолжатель Феофана. V. 43).

Далее народы описаны вперемешку, ибо уже не столь важно «кто», важно именно «что».

В 897 г. армянский царь Смбат I Багратид заказывает и получает голову своего неприятеля, ишхана Абумервана: *«И сказал им: «Утром, на рассвете следующего дня голову Абумервана доставите ко мне, а Гагика, сына сестры моей, поставите владетелем дома Вастураканского». /.../ Окружили они ишхана, отрезали ему голову и передали одному человеку, который отвез ее царю Смбату в то время, когда тот находился еще в дороге»* (Псевдо—Шапух Багратуни. История. II).

В 989 г. умельцы отравили восставшего против императора Василия II мятежного полководца Варду Фоку, в результате чего тот пал бездыханным прямо на поле боя: *«Когда оба войска это увидели,*

мятежное сразу разбилось на части, его плотный строй разомкнулся, подался назад и побежал, приближенные царя поспешили к упавшему /.../ разрезали его тело ножами на куски, а голову отрубили и доставили Василию» (Михаил Пселл. Хронография. Василий II. XVII); «И выступил царь Василий и брат его Константин со своими войсками с войсками русов и столкнулись с Вардою Фокою в Абидосе, а это близко от берега константинопольского — и победили Фоку; /.../ и была голова его принесена в Константинополь и там выставлена» (Яхья Антиохийский. Летопись. 4).

В 1043 г. в битве с войсками Константина IX погиб восставший полководец Георгий Маниак: *«Еще до возвращения воинов самодержцу была послана голова мятежника, и он, будто схлынул окативший его морской вал, немного перевел дух, вознес благодарение Богу, а голову Маниака велел укрепить высоко над Великим театром, чтобы всем можно было издалека видеть ее как бы парящей в воздухе» (Михаил Пселл. Хронография. Константин IX. LXXXVI).*

В 1051 г. император Константин IX Мономах отправляет военачальника Пироза для усмирения мятежных князей в Армению: *«Тогда он (Пироз) обещал большие награды за голову Харпика. У крепости напротив замка находилась местность, куда прибыл Харпик со своей пехотой и смело стал на защиту крепости. /.../ А один из его людей, подобно Кашу, отрубил голову Харпику и ночью принес Пирозу. Но он ничего не получил, кроме проклятия. Тогда приказал Пироз вздеть голову Харпика на шест и утром выставить напоказ перед крепостью. Когда утром братья увидели это, открыли ворота и пали ниц перед отрубленной головой и горестно зарыдали, и вся армия вместе с ними заплакала. Таким образом, была захвачена крепость Арки, а братьев отправили в Константинополь к Мономаху» (Смбат Спарамет. Летопись).*

В 1097 г. франки захватили Антиохию, перед этим получив голову сельджукского эмира Яги—Сиана (Грациана, Кассиана в версии франков), правившего городом: *«Грациан же, выйдя через некую дверцу, был полонен и обезглавлен армянскими селянами, и голова его доставлена нам: я полагаю, это произошло по особому божескому предначертанию, ибо он поотрубал головы многим из этого народа, и вот теперь сам лишился головы» (Раймунд Ажийский. История франков, которые взяли Иерусалим. IX); «Но Кассиана узнали жители этой горы, то есть сирийцы и армяне, и тотчас схватили его и отрубили ему голову и принесли Боэмунду, чтобы тем самым*

заслужить себе свободу» (Деяния франков и прочих иерусалимцев. VIII. 20). И в том же году Балдуин I Иерусалимский, на тот момент еще не король, интригами сумел настроить чернь, чтобы она свергла правителя Эдессы, армянского князя Тороса, и признала своим господином его: *«Ему отрубили голову, воткнули ее со всяческими надругательствами на копье и пронесли по всем улицам города»* (Альберт Аахенский. Иерусалимская история. III. 23).

В 1207 г. воины болгарского царя Калояна (у франков — «Иоаннис, король Блакии») убивают Бонифация I Монферратского, короля Фессалоники: *«А маркизу Бонифацию Монферратскому отрубили голову. И жители страны отослали голову Иоаннису, и он испытал от этого самую большую радость из всех, которые когда-либо получал»* (Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. 499).

В 1211 никейский император Феодор I Ласкарис, побеждает союзное войско бывшего византийского императора Алексея III и румского султана. С последним у Феодора произошла личная стычка: *«В одно мгновение, обнажив свой меч, он без труда подкашивает передние ноги у лошади варвара, сбрасывает с нее седока султана, отрубает ему голову и, воткнув ее на копье, показывает варварским войскам. /.../ Варвары, объятые трепетом и ужасом, пустились в рассыпную, перегоняя друг друга»* (Никифор Григора. Римская история. I. 4). Впрочем, в другом тексте все изложено куда скромнее: *«Высвободившись из-под копы /.../ император вскакивает на ноги, извлекает меч из ножен и /.../ поражает сзади по ногам огромную лошадь, на которой ездил султан. Как с башни упал со своей лошади султан, и тот же час отделилась голова его от тела. Между тем ни сам император, ни бывшие с ним не видели, кем она была отсечена. Император спешил воспользоваться тут же своей победой»* (Георгий Акрополит. Летопись. 10).

В 60-х г. XII в. при попытке захватить город Сплит гибнет хорватский князь Релес: *«Тогда сплитчане, одержав победу над своими врагами и с радостью возвращаясь назад, отрубили голову этого никудышного предводителя и выставили ее на Постурие (одна из площадей города, — Б.М.)»* (Фома Сплитский. Церковная история. XX).

В 40-х г. XV в. (точнее сказать затруднительно) эфиопский царь Зара Якоб (1434 – 1468) получает голову бунтовщика Махико: *«После этого прибыл гарад Хадья и дамотцы с отрубленной головой»*

бунтовщика, его руками и ногами, и стали пред царем и рассказали ему, как все произошло. Царь поблагодарил гарада Хадья и гарада Гадайти и дамотцев, дал им различные кушанья и напитки по их желанию. Голову, руки и ноги этого бунтовщика повесили на вратах правых, левых и левых» (Хроника царя Зара Якоба). В 1557 г. другой эфиопский владыка Гелевдевос (Клавдий) получает голову неприятеля: «Они отрубили голову Исааку, полководцу вражескому и двум его помощникам, и послали их к славному царю Клавдию — да будет над ним мир! Головы прибыли к нему в месяце Маскараме. А царь Мар Клавдий не перевознесся этим, но прославил бога преславного и высшего за это и не перестал искать его помощи для будущего» (Хроники царей. История Клавдия). В 1570 г. эфиопский царь Сарц Денгель получает голову вражеского полководца: «прислал ему Такла Гиоргис отрубленную голову Азе, ибо знал он, что нечисто сердце [Азе] от беззакония»; а несколько позже глумится на голове другого своего неприятеля: «И наутро в субботу в третьем часу прибыл Акуба Микаэль, неся голову Вад Эзума и с нею четыре головы его дружинников. /.../ И провозгласил он слово указа, говоря: «Всяк, кто не бросит камня на голову этого беззаконника /.../ [будет наказан]». Акуба же Микаэлю даровал он украшения цветные, надев на шею ему золотую гривну и провозгласив указ о нем» (История царя Сарц Денгеля. 5, 9). Во времена правления царя Сыснийоса I (1607 – 1632) на общее обозрение была выставлена голова разбойника: «А потом прислал его голову Юлий, и принесли ее к воротам царя, и повесили ее на внешней ограде. И, видя голову За-Селласе, люди стана дивились и изумлялись» (История царя Сисиния. 34).

Эфиопские примеры приведены не случайно. Указанные цари не только полагали себя частью христианского мира, но и в некотором смысле были наследниками римской (!) империи.

Во времена правления Ивана Грозного беспокойство немалое причинял государству польский король Сигизмунд, да так, что от иных с нашей стороны была задумка «сдать полякам Феллин, Тарваст и Мариенбург в Лифляндии. Об этом узнал великий князь и послал приказ — обезглавить по этим городам и замкам всех главных дьяков и приказных. Головы их были привезены в мешках на Москву, как доказательство [их казни]» (Штаден Генрих. Записки о Московии. III). А когда царю пришла в голову мысль расправиться с князем Ростовским, сосланного в Нижний Новгород на воеводство, он просто об этом распорядился: «К этому князю тиран послал 30 воинов

из Опричнины с поручением отрубить ему голову и доставить к себе, что и было исполнено» (Альберт Шлихтинг. Краткое сказание).

В 1620 г. чешские мятежные паны были разбиты войсками императора Фердинанда II Габсбурга (битва на Белой горе), а на следующий год пришлось казни, после чего 12 панских голов были выставлены на галерее крыши Староместской башни Карлова моста, где они провисели 10 лет. Еще две головы были помещены в других местах: Яна Шултиса была повешена на городских воротах в Кутной Горе, а Максимилиана Гошталека в Жатеце.

В 1660 г., через два года после смерти Оливера Кромвеля, его тело выбрасывают из могилы, вешают, после обезглавливают, а голову выставляют на деревянном колу в Вестминстер-холле, откуда она озирала окрестности целых 25 лет, пока таинственным образом не пропала.

И так далее...

Голова могла послужить объектом мести, насмешки и надругательств.

В 53 г. до н.э. в ходе сражения с парфянами на территории Армении был убит римский полководец Красс. *«Голова полководца, отрубленная вместе с правой рукой, была доставлена царю и послужила посмешищем. И по заслугам. В оскал рта влили расплавленное золото, чтобы напоить мертвое и обескровленное тело тем, чего так жаждала его душа»* (Луций Аней Флор. Эпитомы. I. III. 11).

Скифская (массагетская) царица Томирис сходным образом поступила с персидским царем Киросом Великим, глупо погибшим в 530 г. до н.э.: *«Царица велит отсечь Киру голову и бросить в бурдюк, наполненный человеческой кровью, не по-женски крича: «Насыться же кровью, которую ты жаждал и которой не мог напиться в течение беспрестанных тридцати лет»* (Павел Орозий. История против язычников. II. 7)²⁶⁹.

²⁶⁹ Впрочем, у Геродота описано проще, без отрубания головы: *«Наполнив человеческой кровью бурдюк, Томирис искала среди погибших персов труп Кира, а когда нашла, засунула его голову в этот бурдюк и, издеваясь над мертвецом, добавила следующее: «Ты меня, живую и одержавшую над тобой победу в битве, погубил, захватив хитростью моего сына. Я же тебя, как угрожала, напою кровью»* (Геродот. История. I. 214).

В 100 г. был убит мятежный трибун Луций Апулей Сатурнин: *«Голову его, глумясь над ней, некий сенатор Рабирий показывал на пиру своим гостям»* (Аврелий Виктор. О знаменитых людях. LXXIII).

В 82 г. гибнет противник Суллы, Гай Марий Младший: *«Лукреций, отрубив его голову, отправил ее Сулле. Говорят, Сулла, положив ее на форуме пред рострами, надсмеялся над молодостью консула и сказал: «Нужно сначала стать гребцом, а потом управлять рулем»* (Аппиан. Гражданская война. I. 96).

В 43 г. до н.э. друзья Юлия Цезаря смогли начать расправу над его убийцами, открыв счет с Гая Требония: *«Требоний, лежавший еще в постели, потребовал от арестовавших его, чтобы его повели к Долабелле, обещая, что последует за ними без сопротивления. Тогда один из центурионов высмеял его и сказал: «Ты сам можешь идти, оставь только голову здесь; нам приказано не тебя вести к Долабелле, а только твою голову». И они тотчас же отрубили ему голову. Рано утром Долабелла велел ее выставить у трибунала претора, где Требоний принимал по делам провинции. Так как Требоний был соучастником в убийстве Цезаря и задерживал Антония у дверей сената беседой во время убийства, то разгневанное войско и вся масса рабов, окружавшая его, издевались всячески над его трупом, а голову его в шутку перебрасывали, как мяч, по вымощенному камнями городу и уничтожили ее»* (Аппиан. Гражданская война. III. 26). А вскоре за Требонием последовал и Децим Юний Брут, убитый по просьбе Марка Антония галльским вождем Камиллом в том же году: *«Когда его к нему привели, Камилл в лицо обошелся с ним ласково и стал упрекать тех, кто связал Децима Брута, за то, что они по неведению оскорбили такого мужа; тайно же сообщил обо всем Антонию. Последний, тронутый такой превратностью судьбы, не решился и взглянуть на этого человека, но приказал Камиллу умертвить его и прислать ему его голову. Увидев ее, он велел присутствующим похоронить ее»* (Аппиан. Гражданская война. III. 98).

Разумеется, рассматриваемый нами обычай не был исключительной привилегией индоевропейских народов. Эфиопов уже описывали. А, к примеру, один из известнейших случаев обезглавливания с последующим изъятием трофея, относится к семитам. *«И изо всей силы дважды ударила по шее Олоферна и сняла с него голову. /.../ Спустя немного она вышла и отдала служжанке своей голову*

Олоферна. /.../ Иудифь сказала им: послушайте же меня, братья, возьмите эту голову и повесьте на зубцах вашей стены. /.../ Когда настало утро, повесили голову Олоферна на стену. /.../ Когда бывшие в шатрах (ассирийцы, Б.М.) услышали о том, что случилось, то смутились, и напал на них страх и трепет, и ни один из них не остался в глазах ближнего, но все они бросившись бежали по всем дорогам равнины и нагорной страны» (Книга Юдифи. 13. 8–9; 14. 1, 11; 15. 1–2). Что любопытно, Георгий Амартол полагает, что голову Олоферна повесили... на копьё: «А когда настало утро, ассирийцы, увидев голову Олофернову на копьё, бежали, весьма посрамленные» (Георгий Амартол. Временник. VI. 96).

В (прото)болгарском кладе V в. из Над-Сент-Миклош, называемом также «кладом Атиллы», был обнаружен золотой сосуд, на котором изображен богатырь на коне, ведущий знатного пленника. К его седлу привязан трофей — мертвая голова врага.

Протоболгарский всадник с трофеем

Оборона Легнице. Средневековая миниатюра

Битва при Легнице. Рисунок, 1630

Припомним и уже приведенный пример битвы под Легнице, в ходе которой от рук татар погиб предводитель немецко-польской армии, польский князь Генрих II Благочестивый: *«Голову князя Генрика они подняли на длинное копьё, принесли к замку Легнице (город из страха перед татарами был сожжён) и потребовали открыть им ворота, так как князь убит»* (Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. I. 3), *«Вздвев вверх на довольно длинном копьё голову князя Генриха, подходят под замок (город же со страху перед татарами был сожжён). Показывают голову князя Генриха гарнизону замка и через толмача приказывают, чтобы из-за поражения и смерти князя отворили ворота»* (Ян Длугош. История Польши).

В 1488 г. отряд воинов грузинского царя Костантина II отогнал от Тбилиси татар: *«Затем татары были побеждены и истребляли их грузины так, что головы их понатыкали на колы и заборы»* (Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Жизнь царей Картли. Ч. 1).

Так что, и язычники, и иудеи (семиты-язычники), и христиане. На мусульманском востоке было все то же и все так же.

В 731 г. мусульмане уничтожают зятя Одо, герцога Аквитании: *«Однажды полководец франков по имени Одон ради скрепления союза против арабов пошел навстречу желанию Муннуса и выдал свою дочь за него замуж; однако Муннуса ничего не сделал, чтобы защитить её от отрядов преследователей. Так Муннуса обрек свою душу на гибель. Преследуемый правительственными войсками, чтобы не быть схваченным живым, он бросился, уже раненый, с высокого обрыва на острые скалы, и там душа покинула его тело. Преследователи его нашли и тут же отсекли голову, которую вместе с дочерью полководца Одона передали царю. Абд ар-Рахман принял её с почетом, решив отослать её за море к верховному правителю»* (Мозарабская хроника 754 г. 102).

В 1094 г. Ддуш, сын сельджукского султана Алп-Арслана, убивает эмира Пузана (военачальника своего дяди, Мелик-шаха), и овладевает Халепо: *«В 543 году армянского летоисчисления Ддуш с большой армией повел наступление на Халеп. Захватив Халеп, он убил Пузана и Ахснгойра. Голова Пузана была воздета на палку и отправлена в Халеп»* (Смбат Спарапет. Летопись).

В 1131 г. турки в сражении убивают Бозмунда II, князя Антиохии: *«После многочисленных потерь, обессиленные франки взобрались на холм, где турки окружили их и уничтожили. В пылу сражения, не опознав, они убили и Бозмунда, а затем взяли его голову и оружие франков и ушли. /.../ Когда турки возвратились к эмиру Гази, он отправил голову Бозмунда вместе с различными подношениями, оружием и конями халифу Багдада, который, в свою очередь, одарил его»* (Михаил Сириец. Хроника. XVI. 3).

В том же году в Грузии мусульманин Хурти, сын Куза, разбивает грузинское христианское войско: *«Иване, сын Абулета, совершил нападение на Гарни; но войско его понесло поражение от Хурта, который приказал отрезать головы (павших), сварить из них похлебку, а черепа ставить на верху минарета и по каменным его ступам»* (Вардан Великий. Всеобщая история. 3).

В 1134 г. от берегов Испании отплывает корабль, отправленный сыном марокканского правителя: *«Был там корабль, загруженный головами христиан, которых король Букар отцу своему, королю Африки, послал как свидетельство своей победы»* (Одерик Виталий. Церковная история. XIII. 15).

В 1149 г. от рук владетеля Халеба гибнет Раймунд де Пуатье, муж Констанции, княгини Антиохии: *«Нур ад-Дин осадил город, а голову Раймонда отправил в Багдад»* (Михаил Сириец. Хроника. XVII. 10).

В 1176 г. византийский император Мануил I Комнин проиграл сражение иконийскому султану Килидж-Арслану II, и был вынужден заплатить дань: *«Султан же разослал всем эмирам, халифу Багдада и султану Хорасана рабов, слуг, оружие и головы греков и их волосы на пиках: они возили их по улицам на крупях своих коней и радовались. Таков конец злополучного похода византийского императора»* (Михаил Сириец. Хроника. XX. 5).

В 1187 г. египетский и сирийский султан Салах ад-Дин убивает захваченного им в плен Рено де Шатильона, принца Антиохийского: *«Мамлюки, стоявшие наготове, подбежали к нему [Рейнальду], и отрезали его голову. Саладин взял немного его крови и окропил ею его голову в знак того, что он совершил отмщение над ним. Потом он приказал, чтобы они [мамлюки] доставили голову в Дамаск, и ее владчили по земле, чтобы показать сарацинам, которым принц много досаждал, какое отмщение он получил»* (Ернул. Хроника).

Последний византийский император Константин XI Драгаш, будучи в 1453 г. осажден в Константинополе войсками османского правителя Мехмеда II, после провала одной из своих операций (из-за предательства генуэзцев), велел казнить 260 пленных турецких воинов, а головы их вывесить на стенах города. Несколько днями позже его собственную голову Мехмед II выставил на константинопольской площади Августеоне. *«Тогда тиран /.../ приказал принести его голову. Они же, быстро побежав, нашли и, отрубив его голову, представили вождю. Тиран же сказал великому дуче: «Скажи мне правду: действительно ли это голова твоего царя?» Тогда тот, узнав ее, сказал «Его, господин!» Смотрели ее также и другие и признали. Тогда приколотили ее на колонне площади Священного дворца, и стояла она до вечера. После же этого, ободрав ее и набив содранную кожу мякиной, послал он это повсюду, показывая этот знак победы вождю персов и арабов и всем туркам»* (Михаил Дука. Византийская история. 40).

В 1509 г. ходжа Музафар отправляется отбивать Астрабад, захваченный Мухаммедом Заман-мирой, по пути он получает голову одного из военачальников противника: *«На дороге их встретил гонец от правителя Бастама и доставил им голову ходжи Мир Кефизгера. /.../ Мухаммед ага, который был «даругой» нескольких селений этой области, преградил ему путь, выступив со своими людьми, в результате чего (Мир Кефизгер) был убит. Мухаммед-ага послал его голову к ходже Музаффару и эмирам, которые, сочтя это хорошим предзнаменованием, вошли в Астрабадское ущелье».* (Хондемир. Друг жизнеописаний. III. Ч. 4).

В 1574 г. капудан-паша захватывает в плен и казнит Ивана Лютого (Ивонию), самозваного сына молдавского господаря Стафана VII: *«Раненого Ивонию схватили янычары и полумертвому отсекли голову, тело же его растерзали, привязав к двум верблюдам и части его разбросали в добычу хищным зверям. Голову воткнули на копье»* (Леонардо Горецкий. Описание войны Ивонии, господаря Волошского). Потом голову отправили в Бухарест и прибили к городским воротам, где двумя годами позже ее еще видел польский историк Матей Стрыйковский.

Примеры можно множить едва ли не бесконечно. Однако же, немного сменим сюжет.

Анна Комнина, дочь византийского императора Алексея I (1081 – 1118 гг.), на жизнь которого пришелся самый первый крестовый поход, описывая одну из битв западных рыцарей (которых она постоянно называет кельтами) с турками, рисует такую картину: *«Кельты, одержав блестящую победу, возвращались, **наколов головы врагов на конья** и неся их наподобие знамен, чтобы варвары, издали завидев их, испугались такого начала и отказались от упорства в бою»* (Алексиада. XI. 1. 5).

Точно также поступали и ромеи. После того как византийский полководец Кантакузин одолел войско латинян, *«Желая произвести своей победой еще большее впечатление на императора, он **наколов на конья головы** многих кельтов и сразу же отправил их Алексею»* (Алексиада. XIII. 6. 2). Другие европейские примеры с головами на копьях отмечены в приведенных ранее примерах.

Аналогично описывают триумфальное возвращение богатырей домой и наши былины со сказками. Своего сына Сокольника, выступающего в роли неприятеля, Илья Муромец одолевает в тяжелой схватке, и в конце битвы отрубает ему голову. А дальше:

*А срубил у его да буйну голову.
Подымает он голову нахвальщичка
На свое ли на коньё бурзуменское
И поехал на заставу богатырскую.*

(Былины 1, № 83)

*Отрубил у Сокольника буйну голову.
А поехал Илеюшка ко белым шатрам,
А воткнул где главу да на востро коньё,
А сам он, Илейка, да похваляицьсе:
«А на веку такого цюда да не видывал...»*

(Былины 3, № 80)

Это трофеем, который привозят из чиста поля, чтобы показать, с кем бился, чтобы предъявить свидетельство победы, которой похваляются. Илья даже предупреждает о том загодя:

*А не успеите, братцы, вы котлы согреть,
А привезу поганого буйну голову!*

(Былины 3, № 89)

Кстати, и сам Сокольник грозит Киеву тем же:

*Ваши головы богатырей повырублю,
Как на копыця головушки повысажу!*

(Былины 3, № 78)

Добрыню, неудачно бившегося с Сокольником, богатыри укоряют:

*Што же ты, Добрынюшка, не везёшь ведь ты,
Не везёшь ведь ты да буйну голову,
Буйну голову да вострых копьях?*

(Былины 3, № 88)

Так же поступает и Алеша Попович, разделив Тугарина: «Отрубил ему Алеша буйну голову, и повез он буйну голову ко князю ко Владимиру; едет да головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копьё головушку подхватывает» (Аф, № 312),

*Он заткнул голову да на востро копьё,
А привез ее ко князю ко черниговскому: /.../
Уж вам нате голова, право, тотарская,
Кабы вашего она-то неприятеля.*

(Былины 1, № 116),

*Да и сек у Тугарина буйну голову /.../
Да Тугаринову голову да на копьё садил
Да повёз-то ей в стольней Киёв-град
А-й князю Владимиру в подароцьки.*

(Былины 4, № 109)

Фраза про подарок поразительно схожа с мотивацией аналогичного поступка Кантакузина. Сын Бобы-королевича «с самым сильным богатырем разехался, как палынул его копьём и сразу голову отшиб, на штыке повез в город» (Зеленин ПГ, № 18). Точно также руссы поступили с магистром Иоанном Куркуасом, захваченным ими в битве у стен Доростола: «Скифы увидели великолетное

вооружение, прекрасно отделанные бляхи на конской сбруе и другие украшения — они были покрыты немалым слоем золота — и подумали, что это сам император. Тесно окружив [магистра], они зверским образом изрубили его вместе с доспехами своими мечами и секирами, насадили голову на копьё, водрузили ее на башне и стали потешаться над ромеями [крича], что они закололи их императора, как жертвенное животное» (Лев Диакон. История. IX. 5). Вся эта история, справедливости ради отметим, кажется заимствованием из сочинения Павла Диакона, который следующим образом описал один из эпизодов произошедшей в 689 г. битвы лангобардского короля Куни(к)перта с узурпатором Алагисом, герцогом Тренто, из-за престола. Диакон Сено попросил короля дать ему свои доспехи, чтобы лично сразиться с Алагисом. Король после долгих уговоров согласился, «и он вручил свой панцирь и шлем, наколенники и прочее свое оружие диакону и послал его в бой играть роль короля. Поскольку этот диакон был того же роста и телосложения, что и король, то когда он в доспехах вышел из палатки, то был всеми принят за короля Куниинкперта. Затем они вступили в бой и сражались изо всех сил. И тогда Алахис, направил все свои силы в то место, где, как он думал, находился король, убил Сено, и вообразил, что убил Куниинкперта. И он приказал отрезать ему голову, насадить ее на копьё, поднять вверх и кричать при этом «Хвала Господу!». Но когда шлем был снят, то он узнал, что убил слугителя церкви» (Павел Диакон. История лангобардов. V. 40).

Прорисовка монеты Дмитрия Донского.
 Воин (князь?) демонстрирует голову врага.

Впрочем, это только предположение. Но вообще для германских воителей такая демонстрация также была в норме вещей. В 623 г. франкский король Хлотарь сражается с восставшими саксами и убивает их герцога: *«Обрушился король на Бертоальда, убил его, насадил его голову на копьё и повернул обратно к франкам»* (Книга истории франков. 41).

Историк Л. Прозоров (Озар Ворон)²⁷⁰ нашел еще одно подтверждение существования подобной практики у русских воинов в житии Георгия Амастридского (ум. в нач. IX в.), где описываются ужасы нападения «скифов» на Амастриду: *«Храмы ниспровергаются, святыня оскверняется: на месте их (нечестивые) алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее свою силу (процветающее)»*²⁷¹. Под «таврическим избиением», как показал исследователь, подразумеваются слова Геродота: *«С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома»* (Геродот. История. IV. 103).

Таким же «таврическим избиением» можно было бы назвать и казнь стрельцов, случившуюся после их бунта в самом начале правления Петра I, в полной мере сохранившего традиции «старинны глубокой». Очевидец событий 10 октября 1698 г. рассказывает: *«К ряду казарменных домов в Преображенском прилегает возвышенная*

²⁷⁰ Прозоров О. Времена русских богатырей. По страницам былин — в глубь времен. — М., 2006. Там же, в гл. 3 автор проводит детальное исследование воинского обычая демонстрации мертвых голов, приходя к неожиданным выводам, с которыми, впрочем, я согласиться не могу. Причина проста — нет необходимости видеть архаическое жертвоприношение там, где наличествует всего лишь проявление радости по поводу победы. Для человека вполне естественно похвалиться достигнутым успехом, каковым для воина является смерть врага на поле битвы. Чтобы о его доблести узнали все вокруг, нужно всего-навсего поднять как можно выше полученный трофей, для чего наилучшим образом и подходит копьё, которое у воина всегда под рукой. Собственно, в этом смысле, как демонстрацию трофея, стоит трактовать даже жест, с которым изображают, скажем, Персея и Кали — высоко поднятая рука, держащая отрубленную голову демона

²⁷¹ Васильевский В.Г. Труды. — Пг., 1915. Т. 3. С. 64.

площадь. Это место казни: там воздвигаются позорные колья с воткнутыми на них безобразными головами казненных, которые сохраняются после смерти на поругание за совершенное злодеяние»²⁷². Головы эти, как утверждают, провисели на месте целых три года.

*Запорожский казак с трофеем. Из книги А. Ризельмана
«Летописное повествование о Малой России», 1847*

На пиках возили свои трофеи запорожские и кубанские казаки. «По свидетельству есаула Толстова, /.../ «...До половины тридцатых годов у линейных казаков водилось еще обыкновение отсекаль у убитых горцев головы и привозить их в станицы на показ, как трофей». Только в 1834 г. наказный атаман Кавказского Линейного войска генерал Верзилин приказом по войску воспретил казакам

²⁷² Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора ГварIENTA, посла Императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом.

поддерживать этот дикий обычай и заставил их «не возить в станицы сии бездушные трофеи и на будущее время убиенным, чтобы насильств чинимо не было»²⁷³. Обычай этот засвидетельствован казачьими военными песнями, к примеру в песне казаков-баклановцев, воинов, служивших под началом покорителя Кавказа, генерала-лейтенанта Я. П. Бакланова (1809 – 1873):

*Ой вы на Линии стояли,
За черкесами гоняли.
Гей, гей! Молодцы,
Храбрые Баклановцы!
За черкесами гоняли
Мы им головы срубали
Гей, гей! Молодцы,
Храбрые Баклановцы!
Мы им головы срубали,
Да на пики надевали,
Гей, гей! Молодцы,
Храбрые Баклановцы!
Да на пики надевали,
С аукциона продавали,
Гей, гей! Молодцы,
Храбрые Баклановцы!
Сладкой водочки набрали,
Мы сидели выпивали,
Гей, гей! Молодцы,
Храбрые Баклановцы!
Мы сидели выпивали,
Бакланова восхваляли;
Гей, гей! Молодцы,
Храбрые Баклановцы!
Наш Бакланов молодец,
Словно родный нам отец!
Гей, гей! Молодцы,
Храбрые Баклановцы!*²⁷⁴

²⁷³ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. — Екатеринодар, 1913. — Том II. История войны казаков с закубанскими горцами, С. 826.

²⁷⁴ Голос казачества. 1911, № 1, С. 15.

Ср. также упоминание в украинской сказке, где герой — едва ли не щирый казак, а противник — турок не из последних: *«Як вдарив царевич, то султанская голова, як крижавка, злетіла. Взяв її та й везе до побратимів»* (Воля, С. 93). Хотя о пике тут ни слова, ситуация, скорее, та самая...

«Белобог» по Я. Потоцкому

Именно указанным обыкновением воинов выставлять на всеобщее обозрение добытый трофей объясняется жестокая расправа западных славян-язычников с церковниками, насаждавшими свою религию добра и мира силовыми методами. В «Славянской хронике» Гельмольда (1167–1168 гг.) описывается кончина невезучего епископа, думавшего погреть руки на несчастьях славян, а в итоге оказавшегося на копье: *«Епископу Иоанну, старицу, схваченному с другими христианами в Магнополе, то есть в Микилинбурге, жизнь, была сохранена для торжества [язычников]. За свою приверженность христу он был [сначала] избит палками, потом его водили на поругание по всем славянским городам, а когда невозможно было заставить его отречься от имени христового, варвары отрубили ему руки и ноги, тело выбросили на дорогу, голову же отсекли и,*

воткнув на копьё, принесли её в жертву богу своему Редегасту в знак победы. Все это происходило в столице славян, Ретре, в четвертые иды ноября...». Тот же текст повторен и в «Магдебургских анналах» (под 1068 г.): «Престарелый епископ Иоанн был схвачен вместе с прочими христианами в городе Магнополе и сохранён для триумфа. Итак, этот счастливец был бит палками за исповедание имени Христова, его водили ради поругания по отдельным городам славянской земли; наконец, когда его не смогли отвратить от этого намерения, ему отрубили руки и ноги, а святое тело выбросили на улицу. Голова его была отрезана, и язычники, насадив её на кол, принесли в знак победы в жертву своему богу Редегосту».²⁷⁵

Хронисты и современные горе-исследователи старательно трактуют такие случаи, как примеры кровавых жертвоприношений. Но у одних это или сознательная ложь или непонимание логики действий противника, а у других — или слепая вера хронистам и неумение думать своей головой, или рабское выполнение установок свыше. Сравните, как вышеприведенный текст звучит в пересказе исследователей: «Особенно увеличивалось число христиан, принесенных в жертву, при восстаниях славян, например, когда в 1066 г. ободриты принесли в жертву епископа Иоанна и многих священников» (Русанова, С. 66). Легким движением руки якобы принесенная в жертву голова епископа превращается в жертвоприношение уже самого епископа! Перед ликом Бога войны победители ставили свои трофеи, наглядное доказательство успеха, «в знак победы», как проговаривается Гельмольд. Разумеется, никаких человеческих жертвоприношений.

Возможно, обычай подносить Богам подобные трофеи, нашел отображение в иконографии воинственных Богов западных славян. Так, зарисованный Я. Потоцким «Белобог» из прильвицкой коллекции находок, как кажется, неслучайно имеет на теле голову.

Чтобы окончательно развенчать «кровавожертвенное» толкование поднятия язычниками мертвых голов на копьё, приведу пару примеров из христианской истории. В конце жизни византийского

²⁷⁵ Вероятно, схожей казни подвергали «светочей истинной веры» не только западные, но и восточные славяне: «жрецы вятичей озлобленные за сокрушение их кумиров подвергли преп. Кукишу разным истязаниям и потом отсекли ему голову и ученику его (имя которого неизвестно), 27 августа» («Словарь исторический о русских святых». СПб., 1862, С. 142). Об использовании копьё не говорится, но...

императора Анастасия I, придерживавшегося монофизитства, происходят волнения среди христиан из-за прибавки к словам религиозного гимна двух слов, причем народ хочет другого императора: *«А одного селянина, проводившего монашескую жизнь, чернь найдя в доме Марина Сирианина, отсекала ему голову за то, будто прибавление в трисвятом было сделано по его совету, и, воткнув ее на копьё, со смехом кричала: вот враг Троицы!»* (Евагрий Схоластик. Церковная история. III. 44); у Георгия Амартола несколько иначе: *«И после этого, придя к озеру около Святого Мокия, созданному тем царем, обнаружили игумена монастыря Святого Филиппа, любимца царя, и, убив его, подняли [его] голову на копьё, крича: «Вот друг врага Святой Троицы!»* (Георгий Амартол. Временник. XI. 56). В 1143 г. войска кастильского короля Альфонсо II после победы над мусульманами с триумфом возвращаются в Толедо, неся с собой на копьях трофейные головы, после чего *«Муньо Альфонсо велел подвесить на верху алькасара Толедо головы королей и головы магнатов и предводителей. Так и сделали, чтобы показать христианам, Альморавидам и испанским маврам божественную помощь, отдающую им победу»* (Хроника Альфонсо Императора. II. 174)²⁷⁶. Головы на копьях и тоже во славу Бога...

²⁷⁶ Впрочем, мусульмане в том же году взяли реванш: *«Голова Муньо Альфонсо была отослана в Кордову в дом вдовы короля Асуэля, а потом в Севилью, в дом короля Абенсеты. После этого ее отвезли в Северную Африку королю Тешуфину, так что о смерти Муньо Альфонсо узнали во всей земле неверных. Рука и ступня и головы других рыцарей были вывешены на самых высоких башнях Калатравы»* (Хроника Альфонсо Императора. II. 183).

Пруссы убивают Св. Адальберта. Средневековая миниатюра.

Подобным образом описана и гибель Адальберта–Войцеха от руки пруссов–язычников в 997 г.: *«Позже, при одобрении того же отца, он пытался укротить сердца пруссов, далёких от Христа, уздой святой проповеди, но 23 апреля был пронзён копьём и обезглавлен, единственный из своих обретя без всякого стона всегда желаемое им мученичество. Он сам предвидел это в ту же ночь во сне, о чём и поведал всей братии: «Мне показалось, — говорит, — будто я один служил мессу и причащался». Но нечестивые вершители злодеяния, увидев, что он уже испустил дух, для усугубления своего злодейства и ради Божьего наказания, бросили святое тело в море, а голову воткнули ради поношения на кол и, ликуя, вернулись домой»* (Титмар Мерзербургский. Хроника. IV. 28).

Там же в Пруссии от рук язычников в 1249 г. погиб брат–рыцарь Иоганн, вице–комтур замка Балга (прусс. Хонед): *«который добром рядил, чтобы братья, уповая на Бога, смело вступили в бой; когда же большинство поддержало других и, как было сказано, отдали заложников, пруссы, поломав условия договора, напали на остальных и убили 54 брата и всех других, в год от Рождества Христова 1249. После этого побоища один человек из Наттангии вздел на копье голову брата Иоганна, вышеупомянутого вице–комтура, и, высоко подняв ее, сказал: «Если бы твой здравый совет устроил братьев твоих, то они, по крайней мере, не были бы убиты»* (Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. III. 66).

Греческие (анти)герои собирали такие же трофеи, но демонстрировали их на свой лад. Вождь флегийцев Форбант (Форбас) напал на идущих в Дельфы паломников, из–за чего место запустело, а оракул перестал отвечать на вопросы. Головы убитых им людей Форбант собирал: *«А с теми кто был более сильным и крепким, он вступал в состязанье, одних побеждая в борьбе, других — в беге, этих в кулачном бою, в бросании диска. И отрезавши головы у побежденных, он вешал их вот на этом дубу. Так и живет он здесь, занимаясь своим кровавым делом, а головы эти висят на ветках дуба и гниют; одни из них ты видишь застывшими, другие от недавно убитых еще свежими, а эти уже стал голыми черепами; зубы у них оскалены, они как–будто жалобно стонут, когда ветер сквозь них пролетает»* (Филострат Младший. Картины. II. 19. 2). Другие же и вовсе, о чем говорилось раньше, собрались из мертвых голов воздвигнуть храм. Им вполне соответствуют персонажи русских

сказок и былин, украсивших свое подворье головами богатырей, попытавших счастья в битве с ними. Так, к примеру, у богатыря Чурилы Пленковича:

*Около двора был булатный тын,
Верейки были позолочены,
На всякой тыцынке было по маковке,
По той ли голове богатырские.²⁷⁷*

Напомню описание владений демонического противника героя сказки: *«Подходят солдаты к городу, где царь жил, и видят, что вокруг наставлены копыя, на каждом по человеческой голове насажено, только на трех не было»* (КВСО 1, № 48).

Множество приведенных примеров, невзирая на разницу в веках, в вероисповедании участников событий, в национальной их принадлежности, единодушны в одном: воины заполучив трофей, непременно поднимают его на высоту. И абсолютно не важно куда — на копье, пику, шест, штык, кол, тын, ворота, стену, дерево или ростральную колонну, — ее взденут. Причина очевидна — показать голову всем. Для чего именно, разобрано на примерах. Никакой отсылки к архаическим мифам о рождении мира ВсеБогом, никаких пережитков кровавых жертвоприношений. Все проще, яснее.

Итак. Если проанализировать приведенные примеры, то можно сделать вывод о преимущественно практическом смысле собирания мертвых голов.

— чем больше голов убитых им лично противников может продемонстрировать воин, тем больше ему почестей и уважения; это могли себе позволить воины племен, только становящихся на путь создания государства. Ср. описание торжества ирландского героя Кухулина в «Похищении быка из Куальнге»: *«Девять голов держал Кухулин в одной руке, да десять в другой и потрясал ими в знак своего бесстрашия и доблести»* (Похищение, С. 224).

— за вражеские головы нередко устанавливался тариф, так что сюда примешивался еще и мотив личного обогащения²⁷⁸; такое

²⁷⁷ Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история. СПб.: изд-во СПУ, 1997. С. 408.

²⁷⁸ К примеру, так было в 960 г. в ходе войны византийского полководца Никифора Фоки против критян: *«он приказал отрубить головы у всех убитых и нести их в походных сумках в лагерь; каждому, кто принесет*

появляется в уже развитом раннефеодальном государстве; вероятно, данная практика получила свое развитие из обыкновения вознаграждать лиц, убивших того или иного вражеского военного предводителя, и в доказательство предоставившего отрубленную голову.

— наилучшее доказательство²⁷⁹ смерти человека, которое предъявляют: заказчику или лицу заинтересованному (в том числе и душе покойника, отмщенного таким образом)²⁸⁰; войску погибшего военачальника, дабы посеять в нем панику; мятежникам и заговор-

голову, он обещал денежную награду. Все воины с радостью стали выполнять этот приказ, в особенности отряд армян. Они отрезали головы варваров и укладывали их в сумки». Дальше последовала запланированная акция устрашения: «На следующий день /.../ [Никифор] приказал насадить часть варварских голов на колья и расположить рядами на возвышенном им валу, другую же часть бросать камнеметами в город. Когда критяне увидели строй копий, утыканных головами, и убедились, что эти головы и другие, что летели по направлению к городу и ударялись о зубцы стен, принадлежали их соотечественникам и родственникам, их охватил ужас и безумие: они оцепенели от неожиданного душераздирающего зрелища. Раздавались вопли мужчин и рыдания женщин, и казалось, что город, где все рвали на себе волосы и оплакивали горячо любимых близких, уже взят» (Лев Диакон. История. I. 7–8).

²⁷⁹ Рискну предположить, что скрытой тягой к таким трофеям является существующий у завядлых охотников прошлого увешивать стены своих кабинетов головами собственноручно добытых зверей (ср. замечание Диодора Сицилийского об обычае галлов отрубать головы неприятелю: «Лучшую часть добычи они прибавляют к стене своего дома, как бывает поступают с добычей охотники» (Историческая библиотека. V. 29). Каждый мужчина, уж тем более вооруженный, воин по определению. А добыча бывает разная... Предназначение охотничьего трофея всё то же — напоминать владельцу о славных деньках, о его удаче, и подтверждать его рассказы о том.

²⁸⁰ Этот момент хорошо показан в сказках о змеборце, спасающем царскую дочь, отведенную к морю на съедение Горынычам. Убив змея, герой прячет их головы под камень, из-под которого их не может достать мнимый спаситель царевны. Когда приходит час, герой демонстрирует трофей: «А у меня есь, тут под камнем склдены головы» (Вятск, № 6). Как вариант, головы уволакивает мнимый спаситель и предъявляет их царю в качестве доказательства своей победы (в этом случае герой заблаговременно вырезает из голов языки): «Потом собрал он змеиные головы и повез их к царю; а того и не знал, что головы-то без языков были» (Аф, № 204). Собственно, это и охотничий, и военный трофей.

щикам, возлагавшим на убиенного свои надежды, чтобы пресечь слухи о чудесном спасении (с последующим появлением двойников) и вынудить оставить их свои планы.

— дополнительное унижение повергнутого противника, так как с его головой можно провести демонстративное глумление (как Марк Антоний с Цицероном или Томирис с Киром II); с учетом восприятия головы, как вместилища ума, жизни и души, оскорбительные действия достаются не безмолвной кости, а лично противнику.

— средство психологической атаки — устрашение противной стороны, при помощи мертвой головы воин заранее показывает, что ждет неприятеля: смерть и превращение в очередной трофей неустрашимого победителя.

— оберег от смерти, ибо, будучи меткой смерти, отваживает ее от человека или объекта помеченного таким образом (такая цель устанавливается на параллели с защитой двора и построек черепами как хищников, так и домашней скотины).

— магический талисман, при помощи которого (особенно в виде чаши, о чем далее) воин надеялся получить присущие убитому противнику качества: силу, ум, смекалку, хитрость. Точно также, как поедавший сердце врага какой-нибудь воин из Меланезии или равнин Миссисипи, веривший, что он приобретает таким образом силу и храбрость врага²⁸¹, воин-«индоевропеец», забирая голову побежденного, символически присваивал себе и его качества, связанные как раз с головой — ум, хитрость, решимость. Где-то магия основывалась на каннибализме, а где-то — на вере в силу человеческих останков,

²⁸¹ Например, у североамериканских индейцев «во многих племенах существовал и ритуальный каннибализм, при котором воины съедали сердце врага. Например, знаменитый воин кайовов по имени Поедатель Сердец (умер в 1853 г.) /.../ получил свое имя, потому что съедал кусочек сердца каждого из убитых им врагов. Ричард Бертон упоминал обычай ютов съедать сердце смелого врага или какую-либо другую часть его тела, чтобы получить его храбрость. /.../ Сообщалось, что айовы часто съедали сердца своих врагов, чтобы стать храбрее. Фрэнк Линдермэн, изучавший племена Северных равнин, писал: «Я знаю одного старого воина, который рассказал мне, что однажды съел кусочек человеческого сердца - сердца чрезвычайно храброго врага и, что в молодости он много раз видел, как это делали другие» (Стукалин Ю.В. Путь воина: энциклопедия военных практик индейцев Дикого Запада. М., 2004).

развившую в дальнейшем не только в черную магию, но и в культ «святых мощей».

— приобретение духа, который должен охранять от неприятностей того, кто в честном бою убил и забрал себе голову воина, так как голова —местилище души, главный орган человеческого тела, собственно, символ самого человека. Заполучить в свое распоряжение чью-то голову означало, по сути, все то же взятие в плен, в рабство. Смерть возникшего рабского положения отнюдь не отменяла²⁸², и убитый становился стражем²⁸³, пусть бестелесным, но при этом — несвободным, не имеющим возможности попасть в потусторонний мир или переродиться. Впрочем, можно допустить, что такое рабство прекращалось по смерти владельца чужого черепа. А может и нет...

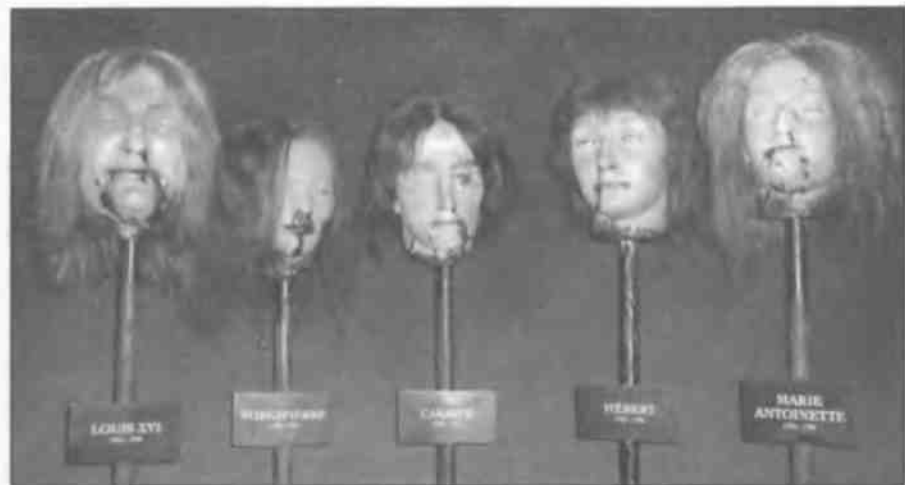
— катализатор бдительности, напоминающий самому воину, что и он смертен, что это его голова могла стать чьим-то трофеем. Такое вот личное *memento mori*, заставляющее подумать о том, как многое зависит от него самого, от его мастерства в ремесле.

Если трофей был личный, то его, после публичной демонстрации на копье, могли продать «скупщику», заказчику, отдать заинтересованному лицу, вернуть родственникам умершего, или же наоборот, оставить при себе в засушенном виде, в виде чаши, возить на коне. Очевидно, что им дорожили, как источником дохода, как памятью о былых временах, как магическим предметом.

Если же трофей имел общественное значение, то только для публичной демонстрации он и был нужен. После того как его все осмотрели на площади, надобность в нем отпадала, актуальность со временем снижалась. Головы могли отдать родне для захоронения, выбросить выгребную яму или оставить потихоньку тлеть на солнцепеке. С другой стороны, тому же царю ничто не мешало голову (без публичной демонстрации) сохранить, как минимум на память о победе, для магии (всё та же чаша) и ворожбы (о беседах с мертвой головой говорилось ранее).

²⁸² Можно вспомнить клятву русов в договоре с Византией: *«Да не имут помощи от Бога, ни от Перуна, да не уцятятся цитами своими, и да посечены будут мечами своими, от стрел и от иного оружия и да будут рабами в этой жизни и в той»*.

²⁸³ *«Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома»* (Геродот. История. IV. 103)

*Головы казненных из музея Тюссо.
От Людовика XVI до Марии-Антуанетты.
Примерно так их и демонстрировали на потеху толпе...*

Любопытной параллелью воинской традиции демонстрировать головы, могут послужить примеры чешской свадьбы. В ходе свадебных потех чехи устраивали потешные «казни»²⁸⁴, вероятно, символизировавшие ритуальную смерть молодых (как минимум, жениха), с последующим их возрождением к новой жизни: *«Петуха торжественно приносили на двор и в присутствии свадебных гостей вершили над ним суд-пародию, обвиняя его в многочисленных грехах — неверности, любви ко всем курам, посещениях чужих дворов и пр.»*, после чего птицу убивали, а тушку готовили к столу²⁸⁵. Нас здесь интересует одна деталь — как поступают с головой птицы. Na Bobkově a v jiných místech kat utne kohoutu mečem hlavu a nabodne ji na svůj meč. — *«в Бобкове и в иных местах палач мечом отсекает петуху голову и натывает ее на свой меч»*; Nakonec utne kat kohoutovi hlavu, kterou nese družička na okrouhlíku; někde nabodne kat kohoutí hlavu na svůj meč. — *«Наконец палач отсекает петуху голову,*

²⁸⁴ Напоминающие «казни» и «похороны» зимы или поста, когда казнили чучело, «контрабас» или малую живность, символизирующую в данном случае провожаемый период.

²⁸⁵ Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. — М.: Наука, 1988, С. 52.

которую невеста несет на блюде; иногда палач **натыкает петушиную голову на свой меч**»; Kat s pacholkem obešli třikrát beránka. Šavle se zableskla — sláva! zaznělo několika hrdly. Hlava na šavli nabodnutá podána katovi, jenž ji nesl do hostince. — «Палач с помощником трижды обошли ягненка. «Сабля заблескала — слава!», зазвучало несколько голосов. **Голова, надетая на сабле, подана палачу, он ее нес в корчму**»²⁸⁶. Перед нами все та же демонстрация головы на оружии, обозначающая одно — «Свершилось!».

²⁸⁶ Čeněk Zibrť. Veselé chvíle v životě lidu českého. Praha, 2006, С. 541, 543, 570.

ВОИНСКАЯ МАГИЯ (2)

Брази ендова всему голова.

(Русская пословица из собрания В. Даля)

Но вернемся назад, к оставленной нами теме символики. Думается, возникающая впоследствии воинская символика в виде мертвых голов (череп и кости) образована на стыке двух обычаев — ношения металлического изображения головы Медузы и сохранения трофея в виде головы побежденного врага. От первого взято исполнение в материале и схематичность, от второго — внешний вид. Предположение можно подкрепить также соображением о неизбежности такой трансформации древних обычаев в условиях развивающегося общества: горгонейоны как языческие символы воинов отживали свой век, а настоящие мертвые головы как часть обмундирования «просвещенная Европа» воспринимать уже не могла. Мертвая голова надолго исчезла из воинского обихода под влиянием христианства (не считая отголосков в виде штандартов и гербов) и возродилась в среде детей Ареса, лишь когда влияние церкви на аристократию пошло на убыль. Весьма кропотливое исследование, посвященное символике черепа в воинской традиции, провел писатель Вольфганг Акунов, разные вариации статьи которого неоднократно издавались²⁸⁷. Основная часть дальнейших примеров заимствована как раз из нее.

Символ мертвой головы в воинской атрибутике дожил до наших дней. Примеры, данные в предыдущей главе, как мне кажется, вполне

²⁸⁷ Акунов В. Смертию смерть поправ. Череп и кости в русской воинской символике. Первоначальный вариант: Сборник трудов Духовно-Рыцарской Академии (выпуск 2, научное издание). — М., 2002; Второй — в московском военно-историческом журнале «Рейтар» № 1 (2003). Третий, переработанный и расширенный, вариант — в материалах XIII Международно-генеалогическо-геральдической научной конференции, под названием «Череп и кости в русской военной символике», в журнале «Гербоведъ» № 64 (2003). Четвертый, значительно переработанный, вариант под названием «Череп и кости в российской военной символике» — в смоленском журнале «Коллекция» № 1 за 2005 г.

показывают, откуда что пошло. Другие исследователи рисуют несколько отличающуюся картину происхождения данного символа. В частности, у В. Акунова имеются малодостоверные упоминания о существовании в Иерусалимском королевстве в 1176 г. рыцарского ордена Благой Смерти, члены которого носили поверх доспеха черные плащи, украшенные белым черепом и скрещенными костями, а также, что в гербе бургундского рыцаря Гуго де Пайна, основателя ордена тамплиеров, было изображение мертвой головы. Ссылается он и на поэму немецкого поэта XV века Гарнира фон Зустерена: «*Видишь, там стоит рыцарь. Его латы чёрного цвета. Его шлем украшен черепом. Его знамя запятнано кровью*». А в состоявшемся в 1572 г. под Серпуховым Молодинском сражении участвовала рать Д.И. Хворостинина, чье знамя, по сведениям В. Акунова, было украшено «адамовой головой». Однако же официальные источники эти данные не подтверждают, в связи с чем приходится относиться к указанным примерам с определенным недоверием.

*Прусский король Фридрих II на масонском собрании
На алтаре лежит человеческий череп*

Возрождение символа мертвой головы в воинском обиходе достоверно прослеживается начиная с середины XVIII в., одновременно с возникновением моды на романтизм с его идеалистической унылостью и кладбищенской грустью (весьма характерно запечатленными в «Поэмах Оссиана» Дж. Макферсона). Военные, исходя из

собственных вкусов и откровенно манерничая, украшали свои мундиры изображениями мертвой головы, заказанными у мастеров. Официально же «символ смерти и бесстрашия» был впервые закреплен в обмундировании прусских гусар, для чего имелись определенные предпосылки. В 1740 г., когда хоронили прусского короля Фридриха-Вильгельма I Гогенцоллерна, похоронный зал был задрапирован черными полотнищами, на которых были вышиты серебром изображения черепов с перекрещенными костями. Возможно, здесь прослеживается масонское влияние. Скажем, его сын, Фридрих II, похороны отца как раз и устраивавший, 14 августа 1738 г. вступил в масонскую ложу. Похоронный зал же был оформлен истинно по-масонски...

Головные уборы прусских гусар

Прусский генерал-фельдмаршал Август фон Макензен

В память о нем в следующем же году были сформированы сначала 1-й, а после и 2-й лейб-гусарские полки, из которых позднее образовали 5-й гусарский полк — «черные гусары», «гусары смерти», «гусары с мертвой головой» (Totenkopfhusaren), как их называли из-за черных с белым цветов формы и знака в виде черепа с костями на головном уборе (мирлитоне). В 1758 г. Фридрих Великий сформировал гусарский полк № 9, который стали именовать «Новые чёрные» или «Der volle Tod». Черная униформа гусар этого полка была похожа на форму полка № 5, но на мирлитоне был изображен уже целый скелет с песочными часами и серпом, к которому добавился поясняющий мертвую символику девиз «Vincere aut mori» («Победа или смерть»). После разгрома Пруссии в 1806 году гусарский полк № 5 был переформирован и на его основе в 1807 году в составе прусской армии вновь появилось два лейб-гусарских полка, № 1 и № 2, которые просуществовали до 1918 года, составляя Лейб-гусарскую бригаду. Гусарскую форму этого образца предпочитали носить и первые лица Пруссии, в частности, кайзер Вильгельм II, принц Фридрих-Сигизмунд и принцесса Виктория-Луиза.

*Германский кайзер Вильгельм II.
Принц Фридрих-Сигизмунд Прусский*

Пруская принцесса Виктория-Луиза

Немногим позже Пруссии, символика мертвой головы появляется и в обмундировании британской королевской армии. Она вводится в 18-м уланском полку как знак памяти по убитому в 1759 г. в квебекском сражении генералу Вольфу. После гибели в 1855 г. британской бригады под Балаклавой (Крым) эмблему усложнили, наложив мертвую голову на фон из скрещенных пик (после их удалили) и снабдив надписью «Or glory» — «(Смерть) или слава». Полк получил прозвище «Death or Glory Boys». В 1769 г. полк перенумеровали на № 17, а 1922 г. его слили с 21-м уланским полком. В 1993 г. 17/21-й полк был слит с 16/5-м Собственным Ее Величества Королевы уланским полком. Символ мертвой головы полк сохранил по сию пору.

1. «Брауншвейгская» мертвая голова
2. Значок британских улан

В герцогстве Брауншвейгском символ мертвой головы появляется на знаменах 17-го Брауншвейгского гусарского полка и 3-го батальона 92-го пехотного полка, боровшихся против французской оккупации 1807–1813 гг. С ним же в качестве своей эмблемы участвовал в битве при Ватерлоо в 1815 г. и знаменитый «Черный легион» герцога Брауншвейгского. Знак несколько отличался от традиционного прусского образца — скрещенные кости были помещены не за черепом, а под ним.

По сведениям В. Акунова, в Российской армии символ мертвой головы появляется в 1812 г. на головных уборах одного из конных

полков Петербургского ополчения, называвшегося «Смертоносным» или «Бессмертным» полком. Приблизительно с указанного времени этот знак начинают использовать гусары Александрийского полка, получившие прозвища «гусары смерти», «черные гусары», «бессмертные гусары».

Только в начале XX в. Николай II официально закрепляет символ мертвой головы в эскадронах Александрийского гусарского полка: полковой значок *«весь чёрный с серебряной Адамовой головой, с рамкой из серебряного гусарского галуна»*. Тут уж гусары развернулись по полной, демонстрируя свой «узаконенный» знак где только можно — от меховых шапок до столовой посуды в Офицерском собрании.

Брауншвейгские гусары

В 1876 г. в сербско-турецкой войне участвовал объединенный русско-черногорский «Легион смерти» под началом поручика Кириллова. Черное знамя легиона было украшено белым черепом с костями. В таком же виде он использовался и в ходе недавней войны, случившейся после развала Югославии.

Помимо александрийцев, символ мертвой головы красовался на тульях фуражек чинов 4-го гусарского Мариупольского полка и служил отличительным символом 17-го Донского («Баклановского»)

казачьего полка. Генерал–лейтенант Бакланов, как пишут, с удовольствием взял образ на вооружение, исходя из того, что он будет внушать ужас кавказским народам, которых ему было поручено покорить. Однако истинный смысл символа поясняют обрамляющие его на знамени слова: *«Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь»*. Заключительные слова христианской молитвы переиначивают символ смерти, подавая его как символ бессмертия. Им воины демонстрировали отсутствие страха перед смертью, бесстрашно идя в сражение.

Александрйские гусары. Акварель Герберта Кнётеля

1. Знак 5-го Гусарского Александрийского Ея И. В. Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка.
2. Флаг казаков-«баклановцев».

Флаг казаков-«баклановцев»

Летчик у своей «пташки»

*Немецкий бронеевтомобиль, на бортах которого нанесена мертвая голова.
Первая мировая война.*

В ходе Первой мировой войны многие армии демонстрировали свою привязанность к символу мертвой головы, изображая его не только в униформе солдат, но и на военной технике. Череп появляется в символике австрийских штурмовых батальонов. В Болгарии вводится орден «За храбрость», имеющий особую степень — «С черепом». В России авиаторов решают поощрять планками, на которых черепами отмечено число сбитых машин врага: золотыми — десятки, серебряными — единицы.

Мертвую голову изображают на бронев автомобилях и касках солдат кайзеровской армии, в частности — штурмовых отрядов, огнемётных рот и танковых батальонов. Немецким огнемётчиком символ мертвой головы был присвоен в 1916 году лично кронпринцем (наследником Германского Императорского престола), как высший знак доблести. Некоторые летчики, например, лейтенант Георг фон Гантельман, носили мертвую голову в качестве собственной эмблемы. Германские и русские летчики рисуют черепа на своих самолетах. Война идет чуть ли не под знаменем мертвой головы!

Но это было, как показало время, только начало. Дальше образ развернулся во всю ширь. Грянул роковой 1917 г. Страна разделилась, вскоре началась интервенция...

В среде белых знак мертвой головы, скорее всего напрямую перенятый у баклановцев, был необычайно популярен. Летом 17-го назначенный Временным правительством на пост Верховного главнокомандующего А. Брусилов подписывает один из своих последних в этом качестве приказ.

8 июля 1917 г.

№ 578

В изменение приказа Верховного Главнокомандующего сего года № 547 в части, касающейся формы одежды, установленной для личного состава частей смерти (ударным частям, формируемым в действующей армии), присвоить таковым форму согласно прилагаемому чертежу на все время войны:

1) *Вместо ранее установленной на фуражке адамовой головы со скрещенными костями — адамову голову, увенчанную лавровым венком, со скрещенными мечами.*

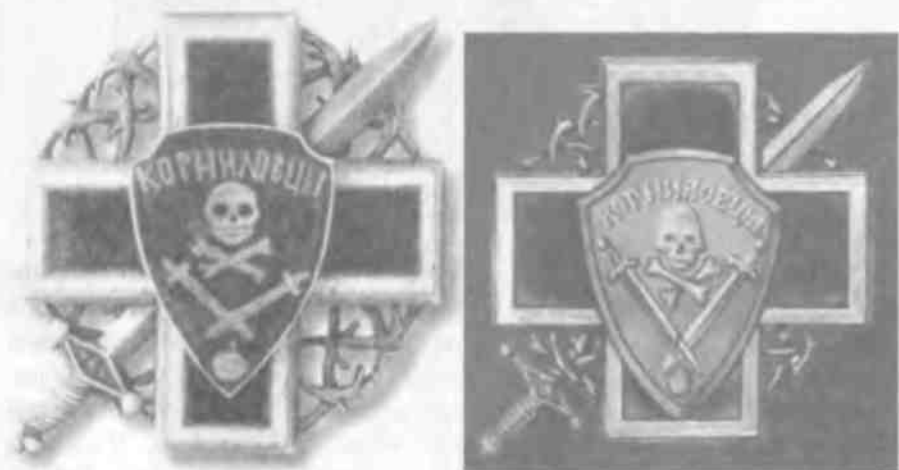
2) *На правом рукаве красно-черный шеврон, нашиваемый углом книзу вершиной у сгиба локтя. Форма одежды революционных батальонов, формируемых из волонтеров тыла и также именуемых*

батальонами смерти, остается указанная в приказе Верховного Главнокомандующего от 13 мая сего года за № 439 (§ 8), т.е. «обмундирование общеармейское, с черным трафаретом на погонах защитного цвета, в виде черепа и двух скрещенных костей».

Подписал: Генерал от кавалерии

Брусилов

Но исполнение его приходится уже на командование Л. Корнилова (31 июля), и символ начинают носить бойцы Корниловского ударного полка. Его изображают на знаменах, фуражках, погонах, нарукавных шевронах добровольцев, словно иллюстрируя девиз корниловцев — «Россия или смерть». Наиболее характерной деталью, помеченной знаком мертвой головы, был жетон: «Жетон серебряный, штампованный и представляет собою копию нарукавной нашивки — эмблемы, носившейся корниловцами на левом рукаве у плеча. Жетон формы гербового щита, в середине которого изображена мертвая голова над двумя скрещенными костями. В верхней части его — дуговая надпись «КОРНИЛОВЦЫ», а в нижней — два поднятых скрещенных меча, между рукоятками — пылающая граната и ниже даты «1917–18». Обратная сторона гладкая, носится на цепочке. Размер 21/2 на 31/2 см».

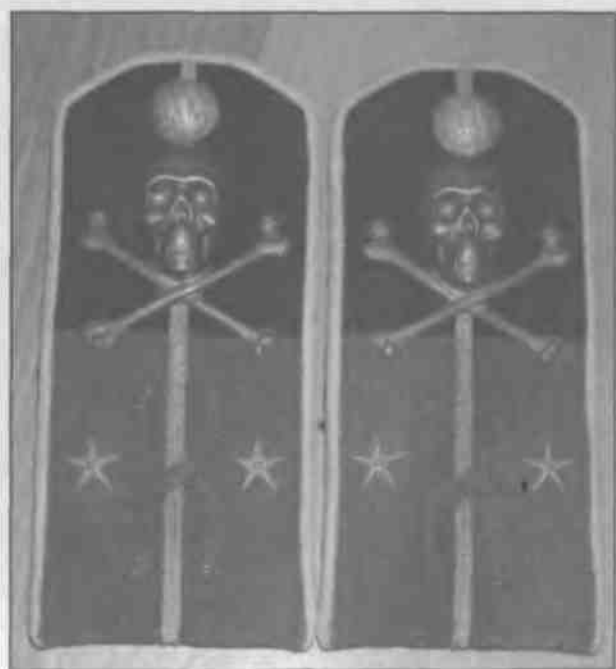
Полковые знаки Корниловского ударного полка
Вооруженных Сил Юга России (позднее — Русской армии генерала барона
Врангеля).

Сам генерал Л. Корнилов говорил своим соратникам: «На ваших руках, — говорил генерал, — нашит символ смерти — череп на скрещенных мечах. Это значит — победа или смерть. Страшна не смерть, страшны позор и бесчестье...». По мнению историка А. Алексева, несколько противоречащему словам Корнилова, используя мертвую голову как свой опознавательный знак, корниловцы «утверждали свою духовную преемственность с давно отошедшими к Богу монахами и подвижниками земли Русской, показывая врагам, что дороже Бога и России нет ничего на свете. Череп с костями на знамени и шевронах русских офицеров означают не готовность тут же умереть, неважно за что, а воинскую доблесть, силу Духа и победу его над смертью».

Знаки Корниловского ударного полка

Помимо корниловцев в среде белых военных было сформировано множество других частей, в чьей атрибутике, от погон с папахами до перстней и нагрудных знаков, была использована мертвая голова. Анненковцы, дроздовцы, бойцы Западной Добровольческой Армии генерала князя Авалова (Бермондта), отряды атамана Булак-Балаховича, донские казаки-гундоровцы, Железная бригада Чехословацкого Корпуса, ударники генерала Гайды, Сибирская штурмовая бригада им. полковника Пепеляева и многие другие...

Корниловские шевроны и погоны

Последними представителями белых войск, кто носил символ мертвой головы, были «белые казаки» 1-й Казачьей Кавалерийской дивизии, позднее XV (XIV) Казачьего Кавалерийского Корпуса генерала Гельмута фон Паннвица и многих других казачьих частей и подразделений в составе германского вермахта, а позднее — и Ваффен СС. Это была уже Вторая мировая война, но казаками она воспринималась как продолжений войны Гражданской...

Двумя годами позже корниловцев, в 1919 г. на Украине появляется полк «Черных запорожцев», кавалерийская часть Украинской народной армии. Воины полка носили шапки с длинными черными шлыками (хвостами), которые обрамлялись черепами. Та же голова украшала и знамена армии Махно, лавировавшего между красными и белыми, как третья сторона. Символ разъяснялся вышитым же на знамени девизом: «Смерть всім, хто на тиришкоді добуття вільності трудовому люду».

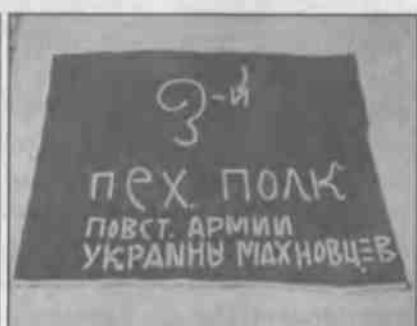
*Первое знамя Корниловского ударного полка.
Адъютант полка поручик князь Ухтомский.*

Ветераны-корниловцы с боевыми знаменами своей дивизии (Париж, 1957 г.).

Красные не остались в стороне от общего настроения. Революционные матросы носили флаги с черепами. Большевицкий литератор Артем Веселый в романе «Россия, кровью умытая» писал: *«В станцию отряд входил под черным знаменем, на котором светлыми шелками были вытканы скрещенные кости, череп, восходящее — похожее на петушиный гребешок — солнце и большими глазастыми буквами грозные слова: СПАСЕНЬЯ НЕТ. КАПИТАЛ ДОЛЖЕН ПОГИБНУТЬ»*. Рассказывая о попытках одесского чекиста вербовать пленных офицеров на советскую службу, старшина Украинской Галицийской Армии Ярич-Запильский описывал: *«У него на отвороте тужурки золотой человеческий череп с двумя костями. Это — знак чрезвычайки»*.

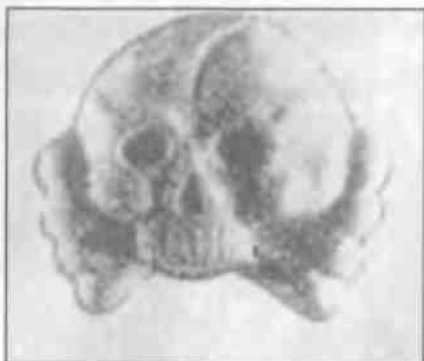
В. Акунов отметил весьма характерную черту. Если белые носили череп как знак готовности пожертвовать своей жизнью на благо родины (на украшенном мёртвой головой знамени «Царскосельского батальона смерти» было написано: *«Лучше смерть, чем гибель Родины»*), то красные тот же символ всегда сочетали с написанными тут же призывами убить кого-то другого («мировую буржуазию», «врагов трудового народа», «контрреволюционеров», «прихвостней старого режима»).

Знамена Армії Н. Махно

*Знак Гундоровского Георгиевского казачьего полка Донской армии.
Знак 3-го Донского казачьего Калединского Георгиевского конного
полка Всевеликого Войска Донского.*

*Знак «Юшунь-Арабат» авиаторов Русской армии генерала барона Врангеля.
«Мертвая голова» — кокарда Железной дивизии майора Йозефа Билюфа,
сражавшейся с большевиками в Прибалтике в 1918—1919 годах, в том числе
в составе русско-немецкой белой монархической Западной Добровольческой
армии князя П. М. Авалова (Бермондта).*

Вернемся из России в Германию.

После 1918 г., когда в Германии началась Ноябрьская революция, мертвая голова появилась на униформе бойцов белых добровольческих корпусов Веймарской Германии — фрейкоров, сражавшихся против немецких большевиков (спартаковцев). В 1923 г. череп избрали своим символом штурмовики Адольфа Гитлера, заложив тем самым основу для целого воинского культа мертвой головы, распространившегося в частях СС. И им было на кого равняться, у кого заимствовать — от прусских гусар²⁸⁸ до кайзеровских огнеметчиков, да и сами штурмовики в изрядной своей части состояли в свое время в фрейкорах. По-первости штурмовики носили кокарды, оставшиеся после войны. Затем на фирме Дешлера была заказана большая партия значков, выполненных в прусском стиле, т.е. без нижней челюсти. Сначала их носили все штурмовики, затем она осталась только у эсэсовцев, которые распевали: «В чёрное мы одеты, в крови мы умыты, мёртвая голова у нас на шлемах. Ура! Ура! Мы непоколебимы!».

Демонстрация советских чекистов под знаком «мертвой головы» по случаю официального начала кампании Красного террора против «мировой буржуазии и ее прихвостней» (Москва, 1918 год).

²⁸⁸ И. Эренбург: «Череп на кепи был навеян полевыми фуражками императорской личной охраны из числа гусаров XIX века».

Революционные матросы с линкора «Петропавловск» в порту Хельсинки (лето 1917 г.).

Немецкий броневик белого контрреволюционного отряда с эмблемой «Мертвая голова». 1919 г.

Казачий добровольческий отряд в составе немецких войск

Знамена белых германских добровольческих корпусов—фрейкоров, сражавшихся против большевиков в Прибалтике.

Горнист и барабанщик СС.

В 1934 г. первые германские танковые части, созданные на базе кавалерийских частей, получают в качестве отличительного символа прусскую мертвую голову. Поэтому в СС была принята на вооружение голова нового типа — с нижней челюстью. Выпускалась она сперва в трех вариантах: повернутая вправо, влево и анфас.

Первоначально такой вариант мертвой головы делали из бронзы с серебряной отделкой, но по мере увеличения численности частей СС на поток поставили более дешевые и простые в изготовлении. Их штампуют из алюминия и различных сплавов цинка, гравировуют на кокарде, вышивают алюминиевой нитью или искусственным шелком и т.п.

Она красовалась на кокардах всех членов СС, петлицах солдат и автомашинах одноименного подразделения СС, а также всех видах головных уборов, перстнях, кинжалах, знаменах, штандартах, вымпелах, барабанах, горнах и прочем. Известны случаи ношения в свободное время чинами частей СС особого назначения (в частности, Лейбштандарта А. Гитлера) штатских костюмов с серебряными галстучными заколками, украшенными мертвой головой.

Мертвую голову, помимо СС, использовали также 5-й кавалерийский полк, 17-й пехотный полк, отряд самообороны «Данциг» (по той причине, что именно в Данциге до 1918 г. квартировали прусские лейб-гусарские полки), части Данцингской береговой артиллерии, 4-й авиагруппы специального назначения и 54-й боевой группы германских военно-воздушных сил (Люфтваффе).

Перстни СС.

Стальной шлем немецкого солдата штурмовых частей. Первая мировая. Фуражка СС с эмблемой образца 1934 г.

Кольца СС с изображением мертвой головы в окружении дубовых листьев, разработанные штандартенфюрером СС К.М. Вилигутом, были учреждены рейхсфюрером Г. Гиммлером 10 апреля 1934 года, и, хотя они не являлись государственной наградой, тем не менее, носить такие кольца считалось более чем почетно. Тем паче, что число избранных изначально было невелико (менее 5000 человек²⁸⁹), и каждое кольцо было именованным — по внутреннему ободку было выгравировано: S.Ib (Seinem lieben — «Моему дорогому»),

²⁸⁹ Но уже к 1939 г. его мог получить любой офицер СС, прослуживший не менее 3 лет. С 1934 по 1944 было выпущено около 14500 колец.

фамилия награжденного, дата вручения и подпись Гимmlера. К кольцу прилагался наградной текст: *«Я награждаю Вас кольцом СС «Мертвая голова». Это кольцо символизирует верность фюреру, наше непреклонное послушание и наше братство и дружбу. Мертвая голова напоминает нам то, что мы должны быть всегда готовы отдать наши жизни во имя блага немецкого народа. Руны напротив мёртвой головы символизируют наше славное прошлое, которое будет восстановлено через национал-социализм. Две зиг-руны символизируют аббревиатуру СС. Свастика и хагалл-руна означают нашу негибкую веру в неизбежную победу нашей философии. Кольцо охватывает дубовый венок, дуб – традиционное немецкое дерево. Кольцо «Мертвая голова» нельзя купить или продать. Это кольцо никогда не должно попасть в руки того, кто не имеет права держать его. Если Вы покинете ряды СС или погибнете, то кольцо должно вернуться к рейхсфюреру СС. Незаконное приобретение или копирование кольца строго запрещено и преследуется по закону. Носите это кольцо с честью! Г. Гимmlер».*

По правилам, кольцо полагалось носить только на безымянном пальце левой руки. А вручали его обычно на церемониях присвоения очередного звания, о чем делались записи в списке командирского состава и личном деле владельца. Если его владелец умирал, то его семья должна была вернуть кольцо в замок Гимmlера в Вевельсбурге. Туда же отправлялись и кольца тех, кто погиб в бою, их полагалась снимать товарищам погибших. Все эти кольца экспонировались в мемориальной выставке, устроенной в Вевельсбурге, который порой называли Schrein des Inhabers des Totenkopfringes — «Гробница владельцев кольца «Мёртвая голова». 17 октября 1944 года поступил приказ прекратить дальнейший выпуск колец до завершения войны. К 1-му января 1945 года 64% выпущенных колец поступило Вевельсбург. А весной того же года Гимmlер распорядился, чтобы все кольца из Вевельсбурга были похоронены горным обвалом. До сих пор не найдены...

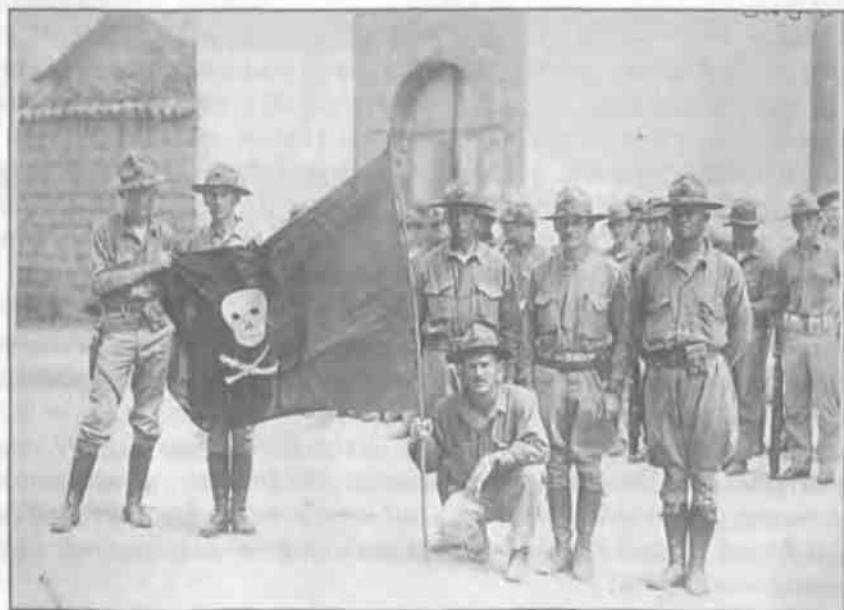
История СС продолжается и сегодня. 18 марта 1992 года правительство Эстонии постановило воссоздать куперьянский отдельный пехотный батальон, эмблемой которого был выбран черный герб с белой окантовкой, где расположены серебристый череп и скрещенные кости...

Так же символ мертвой головы использовали английский подводный флот, отряд телохранителей Муссолини, некоторые

американские отряды особого назначения, польские танкисты, финские кавалеристы, французские полицейские из службы безопасности и много кто еще. Но это уже дальние наследники...

Германская бронетехника. 1939 г.

Американские военные позируют с трофейным флагом сандинистов (ок. 1933).

Флаг сербского националистического движения четников с 1941.

1

2

1. Эмблема сербской монархической Динарской дивизии, сражавшейся на Балканах в 1941–1945 гг. против партизан Тито.

2. Наручная нашивка партизанского батальона Юлиуса Куперьянова, Эстония.

Если вкратце, то общий итог будет таков. Мертвые головы, помимо психологического давления на противника, должны были отвращать смерть на поле боя от воинов, их на себе или при себе (как знамя полка) носящих. Знак вселял уверенность в собственном если не бессмертии, то в неуязвимости, делая воина отчаянно храбрым, бесстрашным. И при этом заставлял ни на минуту не забывать о Смерти, которой он волей-неволей служит, пожиная для нее чужие жизни...

*Напомню, с чего все начиналось для нашего уже времени:
головные уборы прусских гусар.*

ВОЛШЕБНАЯ ЧАША

*Я пил из черепа отца
За правду на земле,
За сказку русского лица
И верный путь во мгле...*
(Кузнецов Ю.)

Человеческий череп по форме своей похож на сосуд — округлая емкость с круглым же отверстием, напоминающим горлышко — что не могло не отразиться в языке и на его использовании. Скажем, не случайно части разбитого горшка называются *черепками*²⁹⁰, а некоторые виды посуды и прямо называются «черепами»²⁹¹. Но не только полный череп наводит на такую ассоциацию: точно так же неким сосудом, емкостью народным сознанием воспринимается и голова вообще (особенно выражение «пустая голова»; а, к примеру, по-немецки череп называется *Hirnschale*, буквально «мозговая чаша»). Это отразилось в фольклоре, о чем мы уже подробно говорили, разбирая закон подобия в начале книги. Можно добавить лишь, что голова в жаргоне — это не только «котелок» и «тыква», но еще и «жбан».

Там же упоминалась и прелюбопытная параллель, которая уводит нас на более глубокий уровень ассоциаций. Сосуд в народной

²⁹⁰ Даль, словарь: «*Черепок* м. черепки, черепочки, черепья, мн., обломок, часть разбитой посуды, иверень, осколок; *черепье* ср. собирают черепичка, черепинка, черепиночка, один черепок, осколок». При чем черепки могут заменять собой посуду: «*Раскольники гостя на черепочках кормят, не дают своей посуды*» (Даль, словарь).

²⁹¹ Даль, словарь: «*Черепушка* ж. плошка, латка, глиняная сковорода, чашка с прямыми, развалистыми краями; глиняная стопка, в которой пекут черепеники», «*Черепник*, посудина, в которой запаривают толченое конопляное семя, для битья масла. *Черепяная* и *щепенная посуда*». Соответственно, «*Черепан* м. вологодск. перм. вят. сиб. горшечник, горшениа, гончар». На фоне «*черепушка*» — и «*голова*», и «*глиняный кувшин, горшок*».

традиции описывается как тулово и даже как человек²⁹², и наилучшим образом об этом свидетельствуют загадки.

«Помер Адам — ни богу, ни нам: ни душа на небо, ни кости в землю».

«Взят от земли, яко же Адам; ввержен в печь огненную, яко три отроки; взят от печи и возложен на колесницу, яко Илия; везен бысть на торжище, яко же Иосиф; ставлен на лобное место и биен по главе, яко же Иисус; возопи великим гласом, и на глас его прииде некая жена, яко же Мария Магдалина, и, купивши его за медницу, принесе домой; но расплакася по своей матери, умре, и доныне его кости лежат не погребены».

«Взят от земли, яко же Адам; посажен на колесницу, яко Илия пророк; ввержен в печь огненную, яко три отрока; брошен в Чермное море, яко же и фараон; кости и составы мои рассыпались; взяв меня, некая жена одела в пестрые ризы, и нача второй век жити».

«Не родился, а взят от земли, как Адам; принял крещение огненное, на одоление вод, питал голодных, надселя, трудясь; под руками баушки-повитухи снова свет увидел; жил на покое до другой смерти, и кости его выкинули на распутье?» (Садовников, № 329, 334, 334 д, 334 ж).

Аналогичный текст известен также в Белоруссии, на Украине, в Сербии, Греции, Румынии:

«Умер Адам, ні богові, ні нам; ні душа до неба, ні кості до землі»²⁹³.

«Сздаде ме Бог ода шта и Адама, свакога напојих и нахраних; а кад умријех, нити ми Бог прими душе, ни земља тијела» — «Создал меня Бог из того же, что и Адама, каждого я напоил и накормил; а когда умер, ни Бог душу не принял, ни земля — тело».

*Εκ υης την πλασιν ωσπερ ο Αδαμє σχον,
πυρικαιστος γεγωνα ωс οι τρεις παιδες
ζωσα μεν εδρωσιса ανθρωπος παντας,
θανουσης δ ουδεις συνηθροισεν οστα μου.*

²⁹² Ср. также параллели: «ломаный горшок — брошенная жена», «девки — посуда аховая; и не увидишь, как разобьется».

²⁹³ Загадки (Бібліотека української усної народної творчості). — К.: Дніпро, 1987, С. 71.

*Из земли я, как Адам, сотворен,
В огненной печи горел, как три отрока,
Пока жил, многих людей напоил,
Умер — никто не собрал костей моих.*

«Аналогичные загадки известны и в восточнороманской традиции; ср. румынскую загадку о глиняной банке, начинающуюся словами «Из глины, как Адам, сотворен...» (Юдин, С. 25).

Н.И. Толстой в своей работе «Византийская загадка в русском, сербском и болгарском фольклоре» делает вывод о заимствовании текста загадки из византийской традиции; собственно, с разговора о заимствовании статья и начинается, с подчеркивания культурного влияния византийской учености, оказанного на русскую культуру. *«Загадка о горшке–Адаме, вероятно, возникла в эпоху Средневековья. Она не является ни общеславянским, ни общебалканским продуктом, а типичным в славянской среде локальным византизмом»* (С. 478). Но так ли это? Не идет ли речь об общем уподоблении человек/сосуд? На наш взгляд, вывод исследователя нуждается в очень жестком уточнении. ТАКАЯ форма загадки, да, действительно могла возникнуть в Средневековье (но и то, не факт), однако символическое сравнение горшка и человека, а также с головой/черепом, много древнее указанного периода, и все предпосылки к существованию указанных текстов загадки о горшке уже были. В Средневековье (?) тексты могли получить современную форму, с привлечением библеизмов, вынужденно проникающих в любые архаичные тексты, ввиду меняющихся условий.

Если же смотреть не на происхождение загадки, а на ее содержание, то получается следующее. С одной стороны, имеют место несомненные библейские аллюзии: горшок сделан из глины — и библейский первочеловек слеплен из нее же²⁹⁴. Но, с другой, присутствующее в текстах имя — Адам — указывает на известный символ «адамова голова» и миф о ПервоБоге, чьей головой стали небеса. Таким образом, появляется независимая от первичных (формальных) ассоциаций связь сосуда/горшка с образом мертвой головы. Имя здесь — маркер, но, несомненно, появление его в тексте загадки — дело позднее. Ср. другой вариант ее же: *«Свет кощей,*

²⁹⁴ *«Имя (Адам, — Б.М.) встречается в распространенных загадках книжного происхождения /.../ построенных на параллелизме «сделанный из глины Богом — Адам, сделанный из глины человеком — горшок» (Юдин, С. 24).*

господин кощей, сто людей кормил, гулять ходил, головку сломил, кости выкинули, и псы не понохали?» (Садавников, № 322 с). Вот уже и не Адам, а Кощей. А в украинских загадках того же типа горшок зовут: «годун–годунец», «чернець–молодець», «горбач» и даже «тато»...

Сравнения сравнениями, но мертвую голову отечественный фольклор предполагает использовать именно как посуду, не без эпико–лирических преувеличений, разумеется. Девушка, оскорбленная тем, что ее соблазнил да бросил (или не берет замуж) ухажер, грозит ему, что придут братья и отомстят ему, а уж она расчленит его тело на кусочки:

*Я велю братьям подстрелить тебя,
Подстрелить тебя, истребить душу.
Из косточек терем выстрою,
Я из ребрышек полы выстелю,
Я из рук, из ног скамью сделаю,
Из головушки ядову солью,
Из суставчиков налью стаканчиков,
Из ясных очей чары винные,
Из твоей крови наварю пива.*

(Новичкова, С. 159)

*Я вилю тебе, каналью, сиреди пути догнать,
Душу с телом потерять.
Из рук, из ног кроватушку смоцну,
Из буйной галавы чашу вытачу,
Из ясных твоих очей чару вызалачу,
Из крови из твоей пива–меду наварю,
Из сала из твою сальных свеч намачу.*

(Киреевский, С. 28)

А вот полный вариант этой песни:

*Я из рук, из ног короватъ смоцну,
Из буйной головы ендову скую,
Из глаз его я чару солью,
Из мяса его пирогов напеку,
А из сала его я свечей налью...
Созову я беседу — подружек своих,
Я подружек своих и сестрицу его;*

Мертвая чаша для живой воды. Габала. Тибет

Загадаю загадку неотгадливую:

Ой, и что таково:

На милом я сижу,

На милаго гляжу,

Я милым подношу,

Милым потчиваю,

А и мил перед мной

Что свечею горить?

Никто той загадки не отгадывает;

Отгадала загадку подружка одна,

Подружка одна, то сестрица его:

— «А я тебе, братец, говаривала:

Не ходи, братец, поздним—поздно,

Поздным—поздно, поздно вечера!»²⁹⁵

Преувеличение, с головой выдающее незнание певца, как сделать описанное, видно уже в глаголах «солюю» (в смысле, «отолью из металла»), «скую». С костью так не поступишь. Певец или певица, передавая архаичный текст, невольно его модернизируют, пытаются перевести нечто, ставшее непонятным, в более-менее воспринимаемое.

Желание героини песни, вызванное пожаром ненависти, хотя и гипертрофировано, но вполне понятно: она хочет не просто смерти неверного, но смерти такой, чтобы тот был стерт с лица земли, чтобы уничтожена была даже память по обидчику. Как он разбил ее сердце, так она желает разрубить его на куски и посрамить, превратив части его тела в мебель, в предметы обихода, просто в вещи. Тем больше позора бывшему ухажеру. Его череп в руках кровожадной девицы превращается в простую посудину — эндову или чашу, из которой она, похоже, собирается пить пиво с медом, сваренные из крови убиенного. Это полное посрамление. По крайней мере, именно так можно думать, если подходить к тексту как к «истории из жизни»...

Однако этим подходы не исчерпываются. Л.Ф. Воеводский приводит мнение исследователя Хомякова, посвященное песням такого рода: «Отрицать ее подлинности нельзя, хотя бы даже она была только местной, но такая же точно песня записана и в других местностях, следовательно, она довольно общая в Великорусской

²⁹⁵ Великорусские народные песни. Т. I. — СПб., 1895, № 162.

земле. Предполагать позднейшее изобретение нет причин, ни по тону, ни по содержанию: окончание загадкой как будто указывает на древность»; Хомяков видит в тексте «изломанную и изуродованную космогоническую повесть, в которой богиня сидит на разбросанных членах убитого ею (также божественного) человекообразного принципа»²⁹⁶. Мысль более чем интересная — подступиться к песне через миф, а не через традиции «жесточкого романа»! Позволю себе уточнить параллелями: индийская Кали, пляшущая на трупе своего супруга Шивы; египетская Изиды, собирающая по всему свету разбросанные останки своего брата и мужа Осириса; греческие менады, убивающие в неистовом шествии своих мужей и сыновей, а потом рыдающие над их телами...

О том, что перед нами миф, свидетельствует чешская сказка, опубликованная Креком в его «Введении в историю славянской словесности» и переизданная Л.Ф. Воеводским. Она представляет собой самую полную версию данного сюжета, причем окончательно становится ясно, что убийство было совершено не героиней истории, и все ее дальнейшие действия с частями тела возлюбленного получают таким образом иную интерпретацию.

«Весть о красоте одной молодой королевны привела ко двору короля много молодых людей, просивших ее руки. Между ними были два королевича, которые особенно понравились ей. Так как она не могла выйти замуж за обоих вместе, то решилась, наконец, в пользу одного из них, другому же отказала. Тот, получив отказ, подумал: «Если бы не было этого другого, то выбор выпал бы на меня. Убью же его, и она будет тогда моею». Сказано — сделано. Однажды, когда любимец королевны охотился в лесу, другой королевич убил его коварным образом. Королевна стала сильно грустить. Но она не показывала виду, решившись отомстить за смерть возлюбленного. Она велела себе на память сделать из черепа убитого чашу (или бокал), красиво оправленную в золото и драгоценные камни; из костей рук его, чтобы постоянно иметь его пред глазами, она велела сделать четыре прекрасных подсвечника; из ног его — ножки стула; а из длинных прекрасных волос его она сама себе сделала пояс, вышитый золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Скоро после

²⁹⁶ Воеводский Л.Ф. Чаши из человеческих черепов и тому подобные примеры утилизации трупа (Этологические и мифологические заметки). — Одесса, 1877.

этого второй королевич обратился к ней со своим предложением и просил не медлить с ответом. «Хорошо, — ответила королева, — приходи завтра на ужин; я загадаю тебе загадку; если тебе удастся отгадать ее, то буду твоей женой; в противоположном же случае ты должен лишиться головы». «Что это за загадка, которой бы я не разгадал?» — подумал про себя королевич, и в следующий день вечером явился. В одной из комнат ужин был уже подан. Королева сидела на своем стуле, опоясанная волосяным поясом, пила из своей чаши, и на столе горели свечи в четырех подсвечниках. После ужина королевич попросил загадать загадку. «Слушай же и отвечай:

*На любви сижу,
На любовь гляжу,
Любовью опоясываюсь,
Из любви пью твое здоровье».*

«Загадка хороша, — говорит королевич, — лучше и быть не может. Садись на мои колена, я обниму тебя руками, смотри мне ласково в глаза и поцелуй меня, и загадка превратится в действительность: твоя любовь — это я». «Твой ответ неверен, — сказала гневно королева, встала и указала на свой стул: — Вот я сижу на ногах моей любви, которую ты убил коварным образом». Указывая поочередно на подсвечники, пояс и чашу, она сказала: «Вот, я смотрю на руки моей любви; вот, пояс из ее прекрасных волос; и вот, из ее черепа я пью твое здоровье. — В отомщение: голова за голову!». Немедленно она созвала своих слуг, которые, схватив королевича, отрубили ему голову. Королева же решила с той поры не выходить ни за кого замуж и осталась весь век незамужнею».

Присмотримся к эпосу героическому. В былинах голову неприятеля хоть и сравнивают с емкостью, хоть и грозятся в таком качестве ее использовать, но нигде далее о таком утилитарном применении речи не идет. Сначала голова демонического противника сравнивается с посудиною: «А и был же Тугарин Змеевич не урост человек: голова—то с пивной котел, глаза—то со пивные ковши, туловище—то со круту гору...» (Сахаров, № 6). Потом богатырь похваляется относительно нее и вскоре привозит обещанное:

*Не сварить вам без меня пивна котла,
Привезу вам голову, вам татарскую!*

Отдавая трофеей, богатырь может предложить использовать его в качестве сосуда, но было ли это приведено в исполнение, былина никогда не описывает:

*Ты ой есь, Владимир стольно-киевской!
Буди нет у тя нынь пивна котла,
Да вот-те Тугаринова буйна голова.*

(Былины 1, № 115)

*Да и сек у Тугарина буйну голову /.../
Да Тугаринову голову да на копьё садил
Да повёз-то ей в стольней Киёв-град
А-й князю Владимиру в подароцьки.
Да привез он ко князю да ко Владимиру,
Да говорит тут Олёшенька Поповиц млад:
«Да уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевьской!
Ты возозьми-тко Тугаринову голову да и в подароцьки —
Да хошь, рубахи буць²⁹⁷ да и пиво вари!»*

(Былины 4, № 109)

Разумеется, из такой головы, что размером с котел, только котел и выйдет, видать даже богатырю не приходит на ум сделать из нее чашу. Известны случаи, когда черепа могли использоваться как сосуды для варки колдовских зелий. В 1324 г. ирландский епископ де Ледреде, желая поживиться за счет имения леди Алисы Кайтелер (Элис Кителер), обвинил ее в ереси и колдовстве. Среди выдвинутых им обвинений было и такое: «Чтобы вызвать любовь и ненависть или убить, или нанести вред людям и животным, они изготавливали порошки и мази из внутренностей жертвенных петухов, «неких ужасных червяков», трав, ногтей мертвых людей, волос, мозга некрещенных детей, вместе сваренных в черепе обезглавленного разбойника на огне из дубовых дров» (Роббинс, С. 207; Киттредж, С. 195). В тибетском ритуале «Чод» мистик совершал поклонение Богине Смерти, в своем воображении рисуя картины того, как Она расчленяет

²⁹⁷ Бучить — мочить. Имеется в виду замачивание в бочке перед стиркой.

и поедает его тело (разновидность инициационного обряда²⁹⁸), причем череп мистика используется как сосуд²⁹⁹.

Исходя из текстов складывается впечатление, что для обычного человека использование черепов в таком качестве — нечто сверхъестественное, в этом есть как минимум элемент неожиданного, чего-то превосходящего обыденность. Обыденностью же такое поведение те же фольклорные тексты считают уделом демонов и связанных с ними людей. Приведенный выше пример о варке зелья в черепе как раз об этом — деяние приписывается колдунье (пусть и мнимой). В немецких описаниях майского шабаша ведьм упоминается музыкант: «*вместо волынки или скрипки он держит лошадиную голову, а дудкою или смычком ему служит то простая палка, то кошачий хвост*», а ведьмы и черти пьют хмельное «*из коровьих копыт и лошадиных черепов*» (Афанасьев 3, С. 474). Тут есть еще одна интересная зацепка — вместо музыкального инструмента шабашник-музыкант использует лошадиную голову, а на Руси музыкальные инструменты традиционно называли «гудебные *сосуды*»...

²⁹⁸ Подробнее о том в: Влх. Богумил. «Волшба Нави». — М.: Велигор, 2009.

²⁹⁹ Эскурсе IV.

Для сравнения с примерами питья из лошадиных черепов можно привести строки якутского эпоса олонхо, где описаны волшебные чаши из черепов, о которых богатырю среднего мира Юрюнг Уолану сообщает Кыыс Кыскыйдаан (Крикливая Дева), шаманка нижних абаасы:

*Под железной лиственницей вековой,
У толстых ее корней,
Темную ты увидишь нору —
Тайный звериный ход.*

...

*По той норе в подземелье спустись.
Там — в одном углу пред тобой
В чашке соболя черепной,
Ярко блеснёт
Живая вода;
А в другом подземелья углу,
В черепе медвежьем, пред тобой,
В затылочной чаше его,
Синим светом тускло блеснёт,
Мёртвая забрежжит вода.*

(Нюргун Боотур Стремительный.
Песнь 4, стих 110)

*Чаша из черепа.
Чаша вместе с «подставкой».*

В белорусской сказке девушка идет в гости к ведьме, представившей ее теткой. По дороге с ней случается странное происшествие: *«Ідзе яна так ідзе, ажно ляжыць чалавечая галава ды кажса: «Дзеўка–дзявіца, руса касіца, куды ты ідзешь?» — «Іду да цёткі з кудзелькаю» — «Не ідзі, — кажса галава, — бог эта не цётка твая, а ведзьма: яна цябе з'есць»* (БНК, С. 394). Ведьма ее спрашивает, что девушка видела по пути: *«Бачыла, бачыла чалавечу голаў»*, — отвечает та. *«Гэта мой гаршчок!»*, — отмахивается ведьма (С. 395). Так использовать мертвую голову для демоницы–людоедки более чем уместно. Ср. описание жилища некой «норушки»: *«Зашла в ограду — там головы валяются. Зашла на мост — в каце³⁰⁰ кровь переливается. Зашла в избу, поглядела в стол — бабьи косы лежат»* (Черных, № 110); у Бабы–Яги *«на дворе стоит в кадке кровь; взошла на крылец — валяются маленькие ребятки; сени заперты рукой; взошла в сени — валяются на полу рука да нога; дверь заперта пальцем; взошла в избу — лежит мохнатая башка»* (Смирнов, № 151).

Тема черепа–чаши отмечена и в скороморошинах–небывальщинах, хотя там это именно что нечто невозможное–небывалое. Персонаж этих историй сочиняет про себя: *«Захотелось мне напиток; влез я в озеро по самую глотку, а почертнуть воды нечем; вот я снял с головы череп да тем и напился», «Вздумалось тогда мне напиток; пришел я к морю, снял череп, зачертнул воды и напился»* (Аф, № 422, 427); *«Ишоў вокыла рякі — речка крутабیرهгая; захател напиток; и с сваей галавы сняў чиряпок, напился палажил чиряпок на галаву»* (Добровольский, С. 468); *«Иду та й іду, коли мені так пить захотилось, а тут и колодезь близко /.../ Зняв я череп и з головы, та и напивсь води, а череп и забув коло колодезя»* (Чубинский 2, Ч. 2. № 13). Это скорее поведение присущее мистикам, о которых речь еще впереди, нежели обычного человека.

Раз уж заговорили о мифах, позволю привести еще пару примеров их. Как общеизвестный факт словари и энциклопедии сообщают, что из черепа демона Вритры Индра сделал себе чашу. Изучение источников, где содержатся описания этой битвы, ни к чему толком не привели. Единственное, что более–менее может быть отнесено к этому вопросу, — не вполне ясная фраза из Риг Веды, из

³⁰⁰ Каца — кадка, бочка.

которой вроде бы следует, что Индра спешит на возлияние священного напитка, взяв с собой голову побежденного противника:

*Ты, о Индра, помог (промчатся) вперед той самой
Колеснице Итата, выжимавшего сому,
Ты услышал призыв жертвователя сомы.*

*Голову бурного Макхи
Ты отделил от кожи.
Ты отправился в дом жертвователя сомы.*
(Риг Веда. X, 171. 1–2. К Индре)

В «Песне о Вёлунде» рассказывается, как шведский конунг Нидуд пленил финна Вёлунда, конунга эльфов, заставив его работать на себя на кузнице. В качестве мести тот убивает двух сыновей Нидуда:

*Головы прочь
отрезал обоим
и под меха
ноги их сунул;
из черенов
чаши он сделал,
вковал в серебро,
послал их Нидуду.*

(Старшая Эда. Песнь о Вёлунде. 24)

В исландской «Саге о Вэльсунгах» описано, как Гудрун, желая отомстить своему мужу, конунгу Атли (Атилле), убила прижитых от него сыновей, и в жареном виде скормила их ему же: *«Конунг тот спросил, где его сыновья. Гудрун отвечает: «Могу тебе сказать и повеселить твое сердце. Ты учинил нам великую обиду, умертвил моих братьев; а теперь выслушай мои слова: потерял ты сыновей своих — и вот черепа их, превращенные в чаши, и сам ты пил их кровь, с вином смешанную; а затем взяла я сердца их и поджарила на вертеле, и ты их съел»* (Сага о Вэльсунгах. XL).

В ирландском сказании о смерти Конала, чья отрубленная голова была увезена врагами как трофей, приводится любопытная подробность. Его череп обладает волшебной силой, которую можно

получить, испив из него, как из чаши. «Три Красных Волка Майртиние из Фир Майге были теми, кто срубил ему голову; они были из Эрне, а жили в доме Айлиля. И срубили они ему голову в отместку за Ку Рои. И в то время как они убивали его, следом приехала Медб. Медб тогда сказала:

*О бледная голова, которую после развязки
Уносят Три Красных Волка Майртиние;
Это лицо героя,
Голова Конала, сына Амаргена.*

Они взяли голову Конала с собой в отместку за Ку Рои, чью голову унесли с собой на север люди Ульстера. И голова осталась на западе. В ней поместились бы четыре годовалых теленка, или четыре человека, играющих в фидхелл, или пара на подстилке. Есть пророчество для людей Ульстера, что ее возьмут еще на юг и прежняя сила придет к ним снова, если они выпьют из нее молоко».

Л.Ф. Воеводский в качестве еще одного примера поэтического упоминания чаши из черепа приводит такой: «Наконец, Гримм цитирует еще слова Рагнара в датской поэме о Краке: «Скоро будем пить пиво из углубления черепов». Речь идет о постскальдической анонимной поэме Krákumál (XII в.), где содержатся строки (25):

*drekkum bjór af bragði
ór bjúgvíðum hausa.*

Современные переводчики разобрались с текстом, придя к неутешительным для Гримма выводам: «В оригинале поэмы есть место, читаемое как «пили мед из гнутых деревьев черепа зверя», т. е. из рогов. Малле (автор «Истории Дании», — Б. М.) не понял кеннинга и заменил зашифрованные в нем рога реальными черепами»³⁰¹. Вариант перевода:

*пьём пиво вкусное
из гнутых деревьев черепов (животных).*³⁰²

³⁰¹ Смирницкая О.А. Софья Свириденко и её «Эдда» // Древнейшие государства Восточной Европы — 1999. — М.: Восточная литература РАН, 2001, комм. 34.

³⁰² Автор перевода — А. Сельницын (Светлояр), которому отдельная благодарность.

Если же перейти от сказок к реальности, то можно увидеть, что черепа в качестве посуды для питья использовались: 1) народом вообще, 2) воинами, 3) мистиками. Каждый класс использовал для своих совершенно не сходных целей разного происхождения черепа.

Простой народ

К услугам мертвой головы как чаши обычные смертные прибегали за исцелением и помощью в различных бедах. Головы, разумеется, были не обычных людей (иначе откуда б сила?), а тех, что в народе почитались за свои прижизненные деяния и посмертные чудеса. От «святых», одним словом. Но представление о силе из черепов куда древнее христианства с его «святыми», выше уже говорилось о волшебном черепе Конала. Обширную подборку примеров этого типа собрал Г.Л. Штрак:

«Я. Гримм в «Geschichte der deutschen Sprache» (стр. 144) пишет: «В Трире у монахов был обделанный в серебро череп св. Теодульфа и из него они давали пить страдающим лихорадкой (Acta Sanctorum, май I, 99–a). Лео фон Розмитель в 1465 году приехал в Neuss: «Там увидели мы, сообщает он, в церкви драгоценный гроб, в нем покоился любимый святой, Квинин, и мы видели его череп; из него нам давали пить». Автор, описывающий одно странствование по святым местам, предпринятое в 570–580 г. после р.х. (Antonini Placentini Itinerarium, сар. 22, Ве 1889, изд. Gildemeistera), описав сионскую церковь в Иерусалиме, продолжает: «Там есть женский монастырь, и в нем я видел украшенный драгоценными камнями человеческий череп, заключенный в золотой футляр; монахини говорят, что он принадлежит мученице Феодосии. Многие пьют из него воду ради благословения (pro benedictione), и я пил также». Rochholz (I, 230) сообщает: «Монастырь бенедиктинцев в честь св. Гумперта в Ансбахе упоминается в источниках с 750, а в 787 г. Карл Великий даровал ему различные вольности; монахи давали живущим вокруг вендским язычникам пить из чудотворного черепа святого; поэтому монастырь стал местом богомолий и дал первый толчок к возникновению будущего города». Когда было выкопано тело св. Анны из Клингнау, то одна больная монахиня пила из ее черепа (Murer, Helvetia Sacra 334b). «Пока сохраняется в Еберсберге в Верхней Баварии обделанный в серебро череп св. Севастьяна и пока из него будет пить освященное вино приходящий туда на богомолье народ,

никогда чума не осмелится появиться в этой местности (Четвертая торжественная проповедь по случаю столетнего юбилея братства св. Севастьяна в Айхахе. Augsburg, 1757, 101). Также в Монастырях св. Нантвейна у Нандесбуха, св. Виталия в Ау на Инне, св. Мартина в Ротте на Инее, св. Альто в Альтмюнстере пить из черепа святого, как из чаши, составляет часть культа»³⁰³. Дают пить и из черепа св. Энгарта, что хранится в Нижнем монастыре в Регенсбурге.

Габала простой отделки. Тибет. XIX в.

Как такие черепа действуют в качестве волшебной чаши, в общем, понятно. В святую голову или чашу, из него изготовленную, наливается питье (вода или вино), которое там освящается само по себе, вбирает в себя чудесные свойства сосуда, которые и передает испившему. Должен быть некоторый продолжительный контакт между вместилищем и субстанцией. Вода должна «настояться» в черепе, уместна даже определенная параллель с алхимическим процессом, когда в котле философа вещество меняет свои свойства, качественно повышает их.

Но известны примеры, когда для исцеления использовался просто череп, неважно кому принадлежавший: «В Ирландии зубную боль лечили двумя способами. Первый из них заключался в том, что

³⁰³ Кровь в верованиях и суевериях человечества. Сборник. Сост. и примеч. Бойков В.Ф. — СПб.: София, 1995, С. 67–68.

больной пил воду из человеческого черепа» (ЭС, С. 161). Этот вариант следует поставить в связь с традиционным лечением по принципу «как не болит у мертвого, так пусть не болит и у живого». Русские заговоры от зубной боли прибегают именно к этой параллели, обыгрывая, в частности, и образ мертвой головы, о чем уже было сказано ранее: *«выйду в чисто поле. Там — две дороги, там — две ростани, там лежит гусарска мертвая голова. Спрошу я у гусарской мертвой головы: «Не болят ли у тебя зубы? Не ципит ли у тебя кости?» — «Не болят у меня зубы, не ципит у меня кости». Так и у (имя рек), не болели бы зубы, не ципили бы зубы»* (РЗЗ, № 1438). Так что перед нами типичная магия, обращающаяся к силе собственно мертвой головы как артефакта. Можно предположить, что лечение зубной и головной болезней при помощи питья из головы «святого» — это более поздняя форма указанного магического метода, развившаяся за счет усложнения — включения компонента святости, подлинной или мнимой.

Помогал череп-чаша не только от зубной боли. *«Пить из черепа самоубийцы /.../ хорошо от эпилепсии»* (Киттредж, С. 192). Древнеримский врач Скрибоний Ларг (I в.), говоря о способах лечения от падучей болезни, упоминает, что *«некоторые пьют в этом случае свою собственную кровь или же принимают в продолжении 30 дней по три ложки (лекарства) из черепа умершего»*. Квинт Серен Самоник (около 200 г.) в своей «Медицинской книге» советует против той же болезни пить дождевую воду, скопившуюся в брошенном черепе человека³⁰⁴.

Воины

Геродот рассказывает о скифах довольно жуткие вещи. Не пересказывая их все, перейдем сразу к мертвым головам. *«С самими же черепами — не всех, но самых ненавистных врагов — они поступают следующим образом: каждый, отпилив часть [черепа] ниже бровей, вычищает его. И если это бедный человек, то, обтянув*

³⁰⁴ Воеводский Л.Ф. Чаши из человеческих черепов и тому подобные примеры утилизации трупа (Этологические и мифологические заметки). — Одесса, 1877. Там же сообщаются следующие примеры: *«Артемон предписал против падучей болезни пить ночью ключевую воду из черепа человека убитого, но не сожженного. Антей же изобрел пилулы, приготовляемые из черепа человека, умерщвленного посредством повешения, — против укушения бешеной собаки»*.

[череп] снаружи только сырой бычьей кожей, он так им и пользуется. Если же это богатый человек, то он обтягивает [череп] сырой бычьей кожей и, **отделав золотом внутри, пользуется им как чашей.** (2) Делают они это и с [черепами] родственников, если у них была с ними тяжба, и если они одержали верх над ними перед царем. Если к [скифу] приходят гости, с которыми он считается, он приносит эти черепа и добавляет при этом, что, будучи ему родственниками, они вступили с ним в войну и что он одержал над ними победу. Они называют это доблестью» (Геродот. История. IV. 65). Утверждают, что именно так поступила скифская (массагетская) царица Томирис с головой Кира II, побежденного ее войсками в 530 г. до н.э.

По свидетельству римского историка Луция Аннея Флора, фригийцы **«пили из человеческих черепов»** (Эпитомы. Кн. I. XXXIX. III. 4).

Есть такое упоминание и у Помпония Мела, только в качестве чаши используют головы не чужих людей, а своих предков: **«Исседоны готовят чаши из голов родителей точно так же, как скифы из голов своих злейших врагов»**³⁰⁵. Это заимствование у Геродота³⁰⁶: **«Исседоны, как говорят, имеют вот такие обычаи: когда у человека умирает отец, все родственники приводят мелкий скот и затем, принеся его в жертву и разрубив мясо на куски, разрезают и тело умершего отца того человека, который их принимает. Смешав все мясо, они устраивают пиришествво. Голову умершего, удалив с нее волосы и очистив, они золотят, а затем пользуются ею как чашей для возлияний при ежегодных больших жертвоприношениях. Сын делает это для отца, подобно тому как эллины справляют поминальный день»** (Геродот. История. IV. 26). Вот только одна проблема — в другом переводе этого же текста ни о каких чашах нет и слова: **«Об обычаях исседонов рассказывают следующее. Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники**

³⁰⁵ Так Л.Ф. Воеводский, судя по всему, переводит фразу: *Pocula ut Essedones parentium, ita inimicissimorum capitibus expoliunt* (Помпоний Мела. Хронография. II. 12). Чуть раньше (II. 8) Помпоний говорит об отделке голов несколько подробнее: *Capita ubi fabre expolivere, auro vincta pro poculis gerunt.*

³⁰⁶ Тем паче что чуть выше Помпоний повторяет все ту же геродотовскую историю, про поедание мяса умершего: *Essedones funera parentium laeti et victimis ac festo coetu familiarium celebrant. Corpora ipsa laniata et caesis pecorum visceribus inmixta epulando consumunt.*

пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубают на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиршество. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят, как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносятся обильные жертвы. Жертвоприношения совершает сын в честь отца, подобно тому, как это происходит на поминальном празднике у эллинов». Согласитесь, две большие разницы...

Данное обыкновение историки единодушно отмечают за кельтами (галлами) и другими «варварскими» народами.

В 216 г. до н.э. кельтское племя бойев разгромило легионы претора Галлии — Луция Постумия Альбинна, убив и его самого: *«Бойи с торжеством внесли его доспехи в храм, наиболее у них почитаемый: с отрубленной головы счистили все мясо и по обычаю своему обделали череп в золото: из него, как из священного сосуда, совершали по праздникам возлияния и пили, как из чаши, жрецы и предстоятели храма»* (Тит Ливий. История. XXIII. 24).

О скордисках (предположительно народе галльского происхождения) Аммиан Марцеллин сообщает, что это «племя некогда суровое и дикое, как свидетельствует древняя история; они приносили пленных в жертву Беллоне и Марсу, с жадностью пили человеческую кровь из обработанных человеческих черепов» (Аммиан Марцеллин. История. XXVII. 4. 4).

Силий Италик в поэме о Пунических войнах мимоходом упоминает о застольном обычае кельтов пить из черепов, опранных в золото.

В 567 г. от руки короля лангобардов Альбоинна пал король гепидов Кунимунд: *«В этом сражении Альбоинн убил Кунимунда, отсек у него голову и приказал из черепа сделать себе бокал. Этот род бокала у них (у лангобардов) называется «скала», а на латинском языке *patera*»* (Павел Диакон. История лангобардов. I. 27).

Я. Гримм пересказывает сообщение из «Баварских древностей» Иоганна Авентина (ум. 1534 г.): *«Черепы убиваемых в сражении неприятельских предводителей и знати они украшали оправой и давали пить из них в праздничные дни тем, кто убил в открытом сражении неприятеля. Это считалось великой милостью и честью. /.../ Сын не смел садиться за один стол с отцом, равным образом*

никому не давали пить из священного неприятельского черепа, прежде чем кто убьет неприятеля в открытом сражении».

Нехорошая история случилась и с головой императора Никифора I Геника (760 – 811 гг.), ставшей кубком болгарского хана Крума³⁰⁷: *«Главу Никифора, отрубивши, Круммос на несколько дней выставил ее вонзенную на кол, напоказ приходящим к нему народам и на поругание. Потом, снявши ее и очистивши череп, обделал его в серебро и, величаясь, заставлял пить из нее славянских начальников»* («Летопись византийца Феофана, от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта», 2. 13); *«Потом же собрался Крум с оставшимися в живых после битвы, напал ночью на царя и не только разбил греков, но и отсек голову самому царю, а череп оковал серебром, наливал в него вино и давал болгарам пить»*³⁰⁸ (Константин Манассия. Летопись).

Среди кочевников этот обычай наблюдается столь ж постоянно. Модэ (Мо Тун, 234–174 до н.э.), правитель (шан–юй) империи Хунну, после того как победил своего врага, китайского императора, отрезал ему голову и сделал из нее пиршественную чашу. Впрочем, проверить эти данные не удалось. Около 177 г. до н.э. сын Модэ — Лао Шан, после того, как победил юэчжей (массагетов), отсек голову побежденному правителю их и также сделал из нее чашу. Из этой самой чаши в 47 г. до н.э. пришлось пить вино представителям китайского императора Юань–ди, приехавшим заключать союз с хуннским правителем Хуханье.

Так же поступили и с черепом великого Святослава, убитого печенегами в 972 г.: *«и нападе на нь князь Печенежскый Куря: и убиша Святослава и взяша главу его, въ лбе его зделаша чашю, оковавши златомъ лобъ его, и пяху из него»* (Типографская летопись)³⁰⁹.

³⁰⁷ Есть вероятность, что данная история могла послужить прообразом для русского летописца, перенесшим ее на отечественную почву, описывая последние дни Святослава.

³⁰⁸ В болгарском переводе любопытнее: *«Крумъ княз окова главъ Никифора цар и напивать здравица блгаромъ»*. Не просто пить, а пить «здравницу».

³⁰⁹ Менее речистые варианты: *«и нападе на ня Куря к(я)нзъ Печенежскыйи, и оубиша С(вя)тослава, и взяша голову его, и во лбе его зделаша чашю, оковавшие лобъ его, и пяху в нема»* (Ипатьевская летопись), *«и нападе Куря, князь Печенежскыйи и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбе его сделаша чашю и пяху изъ неи»* (Новгородская первая летопись), *«и нападе на нь Куря князь Печенежскыйи, и оубиша С(вя)тослава. [и] взяша главу его»*.

В 1071 г. персы убили Торника, владельца Сасуна, что было на руку византийскому полководцу Филартосу Варажунни: *«Торник, невредимый, отправился к себе в крепость, но по дороге один из неверных, скрывавшийся в засаде, внезапно напал и воткнул меч ему в сердце: тот мгновенно умер. Они взяли голову Торника и отправили Филартосу, который велел из нее приготовить чашу для вина, а тело спалить огнем»* (Смбат Спарапет. Летопись).

В 1205 г. в сражении с болгарами гибнет Балдуин I Константинопольский, первый император установившейся на обломках Византии Латинской империи: *«Не зная этого, итальянцы были разбиты скифами, так что и сам император их Балдуин был взят ими в плен и в узах представлен к царю болгарскому Иоанну, который, как сказывают, отрубленную голову его, по варварскому обыкновению, обратил в сосуд, очистив ее внутри и украсив со всех сторон снаружи»* (Георгий Акрополит. Летопись. 13). Как видим, христианство ничего не смогло изменить в воинской традиции. Калоян (Иоанн) хорошо помнил заветы Крума.

В 1217 г., как утверждают, подобную чашу в обиходе болгар видел чешский рыцарь Милогнев, владелец замка Дуб. Пример приведен в статье доктора Дориана Александрова «Ритуални чаши-черепи при древните българи» (2000 г.), где сказано, что текст записан очевидцем. Однако сообщение носит явно литературный характер, а приводимая ссылка указывает на едва ли не популярную литературу — Каменов К. Небето помни протобългарската история. — Варна, 2000. Итак, Милогнев.

«После 1217 г. он присоединился к крестовому походу венгерского короля Андрея II, получил рыцарское посвящение и участвовал в освобождении Святого города. По возвращении через Болгарию войска были разгромлены болгарским царем Иваном Асенем II (121801242 г.). Он пропустил войска через свою землю только после того, как получил в жены Анну, дочь короля Андрея II.

Во время одной охоты Милогнев был тяжело ранен медведем и лечился в доме болгарского боярина Богориса. Его лечила дочь Богориса — Ладика, которая была посвящена в лекарское искусство древних болгар.

и во лбе его съделаша чашю. оковаше лобъ его. и пяху по немъ» (Лаврентьевская летопись).

Однажды, все еще не вставая с постели, чех увидел в комнате одну странную лампу, которая имела форму чаши. На ручке ее были изображены 12 мужей, которые держали в руках полушария — все это было перемешано с причудливыми и неразборчивыми знаками. Первый из мужей был красив, а всякий следующий — немного более уродлив. «Что это за лампа? — спросил Милогнев. — Когда меня мучила лихорадка, мне показалось, что фигуры на ней ожили и что-то мне шептали. Однажды мне приснилось, что они завели некий призрачный танец, а смех их был столь отвратителен, что от ужаса я потерял сознание».

Ладика не раскрыла тайну лампы, потому как она была самым ценным наследством от ее матери, и не имела на то права.

Когда он выздоровел, Милогнев и Богорис были приглашены на праздник к одному из охотников-приятелей болгарина. Все стояли вокруг стола. Вдруг рыцарь с изумлением увидел, что в комнату был внесен «серебряный похар», т.е. чаша, изготовленная из человеческого черепа. Передавая его из рук в руки, каждый из присутствующих отпивал глоток питья из нее. Милогнев был охвачен ужасом и оттолкнул чашу. Присутствовавшие болгары сразу вскочили с обнаженными мечами и угрожали отрезать чеху голову, но Богорис его спас. Он объяснил другим, что Милогнев чужестранец и какие-то болгарские обычаи могут для него выглядеть странными и нелогичными, даже отвратительными. На обратном пути болгарин попытался объяснить, что это большая честь, когда гостю предлагают вино из посеребренного черепа известного противника.

Рыцарь же объяснил, что странная чаша напомнила ему каким-то образом о лампе в комнате. Богорис ему сказал, что мать его жены была потомком знаменитой ведьмы (жрицы) у болгар — Аслы. Лампа принадлежала ей. С ней распоряжались только самые пожилые женщины в доме, которые шептали что-то над пламенем и так общались с духами своих предшественниц...»

История эта больше всего похожа на смешение восточной сказки с известиями о масонских собраниях...

В 1236 г. венгерский монах Юлиан посетил земли мордвы, зафиксировав такой их обычай: «это — язычники и настолько жестокие люди, что у них тот человек, кто не убил многих людей, ни за что не считается; и когда кто-либо идет по дороге, то перед ним несут головы всех убитых им людей, и чем больше голов перед кем

несут, тем выше он ценится. А из голов человеческих они делают чаши и особенно охотно пьют из них» («О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом»).

К слову, еще один любопытный пример связи (пусть и косвенной) между мертвой головой и чашей, тоже относящийся к воинским традициям. Один из военачальников Александра Македонского принес ему на пир свой трофей: «Аристон, предводитель пэонийцев, убил как-то вражеского воина и, показав его голову Александру, сказал: «Такой дар считается у нас достойным золотого кубка» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Александр. 39).

Средневековая чаша.

Современные вариации на тему чаши из мертвой головы.

Питье из чаши, сделанной из черепа побежденного неприятеля, — это еще один из примеров воинской магии. Оно преследовало, по меньшей мере, следующие цели:

— самоутверждение через посрамление противника и после его гибели — еще вчера это был храбрый и могучий воин, а сегодня всего — лишь утварь на столе победителя;

— приобщение к желаемым качествам неприятеля (хитрости, мудрости, военному гению, отваге, силе, наконец) путем прямого контакта с его вместилищем мыслей.

Разумеется, абы чей череп тут пригодиться не мог. И если простой воин мог обойтись чашей из головы такого же воина со стороны противника (хотя чужой вождь несравнимо лучше!), то военный вождь должен был получить для волшебной чаши голову равного себе. Не будем забывать и про чисто эгонистичный момент — в минуты отдыха воителю лестно вспоминать о своих победах, любуясь на чашу-голову поверженного врага, она должна одним лишь своим присутствием напоминать о триумфе. Ничто не мешает владельцу чаши с усмешкой обращаться к голове, демонстративно посярмлять, спрашивая ее — «как ей теперь?», «видит ли она, что делается с ее царством?», или тайным образом (если имелась вера в такую возможность) советоваться с ней.

Мистики

Обычай пользоваться чашей, сделанной из человеческого черепа, практиковали мистики Индии и Тибета, где она назвалась «капала» и «габал» соответственно. Изначально это шиваитская, тантрическая практика. Чаша должна была изготавливаться из черепа, в котором борозды внутри складываются в особые знаки. Тибетский буддизм ввел дополнительные условия: для чаши стал требоваться череп девственника, умершего своей смертью и при жизни не убившего ни одно живое существо. Т. е. предельно чистый череп, голова абсолютного праведника. Помимо этого, он должен быть практически без швов. В связи с трудностью поиска таких черепов, а также ввиду изменившихся условий вообще, сейчас в обиход входят металлические чаши-габала. Однако в Индии, как и во все века ее существования, капала из черепа в ходу даже у самого завалиющего мистика, благо традиции там чтят свято, а к человеческим останкам относятся довольно просто, ибо даже живые говорят о себе: «я не есть это тело».

Изначально никакой особой отделки чаше не полагалось, но со временем украшение становится обязательным. Черепа святых и праведников оправляют в драгоценные металлы — золото и серебро, черепа люда попроще, монахов, к примеру, — в медь. Окантовка кромки чаши обычно исполняется в виде гирлянды из черепов.

Известный бурятский исследователь Г. Цыбиков посетил тибетский монастырь Галдан, где видел местную святыню — череп матери знаменитого буддийского вероучителя, используемый как сосуд: «В этом дацане хранится череп матери Цзонхавы... Он отделан золотом и, обращенный кверху, содержит в себе зерна риса, которые раздаются богомольцам как священные, имеющие силу исцелять болезни. Кроме того, говорят, что эти зерна сами размножаются, почему они очень способствуют обогащению своих владельцев».

На танке (нач. XIX в.), изображающей Ваджрапани Алпачандру, габала помещена у трона Божества, в ней находятся символические обозначения пяти органов чувств, от которых мистик отказывается.

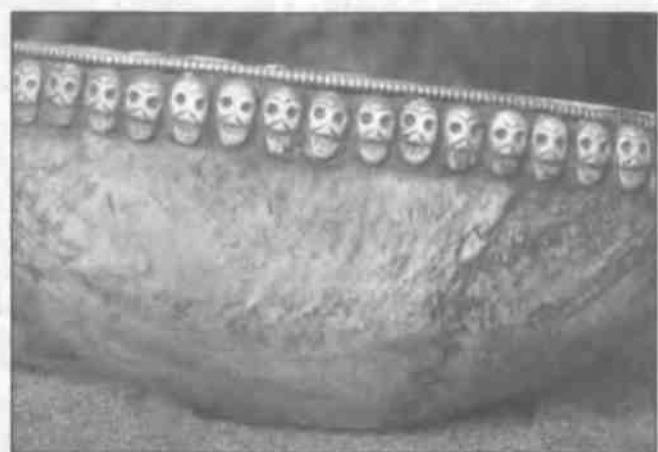
На самой габале, как с внешней, так и с внутренней стороны, может наноситься резное изображение. Ее помещают на треугольной подставке и прикрывают выпуклой металлической крышкой, украшенной орнаментом, ручка крышки выполнена в виде ваджры — оружия Громовержца. Известны варианты, где подставкой под габалу оставляется нижняя часть использованного черепа, также декоративно отделанная. В ходе богослужения в честь грозных Дхармапала (Божеств — защитников веры) в чашу наливают подкрашенную в красный цвет водку, символизирующую кровь.

Габала — один из атрибутов, с которым изображаются многие гневные Божества буддийского пантеона. В руках же мистика, по замыслу, она символизирует погруженность своего владельца в Пустоту, как истинную сущность всего. Чаша входила в целую группу

предметов, которые делали из человеческих костей — флейта, четки; ритуальные барабанчики при этом могли помечать изображениями мертвой головы или вовсе делать из двух половинок черепов. Используя их, мистик отрицал мир, попирая его законы и условности — делал из мертвых тел не просто полезные, но ритуальные, священные вещи. И этим же он одновременно демонстрировал свое пренебрежение и к самой смерти. Мистики через подобное деяние как бы уподобляют себя демонам или гневным Божествам (как посмотреть), для которых подобная утварь обычна.

Ритуальный барабанчик. Тибет

Отделка чаши

Габала на подставке

Европейские мистики использовали черепа скорее как украшающий стол атрибут таинственности (чтобы внушать уважение), для тезиса *memento mori*, и, возможно, для ворожбы. Но никаких чаш. В средневековой Европе, где по-прежнему действовала булла Бонифация VIII, это было бы чересчур. Возможность появляется только в относительно позднее время. Известно о существовании такой чаши у лорда Байрона, отнести которого к мистикам более чем возможно. *«Садовник, — рассказывает Байрон, — копая землю, нашел череп, принадлежавший, вероятно, какому-нибудь веселому монаху ньюстэдского аббатства того времени, когда оно уже перестало быть монастырем. Пораженный его огромностью и тем, что он так хорошо сохранился, я возымел странную мысль сделать из него чашу для вина. Я отправил череп в город, и он возвратился ко мне оттуда отлично отполированный и какого-то пестрого цвета вроде черепахи».* Именно этот случай навеял поэту известное стихотворение «Надпись на кубке из черепа» (1808 г.) в духе типичной эпитафии, заставляющей задуматься читающего о бренности бытия:

*Не пугайся, не думай о духе моем:
Я лишь череп — не страшное слово,
Мертвый череп, в котором — не так, как в живом —
Ничего не таится дурного.*

*Я при жизни, как ты, мог и пить и любить, —
Пусть гниют мои кости до века!
Наливай — ты не можешь меня осквернить:
Червь противнее губ человека.*

*Лучше чудную влагу в себе содержать,
Оживляющий сок виноградин,
И ходить в виде кубка кругом, чем питать
Копошащихся, слизистых гадин.*

*Там, где ум мой блистал, я чуждому уму
Помогу изливаться свободней;
Если мозг наш иссох, то, конечно, ему
Нет замены — вина благородней.*

*Пей, покуда ты жив, а умрешь — может быть,
И тебя из могилы достанут,
И твой череп, как я, кубком будет служить,
Пировать с ним живущие станут.*

*Почему ж и не так? Голове—то иной,
После жизни нелепой, бесплодной,
Умереть и быть кубком — ведь шанс недурной, —
Быть к чему—нибудь путному годным.*

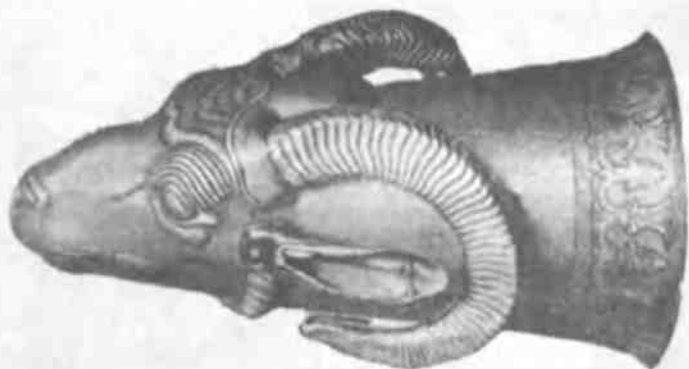
А.С. Пушкин под впечатлением от Байрона написал стихотворение, известное под названиями «Череп» или «Послание к Дельвигу» (1827 г.). В последних строках как раз и обыграна тема чаши из черепа. Впрочем, великий поэт сказал здесь много больше того...

*Прими ж сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай
И скандинавов рай воинской
В пирах домашних воскрешай,
Или как Гамлет—Баратынской
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.*

Золотой ритон в виде львиной головы (Микены). Золотой ритон в виде головы ягненка из Панагюриштского клада (Пловдив). Стеатитовые ритоны в виде головы быка из Малого Дворца в Кноссе (1550–1500 до н.э.).

Серебряный ритон эпохи Ахеменов

Если вы думаете, что это всё, то вы ошибаетесь. Кое-что добавить можно, хотя и коротко. Да и нужно, для общего магического развития.

1. Заменять черепа-чаши на их подобия додумались отнюдь не в Тибете XX в. Уже античность дает огромное число вариаций сосудов, выполненных в виде отделившейся от тела головы. Изначально, судя по отдельным находкам, посуда для ритуального питья выглядела довольно просто, а число моделей для нее было ограничено: из глины делали сосуды с незамысловатым подобием человеческого лица — намечали наиболее характерные детали (глаза, уши, рот); из благородного металла ковали кубки в виде почитаемых зверей, чьи черепа прежде использовались в качестве чаш (быка, барана, льва).

Ритон в виде головы лошади. Аттика. Середина V в. до н.э.

Ритоны в виде голов козла и барана. Атика.

Первые могли использоваться во время мистерий, вторым было место на праздничных пирах.

Когда искусство стало насущной потребностью, на рынок хлынул поток изделий, как придержающихся исходных образцов (голова лошадей и кабанов в том числе), так и являющихся полетом фантазии мастера. Появляются предельно реалистичные изображения голов чуть ли не всех известных животных (например, собак, кабанов, обезьян), головы людей приобретают национальные черты (сосуды в виде голов негров), не почли за святотатство и пользование посудой в виде голов Божеств (Янус, Геракл).

Причем расширилась и функциональность сосудов: теперь в виде голов изготавливают не только ритоны и канфары, но и сосуды для подачи вина к столу (ойнохойя), для хранения парфюма (арибалл)... Ритуал уступает место повседневности, таинство — бытовой практичности.

Пес и кабан

Резонно задаться вопросом: испивая вино из ритонов в виде голов льва или быка, не стремились ли люди почерпнуть их звериной мощи? А если из сосудов, отмеченных ликами Богов — то не Их ли силой хотели обладать? Тогда объяснимо появление головы Геракла, величайшего богатыря Греции.

*Сосуды в виде голов: Геракла, эфиопки, обезьяны, девушки.
Аттика, V в. до н. э.*

2. Мы уже говорили о культе предков и о лицевых урнах, посредством которых этот культ отправлялся. Сосуд в виде головы умершего явно перекликается с темой «голова как посуда», «чаша из черепа», а в магическом смысле между лицевой урной и такой чашей разницы совершенно никакой. Тут символика одного порядка, так что на практике они были бы взаимозаменяемы. Употребляя питье из сосуда, в котором находился прах умершего, точно так же, как и в случае с черепом, можно было символически перенять умения покойного, приобрести к его мудрости, обрести его силу.

3. Определенную пищу для размышлений на эту тему дает и тыква. С одной стороны, она символически уподобляется голове, раз из нее делают волшебную голову-фонарь на Хэллоуин и головы ряженых существ. С другой — тыкву же используют как сосуд. По форме такой сосуд уж если и похож на голову, то только мертвую, на голый и гладкий череп, особенно если от тыквы в качестве чаши взята ее половинка — получается вылитая капала.

Сосуд из тыквы. Хэллоуинский фонарь

Под занавес припомнилось еще одно весьма любопытное применение черепа как волшебного сосуда. В него можно заточить то, от чего желаешь избавиться. Это двойное умерщвление худого — закрыть в черепе, который сам по себе является символом смерти, и закопать в земле (точнее, в болоте), как гроб с заложным покойником. В сказке именно так бедный брат уничтожает одолевавшего его духа нужды (Горе): *«Взял, как схватил ее с плеч-то (она у него на плечах*

сидела). Нашел лошадиную голову — взял ее, посадил туда нужду да в трясику затолоч, и так пошел жить — лучше быть нельзя» (Эрленвейн, № 10).

Заодно можно упомянуть один частный случай, когда сказочник описал местопребывание любви/расположения девицы (по типу смерти Кощея) в такой вот диковинной «шкатулке»: «Есть тут на море дуб, в дубе кобылья голова, а в голове — утка, а в утке — яичко, а в яичке — мое сердцо. Как достанет он его, так я его опять сполюблю...» (Смирнов, № 130).

Хану Круму подносят чашу, изготовленную из черепа императора Никифора I. Миниатюра из Хроники Константина Манасси. 1344–1345 гг.

Глава 7

ВОЛШБА (1)

*Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак.*
(А. Блок «Венеция»)

Магическое использование мертвой головы довольно разнообразно — от магии любовной до магии черной. В данной главе мы рассмотрим частные случаи применения ее в соответствующих разделах. Безусловно, любая подборка является неполной, посему примеры служат не только образцами для подражания, но также и уроками, на которых следует учиться принципам, или лучше сказать — подходам к вопросу.

Любовная магия

Как ни странно, в любви мертвая голова немного помогает, хотя, казалось бы, с чего...

В сборнике «Чародейство, волшебство, знахарство и все русские народные заговоры», имевшем хождение в начале XX в. (М., 1917), приводятся, в частности, такие примеры волшбы мертвой головы: *«Тот человек, который будет носить голову этой птицы (коршуна, — Б.М.) на своей груди, будет всеми очень любим, а также будет иметь полный успех между красивыми женщинами»* (РК, С. 33). Пример поздний, единичный, сомнительный. Проверке не подвергался, но на всякий случай приводится.

Мертвая голова обладает уникальной особенностью наделять своей силой растения, через нее пророщенные³¹⁰. Это не просто соприкосновение, а длительный контакт, когда мертвая кость и живое семечко находятся в своеобразном симбиозе. Одно служит другому инкубатором, откуда вылупляется нечто необычное — живое растение со свойствами мертвой головы. Что может быть волшебней и необычней, чем это?! Мертвая голова, выросшая в другой мертвой голове... Сюрреализм. Череп, словно перламутровый или черепаховый ларчик, скрывает в себе некую диковинку — может,

³¹⁰ Например: *«Наиболее целебным считался базилик, проросший через череп змеи, он был способен избавить даже от эпилепсии»* (СД 1, С. 133).

безделушку, а может, и подлинную драгоценность, как знать. Наше отношение к простым магическим вещам, к которым как раз и относится проросшее через череп растение, может разительно поменяться, когда случится перейти от занимательной книжной теории к действенной практике. Когда безделушка начнет на самом деле влиять на вашу жизнь. Ну а теперь, после небольшого отступления, можно выдать и примеры.

Босния: *«Пойманной до благовещения змее отрубают голову, рассекают ее пополам и разрезают пополам тыквенную семечку. Половину головы и половину семечки кладут по обе стороны дороги так, чтобы между ними прошла девушка, а потом половинки головы и семечки вновь складываются вместе — тогда девушка о любви голову потеряет»* (Гура, С. 329). *«У македонцев зерно гороха, пророщенного через голову змеи /.../ старым девам и холостякам помогает вступить в брак»* (Гура, С. 331). *«Болгары /.../ проращивают из головы змеи, пойманной на благовещение, семена базилика, который потом применяют в любовной магии. Девушки используют такой базилик, чтобы быть привлекательнее. /.../ Мужчины носят его (чеснок, пророщенный через голову змеи, убитой на благовещение, — Б.М.) для приворожения женщин»* (Гура, С. 330–331).

В рукописном сборнике заговоров конца XVIII в. (ГИМ. Собр. Е.В. Барсова. № 2257) приводится «Средство стать невидимым, заслужить любовь женщин и богатство»: *«Чтоб быть невидиму и от женских персон любиму, найди в весну змею и отсеки от нее голову, и положи в голову три горошинки с пятнышками черными, и зарой в землю. И зарывавши говори сие, и вынимавши тое же говори трижды. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.*

Как сырая земля издает плоды, так бы змеинная голова издавая плоды три цвета: желтой, красной, белой. Для знаку света желты, для знаку любви³¹¹ (красны)³¹². Приклоняюсь я, раб Божий имрек, к матере сырой земли и беру и(з) змеинной головы раступившиися три цвета: белой, желтой и красной. Как змея мудреня на свете всех животных, так бы я, раб Божий имрек, мудреня всех был на свете людей. З белым бы цветом был невидим, с желтым бы был богат и с

³¹¹ Так в рукописи.

³¹² Слово добавлено издателем по смыслу.

красным бы бых в любви от женских персон. Сему моему заговору ключ и замок. Аминь» (РЗРИ, С. 528).

Образ мертвой головы — правда, головы необычной и в необычной функции — единственный раз возникает в любовном заговоре-присушке. «Стану я, имярек, благославясь, выйду я /.../ из дверей в двери, из ворот в ворота, на океане-море есть камень, на этом камне есть собачья голова с железными когтями. Выслушайте меня, имярека, о чем я стану просить, о чем я стану говорить...» (Бердяева, № 298). «Металлизированность» отдельных частей тела (когтей, крыльев, зубов, глаз) — это характерный признак представителей потусторонней флоры³¹³ и фауны³¹⁴. Известно, что со времен крещения заговоры стали восприниматься как нечто запретное, сатанинское. Не избежали этого представления и заговоры любовные. Но запрещай — не запрещай, а если у народа есть к чему потребность, он найдет способ ее утолить, пренебрегая запретами властей. Заговоры благополучно выжили, хотя и изрядно «обогатились» грузом чужеродных символов. Немудрено, что в любовных заговорах, раз уж их объявили делом сатанинским, появляются отрицательные персонажи христианской религии — Сатана, Дьявол³¹⁵ (в сниженных вариантах их заменяет привычный черт³¹⁶). Вероятно, разбираемый нами текст возник на границе представлений о магии мертвой головы и участия Сатаны в любовной

³¹³ Ср. загадки о колючих растениях: «Дерево лифанско, сучки митрофански, когти дьявольски», «На поле на тынском стоял дуб сиротинский, когти железные, а лист бумажный» (Митрофанова, № 1845, 1904).

³¹⁴ Заговоры: «и еще летят с небеси птицы железныя, а ногти у них медныя, а зубы булатныя, и посланы от Господа, посланы съ небеси от самаго Господа, Царя небеснаго» (Ефименко, С. 151); «В чистом поле есть синий камень, на синем камне окян черный кот зубы железны, глаза оловяны» (ТРМ, № 396).

³¹⁵ «Сидит на печи Сатана и диавол, я покорюсь и поклонюсь», «К самому царю Сатане», «Во имя Сатаны и судьи его демона, почтенного демона Пилатата игемона. /.../ Гой еси ты, государь Сатана!», «прошу теб, адски Боже» (Отреченное, С. 133, 160, 165, 171), «Помолюсь и покорюсь самому Сатане» (РЗК, № 33; а также № 46, 64, 65, 67); в белорусской присушке обнаруживается некий «сатанин» (Замовы, № 1305). Сюда же следует прибавить и такие фигуры, как «бес Калдун» (Замовы, № 1289), «бес Салчак», «толстая баба, сатанина угодница», «царица Соломия» (Майков, № 16, 24, 28).

³¹⁶ Напр.: Полесские, № 952.

волшеб. В итоге получился такой колоритный центральный субъект заговора, в котором сочетается целый ряд отрицательных/потусторонних черт. Это: 1) мертвая голова; 2) она занимает место Сатаны/Люцифера; 3) голова нечистого животного — собаки; 4) снабжена демоническим атрибутом — железными когтями.

Черная магия

Нанесение вреда своему недоброжелателю — естественное желание большинства людей. Практически безнаказанным можно остаться, если прибегнуть к магическим приемам. Мертвая голова как символ смерти наиболее уместна в делах такого рода. Не только магически, но и психологически. Ваш «гостинец» неприятель рано или поздно может обнаружить, представляете, что он при этом будет чувствовать?! А вот землицу с семи могил, заботливо вами собранную в полнолуние, он при всем желании от обычной пригоршни почвы отличить не сумеет. Так что атака должна быть произведена по всем фронтам.

Для порчи скота в хлеву закапывали **конскую голову** (Гура, С. 165)³¹⁷. Уместно сравнить с обыкновением защищать свой скот при помощи той же конской головы (Соколова, С. 258). Применение диаметрально противоположное: неприятель — тайком — зарывает — для уничтожения; сам владелец — явно — выставляет на общее обозрение — для сохранения. Т.е. действие от обратного.

«Безумие бывает следствием /.../ специально насылаемой порчи: забивания зуба бороны в угол дома, закапывания под него петушиной головы» (СД 1, С. 148).

Череп с кладбища в колодец на дворе кому бросить — в семье разлад будет, разойдутся, как воды изопьют.

В Полесье *«подмешивают кому-либо в питье тертого сушеного гороха, который был специально выращен из горошины, вложенной в*

³¹⁷ Сюда же стоит отнести менее выразительные примеры: *«Чтобы вызвать болезнь и падеж скота /.../. Закапывают во дворе шкуру и кости палой скотины (Арзамасский у.)»*; в рассказе из Воронежской губ. описан совет, как наказать вредного коннозаводчика, проданные которым кони постоянно дохли: *«ободрать шкуру с дохлой лошади и, не отрезая головы, зарыть в землю в избе под образами»*, в результате колдун-коннозаводчик был вынужден прийти с просьбой о помиловании, а все его лошади пали (Никитина, С. 195, 197).

пасть убитой змеи, — человек, отведавший такого питья, будет сохнуть» (Гура, С. 331).

*Череп для ритуалов черной магии
в свободной интернет-продаже*

«Можно наслать болезнь, закопав горшок с горохом под дикой грушей в период убывания луны: у человека будет столько чирьев, сколько горошин в горшке (чеш.)» (СД 1, С. 525).

В исландской «Саге об Эдиле» герой берет жердь из орешника, насаживает на нее мертвую голову животного и произносит заклятие: *«Я воздвигаю здесь эту жердь и посылаю проклятие конунгу Эйрику и его жене Гуннхильд, — он повернул лошадиный череп в сторону материка, — Я посылаю проклятие духам, которые населяют эту страну, чтобы они все блуждали без дороги и не нашли себе покоя, пока они не изгонят конунга Эйрика и Гуннхильд из Норвегии. Потом он всадил жердь в расщелину скалы и оставил ее там. Он повернул лошадиный череп в сторону материка, а на жерди вырезал рунами сказанное им заклятие»³¹⁸.*

По народным представлениям, «Неделя» (образ Богини судьбы) ходит по домам, и там, где нарушают запрет на работу в ее дни, карает смертью, подбрасывая в дома **конские головы** (Нар Библ, С. 95).

О способе порчи мертвой головой упоминают былички. Импотенция, к примеру, получалась так: *«Вот один парень женился.*

³¹⁸ Исландские саги. — М., 1956, С. 182.

Первая ночь прошла, у них ничего не получилось: кто-то, вишь, петушиную голову с иглою под порог бросил. От этого и ослабел. /.../ У петуха-то гребень не стоит, лежит. Все у него распухло» (ВФ, № 270). Я. Полонский в своих воспоминаниях рассказывает о случае из детства. Как-то раз его уложили спать, но когда он вскоре открыл глаза, ему привиделось, будто у его ног копошится что-то мохнатое и ужасное, вроде косматой головы. Он закричал диким криком: «Мертвая голова! Мертвая голова!» Няньки тотчас смекнули — ребенка сглазили, и «умыли его с уголька», после чего испуг прекратился. Сглаз сглазом, но, скорее всего, ему подсунули какой-либо из вариантов мертвой головы, припрятав его в районе кровати. В воронежской быличке рассказывается, как в одной семье происходили страшные ссоры, при этом *«часто около своего дома они находили голову отрубленной черной курицы»* (ББК, № 108).

Если хотят наслать несчастья молодым, *«то разбиваюць удруз гарничок перад вясельным поездам, калі ён вяртаецца пасля вячання маладых»* (БНВ, С. 52).

Лишний раз напомним, что примерами тема не исчерпывается, ибо — нет предела совершенству. В плане использования мертвой головы в черной магии есть где развернуться. Даже просто подбросить козлиную голову под дверь неприятелю без всяких слов и обрядов — уже немало!

Мертвящая сила головы Медузы Горгоны общеизвестна, и это тоже можно отнести к примерам черной магии. Из того же ряда кельтские предания о голове Балора и украинские о шелудивом Буняке. Уничтожение противника при помощи магии мертвой головы ни к чему другому не припишешь. Если отвлечься от мифологической составляющей, то использование Василисой подаренной Ягою мертвой головы для наказания своей злой родни тем более похоже на черный обряд, пусть даже и проведенный спонтанно, без подготовки, на силе одного лишь артефакта. О том же и «мужской вариант». Герой сказки по простоте душевной упустил из рук все магические предметы, дарованные ему волшебным помощником; самым последним из даров он получает тыкву: *«юноша бросил к ногам царя тыкву и крикнул: «Эй, выходи из тыквы!» Выскочили из тыквы люди с палками и принялись бить царя и придворных»* (Нижегородские сказки, С. 176).

Как черное магическое действие сработало неосторожное обращение с находкой отделенной от тела головы: *«В те дни*

усилилась и ранее встречавшаяся в ромейской империи, уничтожавшая быков вредоносная чумная болезнь, называемая «краврой». Говорят, что начало этой болезни относится еще ко дням Романа Старшего. Когда вблизи цистерны Быка Роман приказал построить дворец, чтобы он мог там прохладиться от летней жары, во время закладки фундамента, говорят, нашли **мраморную голову быка**, которую нашедшие работники разбили на множество частей и бросили в известковую печь. И с той поры вплоть до нашего времени не перестает повсюду на земле, где распространяется власть ромеев, [эта чума] уничтожать стада быков» (Иоанн Скилица. Обзорение историй).

Охотничья магия

Идучи чинить смерть лесному зверю и птице, в принципе, логично прибегнуть к магии мертвой головы. Смерть от смерти. По сути, черная магия.

*«Карпатские украинцы и поляки Малопольши считают, что если воткнуть жало или **голову ядовитой змеи** в ствол ружья, то оно получит особую силу и будет стрелять без промаха», «У южных славян тоже заряжают ружье **змеиной головой**, чтобы рана от выстрела была тяжелее» (Гура, С. 329).*

*«**Адамова голова**, так называется трава, ею окуривают пленицы и силки, которыми ловят диких уток, но сие окуривание должно быть в великий четверг, а иначе по мнению суеверов окуривание сие будет недействительно, и силки не будут ловки» (Чулков, С. 2). «**Адамовой головой**» рыболовы и охотники окуривают в чистый четверг свои сети и силки, чтобы ловля была успешная; окуривают этой травой и ружья, чтобы они не портились и давали бы меткие выстрелы» (Афанасьев 2, С. 412)³¹⁹.*

Впрочем, использование мертвой головы охотниками могло обойтись и без обращения к ее смертоносной стороне. «Чтобы быть невидимым и неслышимым на охоте, браконьеры в четверг, пятницу

³¹⁹ Ср. «заговор на рыбную ловлю», в котором фигурирует образ некой «Адамовой травы», помещенной в руки небесных помощников: «и здесь святые апостолы Петр и Павел и держат во правых руках **Адамов крест, цвет и траву**, и золотые ключи, и дают нам, рыболовам /.../ для ради сохранения нашей рыбной ловли, для красной рыбы семги, и белой рыбы, рака и цуки и прочих разных, всех белых рыб» (Майков, № 321).

и субботу на страстной неделе вкладывали по одной горошине в глазные отверстия и челюсть змеи, закапывали череп, прикрывали камнем. Из боковых побегов выросшего гороха слетали венок и надевали его под шапку, а в рот клали горох, проросший через челюсть змеи (чеш.)» (СД I, С. 525).

Кали со связкой трофеев

Тайное знание

Мне известны два типа искания такого знания/умения при помощи мертвой головы. Это магическое вызывание потусторонних сил с целью завести с ними более близкое знакомство. А также приобретение способности понимать язык животного мира.

О первом в один голос твердят рукописные травники, описывая траву «Адамова голова»: «Трава Адамова-глава. /.../ Кто тую траву носить при себе, тотъ узритъ своего супостата, и еретика, и дiавола» (Самолечение, С. 395); «Есть трава именем Адамова голова /.../ а похочет человек дiавола увидеть или еретика, корень той травы освяти водою, положи на престол и держи до сорока»

дней, пройдут те дни, носи у сердца, воздушных и водяных увидишь» (Ипполитова, С. 399); «Есть трава Адамова глава /.../ А кто хочет дьявола видеть или еретика, и тот корень возьми водой освяти и положи на престол и незамай 40 дней, и те дни пройдут, носи при себе — узриши водяных и воздушных демонов» (Часовникова, С. 97–98). «Есть трава Адамова голова /.../ А кто хочет дьявола увидеть, то корень той травы освяти богоявленской водой, и положи в церкви на престол и не движжи 40 дней, как пройдут те дни, возложи себе на главу в чистой платке, и ты узриши темнообразных, и водных, и домовых, и лесовых, и дьявола» (Забивкин, С. 13).

Комбинированный прием также работает. «Украинцы Закарпатья считают, что если положить под шапку перья чеснока, выросшего из головы змеи, то можно будет увидеть ведьм в толпе прихожан, выходящих из церкви. Использование пророченного таким образом чеснока для распознавания ведьм известно и у южных славян. Для того на Благовещение, на пасху или в Петров день идут в церковь с пером или долькой такого чеснока, которые затыкают за шапку, зашивают в пояс, в амулет, или кладут под язык. В Далмации с той же целью за шапку затыкают цветок гороха, выращенного таким же способом. По поверью сербов, человек имеющий при себе чеснок, проращенный через змеиную голову, может увидеть черта, будучи невидимым для него» (Гура, С. 331). «болгары /.../ считали, что увидеть дьявола и других демонов можно с помощью базилика, который на Благовещение был посажен в землю и пророс через череп убитой змеи»; «Босорок, выходящих из церкви, можно увидеть, имея при себе перья чеснока, проросшего через змеиную голову, закопанную в землю»; «пророщенный через голову змеи лук (чеснок, горох) клали под шапку (под язык), чтобы заставить веицу прийти» (СД 1, С. 131, 241, 367). «В Сербии существует поверье: если перед Благовещением убить змею, посадить и вырастить в ее голове луковицу чеснока, потом привязать этот чеснок к шапке, а шапку надеть на голову, то все ведьмы сбегутся и станут отымать его» (Афанасьев 2, С. 570).

Точно так же данная комбинация работает для открытия ищущему языка животного мира и тайных помыслов людей: «если у белой змеи отсечь голову и вложить в ее правый глаз горошину, то вырастет чудесный стручок; кто станет носить его при себе, тот будет невидимкою, а кто съест его, тот будет понимать язык птиц» (Афанасьев 2, С. 570). «Чехи верят, что человек, съевший

стручок гороха, выращенного из головы змеи, будет понимать разговор гусей» (Гура, С. 331). «Горох, как и некоторые другие растения (базилик, чеснок, гречиха), проросший через **голову** (или тело) убитой весной **змеи**, обладает чудодейственной силой. Цветок такого гороха, собранный в полночь или в полдень и положенный в восковом шарике в рот, помогает узнать, что у каждого на уме (рус.); кто съест первый стручок такого гороха, приобретает способность понимать язык гусей (чеш.)» (СД 1, С. 525). В данном случае применение одного лишь змеиною черепа имеет объяснение: змея — это не только символ смерти, коварства и подлости, но также и мудрости. Нечеловеческой, правда...

Имеется и еще одно описание, как стать невидимкой — для этого всего лишь нужно завладеть чудо-шапкой, принадлежащей лешему. К сожалению, описание мало того что не подробное, но и подчеркнуто защищенное от дураков: «*Чтобы добыть такую шапку, нужно перед днем Ивана Купалы найти цветок «Иванова головка» и положить его на сорок дней в церкви на престол, после этого с его помощью можно будет увидеть лешего, сорвать с него шапку и надеть на себя»* (СД 3, С. 390).

Исцеление

Магическое исцеление в определенном смысле похоже на применение оберегов. Что использовать мертвую голову, дабы не допустить до жилья демонов хворей, что изгонять их из дома или из тела, — на деле выглядит одинаково. Единственно, что у растительных вариантов мертвой головы (а также отдельных животных ее воплощений) имеется еще и медикаментозное влияние, и тут уже нужно отделять волшбу от знахарства.

В Хорватии «*больной лихорадкой должен напиться воды через змеиную голову, отрезанную перед Юрьевым днем двадцатикрепцеровой монетой»* (Гура, С. 356). «*Высушенная голова первой уиденной весной и убитой гадюки, если ее повесить на шею, излечивала любую лихорадку»* (РДС, С. 120). «*Когда увидишь весной первую гадюку, отруби у нея голову, которую и засуши. Голова гадюки, повешенная на шею хотя на один день, излечивает какую угодно лихорадку»*³²⁰.

³²⁰ Харламов М. Суеверия, поверья, приметы, заговоры, собранные в г. Ейске // СМОМПК. — Тифлис, 1901. Вып. 29, С. 28.

«От лихорадки: положить под изголовье больного лошадиную голову (т. е. череп)» (Даль). «В лихорадках, кладут под подушку больного лошадиную голову»³²¹. «в Мекленбурге (в некогда славянском селении?) кладут конскую голову под подушку больного» (Потебня, С. 499). Для избавления от лихорадки «конскую голову кладут под подушку больного лихорадкою» (Зеленин КВОР, С. 295). «В Виленской губ. хворые выносят этот череп (лошадиный, — Б.М.), вместе с кочергою, на перекресток и оставляют там — в надежде избавиться чрез то от лихорадки» (Афанасьев 1, С. 635). «В Голландии вешают лошадиную голову в свиных хлевах, а в Мекленбурге кладут ее под подушку больного» (Афанасьев 1, С. 637).

В Сербии для излечения от лихорадки больной выходил после захода солнца с печеной головкой чеснока, смотрел туда, где горит огонь, и говорил: *Onde vatra gori, onda vila sina ženi i zove mene na svadbu, ja ne mogu da idem, nego šaljet groznicu i lukovu glavicu*, затем бросал луковицу и входил в дом (Усачева, С. 275).

Для излечения от бешенства «проходили трижды между двумя половинками рассеченной головы бешеной собаки (серб.)» (СД 1, С. 176).

«Болгары в святочные дни резали на пороге дома черного петуха. /.../ Петуха потом съедали, а голову его берегли как лекарство от насморка (Плевенский окр.)» (СД 1, С. 385). Болгары в день Евфимия режут черных кур, готовят их с рисом и раздают соседям — «от болезней», а головы хранят и используют как лекарство от лихорадки и сыпи, а знахари — для снятия сглаза со скота (Попов 2009, С. 178).

«О(т) гризи вдоводу голову при себе носи»³²². Заметку эту можно принять и за оберег от грыжи вообще. Удод — та еще птица, запах ее кого и что угодно прогонит прочь...

В трактате Альберта Великого «О чудесах мира» предлагается такой рецепт: «если козлиную голову повесить на того, кто страдает свиной оспой, это его исцелит»³²³.

В городе Котельнич Вятской губ. в Семик проводился молебен по воинам, «павшим в сече с новгородскими выходцами». Так вот,

³²¹ Доброзраков М. Село Ульяновка Нижегородской губернии Лукояновского уезда. // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским Географическим Обществом. Вып 1. — СПб., 1853.

³²² Редкие источники по истории России. Древнерусский лечебник. Под ред. А.А. Новосельского и Л.Н. Пушкарева. — М., 1977, С. 98.

³²³ Книга тайн. Секреты мастерства. — СПб.: Азбука-классика, 2007, С. 66.

«черепам тех же воинов приписывалась врачевная сила» (Зеленин КВОР, С. 276).

Для наилучшего воздействия (или «усвоения») мертвая голова в ходе обряда может полностью разрушаться, вплоть до порошкообразного состояния. Такое лишение ее изначальной формы никак не влияет на силу магического предмета, что подтверждается и сказками, где девица беременеет от порошка, в который перегорела мертвая голова (Караджич, С. 432; Аф. № 143). В Витебской губ., чтобы у ребенка быстрее прорезались зубы, давали ему *«носить на шее мешочек с мышьиной головой, оторванной у живой мыши и истертой в порошок»* (Гура, С. 414). Рязань: *«Большого чесоткой натирают пеплом от сожженной головы мыши»* (Гура, С. 415). *«Толченый череп помогает от припадков»* (Киттредж, С. 192). Болгары *«лечат эпилепсию пеплом от сожженной головы ворона, который дают с водой пить больному»* (Гура, С. 541). *«Сербы на св. Мартина (11 ноября) в честь волка режут курицу на пороге дома. Македонцы для защиты скота от волка в канун Мартинской недели рубят на пороге дома голову черной курице, окропляют ее кровью порог или рисуют ее головой кровавый крест над дверями. Обезглавленную курицу оставляют здесь же на всю ночь, утром оципывают и съедают... Потом источенную куриную голову дают с солью съесть скоту»* (Гура, С. 149). *«Человеческие черепа, растертые в порошок, рекомендовались также для излечения эпилепсии»* (ЭС, С. 204).

«Если мох, который вырос на человеческом черепе, высушить, истолочь в порошок и принимать, как нюхательный табак, то он снимет любую головную боль» (ЭС, С. 94). *«В различных районах Болгарии магические свойства приписываются и другим растениям, выращенным таким же способом (через голову убитой змеи, — Б.М.): /.../ пшеница полезна для больного скота»* (Гура, С. 331)

Современный рецепт от недержания мочи, ссылающийся на народную медицину: *«взять иучью голову, хорошо вымыть, высушить, истолочь в порошок. Потом заварить весь порошок в стакане кипятка, охладить 20 минут и выпить сразу».*

Трава «Адамова голова» используется для лечения ран и порчи, причем и во втором случае она используется, несомненно, как лекарственное средство. *«Есть трава на сем свете именов адамова голова /.../ а угода она к тому, ко(торый) человек спорчен злою порчею смердною, и пить, утопивши с укъсусом и с пострелом с*

травою, и тот день здоров будет», «Есть трава Адамова Голова /.../ А угодна та трава, которой человек порчен злою порчею, дать пить, утопя в уксусе с травою прострелом на исходе, тот час здоров будет» (Отреченное, С. 425–426, 446). «Трава адамова голова /.../ Угодна она от порчи смертной, утопивши в уксусе, с прострелом пить, тот человек будет здоров» (Ипполитова, С. 399). «Есть трава именем Адамова голова /.../ Которой человек порчен, дай ему пить, изблюет вскоре /.../ или кто сечен и ранен, приложи к раны, заживет в три дня» (Ипполитова, С. 399). «Есть трава Адамова голова /.../ И принесет та трава в дом радость и счастье, и который человек порчен, дай ему пить, вылечится в тот час; /.../ Если кто ранен или сечен то приложи ту траву, и заживет тело в 3 дня» (Забивкин, С. 13). «Есть трава Адамова глава /.../ И принеси ту траву в дом свой, который человек порчен, и кто портил, дай пить, и того обличит; /.../ А когда кто ранен или сечен — приложи к ране, в три дня заживет» (Часовникова, С. 97–98). В последнем примере, тем не менее, просматривается момент волшебства — порченный после применения травы может огласить имя того, кто его сглазил.

«Адам-голову» (крестовник болотный, *Senecio paluster*) «напят и сушут от печенки ли, от желудка ли» (Коновалова, С. 17). Более подробно рассматривать лекарственное применение трав, известных под именами мертвых голов, необходимости нет, благо всевозможных травников издано более чем достаточно. Довольно будет двух примеров, характеризующих этот аспект: одного — записанного из уст информатора, другого — извлеченного из рукописного лечебника. Растение «Иван головастый» (чистец болотный, *Stachys palustris*) бросают в огонь, чтобы отогнать гнус, а также пьют от ангины (Коновалова, С. 94). «Макъ зим(ъ)но и мокро, мае(т) тую моц(ъ): стерши его, уделити млеко и муки з ярои [п]ишенице и тое змешати, яко кашу, и тое исти порану и вечеръ за три дни. Ес[т]ь то лекарство, который не спятъ и которымъ мозокъ высыхаетъ. [2] моцъ: котрыи шалею(т) и розумъ утрачають, натер(ъ)ши маку з виномъ и з семене(м) блекотовы(м), прівяжи на голову, тое чинівши, тое оуврачуєть. [3] моцъ: кто наце молоко маковое вие[с]тъ, сер(д)це болячее оуврачуєть»³²⁴.

³²⁴ Лікарські та гоподарські порадики XVIII ст. (Серія: Пам'ятки української мови). — К.: Наукова думка, 1984.

Вербальное появление мертвой головы оказывает такое же воздействие, что и настоящий артефакт. Слово произнесенное есть действие. Принцип в лечебных заговорах простой: мертвая голова не испытывает никаких болей, она просто не может ничем болеть, ибо в ней нет жизни; сравнивая мертвое и живое тела, знахарь передает желаемые качества от первого ко второму, уподобляет одно другому.

От грызи. *«У той зялёнай дубраве стаяць тры дубы зялёных. Пад тым дубам ляжыць лашадзіная галава. Як той лашадзінай галаве шаўкавай травы не грызаць, мядовай расы не піваць, так (имярек) грызі не грызыць»* (Замовы 2009, № 2000).

От сглаза: *«Стоит на берегу океяна золотая церква, захожу я в эту церкву — лежит Адамова голова на престоле, ничего у нее не болит, глаза глядят, голова не болит, уши цюют, зубы не болят, десны не мозжат. Так бы у меня (имя рек) ничего не болело»* (Пыщуганье, № 148 / С. 131).

На ураз (ушиб, рану): *«На Алянской горе лежит Адамова голова. Ничего она не боится: ни медного, ни железного, ни булатного. Так же и у (имярек) тело не боится ни медного, ни железного, ни булатного»*³²⁵.

От зубной боли: *«выйду в чисто поле. Там — две дороги, там — две ростани, там лежит гусарска мертвая голова. Спрошу я у гусарской мертвой головы: «Не болят ли у тебя зубы? Не щипит ли у тебя кости?» — «Не болят у меня зубы, не щипит у меня кости». Так и у (имя рек), не болели бы зубы, не щипили бы зубы»* (РЗЗ, № 1438); *«выйду в чистое поле, в чистом поле стоит дуб, в этом дубе человеческая мертвая голова, в этой головы нет ни уроков, ни призоров, ни людских оговоров, ни отцовы думы, ни материны»* (Шиндин, С. 147); *«Идет Адам и Дева, несут мертвую голову. Как у этой мертвой головы ничево не болит и не тоснет и не скомнет так у (имярек) не скомни и не боли и нетосни нечево во веки веков»* (Каспина, С. 7). В последнем примере имя «Адам» косвенно указывает на принадлежность головы.

На просторах сети попался любопытный заговор на исцеление от алкогольной зависимости («от женского пьянства»). Если это и новодел, то талантливый, с соблюдением правил сложения заговоров

³²⁵ Обереги и заклинания русского народа. Тексты подготовили М.И. и А.М. Песковы. — М.: Преображение, 1994, С. 78

и использования магических параллелей. Его стоит привести, как образчик живучести традиции: *«На небе — птица, за столом — девица, косы заплетает, вино выпивает, песни распевает. Как эта мертвая голова вина не пьет, песни спяну не поет, так и раба (имярек) вина пить не будет, с этого часа про него забудет»*. Увы, не вполне ясно, откуда вдруг появляется мертвая голова, коли о ней не было ни слова? Возможно, замысел был таков — произносить текст, держа перед носом пьянчужки настоящий человеческий череп. Хорошая психологическая подпитка действию.

Собственно говоря, присутствие в заговоре именно мертвой головы вовсе не обязательно. Ее, судя по различным обрядам, вполне могут заменить мертвые кости вообще. К примеру, не только череп может использоваться как оберег. *«В 1075 г. собор в Лондоне запретил подвешивать кости от мертвых животных для защиты поголовья от морового поветрия»* (Киттредж, С. 40). Точно так же и на Руси **кости из могил**, находимые по случаю, клали во двор для предотвращения падежей, против «коровьей смерти» (СД 2, С. 630), а в Сибири ископаемые **останки первых людей** хранили в домах «для счастья» и успеха в деле. В ритуале черной магии для порчи можно было зарывать на чужом дворе не только череп, но и кости: *«Так он /.../ еще и мосол — кость такую — закопала у них во дворе и говорит: «Дети будут беситься»* (ББВК, № 107). Заговор от нарядки (эпилепсии?): *«Молодик на небе, кости мертвеца в земле, Латырь камень в синем море. Как этого молодика с неба никому не достать, костям мертвеца из земли не стать, Латыря камня из синя моря не поднять, так у (имярека) век боли и нарядки не бывать»* (Логоинов 1, С. 59). От шипоты: *«Лежат кости мертвы лошадиныя и звериныя и человеческия, не имеют в себе ни щепоты, ни какия болезни ни в костех, ни в мозгах в каких и во всех суставах, так бы и у меня...»* (РЗРИ, С. 122). Найти брошенную кость, обвести вокруг мозоли и трижды сказать: *«Как эта кость не болит, не щемит, так у имярека чтоб не болело, не щемило»* (Бердяева, № 196). Тут важен принцип, но по причине главенства ее в теле и емкости как символа мертвая голова, несомненно, куда больше подходит на роль «громоотвода».

Кстати, напомню, что череп также выступает в качестве исцеляющего сосуда: *«в Ирландии зубную боль лечили двумя способами. Первый из них заключался в том, что больной пил воду из человеческого черепа»* (ЭС, С. 161). Переключка с заговорами от

зубной боли очевидна — у мертвого человека не болят зубы, и он должен передать эту свою особенность страждущему.

Приплод

Если мертвая голова, согласно мифу о рождении мира (в версии «Голубиной книги», например³²⁶) и ряду сказок³²⁷, может служить началом порождающим, то мы вправе ожидать, что этот ее аспект будет задействован и в повседневном быту. Небесное всегда отражается в земном, миф — в человеческом бытии или обряде, макрокосм — в микрокосме. Отчасти оплодотворяющие возможности мертвой головы уже были описаны — это всевозможные растения, прорастиваемые через зарытый в землю череп (змеи). Но в этом случае мертвая голова оказывается в первую очередь инкубатором, своеобразной магической маткой, где происходит оплодотворение помещенного в нее семени. Не забудем и предание о голове короля Гальфдана.

Здесь же собраны примеры, в которых она сама является скорее семенем или магическим снадобьем, влияющим на плодородие и чадородие. О том же говорит и М. Элиаде, выявив в ходе своих исследований данную парадоксальную деталь, когда мертвое порождает живое: *«Исходная магиго-религиозная значимость «отрубленной головы» подкреплялась верой в то, что череп — первейший источник semen virili [мужского семени] и вместилище духа»*³²⁸. Этот парадокс мы видим и в том, что мертвой (Адамовой) головой называется живое растение. Собственно, *«Постоянная синкретическая дихотомия — исключение одним другого и одновременно органическое единство противоположностей (здесь —*

³²⁶ «От того у нас в земле цари пошли: // От святой главы от Адамовой» (ГК, С. 36).

³²⁷ Например, о Крошечке Хаврошечке. Корову, помощницу девочки, собираются резать, она по совету коровы просит у родных отдать ей голову живности: *«Татья, дай мне от коровы головушку»*, жадная мачеха позволяет отдать только рог — *«Она взяла рожка, посадила в землю, и выросли яблони»* (Смирнов, № 41). В украинской сказке голову она все же получает: *«Нічого мені не треба, дайте тільки голову»*, и вскоре на огороде, где была зарыта голова буренки вырастет чудесная яблоня (Чубинский 2, Ч. 1, № 141).

³²⁸ Элиаде М. История веры и религиозных идей. Том второй: от Гаутамы Будды до триумфа христианства. Гл. 21, параграф 169.

жизни и смерти) — характерна для образа Адама» (Часовникова, С. 95). Позднейшая мифическая парадигма только повторила древнейшие представления о таком восприятии мертвой головы: для христианской традиции Адам — и прародитель, и первый преступник, то есть, опять же, и жизнь и смерть. Всё вместе в одном символе. То, что христиане узнали относительно недавно, языческий мир помнил с незапамятных времен. К примеру, в греческом соннике Артемидора Далдианского (II в.) дается такое положительное толкование символу смерти: *«Держать свою голову в руках к добру бездетному и холостому или ждущем возвращения отлучившегося. Если кто при этом приводит голову в лучший вид, то ему удастся уладить свои неприятности и справиться с житейскими трудностями»* (Артемидор, I. 38). Разумеется, автор лишь зафиксировал то, что бытовало в народе задолго до его собственной эпохи. А уж языческая мифология просто наполнена образами мертвых, но при этом живых, голов — поющих, предсказывающих, поражающих взглядом.

Продолжение своего рода — одна из важнейших задач, стоящих перед человеком. Бездетность воспринималась как беда, и хорошо еще, если она была вызвана сбоями организма или порчей, а не велением свыше. Хорошо, потому как такие вещи можно попытаться исправить, в то время как с судьбой не поспоришь. Травники за растением (растениями, разумеется) «Адамова голова» знают как раз такое свойство — наделять чадородием. *«Есть трава на сем свете именем адамова голова /.../ Корень ея угоден давати женькам, которая детей не родит, и пить в молоке козьем — будут дети родитца,³²⁹ потом сын»*, *«Есть трава Адамова Голова /.../ А корень угоден давать, которья жены детей не родят, дать пить в молоке козье, будет добро»* (Отреченное, С. 425–426, 446), *«Трава адамлева голова /.../ А корень ее давать женам, кои детей не родят, будут дети: прежде дочь, потом и сын»*, *«Есть трава именем Адамова голова /.../ или у жены не родятца дети, дай ей пить, велми добро»* (Ипполитова, С. 399), *«Есть трава Адамова глава /.../ или которая жена не родит, дай пить»* (Часовникова, С. 97–98). *«Есть трава Адамова голова /.../ нет у жены детей, — дай пить, — скоро родит»* (Забивкин, С. 13).

Болгария: *«лук, проросший из змеиной головы, ест женщина, у которой умирают дети; /.../ количество выращенных таким образом*

³²⁹ Пропущена фраза «прежде дочь».

бобов служит бездетной женщине предсказанием, сколько детей ей суждено родить» (Гура, С. 331); «В Родопах бездетная женщина сажала бобы в **черепе убитой змеи** и по количеству всходов определяла количество будущих детей» (СД 1, С. 201).

В лечебнике 1670 г. читаем рецепт: «*Аще жена не может родити дитяти, напиши на **черепе** сие: Помяни, Господи, сыны едомския во дни Иеросалима... И жене заложси за пазуху череп*» (РЗРИ, С. 325). Комментаторы полагают, что речь идет о глиняном черепке (РЗРИ, С. 378). Что ж, вполне может быть. Тем паче, что этнография подтверждает такое использование черепков. Поперву на обеде по случаю удачных родов или крестин били посуду: «*Когда кашу докушивали, пустой горшок бухали об пол, разбивали на счастье*» (Науменко, С. 94). Ну а потом «*чэрэпки з горшика шыбаюць у пелену (фартук) жонкам штоб хутко беременела*» (Толстой 2003, С. 99), «У беларусов кум разбивал **горшок** с кашей, а черепки бросали женщинам в фартуки, «чтобы детки водились»» (СД 2, С. 484); «в містечку Лугини на Коростенщині був звичай пробивати **горщик** бабиним ножем без ручки, после чего жінка, що подавала на стіл кашу, збирала черепки з горшика, клала їх під поріг і гукала: «Щоб важко горшки бились, а легко діти родились!», а на другий день черепки від горшика, що лежали під порогом, збирали і кидали в річку»³³⁰.

Битье глиняной посуды в ходе обряда имело и другие толкования, также относящиеся к магии плодородия, прибитка. На свадьбе: «считалось необходимым бить горшки и другую посуду о дверь дома, чтобы «у молодых все бы ладилось». У лужицких сербов при входе молодой в дом жениха принято бросать в дверь глиняный горшок и лишь затем новобрачную вводили в дом» (СД 2, С. 28)³³¹; в Рязанском крае горшки с деньгами колотили, «Чтоб богаты были молодые», после чего молодую заставляли мести пол, и она должна была выметать черепки и деньги «от порога к переднему углу — чтобы в доме всегда были деньги и чтобы сор из избы не выносить» (Самоделова 1993, С. 287). Когда молодых будили после первой ночи, то подле них били горшки, приговаривая: «сколько кусочков, столько

³³⁰ Рахно К. Ритуальне биття посуду символізує оновлення життя. Глиняний горщик: життя після смерті // Полтавська думка-2000. – Полтава, 2009. – № 47. – 19 листопада. – С. 15

³³¹ Иная мотивировка, обусловленная законом подобия: «После свадьбы, на второй день, горшки били. Честна невеста, горшок целый, нечестна — с дырой» (Коскина, С. 54).

и сыночков» (Макашина, С. 154), «Кажуть, шоб стовко було дітей і багатства, скільки черепков от цьоєї миски», — пояснювали у Кишині на Житомириціні³³²; «Сколько черепков — столько вам сынков (вар. столько дочек и сынков)». При этом «сваха пляшет по черепкам» (ООФ, С. 145), а сами черепки из дома выносить было нельзя — «а то невеста удере» (Самоделова 1993, С. 288).

Вообще же образ мертвой головы эксплуатируется на свадьбе не раз, начиная от обережных головок чеснока, подвязываемых невесте, и заканчивая шуточными присказками, побуждающих молодых публично целоваться за свадебным столом:

*Иду я по дороге,
Лежит голова коровья,
А в голове глаз,
А вам поцеловаться
Двенадцать раз.*

(Самоделова 1996. С. 137)

Били посуду на «родинном пиру» и с другим прицелом. «В Тверской губ. На крестинный обед подавали две каши /.../. Горшок из-под каши повитухи разбивали тут же на столе, а черепки относили в огород, чтобы хорошо родилась тыква» (СД 2, С. 484). Собственно, для того, чтобы огородные посевы цвели пышным цветом, использовали и настоящую мертвую голову. И тут невозможно отделить оберег от просто волшебной вещи, дающей посадкам урожайность. Ведь оберег хранит от тех, что мешают этой урожайности, уничтожают всходы или плоды — от полевых вредителей, птиц, от завистливого взгляда. Не будет такого стороннего вмешательства, и всё пойдет благополучно. В Поднестровье втыкают **кобылью голову** на кол плетня в огороде, «чтоб все родыло» (Афанасьев 1, С. 637), «В черниговском Полесье /.../ на Ивана Купалу забивали во дворе «кол с корою» и насаживали на него **коровий череп**, «шоб уражай, д'юр багатый буу»» (СД 2, С. 31).

То же средство повышает плодовитость домашней живности: «**Кобылья голова (костяк)**... втыкать на кол во дворе или на углу постройки конский череп, чтобы «велось», «Некоторые хозяева с.

³³² Рахно К. Ритуальные биття...

Данькова в старину вешали на углах хлева или конюшни различные амулеты: медвежьей шерсть, медвежьи когти, головы, для того, чтобы скот велся хорошо, был сыт и гладок, чуждого глаза и насыльных домовиков не боялся» (Журавлев, С. 25).

В русских лечебниках необходимый ритуал описывается довольно подробно: «Аще хочещи, чтобы скотина у тебя велас, и ты вноси во двор **медвежью голову**, и вкопай в землю среди двора», «Аще хошь скота много держати, то **медвежью голову** пронеси сквозь скот на Иван день до солнца и вкопай посреди двора, ино скоту будет вестися» (Отреченное, С. 374, 387), «Приметы для воду скота. Если хочет (!) скота много держать, то **медвежью голову** пронеси сквозь скот, на Иванов день до солнца, и вкопай среди двора и скот будет вестись» (Журавлев, С. 27). А вот этот пример хоть и оперирует мертвой головой, но прибегает также и к другому образу, также уповая на закон подобия: «Сербы Воеводины закапывают в муравейник **голову печеного рождественского животного**, чтобы живности (обычно домашней птицы) было столько, сколько муравьев» (Гура, С. 512). Голова печенья «олень» в магическом смысле ничем особым от настоящего оленьего черепа не отличается.

Задействуется в магии плодородия и черепаший панцирь, вызывающий прямые ассоциации с человеческим черепом (недаром капалу иногда делают из панциря черепахи). «Закопанная у входа в сарай **черепаха** — для разведения свиней», (Журавлев, С. 26). И о том же, но более опосредованно: «Чтоб свинне велесе», **черепаху** клали в посуду, из которой свиней кормили», «Утверждают, что черепаха очень полезна для коров, и потому очень часто держат **черепах** в ушате с помоями, которые дают пить коровам» (там же). Иной радетель за славянскую веру, может, и рад был бы взвизгнуть, что здесь у нас самое настоящее кровавое жертвоприношение — ведь живность всё же умерщвляют! — но чего нет, того нет. Всего лишь магия.

В украинской магической рукописи содержится несколько темный хозяйственный совет под названием «Лек от днюгу добытку и сваням», который обращается к сдвоенному образу мертвой головы (змеинному и мака): «Чини так: найди гадину и забий ей и спаль и дай потом з солю з(ъ)ести добытку и сваням. У помьях тримай **гадиню голову и мачачу голову**, дай пити в помьях и зо тихом и смроду

вшелкого назбирай песіого чловечого св [пропуск] и залей его тым и навій на тое месце боляче»³³³.

Помещая мертвую голову в зерно, опять же, как это ни странно, можно повысить его всхожесть: «*В Хорватии змеиную голову кладут в семена во время сева для обеспечения богатого урожая. В Болгарии ради обильного урожая в некоторых местах используют для сева жито, которое было специально просеяно через голову змеи, убитой между успением и рождеством богородицы, 15/28.VIII – 8/21.IX*» (Гура, С. 329–330). Вот еще вариант на ту же тему, но уже не с семенами, а с живностью: «*Хорваты помещают голову змеи, пойманной до Юрьева дня, в кормушку для скота — тогда скот будет хорошо кормиться*» (Гура, С. 317). И вариант с глиняным подобием мертвой головы: «*Чтобы спорился хлеб, кладут в амбар какую-нибудь глиняную фляжку или горшок, наполненный всяким житом*»³³⁴.

Пчеловоды также не обошли своим вниманием такую особенность мертвой головы, как повышение плодovitости. «*В Черниговском у. на рождество отрезают голову живой щуке, раскрывают ей пасть и, иссушив в таком виде, хранят, а когда отдают кому-нибудь своих пчел, произносят заговор: «Якъ тая риба в мори родна и плодна и весёла бываетъ не сама отъ себя но отъ отца и сына и светаго духа и пречистой деви маріи. Так бы мои свидри и свид(р)ины плодны и родны и вовсём дели можны Божію помощію и действомъ светаго Зосима»*» (Гура, С. 471); «*Егда выпускаешь пчелы, пыускай их сквозь щучу голову из улиев. Голову же должно приобрести в навечери рождества христового...*» (Чубинский 1, С. 69). Пчел выпускают «*крізь щучу голову*» со словами: «*Як тая риба в морі гуляе–буяе, родюча, плодюча і весела, так би мої бджоли гуляли і буяли веселі, плідні й родючі; як щука–риби всяка риба боїться і лякається, так би і від моїх бджіл чужі бджоли лякалися і міцно втікали молитвами святого Зосима*» (Воропай, С. 177). Этому действию была посвящена целая статья «Наука ко пчелам», содержащаяся в магической рукописи последней трети XVIII в. (ГИМ. Собр. Е.В. Барсова, № 2505): «*И с(ъ)езди в добрую реку, и поймай три рыбы: щуку, окуня, плотицу, чтобы они с ыкрой были, или одну щуку*

³³³ Угорско–русские заговоры и заклинания начала XVIII в. // Живая старина. 1891. Вып. IV. С. 128.

³³⁴ Шустиков А. Троищина, Кадниковского уезда. Бытовой очерк // Живая старина, 1892, Вып. III, С. 123.

свари и вези ту рыбу накануне Рождества живую в воде и, принесши ту рыбу, отреши **щуке голову** среди того огорода и положи ту голову в простой улей, а ту рыбу всю высуши и молви так: Как эта рыба в мори водица и плодица и не переводица и во всех быстрых реках, так же бы моя пчела ускаривала, водилась и плодилась и не переводилась»; «Поди в поле и найди перьвой камень, чтоб можно подьнять зубами, а не примаючи руками, и понеси к себе в пасику зубами и зырой сколько можеши яму, и положи **щучью голову**, которая отрезана накануне Рождества, и положи ту пшеницу в яму, и зарой землю, и молви: Как этот камень не выдет и(с) сырой земли, и как этот камень тверд и крепок, так же бы мое пчелы мед тверд и крепок, а чужие пчелы как вареная пшеница; не даст в сыру землю плода, так же бы мои пчелы не дали чужим пчелам плода» (РЗРИ, С. 488, 489). Украинский вариант того же текста расширяет круг голов: «Наука в навечерии рождества христова. Доставши **рыбы щуки, або якої можешь достати**, тилько абы жива була, расплатай еи та отрежь голову, изсуши и сховай, а икру так теж изсуши и з тою головою изховай, а як будешь загодувати бджолы, то зотри тую икру и змешай из медом и с перцем и з бурсуковым салом и ледовой солью, и давай бджолам, и мов так: «Як тая рыба в море и в реках плодная, и ридная, и роскошная була, и веселилася, не сама собою, отцем, и сыном, и свтым духом, и пресвятою богородицею, так бы мои бджолы свирки и видри плодни були, божисю помощью и всеми святыми небесными силами и действием святого Зосима» (Ефименко МЗ, № 172); «Доставши **рыбу щуку, або яку другу**, принеси до дому, расплатай, одрїж голову, засуши и сховай, и як будешь загодувать пчолы, то зотры тую икру и вмїшай з медом...» (Чубинский I, С. 75).

Вместо щучьей головы столь же успешно применялись и головы прочей живности, как дикой, так и домашней: «**волчью голову** /.../ насаживали на кол, воткнутый на пасеке, чтобы пчелы лучше роились» (Толстой БСО, С. 133). «У великоруссов Саранульского уезда Вятской губернии **конские головы (черена от падали)** вешат на колья изгороди, окружающей пчельник, чтобы лучше велись пчелы» (Зеленин ПГ, С. 420). «Чтобы велись пчелы, то вешают на пасеке **лошадиный череп**» (Журавлев, С. 214). «В Сербии и Черногории в ульи или между ними кладут **конский или воловий череп**, чтобы пчелы лучше роились» (Гура, С. 471; КОЕ В, С. 255).

Бесспорно, именно магической причиной обусловлено появление мертвой головы на праздничном столе. Да не просто

головы, а всевозможно украшенной и выставленной в качестве главного блюда. Ведь это не только символ жизни, но и артефакт, дающий прибыль, урожайность, плодovitость дому, где его размещают. «Свиное мясо, свиная голова, колбасы или какое-либо печенье в образе свиньи составляют необходимую принадлежность Васильева вечера и рождественских святок не только у русских, но и у болгар, сербов, румын» (Пропп, С. 32). «Во многих местах Германии подают на Рождество свиную голову. В Англии эта голова украшалась лавровым листом и розмарином...», «В некоторых местах Великой Руси свиная голова есть кушанье, необходимое и за свадебным столом. В Нерехотском уезде Костромской губернии пир на третий день после свадьбы называется красным столом. Между прочими кушаньями ставят тогда и целую вареную свиную голову. В Саратовской губ. на другой день после свадьбы в доме жениха бывает /.../ «гарный стол» /.../. После многих других кушаньев тут подают свиную голову, обряженную красными лентами» (Потебня, С. 399–400, 401). Во Владимирской губ. к свадьбе кололи «свинью или борова, голову которого, не разрубленную, опаливши первоначально, варят в горшке, после чего кладут ее на большую тарелку и убирают лентами и разноцветной бумагой. В таком виде она становится на стол пирующим» (СОВД, № С. 58). «На поминках (имеются в виду календарные поминки, «Деды», — Б.М.) более всего обращают внимание на то, чтобы приготовить как можно больше разнообразных страв, среди которых обязательно должна быть вареная голова — свиная или баранья, в крайнем случае пусть себе и куриная — все равно петуха или курицы» (Земляробчы, С. 294, 298). В Болгарии праздничную страву именовали «свинска глава Василева». С чем вполне перекликается вологодские календарные присловья: «На пророка Илью баранью голову на стол» (Журавлев, С. 20), «На Василия Великого свиную голову на стол».

У сербов на пороге «разбивают голову жертвенного поросенка по завершении праздника, причем хозяин должен находиться с внешней стороны, а животное — с внутренней, «чтобы счастье осталось в доме» (СД 4, С. 174). Очевидная перекличка с обычаем разбивать на празднике глиняную посуду, также являющуюся символом мертвой головы. И опять же — «на счастье», как говорят сейчас в случае нечаянного боя посуды, а ранее — в ходе обрядового разбивания ее.

Прочее

Для вызова дождя нередко обращались к мертвой силе. На крестопоклонной неделе «У селі Кам'янка на Лівобережжі заривали в землю **череп'яний посуд** з свяченою водою — «щоб посухи не було»» (Воропай, С. 174); в Полесье для этого «бросали в колодець **глиняные горшки**, причем часто считали необходимым, чтобы эти горшки были краденые — лучшие всего у инородцев /.../. Кое-где украденные горшки предварительно разбивали, а затем черепки бросали в колодець» (СД 2, С. 107); «От засухі **горшкі** у криниці кїдаюць», «В три криниці /.../ кїдали освячені квіти і **головки маку**», «Під час засухи з метою викликати дощ /.../ кїдають у колодязь, не залежно від того, чи свій, чи сусідський, вирваний на городі **часник або мак**», «**Гладышку** трэба украсыць и кинуць у калодязь коб нхто не видеў. Сваю гладышку кїдаюць у соседний калодесь», «Вот як нема дажджу, дак украдом где у єврею... **гладышку** да у калодесь бух /.../ кажучь што возьме дож пуйде» (Толстой 2003, С. 84, 97, 98); «**Білі гаршкі** і кадали ў калодез /.../ скоро шоў дождж», «**Кїдали куўшыны ў калодезеж**» (Прыкметы, С. 186, 187)³³⁵.

Чтобы понять, почему именно так решается проблема с осадками, необходимо сделать небольшое отступление. Наши пращурь среди прочих причин, вызывающих непогоду (засуху или, наоборот, проливные дожди, неважно), называли похороны в земле тех, кто такого погребения не заслуживал — колдунов и людей, умерших не своей смертью (самоубийц, утопленников, опойц и т.д.): «**Наи крестьянин /.../ с большим негодованием смотрит на то, что в последнее время стали хоронить на кладбище опойцев; он твердо убежден, что это — отступление от старинных обычаев, тяжкий грех и неминуемо влечет за собою бездождие и неурожай**» (Зеленин ОРМ, С. 99–100). Чтобы избавиться от напасти, вредоносный объект следовало... намочить: «**вызвать дождь можно, вылив «сорок ведер на могилу утопленника, тогда дожди начнутся**» (Куединские праздники, С. 58); «**На могилі, де похоронений утопленник, виймали хрест і лили туды воду, щоб вода дійшла до покійника і тоди піде дощ**», «**Из колодца брали воду и несли ее на могилу утопленника**», «**Ходять на могилу утопленного, пробивают в могилі ямку і сиплють**

³³⁵ При этом «Если сильный всплеск, бульканье от кувшина, то, значит, скоро пойдет дождь. Если шум от кувшина на воде был невелик, то, значит, и дождь пойдет нескоро» (Прыкметы, С. 189).

в ямку воду. *И тоді ішов дощ*», «На моглу самоубийцы (который повесился) лили воду крестом», «Если хочешь, чтобы был дождь, нужно пойти на кладбище на могилы утопленников и лить на них воду» (Толстой 2003 С. 104); «Во время засухи непременно есть где-нибудь опойца, которого не принимает земля; поэтому его нужно вырыть из земли и бросить в болото, чтобы пошел дождь»; «во время засухи /.../ принимаются носить и возить воду на могилу такого покойника и затем ждут обильного дождя», «Труп вместе с гробом вывезли в лодке на середину р. Волги и бросили его здесь /.../ для прекращения засухи», «ночью отрыли злополучный труп и вылили на него три бочки воды», «Били мертвеца по черепу, приговаривая: «давай дождя»; лили воду на мертвеца из решета» (Зеленин ОРМ, С. 100, 102, 105, 107). Упомянутые опойцы, если вдруг кто не знает, — это всего лишь умершие от пьянства, упившиеся до смерти. Параллель между обрядами явная: в обеих вариациях объединяющим элементом оказывается мертвый объект — натуральный мертвец или же символ мертвой головы. Воздействием на него достигается желаемый результат: мертвое (от)дает живое.

«Не раз указывалось на поверье, будто голуби, которым дадут пить из **черепа мертвеца**, всегда возвращаются в голубятню. Чтобы заставить вора вернуть украденное, в Банзенгейме, около Мюльгайзена, кладут на бузиновый куст **череп преступника** и камень» и произносят заклинание (Кровь, С. 68).

Э. и М. Рэдфорды, авторы сборника «Энциклопедия суеверий», пишут: «В одной старинной книге о Херефордшире мы наткнулись на описание колдовства некой г-жи Кларк: «Закопать голову черного кота, положивши на нее «якобус» или кусок золота и воткнувшие в ее глазницы два черных *baenes* (боба?). Это следует сделать во вторник ночью, в двенадцать часов, и через девять дней выкопать золото, и любая вещь, купленная за это золото (но не забудьте непременно получить сдачу при покупке), принесет вам столько же золота прибыли» (ЭС, С. 475). Бобы, как уже говорилось, — вариации на тему мертвой головы, так что здесь мы имеем очередной случай усиления символов путем их дублирования.

В 1010 г. в походе против Кордовского эмирата погиб Эрменгол, граф Ургельский. Его отсеченная голова стала для мусульманского правителя военным талисманом: «Сарадины унесли с собой его голову, как великое сокровище. И царь их приказал голову набальзамировать и

облечь в золото, и всегда носил ее с собой в сражениях для того, чтобы побеждать» (Адемар Шабаннский. Хроника. III. 38).

«Болгарские лавочки вешают голову летучей мыши у себя в лавке, чтобы в ней всегда было изобилие товаров» (Гура, С. 607).

Растительные мертвые головы имеют в народе бесспорные, но при этом порой весьма расплывчатые ассоциации с миром волшебного. «Адам-трава» (крестовник болотный): *«Это колдовская трава, на нее наговаривают, чтобы болезнь утихнуть» (Коновалова, С. 17).* Растение «чертова головка» (гравилат речной): *«Чёртова галофка с нечистью связана»³³⁶.*

В башмак кладут четырехлиственный клевер (одно из названий которого «Адамова голова») — чтобы не заблудиться.

В этом плане куда конкретнее, как и надлежит справочной литературе, русские травники. Цветок «Адамовой головы» оказывается неплохим средством для подхода ко власти предрешающим. *«Есть трава на сем свете именем адамова голова /.../ а цвет ея достины всякому человеку — началству и честен везде будет, потом(у) сия трава человек над(о)бъна», «Есть трава Адамова Голова /.../ А цвет ея угоден носить на себе на главе — тот человек будет достоин всякой чести и почетен будет везде, потому что трава именуется царь» (Отреченное, С. 425–426, 446).* *«Трава адамова голова /.../ А кто цвет ея носит(ь) на себе, и тот человек честен будет всему начал(ь)ству» (Ипполитова, С. 399).* *«Трава Адамова-глава. /.../ Кто цвет носит на себе с воском в чистоте, того человека всякие люди станут любить и покоряться ему и зла на него в очи и по за очи мыслить не будут» (Самолечение, С. 395).* Важно отметить и заговор, полагающийся читать при сборе «Адамовой головы». Вся соль в том, что при помощи него траву можно сделать магическим средством, помогающим практически в любой задумке: *«Благослови сию траву копати, а земля-мати благослови своего мне плоду взяти, а ты, трава-Адам, на что я тебя копаю — и ты буди к тому пригодна во веки»³³⁷.*

³³⁶ Зубова Ж.А. Фразеологические единицы как средство наименования растений в орловских говорах // Альманах «Традиционная культура. 2009, № 3, С. 67.

³³⁷ Ипполитова А.Б. Ритуалы сбора растений в русских рукописных травниках XVIII в. // Мифология и религия в системе культуры этноса. Материалы Вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. — СПб., 2003.

Мертвая растительная голова может послужить не в качестве магического артефакта, а как указатель на него. На Купалу «искали во ржи два колоса на одном стебле — Иванову голову, и под ней искали монетку. Кто найдет — может отыскать клад» (Соколова, С. 256); «В Иванов день разыскивают «святояньску» голову. Идут в поле и разыскивают два сросшихся колоса ржи; нашедши их, выкапывают и находят корень из чистого серебра, похожий на человечью голову. Эта голова и называется «святоянской головою». Хранящий у себя эту голову будет иметь во всем счастье и во всю жизнь не будет знать, что такое значит беда и горе» (Чубинский 1, С. 84). При этом любопытно, что вообще-то именно такое чудо природы, как сросшиеся растения, называвшиеся «спорышь, спорина»³³⁸, и были вожеленным артефактом. «Двойной колос называли спориной», «споринку подтыкали под матицу» (Новые поступления, № 649). Орех-«двоешка» помогает от вывиха, приносит счастье и богатство. Его носят в кошелях, чтоб водились деньги, и на шее — от бед и болезней; берут с собой в дорогу для успеха — «Каб у дарозе шанцавало да не было прыпадку, трэба з сабою мець арэхаваы спарышы» (Белоруссия).

Использование в гадательной практике чеснока, а точнее, то, как к нему при этом обращаются, заставляют вспомнить о пророческих способностях мертвой головы (см.: Ч. I, гл. 8). На «крещенье» девицы кладут под подушку чеснок и приговаривают:

Чоснок, чоснок,
У тебя сорок ног,
Сведи меня туда,
Где моя судьба,
Выведи его на крыльцо,
И покажи мне в лицо...

(Устюг, С. 39)

В народе также говорят, «що часник «сон при(я)вляє», а сон є символом смерти» (Бандурка, С. 270). Таким же вещуном выступает и корень мандрагоры, зовомый также «Адамовой головой»: «Известно,

³³⁸ Вариант, «спорыш» — яйцо без белка: «У нас мама всё говорила: «Ой, курочка, девки, спорошок снесла. Положите, девки, пойдите, в муку»» (Востриков 5, С. 25).

что его использовали для вызывания такого состояния, в котором можно было предвидеть будущее, предсказывать его. Вероятно, даже сам корень как таковой, учитывая производимый им эффект, мыслился вместилищем некоей ясновидческой силы. Так как считалось, что достаточно к ритуально правильно вырытому корню обратиться с разными вопросами, чтобы он сообщил все тайны и открыл будущее» (Часовникова, С. 92).

Й.Г. Крейцфельдер, 1671

ВОЛШБА (2)

*Словно как мак в цветнике наклоняет голову набок,
Пышный, плодом отягченный и крупною влагой весенней, —
Так он голову набок склонил, отягченную шлемом.
(Илиада. VIII. 306–308)*

Монеты

А теперь еще раз о монетах. Повторим. Вглядитесь внимательно в чеканные профили императоров Гонория, Веспасиана, Константина Хлора. Они как живые, мастера-резчики проявили немало своего искусства, дабы вдохнуть жизнь в черты, запечатленные в металле. Нужно некоторое воображение, чтобы представить, что это самые настоящие мертвые головы, ведь все они уже умерли не одну тысячу лет назад. Вы чувствуете, что это — мертвые головы? А ведь это так и есть. Мертв металл, на которых лики отчеканены, мертво их время и деяния, мертвы эти люди, мертвы и их головы, ибо нет тел. На изображении.

*Ауреус императора Максентия (306–312).
Деметрий I (200–190/5 до н.э.), Бактрия.*

Впрочем, ладно. Теперь давайте взглянем, ну скажем, на кельтские копии тех же римских монет, или, к примеру, на псковские деньги с ликом (?) князя Довмонта (ум. 1299). Ну, как? Согласитесь, чистой воды мертвая голова, нечто застывшее, безжизненное, наподобие маски, погребальной маски. Не лица, а зверообразные Горгоны. И когда такие монеты встречаются во рту умершего человека в качестве платы потустороннему перевозчику, понимаешь, что совершенно не случайно этот раздел волшбы носит название «магия мертвой головы».

Это просто идеальный вариант для магических действий, когда от артефакта требуется компактность. Мертвую голову не нужно искать или изображать подручными средствами, она уже есть в готовом виде, осталось только об этом сообразить и применить правильно.

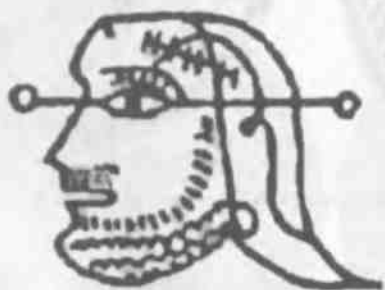

Кельтские имитации римских и греческих монет.

Псков. Довмонт.

Чем, собственно, отличаются подобные готовые изображения от, скажем, исландского магического чертежа «колдовская голова»³³⁹, от обнаруженных в 1388 г. у сэра Роберта Трезильяна амулетов с магическими изображениями, среди которых была и «голова дьявола» (Китредж, С. 53), или от так называемого «Краковского медальона» с его загадочными надписями?

«Колдовская голова» (по Л. Кораблеву)

Краковский медальон (по И.В. Ягичу)

Ничем, собственно. Изображенная голова является основной характеристикой данного предмета, к примеру — французский золотой, украшенный головой императорской особы, носил в нашем

³³⁹ *Кораблев Л.* Графическая магия исландцев. — М.: Велигор, 2002, С. 46.

народе название «лобанчик». А ведь «лоб» — это не только собственно «часть черепа над носом», но и череп: «Слова «лоб», «лбина» в церковном обиходе являлись равнозначными понятиями «голова», «череп»» (Часовникова, С. 112).

Впрочем, к чему авторские домыслы, пусть даже и магически обоснованные, когда мертвые головы на самом деле изображаются на плоскостях монет? Та же Медуза Горгона — ведь самая настоящая мертва голова, никто не будет возражать? На древнегреческих монетах Ольвии, македонского Неаполиса и Понтийского царства она красуется во множестве. Древняя Русь, судя по всему, не исключение. Ранее уже приводилась монета Дмитрия Донского, где воин или сам князь демонстрирует отрубленную голову врага, чье тело лежит рядом. Как вариант, это иллюстрация мифа о Персее и Горгоне, известного на Руси по переводному роману об Александре Великом. Есть и еще один пример.

Греческие монеты-горгонеоны

На монетах Ростовского княжества XIV–XV вв. изображена целая композиция — человек с секирой под деревом, на котором сидит птица, за деревом — отделенная от тела голова. Долгое время считалось, что здесь показана казнь фальшивомонетчика. Дескать, палач отдыхает после работы, а итог его труда вывешен на дереве на всеобщее обозрение. Но такая точка зрения ничем не обоснована. Это лишь предположение, что подобный мотив с темой монет мог быть связан. Никто даже не подумал, что на столь знаковом символе государственной власти, как деньги, власть не станет изображать

нечто подобное. Здесь есть место только для чего-то более значимого. Лик государя, его тотемное животное или же тотемный покровитель города (позднее — святой заступник), знак божественной защиты (рука с небес), астральные (опять же — божественные) символы, герб рода властителя или государства. Но никак не для бытовой сценки в предостережение не самым тяжким для общества преступникам.

Существует и другая интерпретация композиции на ростовских монетах. В христианской религии особо почиталась отсеченная голова Иоанна Крестителя, так не ее ли мы видим за деревом? Что же до остальных фигур, то это могла быть символическая передача проповеди Иоанна о «глазе вопиющего в пустыне»: *«Уже и секира при корне дерева лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь»*.

С другой стороны, версия о казни фальшивомонетчика имеет один интересный нюанс... *«К числу деградированных вариаций типа Горгоны Медузы может быть отнесен ряд изображений на русских монетах XV в. На них представлена голова анфас, окруженная завитками в верхней и нижней частях. Уже И.И. Толстой указал на вероятность связи этого изображения с Горгоной Медузой и змеевидной композицией (амулетом-змеевиком, — Б.М.). Мнение этого исследователя, прекрасно знавшего нумизматику (в том числе античную) и специально занимавшегося амулетами-змеевиками, заслуживает внимания. Во всяком случае такое толкование — пока единственно возможная попытка как-то объяснить значение данного монетного типа. Подобная личина может сочетаться с изображением сцены казни на другой стороне или с фигурой с саблей и топором в руках. Оба эти типа по смыслу связаны с идеей устрашения (на монетах — очевидно, адресовано фальшивомонетчикам). С той же темой, вероятно, связана и личина. Об этом свидетельствует, в частности, ростовская монета Андрея Федоровича и Александра Константиновича, где эта личина с завитками, по-видимому как устрашающий мотив, повторена в верхней части сцены казни»³⁴⁰*. Стало быть, здесь есть еще и Горгона...

В магии монеты играли роль небольшую, но характерную, и этот характер вполне может быть разъяснен через обращение человека к магии мертвой головы, на монете изображенной.

³⁴⁰ Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевки. — М.: Наука, 1991.

Петровской рубль—«крестовик»

«Когда рекрут идет в присутствие для освидетельствования, он старается положить в карман старинный рубль «крестовик», в полной уверенности, что его не возьмут в солдаты (перекрестят его фамилию)» (Харламов, С. 43, № 89). Крест, как и отделенная от тела голова, — один из символов смерти. Рекрут должен как бы умереть для призывной комиссии, исчезнуть для них.

Применение монет-оберегов в воинской среде сохранялось еще до недавнего времени — ими во время благословения, родители наделяли сыновей, уходящих на службу (рекрутов): новг. *«Ну вот, когда я уходил... мне мать дала. /.../ пятьдесят копеек серебряных. Чисто серебряных. Это — двадцать четвертого года», «А... дала... ну, серебряну эту... копейку...», «Ну, это, вроде как зашивают как, копейки, там, какую-то ерунду. Мелочь там, копейки», «Тогда эть раньше были вот рубли-то железные. Рубль дашь как благословенье», «давали ему денюшку серебряную в дорогу» (Кормина, С.169, 168, 171, 172).*

Основной магический упор в благословении при вручении оберега или шептания на оберег соответствующего заговора делался на то, что воин должен вернуться с ним обратно, вернуть оберег родителям в целостности-сохранности (а оберег, в свою очередь, должен вернуть воина живым): *«чтобы ты принес своеручно его домой», чтобы «туда увез, и оттуда привез», «приехал с этими деньгам опять обратно» (Кормина, С. 177, 168).*

На Урале с деньгами проводили следующее действие: *«Пятак или трехкопеечный медяк вбиваешь вот в эту матку (=матцу,*

потолочную балку) с ленточкой. Прямо в матку, пока он (рекрут) служит, вот там у нас всё заметка в той матке. Вот он вбил, это примета была — обязательно вернется в сохранности», «В матку вот забивают деньги», «У меня брат забивал в эту, в матицу деньги. То серебряшку, то медяшку... У нас вот много провожали (на службу, — Б.М.), дак у нас вся матница была забита». Что тут добавить? Мертвая голова как оберег подробно описана на страницах данной книги.

В письме Джона Плактона от 1709 г. говорится: «Разве не все старики протирают глаза золотыми монетами с изображением Якова, когда им случится разжиться такой, в качестве офтальмологического заклинания для улучшения зрения?» (Киттредж, С. 215).

Неаполис в Македони. Около 500–480 г. до н.э.

Тетрадрахмы: 135–128 г. до н.э. (Пергамон); ок. 520 г. до н.э.

Понтийское царство. Митридат VI (121–63 гг. до н.э.).

«Игрок в карты, желающий всегда иметь успех, должен носить при себе старую монету» (Харламов, № 117, С. 46). О влиянии мертвой головы на прирост добра в доме (урожая) уже говорилось. Здесь речь идет как раз о прибыли.

После обряда наречения имени девочке к ее головному убору пришивали монету — от сглаза (Болгария).

Любопытно в этом ракурсе взглянуть на гадание монетой методом выпадения «орла» или «решки». *«Нам представляется правомерным сближение этимологии «решка» с «решать, решить» в значении «убить». По-видимому, именно с этим значением связано изображение на костях (затем картах) на одной стороне орла (жизнь), на другой — решетки, означавшей смерть. Эта архаическая символика пережиточно сохранилась и в монетах. Например, во время игры в орлянку спрашивали: «Копье аль решето?» (Выиграл или проиграл?). Копье — это лицевая сторона монеты, где некогда чеканился св. Георгий с копьем; решето — оборотная, с кудрявым вензелем. Отголоски древнего способа, которым решалась судьба человека, сохранились в вопросе: «Орел или решка?» Решка (решетка) означала смерть»*³⁴¹. Ну а если припомнить значение слова «порешить», то отрубленная мертвая голова в этом гадании еще как уместна.

Для защиты корабля от несчастий на мачту прибывали старую серебряную монету (Померания). Продырявленную медную монету носят на шее — от порчи. От порчи же носили на шее мелкую серебряную монету, в отверстие которой было продернуто несколько волосков, скрепленных воском (Воронеж).

Для облегчения родов женщины носят серебряную денгу и кусочек золота. Женщина во время менструации при вынужденном участии в похоронах для защиты от возможного вреда кладет в свою обувь «медные гроши» (Украинское Полесье). Вероятно, здесь наличествует символическая связь крови и меди («красных денег»).

Скорее всего, для монет-оберегов мог иметь значение и номинал денежного средства, ибо вера в магию чисел была распространена повсеместно. До нашего времени сохранилось широко распространенное среди молодежи поверье о том, что пятак (5 копеек

³⁴¹ *Русакова Л.М.* Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. — Новосибирск, 1987, С. 104.

в СССР, 5 рублей в послереформенной России), положенный под левую пятку перед сдачей экзаменов, обеспечивает положительную оценку, что восходит именно древнерусскому оберегу—монете. Древним прообразом этого магического обычая мог быть обряд на получение милостей от власть предержащих, описанный в рукописном сборнике заговоров (XVII в): «Как ко власти пойдешь, взяти з берега воды в ставец, да учи говориши над водою, платом накрывся, да по[ло]жи в ту воду копейку да хлеба кусок. А как пойдешь ко власти, да тою водою умойся да изопьешь, а копейку положи за щоку» (Отреченное, С. 247).

Одним словом, оцените сами: всё то, что можно сделать в магическом плане при помощи человеческого черепа, который в наше время еще нужно потрудиться раздобыть, легко выполнить при помощи обычного чеканного кругляша, который достать куда проще. Главное, чтобы на нем было нужное нам изображение. Другое дело, что нынешние правители России что-то стали стесняться изображать на монетах свои и своих «благочестивых» предшественников «солнцеподобные лики». Ну да пусть их, всё еще нетрудно заполучить юбилейные рубли советского разлива с мертвой головой Того-Кто-Живее-Всех-Живых. А при желании и чехословацкую деньгу с ликом его «верного соратника»...

Змеевики

Змеевики—обереги, по хорошему, следовало бы рассмотреть в соответствующей главе. Да уж больно необычная это вещьца, к тому же на монету очень похожа... Пусть уж будет здесь.

Древнерусские змеевики — это чаще всего литые обереги, изготовленные из золота, серебра, биллона или меди и изображающие голову Матери Змеев, Мары—Морены, в окружении змеев (числом 5, 6, 7, 10, 12), вьющихся подобно Ее волосам (реже — половину Ее тулова или Богиню целиком). *«По форме змеевики обычно представляют собой круглые медальоны, с ушком для подвешивания; реже — восьмиугольные или четырехугольные киотчатые... Известны также экземпляры из полудрагоценного камня (яшмы, — Б.М.) с гравировкой»* (Райан, С. 350), а также змеевики из песчаника, видимо, простонародные (с другой стороны, для Византии каменные змеевики предполагают древнейшими). На обратной стороне змеевиков имеется христианское изображение (богородицы с младенцем, архангела Михаила, распятия). Судя по всему, змеевики, будучи оберегом двусторонним, носились обращенными к телу стороной со змеями (более плоской). В отдельных случаях змеи изображались в свастикообразном виде, что должно было увеличивать силу оберега еще и за счет солнечной символики.

На византийских прототипах наших змеевиков писалась следующая заклинательная формула: *«Матица³⁴² черная, почернелая, как змей, (ты) вьешься, и как дракон, свищешь, и как лев рычишь, и как ягненок, спи (спишь)»* // *«Черная родильница очернила себя злом (или лучше яростью), пресмыкалась в прахе, как змея, и шипела, как дракон, и рычала, как лев, и была в ужасе, как ягненок, [когда победил ее архангел Михаил]»* // *«Сдавайся (уступи), очерненная чернотою; как змея, ты будешь извиваться, как лев, реветь, как агнец (трепетать)»* // *«Матка чернотою чернеющая (ср. русск.: черная—пречерная), как змея, извивалась, как дракон, шипела, и как лев, рычала, и как агнец, была в ужасе»³⁴³*. В русских вариантах появляется такое заклинание: *«ст Михаиле велики, прожени ты*

³⁴² Утроба, паховая грыжа.

³⁴³ Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты—змеевики. — М.: Наука, 1991.

человек[а] впадину (т. е. дну³⁴⁴, — Б. М.)», «г(осопод)и даждь рабома своима сон живод(а)тннй», «даждь и (на)ма ... сънь живоътны³⁴⁵ и мирны и угаси силу огьннью». На других змеевиках читаем: «господи, помози рабу своему василию», «сыне божий, спаси и сохрани носящего (сей оберег)».

Исследователи полагают, что основной задачей змеевиков было оберегание их владельца от эпидемий и болезней, в первую очередь лихорадки (что обусловлено сравнением 12 змей и 12 сестер-трясавиц, бывших, по сути дела, олицетворением всех болезней вообще). По народным же поверьям, такие обереги, по меньшей мере, защищали от укусов змей. Из XIX в. дошли упоминания о том, что крестьяне северных губерний нередко носили змеевики наряду с крестом на груди: «многочисленное семейство, которому принадлежит вписываемый образ (змеевик, — Б.М.), питает к нему особенное уважение в разных болезнях, одному наложению оного приписывает чудесную силу утолять страдания»³⁴⁶.

О происхождении амулета исследователи делают следующее выводы: «Достаточно констатировать, что около X в. этот, несомненно, магический образ появился в пространстве византийской культуры в готовом виде, не неся на себе следов продолжающегося становления. Постоянное присутствие *hystera*-формулы заставляет признать наличие связи между изображением и содержанием этого заклятья. Обычай передачи заклинания начальными словами, очевидно, предполагал, что этот текст был известен в среде, для которой предназначались такие змеевики. Нетрадиционная для Византии круглая форма этих подвесок, не вызывающее отвращения изображение змей, солярный характер композиции, встречающиеся астральные знаки, а также сведения по истории хождения отдельных памятников указывают на Малую Азию как на родину таких изделий. А обращение *hystera*-заклинания к матке заставляет предположить за ними медицинские функции. В Византии эти амулеты видоизменяются: число змей на них несколько увеличивается (6, 7, 8), и на одной стороне появляется извод святого всадника,

³⁴⁴ В надписях на змеевике упоминается болезнь «дына». Заговор от нее: «Дню люта бо еси прелюта, протерта еси по вся уды человеческия, сти яко агня младо аспидово, проклята еси и треклята еси».

³⁴⁵ Живодатный, живительный.

³⁴⁶ Нечаев С. Замечание о старинном медном образе // Тр. и зап. ОИДР. — М., 1826. Ч. III, кн. I. С. 136.

поражающего женовидного демона»: «Постепенно меняется внешний вид змеиной стороны: черты лица в центре змеиного гнезда искажаются яростью, изо рта начинает высовываться язык, на голове появляются торчащие длинные женские волосы. Змеиная композиция, стремясь вызвать отвращение у зрителей, перестает быть нейтральной: число змей увеличивается (появляются семь двухголовых змеиных туловищ), и их тела, извиваясь, заполняют все поле амулета. Оканчивается этот процесс тем, что в центре змеиного гнезда возникает обнаженная женская фигура»³⁴⁷; «На византийских амулетах–змеевиках изображения человеческой головы в окружении змеиных голов утрачивают связь с Горгоной Медузой, и этот персонаж фигурирует под названием «встера» (это название нередко присутствует на сопровождающих изображение надписях)»; «Историческое развитие амулетов–змеевиков, сопровождавшееся созданием новых типов, в основном завершилось в XV в. Однако их бытование фиксируется и в более позднее время. Их продолжали отливать по старым образцам, а иногда и по новым. Во всяком случае существуют разновидности амулетов–змеевиков, надписи на которых отмечены признаками XVIII в. Вместе с другими литыми иконками змеевики встречаются в крестьянских божницах и в XX в.»³⁴⁸.

Любопытно отметить, что один из змеевиков в XVII в. был вставлен в икону с изображением богородичных праздников и помещался в иконостасе Троицкого собора Троице–Сергиевой лавры, хотя и был повернут змеиной стороной внутрь.

Воспоминание о змеевиках сохранилось в сказках. «Царь вавилонский» издает указ, «чтобы на всем змеи были вырезаны и написаны: и на чашках, и на ложках, и на монетах» (Самара, № 3). Напомню и о змеевиках, выполняемых на других материалах. «В прежнее время на Руси вышивали на ладонках змеиные головы в связке — числом десять или двенадцать; иногда они примыкали к круглому лицу, которое изображалось в середине и напоминало собою голову Медузы» ((Афанасьев 2, С. 564).

³⁴⁷ Переседов И.Г. Об амулетах–змеевиках и их связи с натальными крестами и иными предметами церковной культуры // Византия в контексте мировой истории. Материалы научной конференции, посвященной памяти А.В. Банк. — СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004.

³⁴⁸ Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты–змеевики. — М.: Наука, 1991.

Византийский («гностический») и русский змеевики (зеленая яшма)

1

Краснофигурная ваза, ок. 460 г. до н. э.

Цепь и медальон с изображением Горгоны. Золото, кон. II – нач. III в. Греция.

Праздник—обряд

Образ мертвой головы закрепился во множестве праздничных обрядов — великих и малых.

В частности, купальская обрядность, невзирая на позднее название праздника и не имеющая никаких ассоциаций с Иоанном Предтечей, содержит в себе небольшую отсылку к образу отсеченной головы. Выражение *«жечь Иванову голову»* обозначает *«при праздновании Ивана Купалы жечь соломенное чучело, копу сена на костре»* (Родионова, С. 38). Связь с Иоанном, разумеется, поздняя. Образ уничтожаемой головы должен уходить глубже. Нет ли некоторой подсказки в упоминании копы сена? Можно припомнить сравнение отрубленной богатырской головы из сказки о Еруслане: *«как сорокакопennyй стог»* (Пушкарев, С. 129). Также «голову Ивана» уместно сравнить с представлением о последнем снопе (опять же сено), который в Белоруссии могли называть не только *«Иллёва барада»* или *«дзедова барада»*, но и *«Иванова барада»*³⁴⁹. Тем паче, что этот сноп—«бороду» на Псковщине порой делали именно как голову: *«Ну вот, последний сноп даживаем и аставляем такую адную пястку /.../ Завязываем ему «голаву», вот связываем и завязываем тут — эта «галаву». /.../ А после и «голаву» режут — вот, атрезают прочь»* (Лобкова, С. 72). Еще более очевидна связь упомянутого выражения *«жечь Иванову голову»* с обычаем изгонять на Купалу нечистую силу — «палить ведьму» (подробнее см.: Ч. I, гл. 2): *«В ночь на Ивана Купала молодые парни кладут приготовленную лошадиную голову на тычку в полторы сажени длиною, бивают тычку в землю, кладут вокруг ее голье с дерева и зажигают»*³⁵⁰.

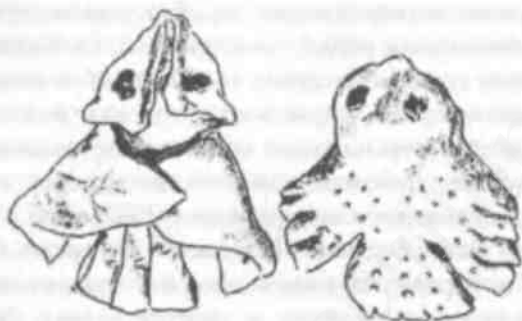
К «закличкам весны» в Рязанском крае пекли жаворонков, девочки делили их, отламывали печеным птицам головы, а прочее съедали. *«Затем они забирались на сараи (на сушилы) и насаживали эти головки на соломинки: «Головки отломляют и на сарае вешают»*³⁵¹. Быть может, перед нами магия подобия? Обряд заклин-

³⁴⁹ Автороп Н.П. Номинации белорусской дожинальной «бороды» в картографическом аспекте // Живая старина. 2008, № 4, С. 33.

³⁵⁰ Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Мотив «уничтожения—проводов нечистой силы» в восточнославянском купальском обряде. // Исследования в области балто-славянской культуры. Погребальный обряд. — М.: Наука, 1990, С. 110.

³⁵¹ Ивлева Л.М. «Весна»—«лето» в системе весенней календарной обрядности Рязанщины // Экспедиционные открытия последних лет. — СПб.: Дм. Буланин, 1996, С. 91.

кает весну, а с ним и солнце, которое, как известно из преданий и иконографии, есть отделенная от тел голова. И вот головы птичек-выпечки, предвестниц весны и глашатаев солнца, выставляют на высоты. Возможно, в какой-то связи с этим обыкновением стоит болгарский обычай, отмечающий окончание молотьбы: «В Кюстендилском крае (з.-болг.) режут курицу (говоря об этом: заклахме квачката «окончили молотьбу», букв.: «зарезали курицу»), голову которой кладут на стожер» (СД 3, С. 289).

Весеннее обрядовое печенье Нижегородчины: «жаворонки» (Сеченовский р-н, с. Ясное), «чижики» (Дальнеконстантиновский р-н, д. Белая).

Приводимые далее примеры, где в ходе праздничного обряда фигурируют отделенные от тела головы, большинством исследователей связываются с пережитками языческих кровавых жертвоприношений. В специальной работе автором разобрана данная тема, включая указанные случаи, где показана магическая подоплека подобных ритуалов, что как минимум ставит под большое сомнение гипотезы о пережитках. Посему углубляться в данный вопрос здесь не будем, просто отметим, что в тех случаях, когда цитата говорит о кровавом жертвоприношении, речь совершенно не обязательно идет о нем. Скорее же — вовсе не о нем.

«Еще в конце XIX и начале XX в. в масленичных обрядах прослеживались элементы жертвоприношений. Так, например, у сербов и хорватов было принято на масленицу резать кур, причем часто их резали на пороге дома. Отрубали им лапы и здесь же закатывали [...], или отрубали голову и бросали ее в очаг [...], или обходили дом, держа в руках зарезанную курицу, а лапы ее закатывали в саду [...].» (КОЕ В, С. 251). Здесь, вероятно, преследовалась цель уберечь птицу от падежа по принципу отдать малое за большее,

подобие — за настоящее, при том отрываемая и выбрасываемая голова, как главная часть тела, могла символизировать целое. Ср. также следующее описание обряда Юрьева дня: *«старший в семье перед выгоном скота ходил на дуг до зари «выкликать волка»: «Волк, волк, скажи, какую животину облюбуетишь, на какую от Егория тебе наказ вышел?» Потом хватал в овчарне первую попавшуюся овцу и закалывал ее, в поле кидал ноги и голову»* (СД 1, С. 498). А также другие вариации на эту тему: *«В ритуале заклания петухов прослеживались пережитки жертвоприношений (в ряде областей, например в Среме, голову петуха перебрасывали через дом)»* (КОЕ ЛЮ, С. 214); *«Аналогичен обряд, совершавшийся в Верхней Австрии во время трапезы в сочельник: среди выпекавшихся фигурок из теста была и антропоморфная, ее называли «хозяин дома». Глава семьи разламывал эту фигурку на куски по числу членов семьи, а голову ее бросал в колодец. Действие это — возможно, напоминание о человеческой жертве воде или ее духу»* (КОЕ 3, С. 166); У «камня серого дикого» близ деревни Лужицы³⁵² во время Филипповского заговенья (14 ноября) собирались дети от четырех до десяти лет и *«приносили ежегодно по петуху, и, отрубя голову, бросали на оной камень. А петуха, сварив, ели у того же камня одни малолетние; а тех петухов давали они крестьяне по очереди подворно»*. Обращаю специально внимание, что делали это того ради, что *«в летния времена, в котором году петуха не принесут и головы на тот камень не бросят, малых ребят и скот топят»* (Лавров, С. 143)³⁵³. Магия обмана, подмены. Головы за головы. Не будет принесено и брошено

³⁵² Деревня расположена в Кингисеппском р-не Ленинградской области.

³⁵³ Вероятно, о подобном обряде шла речь в доносе ямбургского (Ямбург — старое название города Кингисепп) протопопа К. Федорова в Санкт-Петербургское духовное правление от 1731 года о пережитках язычества у местных жителей: *«В деревне Вазговичах... имеется у стены (часовни) огороженный крест и две березы, к которым на Флоров день и на Воздвижениев дни, принося петухов, закаляют и кровь на оной крест и на березы проливают, а головы их под крест кладут, и оных петухов у того креста и берез едят и в постныя дни и на Воздвижениев день»* (Лавров, С. 133). Мы вправе предположить, что сходные в целом обряды, зафиксированные в одной и той же местности, могли иметь сходную подоплеку. Магическую подоплеку, где важной составляющей ритуала была именно «менее ценная голова», подменяющая собой людей и скотину (недаром — Флоров день!), от которых таким образом отводили напасть.

хоть каких-то голов, пусть и самых зряшных, — будет беда на людские и скотьи головы.

В других праздничных обрядах очевидно осторожное начало, народ прибегал к защитным чарам мертвой головы: «*Повсеместно у славянских народов при первой пахоте... закапывали кости пасхального поросенка (полес.); голову убитого петуха (серб.); кости и перья курицы, принесенной в жертву (болг.)... рождественскую птицу (мясо, хлеб — серб.)...*» (СД 3, С. 655).

В Болгарии перья и голову петуха, зарезанного и съеденного на Петловден (20 января), откладывают как лечебное средство от различных болезней (Попов Р, С. 170). Так же поступали и во время осеннего праздника Черкувка — резали черных кур где-то около культового места, кровь сливали в корни священного дерева, мясо съедали, а головы укладывали вместе на каменной плите, по направлению «к восходу солнца», и там оставляли. «*В редких случаях женщины берут домой несколько куриных голов или перьев, которые используют для лечения болезней и сглаза или для окуливания больных, пораженных навями, рожениц и новорожденных*» (Попов Р, С. 173).

Замена

Раз уж мы упомянули магию замены, продолжим тему далее, но в другом уже разделе, так примеры здесь по большей части некалендарные.

О том, как головы, требуемые духом-хранителем клада, согласно условиям хозяина сокровищ, заменяются дешевыми головками чеснока, ранее уже говорилось (Опришки, № 549). Обман, подлог, но — в строгом соответствии с требованиями, высказанными при зарытии клада.

Чтобы задобрить водяного хозяина, «*бросали в воду живых животных, падаль, сушеную ящерицу, птицу (черных уток, кур, голубей, гусей, голову петуха), жертвовали первый улов рыбы...*» (СД 1, С. 399). Это всё тот же случай, что и в д. Лужицы — методы спастись от «потопления на водах». «*Вот апрель, так надо ему подарки нести, бросать в реку, чтоб не трогал никого этим летом. Может, тогда и не утащит*»³⁵⁴. Водяного, грозного с недосыпу, обманывают такими вот поделками («*хотя ворону бросить дохлую*

³⁵⁴ Никитина А.В. Русская демонология. — СПб.: Изд-во СПбУ, 2006, С. 100.

надо»³⁵⁵), чтобы он, посчитав по головам, сколько «штук» утонуло, тем и успокоился, а людей и скот более не топил. Кого именно ему подсунули, и что их именно подсунули — в такие подробности речной дух вдаваться не будет. Равно как не задумывается над вопросом, а есть ли у головы тело, домовой, из хозяйства которого изымают птицу на прокорм водянику: *«Оставишюся голову относят на птичий двор из опасения, чтобы домовой по убыли не узнал о проделках мужика. Известное дело, что заботливый домовой ведет счет по головам. Есть голова налицо, он спокоен»* (Сахаров, С. 308).

В похоронной традиции подобная замена также должна была отвести беду от людей: *«Если в доме один за другим умерли двое, в гроб второго усопшего кладут куклу, домашнюю птицу, голову черной курицы, «взамен третьего покойника» (серб.)»* (СД 1, С. 556). После выноса гроба обмывальный горшок иногда разбивают об угол дома, иногда же вешают на самый высокий кол изгороди; *«разбитый кувшин вешают в стойле»*; собирают в него все использованное для омовения, и разбивают за три раза или бросают в реку, болото, овраг, разбивают об ограду; если умер старший в доме, зарывают горшок возле дома, в подполе, под передним углом; разбивают на дворе, *«чтобы домовой не переводился»*³⁵⁶. А теперь вспомним, что горшок — это голова. Тут важно не только разбивание сосуда, что можно понимать как уничтожение выкашивающей семью смерти, но упоминание домового. Домовым духом нередко становится умерший **голова** — старший семьи или основатель рода, становящийся хранителем своих потомков (его **голову** могли хранить в доме).

В сказках о проделках дурака замена ценных голов на головы бросовые — нередкий сюжет. Дед подсовывает голову козла вместо поповской, оторванной сыном-дурнем: *«Взявши, старик зарезал козла и положил на то место козлячью голову, а попову голову обрал»*, народ ищет попа, дурак во всем немедля сознается, но находят не попа, а козла (Бурцев, С. 361); *«Поздно вечером говорит старший брат середнему: «Дело-то выходит неладно! Как станут про дьячка разыскивать, ведь дурак все расскажет. Давай-ка убьем козла да схороним в погреб, а мертвое тело зароем в ином месте». Дождали они глухой ночи, убили козла и бросили в погреб, а дьячка снесли в иное*

³⁵⁵ По заветам старины. Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы. — СПб.: Тропа Троянова, 2005, № 431.

³⁵⁶ Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. — М.: Индрик, 2004, С. 200.

место и зарыли в землю. Прошло несколько дней, стали про дьячка везде разыскивать, у всех расспрашивать; дурак и отозвался: «На что он вам? А намедни я его топором убил, а братья на погреб снесли». Тотчас ухватились за дурака: «Веди, показывай!» Дурак полез в погреб, достал козлиную голову и спрашивает: «Ваш дьячок черный?» — «Черный». — «И с бороною?» — «Да, и с бороною». — «И рога есть?» — «Какие там рога, дурак!» — «А вот смотрите!» — и выбросил голову. Люди смотрят — как есть козел, плюнули дураку в глаза и разошлись по домам» (Аф, № 402).

В сюжете, аналогичном пушкинской сказке о Балде, герой тягается с чертями, силе противопоставляя хитрость, предлагая побегать наперегонки с зайцем или побороться с медведем, якобы его братьями. Здесь появляется и еще один «родственник», старая матушка, с навеки застывшей улыбкой. Старший черт дает наказ своему представителю, спорящему с героем:

«Иди, каже, гадина, котрий котрого пересміє, то допіро буде витягаты.

А в ёго, у того чоловіка, у корчах та лежить кобыляча голова, дак вин и каже:

— А, дурню, дурню, каже; в мене стара мати є, та й та тебе пересміє.

— Допіро, чорт каже, а нуж!

— Я викличу, каже чоловік.

Та узав и положил на кий тую голову. Той сміявся, сміявся, а коняча голова стоить на кий. Взяло гаденя опъять побігло до старшого» (Чубинский 2, Ч. 1, № 107).

Опять подмена. Не своей головы, так чужой.

P.S. Это и есть ответ на все вопросы, которые только могут возникнуть в связи с магией мертвой головы.

Никаких выводов или итогов, завершающих книгу, не воспоследует.

Потому как, во-первых, всё уже сказано и пересказано. Разъяснено примерами. Снабжено комментариями.

А во-вторых, sapienti, как говорится, sat.

Май–октябрь 2010, Рязань.

ЧЕРЕП В РУКАХ БОГА

Словарные статьи о Яриле отмечают одну любопытную деталь его описания: *«Ярила сохранился в славянской весенней обрядности как персонаж низшей мифологии, воплощаемый в белорусской традиции девушкой, одетой в белое, с венком на голове, ржаными колосьями в правой руке и человеческой головой в левой, на белом коне»*³⁵⁷. Для энциклопедии «Мифы народов мира» эту статью готовили ученые с мировыми именами — В.Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов. Запомним этот момент. Энциклопедии вторит словарь «Славянская мифология» (пробник этнолингвистического словаря «Славянские древности», до буквы «Я» еще не дошедшего), где размещена статья за их же авторством: *«Его изображала женщина, наряженная молодым красивым босоногим мужчиной в белой рубахе; в правой руке она держала человеческую голову, в левой — ржанные колосья»*³⁵⁸. Современных записей о Яриле с подобной деталью в руках нет, об этом говорит один-единственный источник, именно его на разные лады пересказывают Топоров с Ивановым. В 1846 г. П.М. Шпилевский (под псевдонимом П. Древлянский) публикует статью «Белорусские народные предания», где о Яриле у белорусов написано буквально следующее (глава XVIII): *«По их мнению, Ярыло всегда бывает покрыт белою мантиею; на голове у него венок из свежих весенних полевых цветов; в правой руке держит он человеческую голову, а в левой — маленький снопок (горсть) ржанных колосьев; ноги у него босые»*³⁵⁹. Не буду даже обращать внимания на такую маленькую промашку, как путаница с руками — у Топорова с Ивановым рука с искомым атрибутом указана левая, а не правая, как в оригинале. Все ошибаются, даже маститые. Впрочем, в дальнейшем авторы исправились. Обращу внимание на другое — утверждение, что

³⁵⁷ Мифы народов мира. Энциклопедический словарь. В двух томах. Т. I. — М., 1988.

³⁵⁸ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М., 1995, С. 397–398.

³⁵⁹ Древлянский П. Белорусские народные предания // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. — М.: Ладомир, 2002, С. 265.

девушка, ряженая Ярилой, держит в руках череп, базируется на словах источника: *«избравши одну девицу Ярылой, одевают ее точно так, как они представляют Ярыла, и сажают ее на белого коня»*. Шпилевский ни слова не сказал об атрибутах! У него сказано — одевают. Белая рубаха, венок на голову (на 27 апреля — когда празднуют Ярилин день — в Белоруссии уже жарко), босоноготь. Все это понятно. Одеть в это (в случае с ногами — наоборот) нет никаких проблем. Но снопик ржаных колосьев и череп? Позвольте не поверить. Шпилевский пишет: *«В честь его Белорусцы празднуют время первых деревенских посевов (в Белоруссии) 27 Апреля»*. Первые посевов! Откуда же взяться ржаным колосьям? Про человеческий череп я уж и вовсе молчу. Не было такого, чтобы черепа в указанную пору хранились по домам как атрибут для весеннего ряженья. Не было и такого, чтобы мертвые головы валялись по полям неприбранные, и простой народ по мере надобности подбирал их ради забавы. Коли нашли бы, либо захоронили (почитайте сказки), либо обозначили место как нечистое и больше туда ни ногой. А найди череп у кого дома... Тут бы вчерашние добрые соседи немедля припомнили бы мнимому колдуну все несчастья, случившиеся на селе за последний десяток лет, и даже собственноручно приготовили бы для него красивый и большой костер.

Уважаемый П.М. Шпилевский сказал лишь о том, каким Ярилу представляют — в белом, в венке, босым, с черепом и колосьями в руках; фраза же о том, что сообразно представлению о его образе рядят девушку, поясняет лишь детали ее одеяния. А осмысление, что имелись ввиду еще и атрибуты, принадлежит уже исследователям, не нашедшим времени более вдумчиво и с проверкой на логичность перечитать этот фрагмент. Впрочем, для нас даже не важно, держала ли девушка в руках череп или нет. Куда интереснее, а имелся ли такой символ у самого Ярилы?

Многочисленные пересказы указанного текста, сделанные указанной парой исследователей, осмысленные ими на разные лады и освященные их авторитетом, ничего в плане дополнительной информации не меняют — перед нами единственный источник, других нет, даже если и создается обратное впечатление. Что ж, исключительность объекта ни о чем худом не свидетельствует: известно огромное количество произведений, дошедших до нашего времени или существовавших в единичном экземпляре, что не мешает использовать их как источники вполне достоверные. Так до

последнего времени относились и к сообщениям П.М. Шпилевского о Яриле, повторяя их едва ли не на каждом углу. Но не все думали так, и не всегда. А.Л. Топорков в недавнем своем разборе данного творения Шпилевского³⁶⁰ приводит точки зрения ученых XIX в. Общий итог о «Белорусских народных преданиях» (далее БНП) получился весьма нелицеприятный: «Так, например, А.А. Потехня писал в работе, опубликованной в 1865 г., о том, что Древлянский в БНП «смешивает свои и чужие фантазии с народными поверьями, выдает какие-то варварские вирши за народные песни и потому авторитетом... быть не может». Несколько ниже он говорит о БНП как о «мутном источнике», хотя и признает, что в отдельных сообщениях Древлянского может быть «некоторая доля истины»; «Касаясь последующих публикаций П.М. Шпилевского, А.Н. Пыпин отмечает, что многое в его сообщениях имеет только беллетристический интерес и не может считаться достоверным».

Свое мнение А.Л.Топорков также не особо скрывает, выражаясь весьма определенно: «Автор подробно описывал внешность таких богов, как Перун, Ярила и др., их атрибуты и функции. При этом ситуация изображалась таким образом, как будто верования в древнерусских языческих богов оставались и во 2-й четверти XIX в. вполне актуальными в Белоруссии»; «Для того чтобы нагляднее представить себе, до какой степени недостоверны сообщения П.М. Шпилевского, приведем пример из его статьи о волках-оборотнях. Комментируя известное свидетельство Геродота о неврах, которые умели оборачиваться волками, П.М. Шпилевский отмечает: «К свидетельству Геродота прибавим то предание жителей пинского Полесья (Минской губ.), что Овидий жил некогда возле нынешнего г. Пинска в пещере, на высокой горе, окруженной со всех сторон озерами и черотом (тростником большим), куда, будто, ссылали его за дерзкие стихи...». К этому месту П.М. Шпилевский делает примечание: «Записано с уст народа». Кажется, комментарии в этом случае излишни»; «Такое впечатление, что время от времени П.М. Шпилевский и сам начинал сомневаться в своих писаниях и чувствовал какое-то неудобство от избытка собственных фантазий. Тогда появлялись оговорки такого типа: «Впрочем, все

³⁶⁰ Топорков А.Л. О «Белорусских народных преданиях» и их авторе // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. — М.: Ладомир, 2002.

эти остатки языческих верований – редкость в Белоруссии: они известны более в предании, чем на деле»; «И тем не менее БНП невозможно рассматривать как достоверный источник. П.М. Шпилевский фантазировал, досочинял реальные данные сведениями занимательными, а подчас и совершенно немислимыми, выдавая их за собственные записи из уст простолюдинов».

Так что, если мериться авторитетом, то сторонников Шпилевского окажется несколько меньше, а против него выступают известнейшие исследователи, включая А.А. Потебню и А.Н. Пыпина. Одним словом, доверие, оказываемое Топоровым и Ивановым сведениям Шпилевского о Яриле, необъективно и кажется необъяснимым. Или дело было в том, что эти данные удачно вписывались в их реконструкции?.. Примечательно, что из-за уважения к этой паре исследователей А.Л. Топорков их собственно даже не критикует, а лишь упоминает. На наш взгляд, тема закрыта полностью — уникальные сведения Шпилевского приходится признать плодом его собственной фантазии. Никаких причин считать, что Ярила как-либо связан с символикой мертвой головы, нет, равно как и нет параллелей. В ходе небольшой дискуссии, произошедшей между мной и еще одним исследователем—традиционалистом (обойдемся без имен), им были предложены в качестве параллелей следующие моменты:

1. Совершенно не факт, что голова в руке у Ярило человека — скорее всего речь идёт о черепа лошади. И вот де почему: В Беларуси «в Егорьев день они ищут конскую голову, и, найдя ее, натыкают на кол для предохранения скота от падежа» (Ефименко П.С. О Яриле, языческом божестве русских славян. СПб, 1869). Мнение моего оппонента: «Таким образом череп в руке Ярило использовался для предохранения от смерти».

Ответить тут довольно просто. П.М. Шпилевский недвусмысленно сказал: «в правой руке держит он UUUUчеловеческую голову». Так что пример с лошастью здесь не вполне уместен. Это раз. Второе: Егорьев день, праздник Ярилы — это день выгона скота, в связи с чем владельцы оного применяют всевозможные обереги для его защиты. Причина, по которой в ход шли черепа, подробно рассмотрена в главе, посвященной оберегам. Там же приводится подборка примеров, из которой следует, что:

а) использовали для оберега скота практически любые крупные и доступные черепа, не только лошадиные (и это лишний раз

доказывает, что человеческие головы как раз доступными артефактами не являлись);

б) этот оберег устанавливали в любое время, а не только на праздник в честь Ярилы–Егория. Одним словом, параллель между человеческим черепом в руках Ярилы и конской головой на шесте оказывается мнимой. Вывод о значении черепа как атрибута Ярилы, соответственно, верным признать нельзя.

2. Номером вторым мне было указано на то, что Семик, когда хоронят Ярилу, совпадает с днями поминовения (Троицкими–Семиковыми Дедами), в том числе и заложных покойников, утопленников и утопленниц. Ну а атрибутикой этого является мёртвая голова.

Это частное авторское мнение. На мой взгляд, связи здесь нет ни с чем, ибо:

а) похороны Ярилы в разных регионах производятся в разное время и даже по случаю (при засухе), а наиболее достоверная реконструкция относит этот обряд как изначальный ко времени праздника Купало, когда Божество одного сезона (весны) уступает (умирает) Божеству следующего сезона;

б) Троица и Семик, скорее всего, наложились на тот день поминовения предков, который нам известен по западной традиции — ночь с 30 апреля на 1 мая (Вальпургиева ночь, Самайн), это и были наши «Весенние Деды»; в итоге между днем Ярилы (21 апреля в народе (Егорий), 27 апреля по Шпилевскому) и днем поминовения 1 мая слишком невелик разрыв, чтобы сюда успела поместиться «сезонная жизнь» Божества; да и куда девать похороны чучела Ярилы, производимые позже майских праздников?

в) поминки поминками (и неважно, по майской дате или по произвольному Семику), но никакая атрибутика в виде мертвой головы в обрядности этих дней не зафиксирована; можно сколь угодно говорить о том, что предки=мертвецы=череп, но нужны доказательства, что народ хоть как–то использовал этот символ во время календарных поминок, хоть где–то его изображал или обыгрывал, но этого нет; единственное исключение — «вождение русалки» (описанное в Ч. II, гл. 1), но там задействован череп лошади, и именно лошадь изображают ряженные — так что, это наш предок?

3. В качестве заключительной параллели была отмечено сходство между образом Ярилы–с–черепом и балтским Потримпсом, который также изображен с венком на голове, колосьями и мертвой

головой в руках на прусском знамени Видевута, которое, как полагают, украшало святилище Ромуву или было одним из егопологов.

Что ж, это действительно интересная параллель, но воспользоваться ею не удалось. Более того, попытка в ней разобраться вылилась в небольшое детективное расследование. Итак, мой уважаемый оппонент имел в виду следующее знамя:

Если не ошибаюсь, впервые оно воспроизведено здесь: T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t.1 — Mitologia litewska, Wilno, 1835. Действительно, крайний слева персонаж держит в сложенных руках нечто вполне похожее на череп. Замечу, прорисовка довольно плохая. Часть свода черепа образована за счет разведенных пальцев правой руки, отчетливо видно только две точки—глаза и что-то вроде треугольного носа, о наличии верхней челюсти можно лишь догадываться. Словарь «Мифы народов мира» помогает разобраться, кто есть кто на знамени:

«**Потримпис** (*Potrimpus, Potrympus*), в прусской мифологии бог. В письменных источниках XVI—XVII вв. назван богом рек и источ-

ников. Согласно немецкому хронисту XVI в. С. Грунау, П. вместе с Патолсом и Перкунасом составляли триаду богов, изображавшихся на прусском знамени: считалось, что П. приносил удачу в сражениях. П. — безбородый юноша в венке из колосьев, в противоположность Патолсу, старцу с длинной бородой. Вероятно, П. имел также отношение к весне и плодородию».

«Патолс, Патолус /.../ в прусской мифологии бог подземного мира и смерти. /.../ В «Хронике» С. Грунау (XVI в.), сведения которого безосновательно считались фальсификацией, П. упомянут третьим в описании прусского знамени с изображениями чернобородого Перкунаса (Перкунаса), безбородого юноши Потримпса и мертвенно бледного старца П. с большой седой бородой, покрытого белым платком. Третьим он предстаёт и в описании вечнозелёного дуба в святилище Ромове /.../, разделённого на три части, в каждой из которых устроено оконце с кумирами Перкунаса, Потримпса и П.: его атрибутами были мёртвые головы (их изображения?) человека, лошади и коровы».

*«Перкунас, прус. *Perkun(a)s, Перконс /.../, в балтийской мифологии бог грома, молнии, дождя. /.../ Симон Грунау («Хроника», начало XVI в.) в описании прусского знамени помещает Перкунаса, изображённого в облике гневного мужчины средних лет с вьющейся чёрной бородой, увенчанного пламенем, между юношей Потримпсом и старцем Патолсом».*

Напомню, Бог, с которым предлагалось отождествлять Ярилу — это Потримпс. Он, как и Ярила, молод, на голове имеет венок из колосьев, в руке держит серп и имеет отношение к весне. Действительно, едва ли не полное тождество нашему Яриле. Вот только череп держит не он, а Патолс, Бог смерти. То есть предложенная параллель оказалась параллелью мнимой. Ну да и пусть, главное ведь, что череп в руках Божества всё же нашёлся! Чего же боле, казалось бы? Тем паче, что и словарная статья сообщает: *«его атрибутами были мёртвые головы (их изображения?) человека, лошади и коровы».* Бог потустороннего мира, отсюда и череп в руках, всё логично. На этом бы и в самом деле можно было бы успокоиться, успешно развеяв миф о черепе в руках Ярилы. Но...

Но дело в том, что на других изображениях того же знамени такая деталь, как череп в руках Патолса, отсутствует. На всех. Нет атрибутов и у других Богов триады — ни молний у Перкунаса, ни серпа у Потримпса. Обращаю также внимание, что и словарные статьи

об упомянутых Богах ничего про атрибуты на знамени не сообщают. Разумеется, логично, чтобы у Громовержца в руках были молнии, у Бога весны (плодородия?) — колосья и серп, а у Властителя Смерти — череп. Более чем логично — необходимо! Но ничего этого нет ни на одном другом изображении.

Присмотримся повнимательнее.

Кристоф Гарткнох «Altes und neues Preussen», 1684. Рисунок сделан по описанию Симона Грунау в 1526

*То же изображение в книге:
Grunau's S. Preussische Cronik. — Leipzig, 1876.*

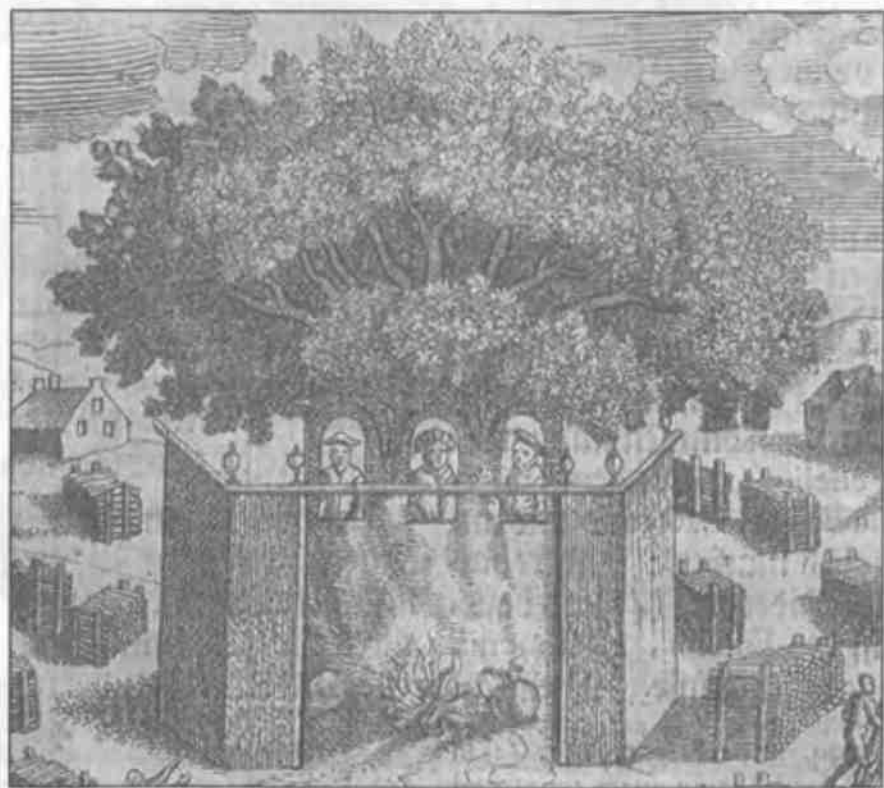
Что наблюдаем? Размещение Богов совершенно одинаковое на всех трех рассматриваемых изображениях знамени, позы их идентичны, расположение рук у Богов практически совпадает, но в руках пусто. Заметна и разница в исполнении рисунка — исследуемый образец выглядит куда аляповатей, грязнее и примитивнее, нежели варианты, взятые для сравнения. Контраст в технике будет очевидней, если посмотреть на еще одну зарисовку знамени, ориентировочно датирующуюся XVIII в.

Головной убор Патолса, превратившийся у иллюстратора Нарбутта в какую-то грязную тряпицу, на деле оказался вполне благопристойного вида средневековой шляпой. Ох, не простил кое-кому, как мне кажется, суровый Владыка загробного царства такого надругательства над собой... Примечательно, что на последней прорисовке венки на голове у Потримпса куда более точны, ибо у Гарткноха он стилизован до неопознаваемых продолговатых листьев, а здесь вполне можно разглядеть колосья, о которых описание Грунау и сообщало.

Итак, у нас имеется несколько (не меньше трех) более ранних рисунка знамени Видевута без атрибутов, и одно, более позднее и грубо выполненное, с атрибутами. Какой из версий отдать предпоч-

тение? На мой взгляд, ответ очевиден. Можно даже понять, как позднейший копнист действовал. Он довольно умело, по сути ничего в картине не нарушая, обыграл имеющееся на его оригинале положение рук Богов, вложив в них по предмету. Перкунасу дал громовой камень (?) и традиционную молнию, известную с античных скульптур Зевса—Юпитера, Потримпсу вложил в сложенные руки серп (тоже античное влияние?), а с Патолсом и вовсе обошелся виртуозно, соорудив из складок его одежды и переплетения пальцев вполне опознаваемый череп. Обратная последовательность действий — удаление атрибутов из божественных рук — представляется полностью алогичной. За предложенный вариант свидетельствует также тот момент, что копнист вложил серп в *левую* руку Потримпса, что согласовалось с композицией, но является очевидной неувязкой.

Прусское святилище Ромула, 1684

Легендарный герб пруссов (из хроники Иоганнеса Мельмана, 1548)

То же расположение Богов мы видим и на гравюре из того же сочинения Гарткноха «Старая и новая Пруссия», где изображено святилище в Ромуве вокруг почитаемого дуба, в трех дуплах-нишах которого были помещены идолы прусской Троицы. На «гербе пруссов», приведенном в хронике Иоганнеса Мельмана (1548 г.), повторена эта же композиция, только дуб вынесен отдельно наверх, триада Богов расположена не подряд, а Потримпс изображен в виде негра...

Впрочем, хватит логики. Можно обратиться к источнику, послужившему отправной точкой для всех этих изображений знамени — к тексту самого С. Грунау. Всё станет ясно сразу же. Там нет ни слова о черепе в руках у Патолса: «Das dritte bilde war ein alter mahn mit einem langen groen bardt und seine farbe gantz totlich, war gekronet mit einem weissen tuche wie ein morbant unde sag von unden auff die andern an unde his Patollo mit namen». Хотя и говорится о мертвых головах, являющихся атрибутами Бога: «Das dritte bilde Patolli hilt inne die dritten seite, und sein cleinott war ein todten kopff vonn eim menschin, pferde und ku». Есть основание предполагать, что речь идет именно о черепках, а не об их изображениях, как допускают авторы статьи о прусских Богах. На упомянутой уже гравюре, изображающей прусское святилище можно отчетливо разглядеть описанные Грунау атрибуты Перкунаса — неугасимый огонь («domit man stetis feuir hette von eichenem holtze tag und nacht»), и Потримпаса — горшок, из которого пьет молоко посвященная Богу змея («het vor sein cleinot eine slange, und die wardt in einem grosen toppe irnert mit milch»). Огонь изображен по центру проема ширмы, загораживающей священный дуб, как расположен посреди дуба и сам прусский Громовержец, сосуд с намеченными около него завитками-змеями — справа, с той же стороны, что и Потримпас. С левой стороны, где изображен Бог смерти тоже не пусто. И хотя по рисунку опознать в округлом предмете череп практически невозможно, это все же он. Больше там быть нечему, раз уж изображение столь буквально иллюстрирует описание Грунау. Итак, череп есть, но не в руках Бога. Не на знамени.

Отдельный инетерес вызывает загадочная надпись на знамени, похожая больше не н руны, а на закорючки пунического типа, но превратившаяся именно в руны на позднейшем изображении в книге Нарбутта. Предоставлю слово известному отечественному рунологу Антону Платову, поучаствовавшему в обсуждении данной темы с автором. Он отметил, что старейшая прорисовка знамени Видевута

была сделана в 1585 г. Каспаром Хенненбергером. Однако, предпосылки к ней, как мне кажется, можно искать в иллюстрации из хроники И. Мельмана, от 1548 г., изображающей герб с той же Троицей Богов.

Далее А. Платов рассуждает о надписи на прорисовке Нарбутта: *«Простой вопрос: мог ли выдающийся ученый и инженер, автор 9-томного труда «История древнего народа Литвы», настолько ошибиться, перерисовывая данную картинку с гравюры К. Хенненбергера, Л. Давида или К. Гарткноха? Думаю, что это нереально. Можно было бы еще объяснить, например, появление какой-либо отдельной детали излишним «рвением» художника, но изменения настолько серьезные... Очень вряд ли. Значит, Нарбут использовал другой источник?»*. Тут есть что возразить. Во-первых, никакие регалии и врожденная интеллигентность, как известно, не гарантируют, что их обладатель не может слегка... «увлечься». В любой области. От кулинарии до криминала. А уж в такой «невинной», как приукрашивание истории... Наш уважаемый Б.А. Рыбаков, например, вполне позволял фантазиям брать верх над научным подходом, а И. Сахарова и вовсе ловили на подлоге текстов. Во-вторых, а причастен ли тут выдающийся ученый и инженер Нарбутт? Ведь изменения могли произойти и по вине художника, птицы вольной. Захотелось ему — и всё тут, будет прусский Перконс точным подобием Юпитера! Ну а точность, с которой воспроизведены позы Богов, однозначно свидетельствует о зависимости иллюстрации книги Нарбутта от предшествующих ей по времени гравюр с изображением знамени. Стало быть, о другом источнике говорить не стоит.

Дальше слово снова Антону Валерьевичу: *«возникает вопрос: а какой вообще источник у этих прорисовок — только текст Симона Грунау? А откуда детали? Достаточно конкретные, чтобы позволить тому же Кулакову делать выводы о генезисе данной триады богов (см.: Кулаков В.И. Боги Видевута // Letonica, Riga, Nr 10, 2004). В общем, в любом случае, с ходу предполагать, что публикация Теодора Нарбутта — подделка, не стоит»*. Детали, в смысле атрибуты в руках Богов, добавлены по указанной уже ранее логике, ибо Громовержцу положено соответствующее оружие, Богу Смерти — характерный знак этой самой смерти и т.д. О подделке речь не идет. Перед нами мистификация, причем ненамеренная. Художник хотел лишь разнообразить (не улучшить, это точно) копируемое им

изображение, случайно введя в заблуждение отдельных исследователей.

Мысль об интересе к «рунам» на знамени, которое выказал упомянутый В.И. Кулаков (*«Надпись на «знамени Видевута» находит аналогии как в англо-саксонской, так и в тюркской рунических системах»* (Кулаков В.И. Элементы письменной культуры населения земли пруссов // КСИА. вып. 208. 1993)), оставим в стороне, его интерес (не более), как говорится, к делу не пришьешь. Да и замечены спецы — и не раз! — в досадных промахах по непрофильным для них темам, ибо доверяют непроверенной информации из вроде бы внушающих уверенность источников. На мой взгляд, копиист Нарбутта просто заменил непонятные ему закорючки оригинала, которые лень было перерисовывать, на напоминающие руны знаки, более-менее представляя себе, что это такое.

Так что, никаких мертвых голов...

Экскурс II

ОТГОЛОСКИ КОСМОГЕНИЧЕСКОГО МИФА

Как кажется, древний миф о ПервоБоге, расчлененном на части ради создания мира, в крайне упрощенных формах сохранился не только в духовном стихе «Голубиная книга», но и в других жанрах отечественного фольклора. Попробуем перечислить известные примеры.

Так, к примеру, украинская песня, повествующая о том, как утонула девушка, заканчивается просьбами неутешной матери:

*...Ганнина мати громаду збирала,
Громаду збирала, усім заказала:
«Не беріте, люде, у броду води,
Що й у броду вода, то Ганнина врода,
Не ловіте, люде, у Дунаї риби,
Що в Дунаї риба, то Ганнино тіло.
Не косіте, люде, по луках трави,
Що по луках трава, то Ганнина коса.
Не ломліте, люде, по лугах калини,
По лугах калина, то Ганнина краса».³⁶¹*

В русском духовном стихе о том же просит брата утонувшая сестра:

*Ты ня пей, братиц мой, ключавую ваду.
А крутой беряжок — эта грудь мая,
Шелкавая трава — эта волос мой,
Белы камушки — эта глазки маи /.../
Ключувая вада — эта кров мая.³⁶²*

Водою становится уже не кровь ПервоБога, а кровь девицы, древами и травами — не волосы, а коса Ганны³⁶³. Сложный сюжет

³⁶¹ *Потебня А.А.* Слово и миф. — М.: Правда, 1989. С. 531.

³⁶² Смоленский музыкально-этнографический сборник. Том 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. — М.: Индрик, 2003, с. 374.

сохранило и севернорусское (в верховьях р. Пижмы) старобрядческое предание, повествующее в том числе и о расчленении: *«Скит горел, и в окно выпрыгнула девушка Елена. И побежала прочь от этого места. Солдаты догнали её у ручья. Отрубили голову, тело на клочья разрубили и выбросили в ручей. Девушка была рыжеволосая. С тех пор в ручье с ранней весны до поздней осени растёт рыжая трава — как память о загубленной душе»*³⁶³. В Рязанском крае рассказывали про проклятую мать девушку Алену, утонувшую на Ильин день: *«Водяная трава — тина — Аленушкины волосы»* (ШЭС, С. 77). Продолжает тему сказочный сюжет, где описывается расправа над неприятельницей героини путем привязывания ее к коню: *«где кусточки — там ее кишочки; где кочки — там ее почки; а где лужки — там ее требушки»* (ФКГ 2, С. 81). Можно подумать, что говорится о том, на каких местах пути зацепились оторванные части тела. Но это не так. Читаем украинскую сказку: *«попрывязував до жеревив косами до хвоста и пустыв в степ. Побизжались воны в степ, и де вдаритьця головою — могила, де ударитьця с... — долина»* (Чубинский 2, Ч. 1. № 7). В другом варианте сюжета возникновение материальных объектов природы из частей тела читается еще отчетливее (неприятельницу, в данном случае — Ягу, расстреляли): *«Где упала голова, так тут выросла кочка; где упали руки, выросли грабли; где упали ноги, выросли клюшки; а где упал хохол — от, болото выросло непроходимоё, а посреди болота река»* (Вятск, № 11). Наблюдающаяся в указанных примерах «женская составляющая» дает возможность предполагать наличие также такого мифа о творении, где действует не Бог, не некий Андрогин, но Богиня-Мать. Да, та самая тантрическая версия...

Сюжет сказки «Теремок» обычно разворачивается вокруг горшка (вар.: рукавицы), который заселяет разная мелкая живность: *«Ехал мужик с горшками, потерял большой кувшин. Залетела в кувшин муха и стала в нем жить-поживать»* (Аф, № 83). Не

³⁶³ К слову сказать, происхождение трав от волос Божества отразилось в названии некоторых из них, например: поль. *«dlon chrystusowa»* — пальчатокоренник пятнистый *Orchis maculate* L.; *«богоматерина коса»* — зверобой *Hypericum humifusum*; *венерины волосы* — *Adiantum*.

³⁶⁴ Дронова Т.И. Легенды и предания о местнотимых святынях и поклонных местах Пижемского края (по материалам исследований нижнепечорских староверов-беспоповцев) //

http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/library/rjabinin2007/2_ethno/dronova.htm.

акцентируя сейчас внимания на том, что горшок является одним из символических подобий мертвой головы, хочу отметить такой вариант сказки, где теремком служит настоящий череп.

«Лежит в поле лошадиная голова. Прибежала мышка-норышка и спрашивает: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» Никто не отвечает. Вот она вошла и стала жить в лошадиной голове. Пришла лягушка-квакушка: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Я, мышка-норышка; а ты кто?» — «А я лягушка-квакушка». — «Ступай ко мне жить». Вошла лягушка, и стали себе вдвоем жить. Прибежал заяц: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Я, мышка-норышка, да лягушка-квакушка; а ты кто?» — «А я на горе увертыш». — «Ступай к нам». Стали они втроем жить».

Прибежала лисица: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш; а ты кто?» — «А я везде посकोкиш». — «Иди к нам». Стали четверо жить. Пришел волк: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш, везде посकोкиш; а ты кто?» — «А я из-за кустов хватыш». — «Иди к нам». Стали пятеро жить. Вот приходит к ним медведь: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш, везде посकोкиш, из-за кустов хватыш». — «А я всех вас давишь!» — сел на голову и раздавил всех» (Аф, № 84).

Это не вольность сказителя, а вполне устоявшийся образ. К примеру, в польской сказке описывается, как герой разделил между львом, ястребом, псом и муравьем забитую ими дичь. Все они благодарны и наделяют его волшебными качествами. Муравью досталась голова, и он радуется: *«когда все вылуцу, дом получится огромный и в нем кладовок без счету, чтобы припасы хранить. У самого короля такого дома нет»* (ПНС, С. 51). В украинском варианте конская голова при дележе достается мышке: *«Це для тебе, мишко, обгризеш — найсишся, з черепа зробишь собі хатку»* (Волы, С. 68).

Подобными сказками тема не исчерпывается. Детская тетешка учит запоминать маленького ребенка части тела в довольно примечательной форме. Каждая деталь тела называется путем сравнения с чем-то большим, порой — значительно большим, вполне соответствующем мифу о ПервоБоге, чьи волосы стали лесом:

*Густой лес,
Чистое поле,
Две тополи,
Два окна,
Две подушки...*

(Науменко, С. 291)

В детском фольклоре привлекает внимание также следующая дразнилка, где части тела высмеиваемого получают определенную стоимость. И такое вербальное расчленение весьма и весьма любопытно:

*Алеша — три гроша,
Шейка — копейка,
Алтын — голова,
По три денежки — нога,
Спина да брюшина —
Четыре алтына.*

(ДПФ, № 877)

Если идти в этом направлении далее, то мы обнаружим скоморошины и игры ряженных на святках, где вербальному закланию,

расчленению и распродаже всех частей тела подвергается ряженный «бык», «медведь» или «вепрь». Можно допустить, что перед нами пародия на древний миф о творении мира из тела расчлененного ПервоБога, тексты и сцены, нарочно в «перевернутое время» низводящие сакральное до обценного, превращающие высшее космогоническое предание в незамысловатую потеху, и одновременно безнаказанно высмеивающие пороки общества³⁶⁵.

В скоморошине про «быка Ромодановского» после изложения долгих перипетий с воровством и заклинанием быка описан его делёж:

*Архипу губка: ходит жена ступкой;
Дьякону шейка: ходит попрошайкой;
А дьячку коленица: бьет жену поленцем;
Попу—то бабки: лошади гладки.*³⁶⁶

В Ярославской области после того, как ряженный «бык» падал, «начнут резать его да дилить... Вот кому голову, кому хвост(т), кому ноги — кому што. И девкам, и парням дадут это...». «Делили быка в святки, дак. Сама дилила — кому чево, кто чево заслужив... И приведут его (ряженого) как быка. Вот и делят всё. Всё, начиная с рагов: «Мане рога, штоб не продавала дорого молока!», «Гришке хвост — больно парень балахвост!». Почки, середку разделят... «Федору посик (бычий член), потому што он у всех просит!». «Всим розделим... «Вот Алексею Павлычу ейцо — у его дочь красиваа на лицо!» Вот так розделим всё, што есть — копыта и ноги, и всё—всё—всё, всёо быка по списку. Сами вот собирауца ребята и список составят. Хоть обижайтесь, хоть нет»³⁶⁷.

В колядной песне из сборника В.Н. Добровольского видим то же:

³⁶⁵ Что важно, сакральность затрагиваемого мифа при этом не страдала. Профанация почитаемого была естественным моментом в жизни предков, но глуму при этом была отведена определенная пора. В прочее время сакральное оставалось столь же основополагающим и неподверженным хуле мотивом. К тому же в святочной потехе миф затрагивался только намеком, — разумеется, достаточным, чтобы все легко могли догадаться о предмете сатиры. К тому же, так было проще всегда держать священный миф на виду, в повседневном обиходе. Собственно, и сейчас в ходу анекдоты, высмеивающие даже самое сокровенное.

³⁶⁶ Власова З.И. Скоморохи и фольклор. — С-Пб.: Алетейя, 2001. С. 296.

³⁶⁷ Морозов И.А. Женитьба добра молодца. — М.: Лабиринт, 1998. С. 245.

Збиралися деўки да ўси ў тысяделки, —
 Складаліся деўки да ўси на капейкі,
 А купілі деўкі да чорныга быка.
 — Каму ж быка весьці, каму паганяці?
 — Андрэю быка весьці, Яхаму паганяці.
 — Каму ж быка біці, каму што лупіці?
 — А Івану біці, Сяргею лупіці.

Іванывым рожкі — жыцьці пры ў дарожкі;
 Краўчонковым рэбры — іх детушкі дрыбны;
 Андреевым вока — глядзіць ў чарку глыбока,
 Новіку селязень — яго жонка кавярзень...³⁶⁸

Святкі в деревне. Рязьный «медведь». Гравюра. Начало 1880-х гг.

Если подвести итог, то можно сказать, что космогонический миф весьма сильно повлиял на фольклор, многократно отразившись в разных его жанрах. Что легко объяснимо, если учесть, какое значение в жизни народа имел этот миф и как широко он был известен. В темах

³⁶⁸ Смоленский этнографический сборник. Составил В.Н. Добровольский. Часть IV. — М., 1903, С. 17 (№ 7).

серьезных к образам из мифа обращались как к заданным стандартам-параллелям, в темах игровых — приводили священное знание в более доступное мирское развлечение-инсценировку. Все это перенимали дети, создавая какие-то свои конструкторы, где космогонический миф звучал как далекое эхо. Другое дело, что по этим отголоскам, скорее всего, реконструировать миф было бы невозможно...

Экскурс III

КЕФАЛОФОРЫ

«Святых», согласно легенде об их мученических кончинах, носивших в руках свои усеченные головы, в христианской мифологии не так уж много. Буквально считанные единицы. Наиболее известны католический Дионисий и православный Меркурий Смоленский. Иконография должна отображать главное чудо в их жизни (точнее — чудо, случившееся по их смерти), что мы и наблюдаем. Однако тем дело не ограничилось. Вдохновленные подобными образцами, иконописцы, вводя зрителя в намеренное заблуждение, начали изображать «кефалофорами» («главеносцами») всех подряд «святых», которым отрубили их головы. Возникает, по сути, самостоятельный мотив церковной живописи. Причем эти новые кефалофоры, еще больше путая неискушенного верующего, изображаются с двумя собственными головами: одна на положенном природой месте, другая — точно такая же — в руках. Повторю еще раз: в житии таких «святых» подобного чуда не описывается, канонические и неканонические легенды о том не упоминают. Да и странное какое-то чудо вышло бы — у умерщвленного «святого» временно вырастает вторая голова... И только для того, чтобы произнести очевидное.

К примеру, в поствизантийский период появляется изображение Георгия Победоносца с головой в руках. Сюжет известен по иконам XV–XVII вв., но, как предполагают, возник он много раньше, в XI–XII вв. Рисунок сопровождается надписью–диалогом. У «святого» на свитке написано: *«Видишь, что сотворили беззаконные (люди), о Слово? Ты видишь главу, ради Тебя отсеченную»* (в русском варианте: *«Види христе рабу твое(му) како тебе ради хотяици главу посекоше»*; в хорватском: *«Vidi hriste moj rabu tvome kako tebe radi bezakonici glavu moju posekoše»*); у Христа на подобном списке меньшего размера приведен ответ: *«Вижу тебя, мученик, и даю тебе венец (мученический)»*.

Кефалофором, разумеется, изобразили и Иоанна Крестителя, чья голова даже на миг не осталась при усеченном теле. Тем не менее, на иконе вот он, с двумя головами разом. Блюдо, в котором покоится мертвая голова, — едва ли не то самое, в котором ее передали одной еврейской плясунье...

Аналогично иконе Иоанна Крестителя изображается сербский князь, произведенный в святые — Иоани Владимир (Элбосанийский), убитый в 1015 г. Блюдо с головой, крест на плече, прямое расположение тела.

Икона с Григорием-кефалофором

*Иоани Предтеча с собственной головой.
Икона Андрея Раичевича, 1654. Сербия.*

Иоанн-Владимир Сербский

Икону Георгия Победоносца копирует композиция с изображением князя Лазаря Сербского (правил 1370–1389 гг.), героически павшего в знаменитой битве на Косовом поле. Разве что надписей нет. А так — сходное расположение тела, в левой руке — голова, на правом плече — крест (у Георгия — копье), в верхнем правом углу иконы отмечено наличие Божества. Здесь уже заметна тенденция делать кефалофорами не только тех, кто пострадал за веру и был умерщвлен через отсечение головы, но и тех, кто вообще погиб насильственно.

По мнению толкователей символики такого изображения, отрубленная голова в руках Лазаря отражает его моральные силы и устойчивость во времена великих искушений. Что, разумеется, верно в отношении героя Косова поля, но никак не следует из картины. На

мой взгляд, такая трактовка — более чем позднейшая — абсолютно лишена смысла. Собственная мертвая голова в руках «святого», умершего мученической смертью, первоначально была символом этого самого мученичества, знаком, по которому можно опознать статус новоявленного «святого». Он демонстрирует голову не только своему Богу (задавая при том вопрос, как в случае с Георгием), но и поклоняющимся. Это его атрибут «святого мученика», такой же, как обязательный крест на плече. В дальнейшем же, и только в отдельных случаях, символ придается «святым», не стяжавшим лавры мучеников, и получает расширительное значение, как явное доказательство своей смерти во славу Божества (хотя это «во славу» из обстоятельств смерти вовсе не следует). Почему это происходит, остается в некотором роде загадкой. Ясно, по какой причине наделили подобным опознавательным знаком князя Лазаря, павшего на поле боя: таким образом его уподобили другому воину, куда более известному в рядах «святых» — Георгию Победоносцу. Но что общего, кроме имени, между действительно мучеником Иоанном Предтечей и князем Иоанном-Владимиром? Разве что поверить позднейшей легенде, пытающейся объяснить столь странное иконописное изображение князя, в результате относя сербского князя к настоящим кефалофорам: *«Обезглавленный Иоанн-Владимир взял свою отсеченную голову, подъехал на коне к храму и сказал: «В руке Твои, Господи, предаю дух мой».* Увы, поверить этому тексту невозможно — кефалофоры, сумевшие пройти обезглавленными и с головой в руках, иконами и статуями изображаются именно в момент наивысшего чуда, случившегося с ними. Иоанн-Владимир изображен о двух головах, так что это совсем из другой оперы. Чуда не свершилось, смерть была куда прозаичней, да и вера тут ни при чем, ибо князь пал, не защищая ее, и даже не от рук иноверцев — его убил болгарский царь Иоанн-Владислав (1015–1018), призвав к себе под предлогом переговоров. Причина проста — политика и амбиции. По приказу Византии болгарин убил своего двоюродного брата, болгарского царя Гавриила-Радомира, человека, спасшего его от репрессий царя Самуила, что казнил всю семью Иоанна-Владислава. После чего Иоанн-Владислав захватил престол сам и принялся уничтожать вероятных соперников. Таким претендентом был и Иоанн-Владимир, женатый на Теодоре, сестре Гавриила-Радомира. Никакого мученичества и никакой религии...

Графическая икона с изображением
Лазаря Сербского (главеносного). Конец XVII в.

Среди католических «святых» есть один весьма любопытный кефалофор. Дело в том, что он изображается держащим в руках чужую голову. Речь идет о «святом» Кутberte (St. Cuthbert), уроженце Шотландии. Выходец из бедной семьи, он успел повоевать простым воином в армии нортумбрийского короля, после чего ушел в монастырь. Под конец жизни его поставили в сан епископа на крохотном острове Линдисфарн, где он и умер 20 марта 687 г. Из-за постоянной угрозы вторжений извне в течение следующих столетий останки Кутберта несколько раз перевозят с места на место, пока в 1104 г. они не находят последнее пристанище в новом соборе Девы Марии, что в городе Дарем на северо-востоке Англии. При этом последнем переносе тело Кутберта было обнаружено по-прежнему нетленным. В своих руках Кутберт держал человеческую голову... Спасая святыни, монахи вместе с его мощами спрятали голову «святого» Освальда, короля Нортумбрии, погибшего в 642 г. Чудо было в том, что останки Освальда Кутберт взял в руки самостоятельно... Так их теперь и изображают.

Св. Кутберт

В заключение — одна из самых недавних попыток помуссировать тему кефалофоров. В Карачаево-Черкесии в 1887 году были убиты о. Феофилакт и послушник Лев Рязанов, отправленные из Зеленчукского монастыря за покупками. Впоследствии в монастырской трапезной была повешена картина местного мастера-иконописца — *«послушник и монах держали в руках свои головы, подобно изображению Иоанна Крестителя... напоминая братии о трезвении, о смертном часе»* (Долечек, С. 16).

Экскурс IV

РИТУАЛ «ЧОД»

«Затем вообрази, что это тело, которое является результатом твоих собственных кармических склонностей,

Является достаточно жирным, сочно выглядящим трупом³⁶⁹, гигантским (достаточно, чтобы охватить Вселенную),

Затем, (сказав:) «Пхат!», визуализируй сияющий Разум, который внутри тебя,

Как бы являющимся Гневной Богиней, стоящей в стороне (от твоего тела),

Имеющей одно лицо и две руки и держащей нож и череп,

Думай, что Она отрезает голову от трупа

И ставит его, как череп (подобный огромному котлу), на три черепа, поставленных подобно ногам треножника, охватывающего Три Области³⁷⁰,

И рассекает труп на кусочки, и бросает их внутрь этого черепа в качестве жертвоприношения Божествам»³⁷¹.

Для полноты картины стоит привести вариант описания этого обряда, сделанный уже в недавнее время: «Произнося ПХЭТ ещё раз, мы представляем, что наш ум, находящийся в сердце учителя, наполненном блаженством, проявляется как зелёная дакини действия с острым кривым ножом. Кружа в небе, как гриф, она делает три круга над нашим покинутым телом, затем опускается и рассекает его. Первый разрез — от головы до пупка, затем — от сердца до правой и левой ладони. И в конце — от пупка до правой и левой пятки.

³⁶⁹ Такая визуализация себя не должна шокировать, но наоборот, должна облегчать расставание с ложным «я» через внушение омерзения к нему, как к чему-то нечистому.

³⁷⁰ Т.е. всю Вселенную. Точно так же представляют себе устройство мира и шаманы Сибири: Верхний мир (Боги, белые духи) — Средний мир (люди) — Нижний мир (чёрные духи, духи болезней). Ср.: Правь (Светлые Боги) — Явь (люди) — Навь (Тёмные Боги).

³⁷¹ Доступный перевод грешит многими вольностями толкования, посему просьба к читающим: не быть к цитатам излишне взыскательными. Цит. по: Тибетская йога и тайные доктрины. Т. 2. — К.: Пресса Украины, 1993.

Затем дакини сдирает кровоточащую кожу, которая покрывает собой всю вселенную. Мы отчётливо представляем, что земля целиком покрыта кровью и кожей.

Затем над кожей возникает треножник из человеческих голов. Взмахом дигуга³⁷² дакини действия отсекает верхушку черепа, начиная от межбровья. Затем она ставит эту чашу из черепа (капалу) на огромный треножник. Сама капала становится такой огромной, что, кажется, может вместить целый океан.

Дакини помещает в эту капалу головной мозг, костный мозг из рук, ног и позвоночника, затем вливает кровь, гной и чистые жидкости. После того как эти субстанции помещены в капалу, под ней ярко вспыхивает огонь мудрости, и они начинают плавиться. Пока содержимое капалы кипит, дакини помешивает эту смесь острым ножом три раза по часовой стрелке³⁷³.

Дигуг

Комментарии излишни. Добавлю лишь следующее. Самое ценное в ритуале «Чод» — это момент переживания собственного усечения головы. Нужно суметь увидеть себя не со стороны, как картинку — словно не вы, а кто-то иной отрезает себе голову, и что-то

³⁷² Дигуг — тибетский ритуальный нож.

³⁷³ Кьябдже Сонг Ринпоче. Комментарий на практику Чод // Наставления в практике Чод. — Древний город: «Общество Сознания Смерти», 2010, С. 72–73.

там с ней колдует — нет! Именно, что **необходимо** поставить дело так, что это с вами происходит, что это делаете вы лично. Закрыв глаза надо почувствовать, как голова отделяется от тела, как разрывается связь, без боли, без страха и паники. Это же воображаемое действие, так что справитесь. Ощутите физически, как тяжело стало руке, держащей голову, и сколь полегчало плечам, лишившимся своего вечного груза. Вершина этого переживания — суметь видеть при этом глазами отрубленной головы. Увидеть руку, ухватившую голову за волосы, и обезглавленного себя, несущего голову к жертвеннику грозных Божеств. Дальнейшее — молчанье...

Мист, практикующий «Чод»

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Агавкина* — Агавкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. — М., 2002.
- Аздыл* — Аздовский М.К. Сказки Верхнепенского края. Часть первая. // Аздовский М.К. Восточносибирские сказки. — СПб., 2006.
- Аполлодор* — Аполлодор. Мифологические библотека. — Л.: Наука, 1972.
- Арта* — Туштугов А.А. «Кабы не Арта — не река...» Заметки о фольклоре и его сборе. — Архангельск, 2006.
- Армамас* — Сказки: В двух книгах. Народная поэзия Арзамасского края. — Арзамас: АПТИ, 2002.
- Артемидор* — Артемидор. Сонник. / Перевод М.Л. Гаспарова (кн. I в соавторстве, кн. II, гл. 20—70), И.А. Ленинской (кн. II, гл. 1—19, кн. IV), В.С. Зилитаненки (кн. I в соавторстве), Э.Г. Юнга (кн. III и V). Общ. ред. пер. Я.М. Боровского, Комментарии И.А. Ленинской. // Вестник древней истории. 1989. № 3 — 1991. № 3.
- Астасма* — Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи) / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Аф* — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3 томах. — М., 1957.
- Афанасьев 1–3* — Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. — М.: Индрик, 1994.
- Байбурын* — Байбурын А.К. Жилище в образах и представлениях восточных славян. — Л.: Наука, 1983.
- Байбурын 1* — Байбурын А.К. «Строительная жертва» и связанные с ней ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. — Л., 1979.
- Банфуря* — Банфуря: українські соромицькі пісні. — К.: Дніпро, 2001.
- Белазерне* — Духовная культура северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. — М., 1997.
- Бердьева* — Магия слова. Заговор. По материалам фольклорного архива Новгородского государственного университета. / Автор-сост. О.С. Бердьева. — Новгород: НовГУ, 2006.
- Бережович* — Бережович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. — М., 2007.
- Бондаренко* — Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии // Живая старина. Вып. I. — СПб., 1890.
- Буряк* — Народный быт Великого Севера, Т. I и II (воспроизведение издания 1898 г.). Составил А.Е. Буряк. — М., 2010.
- Буслав* — Буслав Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Том II. Дреннерусская народная литература и искусство. — СПб., 1861.
- Былины 1–5* — Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. Т. 1, 2. Былины Печоры. — СПб., М., 2001; Т. 3–5. Былины Мезени. — СПб., М., 2003, 2004, 2006.
- Бб* — Былочки и бывальщины. Сост. К. Шумов. — Пермь, 1991.
- ББВК* — Былочки и бывальщины Воронежского края. — Воронеж, 2009.
- БВВ* — Дай Божа знати, з ким вех векають. Беларуская народная варажба. — Мн., 2002.
- БНК* — Беларускія народныя казкі. — Мн., 1986.
- БНС* — Беларускія народныя соннікі. — Мн., 1986.
- Верещагин* — Верещагин Г.Е. Собрание сочинений. Том 4. Книга 2 (Русский фольклор). — Ижевск, 2002.
- Веселя* — Веселя (Українська народна творчість). У двох книгах. Кн. 1. — К., 1970.
- Веселов* — Веселов А. Заговоры, заклинания, обряды и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова: (Из истории мысли). Вып. I.— П.: Варшава, 1907.
- Виноградова* — Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000.
- Власова* — Власова М. Новая обвега русских суеверий. — СПб.: Северо-запад, 1995.
- Вологод* — Сказки и песни Вологодской области. — Вологда, 1955.
- Волы* — Срібні волі. Казки гір і підгір'я в записках Степана Пушкіна. — К.: Веселка, 1995.
- Воронеж* — Народные сказки Воронежской области. Современные записи. — Воронеж, 1977.
- Вороной* — Вороной О. Звичаї нашого народу. — К., «Оберіг», 1993.
- Востриков* — Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Этнодемографический словарь. Вып III. Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. — Екатеринбург, 2000.
- Востриков 1* — Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Этнодемографический словарь. Вып I. Народный календарь. — Екатеринбург, 2000.
- Востриков 5* — Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Этнодемографический словарь русских говоров Свердловской области. Выпуск 5. Магия и знахарство. Народная мифология. — Екатеринбург, 2000.
- Вятск* — Вятско-русские сказки Вятской губернии. Сборник Д.К. Зеленина. — СПб., 2002.
- ВФ* — Вятский фольклор. Мифология. — Котельнич, 1996.
- Гороховец* — Традиционная культура Г. Гороховецкого края. В двух томах. Т. 1. — М., 2004.
- Григорьев* — Архаические былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. — СПб.: Трота Троянова, 2002–2003.
- Гура* — Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. — М.: Индрик, 1997.
- ГК* — Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. — М.: Московский рабочий, 1991.
- Даль 1–2* — Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. — М.: Художественная литература, 1989.
- Днище* — Иванова Веч. Днище и правдоиспытание. — СПб.: Алтейя, 1994.
- Джагадьева* — Джагадьева. Волшебное сокровище словесий. — М., 1996.
- Дмитренко* — Народный сонник. Узоряд, записи, предьяво Миколай Дмитренко. — К., 2000.
- Добровольская* — Добровольская В.Е. Традиционные нормативы, связанные с народным календарем // Альманах «Традиционная культура», № 3, 2008.
- Добровольский* — Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Часть 1. — СПб., 1891.
- Долечек* — Долечек Л.Л. Наскальная икона в Архызском ущелье // Живая старина, № 1, 2002.
- Дб* — Дивандить братів. Закарпатські казки Андрія Казина. — Ужгород: Карпати, 1972.
- ДПФ* — Детский поэтический фольклор. Антология. — СПб.: Дмитрий Булдин, 1997.
- Дф* — Дітвічі фальклор. Збірник фальклорних матеріалів. — Мн., 2006.
- Ефименко* — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. Народная словесность. / Собр. П.С. Ефименко. — М., 1878.
- Ефименко МЗ* — Ефименко П.С. Сборник малороссийских заклинаний // ИОЛЕАЭ. т. 1. — М., 1874.

- Забывкин** — Забыкин И. «Травники» Олонечкая неделя. Петрозаводск. 1911. № 17.
- Забывкин** — Русский народ, его быт, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забыкин. Реорганизованное издание 1880 г. — М.: Книга прищипки, 1990.
- Загадки** — Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 2. — М.: Индрик, 1999.
- Загадки** — Митрофанов В. В. Русские народные загадки. — Л.: Наука, 1978.
- Загадки** — Загадки (Беларуская народная творчасць). Скл. М. Я. Гурский. — Мн., 1972.
- Законы** — Законы (Беларуская народная творчасць). — Мн., 2000.
- Законы 2009** — Законы. — Мн., 2009.
- Зачарованный** — Зачаровані казко. — Ужгород: Карпати, 1984.
- Звезды** — Звездин А. Проблема генезиса голговецкого Виа в мировой русистике: поиск синтетического решения.
- Зелени ВЭ** — Зелени Д. К. Восточнославянская этнография. — М., 1991.
- Зелени КВОР** — Зелени Д. К. К вопросу о русалках // Зелени Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. — М., 1994.
- Зелени ТД** — Зелени Д. К. Топемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Зелени Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1954. — М.: Индрик, 2004.
- Зелени ОРМ** — Зелени Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертию и русалки. — М., 1995.
- Зелени ПГ** — Зелени Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
- Зелени ОР** — Зелени Д. К. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества, вып. 1–3. Проблема генезиса голговецкого Виа в мировой русистике: поиск синтетического решения Пр., 1914–1916.
- Зелени СО** — Зелени Д. К. Русские народные обряды со старой обувью // Зелени Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. — М., 1994.
- Земляроботы** — Земляробчы календар: Абрады і тэчыні / Уклад., класіф., сістэм. матэрыялу і камент. А. І. Гурскага. — Мн., 1990.
- Золото вежи** — Золота вежа. Українські народні казки, легенди, причі, перекази, загадки та приповідки. — Ужгород, 1983.
- ЗКП** — Выноградова Л. Н. Зміянка календарна поезія західних і вісочних славян. — М.: Наука, 1982.
- Иванецкий** — Иванецкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. — М., 1890. (Известия общества любителей естественной, антропологии и этнографии, т. 69. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России, вып. II).
- Иванов** — Иванов Вяч. Духовн. и прадионисейство. — СПб.: Алетейя, 1994.
- Ивлева** — Ивлева Л. Ржевые в русской традиционной культуре. — Петербург, 1994.
- Ивлева 1** — Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней: Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой / Сост., подгот. и справ. аппарат В. Д. Кев; РИНИ. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.
- Ивлева 2** — Ивлева Л. М. Двухатрадно-игровой язык русского фольклора. — СПб., 1998.
- Ивлева 3** — Ивлева Л. М. Символизм одежды и вещей в ржевые // Мале города России. Культура. Традиции. — М., СПб., 1994.
- Иполитова** — Иполитова А. В. Русские рукописные травники XVII–XVIII веков. — М.: Индрик, 2008.
- Ирландия** — Предания и мифы средневековой Ирландии. — М.: МГУ, 1991.
- Истрин** — Истрин В. М. Александрия русских хронографов. — М., 1893.
- Карабичев** — Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. — М.: Художественная литература, 1987.
- Кари** — Карнаухова Н. В. Сказки и предания Северного края. — СПб., 2006.
- Касина** — Касина М. М. Обряд Адама и Евы в народной культуре Каргополя // Живая старина, 2002, № 3.
- Кисели** — Кисели Д. Образы божественной женственности в тантре. Десять махандий. — СПб.: Академия, 2007.
- Китредж** — Китредж Дж. Л. Колдовство в Средние века. — СПб.: Азбука-классика, 2005.
- Киреевский** — Собрания народных песен П. В. Киреевского. Т. 2. — Л., 1886.
- Кимельович** — Заговоры из рукописи Г. Д. Книголюбова // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. — М.: Ладомир, 2002.
- Ковалева** — Сказки И. Ф. Ковалева. (Летописи Государственного Литературного Музея). — М., 1941.
- Колосова** — Колосова В. В. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. — М.: Индрик, 2009.
- Колосова 1** — Колосова В. В. Антропомымы в славянской фитоимике // Антропологический форум. № 9, 2008.
- Кольберг** — Кольберг О. Казки Покуття. — Ужгород, 1991.
- Конвалова** — Коновалова И. И. Словарь народных названий растений Урала. — Екатеринбург, 2000.
- Костомаров** — Памятники старины русской литературы. Изд. Г. Кушелевым — Безбородко. Под редакцией И. Костомарова. Вып. II, 1880.
- Корнина** — Корнина Ж. Проводы в армяно в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. — М., 2005.
- Королькова** — Русские народные сказки. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. И. Корольковой. — М.: Наука, 1969.
- Костина** — Костина В. И. Русская свадьба. По материалам, собранным во Владимирской области (губернии). — Владимир: Каледэксон, 1997.
- Криничная** — Криничная Н. А. Северные предания (Беломорско-Обонезский регион). — Л., 1978.
- Криничная 1** — Криничная Н. А. Предания Русского Севера. — СПб., 1991.
- Кровь** — Кровь в верованиях и суевериях человечества. Сборник. Сост. и примеч. Бойков В. Ф. — СПб.: София, 1995.
- Кудебские** — Кудебские былички. Мифологические рассказы русских Кудебского района Пермской области в конце XIX – XX вв.: сборник фольклорных материалов. — Пермь, 2004.
- Кудебские праздники** — Черных А. В. Кудебские праздники: Календарная обрядность русских Кудебского района Пермской области в конце XIX – первой половине XX в. — Пермь, 2003.
- Кузнецов** — Кузнецов С. К. Погребальные маски, их употребление и значение. — Казань, 1906.
- Кузьмичевский** — Кузьмичевский П. Шолудивый бундук в украинских народных сказаниях. // Киевская старина, 1887, № 8, № 10.
- Курч** — Сказки Курляндии. Записи 1925–1942 годов. — СПб., 2007.
- Кухаронок** — Кухаронок Т. І. Маскі ў календарнай абрадацы беларусаў. — Мн.: Ураджай, 2001.
- КБ** — Казки Буковины. — Ужгород: Карпати, 1973.
- КД** — Сборник Кириш Данилова. Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977.

- КВСО 1. КВСО 2* — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. По этнографии. Т. 1. Вып. 1. Русские сказки и песни в Сибири (1902). Вып. 2. Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний (1906). // Русские сказки и песни в Сибири. — СПб., 2000.
- КВ* — Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX—XX вв.). — М.: Индрик, 2004.
- КОЕ (ЛО. В. II)* — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. Конец XIX — начало XX в. — М.: Наука, 1978; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. Конец XIX — начало XX в. — М.: Наука, 1977; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. Конец XIX — начало XX в. — М.: Наука, 1983.
- КОС* — Казки одного села. — Ужгород: Карпати, 1979.
- КП* — Казки Підгір'я. — Ужгород: Карпати, 1976.
- КС* — Р.Л.Н. К рассказам о шелудинном Буяке // Киевская Старина 1891.
- Лашенко* — Лашенко С.К. Записки селом. Опыт восстановления языческих ритуальных традиций восточных славян. — М.: Ладомир, 2006.
- Левкивская* — Левкивская Е.Е. К вопросу об одной мистификации, или Гоголевский Вий при свете украинской мифологии // Миф в культуре: человек — не человек. — М.: Индрик, 2000.
- Легенды* — Народные русские легенды А.Н. Афанасьева. — Новосибирск: Наука, 1990.
- Лобкова* — Лобкова Г. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Логвинский* — Логвинский Г. Религия славян и ее упадок (VI—XI вв.). — СПб.: Академический проект, 2003.
- Логвинов* — Логвинов К.К. Этнологогическая группа русских Водочерыя. — М.: Наука, 2006.
- Логвинов I* — Логвинов К.К. Магические практики в поселке Водла Пудожского района Карелии и заговоры знахарки Исаевой // Традиционная культура, № 1, 2009.
- Лукин* — Марк Аней Лукин. Фарсалли или поэма о гражданской войне. — М., 1993.
- Любимова* — Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX — начало XX века. — Новосибирск, 2004.
- ЛЮЗ* — Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80—х годов XVIII века. — СПб., 2001.
- Майбинович* — Майбинович. Легенды средневекового Уэльса. // Пер. с валлийского В. Эралимина. — М.: Агроф, 2002.
- Малай* — Сказки и предания Малайя. — Улан-Удэ, 1968.
- Майков* — Майков Л.Н. Великорусские заклинания. — СПб.: Европейский дом, 1996.
- Макашина* — Макашина Т.С. Свадебный обряд русского населения Латгалии // Русский народный свадебный обряд. — Л., 1978.
- Максимов* — Максимов С.В. Нечистая, неизвестная и крестная сила. — СПб.: ТОО «ЮЛИСЕТ», 1994.
- Мансика* — Мансика В.Й. Религия восточных славян. — М.: ИМЛИ РАН, 2005.
- Менделсон* — Менделсон Н.М. К поверьям о св. Касьяне // Этнографическое обозрение. 1897, № 1.
- Момта* — Момта У. Звичай та обряди українських пасічників Карпат і Прикарпаття. — Львів, 2006.
- Морохин 78* — Сказки родного края. Составитель В.Н. Морохин. — Горький, 1978.
- Морохин 90* — Жили-были сказки края. Сказки родного края. Составитель В.Н. Морохин. — Нижний Новгород, 1990.
- Морохин 94* — В некотором царстве. Сказки родного края. Составитель В.Н. Морохин. — Нижний Новгород: Форя, 1994.
- Мухомылин* — Мухомылин М.А. Детская игра «Комната страха» // Мир детства и традиционная культура. Вып. 2. — М., 1996.
- Наумченко* — Наумченко Г.М. Этнография детства. — М.: Беловодье, 1998.
- Нижегородские* — Нижегородские сказки. — Нижний Новгород, 1992.
- Никитина* — Никитина Н.А. К вопросу о русских колдунах // Русское колдовство, ведовство, знахарство. Сборник. — СПб.: Литера, 1994.
- Никофорова* — Севернорусские сказки в записках А.И. Никофорова. — М., Л., 1961.
- Новичкова* — Новичкова Г.А. Эпос и миф. — СПб., 2001.
- Новые поступления* — Новые поступления в фольклорный архив кафедры русской литературы Горьковского Университета (1976—1982 гг.). Календарные обряды. Ч. 1. — Горький, 1982.
- Номис* — Номис М. Українські провазки, прислів'я і таке інше. Збірники О.В. Марковича та інших. — К.: Либідь, 2004.
- Нова* — Нова Панополитанский Деянтя Двоица. — СПб.: Алетейя, 1997.
- НаВ* — Народная библия. — М.: Индрик, 2004.
- НВ* — Новгородские былины (Литературные памятники). — М., 1978.
- Озар* — Озаровская О.Э. Патристиче. — СПб., 2000.
- Овчех Нейло* — Неизданные сказки из собрания Н.Е. Овчухова (тавдинские, шовшолтерские и самарские сказки). — СПб., 2000.
- Опришки* — Ходяки опришки. Сборник. — Ужгород: Карпати, 1983.
- Отреченные* — Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. — М.: Индрик, 2002.
- ОФФ* — Обряды и обрядный фольклор (Фольклорные сокровища Московской земли). — М.: Наследие, 1997.
- Орех* — Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. — СПб., 1997.
- Плутарх* — Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2-х т. — М.: Правда, 1987. — Т. 1.
- По жетам* — По жетам старилы. Альманах «Русская традиционная культура». 1997, № 2.
- Поволжье* — Традиционные обряды и обрядный фольклор русских Поволжья. — Л.: Наука, 1985.
- Поволжье I* — Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья. — СПб.: Тропа Троянова, 2007.
- Победитель* — Победитель ямев. 15 сказок в записях А.И. Никофорова. — М., 2009.
- Погудка* — Старая погудка на новый лад. Русская сказка в изданиях конца XVIII века. — СПб., 2003.
- Полесские* — Полесские заговоры (в записях 1970—1990-х гг.). — М.: Индрик, 2003.
- Поморье* — Русские народные сказки Карельского Поморья. — Петрозаводск, 1974.
- Попов* — Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина // Торн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. — М.: Литера, 1996.
- Попов Р* — Попов Р. Осенние женские жертвоприношения у русских и болгар // Символ и культура. Памяти Николая Ильича Толстого. Том 2. — М.: Индрик, 1998.
- Попов 2009* — Попов Р. Родственные отношения святых в календарной традиции болгар // Категория родства в языке и культуре. — М.: Индрик, 2009.
- Потебня* — Потебня А.А. Слово и миф. — М.: Правда, 1989.
- Потвини* — Народная поэзия Горьковской области. Выпуск первый. Составитель и редактор В. Потвини. — Горький, 1960.

- Похищение — Похищение быка из Кулевне. — М.: Наука, 1985.
- Приподы — Приподыды або українсько-народна філософія. Збірка підготував до друку та опублікував Володимир С Пляжов. Т. 1. — Edmonton (Canada), 1998.
- Проклещ — Проклещ О.Н. Традиционная культура Тульского края («Русская традиционная культура», Вып. 5). — М.: Родник, 1998.
- Пропи — Пропи В.Я. Русские аграрные традиции. — М.: Лабиринт, 2000.
- Прыжовы — Прыжов И. 26 московских пророков, вородных, дур и дураков. СПб., 1996.
- Прывяеты — Прывяеты і павер'і Гомельшчыны. — Гомель, 2007.
- Пуцож — Русские народные сказки Пуцожского края. — Петрозаводск: Карелия, 1982.
- Пуця — Сказки и легенды Пушкинских мест. — СПб., 2004.
- Пушкарев — Пушкарев Л.И. Сказка о Ерусалиме Лазаревиче. М.: Наука, 1980.
- Пышутыны — Пышутыны. Традиционный фольклор Пышутского района Костромской области. — Пышуг, 2001.
- ПНС — Польские народные сказки. — Л.: Художественная литература, 1980.
- ПРС — Кришчач Н.А. Предания Русского Севера. — СПб., 1991.
- Райан — Райан В.Ф. Быки в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. — М., 2006.
- Ровинский 1. 5 — Ровинский Д.А. Народные русские карточки. Т. 1, V. — СПб., 1881.
- Робинсы — Робинсы Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. — М.: Локнд. Мир, 1996.
- Родинона — Родинона И.В. Библиейские мотивы в народных названиях растений. // Жизнь старина, 2002. № 2.
- Родинона 1 — Родинона И.В. Дериваты библиейских антропонимов в народной языковой традиции // Вопросы ономастики. № 1, 2004.
- Рудыненя 1–2 — Народные южнорусские сказки. Издал Н. Рудченко. Вып. 1–II. — Киев, 1869–1870.
- Русалона — Русалона И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. — М., 1993.
- РУСС — Русские героические сказки Сибири. — Новосибирск: Наука, 1980.
- РДС — Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т.А. Новичкова. — СПб., 1995.
- РГЗ — Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. — М., 1998.
- РК — Русские заговоры Карелии. — Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 2000.
- РРН — Русские сказки из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. — М.: Индрик, 2010.
- РКОФ — Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1997.
- РН — Рождественская ночь. Сказки, былички, заговоры. — Иркутск, 1994.
- РПЛ — Русские простонародные легенды и рассказы. Сборник 1861. — Новосибирск: Наука, 2005.
- РПШ — Русские пословицы и поговорки. Под ред. В.П. Аникина. — М.: Художественная литература, 1988.
- РСЗ — Русские сказки Забайкалья. — Иркутск, 1989.
- РСС — Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные и о животных. — Новосибирск, 1993.
- РПН — Рукописная религиозная проза Нижегородского края. — Нижний Новгород, 2008.
- РЭФ — Русский эротический фольклор. — М.: Ладмир, 1995.
- Савушкова — Русские заговоры. Сост. Савушкова Н.И. — М.: Пресса, 1993.
- Сав — Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д.Н. Садонниковым. — СПб., 2003.
- Савушкова — Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Сост. Д.Н. Садонников. — М.: Теря, 1996.
- Самара — Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д.Н. Садонниковым. — СПб., 2003.
- Самодолова 1993 — Самодолова Е.А. Рязанская свадьба. — Рязань, 1993.
- Самодолова 1996 — Самодолова Е.А. Жанр приговора (предсказания) и проблема игры в свадьбе. // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Сб. научных трудов. Вып. 7. — М., 1996.
- Самолетские — Самолетские простонародные сказки по травникам // Олонечные губернские ведомости. 1884. № 41.
- Сазары — Русские народные сказки. Сборники Б. Бринцидана и И. Сахарова. — СПб., 2007.
- Сазаров Сказаны — Сказаны русского народа, собранные И.П. Сахаровым. — М.: Художественная литература, 1989.
- Светилова — Светилова Т.Н. Оборотничество у русских и румын: болгарої / Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Том 2. — М.: Индрик, 1998.
- Седкова — Седкова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. — М.: Индрик, 2007.
- Седов — Седов Н.В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // КСИИМК. Вып. 68. 1957.
- Сергиевы — Сергиев М. Сварог. — М.: Яуза, Эксмо, 2004.
- Скопинцева — Скопинцева Т. Светочные обряды и развлечения казиков Оренбуржья // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 8. — М.: ГРИФ, 1998.
- Смех — Длхачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. — М.: Наука, 1984.
- Смирнов — Великоорусские сказки архива Русского Географического Общества. Сборник А.М. Смирнова. В 2-х книгах. — СПб., 2003.
- Сокотова — Сокотова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. — М.: Наука, 1979.
- Соломон — Сказки и песни Белогорского края. Сборник Б. и Ю. Соломоных: В 2-х кн. — СПб., 1999.
- Срезневский — Исследования о языческом богослужении древних славян. И. Срезневского. — СПб., 1848.
- Стихи духовные — Стихи духовные. — М., 1991.
- Сумцов — Сумцов Н. Личные обереги от глаза // Тайна нечистой силы. — Харьков, 1997.
- СВ — Срібний волоськ. Катки. Записав в упорядкован М. Буджак. — Івано-Франківськ, 1993.
- СД 1–4 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией И.И. Толстого. Том 1 (А–Г). — М.: Международные отношения, 1995; Том 2 (Д–К). — М.: Международные отношения, 1999; Том 3 (К–П). — М.: Международные отношения, 2004.
- Сиб — Русские народные сказки Сибири о богатых. — Новосибирск: Наука, 1979.
- Сиб — Русские волшебные сказки Сибири. — Новосибирск: Наука, 1981.
- Сиб — Русские народные сказки Сибири о чудесном коне. — Новосибирск: Наука, 1984.
- СМ — Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М., 1995.
- СОВД — Семейные обряды Владимирской деревни. Часть 1. — Владимир, 1995.
- СПШ — Словарь исконных пословиц и поговорок / Составители В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. — СПб., 2001.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1 (А). — М., 1965.
- СФ — Славянский фольклор. Тексты. — М.: Изд-во МГУ, 1987.

- Терск — Сказки Терского берега Белого моря. — Л., 1970.
- Тилов — Тилов В. Страшные сказки, рассказанные дедом Егором, крестьянином бывшего Чердынского уезда Пермской губернии. — М.: Белые аламы, 2000.
- Ткаченко — Ткаченко С.А. Дом в запретах и приметах донских казаков // Живая старина, № 2, 2006.
- Толстой БСО — Толстой Н.И. Балканско-славянские обряды: структура и география // Толстой Н.И. Язык и народная культура. — М.: Индрик, 1995.
- Толстой 2003 — Толстой Н.И. Вызывание дождя в Полесье // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. — М.: Индрик, 2003.
- ТЭС — Три золоты слова. — Ужгород, 1968.
- ТКУ — Традиционная культура Урала. Этнодемографический словарь русских говоров Свердловской области. Выпуск 5. Магия и шаманизм. Народная мифология. — Екатеринбург, 2000.
- ТРМ — Традиционная русская магия в записках конца XX века. — СПб., 1993.
- Уланшадды — Уланшадды. В 3-х книгах. Книга 1. — М.: Ладомир, 1992.
- Усачева — Усачева В.В. Движение как компонент славянского народного врачевания // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Том 2. — М.: Индрик, 1998.
- Устюг — Календарные обряды и фольклор Устюжского района. — Вологда, 2004.
- УС — Уральские сказки. — Свердловск, 2002.
- Филострат — Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. — М.: Наука, 1985.
- Фишцицкий — Таємниця скляної гори. Закарпатські народні казки, зібрані М. Фишцицьким. — Ужгород: Карпати, 1974.
- Фрэнчер — Фрэнчер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. — М.: АСТ, 1998.
- ФКГ' — Фольклор Калужской губернии в записках и публикациях XIX — начала XX века. Выпуск 1. — М.: Родник, 1997.
- ФКГ' 2 — Фольклор Калужской губернии в записках и публикациях XIX — начала XX вв. Выпуск 2. Необрядовая поэзия. — М.: Родник, 1998.
- ФРГФ — Фрагменты ранних греческих философов. Издание подготовил А.В. Лебедев. — М., 1989.
- ФРНП — Фольклор русского населения Прибалтики. — М., 1976.
- Харламов — Харламов М. Суеврия, поверья, приметы, заговоры, собранные в г. Ейске // СМОМПК. — Тифлис, 1901. Вып. 29.
- Худ — Худяков И.А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. — СПб., 2001.
- Часовникова — Часовникова А.В. Христианские образы растительного мира в народной культуре. Петров крест. Адамова голова. Святая верба. — М.: Индрик, 2003.
- Черных — Русские народные сказки Пермского края. Сост. А.В. Черных. — Пермь, 2004.
- Чубинский 1 — Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Т. 1. — СПб., 1877.
- Чубинский 2 — Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Т. 2. — СПб., 1878.
- Чулков — Чулков М. Словарь русских суеверий. — М., 1782.
- ЧНС — Чешские народные сказки (из сборников Кульды и Кубина). — М., 1956.
- ЧСТ, 1, 2 — Чардзейевы казки: У 2-х ч. (ВНТ). Ч. 1. Мн.: Бел. навука, 2003; Ч. 2. — Мн.: Наўка і тэхніка, 1978.
- Шиндин — Шиндин С.Г. Семантическая трансформация архаической ритуальной практики в восточнославянских заговорах // Концепт движения в языке и культуре. — М.: Индрик, 1996.
- ШЭС — Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. — Рязань, 2001.
- Эрленвейн — Народные сказки, собранные сельскими учителями. Сборник А.А. Эрленвейна; Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. Сборник Е.А. Чудинского. — СПб., 2005.
- ЭС — Энциклопедия суеверий. — М.: Локид, Мнф, 1997.
- Юдина — Юдина А.В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. — М.: МОИФ, 1997.

Влх. Богумил
Кровавые жертвоприношения у славян:
Разоблачение мифа
(твердый переплет 832 стр.)

«О жертвоприношениях в дохристианской Руси известно очень мало» (Липец, С. 220).

Именно эти слова я хотел бы сделать эпиграфом к своей работе. Чтобы всякий, с уверенностью в голосе заявляющий о существовании у славян кровавых жертвоприношений, непременно об эту фразу спотыкался и несколько бы свою уверенность терял. Мало известно, очень мало. Абсолютно недостаточно для глобальных выводов, которыми буквально захламлены научные работы, касающиеся данной темы.

Влх. Богумил
Потусторонний мир славян
Исследование и путеводитель
(твердый переплет 720 стр.)

В середине 90-х мне запала мысль написать книгу, обобщающую знания предков о сне. Сон — некая тайна, которая долго владела мной, и просилась на бумагу. Тем паче, теория магии сна неумолимо перешла в практику... В книге должно было быть три части. Первая — посвященная некой сумме метафизики сна, его обрядности, мифологии, практике. Ее предполагалось назвать «Сносудец». Вторая — должна была стать логманом в мире снов для практиков-сновидцев. Третья часть планировалась сугубо практической — ею стал собранный по множеству фольклорных источников народный сонник, без всяких посторонних и неоправданных примесей. Получался этакий вполне законченный триптих.

Цель была поставлена. Книга пошла в работу. Но... Тема оказалась слишком уж велика. И затянулась на долгие 13 лет. Итог: третья часть книги уже выдержала два переиздания, как самостоятельная книга. Вторая часть, авторское название которой было «География Того Света», сейчас у вас в руках, читатель. И трудно ее считать частью чего-то. А первая так и осталась в рукописных еще черновиках, и выйдет ли когда-нибудь вообще, трудно сказать. Дадут-то Боги

ОСНОВАНО В 1997 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЕЛИГОР

PUBLISHING HOUSE "VELIGOR"

КАК НАС НАЙТИ

г. Москва, м. Партизанская, Окружной проезд, д.12,
подъезд 1, домофон 20.

тел: 8(499) 166-98-30 8(985) 784-08-16 с 11-18 часов

E-mail: veligor97@gmail.com

Интернет-магазин-WWW.VELIGOR.RU

Наши книги в Украине: Книготорговая фирма «Библос»

г. Киев, тел: 8 (1038044) 599-26-18 599-77-36

Интернет-магазин www.ezop.ua

**В помещении издательства имеется оптово-розничный склад
(более 1500 наименований книг).**

Оптовикам - гибкая система скидок.

Прайс можете получить по электронной почте.

Отсылка, доставка к месту отправления.

**ПРИГЛАШАЕМ НОВЫХ И ИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ
К СОТРУДНИЧЕСТВУ**

— ВЛХ. БОГУМИЛ —

МАГИЯ МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ

Перед вами в некотором роде магическое эссе или, если угодно, волховская книга. По идее, она должна приоткрыть завесу тайны над заявленным предметом, послужить источником знаний для ищущего.

Эту задачу книга, на мой взгляд, вполне выполняет. Исследование, обучающее автора и читателя — такова задумка. Но быть источником и учить — это не всегда одно и то же.

Надеюсь, найдутся и те, кто смогут извлечь из данной работы и эту вторую пользу.

"Издательство "ВЕЛИГОР"

WWW.VELIGOR.RU E-mail: veligor97@gmail.com